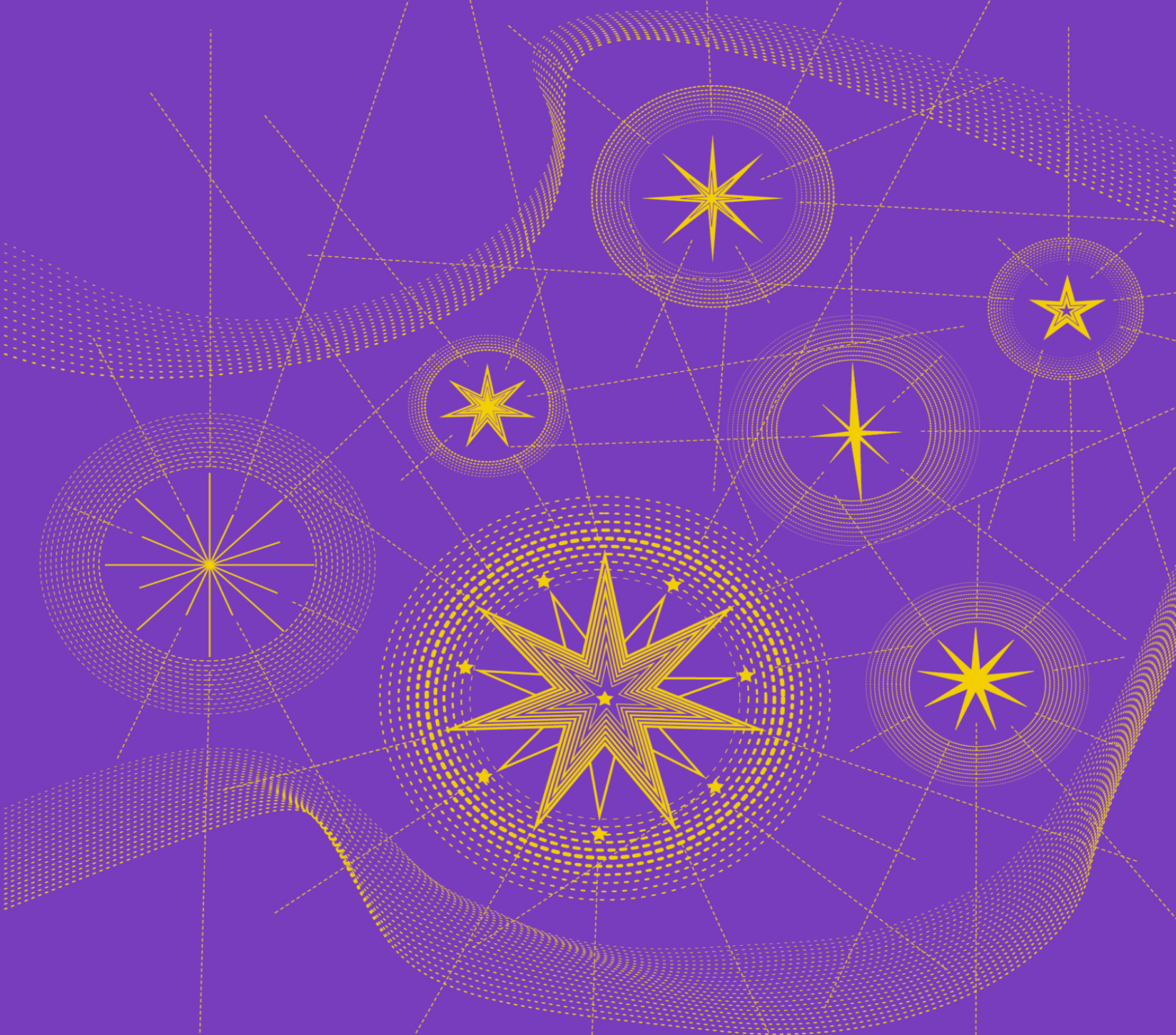

Люсинда Райм

Удивительное путешествие начинается прямо сейчас

СЕМЬ СЕСТЕР

★ ПОТЕРЯННАЯ СЕСТРА ★

Annotation

Седьмая книга знаменитого цикла «Семь сестер».

Это история последней, "потерянной", сестры Деплеси. Загадка, которая так долго оставалась без ответа!

Благодаря завещанию приемного отца Па Солта каждая из шести сестер Деплеси смогла отправиться в уникальное путешествие на земли предков и узнать тайну своего рождения.

Но один вопрос по-прежнему остается без ответа. Кем является их потерянная седьмая сестра, которую так и не удочерил Па Солт? Где ее искать?

У сестер Деплеси есть лишь одна подсказка – кольцо с семью изумрудами.

Из Новой Зеландии в Канаду, Францию и Ирландию – храбрые женщины семьи Деплеси вновь отправляются в путь.

Перед ними откроется удивительная история любви и самопожертвования, начало которой было положено почти век назад.

Добро пожаловать в красочный подзвездный мир сестер Деплеси.

-
- [Люсинда Райли](#)
 -
 - [Мэри-Кэт](#)
 - [Мерри](#)
 - [Нуала](#)
 - [Мерри](#)
 - [Мерри](#)
 - [Мерри](#)
 - [Мерри](#)
 - [Амброз и Джеймс](#)
 - [Мерри](#)
 - [Нуала](#)
 - [Мерри](#)
 - [Авторское примечание](#)
 - [Библиография](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
-

Люсинда Райли

Семь сестер. Потерянная сестра

Для Гарри

Мужество – это знание того, чего не стоит бояться.

Приписывается Платону

Lucinda Riley
THE MISSING SISTER
Copyright © Lucinda Riley, 2021

* * *

Перевод с английского *Кирилла Савельева*

© Савельев К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт – приемный отец сестер (умер)

Марина (Ма) – гувернантка сестер

Клавдия – экономка в Атлантисе

Георг Гофман – нотариус Па Солта

Кристиан – шкипер

Сестры Деллеси

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

Тигги (Тайгета)

Электра

Меропа (отсутствует)

Мэри-Кэт

Гиббстон-Вэлли, Новая Зеландия Июнь 2008

1

Я точно помню, где была и что делала, когда увидела смерть отца. Я стояла почти там же, где и сейчас, перегнувшись через перила деревянной веранды вокруг нашего дома и наблюдая за сборщиками винограда, которые продвигались между аккуратными рядами виноградной лозы, обремененной гроздьями нынешнего урожая. Я уже собиралась спуститься с крыльца и присоединиться к ним, когда краешком глаза заметила, что человек-гора, мой отец, внезапно исчез из виду. Сначала я подумала, что он опустился на колени, чтобы поднять упавшую гроздь, – он приписывал свое отвращение к любому расточительству пресвитерианскому^[1] образу мыслей своих родителей, – но потом увидела, как сборщики из соседних рядов устремились к нему. От веранды до того места было не менее трехсот метров, и, когда я добежала до него, кто-то уже разорвал рубашку на его груди и пытался делать непрямой массаж сердца с искусственным дыханием, а другой звонил по номеру 111. «Скорая помощь» приехала через двадцать минут.

Когда отца положили на носилки, по восковым чертам его застывшего лица я поняла, что больше никогда не услышу звучный голос, исполненный глубокого достоинства, который в следующее мгновение мог обернуться добродушным смешком. По моим щекам струились слезы, я поцеловала отца в обветренную жесткую щеку, прошептала слова любви и простилась с ним. Весь этот ужас казался нереальным – такой стремительный переход от полнокровной жизни к безжизненному телу было невозможно осознать и принять.

После нескольких месяцев болей в груди, которые он выдавал за последствия несварения желудка, отца наконец удалось убедить в необходимости посетить врача. Ему сказали про высокий уровень холестерина и необходимость соблюдения жесткой диеты. Мы с

матерью приходили в отчаяние, а он продолжал поглощать еду в прежних количествах и каждый вечер выпивал за ужином бутылку красного вина собственного изготовления. И все равно мы не были готовы к тому, что произошло. Наверное, мы считали его несокрушимым, принимая во внимание его жизнерадостность и дружелюбие, но, по мрачному замечанию матери, каждый из нас состоит из плоти и костей. По крайней мере, он до самого конца жил так, как хотел. Кроме того, ему было семьдесят три года, хотя я просто не могла осознать этот факт, глядя на его физическую силу и юношеский задор.

В итоге я чувствовала себя обманутой. В конце концов, мне было лишь двадцать два года, и, хотя я знала, что была поздним ребенком, смысл этого обстоятельства дошел до меня только после смерти отца. В течение нескольких месяцев после его утраты я гневалась на несправедливость: ну *почему* я не родилась раньше? Мой старший брат Джек, которому было тридцать два, на целых десять лет дольше общался с отцом.

Мама явственно ощущала мою обиду, хотя я никогда не вызывала ее на откровенный разговор. А потом я почувствовала себя виноватой, потому что мама, в конце концов, ни в чем не была виновата. Я очень любила ее; мы всегда были близки, и я знала, что она тоже горюет. Мы старались утешать друг друга, и каким-то образом нам это удавалось.

Джек тоже проявил себя наилучшим образом, разбираясь со всеми скучнейшими бюрократическими последствиями смерти отца. Он также должен был возглавить винодельню – совместный бизнес наших родителей, – но отец хотя бы подготовил его к этой задаче.

С тех пор как Джек научился ходить, отец посвящал его в ежегодный цикл ухода за своими бесценными виноградными лозами, которые с февраля до апреля (в зависимости от погоды) приносили урожай, собираемый, перерабатываемый и в итоге превращавшийся в прекрасное вино «Пино Нуар», недавно удостоенное международных премий. Бутылки этого вина сейчас лежали на складе, готовые к распространению по всей Новой Зеландии и Австралии. Отец посвящал Джека в каждый этап этого процесса, а когда Джеку исполнилось двенадцать лет, он уже мог бы стать управляющим производственного процесса.

В шестнадцать лет Джек официально заявил о своем желании стать партнером отца и однажды возглавить винодельню, что безмерно порадовало моего родителя. Джек поступил в школу бизнеса при университете, а потом стал постоянно работать в винограднике.

– Нет ничего лучше, чем передать дела компетентному наследнику! – провозгласил отец несколько лет назад, после того как Джек прошел полугодовую стажировку в холмах Аделаиды в Австралии и его сочли готовым для ведения бизнеса. – Может быть, однажды ты тоже присоединишься к нам, Мэри-Кэт. Пью за то, чтобы виноделы из Макдугалов столетиями жили на этой земле!

Если Джек увлекся отцовской мечтой, со мной произошло нечто противоположное. Джек был одержим возможностью изготовления прекрасного вина; помимо отменного вкуса и способности моментально различать необычные лозы, он был превосходным бизнесменом. С другой стороны, я с раннего детства до юности наблюдала, как они с отцом патрулируют виноградники и работают в помещении, которое они любовно называли лабораторией (хотя на самом деле это был просто большой сарай с жестяной крышей), но меня привлекали другие вещи. Я рассматривала отцовскую винодельню как отдельную сущность, не имевшую отношения ко мне и к моему будущему. Это не мешало мне работать в нашем маленьком винном магазине во время школьных и университетских каникул, но вино просто не было моей страстью. Хотя папа расстроился, когда я сказала, что хочу изучать музыку, ему хватило здравомыслия, чтобы понять меня.

– Вот и хорошо, – сказал он и обнял меня. – Музыка – это целый мир, Мэри-Кэт. Какую ее часть ты рассматриваешь для будущей карьеры?

Я застенчиво призналась, что хочу быть певицей и писать собственные песни.

– Ну, это чудесная мечта. Пожелаю удачи и скажу, что мы с мамой будем всячески поддерживать тебя, да?

– Думаю, это замечательно, Мэри-Кэт, – сказала мама. – Музыкальное самовыражение, особенно пение, – это волшебство.

Так я стала изучать музыку в Университете Веллингтона, предлагавшем уровень мирового класса, и ни разу не пожалела об этом. Было потрясающе иметь студию звукозаписи, оборудованную по

последнему слову техники, и находиться рядом с другими студентами, разделявшими мое рвение. Я организовала дуэт со своим замечательным другом Флетчем, который играл на ритм-гитаре и имел певческий голос, хорошо гармонировавший с моим. Мы время от времени играли и пели в Веллингтоне, а в прошлом году выступили на выпускном концерте, где мои родные впервые смогли услышать, как я пою и играю.

– Я так горжусь тобой, доченька, – сказал отец и заключил меня в объятия. Это был один из лучших моментов в моей жизни.

– Ну вот, теперь я дипломированный музыкант и все равно живу посреди виноградников.

– Скажи, Мэри-Кэт, ты правда думала, что звукозаписывающая компания «Сони» будет умолять тебя о контракте?

Окончив в прошлом году университет, я постепенно впадала в уныние насчет перспектив моей будущей карьеры, а смерть отца стала тяжким ударом по моим творческим планам. Казалось, я одновременно потеряла две большие любви, поскольку одна была нерасторжимо связана с другой. Отцовская любовь к певицам, которые сами писали музыку и стихи для своих песен, впервые зародила во мне страсть к музыке. Я выросла, слушая Джони Митчелл, Джоан Баэз и Аланис Морисетт^[2].

Последние месяцы в Веллингтоне заставили меня осознать, насколько счастливым и защищенным было мое детство, проведенное в Эдемском саду Гиббстон-Вэлли. Горы, которые поднимались вокруг, создавали уютный барьер, а плодородная земля в изобилии дарила сочные фрукты.

Помню, как Джек мальчишкой соблазнил меня полакомиться диким крыжовником, растущим в колючих кустах за домом, и как он смеялся, когда я плевалась этой кислятиной. Тогда я бродила где хотела, без присмотра родителей; они знали, что мне ничего не угрожает в этой цветущей долине. Я играла в прохладных чистых ручьях и гонялась за кроликами в густой траве. Пока мои родители работали в винограднике и занимались всем – от посадки лозы и защиты от сорняков до сбора и отжима винограда, – я жила в своем собственном мире.

Проплывающее облако вдруг затмило яркое утреннее солнце, и долина окрасилась в более темный, серовато-зеленый оттенок. Это

было напоминание о скорой зиме, и я уже не впервые задумалась, правильным ли было мое решение переждать ее здесь. Два месяца назад мама впервые упомянула о своей идее «Гран-тура» по всему свету, чтобы посетить друзей, с которыми она не встречалась много лет. Она спросила, хочу ли я присоединиться к ней. В то время я еще надеялась, что деморолик, который я записала с Флетчем и разослала в звукозаписывающие компании незадолго до смерти отца, привлечет определенный интерес. Но полученные ответы с любезными замечаниями, что наша музыка «не совсем то, что представляет интерес в данный момент», продолжали копиться на полке в моей спальне.

– Дорогая, мне не нужно тебе рассказывать, как трудно найти лазейку в музыкальный бизнес и остаться там, – сказала мама.

– Поэтому я думаю, что должна остаться, – ответила я. – Мы с Флетчем работаем над новыми вещами. Я просто не могу сбежать с корабля.

– Конечно не можешь. Но у тебя хотя бы есть винодельня, если все обернется не так хорошо, как ты думаешь.

Я понимала, что она желала мне только добра и что я должна быть благодарна за деньги от продаж в винном магазине и за свою работу в бухгалтерии. Но теперь, когда я смотрела на наш Эдемский сад, то тяжело вздыхала, поскольку мысль остаться здесь до конца моей жизни, пусть даже самой безопасной и безмятежной, совсем не привлекала меня. Все изменилось с тех пор, как я поступила в университет, и особенно после папиной смерти. Мне казалось, что сердце этого места перестало биться вместе с его уходом. Не помогала и мысль о том, что Джек – который еще до смерти отца согласился провести лето на винограднике в долине Роны во Франции, – в итоге решил присоединиться к маме в ее поездке.

– Теперь будущее нашего дела находится в руках Джека, и ему нужно как можно больше учиться, – сказала мама. – Дуг будет управлять виноградуном, а кроме того, сейчас наступает тихий сезон, и это лучшее время для нашего отъезда вместе с Джеком.

Поскольку мама с Джеком вчера отправились в свой «Гран-тур», я чувствовала себя крайне одинокой и опасалась депрессии. «Мне тебя не хватает, папа», – прошептала я, когда вошла в дом, чтобы перекусить, хотя и не хотела есть. Безмолвная пустота внутри была

особенно тягостной. Во времена моего детства у нас дома всегда было полно народу: если не поставщики или сборщики винограда, то посетители винодельни, с которыми отец заводил душевные беседы. Помимо дегустации вин, он часто приглашал гостей остаться на обед. Дружелюбие и гостеприимство было в крови у новозеландцев, и я привыкла сидеть рядом с совершенно незнакомыми людьми за нашим большим сосновым столом у окна с видом на долину. Я не представляла, каким образом маме удавалось в любую минуту обеспечивать массу вкусной и сытной еды, но она как-то справлялась с этим, и, пока отец развлекал гостей, за столом не умолкали веселье и смех.

Мне не хватало Джека и той спокойной, позитивной энергии, которая постоянно исходила от него. Ему нравилось поддразнивать меня, но я понимала, что он всегда был моим арбитром и защитником.

Я взяла из холодильника пакет апельсинового сока и налила остатки в стакан, потом постаралась разобраться с батоном вчерашнего хлеба. Для большей съедобности я приготовила хлебные тосты, а потом начала составлять короткий список срочно необходимых закупок. Ближайший супермаркет находился в Эрроутауне, и мне предстояло отправиться туда. Хотя мама оставила в холодильнике много кастрюлек, не стоило размораживать большие пластиковые контейнеры только для себя.

Я зябко передернула плечами, отнесла список в гостиную и опустилась на старый диван перед выступом огромного камина, сложенного из серого вулканического камня, который в изобилии встречался в нашей долине. Это была одна из вещей, убедивших моих родителей, что им нужно приобрести некогда однокомнатную избушку в самой глуши. Там не было проточной воды и вообще никаких удобств. Родители любили вспоминать, как в то первое лето они с двухлетним Джеком купались в ручье между валунами за хижинкой и ходили в сортир, выкопанный неподалеку. «Это было самое счастливое лето в моей жизни, – говорила мама. – А зимой стало еще лучше из-за этого камина».

Мама всегда тянулась к настоящему огню, и, как только в долине начинались первые заморозки, мы с Джеком и папой отправлялись за дровами, хорошо просохшими за месяцы после рубки. Мы складывали поленицы в нишах по обе стороны от камина, а потом мама клала

растопку на каминную решетку и совершала ритуал «возжигания первого огня» от чиркнувшей спички. Начиная с того момента языки огня весело плясали в камине до тех пор, пока колокольчики и подснежники (луковицы которых мама заказывала с доставкой из Европы) не распускались под деревьями где-то между сентябрем и ноябрем – весенними месяцами в наших широтах.

«Наверное, стоит развести огонь», – подумала я, вспоминая гостеприимное сияние, приветствовавшее меня в морозные дни, когда можно было не ходить в школу. Если папа был сердцем винодельни, то мама и ее камин были сердцем нашего дома.

Я одернула себя; вообще-то я еще слишком молода, чтобы искать утешение в детских воспоминаниях. Просто я нуждаюсь в обществе. Но дело в том, что большинство моих университетских друзей либо находились за границей, радуясь последним свободным денькам перед поисками работы, либо уже работали.

Хотя у нас имелась кабельная сеть, интернет работал медленно и с перебоями. Отправка электронных писем превращалась в кошмар, и отцу часто приходилось совершать получасовую поездку в Квинстаун и пользоваться компьютером своего друга-туроператора, чтобы разбираться с почтой. Он называл нашу долину «Бригадун» в честь старого кинофильма о шотландской деревне, которая просыпается лишь на один день каждые сто лет и не меняется вместе с окружающим миром. Долина и впрямь оставалась более или менее неизменной, поэтому была не лучшим местом для карьеры начинающей певицы. Мои мечты были наполнены высотками Манхэттена, Лондона или Сиднея, где продюсеры звукозаписывающих компаний могли сделать нас с Флетчем настоящими звездами...

Звонок стационарного телефона ворвался в мои мысли, и я встала, чтобы взять трубку еще до второго звонка.

– Винодельня Макдугалов, – машинально сказала я, как привыкла с раннего детства.

– Привет, Эм-Кей, это Флетч. – Этим моим прозвищем пользовались все, кроме мамы.

– О, привет. – Мое сердце забило быстрее. – Есть новости?

– Пока никаких. Но я подумал, что могу воспользоваться твоим предложением и ненадолго остановиться у вас. У меня есть пара дней, свободных от работы в кафе, и мне нужно выбраться из города.

«А мне нужно очутиться в городе...»

– Отлично, приезжай, когда хочешь! Я дома.

– Как насчет завтра? Я буду за рулем, так что поездка займет большую часть утра, разумеется, если выдержит «Сисси».

«Сисси» был автофургоном, в котором мы с Флетчем ездили на выступления. После двадцатилетней службы он проржавел везде, где только можно, и дымил выхлопной трубой, которую Флетч временно закрепил проволокой. Оставалось лишь надеяться, что «Сисси» переживет трехчасовую поездку из Дандина, где жил Флетч со своей семьей.

– Значит, встретимся к обеду? – спросила я.

– Да. Мне уже не терпится; ты знаешь, как я люблю ваши места. Возможно, мы посидим за фортепиано и придумаем что-нибудь новенькое.

– Наверное, – ответила я, не ощущая особых позывов к творчеству. – Пока, Флетч, увидимся завтра.

Я повесила трубку и вернулась на диван, чувствуя себя лучше от предстоящего визита Флетча: ему всегда удавалось подбадривать меня своими шутками и позитивным настроением.

Снаружи донесся крик, а потом звук свистка, которым Дуг – управляющий нашего виноградника – оповещал о своем прибытии на место. Я встала, вышла на веранду и увидела Дуга вместе с группой дородных островитян, бредущих между опустевшими виноградными лозами.

– Эй! – окликнула я. – Привет!

– Привет, Эм-Кей! – отозвался Дуг. – Я показываю ребятам, где можно начинать корчевку.

– Отлично. Добрый день, ребята! – крикнула я его подчиненным, и они помахали в ответ.

Их присутствие нарушило гнетущую тишину. И, словно солнце, выглянувшее из-за облака, вид других людей и мысль о завтрашнем дне подняли мое настроение.

– У тебя бледный вид, Майя. Ты нормально себя чувствуешь? – спросила Ма, когда вошла в кухню.

– Все в порядке, но я плохо спала ночью; все думала о сенсационной новости Георга.

– Да уж, это верно. Хочешь кофе?

– Хм, спасибо, не надо. Я бы выпила ромашкового чая, если он есть.

– Разумеется, есть, – заявила Клавдия. Ее седые волосы были собраны в обычный тугий узел, а на всегда строгом лице играла улыбка. Клавдия поставила на стол корзинку с домашними рогаликами и пирожками. – Я каждый вечер пью его перед сном.

– Привычки частенько нарушаются, – устало отозвалась Майя. – Кроме того, у меня сбились суточные ритмы после перелета.

– Ну конечно, *chérie*. Почему бы тебе не вернуться в постель после завтрака и не вздремнуть?

– Нет. Георг обещал вернуться, чтобы мы могли обсудить, что нам делать с... потерянной сестрой. Как думаешь, у него надежные источники?

– Понятия не имею, – вздохнула Ма.

– У него *очень* надежные источники, – вмешалась Клавдия. – Он бы не приехал посреди ночи, если бы не был уверен в своей информации.

– Всем доброе утро, – сказала Алли, которая присоединилась к остальным за столом. Маленький Бэр находился в переноске, притороченной к ее груди, и дремал, свесив голову набок. В одном из крошечных кулачков он сжимал прядь рыже-золотистых кудрей Алли.

– Хочешь, я возьму его и положу в кровать? – предложила Ма.

– Нет, потому что он проснется и заревет, как только поймет, что остался один, – сказала Алли. – Ох, Майя, какая-то ты бледная.

– Я только что это сказала, – пробормотала Ма.

– Правда, все в порядке, – повторила Майя. – Кстати, Кристиан где-то здесь? – обратилась она к Клавдии.

– Да, но он собирается переправиться в Женеву на катере и привезти мне кое-какие продукты.

– Можешь вызвать его и сказать, что я собираюсь присоединиться к нему? У меня есть дела в городе, и если мы поскорее уплывем туда,

то успеем вернуться до полудня, когда у нас назначена встреча с Георгом.

– Само собой. – Клавдия взяла домашний переносной телефон, чтобы позвонить Кристиану.

Ма поставила перед Алли чашку кофе.

– Мне еще нужно заняться разными мелочами, так что приятного аппетита.

– Кристиан подготовит катер через пятнадцать минут, – сказала Клавдия и повесила трубку. – А теперь мне нужно помочь Марине. – Клавдия кивнула сестрам и вышла из кухни.

– Уверена, что у тебя все в порядке? – спросила Алли, оставшись наедине с Майей.

– Не волнуйся по пустякам, прошу тебя. Может, у меня расстроился желудок после перелета. – Майя отхлебнула чаю. – Боже мой, разве не странно? Я хочу сказать, здесь все продолжается точно так же, как при папе. Но его больше нет, и пустоту ничем не скроешь.

– Я уже некоторое время нахожусь здесь и вроде бы привыкла, но да, ты права.

– Кстати, о здоровье и нездоровье. Ты изрядно похудела, Алли.

– Конечно, я похудела после родов...

– Нет, не только из-за этого. В предыдущий раз мы виделись около года назад, когда ты осталась здесь, чтобы присоединиться к Тео в яхтенных гонках «Фастнет». Тогда ты даже не была беременна.

– Вообще-то была, но не знала об этом, – заметила Алли.

– Хочешь сказать, у тебя не было никаких симптомов? Ни утренней тошноты, ничего?

– Не сразу. Если я правильно помню, это началось примерно через восемь недель. Тогда я на самом деле ужасно себя чувствовала.

– В общем, ты определенно слишком худая. Возможно, из-за нерегулярного питания.

– Когда я одна, мне просто лень готовить полноценную трапезу. Кроме того, даже если я сажусь за еду, то обычно то и дело вскакиваю из-за стола, чтобы проверить, как дела у малыша. – Алли нежно погладила щечку Бэра.

– Должно быть, очень трудно растить ребенка в одиночку?

– Да, нелегко. Конечно, у меня есть брат Том, но поскольку он помощник дирижера в Бергенском филармоническом оркестре, то мы

почти не встречаемся друг с другом, разве что по воскресеньям. Кроме того, он иногда уезжает с оркестром на зарубежные гастроли. Меня беспокоит не бессонница, постоянное кормление и смена пеленок; мне просто не с кем поговорить, особенно если Бэр нездоров и я волнуюсь за него. Поэтому я так рада обществу Ма; она настоящий клад знаний о детях.

– Лучшая в мире бабушка, – улыбнулась Майя. – Па был бы счастлив узнать о Бэре. В самом деле чудесный малыш. Ладно, мне пора пойти наверх и подготовиться.

Когда Майя встала, Алли взяла старшую сестру за руку.

– Так здорово видеть тебя! Ты знаешь, я скучала по тебе.

– И я тоже. – Майя чмокнула Алли в макушку. – До скорой встречи.

* * *

– Алли, Майя! Георг приехал! – крикнула Ма, выйдя в полдень на главную лестницу.

Сверху донеслось приглушенное: «Сейчас придем!»

– А помните, как Па Солт купил вам старинный бронзовый рупор на Рождество? – с улыбкой спросил Георг, сопровождавший Ма из кухни на залитую солнцем веранду. Он выглядел гораздо собраннее, чем вчера ночью. Его серо-стальные волосы были гладко зачесаны назад, из нагрудного кармана безупречно сидевшего пиджака в мелкую полоску торчал уголок носового платка.

– Помню, – сказала Ма и жестом предложила Георгу устроиться под солнечным зонтом. – Впрочем, это было бесполезно, потому что девочки включали музыку на полную громкость, играли на разных инструментах либо перекрикивались друг с другом. На верхнем этаже было настоящее вавилонское столпотворение... и я обожала это. Итак, что предпочитаете выпить? У меня есть бузиновая настойка Клавдии и охлаждена бутылка вашего любимого розового вина из Прованса.

– В такой прекрасный день я сначала выпью бокал летнего розового вина. Спасибо, Марина. Можно налить нам обоим?

– Ох, мне еще нужно работать...

– Полно, вы же француженка! Конечно же, бокал розового не причинит вам вреда. В сущности, я настаиваю, – добавил Георг, когда Майя и Алли вышли на веранду и присоединились к ним. – Здравствуйте, девушки. – Он встал. – Могу я предложить вам бокал розового?

– Спасибо, Георг, я немного выпью, – ответила Алли и хихикнула. – Надеюсь, это поможет Бэру крепче спать сегодня ночью.

– Мне не надо, спасибо, – сказала Майя. – Знаете, я почти забыла, как красиво тут, в Атлантиде. В Бразилии все такое... *большое*: шумные люди, яркие цвета, буйство зелени, сильная жара. Здесь все выглядит более тихим и приглушенным.

– У нас очень мирное место, благословенное природной красотой, – согласилась Ма.

– Как я соскучилась по зимнему снегу, – пробормотала Майя.

– Тебе бы провести зиму в Норвегии, и тоска быстро пройдет, – улыбнулась Алли. – Или, хуже того, тебе придется жить под постоянным дождем. В Бергене дождь идет гораздо чаще, чем снег... Ну что, Георг, у вас есть новые мысли по поводу того, что вы сообщили нам вчера ночью?

– Нет, помимо обсуждения наших дальнейших действий. Один из нас должен поехать по тому адресу, который у меня есть, и убедиться, является ли эта женщина потерянной сестрой.

– В таком случае как мы узнаем, она это или нет? – поинтересовалась Майя. – У нас есть какая-то примета?

– Мне передали рисунок... определенного ювелирного украшения. Это кольцо, которое должно находиться при ней. Оно довольно необычное. Если она носит его, то мы можем не сомневаться в ее личности. Рисунок у меня с собой.

Георг раскрыл свой тонкий кожаный чемоданчик, достал лист бумаги и положил на стол для всеобщего обозрения.

Алли внимательно изучала рисунок. Майя выглядывала из-за ее плеча.

– Кольцо нарисовано по памяти, – объяснил Георг. – В оправе – изумруды, а центральный камень – бриллиант.

– Очень красиво, – сказала Алли. – Смотри, Майя, самоцветы расположены в форме... – она помедлила для подсчета, – ...в форме семилучевой звезды.

– Георг, вам известно, кто изготовил это кольцо? – спросила Майя. – Действительно, очень необычный рисунок.

– Боюсь, что нет, – ответил Георг.

– Это папин рисунок? – продолжала Майя.

– Да, это его рисунок.

– Семь лучей звезды для семи сестер... – прошептала Алли.

– Георг, вчера ночью вы сказали, что ее зовут Мэри, – сказала Майя.

– Да.

– Па Солт нашел ее и хотел удочерить, но потом что-то случилось и он потерял ее из виду?

– Я могу лишь сказать, что перед своей... кончиной он получил некую новую информацию и попросил меня проверить ее. Когда мы установили место рождения этой девушки, мне и другим понадобилось около года, чтобы выяснить, где она находится теперь. До того я шел по многим ложным дорожкам, которые заканчивались тупиками. Однако перед смертью ваш отец был совершенно уверен в надежности своего источника.

– Кто этот источник? – спросила Майя.

– Он так и не сказал, – ответил Георг.

– Если это потерянная сестра, то страшно жаль, что ее обнаружили только через год после смерти Па Солта, – вздохнула Майя.

– Но как будет здорово, если это *на самом деле* она, – сказала Алли. – Тогда мы сможем вернуть ее в Атлантис до возложения венка на борту «Титана»!

– Возможно, – улыбнулась Майя. – Но есть одна большая проблема. Согласно вашей информации, Георг, эта Мэри живет далеко отсюда, а нам предстоит отправиться в греческий круиз меньше чем через три недели.

– Да, – согласился Георг. – К сожалению, сейчас у меня тоже очень напряженный график, иначе я сам бы поехал и разыскал Мэри.

Зазвонил мобильный телефон, словно подчеркивая правоту его слов. Георг извинился и вышел из-за стола.

– Можно я внесу предложение? – в наступившей тишине спросила Ма.

– Конечно, давай, – сказала Майя.

– Поскольку Георг вчера сообщил нам, что Мэри живет в Новой Зеландии, сегодня утром я навела справки и узнала, сколько времени занимает перелет между Сиднеем и Оклендом. Потому что...

– ...Сиси находится в Австралии, – закончила Майя. – Ночью я тоже об этом думала.

– Три часа лету от Сиднея до Окленда, – продолжала Ма. – Если Сиси и ее подруга Крисси уедут на день раньше, чем они собирались, они могут по пути заглянуть в Новую Зеландию и узнать, та ли это Мэри, о которой говорил Георг.

– Отличная идея, Ма, – сказала Алли. – Только не знаю, как Сиси отнесется к этому. Она очень не любит самолеты.

– Я уверена, что если мы объясним, то она поймет, – сказала Ма. – Будет славно, если потерянная сестра воссоединится с семьей, чтобы почтить память отца.

– Вопрос в том, знает ли эта Мэри о Па Солте и нашей семье, – возразила Алли. – Даже мы, его дочери, теперь нечасто собираемся вместе. Конечно, это будет идеальный момент, то есть *если* она именно та девушка, которой ее считает Георг. Первым делом нам нужно связаться с Сиси, поскольку в Австралии уже наступил вечер.

– Как быть с остальными сестрами? – поинтересовалась Майя. – То есть мы им все расскажем?

– Хорошая мысль, – сказала Алли. – Нужно связаться со Стар, Тигги и Электрой по электронной почте и сообщить о происходящем. Хочешь позвонить Сиси, Майя, или я это сделаю?

– Лучше уж ты, Алли. Если остальные не возражают, я пойду и немного полежу перед обедом. Что-то до сих пор мутит.

– Бедная ты моя. – Ма поднялась с места. – Ты прямо позеленела.

– Я пойду с тобой и позвоню Сиси, – сказала Алли. – Будем надеяться, что сейчас она не уехала на этюды в буш со своим дедом. В его хижине посреди австралийской глубинки вообще нет мобильной связи.

Клавдия вышла из кухни на веранду.

– Я начинаю готовить обед. – Она повернулась к Георгу, который вернулся к столу. – Вы останетесь?

– Нет, спасибо. У меня срочные дела, и я вынужден уехать. Что вы решили? – обратился он к Ма.

Когда сестры уходили с веранды, Алли заметила бусинки пота, выступившие на лбу Георга. Его лицо казалось отрешенным.

– Мы свяжемся с Сиси и попросим ее удостоверить. Георг, вы уверены, что это *та самая* девушка?

– Да, – ответил Георг. – Другие люди, которые принимали участие в поисках, убедили меня в этом. А теперь, как бы мне ни хотелось еще поболтать, я должен проститься с вами.

– Уверена, что наши девочки смогут во всем разобраться, Георг. Теперь они взрослые женщины и очень способные. – Ма положила ладонь на его руку. – Постарайтесь успокоиться, Георг. Вы выглядите очень напряженным.

– Я постараюсь, Марина, я постараюсь, – со вздохом отозвался он.

* * *

Алли нашла номер австралийского телефона Сиси в своей записной книжке и сняла трубку телефона в коридоре.

– Давай же, давай... – шептала она сквозь зубы, пока в трубке шли гудки. Алли знала, что нет смысла оставлять для Сиси голосовое сообщение, поскольку та редко слушала их.

– Вот черт, – пробормотала Алли, когда включилась голосовая почта. Она повесила трубку и уже собиралась наверх, чтобы покормить Бэра, но тут зазвонил телефон.

– Алло?

– Привет, это Ма?

– Сиси! Это я, Алли. Слава богу, ты перезвонила.

– Конечно, я увидела, что звонок поступил из Атлантики. Все в порядке?

– Да, здесь все хорошо. Вчера прилетела Майя, и мы ужасно рады ее видеть. Сиси, когда ты собиралась вылетать в Лондон?

– Послезавтра мы расстанемся с Алисой и направимся в Сидней. Кажется, я говорила тебе, что сначала мы на несколько дней остановимся в Лондоне, чтобы разобраться с продажей моей квартиры и повидаться со Стар. Как обычно, я боюсь перелета.

– Знаю, но... Послушай, Сиси, Георг сообщил нам кое-какие новости. Не волнуйся, ничего плохого, но это настоящая сенсация, по

крайней мере, возможно.

– Какие новости?

– Он сообщил определенную информацию... о нашей потерянной сестре. Он считает, что она сейчас живет в Новой Зеландии.

– Ничего себе! Ты хочешь сказать, это та самая седьмая сестра? – Сиси задышала в трубку. – Вот так новость! Как Георгу удалось найти ее?

– Понятия не имею. Ты знаешь, какой он скрытный, поэтому...

– Поэтому ты хочешь спросить, могу ли я ненароком заглянуть в Новую Зеландию и познакомиться с ней, так?

– Прямо в точку, мисс Шерлок. – Алли улыбнулась в трубку. – Я понимаю, что это немного удлинит твою поездку, но сейчас ты ближе всех к цели. Было бы замечательно увидеть потерянную сестру среди нас на церемонии прощания с Па Солтом.

– Само собой, но мы ничего не знаем об этой девушке. А она знает о нас?

– Неизвестно. По словам Георга, у него есть только имя и адрес. Ах да! Еще рисунок кольца, которое будет доказательством, что это она.

– Как насчет адреса? Новая Зеландия – немаленькая страна.

– У меня его нет, но я могу позвать Георга, чтобы он объяснил. Георг? – Алли жестом подозвала нотариуса, который направлялся из кухни к парадной двери. – Это Сиси; она хочет узнать адрес Мэри в Новой Зеландии.

– Ее зовут Мэри? – осведомилась Сиси.

– Судя по всему. Я передаю трубку Георгу.

Алли слушала, пока он диктовал адрес.

– Спасибо, Сиси, – сказал Георг. – Все издержки будут оплачены трастовым фондом. Моя секретарша Жизель бронирует билеты. А теперь я передаю трубку твоей сестре, потому что мне нужно идти. – Он добавил, обернувшись к Алли: – У вас есть телефон моего офиса; свяжитесь с Жизель, если что-то понадобится. Ну, до свидания.

– Хорошо. – Алли помахала Георгу, который направился к выходу. – Сиси, ты знаешь это место в Новой Зеландии?

– Минутку, я спрошу у Крисси.

В трубке послышался тихий обмен фразами, прежде чем Сиси вернулась на линию.

– Крисси говорит, что это место находится на Южном острове. По ее словам, нам будет гораздо проще вылететь из Сиднея в Квинстаун, чем в Окленд. Дальше посмотрим.

– Отлично. Значит, ты согласна?

– Ты же меня знаешь. Мне нравятся авантюры и путешествия, даже когда заходит речь о перелетах. Я никогда не была в Новой Зеландии, так что будет очень забавно посмотреть.

– Блестяще! Спасибо, Сиси. Если тебя не затруднит, пришли мне подробности своей дороги по электронной почте, а я свяжусь с секретаршей Георга насчет бронирования билетов. Кроме того, я перешлю тебе по факсу рисунок кольца.

– Хорошо. Стар знает об этом?

– Нет, точно так же, как Электра или Тигги. Я собираюсь написать им прямо сейчас.

– Вообще-то Стар предлагала договориться о встрече в Лондоне, так что я могу сообщить ей. Какая волнующая перспектива, правда?

– Да, если это и впрямь *она*. Пока, Сиси, будем на связи.

– Пока, Алли, до скорой встречи!

Сиси Гиббстон-Вэлли

– Эй, ты держишь карту вверх тормашками! – воскликнула Крисси, перегнувшись над пассажирским сиденьем.

– Нет... а может быть, и да. – Сиси нахмурилась. – Слова выглядят одинаково так и эдак, а дорога все время петляет... боже мой, когда мы в последний раз видели дорожный знак?

– Довольно давно. Ах, разве это не прекрасная сцена? – выдохнула Крисси, когда остановила у обочины взятый напрокат автомобиль и устремила взгляд на величественные темно-зеленые горы, склоны которых разворачивались до горизонта под массивными, нависающими облаками. Крисси повернулась, чтобы включить обогреватель, когда первые капли дождя расплылись на ветровом стекле.

– Да, но я совсем заблудилась. – Сиси протянула ей карту и посмотрела в обе стороны пустынной дороги. – Кажется, будто мы

выехали из Квинстауна целую вечность назад. Следовало запастись продуктами, но я думала, что по дороге будут другие места.

– Ладно. Согласно этой распечатке, мы скоро увидим знак поворота к винодельне. Полагаю, надо просто двигаться вперед и надеяться, что кто-то подскажет нам, куда ехать дальше.

Крисси заправила за ухо упавший на лицо локон вьющихся черных волос и вяло улыбнулась. Их маршрут включал остановки в Мельбурне и Крайстчерче, и теперь обе были усталыми и голодными.

– Столько миль, и ни одного автомобиля. – Сиси пожалала плечами.

– Ладно тебе, Сиси. Где твой дух приключений?

– Не знаю. Может, я размякла на старости лет и предпочитаю сидеть дома, а не в автомобиле под дождем? Мне правда холодно!

– Здесь самое начало зимы. Скоро эти горные вершины покроются снегом. Проблема в том, что ты слишком привыкла к теплему климату.

Крисси включила рычаг передач и выехала на шоссе. Стеклоочистители работали в максимальном режиме, и ливень превращал горы в размытое марево.

– Да, я определенно теплолюбивая девочка, и так было всегда. Можно я возьму твою фуфайку, Крисси?

– Само собой. Я предупреждала тебя, что здесь будет гораздо холоднее. Слава богу, я запасла для тебя куртку с капюшоном.

Сиси потянулась на заднее сиденье и раскрыла один из рюкзаков.

– Спасибо, Крисси. Не знаю, что бы я без тебя делала.

– Честно говоря, я тоже.

Сиси сжала ее руку над запястьем.

– Прости, что я такая бесполезная.

– Ты не бесполезная, Сиси, просто... не очень практичная. С другой стороны, несмотря на мой практический опыт, я не такая творческая натура, как ты. Поэтому мы с тобой – хорошая команда, правда?

– Да.

Пока Крисси вела автомобиль, Сиси утешалась ее присутствием. Прошлые несколько месяцев были самыми счастливыми в ее жизни. Между временем, проведенным в обществе Крисси, и отъездами на художественные вылазки в буш с дедом Фрэнсисом сердце Сиси еще никогда не было таким радостным. После душевной боли от утраты ее

тесной связи со Стар она думала, что больше никогда не будет счастлива, но потом Крисси и Фрэнсис заполнили пустоту в ее жизни; Сиси обрела семью, где ее ценили и любили, пусть даже эта семья выглядела нетрадиционной.

– Смотри, вон дорожный указатель! – Сиси указала на залитое дождем ветровое стекло. – Притормози, посмотрим, что там написано.

– Я вижу отсюда: там написано, что это левый поворот к винодельне. Вау, мы это сделали! – обрадованно воскликнула Крисси. Она свернула на ухабистую проселочную дорогу. – Кстати, ты сказала своим сестрам, что я собираюсь приехать в Атлантис вместе с тобой?

– Да, конечно. Тем, с кем я успела поговорить.

– Как думаешь, они будут шокированы... насчет нас с тобой?

– Па Солт учил нас принимать всех людей, независимо от цвета кожи или ориентации. Наша экономка Клавдия может косо посмотреть на это, но лишь потому, что она принадлежит к старшему поколению и придерживается традиционных взглядов.

– А как насчет тебя, Си? Тебе не будет неудобно перед членами семьи?

– Ты же знаешь, что нет. Откуда вдруг такая неуверенность?

– Лишь потому, что... Хотя ты много рассказывала о своих сестрах в Атлантисе, они не кажутся... *настоящими*. Но через неделю мы действительно окажемся там. И я боюсь, особенно встречи со Стар. То есть вы вдвоем были командой еще до моего появления.

– Хочешь сказать, до того, как появился ее ухажер Мышь? Это Стар хотела расстаться со мной, помнишь?

– Знаю, но она по-прежнему каждую неделю звонит тебе, вы все время переписываетесь, и...

– Крисси! Стар – моя сестра. А ты... ну, как сказать...

– Да?

– Ты – моя половинка. Это другое, совершенно другое, и я надеюсь, что там найдется место для нас обеих.

– Разумеется, но ты сама понимаешь, что «каминг-аут» – это большое дело.

– Бр-р, ненавижу это выражение. – Сиси поежилась. – Я точно такая же, как была всегда. Ненавижу, когда человека кладут под стекло и наклеивают ярлык. Смотри, вон еще один указатель на винодельню! Поверни направо.

Они свернули на другую узкую дорогу. Вдалеке Сиси могла различить скелетообразные ряды увядающих виноградных лоз с давно собранным урожаем.

– Не похоже, что здешние дела продвигаются успешно. На юге Франции в это время года лозы покрыты листвой и зреющим виноградом.

– Сиси, ты забываешь, что в этой части света времена года устроены ровно наоборот, как в стране Оз. Насколько я понимаю, урожай был собран летом, где-то между февралем и апрелем, поэтому лоза выглядит голой. Ага, вот и другие указатели. «К магазину», «К отделу доставки», «К приемной». Поедем к приемной, да?

– Как скажете, босс, – ответила Сиси. Дождь прекратился, и солнце выглянуло из-за облаков. – Эта погода похожа на английскую, – пробормотала она. – В одну минуту – дождь, а в следующую – уже солнце.

– Может быть, поэтому многие англичане живут здесь, хотя вчера твой дед сказал, что самую большую группу мигрантов составляют шотландцы, а потом ирландцы.

– Они отправились на другой край света в поисках удачи. Примерно то же самое, что сделала я. Смотри, вон еще один указатель в сторону приемной. Ого, и чудесный старый каменный дом! Немного похож на наш дом в Женеве, только без озера.

Сиси замолчала, когда Крисси остановила автомобиль.

Двухэтажный фермерский дом угнездился на склоне холма над виномградником, который ровными террасами спускался в долину. Стены дома были сложены из прочного серого камня, грубо обтесанного, но мастерски подогнанного. В больших окнах отражалась небесная голубизна, а крытая веранда окружала дом со всех сторон; с перил свисали горшки огненно-красной бегонии. Сиси заметила, что главная постройка прирастала с годами, поскольку каменные стены имели разную степень выветривания.

– Приемная находится здесь, – сказала Крисси, ворвавшись в мысли Сиси, и указала на дверь с левой стороны дома. – Наверное, там кто-нибудь поможет нам найти Мэри. У тебя есть рисунок кольца, который прислала Алли?

– Я сунула его в рюкзак перед отъездом. – Сиси выбралась наружу и взяла свой рюкзак с заднего сиденья. Она расстегнула молнию на

переднем кармане и достала два сложенных листа бумаги.

– Си, они сильно помяты, – раздосадованно сказала Крисси.

– Неважно. Все равно можно разглядеть, что это за кольцо.

– Да, но рисунок какой-то любительский. Я хочу сказать, если мы собираемся постучаться к совершенно незнакомой девушке и сказать ей или ее родственнику, что ты считаешь ее потерянной сестрой... она может решить, что ты сумасшедшая; я сама бы так подумала на ее месте.

– Ну, мы можем только предполагать. Хотя ты права, я вдруг очень занервничала. И они в самом деле могут подумать, что я чокну лась.

– По крайней мере, у тебя есть фотография твоих сестер и отца. Там ты выглядишь нормально.

– Да, но мы не похожи на сестер, верно? – сказала Сиси, когда Крисси закрыла двери автомобиля. – Давай пойдем, пока я не перетру сила.

Приемная – небольшое выставочное помещение с сосновой обшивкой, пристроенное к главному дому, – была пуста. Сиси позвонила в колокольчик, как было указано на табличке, стоявшей на столе.

– Только посмотри на эти вина, – сказала Крисси, прохаживаясь по комнате и рассматривая витрины у стен. – У некоторых есть международные призы. Да, это очень серьезное место. Наверное, нам стоит попробовать кое-что местного разлива.

– Еще только первая половина дня, а когда ты выпиваешь днем, тебя начинает клонить ко сну. Кроме того, ты за рулем...

– Добрый день, я могу вам помочь?

Из боковой двери комнаты появилась светловолосая девушка с ярко-голубыми глазами. Сиси обратила внимание на ее естественную красоту.

– Да. Хотелось бы узнать, можем ли мы поговорить, э-э-э... с Мэри Макдугал.

– Это я, – просто ответила девушка. – Меня зовут Мэри Макдугал. Итак, чем я могу вам помочь?

– Мы, э-э-э...

– Меня зовут Крисси, а это – Сиси, – сказала Крисси, перехватившая инициативу у смущенной подруги. – Дело в том, что отец Сиси – он уже умер – имел личного юриста, давно

разыскивавшего девушку, которую Сиси и члены ее семьи называют потерянной сестрой. Недавно этот юрист получил информацию, согласно которой потерянная сестра может носить имя Мэри Макдугал и проживать по этому адресу. Прошу прощения; я понимаю, что это звучит странно, но...

– Я объясню, Мэри, – вмешалась Сиси, восстановившая самообладание. – Па Солт – это наш отец – удочерил шесть маленьких девочек. Пока мы росли, он иногда говорил о потерянной сестре, которую он так и не смог найти. Мы все носим имена звезд из созвездия Плеяд, и судьба младшей сестры, Меропы, до сих пор оставалась неизвестной. Формально она является седьмой сестрой, как в легенде о «Семи сестрах», пони маете?

Поскольку девушка оторопело глядела на них, Сиси поспешно продолжила:

– Возможно, вы не знаете эту легенду. Просто мы росли в окружении разных преданий, а большинство людей, если они не интересуются звездами и древнегреческими мифами, никогда и не слышали о «Семи сестрах».

Мэри улыбнулась:

– Моя мать Мэри преподавала в университете классическую литературу. Она регулярно цитировала Платона и других греческих философов.

– Вашу мать тоже зовут Мэри? – Сиси уставилась на нее.

– Да, Мэри Макдугал, как и меня. Официально меня зовут Мэри-Кэт, хотя все называют меня Эм-Кей. Хм... У вас есть другие сведения об этой потерянной сестре?

– Да, есть еще одна вещь: это рисунок кольца, – сказала Крисси. Она развернула мятый листок бумаги на узкой стойке перед Мэри-Кэт. – Это кольцо с изумрудами, расположенными в форме семилучевой звезды, с бриллиантом посередине. Судя по всему, наша Мэри получила его по наследству, и это подтверждает ее личность... если вы понимаете, что я имею в виду. К сожалению, это единственная подсказка, которая у нас есть.

Мэри-Кэт посмотрела на рисунок и слегка нахмурилась.

– Если это ничего не значит для вас, то нам лучше уйти, – пробормотала Сиси, снова пришедшая в замешательство. Она взяла листок. – Извините за беспокойство, и...

– Обождите! Можно посмотреть еще раз?

Сиси удивленно взглянула на нее:

– Вы узнаете кольцо?

– Думаю, да.

Сиси ощутила пустоту в животе. Она покосилась на Крисси, желая взять подругу за руку и ощутить теплое ответное пожатие, но была еще не готова к *такой* публичной демонстрации их отношений. Поэтому Сиси молча ждала, пока девушка рассматривала рисунок.

– Точно не скажу, но это очень похоже на мамино кольцо, – сказала Мэри-Кэт. – Вернее, если это то самое кольцо, то теперь оно принадлежит мне. Мама подарила его мне на двадцать первый день рождения.

– Правда? – ахнула Сиси.

– Да, она носила его, сколько я себя помню. Не каждый день, но по особым случаям она доставала его из ювелирной шкатулки. Мне оно всегда казалось очень милым. Понимаете, оно очень маленькое, и она могла надеть его только на мизинец, что казалось неправильным, либо на безымянный палец, где уже было обручальное кольцо. Но поскольку я не собираюсь обручаться, то мне все равно, на каком пальце его носить, – с лукавой улыбкой добавила Мэри-Кэт.

– Значит, кольцо у вас и мы можем посмотреть на него? – спросила Сиси.

– Вообще-то перед отъездом мама попросила меня временно отдать ей кольцо, поскольку я все равно редко ношу его, хотя, возможно, она решила не... Послушайте, почему бы нам не пройти в дом?

В этот момент из-за двери выглянул высокий мускулистый молодой человек в австралийской фетровой шляпе.

– Привет, Дуг, – сказала Мэри-Кэт. – Все в порядке?

– Да, просто заглянул за бутылками воды для ребят. – Дуг указал на группу дюжих мужчин, стоявших снаружи.

– Добрый день, – обратился он к Сиси и Крисси, когда подошел к холодильнику и достал упаковку бутылок минеральной воды. – Вы туристки?

– Да, вроде того, – ответила Крисси, распознавшая его австралийский выговор. – Приехали полюбоваться на местные красоты.

– Этого добра здесь хватает.

– Я собираюсь подняться наверх вместе с гостями, – сказала Мэри-Кэт. – Они думают, что я могу оказаться их родственницей.

– В самом деле? – Дуг окинул взглядом Сиси и Крисси, потом нахмурился. – Ладно, я с ребятами собираюсь позавтракать вон там, если вдруг что-то понадобится. – Дуг указал на круглый деревянный стол, где рассаживались его люди.

– Спасибо, Дуг, – сказала Мэри-Кэт.

Дуг кивнул, еще раз смерил подруг пронизывающим взглядом и ушел.

– Вот это да, – пробормотала Сиси, глядя на группу мужчин во дворе. – Похоже, с ними шутки плохи.

– Ну нет, – с улыбкой отозвалась Мэри-Кэт. – Дуг – это наш управляющий. Не обращайтесь внимания: после отъезда мамы и моего брата Джека он взял на себя роль защитника. На самом деле это славные ребята, я ужинала с ними вчера вечером. Пойдемте же!

– Серьезно, если хотите, мы можем подождать снаружи, – сказала Крисси.

– Все нормально, хотя я и признаю, что это выглядит странно. Так или иначе, как вы могли убедиться, я хорошо защищена.

– Спасибо, – сказала Сиси, когда Мэри-Кэт откинула доску на стойке в приемной, чтобы пропустить их внутрь. Она провела их по крутой деревянной лестнице и по коридору в просторную гостиную с открытыми потолочными балками. Окна комнаты с одной стороны выходили на долину и горы, а на другой стороне центральное место занимал огромный каменный камин.

– Садитесь, пожалуйста, а я схожу посмотрю, на месте ли кольцо.

– Спасибо за доверие, – сказала Сиси, когда Мэри-Кэт направилась к двери.

– Ерунда. Я попрошу моего товарища Флетча, чтобы он пришел сюда и составил вам компанию.

После ухода Мэри-Кэт, когда подруги опустились на старый, но уютный диван перед камином, Крисси сжала руку Сиси.

– Ты в порядке?

– Да. Она очень славная девушка. Не уверена, что я бы впустила к себе в дом двух незнакомых людей после такой истории.

– Люди в этих краях гораздо доверчивее, чем в больших городах. Кроме того, она сама сказала, что у нее есть телохранители.

– Она мне напоминает Стар, такие же светлые волосы и большие голубые глаза.

Дверь открылась, и в комнату вошел долговязый молодой человек лет двадцати с небольшим. Его длинные русые волосы свисали из-под шерстяной вязаной шапки, а в ушах блестело несколько серебряных колечек.

– Приветствую вас! Я – Флетч, рад познакомиться.

Девушки представились, и Флетч опустился в кресло напротив них.

– Итак, Эм-Кей прислала меня убедиться, что вы не будете держать ее под прицелом из-за ювелирных украшений. – Он ухмыльнулся. – Так что за история?

Сиси предоставила объяснение Крисси, так как ее подруге гораздо лучше удавались подобные вещи.

– Знаю, это звучит странно, – закончила Крисси. – Но Сиси происходит из весьма необычной семьи. То есть сестры вполне нормальные, да вот только приемный отец удочерял их по всему свету, и *это* необычно.

– А вы знаете, по какой причине он удочерил вас? – поинтересовался Флетч. – Конкретно вас, а не кого-то еще?

– Понятия не имею, – ответила Сиси. – Предполагаю, что это происходило спонтанно, во время его поездок по всему миру. Когда он замечал кого-то из нас, то брал под свое крыло и увозил домой.

– Понятно. То есть непонятно, но...

В этот момент Мэри-Кэт вернулась в гостиную.

– Я посмотрела в своей ювелирной шкатулке и в маминой, но кольца там нет. Наверное, мама все-таки взяла его с собой.

– Она надолго уехала? – спросила Сиси.

– Перед отъездом она сказала: «Я уеду на столько, на сколько мне захочется». – Мэри-Кэт пожала плечами. – Мой отец недавно умер, поэтому мама решила отправиться в путешествие, чтобы посетить всех друзей, с которыми она не виделась много лет... пока у нее еще есть силы на это.

– Соболезную по поводу смерти вашего отца, – сказала Сиси. – Кажется, я говорила, что мой отец тоже недавно умер.

– Спасибо, – ответила Мэри-Кэт. – Это действительно тяжело, вы же знаете. Он скончался несколько месяцев назад.

– Должно быть, его смерть стала потрясением для вашей мамы, – сказала Крисси.

– Да, конечно. Хотя папе было уже семьдесят три, никто не считал его стариком. Мама намного моложе: в сентябре ей исполнится шестьдесят лет. Правда, вы не сможете угадать ее возраст, так молодо она выглядит. Вон там стоит ее фотография, где она вместе со мной, моим отцом и моим братом Джеком. Папа любил говорить, что она похожа на актрису Грейс Келли.

Когда Мэри-Кэт принесла фотографию, девушки внимательно рассмотрели ее. Если дочь была миловидной, то Мэри-старшая, несмотря на возраст, сохранила признаки истинной красоты.

– Боже мой, – прошептала Крисси. – Я бы не дала ей больше сорока.

– И я тоже, – поддержала Сиси. – Она... да, она выглядит потрясающе.

– Более того, она очень хороший человек, – с улыбкой добавила Мэри-Кэт. – Все любят мою маму.

– Подтверждаю, – сказал Флетч. – Она из особых людей: всегда приветливая и доброжелательная.

– Да, наша приемная мать, которую мы зовем «Ма», точно такая же, – сказала Сиси. – Она позволяет нам чувствовать себя хорошо без всяких наставлений.

Она изучила другие фотографии на каминной полке. На одном черн-белом снимке была изображена молодая Мэри-старшая в темной мантии и академической шапочке, с жизнерадостной улыбкой на лице. На заднем плане были видны каменные колонны, обрамлявшие вход в здание университета.

– Это тоже ваша мама? – Сиси указала на фото.

– Да, после получения ученой степени в Тринити-колледж, в Дублине, – кивнула Мэри-Кэт.

– Она ирландка?

– Да.

– Значит, вы не знаете, как долго она собирается пробыть за границей? – спросила Крисси.

– Да, ее поездка не ограничена во времени; мама сказала, что в этом состоит часть удовольствия. Хотя она запланировала первые несколько недель своих разъездов.

– Извините за неудобство, но мы бы очень хотели встретиться с ней и расспросить насчет этого кольца, – сказала Сиси. – Вы знаете, где она сейчас находится?

– Ее ближайшее расписание висит на холодильнике; я пойду проверю, но практически уверена, что сейчас она в Норфолке.

Мэри-Кэт повернулась и вышла из комнаты.

– Норфолк? – Сиси нахмурилась. – Разве это не английское графство?

– Это еще и крошечный остров, расположенный в южной части Тихого океана между Австралией и Новой Зеландией, – сказал Флетч. – Восхитительное место, два года назад мама Эм-Кей и ее старейшая подруга Бриджит съездили туда, они совершили большое путешествие. Ее подруге так понравилось, что она решила покинуть Лондон и поселиться в доме на Норфолке.

– Да, согласно расписанию, мама все еще находится на острове, – сказала Мэри-Кэт, вернувшаяся в гостиную.

– Когда она собирается уехать и как мы можем попасть туда? – спросила Сиси.

– Она уедет через два дня, до острова есть короткий перелет из Окленда. Впрочем, имейте в виду, что рейсы не ежедневные. Это еще нужно выяснить, – предупредила Мэри-Кэт.

– Вот черт, – пробормотала Сиси сквозь зубы. Она посмотрела на Крисси. – Мы собирались вылететь в Лондон завтра вечером. Хватит ли времени?

– Придется найти время, правда? – Крисси пожала плечами. – Я хочу сказать, что она еще сравнительно недалеко, не в Европе. И если потерянную сестру можно опознать по этому кольцу, тогда...

– Я проверю расписание рейсов из Окленда в Норфолк и из Квинстауна в Окленд, поскольку быстрее долететь, чем доехать, – сказал Флетч. Он встал и пошел вдоль длинного обеденного стола, заваленного бумагами и журналами, там же стоял и старомодный компьютерный моноблок. – Это потребует некоторого времени, потому что здешний интернет, мягко говоря, довольно неустойчивый. – Он постучал по клавиатуре и вздохнул. – Да, сейчас нет сигнала.

– Я увидела вашего брата на этой фотографии. – Сиси обратилась к Мэри-Кэт. – Он сейчас в Новой Зеландии?

– Обычно он находится здесь, но недавно улетел на юг Франции, чтобы побольше узнать о французском виноделии.

– Значит, он будет управлять виноградником после вашего отца? – спросила Крисси.

– Да. Кстати, вы не проголодались? Время обеда уже прошло.

– Мы умираем с голоду, – хором ответили Крисси и Сиси.

Они вчетвером сходили за хлебом, местным сыром и холодными мясными закусками, потом расчистили место на обеденном столе и принялись за еду.

– Так где вы живете? – поинтересовался Флетч.

– В Алис-Спрингсе, в Австралии, – ответила Сиси. – Но мой семейный дом называется Атлантис и находится на берегу Женевского озера в Швейцарии.

– Атлантис, мифическая родина Атласа, отца Семи сестер, – улыбнулась Мэри-Кэт. – Ваш отец действительно увлекался греческими преданиями.

– Это верно, – сказала Сиси. – У нас есть большой телескоп, который до сих пор стоит в обсерватории на крыше дома. Едва научившись говорить, мы уже знали наизусть все названия звезд в созвездиях Ориона и Тельца. Честно говоря, я не особенно интересовалась астрономией, пока не приехала в Австралию и не узнала, что Семь сестер являются богинями мифологии аборигенов. Просто удивительно, легенды о них существуют буквально повсюду. Например, в культуре майя, в Японии, в Греции... эти сестры знамениты по всему миру.

– У маори тоже есть истории о сестрах, – сообщила Мэри-Кэт. – Здесь их называют дочерьми Матарики. У каждой есть особые навыки и таланты, которыми они делятся с людьми.

– Откуда такая взаимосвязь культур? – спросила Крисси. – Я хочу сказать, тогда не было интернета или даже телефона и почтовой службы, как же легенды могут быть настолько похожими без всякого общения между разными людьми?

– Вам действительно нужно познакомиться с моей мамой. – Мэри-Кэт тихо рассмеялась. – Она не просто любит поговорить на такие

темы. Она настоящий клад знаний... в отличие от меня. Меня больше привлекает музыка, чем философия.

– Но вы очень похожи на вашу маму, – сказала Крисси.

– Да, многие так говорят, хотя на самом деле я приемный ребенок.

Сиси выразительно посмотрела на Крисси.

– Ого, – сказала она. – Прямо как я и мои сестры. Вы знаете, где вас удочерили? И кем были ваши биологические родители?

– Нет. Мама и папа рассказали мне о том, что я приемная, как только я достаточно выросла для того, чтобы понять, но я всегда считала их своими подлинными родителями, и точка.

– Прошу прощения, – быстро сказала Сиси. – Просто... просто, если вас удочерили, тогда...

– Тогда вы можете оказаться *той самой* потерянной сестрой, – закончила Крисси.

– Слушайте, я понимаю, что ваша семья уже давно ищет эту особу, – мягко сказала Мэри-Кэт. – Но я никогда не слышала, чтобы моя мама упоминала о потерянной сестре. Мне известно лишь, что это было неофициальное удочерение и что оно произошло здесь, в Новой Зеландии. Я уверена, что мама все объяснит, если вы встретитесь с ней.

– Ладно. – Флетч встал. – Я снова попробую выйти в онлайн и посмотреть, есть ли у вас возможность посетить Норфолк в течение ближайших суток.

Он прошел вдоль стола и уселся за компьютер.

– У вашей мамы есть мобильный телефон? – поинтересовалась Крисси.

– Есть, – сказала Мэри-Кэт. – Но если вы собираетесь спросить меня, можем ли мы связаться с ней, то существует лишь очень слабая возможность поймать сигнал с острова Норфолк. Прелесть тамошней жизни отчасти состоит в том, что они на пятьдесят лет отстали от остального мира, особенно в современных технологиях.

– Окей, Хьюстон, у нас есть связь! – провозгласил Флетч. – Есть рейс из Квинстауна в Окленд завтра утром, в семь часов, с посадкой в восемь утра. Рейс из Окленда на остров Норфолк отбывает в десять утра и прибывает на место примерно через два часа. На какое время запланирован ваш рейс из Сиднея завтра вечером?

– Около одиннадцати вечера, – сказала Крисси. – Есть ли рейсы с острова Норфолк до Сиднея во второй половине дня?

– Сейчас посмотрю, – отозвался Флетч и вернулся к компьютеру.

– Даже если мы успеем на все рейсы, у нас остается лишь несколько часов на острове Норфолк, – сказала Сиси.

– Это крошечный островок, – заметил Флетч.

– Мэри-Кэт, можно ли попробовать связаться с вашей мамой по мобильному телефону? – спросила Крисси. – В смысле, отправиться туда и обнаружить, что ее там нет, будет очень обидно.

– Конечно, я могу попытаться. И еще я могу позвонить ее подруге Бриджит, у которой она гостит. Мама оставила ее телефон на холодильнике; я позвоню им обеим.

– Нам повезло, – сказал Флетч. – Есть рейс с острова в Сидней, в пять часов вечера. Если вы приземлитесь в 10:40 по норфолкскому времени, у вас будет достаточно времени для встречи с матерью Мэри-Кэт. Которую, кстати, здесь всегда называли Мерри, или Смешинкой, потому что она очаровательно хихикает.

– Это здорово, – улыбнулась Крисси.

– Мне даже ребенком не давали никаких прозвищ, – прошептала Сиси, обращаясь к подруге. – Мы с Электрой были вздорными и крикливыми сестрами.

– Я только что пробовала дозвониться до моей мамы и Бриджит, но меня перевели на голосовую почту и по мобильному, и по стационарному телефону, – сказала Мэри-Кэт, пришедшая с кухни. – Я оставила сообщения, что вы собираетесь приехать завтра и поговорить с мамой насчет кольца, так что если они прослушают свои автоответчики, то узнают о вашем визите.

– Ну, как? – Флетч оторвался от компьютера и посмотрел на них. – На рейсы до Окленда и острова Норфолк осталось только три места, плюс два места на рейс до Сиднея. Вы собираетесь лететь или нет?

Сиси посмотрела на Крисси, и та пожала плечами:

– Раз мы здесь, Си, то по меньшей мере должны попытаться увидеться с матерью Мэри-Кэт.

– Да, ты права, даже если завтра нам придется встать до рассвета. Флетч, вы можете забронировать билеты, если я дам реквизиты моей кредитной карты? Прошу прощения, но мы вряд ли найдем поблизости интернет-кафе.

– Не беспокойтесь, все равно не найдете. Я сделаю, что нужно.

– Да, и последнее: вы можете предложить нам место для ночлега? – спросила Крисси, как всегда озабоченная практическими вопросами.

– Конечно, прямо здесь, во флигеле, – сказала Мэри-Кэт. – Это спальни для работников, но я вполне уверена, что у нас есть хотя бы одна свободная комната. Ничего особенного, просто спальные места, но хотя бы есть где преклонить голову.

– Огромное спасибо, – сказала Крисси. – Теперь мы больше не будем докучать вам. Мне, например, хочется погулять вокруг: здесь невероятно красивые места.

– Хорошо, я только покажу ваши спальные места, и... – Мэри-Кэт посмотрела на Флетча, прежде чем добавить: – Мама оставила полный холодильник, так что я могу разморозить кастрюльку с тушеной курицей на ужин. Хотите присоединиться? Я бы с радостью послушала о вашей семье и о нашей предполагаемой связи.

– Да, было бы грандиозно, если бы вы оказались потерянной сестрой. – Сиси улыбнулась. – И так любезно с вашей стороны пригласить нас! Спасибо за гостеприимство.

– Так принято у нас, в Новой Зеландии. – Флетч пожал плечами. – Делись, и с тобой поделятся.

– Спасибо, – сказала Крисси. – До скорой встречи.

Воздух на улице был свежим и прохладным, а небо приобрело глубокий лазурный оттенок.

– Здесь совсем не так, как в Австралии; это больше похоже на Швейцарию с ее горами, но все выглядит гораздо более диким и неухоженным, – заметила Сиси, пока они прогуливались между акрами виноградной лозы. Они нашли узкую тропу, которая вела вверх по склону пологого холма, здесь растительность становилась все более буйной и неухоженной. Сиси проводила пальцами по листьям кустарника, наслаждаясь пряными запахами зелени.

Она слышала крики незнакомых птиц и шелест воды в стороне, поэтому увлекла Крисси в ту сторону. Они раздвигали ветви, все еще влажные от утреннего дождя и блестящие на солнце, пока не вышли на берег ручья с кристально чистой водой, бежавшей по гладким серым камням. Девушки наблюдали за стрекозами, летавшими над поверхностью, и Сиси улыбнулась подруге.

– Хотелось бы подольше задержаться здесь, – сказала она. – Такое прекрасное и мирное место.

– Однажды я бы с удовольствием вернулась сюда и побольше разузнала об этих краях, – согласилась Крисси. – Послушай, что ты думаешь о нежелании Мэри-Кэт знать о своих биологических родителях? Ведь у тебя тоже определенно были сомнения, когда ты отправилась на поиски собственных предков.

– Там было по-другому. – Сиси смахнула мошку с лица и отдышалась, потому что они шли вверх по течению ручья. – Па только что умер, а Стар стала какой-то чудной и отстраненной. Мне нужно было заняться чем-то своим, понимаешь? У Мэри-Кэт остались любящая мать и брат, поэтому она, наверное, не испытывает желания рыться в своем прошлом.

Крисси кивнула, а потом потянула Сиси за руку, останавливая ее.

– Давай ненадолго остановимся. У меня разболелась нога.

Они уселись на мшистой полянке, чтобы перевести дыхание, и Крисси положила ноги на колени Сиси. В уютной тишине они смотрели на долину, где фермерский дом внизу и аккуратные ряды виноградных лоз на террасированном склоне были единственным признаком человеческого присутствия.

– Выходит, мы нашли ее? – наконец спросила Сиси.

– Хочешь знать мое мнение? Думаю, это вполне возможно.

* * *

Ужин вместе с Флетчем и Мэри-Кэт прошел в непринужденной обстановке. Уже за полночь, после двух бутылок превосходного местного «Пино Нуар» Сиси и Крисси пожелали хозяевам спокойной ночи и удалились во флигель. Как и сказала Мэри-Кэт, обстановка в комнате была простой, но там имелось все необходимое, включая душ и теплые шерстяные одеяла на случай ночных холодов.

– В Алис-Спрингсе я обычно сбрасывала с себя простыню, потому что истекала потом, а здесь мне уютно под одеялом, – хихикнула Сиси. – Что ты думаешь о Мэри-Кэт?

– Думаю, она классная, – ответила Крисси. – И если она окажется твоей потерянной сестрой, будет славно видеть ее рядом.

– Она сказала, что ей двадцать два года, и это идеально вписывается в наш расклад. Электре сейчас двадцать шесть, и она пока что самая младшая из нас... А может быть, мы охотимся за призраками, – сонно добавила Сиси. – Извини, но я засыпаю.

Крисси протянула руку с соседней кровати и прикоснулась к ее руке.

– Доброй ночи и сладких слов, милая. Завтра нам рано вставать, это правда.

4

– Пора просыпаться, Си. Мы скоро приземлимся, и тебе нужно пристегнуть ремень безопасности.

Голос Крисси ворвался в сны Сиси; когда она открыла глаза, Крисси уже застегивала ее ремень.

– Где мы?

– Примерно в тысяче футов над островом Норфолк. Ого, какой он маленький! Как один из тех атоллов в рекламных буклетах Мальдивских островов. Посмотри вниз: он утопает в зелени, а вода потрясающего бирюзового оттенка. Интересно, Мерри или ее подруга Бриджит прослушали свои сообщения?

Сиси нервно выглянула из иллюминатора.

– Это выяснится после посадки. По словам Мэри-Кэт, она сказала им насчет нашего рейса, поэтому – кто знает? – они даже могли приехать в аэропорт для встречи с нами. О боже, ты это видела? Похоже, будто посадочная полоса тянется прямо в море! Лучше я не буду смотреть туда.

Сиси отвернулась, когда двигатели самолета взревели перед посадкой.

– Ох, как я рада, что это закончилось, – сказала она, когда пилот резко притормозил и самолет остановился на рулежной дорожке.

Они сошли по трапу маленького самолета с рюкзаками за спиной и направились к миниатюрному зданию норфолкского аэропорта. Они миновали маленькую толпу встречающих, ожидавших за оградой, прошли таможенный контроль и вышли в небольшой зал прибытия, где та самая горстка встречающих направилась навстречу гостям.

Девушки всматривались в лица людей, большинство из которых уже встретили своих знакомых и направлялись к выходу.

– Кажется, они не получили сообщения. – Крисси пожалала плечами. – Так или иначе, Мэри-Кэт сказала, что отсюда двадцать минут пешком до дома Бриджит. Но в какую сторону?

– Если сомневаешься, обращайся в справочный стол туристической информации. Кстати, вот и он. – Сиси кивнула молодому человеку, который сидел за столом, заваленным красочными буклетами.

– Добрый день, чем могу вам помочь?

– Мы ищем дорогу или улицу под названием... – Крисси достала сложенный листок бумаги из кармана джинсов, – ...Хэдстоун.

– Это очень просто; она находится вон там, в конце летного поля. – Парень указал вдаль. – Просто обойдите аэропорт по периметру и поверните налево. Там увидите знак «Хэдстоун-роуд».

– Спасибо, – сказала Сиси.

– Ищете, где можно остановиться? – деловито спросил молодой человек. – Могу предложить несколько идей.

– Нет, мы возвращаемся в Сидней во второй половине дня.

– Значит, мимолетный визит, – пошутил парень. – Тогда почему бы не оставить на хранение ваши рюкзаки, чтобы не тащить их с собой? Только возьмите купальники на тот случай, если захотите окунуться перед отлетом. Здесь есть несколько отличных пляжей.

– Спасибо, мы так и сделаем.

Парень указал в сторону зоны регистрации, и, к их удивлению, они смогли тут же зарегистрироваться на рейс в Сидней.

– Обожаю это место, – сказала Сиси, доставая из рюкзака купальник и полотенце. – Все так неформально.

– Прелесть жизни на маленьком острове, – сказала Крисси, когда они вышли из аэропорта. – И здесь столько зелени... только посмотри на эти деревья! – Она указала на ряды высоких хвойных красавцев по обе стороны улицы.

– Они называются норфолкскими соснами, – сказала Сиси. – Па Солт посадил несколько штук по краю нашего сада в Атлантике, когда я была маленькой.

– Я потрясена, Си; не думала, что ты ботаник.

– Ты знаешь, что я не ботаник, но норфолкская сосна была одним из моих первых детских рисунков. Разумеется, это была ужасная мазня, но Ма вставила рисунок в рамку, и я подарила его папе на Рождество. Думаю, он до сих пор висит на стене его кабинета.

– Здорово. Итак... что мы собираемся сказать, когда встретимся с ними? – спросила Крисси.

– Думаю, то же самое, что мы сказали Мэри-Кэт. Я просто надеюсь, что они окажутся дома. После раннего подъема и двух перелетов я чувствую себя измотанной, а ведь впереди еще два перелета!

Через несколько минут они увидели дорожный знак с надписью «Хэдстоун-роуд».

– Какой номер дома?

– Я не вижу никаких номеров, – сказала Сиси. Они проходили мимо деревянных бунгало, окруженных безупречно ухоженными садами, с живыми изгородями из гибискуса, покрытого яркими цветами.

– Дом называется... – Крисси изучила слово, написанное Мэри-Кэт на листке. – Понятия не имею, как это произнести.

– Не проси меня попробовать, – хихикнула Сиси. – Здесь все гордятся своим жильем, верно? Это напоминает мне английский поселок с идеально подстриженными газонами.

– Смотри, вот он! – Крисси подтолкнула подругу и указала на аккуратную вывеску с названием «Siocháin»^[3].

Они стояли перед решетчатой оградой, окружавшей территорию усадьбы. Бунгало было простым и опрятным, как и все остальные, с парой садовых гномов, стоявших на страже по обе стороны от входа.

– Они одеты в цвета ирландского флага, поэтому думаю, что это гэльское название, а хозяева – ирландцы, – сказала Крисси, когда они осторожно вошли на участок.

– Слушай, кто будет говорить? – тихо спросила Сиси, когда они подходили к двери.

– Ты начнешь, а я помогу, если будешь запинаться, – предложила Крисси.

– Ну, была не была, – сказала Сиси, прежде чем нажать на кнопку звонка, который отозвался короткой мелодией, похожей на ирландскую

джигу. Ответа не последовало. После четвертого звонка Крисси повернулась к подруге.

– Как насчет того, чтобы заглянуть на задний двор? Сегодня прекрасный денек, и они могут быть в саду.

– Стоит попробовать, – отозвалась Сиси.

Они обошли дом сбоку и вышли на задний двор, окаймленный банановыми пальмами. Веранда со столом и стульями, защищенными навесом от солнца, была пустой.

– Проклятие! – в сердцах воскликнула Сиси. – Здесь никого нет.

– Смотри! – Крисси указала в глубину длинного сада, где какой-то человек копал землю. – Давай пойдем и спросим его.

– Эгей! – позвала Крисси, когда они подошли ближе, и в конце концов человек – широкоплечий мужчина лет шестидесяти с лишним – поднял голову и помахал им. – Может быть, он ожидал нашего прихода?

– А может, он просто проявляет дружелюбие. Ты заметила, что водители проезжавших автомобилей тоже махали нам?

– Здравствуйте, девушки, – сказал мужчина, опершись на черенок лопаты. – Что я могу сделать для вас?

Он говорил с явственным австралийским акцентом.

– Уф, здравствуйте. Вы, э-э-э... живете здесь? Я имею в виду, это ваш дом?

– Ну да. А вы кто будете?

– Меня зовут Сиси, а это моя подруга Крисси. Мы ищем женщину... на самом деле двух женщин. Одну из них зовут Бриджит Демпси, а другую – Мерри, или Мэри Макдугал. Вы их знаете?

– Знаю. – Мужчина кивнул. – Особенно Бридж, потому что она моя жена.

– Великолепно! Они где-то рядом?

– Боюсь, что нет, девочки. Они обе вчера улетели в Сидней и оставили меня в гордом одиночестве.

– Вы не шутите? – Сиси в расстройстве повернулась к Крисси. – Мы могли бы полететь прямо туда. Мэри-Кэт, дочь Мерри, сказала нам, что она собиралась улететь только завтра.

– Верно, – сказал мужчина. – Мерри остановилась у нас, но потом вдруг передумала и предложила Бридж слетать в Сидней для шопинга и «девичьей вечеринки» в большом городе.

– Проклятие, – тихо повторила Сиси. – Очень жаль, поскольку мы проделали долгий путь ради встречи с ней и сегодня улетаем в Сидней. Вы, случайно, не знаете, долго ли Мерри пробудет в Сиднее?

– Она вроде бы сказала, что собирается улететь из Австралии в Европу поздним вечерним рейсом. А я собираюсь забрать Бридж в местном аэропорту во второй половине дня.

– Должно быть, это тот самый самолет, на котором *мы* собираемся улететь, – сказала Крисси и закатила глаза в притворном отчаянии.

– Я могу чем-то помочь? – спросил мужчина, снимая фетровую шляпу и вытирая носовым платком вспотевший лоб.

– Спасибо, но мы пришли побеседовать с Мерри, – сказала Сиси.

– Тогда почему бы нам не уйти из-под палящего солнца и не присесть на веранде? Мы можем выпить по паре банок пива или колы, и вы объясните, зачем вам понадобилось встретиться с Мерри. Кстати, меня зовут Тони, – добавил хозяин, когда они последовали за ним через сад в прохладную тень под навесом. – Пойду возьму пивка, и мы побол таем.

– Похоже, он хороший мужик, – заметила Крисси, когда они уселись.

– Да, но он не тот, с кем мы хотели поговорить, – вздохнула Сиси.

– Ну вот. – Тони вернулся и выставил перед ними банки ледяного пива. Когда все с благодарностью отхлебнули по глотку, он продолжил: – Так что за история?

Сиси, как могла, постаралась объяснить, а Крисси при необходимости вставляла подробности.

– Да, вот так небылица, – хохотнул Тони. – Хотя не возьму в толк, где тут связь между вами и Мерри.

– Откровенно говоря, я тоже, и у меня такое ощущение, будто мы идем по ложному следу, но мы все равно решили попробовать, – сказала Сиси, чувствуя себя измученной и опустошенной.

– Мэри-Кэт оставила для своей мамы и для Бриджит сообщения о нашем приезде, – сказала Крисси. – Они не получили их?

– Не знаю, потому что вчера я весь день чинил ванную для моей супруги. И, если честно, я не очень хорошо знаком с Мерри, дорогая. Я познакомился с Бридж два года назад, когда она попросила меня построить для нее вот это. – Он широким жестом указал на бунгало. – Родители привезли меня сюда из Брисбена, когда я был ребенком, я

строитель по профессии. Моя первая жена умерла много лет назад, и когда Бридж переехала сюда, она тоже была одинокой. Никогда не думал, что в моем возрасте найду себе другую женщину, но у нас как-то все срослось с самого начала. Мы поженились полгода назад.

Он широко улыбнулся.

– Значит, вы лишь недавно познакомились с Мерри?

– Я впервые встретился с ней на нашей свадьбе.

– А ваша жена, случайно, не ирландка? – упрямо продолжала Крисси.

– Вы правильно догадались. – Тони кивнул. – Так и есть, и она гордится своим семейным прошлым.

– Нам сказали, что Мерри тоже родилась в Ирландии, – сказала Сиси.

– Мне известно, что они вместе учились в школе, а потом поступили в Дублинский университет. Потом они надолго расстались, так бывает, не правда ли, когда люди разъезжаются кто куда после университета? Но теперь они снова не разлей вода. Будете сэндвичи? А то у меня уже урчит в животе.

– Если вас не затруднит, это было бы здорово, – вставила Сиси, прежде чем Крисси успела вежливо отказаться. У Сиси тоже урчало в желудке. – Мы можем помочь вам.

Они последовали за Тони на опрятную кухню, где он с гордостью продемонстрировал дело своих рук.

– Никогда не думал, что буду жить здесь, – сказал он, доставая из холодильника ветчину и сыр. – У нас тут некоторые перебои с провиантом; как вы понимаете, все приходится доставлять по морю или по воздуху. Новая доставка будет только завтра.

– Должно быть, замечательно жить в таком месте, – сказала Крисси, намазывая хлеб маслом.

– По большей части да, – согласился Тони. – Но, как и в случае с Робинзоном Крузо, жизнь на острове имеет свои недостатки. Здесь мало интересного для молодых людей, и большинство из них уезжает, чтобы поступить в колледж или найти работу. Интернет чудовищный, и, если у вас нет своего бизнеса, как у меня, туризм остается главной и практически единственной индустрией. Остров становится уделом для пожилых людей, хотя есть возможности улучшить положение вещей, привнести новую кровь. Это славное место для воспитания детей.

Здесь все знают всех и есть реальное ощущение сплоченности. Все очень дружелюбны, преступления случаются редко. Ну что, давайте отнесем наш улов на веранду?

Девушки вернулись на веранду следом за Тони и разобрали свои сэнд вичи.

– Тони?

– Да, Сиси?

– Я вот подумала... Пока Мерри была здесь, она носила кольцо с изумрудом?

Тони добродушно рассмеялся:

– Обычно я не обращаю внимания на подобные вещи. Бридж говорит, что я даже не замечу, если она переоденется в Санта-Клауса, и, наверное, она права. Хотя... Обождите минутку. – Он провел пальцами по короткой бороде. – Если подумать, то я помню, как пару дней назад Бридж и Мерри сравнивали свои кольца. Обручальное кольцо, которое я купил для Бридж, разумеется, было с зеленым камнем: она ведь ирландка.

– И?... – Сиси подалась вперед.

– Мерри тоже показала кольцо с изумрудом; они сравнивали кольца и хихикали как девчонки, понимаете?

– То есть у нее было кольцо с изумрудом?

– Да. Они смеялись, потому что Бридж заявила, что ее изумруд крупнее, чем у Мерри.

Сиси и Крисси обменялись взглядами.

– Это воодушевляет, – кивнула Сиси. – В конце концов, похоже, что мы на правильном пути. А вы знаете, куда она собиралась после Сиднея?

– Да, она направлялась в Канаду, вроде бы в Торонто, но я могу узнать у Бридж.

Крисси посмотрела на часы:

– Спасибо за помощь и за сэндвичи, Тони. Мы собираемся немного поплавать, прежде чем вернемся в аэропорт.

– Тогда поскорее очищайте ваши тарелки, я не хочу оставлять здесь невымытую посуду. А потом можете забраться в мой пикап, и мы совершим короткую экскурсию по острову, заодно искупаемся, ладно?

– Отлично! – улыбнулась Сиси. – Мы будем только рады!

После быстрой экскурсии по острову, который можно было пересечь из конца в конец за двадцать минут, Тони повез их по узкой дороге.

– Посмотрите на них. – Он указал на ряд старых деревьев, нависавших впереди.

– Они кажутся древними, – сказала Сиси. – Что это за деревья?

– Это фиговые пальмы Мортон-Бэй; некоторым из них больше ста лет, – ответил Тони, когда они проехали мимо аэропорта и свернули вниз по извилистой дороге мимо маленького моста и группы каменных зданий. Потом они оказались перед почти пустым пляжем, где у берега плескались мелкие волны. Вдалеке линия пенистых бурунов указывала на коралловый риф. Тони повел их к кабинке для переодевания, и вскоре они вышли оттуда в купальниках и с полотенцами, обернутыми вокруг талии.

– Давайте наперегонки! – крикнул Тони и побежал к прибою по теплому песку. – Кто последний, тот слабак!

Он забежал в воду по пояс и нырнул. В нескольких метрах от края воды Сиси помогла Крисси отстегнуть ножной протез. Крисси завернула его в полотенце и уложила на безопасном расстоянии от волн.

– Я всегда боюсь, что кто-то может украсть его, – призналась она, пока Сиси помогала ей дойти до воды.

– Даже не представляю, какой сволочи это может понадобиться, – сказала Сиси. – Ну что, заходим? Постарайся не уплыть далеко! – крикнула она, потому что Крисси сразу же нырнула в воду. Хотя у нее осталась только одна нога, будучи опытной пловчихой, раньше побеждавшей на чемпионатах, она каждый раз после первых нескольких гребков заставляла Сиси играть в догонялки.

– Разве не фантастика? – крикнул Тони, плескавшийся в воде в нескольких метрах от них.

– Это точно, – согласилась Крисси, которая перевернулась на спину и подставила лицо солнечным лучам. – Я даже не сознавала, как сильно мне не хватает моря, пока мы жили в Алис-Спрингсе.

Крисси снова повернулась, одним движением ушла под воду и вынырнула только через полминуты.

– Пожалуйста, Крисси, не уплывай слишком далеко! – крикнула Сиси. – Я не хочу, чтобы ты попала в беду; у меня не хватит сил спасти тебя.

Как обычно, Крисси не обратила на нее внимания. В конце концов Сиси вернулась на берег и легла на песок, чтобы немного обсохнуть.

– Ваша подруга отлично плавает, да? – сказал Тони, который тоже выбрался из воды и уселся рядом с ней. – Что случилось с ее ногой?

Сиси объяснила ему, что Крисси потеряла ногу в пятнадцать лет из-за осложнений после менингита, которые привели к сепсису.

– До того она была лучшей пловчихой в Западной Австралии, – вздохнула Сиси. – Она собиралась пройти отбор в олимпийскую команду.

– Жизнь иногда оборачивается скверной стороной. Но приятно видеть, что ваша подруга до сих пор в строю.

– Да, но я жутко боюсь, что она может нырнуть и больше не выплыть.

– Сомневаюсь, – улыбнулся Тони. – Только посмотрите на нее! Ладно, нам нужно собираться, если вы хотите успеть на самолет.

Сиси встала и замахала руками над головой, призывая Крисси вернуться на берег. Когда они оделись, Тони за несколько минут довез их до аэропорта.

– Если повезет, Бридж выйдет раньше, чем объявят посадку на ваш рейс, – сказал Тони, когда поставил автомобиль перед терминалом. Они услышали гудение самолета, заходившего на посадку.

– Как тебе мысль о том, чтобы заглянуть сюда после того, как мы вернемся из Европы? – спросила Сиси, пока они шли за Тони к аэропорту. – Я влюбилась в этот остров.

– Ладно, но давай сначала посмотрим на Европу. Даже выразить не могу, как мне не терпится увидеть ее.

– Она очень скучная по сравнению с этим местом. Толпы народу и старинные памятники.

– Сначала увижу своими глазами, а потом уж решу, – улыбнулась Крисси. – Смотри, самолет приземлился.

– Давайте выйдем на смотровую площадку, – предложил Тони. – По крайней мере, может быть, вы успеете поздороваться с Бридж.

– Отлично, – сказала Сиси. Дверь крошечного самолета открылась, и первые пассажиры начали спускаться по трапу.

– Смотрите, вон она! Бридж, я здесь! – крикнул Тони, когда ярко одетая рыжеволосая женщина с пышными формами, державшая в руках кучу магазинных пакетов, вышла из самолета. Она улыбнулась Тони и помахала ему. – Пойдемте, давайте поздороваемся.

Сердце Сиси гулко билось в груди, когда женщина подошла к ограждению, отделявшему прибывающих пассажиров от тех, кто приехал встречать их. Бриджит остановилась перед ними и сдвинула на макушку огромные солнечные очки.

– Как дела, куколка? Я уже соскучился без тебя. – Тони поцеловал ее над оградой. – Слушай, пока ты была в отъезде, меня посетили две юные дамы. Они приехали, поскольку думали, что Мерри все еще находится на острове. Бриджит, это Сиси и Крисси.

«Возможно, я просто разнервничалась, – подумала Сиси, – но она изменилась в лице, когда Тони сказал, кто мы такие. Это ей не понравилось».

– Добрый день, – сказала Бриджит с натянутой улыбкой.

– Они хотели узнать, носила ли Мерри кольцо с изумрудом, пока гостила у нас, – продолжал Тони. – Я сказал, что носила. Я оказался прав, для разнообразия?

– Я не запоминаю такие подробности, дорогой, – ответила Бриджит и опустила на глаза солнечные очки.

– Кажется, я слышал, как вы болтали между собой, что у вас похожие кольца.

– Думаю, тебе показалось или ты перепил в тот вечер, Тони. Потому что я не помню никакого разговора о кольцах.

– Но...

– Ну а теперь мне лучше пройти через таможенный контроль. Пожалуй, они могут задержать меня с таким количеством сумок из Сиднея. Приятно было познакомиться с вами, – сказала она девушкам, потом повернулась к Тони и подчеркнуто добавила: – А с *тобой* мы встретимся у выхода.

Тони озадаченно посмотрел на подруг.

– Вам тоже лучше поторопиться, потому что посадку на ваш рейс могут объявить в любой момент, – сказал он.

– Мы можем обменяться номерами? – попросила Сиси, доставая свой мобильный телефон.

Тони продиктовал свой номер.

– Было чудесно познакомиться с вами и увидеть кусочек острова, – сказала Сиси. – И большое спасибо за гостеприимство.

– Да, мне тоже было приятно. Если решите вернуться сюда, обязательно загляните к нам, ладно?

– До свидания, Тони, и еще раз спасибо!

– Ох, ничего себе, – произнесла Крисси, когда они вошли в зону безопасности и она выкатила тележку с липкой этикеткой, сообщавшей пассажиру, что данное средство предназначается для транспортировки наполнителя для кошачьего туалета.

– Да уж, – отозвалась Сиси, когда они прошли через сканер и начали собирать свои вещи. – Бриджит была не слишком рада видеть нас, а?

– Определенно не рада, – сказала Крисси.

– Интересно почему, – задумчиво произнесла Сиси. – Что она знает такого, чего не знаем мы?

– В данный момент практически все, – ответила Крисси, когда они подошли к очереди на посадку.

Атлантис

– Тебе звонят, – сказала Клавдия и передала трубку Майе. – Это Сиси.

– Алли! – позвала Майя, повернувшись к веранде, где ее сестра сидела на солнце и заканчивала завтрак. – Привет, Сиси, – сказала она, когда Алли вошла и они сблизили головы возле трубки. – Где ты?

– Мы в Сиднее. Собираемся зарегистрироваться на рейс в Лондон, но я решила позвонить тебе перед отлетом и ввести в курс дела.

– Вы нашли ее?

– Ну, мы встретились с Мэри-Кэт Макдугал. Мы думаем, что она может быть потерянной сестрой, поскольку она сказала, что ее удочерили, а это согласуется с нашей общей историей. Кстати, ей двадцать два года, и это тоже соответствует ожиданиям.

– Фантастика! – прошептала Алли.

– Как насчет кольца с изумрудом? – спросила Майя. – Она узнала его?

– Пожалуй, да. Если это то самое кольцо, то она получила его в подарок от матери на двадцать первый год рождения.

– Вот это да! – воскликнула Алли. – Наверное, ты все-таки *нашла* ее! Ты видела кольцо?

– Нет, мы не видели, поскольку ее мама, которую тоже зовут Мэри – хотя она предпочитает прозвище Мерри, – попросила у Мэри-Кэт это кольцо на время путешествия. Фактически мы умудрились дважды разминуться с Мерри; первый раз всего лишь на пару дней, а во второй раз... Мы с Криси обсудили это дело, и нам хотелось бы знать, не покинула ли Мерри остров Норфолк на сутки раньше, чем собиралась, потому что узнала о нашем приезде.

– Остров Норфолк? Где это? – спросила Майя.

– В южной части Тихого океана, между Новой Зеландией и Австралией, – сказала Сиси. – Живописный островок, но он застрял в прошлом, и телефонный сигнал почти не проходит. Мэри-Кэт сообщила, что ее мама отправилась туда, чтобы повидаться со своей лучшей подругой Бриджит. Поэтому мы направились туда, но оказалось, что она уже уле тела.

– Проклятие! – пробормотала Алли. – Значит, сейчас она в Сиднее?

– Нет. Судя по таблице отбывающих рейсов, ее самолет только что улетел в канадский Торонто. А мы хотим посоветоваться: стоит ли нам ехать в Лондон, как было запланировано?

– Я совсем запуталась, – вздохнула Алли. – Но если она улетела, то да, разумеется. Вы уверены, что она направилась в Торонто?

– Да. Я только что связалась с ее дочерью Мэри-Кэт, и она подтвердила, что это следующая остановка в графике Мерри. Она сказала, что постарается выяснить, где остановилась ее мама. Мне жаль расстраивать тебя, Алли, но мы старались, как могли.

– Не глупи, Сиси. Вы с Криси проделали фантастическую работу, так что спасибо вам.

– Думаю, мы на верном пути, но все равно нужно увидеть это кольцо, – сказала Сиси. – Слушай, нам пора регистрироваться на рейс,

но у меня есть еще новости для тебя. Например, Мерри родилась в Ирландии, а у Мэри-Кэт есть брат, и...

– Лучше иди на регистрацию и позвони нам после посадки, – посоветовала Алли. – Спасибо за твои старания и находки.

После окончания разговора Алли и Майя обменялись взглядами и вышли на веранду.

– Итак... Что ты думаешь об этом? – спросила Майя.

– Дай-ка я принесу ручку и блокнот, чтобы записать ее слова, пока мы не забыли. – Алли метнулась на кухню, а когда вернулась, то сразу начала записывать. – Первое: у нас есть двадцатидвухлетняя девушка по имени Мэри-Кэт. Второе: мы установили, что кольцо с изумрудом, вероятно, принадлежало ее матери. Дочь получила кольцо в подарок, когда ей исполнился двадцать один год.

– Третье, и, возможно, наиболее важное: мы знаем, что Мэри-Кэт удочерили, – встала Майя.

– Четвертое: ее маму тоже зовут Мэри, хотя она предпочитает прозвище Мерри, – продолжила Алли. – Пятое: у Мерри сейчас находится то самое кольцо с изумрудом, которое нам нужно увидеть для подтверждения.

– Сиси еще сказала, что у нее есть брат...

Алли записала и это, потом немного подумала и написала «Торонто».

– Итак, кого мы пошлем в Торонто, если узнаем, где остановилась Мерри? – спросила она.

– Думаешь, стоит попробовать?

– А ты?

Майя устремила взгляд на дорожку, ведущую к саду Па Солта.

– Имя Меропы было выгравировано на одной полосе армиллярной сферы вместе с нашими именами, – сказала она. – Па не стал бы этого делать, если бы ее не существовало, правда?

– Если только он не выдавал желаемое за действительное. Но особенно важно, что Георг верит в ее существование. По его словам, он получил эти сведения от Па Солта незадолго до его смерти. Он сказал, что ее зовут Мэри Макдугал и что она живет на семейной винодельне в Новой Зеландии; теперь мы знаем, что это правда. И у нее *есть* необычное кольцо с изумрудом. Мэри-Кэт думает, что узнала его по картинке, но...

– Возможно, у Георга есть более подробная информация. Давай позвоним ему, ладно? – предложила Майя.

Алли пошла на кухню и набрала номер офиса Георга. Через несколько секунд ее приветствовал жизнерадостный голос его секретарши.

– Добрый день, Жизель, это Алли Деплеси. Георг у себя?

– Добрый день, мадемуазель Деплеси. Мсье Гофман отлучился по делам.

– О, понятно. Когда он вернется?

– Простите, я не знаю, но он просил заверить вашу семью, что вернется вовремя для совместного выхода в море в конце этого месяца.

– Вы не могли бы передать ему сообщение? – спросила Алли. – Это срочно.

– Сожалею, мадемуазель Деплеси, но я не могу связаться с ним до его возвращения. Он обязательно позвонит вам, как только вернется.
Au revoir.

Жизель повесила трубку, прежде чем Алли успела ответить. Алли вернулась на веранду, растерянно качая головой.

– Майя, Георг пропал.

– Что значит «пропал»?

– Секретарша говорит, что он уехал по вызову и она не может с ним связаться. Очевидно, он не вернется до нашей церемонии выхода в море.

– Он занятой человек, и Па Солт не был его единственным клиентом.

– Разумеется, но он может владеть нужной для нас информацией, – сказала Алли. – И в последний раз, когда он был здесь, он уехал в большой спешке. Все, что у нас есть, – это имя и рисунок кольца. Что ж, полагаю, нам придется продолжать без него.

– То есть попытаться найти маму Мэри-Кэт в Канаде? – спросила Майя.

– По крайней мере, мы можем попробовать. Что нам терять?

– Пожалуй, нечего, – согласилась Майя. – Но кого мы отправим в Торонто?

– Ближайшая из наших сестер – Электра, но мне нужно посмотреть, как далеко от Торонто до Нью-Йорка, – ответила Алли.

– Думаю, недалеко, – сказала Майя. – Спросим Электру, сможет ли она поехать в ближайшие дни, но я знаю, что репортеры все еще осаждают ее после недавнего концерта в пользу Африки. Возможно, у нее не найдется времени. Вчера, когда я была в Женеве, ее лицо красовалось на страницах всех газет.

– Она определенно умеет завоевывать внимание, да?

– Честно говоря, Алли, она произвела гораздо лучшее впечатление после того, как выписалась из реабилитационной клиники. Не думаю, что ее речь на концерте была лишь попыткой привлечь к себе внимание. Она всерьез хочет помогать людям с пагубными привычками, и если она будет пользоваться своей славой для благих целей, то это чудесно, не правда ли? Она станет вдохновляющей ролевой моделью.

– Ну да, конечно, – зевнула Алли. – Извини, за последние недели я стала брюзгливой, как старуха.

– Это из-за постоянной усталости, – утешила ее Майя.

– Наверное. Я думала, что после всего, что мне пришлось пережить за мою яхтенную карьеру, роль матери-одиночки будет простым делом, но знаешь что? Это самое трудное, что мне приходилось делать.

– Все говорят, что после первых месяцев становится легче, и, по крайней мере, следующие несколько недель у Бэра будет масса тетушек, готовых позаботиться о нем.

– Знаю, и Ма замечательно поддерживает меня. Просто иногда...

– Что?

– Я заглядываю в будущее и вижу себя одинокой, – призналась Алли. – Не могу представить, что я смогу так же сильно полюбить кого-то, как любила Тео. Да, мы совсем недолго были вместе – так все говорят, когда пытаются утешить меня, – но мне это казалось вечностью. И... – Алли покачала головой, и по ее бледным щекам побежали слезы.

– Мне так жаль, дорогая. – Майя бережно обняла младшую сестру. – Нет смысла говорить тебе, что время лечит, что ты молода и, конечно же, у тебя есть будущее, хотя сейчас ты не видишь его. Но оно есть, я обещаю.

– Может быть, но я все время чувствую себя виноватой. Мне следует быть счастливой, потому что у меня есть Бэр. Разумеется, я

всей душой люблю его, и, конечно, он самое лучшее, что у меня есть, но... мне так не хватает Тео. Извини, извини... обычно я не довожу дело до слез.

– Знаю, Алли, но иногда хорошо выпустить чувства наружу. Ты очень сильная; во всяком случае, гордость не позволяет тебе быть слабой, но у каждого есть свой предел прочности.

– Думаю, мне просто нужно как следует выспаться. Даже когда Ма дежурит в ночную смену, я все равно просыпаюсь, если слышу плач Бэра.

– Пожалуй, мы сможем устроить тебе короткий отпуск. Мы позаботимся о Бэре, не сомневайся в этом.

Алли с ужасом посмотрела на Майю.

– Какая мать может «уйти в отпуск» от своего младенца?

– Та, которая может себе это позволить, – прагматично отозвалась Майя. – Если оглянуться в прошлое, то молодые мамы не полагались на своих мужей; у них было множество родственниц, которые поддерживали их. У тебя же не было никакой поддержки с тех пор, как ты переехала в Норвегию. Пожалуйста, Алли, не доводи себя до предела. Я знаю, как тяжело устраивать жизнь в новой стране, а ведь я хотя бы говорю по-португальски и могу нормально общаться с бразильцами.

– Я пробовала учить норвежский, но это очень трудный язык. В моей женской консультации были славные молодые женщины, которые немного говорили по-английски, но после того, как у всех появились дети, наши пути разошлись. У них есть свои семьи, понимаешь? А у меня закрадывались мысли, не была ли ошибкой сама мысль о переезде туда. Было бы замечательно, если бы я играла в оркестре и занималась другими делами, но пока что я просто застряла непонятно где вместе с Бэром. – Алли жестко провела ладонями по глазам. – Господи, мне еще только жалоб не хватало.

– Ты не жалуешься, а принятые решения всегда можно пересмотреть. Наверное, эти несколько недель в Атлантике, а потом возвращение в твой любимый океан дадут тебе какое-то время для размышлений.

– Да, но куда мне податься? То есть я люблю Ма и Клавдию, но не думаю, что смогу навсегда вернуться в Атлантику.

– И я тоже, Алли, но в мире есть и другие места. Не обязательно замыкаться в своей раковине.

– Стало быть, ты думаешь, что я должна наугад ткнуть булавкой в карту и отправиться туда, куда она укажет? Нет, так не годится. У тебя есть гигиенические салфетки?

– Вот, возьми. – Майя сунула руку в карман джинсов и протянула упаковку. – В общем, тетя Майя советует тебе немного вздремнуть, и позволь сегодня ночью мне с Ма поухаживать за Бэрром. У меня все равно бессонница после долгого перелета. Правда, Алли: я думаю, что у тебя в голове все смешалось от усталости. Очень важно, чтобы ты немного отдохнула перед приездом остальных сестер.

– Ты права, – вздохнула Алли. Она сняла с запястья резинку для волос и собрала свои локоны в узел на затылке. – Ладно, я принимаю твоё предложение. Вставлю затычки для ушей и постараюсь не обращать внимания на младенческие вопли.

– Почему бы тебе не прилечь в одной из свободных спален под нами, на этаже Па Солта? Там ты не услышишь, если Бэр начнет плакать. А я пока что проверю расписание рейсов из Нью-Йорка до Торонто, а потом позвоню Электре и узнаю, сможет ли она отправиться в Канаду.

– Хорошо, тогда я пошла спать. Бутылочки Бэра стоят в холодильнике, если они тебе понадобятся; сменные подгузники лежат в тумбочке, и...

– Я знаю, как все устроено, – ласково отозвалась Майя. – А теперь иди и поспи.

* * *

Когда Майя выяснила, что Торонто находится в двух часах полета от Нью-Йорка, она взяла мобильный телефон и позвонила Электре. Она не ожидала ответа, поскольку в Нью-Йорке было раннее утро, поэтому удивилась, когда услышала голос сестры на другом конце линии.

– Майя! Как твои дела?

«*Даже по телефону она теперь отвечает не так, как раньше*», – подумала Майя. Раньше Электра никогда не интересовалась *ее* делами.

– Немного сбилась с часовыми поясами после перелета, но прекрасно побывать в Атлантике и встретиться с Ма, Клавдией и Алли. А как дела у тебя, мисс Мировая Суперзвезда?

– Боже мой, Майя! Я никогда, никогда не ожидала, что моя речь получит такую поддержку. Такое ощущение, как будто все газеты и телеканалы в мире хотят получить интервью со мной. Мириам, – помнишь мою ассистентку? – пришлось нанять временную секретаршу, чтобы помогать ей. Я... это ошеломительно.

– Разумеется, но тому есть причина, верно?

– Да. Моя бабушка Стелла просто потрясающая. Она ведет массу дел, связанных с благотворительностью. По ее словам, у нас уже достаточно пожертвований для создания *пяти* центров социальной помощи, и целая куча благотворительных фондов предлагает мне вступить в их советы и быть их представителем. Но самое главное, со мной связались люди из ЮНИСЕФ^[4] и спросили, не хочу ли я стать всемирным послом этой организации. Стелла очень гордится этим, а мне приятна ее гордость.

– Звучит фантастически, Электра, но ты этого заслуживаешь. Ты даришь подлинное вдохновение людям, которые борются с проблемами зависимости, как пришлось бороться тебе самой. Только смотри, чтобы у тебя не произошел рецидив из-за такого сильного давления.

– Не беспокойся, никаких рецидивов. Это давление бодрит, а не расстраивает, если ты меня понимаешь. Я чувствую себя необыкновенно оживленной. И Майлз тоже молодец.

– Майлз... Это парень, с которым ты была в реабилитационной клинике?

– Да, и... в общем, мы очень сблизились за последние несколько недель. В сущности, я думаю, что если у него найдется свободное время, то я привезу его с собой в Атлантику. Он классный юрист, так что я смогу послать его в бой, если понадобится сражаться за свой угол против вас, дорогие сестрицы.

Электра хохотнула. Это был радостный, настоящий смех, которого Майя не слышала от нее уже долгие годы.

– Если кто-то в нашей безумной семейке может сражаться за свой угол, это ты, Электра. Но, разумеется, Майлз будет желанным гостем. Думаю, все кого-то привезут с собой, кроме Алли. Ее брат Том не

может приехать, поскольку сейчас он гастролирует с Бергенским филармоническим оркестром.

– Во всяком случае, у нее есть Бэр.

– Да, но сейчас у нее довольно унылое настроение.

– Да, я поняла это по нашему недавнему телефонному разговору. Ничего, мы все будем рядом, чтобы подбадривать ее, и посидим с ребенком в случае необходимости. Так ты просто позвонила, чтобы узнать, как мои дела, или есть другая причина?

– На самом деле и то и другое. Ты читала электронное письмо, которое Алли послала тебе, Тигги и Стар?

– Не читала, но ты сама понимаешь, что я находилась в полном цейтноте. Даже Мириам еще не успела разобраться с делами. О чем там написано?

Майя постаралась как можно лаконичнее описать события, произошедшие после внезапного визита Георга тем поздним вечером после концерта в пользу Африки.

– ...И теперь мы знаем, что мать Мэри-Кэт по прозвищу Мерри улетела в Торонто. При ней находится кольцо с изумрудом, которое Георг описал как доказательство для определения потерянной сестры. Мы еще посмотрим, сможем ли получить адрес Мерри в Канаде, но если сможем... Мне очень неловко обращаться с просьбой, когда ты так занята, но не могла бы ты потратить один день, чтобы слетать в Канаду и встретиться с ней? Рейс из Нью-Йорка до Торонто занимает лишь час сорок минут, поэтому...

– Уверена, что смогу, Майя. Да что там, я буду только рада возможности поскорее выбраться из города. Возьму с собой Мириам; она отлично умеет получать информацию от людей.

– Отлично, Электра! Надеюсь, мы скоро выясним, где она остановилась, и тогда я свяжусь с собой.

– Думаешь, это действительно может привести нас к потерянной сестре?

– Точно не знаю, но Георг вполне уверен в своей информации.

– Было бы великолепно, если бы мы смогли заполучить ее к себе, чтобы она смогла возложить венок вместе с нами. Па Солт был бы счастлив.

– Да, и с твоей помощью мы можем этого добиться. Ну, ладно; я понимаю, что у тебя впереди трудный день, так что мне пора

откланяться. Еще раз прими мои поздравления, младшая сестричка.

– Спасибо, о, старшая сестра. Дай знать, если получите нужный адрес, и до скорой встречи!

Повесив трубку, Майя вышла из дома и направилась к павильону, где закрыла за собой дверь. Хотя она решила спать в своей детской комнате в главном доме, чтобы быть ближе к Алли, ее старый дом здесь, здесь она так долго жила в одиночестве, уже будучи взрослой. Павильон был отмыт дочиста и проветрен Клавдией. Именно здесь они разместились с Флориано и Валентиной после приезда. Майя прошла в спальню и открыла ящик с нижним бельем. Пошарив на дне, она достала то, что искала.

Да, это по-прежнему находилось здесь. Майя спрятала предмет обратно и опустилась на кровать. Она подумала о недавних словах Алли, которая чувствовала себя виноватой из-за уныния, когда ей следовало быть счастливой. Отчасти это было справедливо и для Майи, поскольку нечто давно желанное наконец свершилось. Но в то же время это произвело странную метаморфозу в ее мозге, который как будто вознамерился извлекать болезненные события из ее прошлого...

Когда она заставила себя встать, то решила, что рада оказаться вдали от Флориано, получить некоторое время для работы над своими мыслями и чувствами, прежде чем собраться для разговора с ним.

– Не надо спешить, – прошептала она, обводя взглядом комнаты, где так долго жила. От осознания того, что она пряталась здесь от окружающего мира, словно раненое животное, к ее глазам подступили слезы. Атлантис был надежной, уютной вселенной, почти лишенной повседневных проблем. Теперь ей лишь хотелось воссоздать это чувство и ощущение, что Па Солт находится за соседней дверью, потому что она была напугана...

Мэри-Кэт Гиббстон-Вэлли, Новая Зеландия

Дождь хлестал в окна, а в долине завывал ветер, и я наконец махнула рукой на стихи для новой песни, которую пыталась сочинять

на синтезаторе. Вчера мы с Флетчем работали вместе в гостиной, пока снаружи бушевала гроза.

– Пора бы разжечь камин, подружка, – сказал Флетч. – Зима уже здесь.

Я тяжело сглотнула, поскольку ритуал зажигания первого огня перед наступающей зимой всегда проводила *только* мама. Но сейчас ее здесь не было, как не было и отца или Джека...

Тогда я напомнила себе, что мне уже двадцать два года и я должна вести себя как взрослая. Поэтому я попросила Флетча сделать фотографию, отец таким образом всегда отмечал это ежегодное событие, как другие семьи делают фотографии на дни рождения или на Рождество. И разожгла камин.

Во второй половине дня, когда Флетч уехал в Данидин (ему понадобилось завести «Сисси» от внешнего аккумулятора), я решила усовершенствовать стихи, с которыми возилась раньше. Флетч отлично поработал над мелодией, но обозвал мою лирику «депрессивной». Впрочем, он был прав. Не знаю, то ли мне было одиноко, то ли я пребывала в общей растерянности после того, как Сиси и Крисси отправились искать маму на остров Норфолк, но с творчеством у меня ничего не клеилось.

– Что ты думаешь об этих девушках, а? – спросил Флетч за бутылкой вина. – Они могут оказаться связующим звеном с твоей давно потерянной семьей, и они выглядят шикарно, не говоря о деньгах, раз у них есть яхта на Средиземном море.

– Не знаю, что и думать. Я не соврала, когда сказала им, что никогда не думала искать моих биологических родителей. Моя фамилия – Макдугал, – твердо добавила я.

Но теперь, когда я осталась наедине со своими мыслями и шатаниями по дому, полному воспоминаний об отце, вопрос о биологических родителях не шел у меня из головы.

Я раздраженно взяла дисгармоничный аккорд на синтезаторе и посмотрела на часы. Наступила полночь, и это означало, что в Торонто наступило утро.

«Тебе нужно поговорить с ней...»

Совладав с нервозностью, я потянулась к домашнему телефону, чтобы набрать номер мамы. *«Наверное, она все равно не ответит»*, – успокаивала я себя.

– Здравствуй, милая, это ты? – Мама ответила после второго гудка. Ее голос звучал устало.

– Привет, мама. Где ты?

– Только что зарегистрировалась в отеле «Рэдисон» в Торонто. У тебя все в порядке?

– Все хорошо, – сказала я. – Слушай, ты получила мое позавчерашнее сообщение о двух девушках, Сиси и Крисси, которые хотели встретиться с тобой?

– Да, получила. – Последовала пауза, а потом мама добавила: – К сожалению, когда они прибыли на остров, я уже улетела в Сидней вместе с Бриджит. Какое у тебя впечатление от них?

– Честно говоря, они довольно милые и вежливые. Флетч был здесь, и мы пообедали все вместе. Похоже, они искренне хотят найти эту потерянную сестру, как они ее называют. В сообщении я объяснила...

– Они говорили, что работают вместе с другими людьми? – перебила мама.

– Да, если ты имеешь в виду других сестер, помогающих найти тебя. Сиси сказала, что их еще пятеро, кроме нее. И все они приемные дети вроде меня. Э-э-э, мама...

– Да, милая?

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

– Мама, мне раньше ничего не хотелось знать о моих... биологических родителях, но после их вопросов я начала думать, что, возможно, мне *стоит* что-то узнать про них.

– Разумеется, дорогая, я понимаю. Пожалуйста, не смущайся говорить об этом.

– Я люблю тебя, папу и Джека больше всех на свете, и вы – моя *настоящая* семья, – быстро сказала я. – Но мы с Флетчем поговорили об этом, и, думаю, будет полезно кое-что узнать о другой стороне моей жизни. Ох, мамочка, я не хочу расстраивать тебя... – Мой голос прервался, и я всем сердцем пожелала, чтобы мама была рядом и обняла меня, как она всегда делала в такие моменты.

– Все нормально, Мэри-Кэт, правда. Послушай, давай посидим вместе и обсудим это, когда я вернусь домой. Ладно?

– Да, спасибо. Это будет замечательно.

– Эти девушки больше не связывались с тобой?

– В общем... я коротко поговорила с Сиси по телефону, но на самом деле они хотят увидеть то самое кольцо с изумрудом, которое ты подарила мне на двадцать первый день рождения. У них был рисунок кольца.

– Ты написала мне об этом. Они сказали, откуда у них рисунок?

– Судя по всему, от их юриста. Мама, с тобой все в порядке? Твой голос звучит как-то странно.

– Все в полном порядке, Мэри-Кэт; просто я беспокоюсь за тебя. Флетч все еще с тобой?

– Нет, он уехал во второй половине дня.

– Ладно, а Дуг где-то рядом?

– Да. Он с корчевщиками расположился во флигеле. Я в полной безопасности.

– Отлично. Но больше не пускай в дом незнакомых людей, ладно?

– У вас с папой двери всегда были открыты, – возразила я.

– Знаю, милая, но ты там совсем одна. Это другое. Ты уверена, что не хочешь прилететь в Торонто и присоединиться ко мне?

– Откуда такая тревога, мама? Вы с отцом всегда называли нашу долину самым безопасным местом на земле. Ты пугаешь меня!

– Извини, извини. Мне просто не нравится, что моя девочка осталась совсем одна. Будь на связи, хорошо?

– Конечно. Да, и еще... – Я тяжело сглотнула, потому что нужно было задать еще один трудный вопрос: – Скажи, я могу проверить свое удочерение в Новой Зеландии?

– Да. Документы были оформлены в одном из агентств Крайстчерча, «Грин и...» кто-то еще.

– Спасибо, мама. Ладно, мне пора ложиться в постель. Люблю тебя!

– Я тебя тоже, дорогая. И, пожалуйста, будь осторожна.

– Буду. До свидания.

Я положила телефонную трубку и тяжело опустилась на диван. Голос мамы звучал странно и напряженно; это было совсем не похоже на нее. Хотя она вроде бы не возражала насчет связи с моей предполагаемой биологической семьей, на самом деле ей это не нравилось.

«Она предложила поговорить об этом, когда вернется домой...»

– Но когда это будет? – спросила я вслух в пустой комнате. С учетом всех стран, которые она собиралась посетить, могли пройти месяцы до этого разговора, но теперь, когда искра вспыхнула, мне не терпелось узнать ответы. Я собиралась завтра позвонить Сиси и сказать, что мама остановилась в «Рэдисоне». Если они смогут опознать кольцо, это откроет дверь в мое прошлое, даже если мама этого не хочет.

Когда я пришла к решению, то встала и включила старый компьютер. Пока он грузился, я нетерпеливо притопывала. Я открыла браузер и перешла в Google.

«Грин и... агентство по усыновлению, Крайстчерч, Новая Зеландия», – набрала я в поисковой строке.

Потом затаила дыхание и нажала клавишу ввода.

Атлантис

– Никогда не думала, что скажу это, но сон – великое дело, – объявила Алли, когда присоединилась к Майе за поздним завтраком на кухне. – Ты снова бледная как полотно. Надо полагать, сама ты почти не спала?

– Да. – Майя пожала плечами. – Просто никак не могу привыкнуть к смене часовых поясов.

– Все уже должно было прийти в норму, ведь ты приехала четыре дня назад. Уверена, что с тобой все в порядке? Живот не беспокоит?

– Немного, но это пройдет.

– Возможно, тебе стоит отправиться к доктору Краузе в Женеву и пройти осмотр.

– Я так и сделаю, если мне не станет лучше в ближайшие два дня. Так или иначе, я рада, что тебе удалось поспать, Алли. Ты словно преобразилась.

– Я чувствую это. Кстати, а где Его Величество?

– Ма взяла его на прогулку в сад. Помнишь, как она была помешана на том, чтобы все мы в детстве чаще находились на свежем воздухе?

– Помню. И как я не любила нарезать круги в саду, толкая перед собой ту здоровенную коляску и пытаюсь заставить Электру или Тигги хотя бы ненадолго заснуть!

– Кстати, о Тигги, – сказала Майя. – От нее и Стар так и не было вестей с тех пор, как ты послала им электронное письмо насчет потерянной сестры. Ты что-нибудь слышала?

– Нет, хотя Сиси говорила, что сказала об этом в беседе со Стар... Ну, и ты знаешь, какое качество связи там, где живет Тигги. Возможно, она еще даже не получила письмо. Я просто не понимаю, как люди могут жить в такой изоляции от остального мира.

– Но ты же была отрезана от мира, когда ходила под парусом?

– Да. Однако больше двух дней без контактов с окружающими я оказывалась очень редко. Обычно поблизости находился удобный порт, где я могла принимать текстовые сообщения и электронные письма.

– Ты и впрямь компанейский человек, да, Алли?

– Я никогда особенно не задумывалась об этом, – рассеянно сказала Алли и уселась за стол с чашкой кофе в руке. – Пожалуй, ты права.

– Возможно, поэтому тебе так тяжело жить в Норвегии; у тебя там мало знакомых, и даже если они есть, тебе трудно общаться с ними.

Алли уставилась на Майю, потом кивнула:

– Знаешь что? Ты опять права. Я привыкла жить там, где меня окружало множество людей. Сначала с сестрами в Атлантиде, потом с членами команды в тесных каютах. Когда я остаюсь одна, мне становится не по себе.

– Да. А мне как раз нравится побыть в одиночестве.

– У нас с тобой совершенно разный жизненный опыт, – заметила Алли. – Мне недавно пришлось привыкнуть к одиночеству, а ты после стольких лет одинокой жизни здесь теперь имеешь Флориано и Валентину, которые живут с тобой.

– Да, и мне было трудно приспособиться к этому, особенно потому, что наша маленькая квартира находится в центре многолюдного города. Поэтому мне так нравится выезжать на *фазенду* – на ту ферму, которую я унаследовала. Там я могу обрести волю и покой, а без этого кажется, будто начинаешь сходить с ума. Мы

надеемся приобрести квартиру попросторнее, когда позволит заработок.

– Кстати, о зароботке, – сказала Алли. – Я собираюсь побеседовать с Георгом после его возвращения, поскольку у меня почти закончились деньги. Я не работаю уже несколько месяцев и полагаюсь на тот малый доход, который получаю из трастового фонда. Все мои сбережения и деньги от продажи яхты Тео были потрачены на реконструкцию дома в Бергене, но деньги из фонда не покрывают все необходимые расходы, поэтому я собираюсь попросить Георга о выделении немного большей суммы. Сейчас я чувствую себя неуютно из-за этого, наверное, из-за гордости, поскольку раньше я всегда могла обеспечивать себя.

– Я знаю, Алли, – тихо сказала Майя.

– У меня нет выбора, если только я не продам тот старый сарай, который Тео оставил мне на греческом острове под названием «Гдетотам». Кроме того, сарай никто не купит, если его не отремонтировать – на что у меня нет средств, – и я должна постараться сохранить его для Бэра.

– Ну конечно.

– Я даже не представляю, сколько денег нам оставил Па Солт, – сказала Алли. – А ты?

– Тоже. Те несколько дней после смерти Па промелькнули как одно мгновение, и я не помню, что именно Георг говорил о финансах, – призналась Майя. – Думаю, после нашего общего возвращения из морского круиза на Делос будет полезно расспросить его об устройстве фонда, чтобы мы ясно понимали, какими средствами мы располагаем и для чего мы можем их использовать.

– Да, это будет здорово, и все-таки мне очень неловко впервые обращаться к нему за помощью. Па учил нас стоять на собственных ногах, – вздохнула Алли.

– С другой стороны, когда родитель... умирает, то дети получают оставшиеся деньги по завещанию и вольны тратить эти средства по своему усмотрению, – сказала Майя. – Нам нужно понимать, за что мы сейчас отвечаем. Это наши деньги, и не нужно бояться расспрашивать о них. Георг не является нашим нравственным ориентиром, в отличие от Па Солта. А он учил нас не злоупотреблять тем, что нам повезло иметь. Положение матери-одиночки – это одна из весомых причин для

обоснования финансовой поддержки, Алли. Если бы Па был жив, он бы сказал то же самое.

– Ты права. Спасибо, Майя. – Алли протянула руку сестре. – Знаешь, я очень скучала по тебе. Ты всегда была успокоительным гласом рассудка. Жаль только, что ты живешь так далеко.

– Надеюсь, однажды вы с Бэром приедете в Бразилию. Это потрясающая страна, и...

Зазвонил телефон, и Алли вскочила, чтобы взять трубку.

– Алло, это Алли Деппеси. Кто-кто? Ох, здравствуйте, Мэри-Кэт! – сказала она и поманила Майю к себе. – Очень приятно познакомиться с вами. Сиси подробно рассказала о вашей встрече в Новой Зеландии. Здесь со мной Майя, наша старшая сестра.

– Привет, Мэри-Кэт, – сказала Майя.

– Привет, Майя, – послышался мягкий голос Мэри-Кэт. – Рада познакомиться. Сиси оставила мне этот номер, а поскольку я не могу связаться с ней, то надеюсь, вы не возражаете против моего звонка.

– Конечно, не возражаем. – Алли снова взяла трубку.

– Сиси и ее подруга Крисси хотели узнать, в каком отеле остановилась моя мама после приезда в Торонто. Вчера вечером я поговорила с мамой; она остановилась в «Рэдисоне». У меня есть точный адрес. – Майя и Алли расслышали нотки волнения в голосе Мэри-Кэт. – Сказать его вам или подождать до связи с Сиси?

– Скажите нам, пожалуйста, – попросила Алли и подхватила ручку и блокнот с кухонного стола рядом с телефоном. – Давайте. – Алли записала адрес и номер телефона. – Спасибо, Мэри-Кэт, это просто фантастика!

– Что вы будете делать? Кто-то полетит, чтобы встретиться с ней?

– У нас есть сестра, которая живет на Манхэттене. Она обещала помочь, а из Нью-Йорка в Торонто лететь совсем недолго.

– Какая у вас интересная семья. Странная, но интересная. – Мэри-Кэт хихикнула. – Упс! Я не хотела показаться грубой...

– Не беспокойтесь, мы привыкли, – сказала Алли. – Сиси наверняка сказала вам: если мы подтвердим, что это *то самое* кольцо, то будет очень здорово, если вы прилетите к нам в конце этого месяца и отправитесь в морской круиз, чтобы почтить память нашего отца.

– Очень мило с вашей стороны, но, боюсь, я не смогу себе этого позволить.

– Все путевые расходы будут оплачены из нашего семейного фонда, – поспешно сказала Алли.

– Хорошо, я подумаю. Так или иначе, давайте посмотрим, сможет ли ваша сестра встретиться с моей мамой и спросить ее насчет того кольца. Просто... маме показалось странным, что Крисси и Сиси вдруг появились у меня на пороге, понимаете? И я еще не сказала ей, что другая сестра хочет встретиться с ней в Торонто. Думаю, что после смерти отца она с большим подозрением относится к незнакомцам.

– Я прекрасно понимаю это, Мэри-Кэт, – дипломатично отозвалась Майя. – Если захотите, мы в любой момент можем прекратить поиски.

– Я совсем не хочу расстраивать ее, но, честно говоря, мне очень хочется знать, окажусь ли я вашей потерянной сестрой. Это нехорошо?

– Нет, вовсе нет. Конечно, для любой приемной матери очень тяжело обнаружить целый набор родственников. Мы виноваты, Мэри-Кэт, мы должны были сначала написать вам, но мы так разволновались, что даже не подумали об этом.

– Я рада знакомству с Сиси и Крисси, но...

– Я обязательно скажу Электре, чтобы она держалась как можно тактичнее.

– Электра... Это шестая сестра?

– Да, – удивленно подтвердила Алли. – А вы разбираетесь в мифологии.

– Так и есть. Я сказала Сиси, что мама изучала античность в университете и довольно сильно увлекалась древнегреческими мифами. Электра – необычное имя, правда? Я знаю только одну Электру, знаменитую фотомодель. Несколько дней назад я слышала ее выступление по телевизору. Но это не ваша сестра, так?

– Нет, это именно наша сестра.

– Черт! Я имею в виду... вы серьезно? Она... знаете, она всегда была моим кумиром. Она такая красивая и элегантная, а ее недавняя речь говорит о большом уме и сострадании. Думаю, если я встречу с ней, то рухну на месте!

– Не беспокойтесь, мы вас поддержим, – сказала Алли, обменявшись улыбками с Майей.

– Если будете говорить с Электрой, передайте, что я считаю ее потрясающей.

– Хорошо. Возвращаясь к вашим прежним словам, я думаю, что мы должны сообщить вашей маме о возможном завтрашнем визите Электры. Если хотите, я оставлю такое сообщение у администратора отеля.

– Да, это будет хорошо. Спасибо, Майя, и до свидания.

– До свидания, Мэри-Кэт, спасибо, что позвонили.

Майя повесила трубку и несколько секунд смотрела на Алли.

– У нее славный голос, – сказала Майя, когда они вернулись к столу. – И она очень юная.

– Мне она показалась совершенно нормальной.

– Хочешь сказать, мы ненормальные? – улыбнулась Майя.

– Хочу сказать, что мы все разные, как и большинство сестер. И потом, что такое норма?

– Я все равно чувствую себя виноватой перед ее матерью, – вздохнула Майя. – Такая неожиданная встреча дочери с возможными родственницами – тяжелое испытание для материнской психики. Обычно такое происходит по официальным каналам.

– Да, ты права, – согласилась Алли. – Нам нужно было подумать об этом. С нами-то все было по-другому: Па Солт всячески поддерживал поиски наших биологических родителей.

– Это лишь показывает, как замечательно держалась Ма, пока мы искали и находили наших родственников, – сказала Майя. – Ее материнская любовь всегда оставалась с нами, и я не могла бы любить ее сильнее, даже если бы она была моей *родной* матерью.

– И моей, – тихо добавила Алли. – А еще фантастической бабушкой для Бэра.

– Итак... думаешь, Мэри-Кэт – это наша потерянная сестра?

– Кто знает? Но если да, то как Па Солт потерял ее?

– Понятия не имею, и вообще, мне не нравятся подобные разговоры. – Майя покачала головой. – Помнишь, как раньше мы шушукались друг с другом о том, почему он вообще решил удочерить нас? И откуда у него взялась навязчивая идея насчет «Семи сестер»?

– Конечно, помню.

– Тогда мы могли просто спуститься в кабинет Па Солта и задать ему прямые вопросы, но никому из нас не хватило храбрости это сделать. Теперь его нет, и у нас не осталось выбора. Я жалею, что мне

не хватило смелости, поскольку теперь мы уже никогда не узнаем. – Майя устало вздохнула.

– Может, и нет, хотя мне кажется, что Георг знает гораздо больше, чем говорит.

– Согласна. Но полагаю, он связан каким-то обязательством о неразглашении тайны своих клиентов.

– У Па Солта определено было много тайн, – сказала Алли. – Например, тебе известно, что в этом доме есть лифт?

– Что? – ахнула Майя. – Где?

– В коридоре, который отходит от кухни, есть панель, за ней скрывается лифт, – сказала Алли, многозначительно понизив голос. – Тигги узнала об этом, когда задержалась здесь весной после болезни. Насколько я знаю, Ма сказала ей, что Па Солт установил лифт незадолго до своей смерти; ему было трудно подниматься по лестнице, но он хранил это в секрете, потому что не хотел нас тревожить.

– Понятно, – протянула Майя. – Но это не кажется очень уж подозрительным, Алли.

– Нет, но гораздо интереснее, что лифтовая шахта спускается в тайный винный погреб, о котором нам никто не рассказывал! – отчеканила Алли.

– Я уверена, что есть объяснение...

– Когда Электра приезжала в Атлантис несколько месяцев назад, Ма отвела нас туда. И Электра подтвердила находку Тигги, она спустилась в подвал, пока Ма и Клавдия спали наверху: за одной из винных стоек есть тайная дверь.

– А что за дверью?

– Не знаю, – вздохнула Алли. – Я сама спустилась туда, когда не смогла заснуть из-за Бэра; ключ от лифта находится в коробке с ключами на кухне. Я увидела ту дверь, но не смогла сдвинуть винную стойку перед ней.

– Когда мы все соберемся здесь, то посмотрим. Наверное, Георг знает, куда ведет та дверь. Итак, если вернуться к потерянной сестре, теперь мы знаем, где остановилась мама Мэри-Кэт после приезда в Торонто. Давай еще раз позвоним Электре, – добавила Майя и посмотрела на часы. – Там около шести утра, но, надеюсь, это не слишком рано.

На этот раз Электра не ответила на звонок, и Майя оставила ей сообщение с просьбой о срочной связи. Ма вернулась из сада вместе с Бэром, и Алли покормила его, пока сидела на кухне в ожидании звонка от Электры.

– Если хочешь, можешь выйти из дома или подняться наверх, – сказала Ма, когда Клавдия начала готовить ланч. – Я все равно буду возле телефона.

– Пожалуй, если Электра не позвонит в скором времени, – сказала Алли, когда Майя отлучилась в туалет. – Я могу оставить Бэра с тобой? У меня была мысль после обеда вывести «Лазер» на озеро.

– Само собой. Мне будет приятно поухаживать за ним, Алли, а час-другой плавания под парусом только пойдет тебе на пользу. Может быть, Майя присоединится к тебе? – добавила Ма, поглядывая на дверь кухни. – Ей тоже не помешает глотнуть свежего воздуха.

– Может быть, – согласилась Алли. – Мне кажется, ей надо обратиться к врачу, если ее состояние не улучшится в ближайшие два дня.

– Надеюсь, ей станет лучше, когда начнут приезжать ваши сестры. Я хочу, чтобы празднество прошло наилучшим образом.

Алли уловила блеск предвкушения в глазах Ма.

– Я тоже надеюсь на это. Когда все наши девочки вернуться, это будет настоящий праздник.

– Да, но они приедут со своими семьями, и мне нужно позаботиться об их размещении. Как думаешь, супруги не будут возражать против полуторных кроватей в мансардных комнатах или мне нужно будет разместить их в комнатах на отцовском этаже, с двойными кроватями?

Алли и Ма обсуждали этот вопрос, когда Майя вернулась на кухню.

– Есть новости? – спросила она.

– Еще нет, но уверена, что Электра свяжется с нами, как только получит сообщение. Ма интересовалась, не хочется ли тебе подышать свежим воздухом и совершить прогулку по озеру на «Лазере» вместе со мной?

– Спасибо, но не сегодня, – вздохнула Майя. – Мой желудок еще не вполне успокоился.

– Суп готов, – объявила Клавдия со своего рабочего поста. – Будете есть на кухне или на веранде?

– Думаю, на веранде, – ответила Алли. – А ты, Майя?

– Э-э-э... у меня был поздний завтрак, и я не голодна. Думаю, мне лучше подняться наверх и прилечь, пока вы поедите. Увидимся позже.

Когда Майя вышла из комнаты, Алли и Ма обменялись взглядами.

* * *

Когда Бэр был уложен в коляску и отвезен в тенистое место под дубовой кроной, где Ма всегда оставляла младенцев поспать, Алли устроилась рядом с суповой кружкой, но тут зазвонил телефон. Она метнулась на кухню, но Клавдия первой взяла трубку.

– Это Электра?

– Нет, это Стар. – Клавдия протянула трубку и вернулась к мытью посуды.

– Привет, Стар! Как ты там?

– Все нормально, Алли, спасибо.

– Как поживает Мышь? И Рори?

– Тоже хорошо. Извини, что я пока не ответила на твое электронное письмо; мы проводили переучет товара в книжном магазине, и тут был настоящий хаос. И вообще, я решила, что лучше позвонить тебе, а не написать. Кажется, мы разговаривали целую вечность назад.

– Так и есть, – с улыбкой отозвалась Алли. – Но не волнуйся. Значит, ты получила мое письмо?

– Да, и Сиси тоже связалась со мной; мы скоро встретимся в Лондоне. Потрясающая новость, да? Я имею в виду то, что Георг, похоже, нашел потерянную сестру и теперь она сможет возложить венки вместе с нами. Есть еще новости?

Алли рассказала о своей надежде на то, что завтра Электра отправится в Торонто.

– Дай знать, если я смогу что-то сделать со своей стороны. Ничего, если я расскажу об этом Орландо, брату Мыши? Он реально хороший сыщик. – Стар издала смешок. – Должно быть, это из-за новелл Конан Дойля, которые он читает.

– Почему бы и нет? Ты еще не решила, когда приедешь в Атлантис?

– Первым делом я встречусь с Сиси и Крисси в Лондоне, но не смогу улететь в Женеву вместе с ними; Мышь очень занят реставрацией Хайвельда, и мне не хочется надолго оставлять с ним Рори. Мышь будет кормить его чипсами и шоколадками. Школьный семестр Рори заканчивается за день до начала нашего круиза, поэтому я собираюсь прилететь вместе с ним и, надеюсь, вместе с Мышью.

– Тогда держи нас в курсе, потому что осталось уже недолго, хорошо?

– Да, и я жду не дождусь встречи с вами. Боже мой, Алли, сколько всего произошло с нами в прошлом году! И, конечно же, мне не терпится увидеть Бэра. Будь на связи, ладно? А сейчас мне пора идти: я обещала испечь сорок восемь кексов и лимонный торт для завтрашнего школьного праздника Рори.

– Нет проблем, Стар. До скорого, пока!

Алли вышла на улицу, чтобы доест суп, и постаралась не завидовать насыщенной и занятой жизни сестер. Судя по их голосам, все они были совершенно довольны.

«Мне действительно нужно прокатиться по озеру», – подумала Алли.

* * *

Теплый июньский бриз растрепал локоны Алли, когда она вышла на воду. Она полной грудью набрала чистый воздух и медленно выдохнула. С ее плеч, вернее, с ее рук, как будто сняли тяжкий груз. Она оглянулась на силуэт Атлантиса, на бледно-розовые башенки, которые выглядывали из-за ряда хвойных деревьев, защищавших их от любопытных глаз.

Резко свернув с пути других моряков, парашютистов и отдыхающих, скопившихся на озере в этот ясный летний день, Алли направила «Лазер» в бухту и улеглась на спину, наслаждаясь ощущением солнечных лучей на лице. Это напомнило ей, как год назад она лежала в объятиях Тео и чувствовала себя счастливой, как никогда.

– Мне так тоскливо без тебя, мой милый, – прошептала она в небо. – Пожалуйста, покажи, как двигаться дальше, потому что я даже не знаю, где теперь мой дом.

* * *

– Привет, – окликнула Майя сестру, когда через два часа Алли вернулась на кухню. – Ты поймала самые солнечные моменты. Ну как, по нравилось?

– Спасибо, это было замечательно. Я и забыла, как люблю выходить на открытую воду. – Алли улыбнулась. – У Бэра все в порядке?

– Ма только что искупала его, и он в полном здравии.

– Отлично, тогда я приму душ, пока есть время. А ты как себя чувствуешь, Майя; тебе лучше?

– Со мной все хорошо, Алли. Да, пока ты не ушла: недавно звонила Электра. Я сообщила ей название отеля в Торонто, и Мириам забронировала частный рейс на завтрашнее утро.

– Вот и прекрасно. До скорой встречи, – сказала Алли и вышла из кухни.

После звонка в отель Мерри, где администратор подтвердила, что она по-прежнему находится там, Майя набрала номер Мириам.

– Добрый день, это Мириам? Я – Майя.

– Здравствуйте Майя, у вас все нормально?

– Все замечательно, я лишь хотела передать, что Мэри Макдугал в ближайшие два дня определенно останется в отеле. Ее не было на месте, но я оставила сообщение, что Электра свяжется с ней для подтверждения времени завтрашней встречи. Впрочем, я не называла имя Электры, чтобы не поднимать лишнего шума.

– Спасибо, тогда я лучше сама позвоню, – ласково отозвалась Мириам. – Вашей сестре не позавидуешь: все хотят поговорить с ней прямо сейчас. Мы с Майлзом считаем, что сейчас ей очень важно распределять свои силы, в конце концов, она лишь недавно прошла курс реабилитации.

– Совершенно верно. Я сказала ей то же самое, хотя, очевидно, у Электры есть другие идеи.

– Вообще-то, она очень спокойно относится к нынешнему положению. Она не хочет снова возвращаться в то темное место. Мы решили выбрать двух надежных журналистов и крупное ток-шоу, где с ней проведут интервью, что даст отличную рекламу для благотворительности, но не будет слишком тягостно для нее.

– Я так рада, что у нее есть вы, Мириам. Спасибо за все, что вы делаете для нее.

– Никаких проблем, Майя. Помимо того, что это моя работа, я просто люблю Электру. Она очень сильная личность, и думаю, она способна на великие дела. Кстати, как полное имя той дамы, с которой мы встречаемся?

– Миссис Мэри Макдугал, также известная по прозвищу Мерри.

– Отлично, – сказала Мириам. – Сейчас я позвоню в отель, постараюсь побеседовать с Мерри и договориться насчет времени и места. Думаю, проще всего будет встретиться в отеле, поскольку он находится рядом с аэро портом Билли Бишопа. Вы знаете, в каком номере она остановилась?

– Боюсь, что нет. Теперь в отелях не сообщают такую информацию о клиентах. Вам нужно будет попросить администратора соединить вас с ее номером.

– Ничего, если я воспользуюсь моим именем вместо имени Электры? Последнее, что нам нужно, – это чтобы кто-то выяснил, куда она собирается. После концерта она еще не появлялась на публике. Мы решили, что она отправится в отель под прикрытием.

– Вот что значит быть всемирной знаменитостью! – хохотнула Майя.

– Что мне сказать, если Мэри будет спрашивать, зачем нужна эта встреча?

– Что вы действуете в интересах сестры Сиси Деплеси, которая посетила Мэри-Кэт на винодельне, и что вы хотите прояснить некоторые вопросы.

– Хорошо. Я подтвержу бронирование частного самолета, потом постараюсь связаться с ней и перезвоню вам. До свидания, Майя.

– До свидания, Мириам.

Клавдия пришла на кухню в сопровождении Ма и свежeweымытого Бэра, переодетого в ползунки.

– Ох, дайте тетушке приласкать его, – проворковала Майя.

– Само собой. – Ма передала ей извивающегося Бэра. – Больше всего я любила купать вас, когда вы все были маленькими.

– Наверное, это потому, что обычно нас купали перед сном, – сказала Майя. – Seriously, Ма: теперь, когда я оглядываюсь в прошлое, то не понимаю, как тебе удавалось справляться с нами.

– Кое-как, но справлялась. – Ма пожала плечами и налила себе стакан воды. – И, если помнишь, вы неустанно развлекали друг друга. Электра завтра собирается в Торонто?

– Да, но не знаю, что из этого получится, – сказала Майя. – Хотя Георг убежден, что Мэри Макдугал является нашей потерянной сестрой и есть кольцо с изумрудом в качестве доказательства, у нас нет других аргументов. А когда я беседовала с Мэри-Кэт, она волновалась, что ее приемная мать будет расстроена и недовольна нашим внезапным появлением в жизни ее дочери.

– Могу представить, – согласилась Ма. – Но Мэри-Кэт сама должна решить, хочет ли она узнать больше, и, похоже, она хочет этого.

– Да. Как думаешь, почему Георг уверен, что это она?

– Мне известно не больше тебя, Майя. Могу лишь сказать, что за все годы моего знакомства с Георгом он никогда не утверждал, что кто-то из объектов его поиска мог оказаться потерянной сестрой. Поэтому сейчас он должен быть уверен в своей правоте.

– А Па Солт за все эти годы что-нибудь говорил тебе о потерянной сестре?

– Иногда. Он говорил, что не может ее найти, и всегда становился грустным.

– А тебе он что-нибудь говорил, Клавдия? – поинтересовалась Майя.

– Мне? – Клавдия оторвалась от овощей, которые она резала на ужин. – Ох, я ничего не знаю. Я вообще не сплетница, – добавила она, и Ма с Майей обменялись улыбками. Обе знали, что Клавдия больше всего любит скандальные журналы, большую кучу которых она прятала под папкой с рецептами, когда кто-то заходил на кухню.

Мобильный телефон Майи снова зазвонил, и она передала Бэра на руки Ма, прежде чем ответить на звонок.

– Привет, Майя, это снова Мириам. Мэри Макдугал не было в номере, но я оставила администратору сообщение о нашем

завтрашнем приезде. Я предложила встретиться в фойе в 13:00 и оставила номер своего телефона в надежде, что она перезвонит. Как нам быть, если она этого не сделает?

– Я... честно говоря, не знаю. Не хотелось бы впустую отправляться куда-то, но это возможно.

– Я готова, – сказал голос на заднем плане.

– Минутку, Майя, я передам трубку Электре.

– Здравствуй, – сказала Электра. – Думаю, мы должны поехать, даже если Мэри не откликнется. Смотри, ведь Сиси и Крисси появились без уведомления и получили кучу полезной информации. Кроме того, мы знаем, что Мерри остановилась в отеле. Если ее не будет на месте, мы попросим консьержа сообщить о ее возвращении и посидим в холле, пока она не вернется. Напомни, как она выглядит.

– Судя по фотографии, которую видела Сиси, это красивая миниатюрная блондинка, выглядит лет на сорок. Похожа на актрису Грейс Келли. Ты уверена, что хочешь ехать?

– Эй, не волнуйся; я за день обернусь туда и обратно. Обычно я дважды в неделю летаю черт знает куда. Я дам тебе знать, как продвигаются дела. Думаю, мы обязаны Па Солту хотя бы попыткой поисков потерянной сестры, верно?

– Да, Электра, – сказала Майя. – Думаю, ты права.

Электра Торонто, Канада

Шестиместная «Сессна» набирала высоту после вылета из Нью-Йорка. Электра смотрела в иллюминатор и думала о том, как в «былые дни» ей не терпелось поскорее добраться до бара и смешать большую порцию водки с тоником. Это побуждение, успевшее превратиться в привычку, до сих пор остро напоминало о себе, но Электра примирилась с тем, что оно едва ли покинет ее, так что предстоит ежедневная борьба с искушением.

– Ты не возьмешь мне кока-колу? – обратилась она к Мириам, которая сидела перед ней, ближе к бару.

– Само собой. – Мириам расстегнула привязной ремень и пошла открывать маленький холодильник.

– Захвати еще соленых крендельков, ладно? Боже мой, стоило мне покончить с алкоголем, как проснулся аппетит к нездоровой пище. – Электра вздохнула. – Хорошо, что у меня впереди новая карьера, потому что я стану слишком толстой, чтобы элегантно расхаживать по подиуму.

– Послушай, Электра, с виду не скажешь, что ты прибавила хотя бы одну лишнюю унцию. Думаю, у тебя просто очень хороший метаболизм... в отличие от меня. – Мириам опустилась на место, указала на свой живот и пожала плечами.

– Возможно, любовь способствует хорошему аппетиту, – сказала Электра, открывая колу. – У вас с Томми все хорошо?

– Думаю, да. Он очень рад работать на тебя и прекрасно выглядит в своих новых костюмах.

На щеках Мириам заиграл легкий румянец.

– Он отличный парень и превосходно квалифицирован для такой работы, с учетом его военного прошлого. Я понимаю, что сегодня мне следовало взять его с собой в качестве телохранителя, но это короткий визит, и никто не узнает меня в такой маскировке. Будет так же, как в тот вечер, когда мы вместе отправились на ужин в Париже, разумеется, без выпивки и наркотиков с моей стороны. – Электра издала смешок. – Ты еще не говорила о Томми своей семье?

– Нет, мы решили действовать аккуратно. Нам некуда спешить, правда? Я просто рада быть рядом с ним, когда предоставляется такая возможность.

– Не могу дождаться, когда станцую на твоей свадьбе, и уверена, что у тебя будут чудесные дети, – сказала Электра. – Мы с Майлзом вчера вечером обсуждали детские имена. Оказывается, у него ужасный вкус: все его предложения насчет мальчиков сводятся к именам его любимых баскетболистов!

– Он хороший человек, Электра, и так бережно относится к тебе. Держись за него, хорошо?

– Конечно, пока он будет держаться за меня. Меня иногда раздражает его юридическое образование, потому что он бывает невыносимо логичным, но все-таки он говорит дело. И знаешь, какой он гордый? Он часто получает дырку от бублика, поскольку регулярно работает на общественных началах, без гонорара. Ты бы видела его квартирку в Гарлеме: она расположена над винной лавкой и размером с

половину моего чулана! Я предложила ему купить нормальную квартиру, где мы хотя бы могли вытянуться в полный рост, но он не хочет и слышать об этом.

– Я могу его понять, он не хочет чувствовать себя любовником на содержании, – заметила Мириам.

– А почему для женщины нормально «находиться на содержании»? В чем разница?

Мириам пожала плечами:

– Так уж устроены некоторые мужчины. Честно говоря, это хорошо, что Майлз отказывается пользоваться твоим богатством. Многие бы поступили иначе.

– Это понятно, но я бы хотела воспользоваться своим богатством и купить славный дом или квартиру на Манхэттене. Сейчас у меня есть ранчо в Аризоне, но пройдет время, пока оно будет готово для переезда, и это все равно слишком далеко для настоящего дома. В последнее время я много думала, как важно иметь дом.

– Может быть, это потому, что тебе скоро предстоит вернуться домой. Тебе, наверное, не терпится вернуться в Атлантис и увидеться с сестрами?

– Хороший вопрос. – Электра помедлила с ответом. – На самом деле я не уверена. Они считают меня «трудным ребенком», и я понимаю, что *была* такой, и с этим ничего не поделаешь. Хотя я избавилась от алкоголя и наркотиков, это не значит, что я вдруг отрастила крылья и стала ангелом.

– Если это поможет, то я считаю, что ты совершенно изменилась после того, как выбрала трезвый образ жизни.

– Ты еще не видела меня в обществе сестер. – Электра изогнула бровь. – Особенно рядом с Сиси. У нас с ней всегда возникали... неприятные трения.

– Ты же знаешь, я тоже происхожу из большой семьи и могу заверить тебя: в такой семье всегда есть родственник, с которым всем остальным приходится нелегко. Например, я люблю свою младшую сестру Шез, но она так покровительственно относилась ко мне из-за своей юридической степени, что я просто вцепилась в свою работу.

– Точно, – кивнула Электра. – Ну, и как ты справилась с сестрой?

– Я постаралась понять, почему мы с ней постоянно соперничали. Я хотела быть лучше ее и ничего не могла поделать с этим чувством.

Но если я понимаю, почему испытываю эти чувства, значит, могу справиться с собой.

– Наверное, Сиси тоже соперничала со мной, хотя и не в том плане, как ты и Шез. В смысле, она умеет вопить громче меня, но, думаю, я могу закатывать лучшие сцены, – хохотнула Электра.

– Кто знает, насколько вы обе могли измениться за последний год. Судя по тому, что ты рассказала о Сиси, сейчас она гораздо больше довольна своей жизнью. Мне кажется, что многие схватки с нашими родственниками происходят из-за неуверенности в родительской любви и расположении. Мы начинаем жить отдельно от семьи, строить самостоятельную карьеру, начинаем жить с кем-то, кто заботится о нас и кого нам не нужно делить с нашими родственниками. Поэтому мы чувствуем себя сильнее и увереннее.

– Знаешь что, Мириам? В тебе пропадает психоаналитик. Тебе надо было стать семейным консультантом. Думаю, за последние несколько месяцев я узнала от тебя больше, чем от любых психотерапевтов, которым платила кучу денег за их разговоры.

– Что ж, спасибо за комплимент, – улыбнулась Мириам. – Но помни, что ты и мне платишь. Кстати, как насчет того, чтобы обсудить график твоих интервью на следующие несколько дней?

* * *

– Я уже несколько лет не была в Торонто, – заметила Электра, когда они вышли из самолета и были сопровождены к лимузину, ожидавшему на взлетной полосе.

– А я вообще никогда не бывала здесь, – ответила Мириам. – Но слышала, что это замечательный город. Вчера вечером я читала путеводитель; судя по всему, нам нужно успеть на паром, который за пятнадцать минут пересекает озеро Онтарио. Сейчас идут разговоры о подземном тоннеле для пассажиров, желающих совершить прогулку пешком.

– Ты просто кладезь информации, Мириам, – сказала Электра. – Если оглянуться назад, мне жаль, что я никогда не стремилась побольше узнать о тех местах, где проводила фотосессии. Один город сливался с другим, все золотые пляжи как один, понимаешь?

– Не вполне, но могу представить. Смотри, вот и паром. – Мириам указала на узкую полосу воды, отделявшую их от материковой Канады.

– Кстати, ты взяла мою маскировку?

– Разумеется, – кивнула Мириам и полезла в свой объемистый саквояж, напоминая Электре ковровую сумку Мэри Поппинс, поскольку там неизменно оказывалось все нужное в данный момент.

– Хочешь, я помогу тебе нарядиться? – спросила Мириам, когда лимузин въехал на паром и вырулил на стоянку.

– Да, пожалуйста. Если мы встретимся с этой женщиной в фойе отеля, мне лучше оставаться неузнанной, иначе нас окружают со всех сторон. На деюсь, как только мы отведем Мерри в более уединенное место, я объясню ей, кто я такая на самом деле.

– Вот блузка, которую ты носила в Париже. Можешь надеть ее поверх футболки.

– Спасибо, – сказала Электра, когда натянула блузку через голову и продела руки в широкие рукава. Она наклонила голову к Мириам, и та повязала ей разноцветный шарф, скрепив его булавкой. После того как Мириам немного поработала карандашом для глаз, Электра отодвинулась на место.

– Ну, как я выгляжу?

– Именно так, как нужно. Мы – две мусульманки, которые на выходные собрались на экскурсию в Канаду. Смотри, мы уже выезжаем с парома, – добавила Мириам. – Отсюда лишь две минуты езды до отеля.

Когда они вышли из лимузина перед отелем «Рэдисон», у Электры что-то екнуло в груди. Это было похоже на ощущение пустоты в животе, которое возникало у нее в детстве, когда приходилось возвращаться в частную школу для девочек. «Не нервничай», – прошептала Электра себе под нос, когда они вошли в вестибюль.

– Что теперь? – спросила она.

– Ты садись, а я спрошу консьержа, может ли он позвонить в номер Мерри и сообщить, что мы находимся здесь. Лучше всего устроиться там, где мы сможем видеть вход и лифтовый холл. – Мириам указала пальцем. – Вон с того углового дивана открывается идеальный обзор.

– Ладно, – отозвалась Электра, радуясь присутствию Мириам. Ее помощница всегда знала, что нужно делать, и спокойно оценивала ситуацию. Направившись по сияющему полу фойе к дивану, на который указала Мириам, Электра огляделась по сторонам и убедилась, что никто не обращает на нее особого внимания.

Вскоре Мириам вернулась и села рядом с ней.

– Пока меня никто не заметил, – прошептала Электра.

– Хорошо. Я уверена, что Аллах не будет возражать, если ты время от времени станешь повторять наш символ веры, но если ты захочешь делать это постоянно, тебе придется обратиться в ислам, – заметила Мириам. Электра не могла понять, шутит она или нет. – Так или иначе, консьерж сообщил, что вчера вечером он говорил с миссис Макдугал, а также положил ей под дверь записку с извещением о нашем приезде и ожидании встречи с ней прямо здесь примерно в час дня.

– А знаешь, я никогда не читала бумажки, которые мне подсовывали под дверь, – сказала Электра. – Обычно это счет либо уведомление о том, что горничная не может прийти и убрать твою постель. Консьерж при тебе позвонил в ее номер?

– Да, но она не взяла трубку.

– Тогда, наверное, она не придет.

– Электра, мы приехали на десять минут раньше, так что давай будем оптимистами. Дадим миссис Макдугал шанс, ладно?

– Ладно, ладно. Но если она не выходит, это значит, что она избегает нас.

– Ее дочь Мэри-Кэт думает – и это вполне понятно, – что она совсем не рада визиту потенциальных родственников. Нам нужно быть чуткими, Электра.

– Обещаю постараться. Еще раз напомни мне, как она выглядит?

– По словам Майи, это миниатюрная, стройная женщина средних лет со светлыми волосами. Она похожа на Грейс Келли.

– Ну да, Майя упоминала о Грейс Келли. Что там она сказала?

– Что *она* была одной из самых красивых женщин, когда-либо ходивших по земле. Мой отец долго был влюблен в нее. Давай посмотрим, смогу ли я найти ее фотографию.

Мириам открыла саквояж и достала свой ноутбук. Она ввела пароль для Wi-Fi, полученный от консьержа, и произвела поиск.

– Вот. Ты должна признать, что она была поразительно красивой. Она даже вышла замуж за настоящего принца! Когда это случилось, мой отец был еще подростком, но он до сих пор хорошо помнит свадебную церемонию.

– Действительно красавица, – согласилась Электра. – И моя полная противоположность.

Она широким жестом указала на свой рост и темную кожу.

– Значит, эта Мерри не имеет никакой генетической связи со мной, но оттенок ее кожи напоминает мне о Стар... Слушай, давай ты будешь следить за лифтами, а я – за входом.

Они просидели еще около двадцати минут на выбранной позиции, потом Электра встряхнулась.

– Знаешь что? Я голодна как волк.

– Закажем еду? – Мириам взяла меню со стола и изучила его. – Здесь у них нет халяльных блюд, так что можешь изобразить вегетарианку, если хочешь придерживаться выбранного образа.

– Проклятие! Я хотела заказать чизбургер, но обойдусь салатом и картошкой фри.

– Хорошо. – Мириам сверилась со своими часами. – Сейчас десять минут второго, так что она либо опоздает, либо не придет. Мы сделаем заказ, а потом я еще раз подойду к консьержу.

Мириам так и сделала, и по выражению ее лица Электра поняла, что дела плохи.

– Он снова позвонил в ее номер, но никто не ответил. Полагаю, нам остается посидеть здесь и подождать.

– Если она активно избегает нас, это может означать, что она чего-то боится.

– Меня это не удивляет. Ей наверняка кажется странным, что группа приемных сестер следует за ней по всему свету. Вашу семью не назовешь обычной, правда?

– Но если она все-таки придет, то я смогу объяснить ей, в чем дело.

– Объяснить, что тебе нужно увидеть кольцо с изумрудом, которое, по мнению вашего юриста, должно послужить доказательством, что ее дочь Мэри-Кэт является вашей потерянной сестрой? Это все равно будет звучать очень странно, Электра, поскольку вы все не являетесь биологическими дочерьми вашего отца.

Георг не сообщил, оставили ли ей какое-то наследство? Возможно, это наведет Мерри на мысль, что будет полезно встретиться с нами. Я имею в виду деньги, которые может унаследовать ее дочь.

– Я не знаю, – безнадежно отозвалась Электра, когда официантка принесла обед. – Спасибо. Можно еще немного кетчупа и майонеза к жареной картошке?

Официантка кивнула и поспешила на кухню. Электра взяла немного фри и начала жевать.

– Как обычно, все связанное с Па Солтом окружено тайной. Что я делаю в Торонто, маскируясь под мусульманку и лопаю жареную картошку в фойе какого-то отеля? Жду женщину, о которой слыхом не слыхивала еще два дня назад и которая, похоже, совсем не хочет общаться со мной.

– Ты права, – согласилась Мириам. – Если представить дело в таком свете, оно и впрямь *очень* странное.

Обе прыснули со смеху.

– Я серьезно, Мириам, это просто нелепо. На месте матери Мэри-Кэт я бы тоже не пришла. Может быть, ты в последний раз попросишь консьержа связаться с ней? А потом мы уйдем.

– Да, но только после того, как доем сэндвич, – ответила Мириам. – А если она не ответит, советую написать ей записку. Мы оставим ее у консьержа, а он передаст Мерри.

– Хорошая мысль, – согласилась Электра. – Принеси мне бумагу и конверт с регистрационной стойки.

К тому времени, когда Электра удовлетворилась написанным посланием, было уже два часа дня.

– Да, это окончательный вариант, – пробормотала она, указав на предыдущие бумажки, разбросанные по кофейному столику.

– Давай, я слушаю, – сказала Мириам.

«Дорогая Мэри Макдугал!

Меня зовут Электра Делеси, и я одна из шестерых приемных сестер. Наш отец Па Солт (мы не знаем его настоящее имя, мы всегда называли его так) умер год назад. Он собрал нас по всему земному шару, но всегда говорил нам, что была еще седьмая, потерянная сестра.

Наш юрист и нотариус Георг Гофман сообщил, что нашел информацию, которая почти несомненно доказывает, что Мэри Макдугал является нашей потерянной сестрой. После визита моей сестры Сиси к вашей дочери Мэри-Кэт мы знаем, что вы с мужем удочерили ее. Доказательством служит кольцо с изумрудом в форме звезды, которое, по словам Мэри-Кэт, сейчас находится у вас.

Заверяю вас, что мы совершенно нормальные и у нас нет других мотивов, кроме как выполнить волю нашего покойного отца и найти потерянную сестру. Пожалуйста, свяжитесь со мной по мобильному либо позвоните на стационарный телефон нашего семейного дома в Женеве.

Сожалею, что сегодня мы не смогли встретиться, но если ваша дочь окажется нашей потерянной сестрой – как полагает наш юрист, – то мы будем чрезвычайно рады познакомиться с ней и с вами.

*С наилучшими пожеланиями,
Электра Делеси».*

– Прекрасный слог, и ты благоразумно упомянула, что вы будете рады познакомиться с ними обеими, – сказала Мириам. Она забрала письмо, прежде чем Электра успела найти очередную оплошность, аккуратно сложила лист бумаги и убрала в конверт вместе с карточкой, где значились номера телефонов. – Адресовать ей лично?

– Да, спасибо. – Электра вздохнула. – Боже, что за напрасный день! Я возвращаюсь обратно с пустыми руками; плохой из меня вышел сыщик.

– Как и из меня, – заметила Мириам, когда запечатала конверт. – Ну, ладно. Я отдам письмо консьержу, а потом вызову лимузин, чтобы мы уехали отсюда?

– Да, хотя сначала мне нужно сходить в уборную.

– Разумеется, – согласилась Мириам, и Электра отправилась на поиски уборной.

Когда Электра вошла в туалет, то заметила, что одна из кабинок занята, и выбрала самую дальнюю от входа.

– Нет, они еще здесь, – донесся женский голос из другой кабинки. – Консьерж сообщил по телефону, что меня хотят видеть две

мусульманки. Но что им нужно от меня? Я хочу сказать, ты же не думаешь... что это *он*?

Электра замерла в своей кабинке.

«О боже мой, это она... Что мне делать?»

– Я спустилась посмотреть на них. Обе молодые, но нет, я их не знаю... Сейчас я собираюсь вернуться в номер. На всякий случай сегодня вечером я решила вылететь в Лондон; здесь слишком неудобно.

Последовала очередная пауза, пока женщина слушала собеседника.

– Да, Бриджит, разумеется, я буду на связи. Сейчас я позвоню в «Кларидж» и сообщу о своем более раннем прибытии, потом попрошу консьержа поменять рейс. Отлично, милая, спасибо тебе, и до скорой связи. До сви дания.

Электра услышала, как женщина открыла дверь кабинки. Каблуки туфель зацокали по кафельному полу, потом открылась и закрылась входная дверь.

Лихорадочно обдумывая положение, Электра стянула плотную блузку, потом размотала шарф на голове и оставила одежду на полу. Потом она выбежала из уборной и устремилась в фойе по коридору. Она заметила, как хорошо одетая миниатюрная блондинка, все еще державшая в руке мобильный телефон, остановилась рядом с другими людьми, ожидавшими прибытия лифта.

– Господи, это вы? Я уверена, что это вы! О боже! Вы – Электра, не правда ли? – Чьи-то длинные ногти впились сзади в плечо Электры.

– О-ох! Отстаньте, пожалуйста! – воскликнула она, когда повернулась и обнаружила у себя за спиной восторженную старшеклассницу. – Послушайте, не хочу показаться грубой, но мне нужно пройти к лифту...

– Это она, это Электра! – закричала другая женщина, стоявшая в лифтовом холле, и вокруг мгновенно начала собираться толпа. Электра попыталась прорваться вперед, когда двери лифта начали открываться, но чья-то рука снова вцепилась ей в плечо, а другие люди загородили проход.

– *Пожалуйста, Электра!* Я не могу вас отпустить, пока моя подруга не сфотографирует нас. Позавчера вы так потрясающе выступили по телевидению!

– Пустите меня! – крикнула Электра, когда увидела, что блондинка вошла в лифт. Электра вывернулась из хватки старшеклассницы и выбросила руку вперед в попытке остановить двери лифта.

– Мерри! – отчаянно воззвала она.

Но было поздно, и двери лифта закрылись. Электра посмотрела на панель и увидела, что лифтовая кабина уже на третьем этаже. Она хрипло выругалась сквозь зубы и развернулась в поисках Мириам, но толпа уже сомкнулась вокруг нее.

– Эй, мисс Электра, что вы здесь делаете? – спросил молодой человек, который уже снимал ее на камеру.

– Да, мы не знали, что вы собираетесь в Торонто, – поддержал кто-то другой. – Я тоже хочу сделать снимок.

– Я... – Электра почувствовала, как шея покрывается бусинами пота. – Пожалуйста, пропустите меня. Снаружи ждет автомобиль, и я...

Она находилась на грани рукоприкладства, когда перед ней вдруг появилась Мириам, и Электра облегченно вздохнула.

– Прошу всех отойти немного назад и дать Электре свободное место, – ровно, спокойно произнесла Мириам.

– Леди и джентльмены, прошу разойтись. Вы блокируете проход к лифту, и это может представлять угрозу.

Молодой мужчина в черном костюме с наушником, выдававшим сотрудника службы безопасности, появился рядом с Мириам.

– Эту даму ожидает автомобиль, – сказал он. – Будьте добры, освободите проход.

В конце концов, после того как Электра улыбнулась для нескольких снимков и поставила автографы там, где не посчитала это неуместным или оскорбительным, двое сотрудников безопасности отеля вывели их с Мириам на улицу и усадили в лимузин. Когда дверь автомобиля захлопнулась, Электра издала раздосадованный стон.

– Эй, что с тобой? – спросила Мириам. – Почему ты сняла шарф и блузу?

– Потому что *она*... потому что Мерри была в туалете! Она сидела в кабинке, и я слышала, как она разговаривала по мобильному насчет двух мусульманок, которые ждали ее в холле. Она была испугана и спрашивала, связано ли это с *ним*, не знаю, кого она имела в виду.

Поэтому, когда она положила трубку, я сразу же избавилась от маскарада в надежде, что она не убежит, если узнает *меня*. Но я на считанные секунды разминулась с ней возле лифтового холла. Черт бы побрал все это! – выругалась Электра, когда лимузин отъехал от подъезда. – Мерри была совсем рядом, и я не могу поверить, что упустила ее. Как думаешь, можно ли будет как-то вытянуть из сотрудников отеля номер ее комнаты? Если мы представим ситуацию как дело жизни и смерти или...

– Я уже пробовала это сделать, – перебила Мириам. – Но консьерж соглашался только перезвонить ей. – Она вдруг захихикала. – Не забуду выражение его лица, когда он подошел посмотреть, что за суматоха в лифтовом холле, и узнал тебя, стоявшую рядом со мной. Должно быть, ему это показалось чудом и он не понял, что происходит.

– Я тоже не понимаю, что происходит, – сказала Электра. – Ясно лишь, что Мерри избегает нас. Она сказала своей подруге Бриджит, что собирается уехать на день раньше, чем планировала, и сегодня вечером улетит в Лондон.

– Ох, Электра! Тогда, по крайней мере, нам известно, что она собирается делать дальше. Ты хорошо рассмотрела ее, когда она стояла возле лифта?

– Только сзади. Светлые волосы до плеч и ладно скроенная фигурка. Со спины ей можно дать любой возраст от восемнадцати до шестидесяти, но она определенно привлекательна и хорошо ухожена. Ах да: она сказала, что остановится в отеле «Кларидж».

– Это еще лучше! Как видишь, наш визит был совсем не напрасным. Тебе нужно позвонить сестрам и рассказать им, что произошло.

– Само собой, – согласилась Электра. – Пожалуй, нам действительно удалось кое-что узнать.

– Да, и это твоя заслуга. Теперь к делу: у тебя есть сестра, которая живет где-нибудь поблизости от Лондона?

Электра повернулась к Мириам и широко улыбнулась:

– Конечно есть.

Когда они устроились в самолете и ожидали вылета, Электра позвонила в Атлантис.

– Алло?

– Привет, Алли, это Электра. Звоню из Торонто.

– Привет, Электра! Тебе удалось встретиться с Мэри Макдугал и увидеть кольцо?

– И да, и нет.

– Что это значит?

Электра описала недавние события. Когда она закончила, повисло долгое молчание.

– Ну что ж, – наконец сказала Алли. – Если оставить в стороне, что твое описание немного похоже на сцену из театрального фарса, то, по крайней мере, тебе удалось выяснить, куда она направится потом. Лондонский «Кларидж», да? Должно быть, она состоятельная женщина.

– Мне просто хочется узнать, почему она изо всех сил избегает нас. У нас не было никаких дурных намерений, но она определенно боится. В телефонном разговоре она упоминала о «нем», о каком-то мужчине. Теперь мне интересно, мог ли это быть Па Солт?

– Но ей известно, что Па умер и не может представлять никакой угрозы. Даже если раньше он почему-то был опасен для нее, во что мне трудно поверить.

Наступила пауза. Электра вздохнула.

– Что будем делать дальше? – спросила она.

– Пока не знаю. Мне нужно поговорить с Майей и выяснить ее мнение.

– Как насчет Стар? Она живет совсем рядом с Лондоном, верно?

– Да. Хорошая мысль.

– Она сможет отправиться в «Кларидж» и выследить в холле блондинку с отличной фигурой, особенно со спины? – Электра тихо рассмеялась. – Конечно, проблема в том, что в Лондоне полно симпатичных блондинок, но, пожалуй, стоит попробовать, тем более что Стар живет совсем близко.

– Мне ничего не стоит позвонить Стар и спросить, сможет ли она это сделать. Если Мерри улетает поздно вечером по времени в Торонто, она должна приехать в отель завтра утром.

– Если Стар согласится, я предлагаю не оставлять Мэри Макдугал никаких сообщений насчет того, что очередная сестра Деплеси хочет встретиться с ней, – сказала Электра. – Уже ясно, что это пугает ее.

– Согласна, – сказала Алли. – Придется найти другие средства и способы, чтобы добиться аудиенции с ней. Я поговорю со Стар.

– Ладно. Наш самолет готов к вылету, так что созвонимся завтра, Алли.

– Спасибо за помощь, Электра, и приятного полета.

Электра выключила свой мобильный, когда двигатели самолета взревели и он тронулся с места.

9

Стар Хайвельд, Кент, Англия

– Спокойной ночи, милый, хороших снов, – сказала Стар и одновременно показала свои слова жестами.

Рори повторил ее жесты, а потом привлек ее к себе, обхватив за шею маленькими руками

– Я тебя люблю, Стар, – прошептал он ей в ухо.

– Я тебя тоже, дорогой. Увидимся завтра утром.

В дверях Стар посмотрела, как Рори накрылся одеялом, и выключила верхний свет, оставив маленький ночник. По скрипучей лестнице она спустилась на кухню, где остался беспорядок после недавнего ужина. Через окно над раковиной Стар увидела старый железный стол, который они вынесли на лужайку, чтобы поймать лучи вечернего солнца. За столом сидел Мышь.

Она налила себе немного вина и присоединилась к нему.

– Привет, милая, – сказал он, оторвавшись от планов Хайвельда, своего фамильного особняка эпохи Тюдоров, довольно сильно запущенного в последние несколько десятилетий. Стар помнила, как она была шокирована, когда впервые увидела его в прошлом году. Как странно, что теперь она знает каждый дюйм прогнивших балок, отсыревшей штукатурки и отслоившейся краски внутри дома.

– Как продвигаются дела? – спросила она, опустившись рядом с Мышью.

– Медленно, как обычно. Наверное, я посетил все реставрационные строительные мастерские в Южной Англии, пока искал те две балки, которые нам нужны на замену в гостиной. Но балки шестнадцатого века нужной толщины и оттенка как-то не валяются вокруг.

– Мы не могли бы воспользоваться предложением твоего строителя и сделать такие балки, которые были бы очень похожи на оригинальные? По словам Жиля, мы можем искусственно состарить их и выбрать такой цвет, что никто даже не заметит разницу.

– Но *я-то* замечу, – возразил Мышь. – Так или иначе, в Ист-Гринстеде есть старинный паб, который собираются реконструировать для устройства очередного гастрономического бара. Сейчас они демонтируют внутренние конструкции. Там есть балки примерно того же исторического периода; наверное, мне удастся найти замену.

– Будем надеяться. Я хочу сказать, здесь прекрасно, как в фермерском доме, но я не хочу здесь зимовать, тем более что Рори подвержен всевозможным простудам, а в особняке нет отопления.

– Знаю, милая. – Мышь наконец поднял голову и устало заморгал зелеными глазами. – Но дело в том, что Хайвельд очень долго не реконструировался, я имею в виду структурную реконструкцию, а не просто новомодную кухню, и я хочу убедиться не только в аутентичных материалах, но и в том, что он простоит еще двести лет.

– Разумеется. – Стар с трудом удержалась от вздоха, поскольку уже много раз слышала это раньше. Когда речь шла о Хайвельде – да и о других домах, с которыми Мышь работал для своих клиентов, – он был неисправимым педантом. Это было весьма похвально, если не обращать внимания на тот факт, что они втроем жили в холодном и неудобном фермерском доме рядом с Хайвельдом, пока шла реконструкция. *«С такой скоростью я стану пенсионеркой, прежде чем мы переедем в фамильное поместье»*, – подумала Стар.

– Раз уж ты занят, то не будешь возражать, если я навещу Орландо? – спросила она. – У меня есть одна... ситуация, и я хочу подключить его аналитические способности.

– Вот как? Что за ситуация?

– Это довольно сложное дело, связанное с моей семьей... но я расскажу тебе, когда у нас будет больше свободного времени.

Стар встала и поцеловала Мышь в макушку, отметив при этом появление нескольких седых нитей в его пышной рыжеватой шевелюре.

– Не забудь через час заглянуть к Рори. Недавно у него были кошмары, и он еще не умеет нормально обращаться за помощью.

– Конечно загляну, – кивнул Мышь. – Я пойду в дом, поработаю там. Спасибо тебе, милая, до скорой встречи.

Стар подошла к своему старенькому «мини», завела двигатель и выпустила давно сдерживаемый вздох. Она всем сердцем любила Мышь, но иногда с ним бывало тяжело.

– Как будто для него не существует ничего, кроме старинных балок, крытых галерей и... бррр! – бормотала она, пока ехала по сельской дороге к городку Тентерден. После десятиминутной поездки она припарковала автомобиль у книжного магазина и открыла дверь старомодным бронзовым ключом.

– Орландо, ты наверху? – окликнула она, когда прошла в заднюю часть магазина и отворила дверь, ведущую к квартире наверху, где жил Орландо.

– Я на месте, – ответил он. – Давай заходи.

Стар поднялась по лестнице и распахнула дверь гостиной. Орландо восседал в своем любимом кожаном кресле и поглощал десерт, подоткнув белую холщовую салфетку под воротник рубашки.

– Обожаю летний пудинг. – Орландо снял салфетку и промокнул уголки рта. – Итак, чем я обязан удовольствию нашей встречи? Мы распрощались лишь час-другой назад.

– Но я не отрываю тебя от срочных дел, правда?

– Нет, хотя я собирался свести знакомство с Т. Э. Лоуренсом и с его предположительно реальными приключениями в Аравии, – благодушно отозвался Орландо и похлопал по кожаной обложке книги, лежавшей на столе рядом с ним. – Итак, чем я могу помочь тебе?

Орландо переплел длинные пальцы с ухоженными ногтями и выразительно посмотрел на Стар. У него были такие же зеленые глаза, как и у Мыши, однако больше между этими двумя братьями не имелось почти никакого сходства. Стар часто забывала, что Орландо был младшим братом, в том числе из-за его склонности одеваться по моде 1908-го, а не 2008 года.

– У меня есть загадка для тебя. Помнишь, я упоминала о Георге Гофмане, нашем семейном нотариусе?

– Разумеется. Я никогда ни о чем не забываю.

– Знаю, Орландо. Так или иначе, несколько дней назад он приехал в Атлантис и объявил, что наконец-то смог найти потерянную сестру... нашу седьмую сестру.

– Что?! – Даже обычно невозмутимый Орландо выглядел потрясенным. – Ты говоришь о Меропе, потерянной сестре из созвездия Плеяд? Конечно, в некоторых мифах сказано, что честь быть потерянной принадлежит Электре, но твоя младшая сестра и так находится в центре вни мания.

– Еще бы. Должно быть, ты слышал ее потрясающую речь на концерте в пользу Африки.

– Ты знаешь, что я не одобряю телевидение, это настоящая анестезия для мозга, но я прочитал о речи Электры в газете *Telegraph*. Очевидно, ее темперамент изменился к лучшему после короткого визита в дурдом.

– Орландо! Пожалуйста, не надо так говорить. Это верх неприличия, и к тому же совершенно неуместно.

– Извини за отсутствие политкорректности. Как тебе известно, мой языковой стиль происходит из другой эпохи, где слово «дурдом» было шуточным определением для психиатрической лечебницы. Когда-то ее называли Бедл...

– Хватит, Орландо! – укоризненно сказала Стар. – Я понимаю, что ты специально дразнишь меня, но в последний раз Электра всего лишь получала помощь в излечении от вредных привычек. В общем, ты хочешь узнать, что нам стало известно о потерянной сестре, или нет?

– Конечно хочу. Если ты соблаговолишь отнести мой обеденный поднос на кухню и налить мне глоточек бренди во второй бокал слева на средней полке буфета, то я буду весь внимание.

Стар отправилась выполнять его просьбу и задалась вопросом, не был ли Орландо тем, кто на самом деле нуждался в лечении. *«У него определенно есть обсессивно-компульсивное расстройство, – подумала она. – Только человек с синдромом навязчивых состояний может давать такие тщательные инструкции о выборе бокала на буфетной полке».*

– Вот, – сказала Стар, закрывая пробкой хрустальный графин и протягивая Орландо порцию бренди. Потом она опустилась в кожаное кресло с другой стороны от камина. Ей снова показалось, что эта комната, обставленная точно так же, как гостиная его старой квартиры над книжной лавкой в Кенсингтоне, – с красными стенами, старинной мебелью и рядами книг в кожаных переплетах на длинных полках, – была бы образцовой сценой для любого романа Диккенса. Орландо жил в прошлом веке, на добрую сотню лет отставая от всех остальных, и это порой раздражало, хотя выглядело очень мило.

– Итак, дражайшая Стар, я внимательно слушаю, – произнес Орландо и выразительно переплел пальцы под подбородком.

Стар начала свой рассказ. Объяснение заняло гораздо больше времени, чем с любым другим собеседником, поскольку Орландо постоянно вмешивался с вопросами.

– К каким выводам приходят твои несравненные дедуктивные способности? – наконец спросила она.

– Увы, я мало что могу добавить к услышанному. Судя по всему, эта ваша Мерри, имеющая кольцо с изумрудом, которое является ключом к происхождению ее приемной дочери, действительно не желает встречи с кем бы то ни было. По крайней мере, она не хочет встречаться с кем-либо из вашего семейства. Остается лишь один вопрос: почему?

– Вот именно, – сказала Стар. – Я надеялась, что у тебя появятся какие-то идеи.

– Сомневаюсь, что у нее есть что-то личное к твоим сестрам. Ты говоришь, что никто из вас раньше не был знаком с Макдуглами и даже не слышал о них. Значит, ключ к разгадке этой истории нужно искать в прошлом. – Орландо энергично кивнул. – Да, это определенно имеет отношение к прошлому.

– Мне кажется, что Па Солт собирался удочерить Мэри-Кэт в младенчестве, но потом случилось что-то неожиданное, и он потерял ее из виду, – задумчиво сказала Стар.

– Возможно, – согласился Орландо. – Как ни крути, Новая Зеландия на другом краю света. Но, по крайней мере, ее приемная мать должна знать биологических родителей Мэри-Кэт.

– Поэтому нам с тобой нужно как-нибудь организовать встречу с ней, чтобы выяснить это. И наконец увидеть это кольцо и сравнить его

с рисунком, который я получила по факсу от Алли.

– То есть ты хочешь, чтобы завтра я с тобой предпринял опасную вылазку в Лондон?

– Совершенно верно, – с улыбкой ответила Стар. – И я полагаю, что ты ни за что на свете не захочешь упустить такую возможность.

– Ты слишком хорошо знаешь меня, дорогая Стар. Ну, тогда снова давай все подробности...

Когда Стар повторила свой рассказ и у Орландо больше не осталось вопросов, он прикрыл глаза и погрузился в глубокую сосредоточенность.

– Прошу прощения, что больше не могу быть Ватсоном для твоего Холмса, но мне пора возвращаться домой, – напомнила она.

– Да, разумеется. – Орландо распахнул глаза. – Итак, ты серьезно хочешь встретиться с той женщиной завтра утром?

– Разумеется. Майя и Алли попросили меня об этом.

– Боюсь, это обойдется твоей семье в небольшое состояние, но вам придется забронировать двухместный люкс и одноместный номер в отеле «Кларидж».

Стар прищурилась:

– Орландо, это же не просто уловка, чтобы переночевать в твоей любимой гостинице?

– Моя дорогая Стар, это ты окунешься в роскошь двухместного люкса, тогда как я буду ютиться в мансардной комнате рядом с горничными. Хотя их послеполуденная чайная церемония выдержана в лучших традициях.

– Хм-м-м... Если бы ты посвятил меня в свои планы, то я могла бы побеседовать с Майей и Алли и убедить их в необходимости потратить астрономическую сумму. По словам Майи, секретарша Георга бронирует все номера, которые мы заказываем. Сам он находится в отъезде.

– Я все еще оттачиваю свой замысел, но можешь заверить сестер, что он практически безотказный. Скажи им, что в случае неудачи я гарантирую возмещение издержек. А теперь мне нужно вернуться к работе; я должен как следует подготовиться, если хочу добиться успеха.

– Что значит «хочу»? А я уже не принимаю участия в этом?

– О да, и ты должна безупречно исполнить свою роль. Полагаю, в твоём гардеробе найдется элегантное платье или женский костюм?

– Э... пожалуй, я смогу что-нибудь придумать.

– А жемчуг?

– У меня есть ожерелье и сережки из искусственного жемчуга; я купила их по случаю, но ни разу не носила.

– Превосходно. И, разумеется, туфли на каблуке, но не слишком высоком. Завтра, моя дорогая Стар, ты станешь леди Сабриной Воган.

– То есть мне нужно будет кого-то изображать?

– Не совсем. – Орландо закатил глаза. – Представь это как подготовку к твоей предстоящей свадьбе с моим братом. На свадьбе тебе понадобится изображать настоящую леди.

– Это другое... Я не уверена, что смогу быть на высоте, Орландо. У меня всегда был ужасный страх перед сценой.

– Ты будешь изображать саму себя, лишь в более шикарном образе. А большую часть актерской работы я возьму на себя.

– Это уже легче. Нам понадобится помощь Сиси и Крисси? Они сейчас в Лондоне, Сиси занята продажей своей квартиры и разборкой вещей, которые она собирается отправить в Австралию.

– Нет. – Орландо отмахнулся от такой возможности. – С учетом обстоятельств, очередная сестра Делеси нам вовсе ни к чему. Это деликатная операция. Забронируй двухкомнатный люкс на свой псевдоним, а мой номер – на имя Орландо Саквилль.

Стар захихикала, когда услышала эту литературную аллюзию.

– Хорошо.

– Теперь иди и дай мне поработать, – провозгласил он. – Встретимся завтра на платформе, чтобы успеть на поезд до Лондона в девять сорок шесть. Доброй ночи!

Когда Стар вернулась домой, Мышь уже лег спать. Она быстро связалась с Атлантисом и объяснила Алли текущую ситуацию.

– Если Орландо считает, что это поможет, я сразу отправлю электронное письмо в «Кларидж» и забронирую номера, – сказала Алли. – Как полагаешь, что он задумал?

– Понятия не имею. Но он чрезвычайно хитроумный и в прошлом помог мне решить одну-две загадки.

– Я заинтригована. Ты сказала, что он хочет зарегистрировать вас под псевдонимами?

– Да, Орландо Саквилль. – Стар продиктовала по буквам. – Я уверена, что он выбрал такой псевдоним в честь Виты Саквилль-Уэст, которая послужила источником вдохновения для романа «Орландо», написанного Вирджинией Вулф.

– По крайней мере, мы не единственная семья с замысловатыми именами, – хохотнула Алли. – А какой псевдоним будет у тебя?

– Я буду леди Сабриной Воган. Пожалуй, мне лучше как следует выспаться, если завтра я собираюсь изображать благородную даму.

– Будем надеяться, что его замысел сработает. Утром я позвоню секретарше Георга, чтобы она уладила вопрос со счетом за но мера.

– Хорошо. Я буду выходить на связь так часто, как позволит Орландо. Спокойной ночи, Алли.

– Спокойной ночи.

* * *

Орландо ждал на платформе в Эшфорде, когда Стар подбежала к нему. Поезд уже приближался к станции.

– Доброе утро. Надо сказать, ты едва успела, – заметил он, когда двери поезда открылись и они вошли в вагон.

– Мне нужно было отвезти Рори в школу, а потом я рылась в гардеробе и старалась найти что-нибудь подходящее. – Стар опустила на сиденье и перевела дух. – Ну как, сойдет?

– Ты выглядишь безупречно, – сказал Орландо, по достоинству оценивший ее элегантное летнее платье, подчеркивавшее стройную фигуру. – Но, может быть, тебе следовало уложить волосы в шиньон? Тогда ты бы выглядела более величественно.

– Орландо, мы не ставим пьесу Оскара Уайльда, – прошептала Стар ему на ухо. – В наши дни актрисы и супермодели – с твоей точки зрения, простолюдины – часто выходят замуж за аристократов.

– Мне известно об этом, но с учетом того, что наша миссис Макдугал более тридцати лет прожила в Новой Зеландии, она, как и я, могла немного отстать от современной Англии. Как бы то ни было, ты выглядишь превосходно и без труда впишешься в наш интерьер.

– Жаль, что Мышь не сможет присоединиться ко мне сегодня вечером. Мы могли бы провести денек-другой в Лондоне. Что за

ирония судьбы, когда настоящий лорд не может себе позволить номер в «Кларидже»?

– Разумеется, он может, Стар. У него целый дом, правда, в данный момент это склад, наполненный антикварными ценностями, картинами и произведениями искусства, которые стоят целое состояние. Но он весьма разумно полагает, что проживание в роскошной гостинице не стоит его денег.

– Ты прав. Кроме того, реконструкция дома отнимает значительную часть его средств. Я иногда мечтаю о переезде в современный многоквартирный дом, где хотя бы тепло и есть все удобства. Куда мой муж возвращается к ужину и мы обсуждаем, как прошел наш день... что угодно, кроме стеновых панелей или двутавровых балок, что бы это ни значило.

– Хайвельд – это другая женщина в жизни Мыши, – заявил Орландо.

– Знаю. Самое плохое, что мне придется жить с этим до конца моих дней.

– Полно тебе, Стар: мне было ясно, что ты тоже с самого начала влюбилась в Хайвельд.

– Ты прав, и, конечно, дело будет стоить того... когда все закончится. Но расскажи наконец, что ты задумал.

– Если все пройдет хорошо, то мы приятнейшим образом скоротаем время, – сказал Орландо. – Мы приедем, распакуем вещи, а потом спустимся в ресторан с видом на вход, где вкусим легкий завтрак. Есть лишь четыре поздних рейса из Торонто, которыми наша миссис Макдугал могла прибыть в Лондон. Все они прибывают между полуднем и тремя часами дня. Я составил схему нижнего этажа «Клариджа». Мы выберем такое место, где сможем наблюдать за входом и видеть всех, кто прибывает с багажом в этот промежуток времени. Смотри. – Орландо достал лист бумаги из своего антикварного кожаного чемоданчика и указал на вход, ресторан и стойку регистрации. – Когда мы регистрируемся, то зарезервируем в ресторане столики с наилучшим обзором.

– Но за это время сколько угодно женщин могут войти в фойе.

– Мы знаем, что миссис Макдугал значительно больше пятидесяти, хотя она выглядит моложе, и что она стройная миниатюрная блондинка. Кроме того, на ее чемоданах будут багажные

ярлыки. – Орландо достал из чемоданчика другой листок бумаги. – Вот фотография ярлыка, который покажет, что она прилетела из Торонто. Код аэропорта Пирсон – YYZ.

– Ладно. Но даже если мы вычислим ее по багажу, то как мы ей представимся?

– Ага! – воскликнул Орландо. – Эту часть можешь предоставить мне. Но сначала я должен официально *представиться* тебе, – продолжал он, снова порывшись в своем чемоданчике и протянув Стар визитную карточку с красивым рельефным тиснением.

Виконт Орландо Саквилль
Винный эксперт и кулинарный обозреватель

Внизу Орландо поставил свой мобильный номер.

– Виконт? – Стар улыбнулась. – Винный эксперт и кулинарный обозреватель, вот как?

– Думаю, я вполне могу назваться таковым, принимая во внимание количество замечательной еды и изысканных вин, поглощенных мною в течение жизни. Кроме того, мой брат является лордом, так что я могу назваться виконтом без особой натяжки.

– Ладно, но почему ты думаешь, что визитная карточка поможет нашему делу? И как тебе удалось так быстро напечатать их?

– Силы и средства, моя дорогая. Я хорошо знаком с владельцем соседней типографии, а что касается помощи, то я просто обдумал всю информацию, полученную от тебя. Я проверил винодельню в Новой Зеландии и узнал, что ее владельцами являются Мэри и Джок Макдугал. Бизнес стартовал в начале 1980-х годов, и сейчас это один из лучших виноградников в регионе. В основном они продают свое вино в Новой Зеландии, но начинают продавать и в Европе. Иными словами, можно сказать, что, хотя еще несколько лет назад новозеландские вина не продвигались дальше Австралии, Джок и Мэри Макдугал построили бизнес, которым они могут гордиться.

– Да, но ее муж Джок умер несколько месяцев назад.

– Вот именно. По твоим сведениям, их сын Джек всерьез намерен продолжить отцовское дело. Сейчас он во Франции и учится у мастеров-виноградарей, поэтому нетрудно предположить, что он постарается продолжить отцовское дело. Согласна?

– Пожалуй, да.

– Насколько я понимаю человеческую природу, материнский инстинкт пересиливает любые другие чувства. Поэтому мисс Макдугал захочет оказать своему сыну любую возможную поддержку.

– И?

– Что может быть лучше случайной встречи с винным экспертом и кулинарным журналистом в «Кларидже»? Особенно если у него есть тесный контакт со всеми британскими газетами и журналами, где публикуются колонки о еде и вине? *«Что такая хвалебная статья может сделать для нашего виноградника?»* – подумает она. – *«И для моего любимого сына?»* Теперь понимаешь, Стар?

– Да. Итак, ты собираешься представиться ей в роли светского журналиста, а потом предложить интервью насчет ее виноградника.

– И ее сына, так как теперь он стал официальным владельцем. Для меня совершенно очевидно, что нам нужно выйти на контакт с Джеком, чтобы получить какие-то новые сведения о его сестре. Дорогая мамочка просто обязана сообщить мне подробности. – Орландо радостно хлопнул в ладоши. – Разве не блестящая затея?

– Очень мило, но в чем тут моя роль?

– Мне нужно, чтобы миссис Макдугал не сочла меня каким-то шарлатаном, который пытается окольными путями наводить справки о ней. Поэтому, когда я замечу ее, а потом представлюсь ей у регистрационной стойки, ты выйдешь из ресторана и пройдешь мимо нас. Я удивленно скажу: «Ах, Сабрина, какой приятный сюрприз!», и мы церемонно расцелуемся. Потом вы скажете, что приехали из провинции вместе с мужем и собираетесь пройтись по магазинам. Вы предложите мне присоединиться к вам за коктейлем в вашем шикарном номере около шести вечера. Я скажу: «С превеликим удовольствием», и вы пойдете своей дорогой. Если наш маленький розыгрыш будет удачным, то миссис Макдугал убедится в моей превосходной репутации и авторитетности. Это расположит ее к согласию, когда я попрошу дать интервью.

Стар глубоко вздохнула:

– Господи, мне действительно придется лицедействовать! Надеюсь, я справлюсь и не ляпну ничего такого, что может нас выдать.

– Не бойся, Стар. Я сделаю твою роль короткой и приятной.

– Но когда мы доберемся до сути дела? То есть когда мне придется объяснить, кто я такая и почему изображаю леди Сабрину в роскошном номере? – спросила она, когда поезд подошел к вокзалу Чаринг-Кросс.

– Как ты сама сказала, дорогая Стар, это не пьеса Оскара Уайльда, а лишь жизненная импровизация, вызванная необходимостью. Нам еще предстоит убедиться, что мы сможем разыграть первую часть: заметить ее после входа в отель и увлечь разговором, прежде чем она поднимется в свой номер. Здесь есть много случайных факторов, не поддающихся учету, но давай двигаться шаг за шагом, ладно?

– Хорошо, – вздохнула Стар, ощущая гнетущую тяжесть в животе, когда они вышли из поезда и направились к ряду такси.

* * *

– Бог ты мой! – воскликнула Стар, когда управляющий отелем, лично проводивший их в ее номер, вышел из гостиной. – Это потрясающе!

– Должен признать, да. Я всегда обожал «Кларидж»; это триумф стиля ар-деко, и замечательно, что им удалось все сохранить в прежнем виде. – Орландо провел кончиками пальцев по столешнице в черно-желтую полосу и опустил в бордовое плюшевое кресло.

– Нам оставили бесплатную бутылку шампанского! Давай выпьем немножко? Это поможет мне успокоить нервы.

– Моя дорогая Стар, ты ведешь себя как восторженная девочка рождественским утром. Разумеется, если хочешь, мы можем открыть шампанское, хотя я бы не стал называть такие вещи бесплатными. Ты – вернее, твоя семья – только что заплатила эквивалент своей месячной зарплаты в моем книжном магазине за право переночевать в роскошном двухкомнатном номере. Это шампанское не бесплатное, и если ты решишь воспользоваться другими прелестями вроде этих маленьких бутылочек с ароматами, которые дамы так любят добавлять в ванны, или даже полотенцами и банными халатами, то, пожалуйста, не отказывай себе в этом. Ибо ничто здесь не является бесплатным. Тем не менее люди с восторгом рассказывают о «краже» разных мелочей, когда возвращаются из подобных мест. Абсолютная

нелепость! – фыркнул Орландо. Он встал и подошел к ведерку со льдом. – За что мы выпьем? – спросил он и поднял бутылку шампанского.

– Либо за то, чтобы остаться здесь навеки, либо за то, чтобы нас не арестовали за мошенничество. Решай сам.

– Давай выпьем за то и за другое! – произнес Орландо. – Ну, вот. – Он протянул Стар высокий бокал, наполненный шампанским. – Можешь взять платную шоколадку, которую они оставили рядом.

– Чувствую себя королевой на один день, – пробормотала Стар, отправив в рот изысканно глазированную шоколадную конфету.

– Судя по тому, что ты рассказывала о своей семье, прибыли от вашего фонда достаточно, чтобы ежедневно вести такой образ жизни.

– Не знаю, сколько там денег, и, хотя это наш фонд, им управляет наш нотариус Георг.

– Я никогда не встречался с этим Георгом, но он всего лишь сотрудник на службе у вашей семьи. Это ваши деньги, дорогая Стар, и очень важно, чтобы сестры не забывали об этом.

– Ты прав, но Георг – довольно грозный тип. Уверена, что он не одобрит, если я предложу ему оплатить годовое проживание в «Кларидже», – усмехнулась Стар. – Кроме того, радость удовольствия заключается в его мимолетности. Я не могла бы так радоваться, если бы каждый день жила в «Кларидже», правда?

– Правда, правда, – согласился Орландо. – Теперь перейдем к делу: пока ты регистрировалась, я производил тактическую разведку. Иными словами, нашел лучшие столики в ресторане «Фойе» для нас обоих и заказал места. Я войду первым, а ты через десять минут после меня. Нас не должны видеть вместе, пока мы не пересечемся друг с другом у стойки регистрации отеля. Ты сядешь сюда, – он указал место ее столика на карте нижнего этажа, – а я расположусь здесь, так что у нас обоих будет хороший обзор на входную дверь. При этом огромная ваза с цветами в центре зала будет загораживать нас друг от друга.

– Хорошо, но как мы будем держать связь друг с другом? – Стар внезапно хихикнула. – Почтовыми голубями через зал ресторана?

– Послушай, я надеюсь, что шампанское не ударило тебе в голову. Мы воспользуемся скучным современным методом связи по мобильному телефону. Если кто-то из нас заметит женщину, похожую на миссис Макдугал, мы обменяемся сообщениями. Я прослежу, когда

она пойдет на регистрацию, выжду минуту-другую, а потом подойду к ней сзади. Ты остановишься возле вазы с цветами и начнешь любоваться ими; в то же время ты удостоверишься, что я вступил с ней в контакт. Потом ты подойдешь к нам, и мы разыграем нашу маленькую сцену. Только не забудь пригласить меня на коктейль в свой номер к шести вечера.

– Будет сделано, – выдохнула Стар после очередного глотка шампанского. – Мы сможем это сделать, правда, Орландо?

– Конечно же, моя дорогая. А теперь, поскольку уже половина двенадцатого, я сделаю вылазку вниз и оставлю тебя почистить перышки. Желаю удачи.

– Тебе тоже. – Когда он направился к выходу, Стар окликнула его: – Орландо?

– Да?

– Спасибо тебе.

Мерри

Лондон Июнь 2008 года

10

Я устроилась на заднем сиденье такси и, хотя ощущала бесконечную усталость после очередной бессонной ночи на борту самолета, не смогла сдержать улыбки при мысли о том, что *на самом деле* сижу в салоне черного кэба. В последний раз я была в Лондоне в те ужасные времена, и все эти долгие годы я мечтала протянуть руку и остановить лондонское такси. Но они, как и все остальное, не считая абсолютно необходимых вещей, находились далеко за пределами моего бюджета. Я с таким же успехом могла мечтать о том, чтобы сесть в ракету и улететь на Луну, как Нейл Армстронг за несколько лет до того, как я впервые приехала в Лондон.

Как изменился город со времени моего предыдущего визита! Из Хитроу тянулись огромные путепроводы и виадуки; транспорт двигался сплошным, нескончаемым потоком. Высокие офисные здания и многоквартирные дома поднимались повсюду, и я ощущала слезы, подступавшие к глазам, потому что это было так похоже на Сидней, Торонто или любой другой большой город на свете. Я видела элегантную архитектуру, зеленые просторы общественных парков и Национальную галерею, которые были единственными местами, бесплатными для меня в те прежние времена.

«Мерри, – твердо говорю себе я, – ты отлично знаешь, что Биг-Бен и Парламент остались на месте, как и Темза...»

Я закрываю глаза, отгораживаясь от мира, и молюсь о покое, пока мы приближаемся к центру великого города. Я надеялась, что на этот раз смогу получить истинное удовольствие от него, но с тех пор, как Мэри-Кэт оставила сообщение для меня и Бриджит и в фойе «Рэдисона» меня поджидали те девушки, я вернулась в далекое прошлое. И снова испытала весь тот ужас, который чувствовала тогда.

«Конечно, это был он... Или нет?»

Этот вопрос прозвучал в моей голове в тысячный раз. Но почему? Почему после стольких лет? И как он – вернее, *они* – смогли найти меня?

Сердце гулко забилося в груди. Должно быть, они настроены серьезно, если пустили по моему следу столько людей и сумели проследить за мной от Новой Зеландии до Канады.

Действительно, я отправилась в кругосветное путешествие отчасти ради удовольствия, но и ради того, чтобы найти их обоих. Я не произносила их имена с тех пор, как переехала в Новую Зеландию тридцать семь лет назад. Я знала одно: чтобы выжить, мне нужно было оставить прошлое за спиной и начать все снова. Но потом, когда мой дорогой Джек скоропостижно скончался, я лишилась его защиты и воспоминания потоком хлынули обратно. Когда мы встретились с Бриджит на острове Норфолк и накачались ирландским виски, мы стали вспоминать былые дни, и я призналась ей, что мое «большое турне» имело скрытые мотивы.

– Я просто хочу выяснить, живы они или умерли, – сказала я, когда она заново наполнила мой бокал. – Я не могу коротать остаток жизни, не *зная*, надо ли прятаться, в конце концов. Я хочу вернуться домой в Ирландию и встретиться со своей семьей. Надеюсь, я буду все знать к тому времени, когда попаду туда. И понимать, что это безопасно – и для них, и для меня.

– Разумеется, – ответила она. – Но, по-моему, каждый из них разрушил твою жизнь на свой лад.

– Это нечестно, Бриджит. Если он так и не появился, тому должна быть причина. Ты же знаешь, он любил меня, и...

– Боже мой! – Бриджит пристально посмотрела на меня. – Ты говоришь так, словно до сих пор оправдываешь его! Это же не так, правда?

– Конечно нет. Тебе известно, как я обожала Джока. Он спас меня, Бриджит, и мне ужасно не хватает его.

– Может быть, из-за его ухода ты решила возродить огонь своей бывшей любви? Но позволь сказать тебе: если хочешь познакомиться с мужчиной, отправься в зарубежный круиз. Моя подруга Присцилла, которая отправилась в Норвегию, рассказала о толпах возбужденных вдовцов, ищущих новых жен, – фыркнула Бриджит.

Я закатила глаза:

– Скорее, они ищут сиделку, которая будет нянчиться с ними, когда они выживут из ума. Нет, Бриджит, такой круиз не для меня. И, честно говоря, мои намерения не имеют ничего общего с поисками нового мужчины. Я просто хочу выяснить, что случилось с моей первой любовью... и с человеком, которого я считаю ответственным за ее крушение.

– Что ж, я бы не советовала копать в прошлом. Особенно в *твоем* прошлом.

Бриджит всегда была откровенна, и я уважала ее за это. Мы знакомы с детства, и, несмотря на ее властную натуру, исключавшую правильность любого мнения, кроме ее собственного, я нежно любила ее.

Именно в ее крошечной квартире я три недели ночевала на диване во время первого ужасного визита в Лондон. Тогда она была доброй подругой и в нужные моменты неизменно приходила мне на помощь. А ведь я солгала и сказала о своем намерении вернуться в Ирландию, когда рассталась с ней и уехала из Лондона. Мне казалось, так надежнее – если *он* постучится в ее дверь, она ничего не будет знать.

Это Бриджит нашла меня два года назад, когда бутылка нашего «Пино Нуар» 2005 года завоевала золотую медаль на престижном винном конкурсе в Новой Зеландии. В «Отаго дейли таймс» появилась фотография, на которой я была вместе с Джокком и Джеком, и статья о нашей винодельне.

Бриджит, которая вышла на пенсию и отдыхала в Новой Зеландии, узнала меня по фотографии и вскоре приехала к нам. Меня чуть не хватил сердечный приступ, когда я открыла дверь и увидела ее. Мне пришлось быстро сообщить Бриджит, что Джок и мои дети ничего не знают о моем прошлом. Сначала я подумала, что она собирается сообщить мне о смерти кого-то из членов семьи, и я испытала огромное облегчение, когда узнала, что Бриджит увидела мою фотографию лишь по счастливой случайности.

Я была чрезвычайно рада, когда через несколько недель после переезда на остров Норфолк, влюбившись в его красоты после нашей поездки туда, она познакомилась с Тони и вскоре решила выйти замуж за него. Принимая во внимание, что Бриджит всю свою жизнь прожила старой девой, это решение крайне удивило меня.

– Это лишь потому, что Тони беспрекословно выполняет все ее указания, мама, – заметил Джек перед отъездом во Францию.

Джек был не лучшего мнения о Бриджит.

– Думаю, она тайком поколачивает его и запирает на ночь в собачьей конуре перед домом, – язвительно добавил он.

Действительно, Тони был обходительным и мягкосердечным человеком, которому нравилось выполнять чужие указания. Тем не менее супруги определенно выглядели счастливыми и довольными друг другом. Последний раз Бриджит не на шутку встревожилась, когда мы с ней слышали от Мэри-Кэт о потерянной сестре и о двух девушках, которые хотели встретиться со мной.

– Что я тебе недавно говорила насчет желания копаться в прошлом? – воскликнула Бриджит.

– Но я до сих пор ни о чем таком не говорила с Мэри-Кэт. Должно быть, это случайное совпадение. В конце концов, мы удочерили Мэри-Кэт, и одна из этих девушек может принадлежать к ее биологической семье.

– Такое может быть, но я помню, как *он* называл тебя потерянной сестрой. После стольких лет и нашего недавнего брака с Тони я не хочу иметь ничего общего с этим.

Поэтому мы вдвоем решили отправиться вечерним рейсом в Сидней – так, на всякий случай.

– Если эти девушки действительно прилетят на остров и постучатся в твою дверь, Тони может разболтаться, – нервничала я. – Как думаешь, не лучше ли посоветовать ему на время уйти из дома?

– Нет, Мерри. Тони ничего не знает, а если мы предложим ему держать рот на замке, то он начнет задавать вопросы, на которые у нас не будет ответа. Ему нужно знать лишь то, что мы собираемся устроить девичник с вечеринкой в Сиднее. Пусть они приезжают: нас просто здесь не будет.

Я до сих пор ощущала дрожь ужаса, охватившую меня после слов Мэри-Кэт о потерянной сестре.

«Я выслежу тебя, где бы ты ни спряталась...»

Потом было кольцо с изумрудом. *Он* с первого взгляда возненавидел это кольцо. Потому что это был мой подарок на совершеннолетие от человека, которого он терпеть не мог.

«Похоже на обручальное кольцо, – проворчал он. – В его возрасте, со всеми его деньгами и английским выговором... Он просто извра щенец».

Может быть, после прибытия в «Кларидж» мне стоит просто вынуть кольцо из сумочки и бросить его в Темзу? Однако я знала, что не сделаю этого. Помимо того, что кольцо теперь принадлежало Мэри-Кэт, оно досталось мне от самого дорогого человека в моей жизни – человека, который беззаветно любил и никогда не предавал меня... От Амброза.

Окружающие здания постепенно становились ниже, и я узнавала некоторые дома, которые видела раньше во время поездок по городу на двухэтажном автобусе. Их вид утешал меня и делал менее пугающим воспоминание о двух девушках, поджидавших меня в фойе отеля в Торонто; одна из них выкрикнула мое имя, когда я входила в лифт. Хотя Мэри-Кэт и девушка по имени Электра в своем письме заверили меня, что сестры только хотели увидеть мое кольцо, я не понимала, как они смогли так быстро добраться до меня. Хорошо, что теперь мой след затерялся в Канаде. Ни одна живая душа не знала, где я нахожусь сегодня, кроме Бриджит, а ей я доверяла безоговорочно. Пока что я в Лондоне, и здесь никто не сможет проследить за мной до отеля «Кларидж»...

Когда такси остановилось у входа в отель, я испытала долгожданный прилив бодрости и радостного оживления. Носильщики бросились выгружать мой багаж, пока я расплачивалась с водителем. Много лет назад в Дублине Амброз рассказал мне об этой знаменитой и роскошной гостинице, когда я размышляла о пробной вылазке в Лондон вместе с Бриджит во время наших летних каникул в университете.

– Это прекрасный город, Мэри, с великолепной архитектурой и множеством исторических зданий, – сказал он. – Если ты отправишься туда, обязательно выпей чаю в «Кларидже» и полюбуйся на изумительный интерьер в стиле ар-деко. Когда мои родители приезжают в Лондон по делам или на светские мероприятия, они всегда останавливаются там.

Тогда мы действительно поехали в Лондон, но, вместо того чтобы пить чай в «Кларидже», мы с Бриджит поселились в обшарпанном пансионе на Глостер-роуд. Тем не менее мы обе влюбились в Лондон,

и это побудило Бриджит переехать сюда после университета, а меня – укрыться здесь, когда мне пришлось бежать из Дублина...

И вот теперь меня препроводили в фойе «Клариджа» в роли состоятельной туристки.

– Надеюсь, ваша поездка прошла благополучно, мадам? – спросила администраторша, пока я стояла за стойкой регистрации, впитывая неброскую роскошь окружающей обстановки.

– Спасибо, вполне благополучно.

– Вижу, что вы прилетели из Торонто. Мне всегда хотелось посетить Канаду. Ваш паспорт, мадам?

Я протянула администратору паспорт и посмотрела, как она вносит данные в свой компьютер.

– Итак, ваш адрес – Новая Зеландия, долина Гибстон, винодельня Макдугал?

– Все верно.

– Еще одна страна, где мне всегда хотелось побывать, – улыбнулась она.

– Прошу прощения за вмешательство, – раздался голос у меня за спиной, – но я услышал, что вы живете при винодельне в долине Гибстон?

Обернувшись, я увидела очень высокого, угловатого мужчину в старомодном костюме-тройке, который словно вышел из времен расцвета Оскара Уайльда.

– М-да, – отозвалась я, гадая, не окажется ли он управляющим отелем: уж очень официально он выглядел. – Что-то не так?

– Боже мой, нет. – Он улыбнулся и достал из нагрудного кармана визитную карточку. – Позвольте представиться. – Он указал на карточку. – Орландо Саквилль, назначенный за свои прегрешения винным экспертом и кулинарным обозревателем. Я могу оправдать это грубое вторжение лишь вчерашней беседой за обедом с моим добрым знакомым. Видите ли, он занимается винным импортом. Он рассказал мне, что новозеландские вина укрепляют свою репутацию как младшие родственники австралийских вин и представляют настоящие шедевры. Он упоминал ваше предприятие как одну из ведущих виноделен. Полагаю, это вы получили золотую медаль за «Пино Нуар» 2005 года? Можно поинтересоваться, вы являетесь владелицей предприятия?

– Мы с мужем вели этот бизнес совместно в течение многих лет... увы, он недавно скончался. Теперь мой сын Джек вступает в права владения.

– Мои глубокие соболезнования. – Мужчина казался искренне опечаленным. – Я больше не смею занимать ваше время, но позвольте спросить: вы остановились в этой гостинице?

– Да.

– Тогда, со всем почтением, сможете ли вы уделить мне час вашего времени сегодня вечером? Мне бы очень хотелось написать статью о вашей винодельне; местные влиятельные газеты обожают такие вещи в своих гастрономических разделах. И, разумеется, я хорошо знаком с главным редактором винного клуба «Санди таймс». Уверен, вы скоро узнаете, что если чье-то вино включено в специальную подборку, он может считать себя *состоявшимся* человеком.

– Можно немного подумать? Видите ли, я немного устала после перелета, и...

– Сабрина! Моя милая девочка, как вы здесь оказались?

Обернувшись, я увидела стройную гибкую блондинку, довольно похожую на Мэри-Кэт. Мой новый знакомый дружески расцеловал ее в обе щеки.

– О, я только что приехала из сельской глубинки вместе с Джулианом, – ответила она. – Мы остановились здесь на пару суток, он будет работать, а я пока пройду по магазинам.

– Дивно, дивно, моя дорогая, – обратился он к девушке, которая выглядела весьма нервно. Он поймал мой взгляд и привлек ее ближе к себе.

– Позвольте представить вам леди Сабрину Воган, старинную подругу моей семьи.

– Здравствуйте, э-э-э...

– Мэри, миссис Макдугал, – сказала я и обменялась с нею рукопожатием.

– Миссис Макдугал – совладелица замечательного виноградника и винодельни в Новой Зеландии. Я только что рассказал ей, как тепло наш дорогой Себастьян Фэйрклоу позавчера отзывался о ее винах. Теперь я решительно намерен склонить ее к интервью об этом винограднике.

– Ясно, – кивнула Сабрина. – Очень приятно познакомиться, Мэри.

Наступила пауза, мой новый знакомый пожирал Сабрину взглядом.

– Ох! – воскликнула она. – Почему бы вам не заглянуть в мой люкс на коктейль к шести часам вечера? Я остановилась... э-э-э, в 106-м номере. Вас я тоже буду рада видеть, миссис Макдугал, – добавила она.

– Вот и славно! – сказал Орландо. – Скоро увидимся, Сабрина.

– Прошу прощения, миссис Макдугал, можно вашу кредитку? – спросила администраторша, когда Сабрина направилась к лифту.

– Разумеется. – Я порылась в сумочке и протянула кредитную карту.

– Еще раз извините за неудобство, миссис Макдугал, но, если сможете, приходите сегодня вечером на коктейль к Сабрине. Тогда и обсудим ваш виноградник и все, что связано с виноделием.

– Повторюсь, у меня легкий стресс после перелета и недосыпания, но я постараюсь.

– Превосходно. Тогда разрешите проститься с вами. – Он отошел в сторону, когда администраторша протянула мне ключ, но потом остановился и повернулся ко мне.

– Простите, в каком номере вы остановились?

Я взглянула на ключ.

– Номер 112. До свидания, Орландо.

Наверху, в просторной комнате с высоким потолком, изысканной меблировкой и видами на оживленные лондонские улицы, я достала из чемодана два летних платья, юбку и блузку, а потом позвонила по служебному телефону и заказала чай в номер. Хотя здесь имелись все необходимые вещи для самостоятельного чаепития, мне хотелось пригубить напиток из тонкой фарфоровой чашки, наполненной из элегантного чайника, – в точности как описывал Амброз. Когда все доставили, я уселась на стуле, смакуя этот момент.

Потом я рассмотрела карточку, полученную от чопорного англичанина. Если он был тем, за кого себя выдавал (а информация на карточке и приветствие той девушки в фойе отеля, безусловно, подтверждали это), то у меня появилась отличная возможность

привлечь внимание британской – а возможно, и международной – прессы к нашей винодельне.

Я решила позвонить Джеку. По привычке я посмотрела на часы, чтобы прикинуть разницу во времени, но потом поняла, что больше не нахожусь в Австралии, Новой Зеландии или даже в Канаде. Разница во времени с Францией составляла лишь один час.

Я сняла трубку стационарного телефона на прикроватном столике и набрала мобильный номер Джека. Понадобилось некоторое время для соединения, а потом раздался незнакомый тоновый сигнал, означавший звонок в другую страну.

– Алло?

– Это мама, Джек. В трубке сильный треск... ты меня слышишь?

– Да, четко и ясно. Как ты там? Или, скорее, где ты сейчас?

– У меня все хорошо, Джек, – сказала я и понадеялась, что он незнаком с британскими и американскими телефонными кодами. Я решила солгать ему. – Я в Нью-Йорке!

– Ого, Большое Яблоко! Как оно там?

– Ох... шумно, оживленно, потрясающе! – Я никогда в жизни не бывала в Нью-Йорке. – Так, как можно было представить. Теперь расскажи, как твои дела, мой милый.

– Я очень доволен, мама, я просто счастлив. Мне трудновато общаться с моим ломаным французским, но я многое узнаю от Франсуа, а долина Роны – это нечто поразительное! Целые мили виноградников, пастельных домов и голубых небес. Здесь даже есть горы, которые напоминают о нашем доме. Хотя все не так, как дома. – Джек тихо рассмеялся. – Значит, после Нью-Йорка ты направляешься в Лондон?

– Да.

– Франсуа говорит, что будет очень рад принять тебя после сбора урожая, если ты согласишься оказать взаимную услугу и принять его вместе с семьей в Новой Зеландии в следующем году.

– Разумеется, Джек, нечего и говорить об этом. Я буду счастлива увидеть Прованс, но после Лондона у меня запланирована Ирландия, ты помнишь?

– Великое возвращение на родину предков... Было бы здорово побывать там и увидеть родину моей таинственной мамы. Вообще-то,

ты даже не говорила о своей жизни в Ирландии, только об учебе в Дублинском университете.

– Честно говоря, ты никогда не спрашивал, – парировала я.

– «Честно говоря», мама? У тебя появляется ирландский акцент, даже когда ты думаешь о возвращении! А в целом как проходит твое путешествие?

– Очень хорошо, но я ужасно скучаю по твоему отцу. Мы всегда думали, что рано или поздно он отойдет от дел, но это было не в его характере.

– Знаю, мама. Мне не нравится, что ты путешествуешь совсем одна.

– Ох, Джек, не волнуйся за меня. Я отлично могу позаботиться о себе. Кстати, я хотела рассказать тебе о неожиданной встрече в отеле... – Я вдруг вспомнила, что должна находиться в Нью-Йорке. – Это было вчера вечером. Это винный эксперт, журналист, который пишет статьи для крупных международных газет. Мы немного поболтали, и он попросил меня дать ему интервью о нашей винодельне, ее истории и так далее. Что думаешь?

– Кажется, это именно то, что нам нужно. Ого! Стоит на пару минут упустить тебя из виду, и ты уже раздаешь интервью винным экспертам!

– Очень смешно, Джек. Этот парень вдвое младше меня. Его зовут... – я сверилась с визитной карточкой, – ...Орландо Саквилль. Ты, случайно, не слыхал о нем?

– Нет, но я не специалист по винным экспертам. Как ты помнишь, папа разбирался в этих вопросах. Так или иначе, нам не повредит, если ты поговоришь с ним, да? Можешь рассказать о том, как вы с отцом основали бизнес на пустом месте. Если ему понадобятся технические подробности о нашем винограде, почвах и прочих вещах, дай ему мой мобильный номер, и я с удовольствием пообщаюсь с ним.

– Разумеется, – сказала я. – А теперь давай занимайся своими делами. Я скучаю по тебе, Джек, и твоя сестра тоже скучает.

– Мне тоже вас не хватает. Ладно, мама, оставайся на связи. Я люблю тебя.

– Я тоже.

Сразу же после окончания разговора я позвонила по телефону, напечатанному на визитной карточке.

– Орландо Саквилль, – ответил бархатный голос моего нового знакомого.

– Это Мэри Макдугал из винодельни в Онтаго, с которой вы встретились внизу. Я вас не беспокою?

– Ничего подобного. Какой приятный сюрприз! Означает ли это, что вы согласились дать мне интервью?

– Я обсудила это с моим сыном Джеком, он сейчас находится в Провансе и полагает, что мне будет полезно побеседовать с вами. Он также может сообщить все необходимые технические подробности.

– Восхитительно! Значит, в шесть вечера, в номере Сабрины?

– Да, хотя я не задержусь надолго. Боюсь уснуть на месте.

– Прекрасно понимаю вас. Сабрина будет очень рада.

– Значит, до встречи в шесть вечера. До свидания, Орландо.

– До скорого свидания, миссис Макдугал, – ответил он по-французски.

Я повесила трубку, внезапно охваченная воспоминаниями о своем прошлом в Дублине, когда я только что поступила в Тринити-колледж и познакомилась с людьми, похожими на Орландо и Сабрину, с их безупречным английским выговором и беззаботной жизнью.

– Сегодня вечером я собираюсь встретиться с английским виконтом и дамой из высшего общества, меня пригласили на коктейль, – сказала я вслух и подумала о том, как сильно это не понравилось бы ему.

Лежа на мягчайших подушках, я обдумывала сведения, которые мне удалось собрать о двух мужчинах из моего прошлого. В Новой Зеландии определенно не было мужчин подходящего возраста с такими именами: я перепробовала все возможности перед отъездом. А после того, как не принесли результата поиски зарегистрированных браков и смертей в архивном управлении Торонто, единственным местом для получения информации перед моим отъездом в Ирландию оставался Лондон.

«Ладно, Мерри, перестань думать об этом. Это было давным-давно, а ты собиралась провести безмятежный отпуск».

Я достала из коробки бутылку виски «Джемисон», купленную в магазине беспошлинной торговли, и налила немного, решив, что после пересечения такого количества часовых поясов мой организм так или иначе сбился с толку. Обычно я не позволяю себе употреблять

спиртное до вечера, а сейчас было около двух часов дня, но я все равно сделала солидный глоток. Внезапно ко мне вернулось яркое воспоминание о первом вечере, когда я увидела его. Я была похожа на пугало, когда появилась в каком-то дублинском баре послушать игру музыкальной группы, где выступал последний ухажер Бриджит.

В тот вечер Амброз назвал меня самой красивой девушкой, которую ему приходилось видеть, но я восприняла это как мимолетный комплимент. Ему вообще не нужно было ничего говорить, чтобы зачаровать меня; достаточно было одного взгляда теплых светло-карих глаз, чтобы я влюбилась в него.

Дублин...

Как могло случиться, что прошлое вернулось ко мне с такой силой? И если я мысленно перенеслась в прошлое, то было ли совпадением, что эти девушки начали преследовать меня?

Я понимала, что, осторожно раскрывая воспоминания, так долго лежавшие под спудом, я рискую высвободить бурный поток других воспоминаний, иногда проникающих в самое детство.

Я помнила *его* – высокого мальчишку, с которым я училась в школе и вместе гуляла по окрестным полям. Я помнила, каким неистовым он был даже в то время. Непреклонным в своих убеждениях и твердо намеренным убедить меня.

– Прочитай это, Мерри, и ты поймешь, – сказал он, когда вручил мне блокнот. В тот день я собиралась уехать в пансион для девушек в Дублине.

– Я буду называть тебя потерянной сестрой до тех пор, пока ты не вернешься, – добавил он.

Его энергия была нервирующей, особенно потому, что она очень часто оказывалась сосредоточенной на мне.

– Я хочу, чтобы ты познакомилась с жизнью моей бабушки Нуалы. Чтобы ты узнала, что британцы сделали с нами и как моя семья боролась за свободу Ирландии... Это мой подарок для тебя, Мерри.

На первой странице толстой тетради в черной обложке стояла надпись «Дневник Нуалы Мэрфи. 19 лет». Я сорок восемь лет хранила у себя эту тетрадь, но ни разу не читала ее. Помню, как я перелистала страницы, когда приехала в пансион, но неразборчивый и неряшливый почерк с массой орфографических ошибок охладил мое рвение; к тому же моя новая жизнь в Дублине требовала множества других занятий. А

потом, по мере нашего взросления, я старалась держаться как можно дальше от него и его убеждений, но все же прихватила дневник с собой, когда уехала из Ирландии. Я снова обнаружила его в коробке, когда проходила через болезненный процесс сбора и упаковки вещей Джока. И, словно по наитию, взяла тетрадь с собой в эту поездку.

Я встала, открыла чемодан и нашла дневник во внутреннем кармане, завернутый в холщовый мешок. Почему я просто не выбросила его, как рассталась почти со всем, что имело отношение к моему прошлому?

Я достала шкатулку с ювелирными украшениями и хотела положить ее в комнатный сейф, но что-то заставило меня открыть ее. Я вынула кольцо, и в солнечном свете блеснули семь крошечных изумрудов. Потом я опустилась на кровать, достала очки для чтения и взяла дневник.

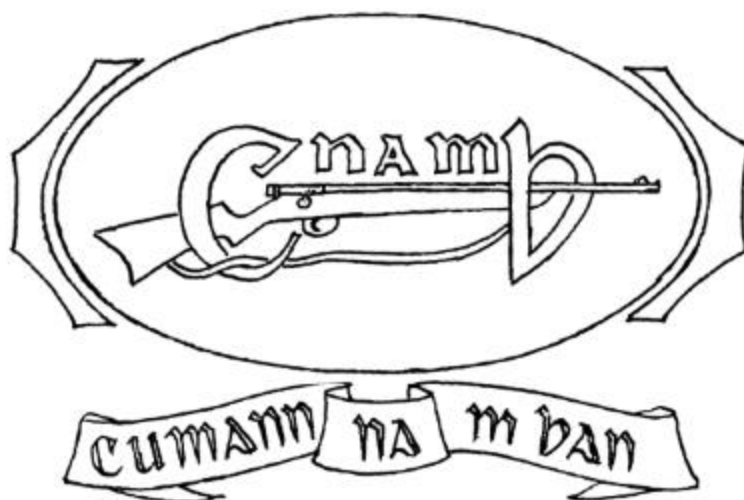
«Пора, Мерри...»

Я раскрыла тетрадку и провела кончиками пальцев по выцветшим черным чернилам, густо покрывавшим страницы.

28 июля 1920 года...

Нуала

Аргидин-Вэлли, Западный Корк, Ирландия

Cumann na mBan^[5]
Совет ирландских женщин

Нуала Мэрфи развешивала на веревке выстиранную одежду. За последние несколько месяцев длина веревки увеличилась в три раза вместе с количеством белья, которого Нуала стирала для храбрецов из местных бригад Ирландской республиканской армии, известной как ИРА.

Бельевая веревка была натянута перед фермерским домом с видом на долину и восходящее солнце. Нуала подбоченилась и окинула взглядом нижние аллеи, выискивая любые признаки «черно-коричневых» – ненавистных британских констеблей, получивших такое прозвище за армейские штаны цвета хаки в сочетании с темно-зелеными куртками Ирландской королевской полиции, которые казались почти черными. Они колесили по сельской местности в своих грузовиках с открытым верхом; их единственной целью была

ликвидация мужчин, сражавшихся с британцами в качестве добровольцев ИРА. Они тысячами прибывали в прошлом году для поддержки местной полиции, не способной удержать и подавить ирландское восстание. Нуала с облегчением убедилась, что аллеи и дороги, проходившие под ее домом, оставались пустынными.

Ее подруга Флоренс, которая, как и Нуала, состояла в женской добровольческой организации Куманн на-Маэн, раз в неделю приезжала на пони с тележкой и привозила белье для стирки, спрятанное под нарезанными брикетами болотного торфа. Когда белье захлопало на ветру, Нуала позволила себе слабую улыбку. Было нечто приятное и вызывающее в том, чтобы выставлять на всеобщее обозрение подштанники самых разыскиваемых людей в Западном Корке. Нуала еще раз огляделась вокруг и вошла в дом. В совмещенной кухне-гостиной с низкими потолочными балками сегодня было душно, особенно из-за разведенного камина, готовился обед на всю семью. Мать Нуалы, Эйлин, уже очистила овощи, и теперь они кипели в горшке над огнем. Направившись в кладовую, Нуала взяла яйца, которые рано утром забрала из курятника, муку и драгоценные сухофрукты, вымоченные в холодном чае, и начала готовить смесь, которой должно было хватить на три-четыре фруктовых кекса. В эти дни у двери в любую минуту мог появиться волонтер ИРА, изможденный после долгого бегства, нуждавшийся в пище и крове.

Вывалив смесь в железный котелок, чтобы повесить его над огнем, когда овощи будут готовы, Нуала вытерла пот со лба и подошла к входной двери, чтобы подышать свежим воздухом. Сейчас она думала, что ее детство здесь, на Кросс-Фарм, не обходилось без тяжелой работы, но было сравнительно беззаботным. Только это было до того, как ее ирландские братья решили, что пора восстать против британского владычества, угнетавшего и контролировавшего Ирландию на протяжении столетий. После первых убийств британских констеблей в Типперери в январе 1919 года, которые привели к вооруженным столкновениям, в Ирландию для подавления мятежа были отправлены десять тысяч британских солдат. Из всех армейских подразделений в Ирландии Эссекский полк был самым безжалостным и совершал рейды не только по конспиративным квартирам ИРА, но и

по домам обычных жителей. Потом «черно-коричневые» присоединились к солдатам в попытке задушить восстание.

Ирландия превратилась в оккупированную страну, где гражданские свободы, которые Нуала раньше воспринимала как должное, были жестоко ущемлены. Теперь ирландские повстанцы уже более года находились в состоянии войны с могучей Британской империей; они воевали не только за свою свободу, но и за освобождение своей родины.

Нуала подавила зевок; она уже забыла, когда спала больше трех часов в сутки из-за волонтеров, прибывавших на ферму на постой и за провиантом. Кросс-Фарм была известна всем местным бойцам ИРА как конспиративная явка – отчасти из-за выгодного расположения в долине, где имелась возможность выставить дозорных на вершине густо заросшего холма за фермой, откуда открывался вид на округу с высоты птичьего полета. Это давало постояльцам достаточно времени для того, чтобы уйти и рассеяться по окружающей местности.

– Мы победим, – прошептала Нуала, когда вернулась в дом, чтобы проверить овощи. Ее отец Дэниэл и старший брат Фергус были ревностными волонтерами, а она со своей старшей сестрой Ханной работала для Куманн на-Маэн. Хотя это не требовало такого же прямого участия в боевых действиях, как для ее брата, Нуала гордилась тем, что их работа давала прочную опору для мужчин. Без женщин, доставлявших секретные сообщения, контрабандное оружие и гелигнит для бомб либо просто готовивших еду и стиравших одежду, восстание могло бы захлебнуться уже через несколько недель.

Ее троюродный брат Кристи жил вместе с их семьей уже более десяти лет. Мэрфи взяли его к себе после смерти его родителей, и до Нуалы доходили слухи, что у него есть старший брат по имени Колин, который был слабоумным и находился в лечебнице Корк-Сити, предназначенной для таких, как он. Это составляло разительной контраст с суровой и стойкой натурой Кристи. В пятнадцать лет он случайно угодил ногой в молотилку для зерна, и, хотя ногу удалось спасти, хромота осталась навсегда. Кристи вырезал себе красивую дубовую трость, и, хотя он был лишь на несколько лет старше Нуалы, трость придавала ему вид глубокомысленного старца. Несмотря на свою травму, он был силен как бык и числился в должности адъютанта в Баллинскартской бригаде ИРА, работая вместе с отцом Нуалы. Ни

Кристи, ни отец не состояли в активных боевых ячейках, но их интеллект помогал планировать засады, координировать линии разведки и снабжения. Кристи работал в пабе в Клогах и каждый вечер после усердного труда на ферме садился на свою старую лошадку и ехал в поселок разливать по кружкам портер. Там он слушал и запоминал полезную информацию, если группа «черно-коричневых» приходила в паб и спиртное развязывало им языки.

– Здравствуй, дочка, – сказал отец, споласкивая руки в бочке с водой, стоявшей перед дверью. – Обед уже готов? Я жутко проголодался, – добавил он, наклонив голову при входе и усевшись за стол.

Ее отец был здоровенным как медведь, и, хотя Фергус был высоким парнем, Дэниэл гордился тем, что сын так и не перерос его. Из всех страстных ненавистников Британии, когда-либо находившихся в стенах Кросс-Фарм, отец был самым стойким и громогласным. Его родители пали жертвой голода, и в юности ему довелось стать свидетелем «земельных войн» – восстания против британских землевладельцев, взимавших чудовищную арендную плату за лачуги, где жили работавшие на них фермеры. Дэниэл был истинным *фением*^[6] с головы до ног. Вдохновленные подвигами *fian* – воинских дружин из ирландских легенд, – фении твердо верили, что Ирландия должна обрести независимость и единственным способом достижения этой цели было вооруженное восстание.

Отец бегло говорил по-гэльски и воспитал своих детей в духе гордости за ирландское происхождение. Он научил их родному языку едва ли не раньше, чем они начали говорить по-английски. Все дети знали, что опасно говорить по-гэльски на людях, поэтому беседовали на гэльском лишь за закрытыми дверями Кросс-Фарм.

После «земельных войн» ее дед смог выкупить четыре акра плодородной земли у британских землевладельцев Фицджеральдов. Когда Дэниэл унаследовал ферму, ему удалось приобрести еще один акр и расширить свои владения. Нуала знала, что освобождение от «угнетателей», как он называл британцев, было важнейшим делом его жизни.

Его героем был Майкл Коллинз – «Мик», или «Большой Парень», как его называли в здешних местах. Уроженец Западного Корка, родившийся лишь в нескольких милях от Клонакилти, Мик вместе с

Дэниэлом принимал участие в Пасхальном восстании, а затем, после двух лет, проведенных в британской тюрьме, стал главой добровольческого ополчения ИРА по всей Ирландии. Как часто говаривал отец Нуалы, именно Мик Коллинз командовал парадом, особенно пока Эймон де Валера, президент формировавшегося республиканского правительства, находился в Америке и занимался сбором средств для сопротивления ирландцев. Имя Майк ла Коллинза произносили с почтением, и у ее сестры Ханны была газетная вырезка с его фотографией, прикрепленная к стене напротив кровати, так что сестра видела его каждое утро. Нуала сомневалась, что любой другой мужчина когда-то сможет сравниться для Ханны с Большим Парнем. В двадцать лет ее старшая сестра не проявляла ни малейшего желания выходить замуж.

– Где мама, Нуала? – спросил Дэниэл.

– На улице, папа, копает картошку. Я позову ее.

Нуала вышла наружу, сунула два пальца в рот и пронзительно свистнула.

– Где Фергус и Кристи? – поинтересовалась она, когда вернулась в дом и начала раскладывать по тарелкам картошку и капусту с вареной ветчиной.

– Сеют зимний ячмень в поле. – Дэниэл посмотрел на дочь, когда она поставила перед ним миску с едой. Они перешли на половинные порции, экономя припасы для голодных волонтеров. – Есть новости?

– Сегодня еще нет, но...

Нуала повернулась к открытой двери и увидела Ханну, спешившую по тропинке к дому на своем велосипеде. Сестра работала в одежном магазине в Тимолиге и обычно не возвращалась домой к полуденной трапезе. Нуала поняла, что что-то случилось. Сердце забило в груди быстрее; это ощущение теперь приходило так часто, что стало привычным.

– Что случилось? – спросила она, когда Ханна вошла в дом. Эйлин, Фергус и Кристи последовали за нею. Дверь плотно закрыли и заперли на засов.

– Я только что узнала, что эсекцы арестовали Тома Хэйлса и Пата Харта, – сказала Ханна, тяжело дыша от усталости и волнения.

– Боже, – произнес Дэниэл и прикрыл глаза рукой. Остальные члены семьи расселись по стульям и табуретам.

– Как? – спросила Эйлин. – Где?

– Кто знал, где они находились? – жестко осведомился Кристи.

Ханна протянула руки, чтобы утихомирить их. Тарелка, которую Нуала собиралась поставить на стол, замерла в воздухе. Том Хэйлс был командиром Третьей бригады Западного Корка: он принимал решения, и люди доверяли ему свою жизнь. Невозмутимый Пат Харт был его бригадным квартирмейстером, отвечавшим за организационные и практические вопросы.

– Это был шпион? – спросил Фергус.

– Мы не знаем, кто донес на них, – сказала Ханна. – Мне известно лишь, что их схватили на ферме Харли. Элли Шихи тоже находилась там, но ей удалось отмазаться. Это она послала мне весточку.

– Иисус, Мария и Иосиф! – Дэниэл стукнул кулаком по столу. – Только не Том и Пат. Разумеется, мы знаем причину. Это было сделано в отместку за сержанта Малхерна, застреленного возле церкви Святого Патрика вчера утром.

– Да сжалится Господь над его безжалостной душой, – добавил Кристи.

В наступившей тишине Нуала совладала с собой и подала еду потрясенным и подавленным членам семейства.

– Мы не могли ожидать, что убийство Малхерна останется без последствий; в конце концов, он был главным офицером разведки в Западном Корке, – сказала Ханна. – Честно говоря, это было проделано не лучшим образом, потому что он шел на мессу. Довольно жестоко.

– Война жестока, дочь моя, и ублюдоков заслуживал этого. Сколько ирландских жизней будет на его совести, когда он предстанет перед Творцом? – грозно спросил Дэниэл.

– Что сделано, то сделано, – сказала Нуала и перекрестилась украдкой. – Ханна, ты знаешь, куда их забрали?

– Элли сказала, что их пытали в сарае на ферме Харли, а потом вывели наружу со связанными за спиной руками. Она сказала... сказала, что они почти не держались на ногах. Они заставили Пата махать «Юнион Джеком»^[7], – с отвращением добавила Ханна. – Мне сообщили, что их удерживают в Брендонских бараках, но готова поспорить, что их переправят в Корк-Сити, прежде чем волонтеры успеют устроить хорошую засаду, чтобы спасти их.

– Пожалуй, ты права, дочка, – сказала Эйлин. – Другие бригады оповещены?

– Не знаю, мама, но уверена, что скоро узнаю. – Ханна поспешно съела несколько остывших картофеля и кусок капусты. – Нуала, у меня есть новости для тебя.

– Какие?

– Сегодня утром в магазин приходила горничная леди Фицджеральд. Она спросила, сможешь ли ты прийти сегодня в Большой Дом во второй половине дня, чтобы присмотреть за ее сыном Филиппом. Его сиделка неожиданно ушла из дома.

Вся семья недоверчиво уставилась на Ханну. Наконец Нуала нашла в себе силы заговорить:

– Ох, Ханна, после того, что ты мне рассказывала, Аргидин-Хаус – не то место, где я захотела бы проводить время. Кроме того, почему именно я? Я приходила туда только для того, чтобы помогать с обедом и иногда подавать еду на стол, но я даже незнакома с ее сыном.

– Леди Фицджеральд слышала, что ты училась на сиделку до начала боевых действий. Очевидно, кто-то порекомендовал тебя.

– Конечно же, я не собираюсь туда, – решительно заявила Нуала. – У меня сушится постельное белье и одежда, и кто будет заваривать чай?

Последовало очередное молчание, потом отец посмотрел на нее.

– Думаю, тебе следует отправиться туда, дочка. Если они готовы впустить тебя в свой дом, это значит, что мы не под подозрением.

– Я... папа! Нет, пожалуйста, я не могу. Мама, скажи ему!

Эйлин пожала плечами. Такие решения мог принимать только ее муж.

– Я согласен с папой, – сказал Фергус. – Думаю, тебе стоит пойти. Неизвестно, что ты сможешь услышать там, внутри.

Нуала обвела взглядом членов семьи.

– Это все равно что послать меня в тыл врага, – горько сказала она.

– Послушай, Нуала. Да, сэр Реджинальд – британский протестант, который принимает наших врагов, но я скажу, что он порядочный человек, чья семья долго живет в Ирландии, – ответил Дэниэл. – В таких ситуациях легко мазать всех одной краской. Ты знаешь, что я – ирландский республиканец до мозга костей и хочу выгнать британцев,

но следует отдать должное сэру Реджинальду; он достойный хозяин, несмотря на его происхождение. Его отец по сходной цене отдал землю моему отцу, а сэр Реджинальд выделил мне этот дополнительный акр за сущие гроши.

Нуала посмотрела на отца и поняла, что дальнейшие возражения бесполезны. Отцовское слово было законом. Она коротко кивнула, выразив свое согласие, и принялась за еду.

– В какое время мне нужно быть там? – спросила она.

– Так скоро, как сможешь, – ответила Ханна.

– Иди помойся и надень свое лучшее хлопчатобумажное платье, – распорядилась Эйлин после того, как Нуала закончила обед.

С недовольным вздохом Нуала последовала ее совету.

Теперь, когда мать целиком отвечала за еду и стирку, Нуала выкатила из сарая свой велосипед и присоединилась к Ханне на время поездки в Тимолиг.

– Что будет делать бригада без Тома Хэйлса во главе? – спросила она сестру.

– Думаю, они выберут Чарли Харли в качестве временного командира, – сказала Ханна, пока они катились по пологому склону холма к дороге вниз, проходившей вдоль реки Аргидин до Инчбриджа, где им предстояло расстаться.

– А мой Финн? – прошептала Нуала. – Есть новости о нем?

– Я слышала, что он с Чарли Харли на конспиративной квартире, так что не беспокойся. Ну вот, отсюда я возвращаюсь в магазин. Удачи тебе в Большом Доме, сестра.

Ханна помахала рукой и уехала, а Нуала неохотно повернула в сторону Аргидин-Хауса.

Узкая дорога тянулась вдоль железнодорожной линии, которая, в свою очередь, проходила вдоль реки. В лесной чаще пели птицы, и солнечные лучи играли в листве. Нуала миновала то особое место, где они с Финном устраивали тайные свидания. Она слезла с велосипеда и покатила его в глубь леса, где прислонила к старому дубу. Сидя под раскидистой кроной на том самом месте, где Финн впервые поцеловал ее, Нуала уделила несколько минут молчаливому раздумью.

Она впервые заприметила Финнбара Кейси на гэльском футболе, где он играл в одной команде с Фергусом. Ему было шестнадцать, а ей лишь четырнадцать, и он бы не удостоил ее вторым взглядом. Но она

была загипнотизирована этим высоким темноволосым парнем, который бегал с таким непринужденным проворством, искусно уклоняясь от соперников, перед тем как послать мяч в ворота. У него был добродушный смех и ласковые голубые глаза, и он крепко запечатлелся в ее памяти даже после того, как уехал для учебы на педагогических курсах. Они снова встретились на свадьбе год назад, после того как он стал учителем в местной школе. Во время вечерних танцев он взял Нуалу за руку, и она поняла, что их чувства взаимны. В восемнадцать и двадцать лет разница в возрасте больше ничего не значила. Случилось то, что должно было случиться. Их бракосочетание было назначено на август, и до него оставалось лишь несколько недель.

– Я мечтал, что мы устроим свадьбу в свободной Ирландии... – сказал Финн во время их последней встречи.

– Само собой, но я не собираюсь больше ждать, чтобы стать твоей женой, – ответила она. – Мы будем вместе сражаться за свободу.

Финн был идейным членом Третьей бригады Западного Корка вместе со своим лучшим другом Чарли Харли. Совсем недавно бойцы бригады устроили засаду на Ирландскую королевскую полицию в Ахавадде, убили трех полисменов и забрали их винтовки и амуницию. Это были ценные трофеи, поскольку и то и другое было в дефиците. В то время как британцы имели за спиной вооруженную мощь империи, волонтеры сражались с тем оружием, которое было либо украдено, либо доставлено контрабандой из-за моря. Многие мужчины в бригаде уже погибли, но Финну удавалось уходить невредимым, отчего его прозвали «Финн Девять Жизней». Нуала тяжело сглотнула. До сих пор ему везло, но, ухаживая за ранеными волонтерами, она хорошо знала, как переменчива эта удача... Как для Тома Хэйлса и Пата Харта вчера вечером.

– И вот я направляюсь в Большой Дом, чтобы прислуживать британцам, – вздохнула Нуала, снова забралась на велосипед и тронулась в путь. Она ехала вдоль высокой каменной стены, обозначавшей границу дома и парка, потом повернула на длинную извилистую подъездную дорогу и все гадала, каково жить в доме, где можно разместить, наверное, сотню человек. Многочисленные окна отбрасывали на нее солнечные блики, парадное обрамляли высокие

колонны, – дом был симметричным и прямоугольным, в том стиле, который так нравился бри танцам.

Свернув возле дома налево, Нуала направилась к задней части, где находился вход на кухню. Во дворе пять громадных лоснящихся лошадей высовывали головы над дверцами стойла.

«Если бы мы могли заполучить парочку таких красавиц, это бы сильно ускорило передвижение волонтеров между секретными убежищами...»

Соскочив с велосипеда, Нуала пригладила растрепанные ветром волосы, отряхнула платье и пошла к колокольчику у кухонной двери. Отсюда она могла слышать лай охотничьих собак, сидевших в своих конурах.

– Здравствуй, Нуала. Сегодня прекрасная погода, не так ли? – Люси, одна из кухарок, которую Нуала знала со школы, провела ее внутрь.

– Я бы назвала хорошим любой день, когда нет дождя, – ответила Нуала.

– И то верно, – согласилась Люси, провожая ее через громадную кухню. – Посиди здесь пять минут. – Она указала на табурет возле большого каменного очага, где пылал огонь и стояла кастрюля, из которой доносились вкусные запахи. – Домашняя горничная Морин ищет экономку, миссис Хоутон, которая отведет тебя наверх.

– Что случилось с прежней сиделкой?

– Ох, это такая сплетня, которая не должна покинуть пределы этой кухни. – Люси придвинула свой табурет ближе к Нуале и прошептала: – Лора сбежала с молодым конюхом!

– И что в этом плохого?

– Плохо то, что он из местных, а она британка и *к тому же* протестант ка! Ее милость, леди Фицджеральд, специально привезла ее сюда для ухода за Филиппом. Полагаю, они уже нашли какое-то судно и сейчас плывут в Англию. Ее милость спросила миссис Хоутон, знает ли она кого-то из местных девушек с опытом работы сиделкой. Миссис Хоутон обратилась к горничным, и я порекомендовала тебя.

– Очень заботливо с твоей стороны, Люси, но у меня нет нужной квалификации, – возразила Нуала. – Я всего лишь год проработала в Северной лечебнице в Корке, а потом была вынуждена вернуться домой и помогать на ферме.

– Ее милость не знает об этом, верно? Кроме того, парень не болен: ему просто нужно помогать мыться и одеваться да еще составлять какую-никакую компанию. Лора по большей части пила чай и читала ему вслух; во всяком случае, так говорит Морин. Но, знаешь, она ведьма. – Люси понизила голос. – Морин всего лишь горничная, но она ужасная кривляка. Никто ее не любит. Я...

Люси мгновенно замолчала, когда женщина, которую Нуала опознала как пресловутую горничную, вошла в кухню. Одета в обычное черное платье с накрахмаленным белым передником, с длинным носом и бледным лицом, контрастировавшим с черными волосами, туго стянутыми и убранными под капор, она казалась суровой. По прикидкам Нуалы, ей было лет двадцать пять.

– Мисс Мэрфи? – спросила горничная, обратившись к ней.

– Да, я – Нуала Мэрфи.

– Пожалуйста, пойдете со мной.

Проходя по кухне следом за Морин, Нуала обернулась к Люси и закатила глаза.

– Где вы получили опыт работы сиделкой? – осведомилась Морин, пока они шли по просторному коридору к лестнице, такой широкой и величественной, что она могла бы вести на небеса.

– В Северной лечебнице Корка.

– А ваша семья? Откуда вы родом?

– Мы живем на Кросс-Фарм, между Клогахом и Тимолигом. А вы? – вежливо спросила Нуала.

– Я родилась в Дублине, но мои родители переехали сюда, когда унаследовали ферму от старшего брата моего отца. Я же приехала для того, чтобы ухаживать за больной матерью. Ах, миссис Хоутон, вот девушка, которая будет временной сиделкой.

Нуала расслышала ударение на слове «временной», когда высокая женщина в длинном черном платье без передника, но с большой связкой ключей на поясе, появилась из-за двери одной из комнат.

– Спасибо, Морин. Добрый день, мисс Мэрфи, я отведу вас в комнаты Филиппа, – сказала женщина с четко выраженным британским акцентом.

– Можно спросить, что случилось с юношей? – спросила Нуала, поднимаясь по лестнице следом за миссис Хоутон.

– Он подорвался на mine, когда сражался на Великой войне^[8]. Ему раздробило левую ногу, которую пришлось ампутировать по колено. Он передвигается в кресле-каталке и вряд ли когда-нибудь встанет на ноги.

Нуала едва слышала экономку; она смотрела на огромные полотна с портретами людей прошлых эпох, развешанные по обе стороны от лестницы.

– В чем будут заключаться мои обязанности? – спросила Нуала, когда поднялась на лестничную площадку и последовала за миссис Хоутон по коридору, достаточно широкому, чтобы по нему проехал грузовик «черно-коричневых».

– Во второй половине дня он любит, чтобы ему читали вслух. Около четырех часов дня ему приносят чай и сэндвичи. В семь вечера вы помогаете ему помыться, надеть ночную рубашку и халат. Он может послушать радио; в восемь вечера вы помогаете ему лечь в постель, он пьет горячий чай или какао с бисквитом и принимает лекарство. После этого вы можете идти. Послушайте. – Миссис Хоутон повернулась к Нуале. – Надеюсь, вы не брезгливы?

– Нет, – машинально ответила Нуала, думая о том, что «брезгливость» – это английское слово для обозначения чего-то нехорошего. – А что?

– Лицо бедного Филиппа было сильно обезображено при взрыве. Он потерял один глаз и едва может видеть другим.

– О, это не проблема. Я видела нечто подобное... в госпитале Корка, – поспешно закончила Нуала, испугавшись, что едва не проговорила о засаде, когда один из добровольцев ИРА был тяжело ранен при взрыве гранаты.

– Хорошо. Тогда мы войдем.

Миссис Хоутон тихонько постучала в дверь, и из комнаты донесся голос: «Входите».

Они вошли в просторную гостиную с окнами на парк. Мебель была настолько роскошной, что у Нуалы появилось желание провести руками по мягкой парчовой обивке дивана и стульев, по гладкой, блестящей поверхности сервантов и столов из красного дерева, расставленных по комнате. Человек в кресле-каталке сидел у окна спиной к ним.

– Пришла ваша новая сиделка, Филипп.

– Пусть подойдет сюда, – произнес тихий, глуховатый голос с английским акцентом.

Нуала последовала за миссис Хоутон через комнату, радуясь тому, что мать заставила ее надеть единственное хорошее платье.

Человек развернул кресло, и Нуала с трудом подавила вскрик ужаса. Черты его лица были грубо перекроены: пустая глазница, нос и левая сторона рта свисала ниже правой стороны. Кожа в промежутке была испещрена шрамами, однако правая сторона лица осталась нетронутой.

Глядя на пышную копну светлых волос, Нуала понимала, что когда-то он был симпатичным молодым человеком.

– Добрый день, сэр, – сказала Нуала и сделала маленький реверанс.

– Добрый день, мисс...

– Мэрфи, сэр. Нуала Мэрфи.

– Полагаю, вы ирландка?

– Так и есть, сэр. Я живу лишь в паре миль отсюда.

– Ваша мать уже связалась с кадровыми агентствами в Англии, – вмешалась миссис Хоутон. – Но Нуала работала сиделкой.

– Ах, миссис Хоутон, мы-то с вами знаем, что мне едва ли нужна сиделка. – Филипп пожал плечами. – Подойдите ближе, чтобы я мог разглядеть вас.

Филипп поманил Нуалу к себе и остановил ее, когда между ними оставалось лишь несколько дюймов. Он смотрел на нее, и она видела, что, хотя у него остался лишь один глаз, да и то наполовину слепой, он сохранил четкость восприятия.

– Она прекрасно подойдет, миссис Хоутон. Пожалуйста, – Филипп махнул рукой, отпуская экономку, – оставьте нас, чтобы мы могли познакомиться друг с другом.

– Хорошо, Филипп. Позвоните, если вам что-то понадобится.

Миссис Хоутон вышла из комнаты, и Нуала осталась наедине с Филиппом. Несмотря на первоначальное нежелание приходить сюда, ее щедрое сердце мгновенно прониклось сочувствием к этому бедному, обезображенному мужчине.

– Пожалуйста, – сказал он. – Прежде всего, зовите меня «Филипп», а не «сэр». Остальные слуги знают, что я этого не выношу. Это напоминает мне о том времени, которое я хотел бы забыть.

Садитесь же, – добавил он, когда выкатил свое кресло к центру комнаты.

Хотя это была простая просьба, Нуалу всю жизнь учили стоять прямо перед любыми британскими дворянами, и она втайне гордилась этим. Поэтому просьба сесть – особенно на диван с парчовой обивкой – немного сконфузила ее.

– Да, сэръ... то есть Филипп, – ответила Нуала и опустилась на диван. Теперь она преодолела шок от вида его лица, и ее взгляд опустился к полупустой штанине на его левой ноге.

– Итак, Нуала, расскажите мне о себе. – Нуала видела, что из-за развороченной губы он старается говорить медленно и четко.

– Я... ну, я одна из троих детей и живу на ферме вместе со своим кузеном, мамой и отцом, Дэниэлом Мэрфи.

– Ах да, мистер Мэрфи. Мой отец называет его достойным и разумным ирландцем. – Филипп кивнул. – Уверен, он не из тех, кто участвует в нынешних беспорядках в Ирландии.

«Иисус, Мария и Иосиф! Умоляю вас, не дайте ему увидеть румянец на моих щеках...»

– Нет, Филипп, вовсе нет.

Он повернул голову к окнам.

– Единственное, что поддерживало мой дух в тех окопах, это мысль о том, что однажды я вернусь в свой мирный и спокойный дом. А теперь... – Он покачал головой. – Ночью я иногда просыпаюсь от звуков перестрелки. Я...

Его голова опустилась на грудь, плечи поникли, и Нуала вдруг осознала, что он плачет. Она продолжала сидеть, думая о том, что еще никогда не видела мужских слез, даже когда вынимала кусочки разрывной пули из бедра Сони О'Нила после налета «черно-коричневых» на его ферму.

– Прошу прощения, Нуала. Боюсь, теперь я стал слезливым. Особенно когда речь заходит о войне. Столько жизней потеряно, столько страданий, и вот мы сидим в тихом уголке на краю света, а вокруг снова война.

– Могу я что-то сделать для вас, Филипп?

– Новый глаз и целая нога были бы тем, что надо, но, боюсь, этого мне не дожидаться. А потом, разумеется, мой дух покинет бесполезную

плоть, в которой ныне обитает. Полагаю, вы верите в царствие небесное, Нуала?

– Да, Филипп.

– Это потому, что вы никогда не видели, как сотни молодых людей умирают в мучениях и зовут своих матерей. После этих криков очень трудно поверить в доброго и милосердного Отца, который поджидает нас наверху. Как вы думаете?

– Ну, я... – Нуала закусила губу.

– Продолжайте, пожалуйста. Ничто из сказанного не сможет оскорбить меня. Вы – первая молодая особа, которую я увидел за последние полгода, не считая предыдущей сиделки, но она была настолько тупой, что об этом незачем и говорить. Друзья моих родителей принадлежат к определенной возрастной категории, если вы понимаете, что я имею в виду. А вы местная уроженка, не говоря уже о католической вере, поэтому мне хочется услышать ваше мнение.

– Я... Полагаю, что бы ни ожидало нас после смерти, это будет настолько величественным, что мы забудем о боли и страданиях, которые испытывали здесь, на земле.

– Истинно верующая, – отозвался Филипп, и Нуала не смогла понять, насмехается он или нет. – Хотя я не выношу всю эту чушь о посмертном наказании за земные грехи... Что, к примеру, мог сделать любой семнадцатилетний солдат в траншеях, чтобы заслужить такое? – Филипп указал на свое лицо и отсутствующую ногу. – Я склонен думать, что человечество создает на земле собственный ад.

– Согласна, что война – ужасная вещь. Но иногда нужно сражаться за то, что по праву принадлежит тебе. Как это делали вы против гуннов^[9] во Франции.

– Разумеется, ты права. Мне не нравилась мысль о том, что немцы топчут зеленые поля нашей милой отчизны.

«Или как британцы оккупируют нашу землю...»

– Я лишь надеюсь, что жертвы того стоили, – продолжал Филипп. – Скажите, Нуала, вы играете в шахматы?

– Нет, я не умею.

– Как и сиделка, которая была до вас. Я пытался научить ее, но она оказалась слишком скудоумной. Не желаете попробовать?

– Мне будет интересно научиться новой игре, – ответила она, про себя изумляясь такому неожиданному повороту беседы.

– Хорошо. Тогда раскройте шахматный столик, который стоит вон там, перед окном.

Филипп показал Нуале, как раскрывается столик, и она увидела, что столешница покрыта узором из чередующихся темных и светлых клеток.

– Шахматные фигуры лежат в шкафчике, на котором стоит поднос с графином виски. Налейте мне капельку. Мой мозг лучше работает в спокойном состоянии, и позвольте сказать, что глоток доброго ирландского виски стоит двадцати моих обезболивающих пилюль.

Нуала впервые увидела, как правый уголок его рта изогнулся в подобии улыбки. Она налила Филиппу бокал виски, взяла громышающую коробку и откатила его кресло к шахматному столику.

– Садитесь напротив меня; свет помогает мне лучше видеть.

Филипп запустил руку в карман брюк и достал монокль, который поместил над здоровым глазом.

– Итак, – сказал он, отхлебнув виски, – откройте коробку и достаньте шахматные фигурки. Я покажу, как расставлять их.

Нуала повиновалась. Фигурки были изготовлены из черного и кремового материала, гладкого и шелковистого на ощупь. Каждая из них была красиво вырезана, словно миниатюрная статуэтка.

– Итак... вы будете играть белыми, а я – черными. Смотрите, как я расставляю свои фигуры, и ставьте ваши как в зеркальном отражении.

Наконец доска была подготовлена к игре. После того как Нуала снова наполнила бокал Филиппа, он научил ее, как называются фигуры и как они могут передвигаться по доске.

– Единственный способ научиться – это играть и еще раз играть, – сказал он. – Ну как, вы в игре?

Нуала согласилась, что бы ни означали его слова. Сосредоточившись, она перестала обращать внимание на время, пока они двигали фигурки по доске, и постепенно начала понимать правила.

В дверь постучали.

– Проклятие! – пробормотал Филипп. – Да, входите!

В дверях стояла миссис Хоутон.

– Прошу прощения, но вы не собираетесь выпить чаю? Обычно сиделка посылала за чаем в четыре часа, а сейчас уже половина пятого.

– Это потому, что предыдущая сиделка была безмозглой дурой, а Нуала уже усвоила элементарные шахматные правила. Мы попьем чаю, а потом продолжим игру.

– Морин принесет его для вас. Будут сэндвичи с копченым лососем и огурцом.

– Отлично, миссис Хоутон. – Дверь закрылась, и Филипп посмотрел на Нуалу. – Раз уж нас так грубо прервали, не будете ли вы добры откатить меня в ванную комнату?

Филипп направил ее через дверь в спальню, где стояла громадная кровать с четырьмя столбиками, на которых было натянуто нечто вроде шелкового балдахина.

– Теперь направо, – распорядился он и указал на другую дверь. – Вкатите меня внутрь, а там я уже сам справлюсь.

Нуала изумленно смотрела на большую ванну с водопроводной трубой, отходившей от нее, и на низкую овальную чашу с цепочкой, свисавшей с потолка.

– Вы уверены, что вам не понадобится помощь?

– Все будет путем, как говорят ирландцы. Закройте дверь за собой, а я позову вас, когда буду готов.

Оставшись в великолепной спальне, Нуала на мгновение представила себя на громадной кровати, она глядела на шелковый балдахин и чувствовала себя надежно защищенной. Вдали от фермерского дома, который ежедневно находился под угрозой полицейских рейдов. Дома ее постелью служил соломенный тюфяк, а непрерывная работа с рассвета до заката была необходимой хотя бы для того, чтобы у них всегда была еда на столе. Нуала представила, каково это – иметь слуг и унитаз за дверью спальни, куда можно было незаметно облегчиться в любой момент. И, прежде всего, не жить в ежечасном страхе...

«Но хотела бы я оказаться на его месте?»

– Ни за какие коврижки, – пробормотала она.

– Я готов, – донесся голос из соседней комнаты. Нуала встряхнулась и пошла открывать.

– Все готово, – сказал Филипп и улыбнулся. – Пожалуйста, потяните за цепочку наверху.

Стараясь не глядеть по сторонам, чтобы Филипп не принял ее за тупую крестьянку, она доставила его обратно в гостиную, где Морин

установила трехъярусный серебряный поднос, наполненный сэндвичами и пирожными, а также две изящные фарфоровые чашки перед диваном с парчовой обивкой.

– Чай подан, – сообщила Морин. Нуала была уверена, что, выполняя небольшой реверанс, горничная посмотрела в ее сторону и этот взгляд был вовсе не теплым.

– Надеюсь, вам нравится рыба, – сказал Филипп, когда потянулся за сэндвичем из белого хлеба с обрезанной корочкой.

– Честно говоря, я никогда не пробовала рыбу.

– Это ничуть не удивляет меня, – заметил Филипп. – Я никогда не понимал, почему вы, ирландцы, так недолюбливаете ее. В здешних водах полно рыбы, однако вы предпочитаете мясо.

– Так меня воспитывали.

– Ладно, после того как вы наполните чашку – кстати, сначала чай, потом молоко, – я настаиваю, чтобы вы попробовали сэндвич. Как вы можете убедиться, здесь достаточно еды для десятир.

– Спасибо, я попробую.

Нуала налила чай и молоко. Чайник и молочник были тяжелыми, словно из литого серебра.

– Пожалуйста, налейте себе, Нуала. Должно быть, у вас пересохло в горле.

Это было очередное английское слово, которое она раньше не слышала, но ей действительно хотелось пить.

– Чин-чин, – произнес Филипп, коснувшись своей чашкой края ее чашки. – И поздравляю с парой остроумных ходов на шахматной доске. Если вы будете продолжать в том же духе, то через две-три недели сумеете одолеть меня.

* * *

Минуло девять вечера, когда Нуала наконец вышла из дома. На улице быстро темнело, и она включила велосипедный фонарик, чтобы ненароком не съехать в канаву. Остановившись у того же дуба, где она встречалась с Финном, Нуала опустила на землю и прислонилась спиной к стволу, ощущая силу и мудрость старого дерева.

Сегодня она вступила в другой мир, и ее голова кружилась от мыслей о том, что она обнаружила.

Игра под названием «шахматы» затянулась еще надолго после чаепития (а лосось, розовый и нежный, оказался гораздо лучше на вкус, чем она ожидала). Потом Филипп настоял на следующей игре, где перестал предлагать ходы, которые ей нужно было сделать. Этот поединок продлился лишь десять минут, но следующая игра продолжалась целый час, и под конец Филипп хлопнул ладонью по здоровому бедру.

– Славно, очень славно, – сказал он после того, как Морин принесла горячее молоко и бисквиты. – А знаете, Морин, Нуала еще может побить меня в шахматы!

Морин коротко кивнула и ушла. Не то чтобы Нуале хотелось услышать похвалу, но что-то в поведении горничной заставило ее насторожиться.

Нуале хотелось посидеть подольше, чтобы переварить последние несколько часов своей жизни. Но наступила темнота, и пора было возвращаться домой. Собравшись с силами, она встала и забралась на велосипед.

Той ночью Нуала и Ханна лежали вместе на кровати, которую они делили друг с другом в крошечной мансарде над кухней. Нуала погасила свечку и засунула под матрас свой дневник, где она записывала свои ежедневные впечатления, как однажды посоветовал ее школьный учитель. Ей пришлось уйти из школы в четырнадцать лет, чтобы помогать на ферме, но она гордилась тем, что по-прежнему упражняется в словесности.

– Ну, и как он тебе? – спросила в темноте Ханна.

– Он... довольно вежливый, – ответила Нуала. – Он получил ужасные раны во время Великой войны, поэтому передвигается в кресле-коляске.

– Ты ведь не сочувствуешь ему, правда? Эта семья украла земли, по праву принадлежавшие нам более четырехсот лет назад, а потом они заставили нас платить за крохотные земельные наделы!

– Он чуть старше тебя, Ханна, но с его лицом можно зарабатывать деньги в цирке уродов на сельской ярмарке. Он даже плакал, когда говорил о Великой войне...

– Господи, девочка! – Ханна выпрямилась в постели и откинула одеяло. – Я не желаю слышать, что ты сочувствуешь врагу! Лучше я выкину тебя из Куманн на-Маэн уже завтра утром.

– Нет, нет... прекрати! Даже папа говорит, что Фицджеральды – достойное семейство британцев. Кроме того, никто не предан нашему делу больше, чем я: мой жених прямо сейчас подвергает себя опасности ради поражения англичан. А теперь, поскольку у нас нет ночных гостей, а завтра предстоит собрание бригады, можно ли немного поспать?

– Я постоянно думаю о бедном Томе Хэйлсе и Пате Харте. – Ханна вздохнула и снова легла. – Мы уже оповестили наших разведчиц; они найдут место, где их держат. Но ты права, завтра будет долгий день. Добровольцы будут голодны как волки, а папа говорит, что их будет много.

– По крайней мере, у нас есть чистая одежда для них, – добавила Нуала, не осмелившись сказать сестре, что миссис Хоутон попросила ее вернуться в Большой Дом до тех пор, пока не найдут постоянную сиделку.

«Утром я поговорю с папой», – подумала Нуала, когда ее веки сомкнулись, и она погрузилась в сон.

* * *

– Что ты думаешь об этом, Ханна? – спросил Дэниэл на следующее утро, когда члены семьи расселись вокруг стола для завтрака. Хотя было лишь семь утра, коров уже подоили, а Фергус с пони и тележкой направился со сливками на маслобойню.

– Я скажу, что ей больше не нужно этого делать, папа. Для начала, здесь и так полно работы, и это без нашего участия в Куманн на-Маэн. Кто поможет маме с такой огромной готовкой и стиркой? Не говоря уже о работе на огороде и помощи в сборе урожая на полях. У меня есть своя работа... будет неправильно отправлять одну из нас на работу в Большом Доме.

– Я справлюсь; в конце концов, у меня есть Фергус и Кристи, – сказала Эйлин и похлопала по плечу Кристи, уплетавшего завтрак рядом с ней. Она посмотрела на мужа. – Решение за тобой, Дэниэл.

Ханна открыла было рот, но Дэниэл поднял руку, и наступила тишина.

– Многие волонтеры занимаются разведкой. И женщины – одни из лучших разведчиц, потому что британцы редко подозревают их.

– Ну да, – пробормотала Ханна.

– Если Нуале предложили временную работу в Большом Доме, значит, она сможет слушать кухонные сплетни насчет посетителей. У сэра Реджинальда среди военных много друзей, которые могут беседовать с ним о своих дальнейших планах, особенно после нескольких порций виски.

– Я вряд ли смогу подслушивать болтовню в нижней гостиной, папа, – вмешалась Нуала. – Это огромный дом.

– Нет, но уверен, что твой молодой джентльмен время от времени обсуждает происходящее со своим отцом. Нам будет полезно узнавать об этом.

– Филипп и сам не прочь пропустить глоток виски, – улыбнулась Нуала.

– Тогда наливай ему побольше и выясняй, что ему известно. – Дэниэл подмигнул ей. – Кроме того, как это будет выглядеть, если ты откажешься от своих обязанностей? Они считают, что работа для членов их семьи – это честь для тебя.

– Значит, ты хочешь, чтобы я продолжала?

– У тебя нет выбора, Нуала, – сказала Эйлин. – Когда зовут из Большого Дома...

– ...мы бежим на зов. – Ханна закатила глаза. – Когда придет великий день нашей победы, мы выдворим отсюда это семейство.

– Сын за нас или против нас? – спросил Кристи.

– Как ты можешь задавать такой вопрос? – воскликнула Ханна.

– Пусть ответит твоя сестра, – сказал Дэниэл.

– Я скажу, что Филипп в принципе против любой войны и просто хочет, чтобы все прекратилось, – сказала Нуала.

– Вот как, он уже Филипп? – Ханна прищурилась на сестру.

– Все его так называют, потому что обращение «сэр» напоминает ему о том времени, когда он служил капитаном в военных окопах, –

парировала Нуала. – Я бы не стала об этом говорить, если бы не твой поганый язык.

– Нуала! – Эйлин хлопнула по столу. – Таким выражениям нет места под нашей крышей. А ты, дочь, – она повернулась к Ханне, – держи свои замечания при себе. А теперь нам лучше приступить к делу. Мы знаем, сколько человек соберется здесь сегодня? – обратилась она к Дэниэлу.

– Пятнадцать или двадцать, и я отправил весточку в Тимолиг, чтобы местные скауты вышли в патруль, пока все не соберутся, – сказал Дэниэл. – Там будет немало из объявленных в розыск.

– Я собрала местных женщин из Куманн на-Маэн, чтобы помочь с готовкой, – добавила Ханна.

– Присмотри за тем, чтобы они спрятали свои велосипеды в амбаре за стогами сена, – напомнил Кристи.

– Само собой. – Ханна встала. – До встречи.

После ухода Ханны Нуала помогла матери вымыть посуду и оставила горшки отмокать в одной из бочек с водой.

– Я буду на дальнем поле, если понадобится, – сказал Дэниэл, направляясь к выходу.

– Папа? – Нуала поравнялась с ним. – Финн будет здесь сегодня вечером?

– Точно не знаю; после того как взяли Тома и Пата, все находятся в повышенной готовности, – ответил Дэниэл и вышел, махнув на прощанье мощной загорелой рукой.

* * *

Ханна была верна своему слову, и, когда они с Нуалой уезжали из дома, две женщины из Куманн на-Маэн уже находились на кухне и помогали матери с вечерней готовкой.

Сердце Нуалы гулко стучало в груди, когда она ехала в Аргидин-Хаус, – не только из-за возвращения туда, но и при мысли о мужчинах из Третьей бригады Западного Корка, включая ее возлюбленного Финна, тайно пробиравшихся на встречу в старом амбаре на Кросс-Фарм.

– Где бы ты ни был, милый, я молюсь о тебе, – прошептала она.

– Ну, здравствуй, Нуала, – сказала Люси, когда Нуала вошла на кухню. – Я слышала, ты произвела сильное впечатление на молодого хозяина.

– Правда?

– Да. Мисс Хоутон сообщила мне, что ты гораздо лучше нянчилась с ним, чем предыдущая сиделка.

Нуала нахмурилась:

– Я не нянчилась с ним. Большей частью он может обходиться самостоятельно. Я лишь ополоснула его перед сном, положила в постель и скормила таблетки.

– Ну, ты все сделала правильно. Миссис Хоутон сейчас нет дома, так что Морин отведет тебя к нему.

Вскоре появилась Морин и проводила Нуалу наверх, не сказав ни слова. Она остановилась перед дверью Филиппа.

– Я была бы рада, если бы вы ровно в четыре часа вспоминали о чае для молодого хозяина. Сэндвичи заветриваются, если долго оставлять их открытыми, а кроме того, у меня есть другие дела.

С этими словами она открыла дверь и впустила Нуалу в комнату.

Филипп сидел у окна в той же позе, в какой она впервые увидела его вчера. Остатки его обеда лежали на столике рядом с парчовым диваном.

– Я заберу это, если вы закончили, – сказала Морин.

– Благодарю вас.

Филипп не сказал ни слова, пока за ней не закрылась дверь.

– Настоящая зануда, правда? Мне сказали, что она потеряла своего мужа на Великой войне, поэтому я стараюсь быть снисходительным к ней, – добавил он. – Садитесь, Нуала. Надеюсь, у вас было приятное утро?

Нуала удержалась от улыбки, потому что с утра она не останавливалась ни на секунду, даже для того, чтобы поесть самой, когда подала завтрак для членов семьи.

– Нуала, у вас очень бледный вид. Может быть, я закажу чай? По моему опыту, сахар всегда оказывает бодрящее действие.

– Ох, Филипп, со мной все будет замечательно. И утро было очень приятным.

– Нет, я настаиваю, – сказал он и взялся за колокольчик, свисавший на шнурке возле его кресла. – Я за двадцать шагов вижу

голод и усталость, и мы просто не сможем начать очередную шахматную партию, если вы не получите подкрепление.

– Правда, Филипп, я... – Нуала почувствовала, как краска приливает к ее щекам.

– Никаких проблем; нынче наша горничная не сбивается с ног. Никто из английских друзей отца – или ирландских, если уж на то пошло, – не расположен приезжать сюда из опасения быть взятым в заложники или получить по пути пулю от ИРА.

Замешательство Нуалы усилилось, когда Морин снова появилась в дверях.

– Вы позвонили, Филипп?

– Да. Мы с Нуалой собираемся устроить шахматную партию, и я не хочу, чтобы меня беспокоили. Поэтому прошу вас принести чай и сэнд вичи до того, как мы начнем игру. Нуала проголодалась.

– Да, хотя это может занять десять минут, так как я всегда подаю вам все самое свежее. – Морин бросила на Нуалу убийственный взгляд, перед тем как выйти из комнаты.

– Можно спросить, Нуала, ваша семья часто голодает?

– О нет, Филипп, вовсе нет. Нам повезло, что у нас есть овощные грядки и свиньи для бекона. И картошка обещает хорошо уродиться в этом году.

– В отличие от жуткого «картофельного голода» в прошлом веке. В то время мой отец был мальчиком, но он помнит, как его отец делал все возможное для поддержки местных земледельцев. На кухне готовили огромные кастрюли супа и все время пекли хлеб, но, разумеется, этого не хватало.

– Конечно.

– Многие из вашей семьи уехали в Америку? – поинтересовался он.

– Я знаю, что мои дед и бабка потеряли много родни во время того голода и отправили своих братьев и сестер в Америку. Там у нас есть родственники, которые иногда присылают посылки на Рождество. А вы сами там были? Судя по всему, это отличное место.

– По правде говоря, да. Мы приплыли в Нью-Йорк на бедной обреченной «Лузитании»^[10], а потом отправились в Бостон навестить родственников моей матери. Нью-Йорк и впрямь славное зрелище; на Манхэттене надо задирать голову, чтобы увидеть верхние этажи.

– Думаете, любой человек может там сколотить себе состояние?

– Почему вы спрашиваете?

– Просто мы с моим женихом иногда говорили об этом.

– Сомневаюсь, что в Ирландии есть семья, где бы не говорили об этом, – сказал Филипп. – Разумеется, для некоторых это было успехом, но, наверное, это стоит поместить в контекст безрадостного выбора для ваших предков: голодать в Ирландии или испытать судьбу в Америке. Я хорошо помню, как мой отец указывал на место под названием Бруклин, которое, по его словам, было громадным ирландским поселением только из-за того, что многие мужчины, приезжавшие во время «картофельного голода», находили работу на строительстве Бруклинского моста. Мы проезжали эти места, и тамошние жилищные условия... скажем так, неблагоприятны для людей. Ветхие трущобы и грязные дети, играющие на улицах. Если ответить на ваш вопрос: да, есть немногие счастливики, которые добились успеха, но если выбирать между нищетой в многоквартирном бруклинском доме или возможностью выращивать собственную еду и дышать свежим воздухом, то я выбираю Ирландию.

– Финн, мой жених, работает учителем в школе Клогаха и считает, что стоит попробовать. А я? Я твердо сказала ему, что не поднимусь на борт после того, что случилось с теми беднягами на «Титанике», а потом на «Лузитании».

– Я, безусловно, понимаю вас, Нуала, но вы должны помнить о том, что добрая старая «Лузитания» была торпедирована немцами. Клянусь, это было отличное судно, которое могло бы еще много лет безопасно переправлять людей через Атлантику.

– Когда отец узнал о крушении, он сел на лошадь и проскакал до побережья в Кинсейле, надеясь помочь кому-нибудь. Я никогда не забуду, как он вернулся и рассказывал о телах, плававших в воде. – Нуала передернула плечами. – Хотя он не меньше меня боится открытого моря, он сел в лодку и помогал доставлять тела на берег.

– В то время я воевал во Франции, но мой отец тоже был в Кинсейле и рассказывал то же самое. Что ж, если потопление этого судна к чему-то и привело, то оно, безусловно, втянуло американцев в войну. Ага, вот и наш чай. Давайте больше не будем говорить о темных временах, ладно? Морин, оставьте поднос на столе перед Нуалой; она сама нальет чай.

Горничная снова сделала книксен и кивнула, метнув очередной мрачный взгляд в сторону Нуалы, а потом вышла из комнаты.

– Она все время недовольна, – вздохнула Нуала. – Мне она сказала, что предпочитает приносить чай ровно в четыре часа.

– Боже мой, не беспокойтесь насчет нее. Это всего лишь горничная. Теперь давайте попьем чаю, насытимся сэндвичами и приступим к игре.

* * *

К облегчению Нуалы, в половине восьмого Филипп объявил, что он устал и готов ложиться в постель. Она помогла ему искупаться, облачила в ночную рубашку, уложила в кровать, дала вечерние таблетки и смогла покинуть особняк в половине девятого.

– Это шахматы утомили меня, – с улыбкой сказал Филипп, когда Нуала собралась уходить. – Я слишком долго не разрабатывал мышцу, которая сидит у меня в голове. Мне пришлось попотеть, чтобы выиграть последнюю партию, моя юная леди. Вы учитесь на лету, и я не удивлюсь, если в скором времени вы одолеете меня.

По привычке останавливаться возле старого дуба – как будто ей требовалось несколько минут, чтобы превратиться из Нуалы – сиделки в Большом Доме в Нуалу Мэрфи, дочь пламенных республиканцев и участницу Куманн на-Маэн, – она села, прислонившись спиной к стволу, и обхватила руками колени.

Разумеется, она никому, *никому* не скажет, что на самом деле получила удовольствие от двух последних дней, проведенных в обществе Филиппа. Во время обеда он заявил, что не голоден; кроме того, при необходимости он всегда мог заказать новые сэндвичи, поэтому она ела, сколько хотела. Сегодня подали нечто, названное Филиппом тушенкой, и Нуала решила, что это одна из вкуснейших вещей, которые ей приходилось пробовать. Еще были свежесдобитые булочки, которые они ели вместе со сливками и джемом после окончания второй шахматной партии. Потом они сыграли еще две партии. Филипп по-прежнему без труда побеждал ее, несмотря на комплименты, но Нуала поняла, что при благоразумном расчете ей удастся затягивать игру. Жесткая сосредоточенность

означала, что все остальные мысли – главным образом о плохом – улетучивались из головы, и сегодня она чувствовала себя спокойнее и расслабленнее, чем когда-либо после кровавого Пасхального восстания, которое произошло четыре года назад и стало водоразделом для нее. Это было началом согласованных усилий ирландской нации по освобождению от британского владычества, и Нуала поняла, что ее жизнь уже никогда не будет прежней.

– Старый дуб, мне нравится Филипп, – призналась она, глядя на переплетение мощных ветвей наверху. – Он добрый и обходительный. К тому же он много страдал и продолжает страдать, – вздохнула она.

«По крайней мере, сегодня он не плакал», – подумала она, когда вернулась к своему велосипеду.

– Это лишь доказывает, что жизнь несправедлива ко всем в равной мере, будь то богатые англичане или бедные ирландцы, – сказала она ветру, готовясь к долгому подъему по склону холма до Кросс-Фарм.

* * *

– Наконец-то ты вернулась, Нуала, – сказала Ханна, когда она вошла на кухню. – А то мы уже думали, что ты устроилась на ночлег в одной из их роскошных спален.

– Господи, сейчас всего лишь начало десятого. – Нуала обвела взглядом кухню и увидела огромные миски с овощами на столе, а Дженни и Лили, принадлежавшие к отделению Куманн на-Маэн в Клонакилти, нарезали ветчину и раскладывали ее по тарелкам.

– Сегодня ночью мужчины придут не для еды, – сказала Ханна, снимая жаркое с крюка над огнем. – Лишь час назад патруль эссекцев видели на дороге у фермы Шэннонов.

– Нам нужно разложить картошку с овощами и доставить еду гостям в амбар, прежде чем все остынет, – сказала мать. – Кстати, Нуала: он уже на месте, так что лучше расчеши свою дикую гриву, прежде чем подавать ему еду. – Эйлин похлопала дочь по руке и понизила голос. – Не обращай внимания на старшую сестру. Она упрямая как мул... или как ее отец.

Нуала быстро вышла из кухни и побежала наверх, чтобы воспользоваться единственным зеркалом в доме, висевшим в комнате

родителей. Расчесав свои длинные, темные, вьющиеся волосы, которые уже давно нуждались в стрижке, она расправила хлопчатобумажное платье, которое ей пришлось выстирать вчера вечером и снова надеть сегодня. После проверки следов грязи на лице она бегом вернулась вниз; ее сердце гулко билось в предвкушении встречи с любимым человеком.

Уже стемнело, когда женщины вышли из дома с едой для мужчин, собравшихся в амбаре. Он был почти полностью огорожен, за исключением узкого бокового входа. Нуала знала, что на вершине холма находятся дозорные, наблюдающие за любыми подозрительными передвижениями внизу.

Эйлин возглавила процессию и особым образом постучала в дверь, подавая условный сигнал. Получив такой же ответ, она открыла дверь, и пять женщин вошли в амбар.

Внутри было почти совсем темно; лишь небольшой участок в дальнем конце освещался свечами. Нуала различала силуэты мужчин, сидевших со скрещенными ногами на полу или на снопах сена, разложенных полукругом вокруг одного снопа в центре. Когда женщины приблизились, мужчины, тихо беседовавшие друг с другом, подняли головы. Там были знакомые и незнакомые лица. Нуала обводила взглядом худых и изможденных мужчин, пока не остановилась на одном из них.

– Привет, – выдохнул он и слегка помахал ей кончиками пальцев. Нуала вместе с другими женщинами обошла полукруг, раздавая миски и получая тихие слова благодарности в ответ.

– Хорошо выглядишь, Нуала. – Финн улыбнулся, когда она подошла к нему. – Встретимся потом в обычном месте?

Она кивнула и вышла из амбара вместе с остальными женщинами.

– Разве тебе не хочется остаться с ними, услышать все новости и узнать планы? – обратилась Нуала к Ханне.

– Когда нас разошлют с поручениями или поручат сопровождать грузы с контрабандным оружием и боеприпасами, мы узнаем все новости, – ответила сестра.

Вернувшись на кухню, женщины расселись за поздним ужином.

– Есть новости о Томе и Пате? – поинтересовалась Нуала.

– Да, – сказала Дженни. – Я перехватила телеграмму, предназначенную для майора Персиваля из Эссекского полка. наших парней перевели в госпиталь в Корк-Сити.

Поскольку Дженни работала в почтовом отделении в Бандоне, она была ценной разведчицей, и Нуала иногда завидовала ей.

– Это значит, они серьезно пострадали. Боже сохрани! – Эйлин перекрестилась.

– Будем благодарны за небольшие милости, сестры, – сказала Дженни. – По крайней мере, наши ребята не в тюрьме и их больше не пытаются. Наши медсестры в госпитале позаботятся о них.

– Я уже отправила сообщение для Флоренс, завтра она сядет на поезд до Корк-Сити, проверит их состояние и поручит одному из волонтеров доставить пакет с едой, – вставила Лили.

– Нуала, сходи во флигель и принеси кучу стиральной одежды, чтобы доставить ее в амбар после совещания, – распорядилась мать.

Нуала встала:

– Они останутся на ночь?

– Если останутся, мы приготовили для них соломенные тюфяки. По крайней мере, сегодня будет теплая ночь, а то у нас мало одеял.

Нуала пошла во флигель и начала собирать чистые подштанники, штаны и рубашки в две большие корзины. Когда она понесла одну корзину через двор к дому, то ненадолго остановилась и прислушалась. Из амбара не доносилось ни звука. Все было как обычно, не считая того, что внутри составлялись планы ведения партизанской войны.

– Ах, Филипп, что бы ты подумал обо мне, если бы знал об этом? – прошептала она.

* * *

Уже перевалило за одиннадцать вечера, когда Дэниэл, Фергус и Кристи вошли на кухню. Девушки из Куманн на-Маэн вымыли посуду и растворились в ночи, поэтому на кухне оставались только Ханна, Нуала и их мать.

– Я иду спать, жена, – объявил Дэниэл. Он повернулся к Нуале. – Кое-кто ждет тебя на улице. – Он указал на заднюю дверь. – Только не

задерживайся. У меня есть глаза повсюду, а вы еще не поженились.

Сердце Нуалы встрепенулось в груди при мысли о том, что жених ждет ее снаружи. Ее, фермерскую дочь с неполным школьным образованием и еще не полученным дипломом медсестры, ждал уважаемый учитель.

«Если бы я могла сказать ему, что умею играть в шахматы», – подумала она, когда шла к флигелю, где хранилось выстиранное белье. Но она понимала, что не может этого сказать.

В темноте она видела только тлеющий огонек его сигареты.

– Это ты? – прошептал Финн.

– Я. – Нуала улыбнулась.

Он затушил окурок и привлек ее к себе. Финн поцеловал ее, и, как всегда, у нее подкосились ноги, а в теле зажглось желание того, что могло произойти только после их бракосочетания. В конце концов он вывел ее со двора на луг, где они легли рядом, и она успокоилась в его объятиях.

– Что, если кто-то увидит нас здесь? – прошептала она.

– Нуала, здесь темным-темно, но я больше боюсь, что в таком положении нас застанет твой отец, а не целый патруль «черно-коричневых», – хохотнул он.

– Тут нечего беспокоиться, Финн: я почуяла виски в его дыхании, пока была на кухне. Он не проснется до рассвета, до той минуты, когда коровы начнут мычать, чтобы их подоили.

– Тогда, наверное, я смогу осуществить свои коварные планы насчет тебя, – прошептал он и взгромоздил ее на себя.

– Финнбар Кейси! Даже не думай об этом! Я собираюсь войти в церковь такой же чистой, как в день моего рождения. Кроме того, что подумают твои ученики, если узнают, что мистер Кейси повалялся в траве со своей девушкой?

– Уверен, что они наградят меня аплодисментами, особенно мальчишки.

Когда зрение Нуалы приспособилось к полумраку и луна вышла из-за облаков, она смогла различить черты его лица. Она провела кончиками пальцев по его щекам.

– Люблю тебя, милый. Не могу дождаться, когда стану твоей женой.

Они долго целовались, потом Нуала слезла с него и пристроила голову под его согнутой рукой, глядя на звезды.

– Какая прекрасная ночь, – сказала Нуала. – Тихая и спокойная.

– Да, – прошептал он. – Кстати, я слышал, что ты ухаживаешь за сыном Фицджеральда в Большом Доме?

– Кто тебе сказал?

– Вчера вечером я получил донесение от одной девушки из Куманн на-Маэн.

Нуала резко выпрямилась:

– Не может быть!

– Ладно, я просто хотел подразнить тебя. Твой отец упомянул об этом и сказал, что это хорошая идея.

– А ты, Финн? Что ты думаешь?

– Хотя я предпочел бы стоять по пояс в коровьем дерьме, чем знать о том, что моя девушка ухаживает за врагом, твой отец прав. Пока я работаю школьным учителем, а ты работаешь у Фицджеральдов, нас никто не подозревает. Пока... «Черно-коричневые» все чаще устраивают рейды на местные фермы. Я слышал о троих, чьи фермы обыскали вчера вечером и запугали жильцов до полусмерти. Дом Бакли сожгли до основания. Это было возмездием за убийство того ублюдка, Малхерна.

– Как думаешь, это Том Хэйлс приказал застрелить его?

– Я бы сказал, что он точно приложил руку к этому. Он командир бригады... или был командиром. – Финн вздохнул.

– Что будет теперь?

– До освобождения Тома Чарли возьмет командование на себя. Но нельзя предугадать, в каком состоянии окажется бедняга, когда его освободят. Члены его семьи просто вне себя, особенно его брат Шон.

– Я никогда не позволю тебе попасть в руки этих британских паршивцев, – яростно прошептала она.

– Со мной все будет в ажуре, – хохотнул он. – Хотя мне хотелось бы увидеть, как ты валишь целый Эссекский полк своим визгом, словно *баньши*.

– Я хочу сберечь тебя, Финн. О чем еще говорили на встрече?

– Военные дела, милая. Чем меньше знаешь, тем лучше; если тебя допросят, ты мало что сможешь сказать. Могу лишь добавить, что Том Барри был здесь сегодня вечером. Ты помнишь его?

– Думаю, да. Разве он не сражался вместе с британцами в Великой войне?

– Да, но он один из самых преданных добровольцев, которых я знаю. Мы обсуждали методы военной подготовки, – продолжал Финн. – Поскольку Том Барри служил в армии, он знает толк в этом. Остальные – новички в военных играх, но тем не менее мы находимся на войне. У нас нет шансов без надлежащей организации.

– Я знаю, Финн. Я все время думаю, как могут ирландские фермеры, которые до сих пор держали в руках лишь вилы да лопаты, справиться с вооруженной мощью Британии.

Нуала вздохнула.

– «Черно-коричневые» – самые жестокие из них, Нуала. Их набирали из британских солдат, выживших во французских траншеях. Они разгневаны и склонны к кровопролитию, что делает их настоящими дикарями. Я бы сказал, что они потеряли свои моральные принципы на полях сражений и теперь хотят расквитаться за это.

– Пожалуйста, Финн, не пугай меня. – Нуала передернула плечами. – И ты примешь участие в этой военной подготовке?

– Разумеется. Это может означать разницу между победой и поражением. А мы просто не можем проиграть. Снова. – Он скрипнул зубами. – У нас наконец появилось собственное правительство в Дублине. Мы проголосовали за него, что дает нам мандат на образование независимой республики. Ирландцы имеют право управлять своей страной. И не слушай никого в Большом Доме, если они говорят тебе другое.

– Конечно. Но я не думаю, что Филипп скажет такое. Я говорила ему о тебе.

– Обо мне? – Финн повернул голову и уставился на нее. – Кто такой Филипп?

– Человек, за которым я ухаживаю; сын сэра Реджинальда.

– Не распускай язык, Нуала. Мало ли что ты можешь разболтать. А теперь давай поговорим о других вещах, например, о нашей свадьбе. Твой отец сказал, что ее нужно провести в церкви Тимолига, чтобы там поместились все друзья и члены семьи.

Потом они тихо обсудили список гостей и перешли к маленькому коттеджу рядом со школой в Клогахе, где работал Финн.

– Мы заново покрасим его, да? – сказала Нуала. – Ханна может достать дешевые материалы, а я сошью красивые занавески.

– Конечно, с тобой наш дом будет похож на картинку. – Финн привлек ее к себе и крепко обнял. – Мы будем счастливы там, Нуала. Я знаю, так и будет.

Новый рабочий график Нуалы установился через две недели: она вставала на рассвете и оказывала всю возможную помощь на ферме, а после обеда ехала в Большой Дом на велосипеде. Последовали новые подначки от Ханны, особенно насчет «легкой жизни с дворянчиками».

– Пока мы разъезжаем по всей стране с тайными депешами, развозим патроны в поясах под плащами и обстирываем наших парней, ты играешь в шахматы и кушаешь сэндвичи с огурцами!

Нуала горько сожалела о своем первом рассказе насчет времени, проведенного с Филиппом. Хотя она старалась изобразить это как утомительное и скучное занятие, мать слушала ее с интересом, а Ханна прицепилась к сэндвичам и к шахматам.

– Пусть папа оправдывает твою работу шпионажем, я не понимаю, что ты можешь разузнать в спальне у инвалида! – фыркала она.

Нуале уже хотелось заполучить хоть какие-то сведения, которые она могла бы сообщить в оправдание своей службы в Большом Доме, хотя родители говорили, что в этом нет надобности, а шиллинги из ее жалованья помогали снабжать Третью бригаду Корка едой и новой одеждой. По сути дела, Ханна была права: хотя Нуала видела и докладывала о многочисленных черных автомобилях, прибывавших в усадьбу под конвоем эссекских патрулей, она не могла опознать людей внутри. Она видела только их котелки или фуражки.

– Высматривай майора Персиваля, – сказал отец. – Это трофей, который мы хотим добыть. Он возглавляет разведку Эссекского полка и отвечает за множество пыток, которым подвергались наши парни. У него есть привычка кататься по утрам в автомобиле с открытым верхом и стрелять из пистолета в фермеров на полях просто ради

забавы. Мы знаем, что это он отвечал за операцию по захвату Тома и Пата.

Через сеть женщин-волонтеров подробности о пытках просочились в Западный Корк. Чарли Харли, назначенный командиром бригады после пленения Тома, пришел на кухню Кросс-Фарм, чтобы рассказать подробности мужчинам семьи.

Изгнанные из комнаты, Эйлин, Ханна и Нуала сменяли друг друга на лестнице, пока Чарли описывал жуткие побои, которые пришлось вытерпеть Тому и Пату. Женщины плакали, когда Чарли рассказал о том, что Тому один за другим выдрали ногти на руках и выбили зубы, а Пата так сильно избили ружейными прикладами по голове, что он фактически потерял рассудок. Пат по-прежнему находился в госпитале, а Тома приговорили к двум годам тюрьмы и отправили в Пентонвилльскую тюрьму в Лондоне.

Той ночью Финн тоже находился в доме под предлогом обсуждения свадебных планов, но эта их встреча была безрадостной, и Финн прижимал Нуалу к себе, пока она плакала.

– Я знаю, за что мы сражаемся, Финн, и никто больше меня не верит в наше дело, но... иногда мне хочется, чтобы я вернулась в прошлое и чтобы все было как прежде.

– Понимаю, милая, но разве это не укрепляет нашу решимость никогда не сдаваться? Мы находимся на поле боя и не можем опустить руки. Это битва не на жизнь, а на смерть.

– Пожалуйста, не говори так! – взмолилась Нуала. – Мы поженимся в конце следующей недели, и я не хочу преждевременно овдоветь.

– Не волнуйся за меня; у меня хватит сил, чтобы управиться с пятью противниками. Они прячутся за своим оружием, но мы с Чарли обучены маневренным действиям в долине. В этом наша сила.

Финн положил ее ладонь себе на бедро, которое было твердым, как железо, но Нуала быстро высвободила руку.

– Ничего такого до нашей свадебной ночи, ты помнишь? – Нуала слабо улыбнулась и вытерла слезы с глаз.

Нуала ехала по дороге к Аргидин-Хаусу и молилась о том, чтобы однажды увидеть майора Персиваля или опознать любого из британских военных, посещавших особняк. Но прошло уже три недели с тех пор, как она появилась здесь, а ей не довелось видеть ни одной живой души, кроме Люси, Морин, миссис Хоутон и Филиппа.

Прислонив велосипед к стене, она вошла в тихую кухню, испытывая все большее сочувствие к бедному Филиппу. Нуала хорошо помнила несчастный случай, когда нога Кристи попала в молотилку; выздоровление заняло несколько месяцев.

«Он мог бы стать душой этого дома и привлекать всеобщее внимание, а не торчать наверху с незнакомкой вроде меня», – думала Нуала, когда шла через кухню и поднималась по лестнице к спальне Филиппа. Неделю назад ей разрешили делать это самостоятельно, без сопровождения Морин и миссис Хоутон.

– Это значит, что тебе доверяют, – с улыбкой сказала мать. – Молодец, Нуала.

Нуале уже давно хотелось задержаться на величественной лестнице, рассмотреть виды из больших окон сзади и спереди и полюбоваться хрустальным канделябром, где раньше стояли свечи, но теперь, по словам Филиппа, его переоборудовали под электричество. Ей не терпелось дождаться зимы, когда свет будет постоянно включен.

По правде говоря, несмотря на ощущение вины от этой «легкой жизни», Нуала радовалась ей. Притом что свадьба должна была состояться уже скоро и приготовления шли полным ходом, ее времяпрепровождение в Большом Доме было приятной переменной обстановки.

– Это Нуала, Филипп. Можно войти? – позвала она, когда постучалась в дверь. Женский голос изнутри ответил утвердительно. Когда Нуала открыла дверь, то увидела леди Фицджеральд. Она иногда встречала ее в магазине женской одежды в Тимолиге, куда леди Фицджеральд приезжала для приобретения материала или для подгонки платья. Даже Ханна говорила, что «она не слишком задается» и разговаривает с работниками магазина как с людьми, а не как с животными.

– Доброе утро, Нуала. Пожалуйста, заходите и садитесь. – Она говорила низким, доброжелательным голосом, и эту доброжелательность не скрывал даже резковатый английский акцент.

– Доброе утро, леди Фицджеральд. – Нуала сделала реверанс и последовала ее указанию. Она смотрела на светловолосую, голубоглазую женщину, которая оставалась необыкновенно красивой для своих лет. По сравнению с ее собственной матерью – а они были приблизительно одного возраста – леди Фицджеральд выглядела на двадцать лет моложе. Она носила сережки с маленькими жемчужными подвесками, а ее платье было изготовлено из мягкого голубого шелка под цвет глаз. Нуала могла лишь представить, что она надевает по особым случаям, если так она одевалась в обычный августовский день.

– Филипп поведал мне, как он рад, что вы заботитесь о нем в течение последнего месяца.

– В самом деле, – сказал Филипп. – Я рассказал маме, какие успехи вы делаете в шахматах. Скоро она одолеет меня, чистая правда.

Леди Фицджеральд улыбнулась:

– Очевидно, вы с Филиппом прекрасно поладили, но он говорит, что вы заботитесь и о его медицинских надобностях. Как вам известно, мы искали дипломированную сиделку с медицинским образованием...

– Мама, мы уже много раз обсуждали этот вопрос, – вмешался Филипп. – Мне больше не нужна медсестра. Мои раны зажили, здоровье в целом стабильное. Все, что мне *нужно*, – это чтобы кто-то отвозил меня в уборную, помогал мыться, укладывал в постель и давал лекарство на ночь.

– Да, дорогой, но, как ты помнишь, врачи говорили о риске припадков из-за ранения в голову...

– У меня не было ни одного припадка с тех пор, как больше двух лет назад случился этот проклятый кошмар. Больше всего мне нужна хорошая компания.

– Я знаю, Филипп. – Леди Фицджеральд снова повернулась к Нуале. – Как видите, мой сын может быть весьма убедительным, когда он чего-то хочет. И он убедил меня, что нужно предложить вам постоянную должность в качестве его сиделки. Что вы об этом думаете, Нуала?

– Я...

– Соглашайтесь, Нуала, – попросил Филипп. – То есть мы не можем допустить, чтобы вы ушли, пока вы не обыграете меня в шахматы, правда?

Он одарил ее одной из тех кривых улыбок, которые всегда размягчали ее сердце.

– Я польщена, что вы предлагаете мне такую должность, несмотря на неполное медицинское образование. Мне нужно спросить родителей, могут ли они освободить меня от работы на ферме. Именно из-за этого я вернулась домой из Корка и не закончила подготовку.

Нуала осознала, что с каждым днем она становится все более искусной лгуньей.

– Разумеется, вы можете посоветоваться с ними. – Леди Фицджеральд послала ей очередную нежную улыбку, напоминавшую Нуале о ее сыне. Несмотря на уродство, сходство между матерью и сыном было несомненным.

– Полагаю, вам понадобятся рекомендации? – спросила Нуала.

– Мама уже получила их, верно?

– Действительно. Ваша рекомендация из Северной лечебницы в Корке была блестящей, хотя они упомянули, что хотели бы вашего скорейшего возвращения туда. Вы собирались вернуться, Нуала?

– Нет, ваша милость; после моего отъезда обстоятельства изменились. В этом месяце я собираюсь выйти замуж за школьного учителя в Клогхе, поэтому сомневаюсь, что смогу расстаться со своим мужем.

– Разве не замечательная новость, Филипп? – Улыбка леди Фицджеральд стала еще шире. – Нуала выходит замуж!

Филипп явно не был в восторге от этой новости, но постарался не хмуриться.

– Тогда, наверное, вам следует спросить мнение жениха по этому поводу. Скоро он будет отвечать за ваше благополучие.

– Я обязательно это сделаю, и завтра у меня будет ответ, – пообещала Нуала.

– Отлично, – сказала леди Фицджеральд. – Кстати, ваша сестра работает в магазине одежды в Тимолиге?

– Да, конечно.

– Пусть она снимет с вас мерки. Вам понадобится униформа, если вы будете постоянно работать у нас.

– Пожалуйста, мама! Я не рискую вмешиваться в женские дела насчет одежды, но можно попросить, чтобы Нуала носила что-нибудь

обычное, например, блузку и однотонную юбку? Мне уже тошно от мысли, что я как будто нахожусь в госпитале и окружен медсестрами.

– Хорошо, дорогой, но я должна обеспечить фартуки для тех случаев, когда Нуала будет купать тебя. А теперь мне пора идти. Сегодня к нам на чаепитие придет генерал Стрикленд со своей женой Барбарой, и это значит, что мне придется развлекать ее, пока генерал с твоим отцом будут обсуждать дела. Кстати... – Леди Фицджеральд помедлила у двери и обернулась. – Вы будете получать восемь шиллингов в неделю, выходной – воскресенье, и ежегодный двухнедельный отпуск. Разумеется, оплачиваемый, – добавила она. – И еще одно, пока я здесь: поощряйте Филиппа бывать на улице, особенно сейчас, когда погода так благоприятна. Свежий воздух будет тебе полезен, Филипп. После всех трудностей, на которые мы пошли ради установки лифта, очень жаль, что ты никогда не пользуешься им. Вечером я поднимусь сюда, чтобы поцеловать тебя на ночь, дорогой. До свидания, Нуала; приятно было познакомиться с вами.

Когда она ушла, Филипп посмотрел на Нуалу.

– Очень надеюсь, что вы согласитесь на эту работу. Я отчаянно боролся за то, чтобы моя мать предложила ее вам.

– Правда, Филипп, я бы с удовольствием, но сначала мне нужно спросить разрешения.

– Конечно, конечно. – Он закивал, глядя на нее. – Вы когда-либо уставали от власти, которую мужчины имеют над вашей жизнью? Это может вас удивить, но я посвятил много времени движению суфражисток. Разумеется, отец их терпеть не может, и здешняя организация Куманн на-Баэн даже мне кажется чересчур радикальной...

Нуала подавила желание поправить его произношение гэльских слов, поскольку он сказал «Баэн» вместо «Маэн», но меньше всего она хотела, чтобы он узнал о ее активном членстве в «радикальной» организации.

– Когда я наблюдал за работой женщин на линии фронта, у меня сложилось впечатление, что прекрасный пол не только равен мужчинам, но и во многих отношениях превосходит их.

– По правде говоря, я мало думала об этом. В моей семье все с равным усердием трудятся на ферме, хотя и выполняют разную работу.

– Но разве мужчина должен спрашивать у своего отца разрешение заняться работой, которую ему предлагают? – поинтересовался он.

– Ну, мой кузен Кристи, который работает в пабе в Клогах, спрашивал у моего отца, стоит ли ему устраиваться на эту работу.

– Отцовское слово – закон, да?

– Разве для вас не то же самое? – смело спросила она.

– И то правда. Без отцовского согласия не происходит ничего важного. Так или иначе, я очень надеюсь, что ваш отец разрешит вам и дальше работать здесь.

– Я тоже, Филипп. – Она улыбнулась. – Даже больше, чем вы думаете. Кстати, что я недавно услышала насчет лифта? И почему вы раньше не упоминали о нем?

– Потому что мы посвящали время тому, чтобы сделать вас более достойной соперницей в шахматах, – с некоторой обидой ответил Филипп.

– Но нужно иногда выходить на прогулки, Филипп. Тогда ваши щеки станут более румяными.

– Щека, которая висит у меня под носом и так густо покрыта шрамами, словно кто-то разрисовал ее красными чернилами? Нет уж, спасибо; я предпочитаю оставаться здесь.

Нуала увидела боль в его глазах и поняла настоящую причину.

– Вы смущаетесь, да? Вы не хотите, чтобы кто-то видел вас.

Наступила пауза. Филипп отвернулся от нее; обычно это значило, что он близок к слезам.

– Разумеется, – тихо ответил он. – А вы бы не смущались на моем месте? Как бы вы себя чувствовали, если бы все с ужасом отворачивались от вас после первого взгляда? Я видел ужас в ваших глазах, Нуала, когда вы впервые увидели меня.

– Не буду врать, так оно и было. Но я преодолела это и увидела вас таким, какой вы на самом деле.

– Потому что это *вы*. Я помню, как садовники и горничные вопили от страха при виде меня, уже не говоря о гостях, которые приезжают к родителям. Я просто... не могу, понимаете?

– Понимаю, Филипп. Ну что, сыграем партию в шахматы?

Когда Нуала ехала домой на велосипеде, у нее созрел возможный план. Но сначала ей нужно было узнать у своих родителей и жениха, позволено ли ей будет продолжать работать в Большом Доме.

– Пожалуйста, Богоматерь, пусть они разрешат!

Во время поездки она позволила себе помечтать о жизни, где больше не было работы на ферме и не нужно было возиться с курами, свиньями и даже коровами, если у отца не хватало на это времени из-за других дел. Только маленький дом, жизнь вместе с Финном, их совместные прогулки, а потом вечера в обществе Филиппа...

– Это было бы идеально, – пробормотала она, подъезжая к Кросс-Фарм.

– Где Ханна, Кристи и Фергус? – обратилась она к матери, которая сидела на своем любимом стуле у очага и вязала носки для волонтеров. Отец сидел напротив нее с трубкой во рту и читал книгу, написанную по-гэльски.

– Кристи в пабе, Фергус отправился в дозор на вершину холма на случай полицейского рейда, а Ханна легла спать пораньше, – ответил Дэниэл. – Завтра она должна отправиться в Корк первым утренним поездом и забрать депешу из Дублина. А у тебя есть новости?

Он отложил книгу и посмотрел на дочь.

– Да. Я... в общем, мне предложили остаться на постоянной должности сиделки Филиппа в Большом Доме. – Она заметила, как переглянулись ее родители. – Я хотела спросить, как вы к этому относитесь. Да, и еще, – добавила Нуала в надежде, что это поможет склонить чашу весов в ее сторону, – некий генерал Стрикленд сегодня посетил сэра Реджинальда.

– Иисус, Мария и Иосиф! – воскликнул Дэниэл. – Этот паршивец руководит всеми полицейскими и военными операциями в Корке. Он был там сегодня?

– Да, – кивнула Нуала.

– Тебе известно зачем?

– Не знаю, папа, но сегодня я встретила с леди Фицджеральд. Она лично предложила мне постоянную работу в доме. И это она сказала о визите генерала.

– Наша девочка внедрилась в сердце этой семьи, Эйлин. – Дэниэл расплылся в улыбке.

– И у меня есть идея о том, как можно увидеть побольше.

Нуала изложила свой план по убеждению Филиппа спускаться вниз для совместных прогулок в саду. Последовала пауза, потом родители снова переглянулись.

– Конечно, Нуала, пока тебе лучше держаться за эту работу, – сказал Дэниэл. – Но через неделю окончательное решение будет уже не за нами. Тебе придется завтра посетить твоего жениха и спросить у него.

– Думаю, он вряд ли останется доволен, если его молодая жена будет приходить домой не раньше девяти вечера. Кто подаст ему чай, когда он вернется домой из школы?

Нуала была готова к такому замечанию со стороны матери.

– Финн редко возвращается домой раньше шести вечера. Я буду оставлять ему готовый чай и еду. Ему нужно будет лишь снять крышку и поесть.

– Сомневаюсь, что ему понравятся холодные овощи, тушеные несколько часов назад, – сказал Дэниэл. – Но это решать ему, а не нам. Место жены – рядом с мужем, и я уверен, что он не захочет, чтобы ты возвращалась домой в темноте под дождем, когда наступит осень и дни станут короче.

Нуала вспомнила о недавнем разговоре с Филиппом про суффражисток.

– Я буду хорошо зарабатывать, и это поможет нам, – решительно сказала она. – Финн получает немного, и у нас пока нет земли, чтобы кормиться от нее. Так или иначе, если он согласится, вы считаете мое предложение хорошей идеей?

– Я уже сказал, что думаю по этому поводу, но решать не мне, – повторил Дэниэл. – А теперь я иду спать. Лампу оставляю у окна. У нас в амбаре новые телята, которых нужно будет забрать на рассвете. Спокойной ночи, дочка.

– Спокойной ночи, – отозвалась Нуала, когда ее родители начали подниматься по лестнице к своей кровати, которая иногда странно поскрипывала еще некоторое время после того, как они закрывали дверь спальни. Нуала понимала, что это за звук; они с Финном после свадьбы тоже будут издавать похожие звуки... Она покраснела при мысли об этом.

Потом задула свечи, оставила масляную лампу на подоконнике и поднялась вверх.

«Мне осталось лишь неделю спать вместе с сестрой», – думала она, пока раздевалась и забиралась в кровать рядом с Ханной. Они по очереди ложились на комковатую часть обтянутого тканью соломенного тюфяка, потому что это было худшее место для сна, но, поскольку Ханне завтра с самого рассвета предстояло отправиться в Корк-Сити, было справедливо, что она спала на хорошей стороне. Нуала закрыла глаза и постаралась не думать о «новых телятах» в амбаре. Это было кодовое слово для винтовок, проходивших через множество рук до прибытия в Западный Корк и теперь лежавших в лесном тайнике за фермерским домом. Если британцы найдут винтовки до того, как ирландцы заберут оружие, то мужчин из семьи увезут в Брандонские бараки, где им предстоит такая же участь, как Тому и Пату. Утешившись мыслью о том, что Фергус несет дозор наверху, Нуала постаралась заснуть. В конце концов, «телята» уже много раз оказывались здесь...

* * *

– Я слышала, ты теперь собираешься постоянно работать в Большом Доме? – осведомилась Ханна на следующий день после возвращения из Корк-Сити. Нуала чистила свинарник и меняла солому; обе ненавидели эту работу. – Интересно, что подумает Финн по этому поводу?

– Я спрошу его, верно? – парировала Нуала. – А потом скажу тебе.

– Везет же некоторым: найти себе хорошего мужа с достойной работой и при этом сохранить работу в Большом Доме. И жить в уютном новеньком домике в Клогхе. Скоро мы будем называть тебя «леди Нуала». Как насчет твоей волонтерской работы?

– После возвращения домой я буду рассказывать об услышанном. А по воскресеньям у меня выходной. Вот и все. – Нуала бросила последнюю порцию свежей соломы и пошла к бочке с водой отмывать руки от свиной вони. Лучше она пропустит обед и искупается в ручье по пути в Большой Дом, чем распространять ароматы свинарника.

– Извини, Нуала, – вздохнула Ханна. – Я превращаюсь в брюзгливую старую деву. Я совсем выдохлась. Мне пришлось сделать

большой крюк от станции, потому что я заметила грузовик, набитый «черно-коричневыми».

– Куда они направлялись? – вскинулась Нуала, как будто они уже подходили к кухне.

– Они остановились на перекрестке в Клогах и, похоже, не знали, куда повернуть. Они заблудились, потому что волонтеры убрали дорожные указатели, – со смешком добавила Ханна.

– Не беспокойся, перед уходом я приготовлю обед.

– Спасибо. – Ханна слабо улыбнулась и поспешила наверх.

– С телятами все прошло благополучно, папа? – спросила Нуала, когда появился Дэниэл.

– Да, все в порядке. Ну, где же мой обед?

* * *

Не имея времени встретиться с Финном, Нуала объяснила Филиппу, что он получит ответ в понедельник, потому что завтра воскресенье – ее выходной.

– Но даже если он согласится, Филипп, мне придется взять отгул для свадьбы в следующую пятницу...

– Я уже подумал об этом, – перебил Филипп. – Хорошо, тогда дайте мне окончательный ответ в понедельник и пожалейте меня, потому что завтра моей сиделкой будет Морин.

После краткой беседы они разыграли первую шахматную партию, которая затянулась до самого чаепития. Пока Нуала пила чай, она решила привести в действие первую часть своего плана.

– Я тут подумала...

– О чем?

– Что, если я сообщу миссис Хоутон, что вы хотели бы спускаться в сад, но так, чтобы слуги вокруг дома не могли побеспокоить вас? Мы будем звонком оповещать ее о нашем выходе, а потом я буду вывозить вас из парадного и доставлять туда, где нет никаких садовников. Уверена, что в таком огромном парке найдется тихий уголок, где вы сможете посидеть в покое. Следующие несколько дней обещают ясную и теплую по году.

– Не знаю, Нуала, – вздохнул Филипп. – Как и вы, я подумаю об этом завтра и отвечу вам в понедельник.

– Разумеется, решение за вами, но, ради всего святого, вы же не можете оставаться здесь до конца жизни, – сказала она, стараясь сохранять спокойный тон. – Все вокруг в цвету, воздух благоухает клевером, и... просто я думаю, что это пойдет вам на пользу. Мы могли бы надевать вам фетровую шляпу с широкими полями, чтобы спрятать лицо...

– Вы сговорились с моей матерью, Нуала? – перебил Филипп. – Боюсь, у вас появились точно такие же интонации, как и у нее.

– Нет, но, может быть, нам приходят одинаковые мысли, потому что мы обе желаем лучшего для вас.

– Мне лучше всего уснуть и больше не просыпаться! Не знаю, что хуже, – продолжал он, – кошмары с воем снарядов и разрывами бомб или этот ад наяву.

– Пожалуйста, Филипп, не надо так говорить! Вы ужасно пострадали, и ваши чувства понятны, но вы до сих пор находитесь на божьем свете, а значит, вам суждено было выжить.

– Какая от меня польза и кому я нужен в таком состоянии?

– Для начала, вы научили меня играть в шахматы, – пошутила Нуала. – И, возможно, когда вы соберетесь с духом, чтобы спуститься вниз, у вас появятся новые собеседники, вроде того человека, который вчера посетил ваших родителей.

– Генерал Стрикленд? Ей-богу, Нуала, я так не думаю. Последнее, что мне хочется слышать, это бесконечные рассказы отца о бурской войне и жалобы Стрикленда на местные беспорядки. Отец сказал, что они собираются рекрутировать новую дивизию вспомогательных войск, чтобы «сокрушить ирландцев». – Он быстро посмотрел на нее. – Извините, я не хотел вас обидеть.

– Никаких обид. – Наоборот, Нуала была довольна, поскольку теперь у нее появилась новая информация для повстанцев.

– Молюсь о том, чтобы вы и члены вашей семьи оставались в стороне от этого, – добавил он. – Я беспокоюсь о вашей безопасности, поскольку отец сообщил, что эти новые войска будут хорошо подготовленными и не остановятся ни перед чем ради подавления бунта.

– Хорошо, Филипп, я обещаю, – ответила Нуала с самым невинным выражением лица.

* * *

Когда Нуала вернулась домой, она была тронута тем, что Финн, который по субботам всегда заходил на Кросс-Фарм для чаепития, дождался ее, чтобы они смогли поужинать вместе.

– Здравствуй, милая, – сказал он и встал, чтобы обнять ее, когда она вошла на кухню.

– Где все остальные? – спросила она.

– Кто где; полагаю, они решили ненадолго оставить нас вдвоем.

– Можешь потерпеть еще несколько минут, прежде чем мы поедем? – попросила Нуала. – У меня есть важные сведения для всех. Пойду посвищу им на улице.

– Что за важные сведения? – поинтересовалась с лестницы мать, где она, судя по всему, слушала их разговор. – Твой отец и Фергус сейчас у О’Ханлонов, обсуждают планы на урожай.

– Я позову их. – Финн надел кепку и быстро вышел из кухни.

Ханна спустилась с лестницы следом за матерью, и через пятнадцать минут вся семья была в сборе.

– Итак, Нуала, что ты собираешься нам рассказать? – спросил Дэниэл.

Нуала передала сказанное Филиппом о вчерашнем визите генерала Стрикленда. Она постаралась не выпячивать то обстоятельство, что получила важную информацию раньше, чем из штаб-квартиры в Дублине успело прийти письменное сообщение об этом.

– Вот это, я понимаю, настоящие новости! – Дэниэл хлопнул ладонью по столу. – Он упомянул, когда именно ожидается прибытие этих вспомогательных войск?

– Нет, но сказал, что они хорошо подготовлены.

– Думаю, уже скоро, – сказал Фергус.

– Только этого мне не хватало, – вздохнула Ханна.

– Отличная работа, Нуала. – Эйлин улыбнулась дочери. – Ты явно завоевала его доверие, если он рассказывает тебе такие вещи.

– Ханна, ты напишешь донесение и разошлешь его по округе, – распорядился Дэниэл. – Нужно отправить весточку и в Дублин, хотя я уверен, что Мик Коллинз уже слышал об этом.

– Это точно, – согласилась Ханна, слегка зарумянившись при упоминании о ее герое.

– Думаю, Нуала, это решает дело, – сказал Дэниэл. – Если Стрикленд и сэр Реджинальд занимаются обсуждением британских планов, а потом Филипп все узнает от своего отца, то ты сможешь нам, оставаясь там.

– О чем это? – Финн покосился на невесту.

– Прости, Финн, вчера у меня не было времени повидаться с тобой, – сказала Нуала. – Сегодня вечером я собиралась рассказать тебе, что мне предложили постоянную работу сиделкой в Большом Доме.

– Вот как? – Проницательный взгляд голубых глаз Финна уперся в ее лицо.

– Мне предложили хорошие деньги, восемь шиллингов в неделю нам совсем не повредят.

– Хотя это значит, что когда ты будешь приходить домой после работы, то не найдешь на столе горячий чай и свежую выпечку, – выразительно добавила Эйлин.

Наступила пауза, пока Финн переваривал новости. Нуала чувствовала себя совершенно несчастной и жалела о том, что не поделилась с ним этой новостью сразу же после своего возвращения домой. А теперь вся семья смотрела на него в ожидании решения.

– Это ясно, – сказал он, повернувшись к матери Нуалы. – Но сейчас в школе каникулы, а я немного смыслю в холостяцкой жизни и умею чистить картошку. Кроме того, если Нуала там помогает нашему делу, кто я такой, чтобы жаловаться? Ей будет тяжелее, чем мне. Тебе придется учиться актерскому мастерству, дорогая. – Он улыбнулся.

– Мы все этому учимся, Финн, – встала Ханна.

– Думаю, папа и Финн правы, – сказал Фергус. – Ты должна взяться за эту работу.

Остальные согласно закивали.

– Значит, решено, – объявил Дэниэл. – У тебя есть новая работа, дочь. Вот и славно; а теперь молодых надо оставить вдвоем для обсуждения свадебных планов.

Пока члены семьи расходились кто куда, Нуала зажгла очаг, чтобы подогреть ужин, потом разложила тушеные овощи в две тарелки, взяв себе поменьше, поскольку у нее еще не прошло ощущение сытости после потрясающего бисквитного торта «Виктория», на котором настоял Филипп. Хотя торт был назван в честь британской королевы и его употребление граничило с изменой родине, Нуала смаковала каждый кусочек.

– Ты простишь меня за то, что я не сказала тебе об этом сразу, когда вернулась домой? – спросила Нуала.

– Я бы предпочел, если бы мы обсудили это наедине, но...

– Финн, если тебе действительно не хочется, чтобы я соглашалась на эту работу, ты должен сказать мне. Мнение моих родителей уже не имеет прежнего значения; со следующей недели мое время будет принадлежать тебе.

– А почему я должен останавливать тебя? Ты сама сказала, что это будет неплохой дополнительный доход для семьи, а кроме того, твоя медицинская практика не пропадет впустую. Ты займешься тем, о чем мечтала.

– Не совсем так, Финн. Это все-таки не спасение раненых на поле боя.

– Судя по тому, что говорят об этих вспомогательных британских войсках, в будущем тебе предстоит еще немало такой работы. И разве ты не говорила мне, что дело не только в лечении ран, но и в излечении душ? Разве не это ты делаешь для Филиппа? Да, и еще. – Финн потянулся через стол и взял ее за руку. – Давай отбросим прочь эту старомодную дичь насчет ответственности перед мужем. Ты отвечаешь только перед собой и своей совестью. Конечно, в пределах разумного, – улыбнулся он.

Нуала смотрела на него и думала о том, как бы он хорошо поладил с Филиппом, если бы им довелось встретиться. Ее сердце разрывалось от любви.

– Спасибо, но тебе нужно знать, что я не сделаю ничего важного без обсуждения с тобой, – сказала Нуала.

– Для меня супружество – это совместная работа. Мы имеем равные права и должны уважать друг друга. Я научился этому у женщин на преподавательских курсах в Уотерфорде. Наверное, половина слушателей были женщины, и они ничуть не уступали

мужчинам. Если были не лучше их. – Он усмехнулся. – Ну, теперь, когда мы договорились, ты расскажешь мне насчет планов на свадьбу?

Нуала проснулась в день своей свадьбы с Финном с таким ощущением, как будто не смыкала глаз. Каждый раз, когда она представляла, как берет за руку своего отца и идет по проходу между церковными скамьями перед двумя сотнями человек, ей казалось, что ее стошнит прямо на прекрасное белое платье, которое Ханна вместе с другими белошвейками изготовила для нее в магазине, задерживаясь после работы.

Солнце еще не показалось за дальним краем долины. Это означало, что было раньше пяти утра.

Она снова легла и подумала, что в последний раз делит свою постель с Ханной. От этого сразу же возникло щемящее чувство в животе... Нуала даже не могла спросить старшую сестру, на что «это» похоже, поскольку первой выходила замуж, а о вопросах к матери не могло быть и речи. Она посмотрела на Ханну, такую жизнерадостную и остроумную, хотя часто вспыльчивую, как и отец. Множество парней пытались ухаживать за ней, но она ни к кому не проявила интереса.

«Ты в обиде на меня за то, что я буду первой...»

Ладно. Сколько бы Ханна ни подначивала ее, сегодня она будет игнорировать это. Когда Нуала стала достаточно взрослой, она поняла, что положение старшей дочери было самым тяжелым на ферме. Мать постоянно давала Ханне дополнительные поручения, и та беспрекословно выполняла их.

– Мне будет не хватать тебя... – прошептала Нуала своей спящей сестре. Ханна унаследовала мамину бледную кожу, веснушки и волосы цвета надраенной медной сковородки, в то время как Нуала пошла в своего темноволосого отца. Она всегда считала себя менее красивой из сестер; на свадьбах и вечеринках с танцами все внимание обычно доставалось Ханне. Фергус как будто вообще не интересовался женщинами и сберегал нежные чувства для коров на выпасе. Так и вышло, что сегодня она, младшая, первой будет справлять свадьбу...

Соскочив с кровати, Нуала решила покормить кур и последний раз приготовить завтрак на ферме.

Нуала украдкой спустилась по лестнице, стараясь никого не разбудить, и едва не подскочила от неожиданности при виде своей матери в ночной рубашке, помешивавшей горшок над огнем.

– Почему ты встала так рано?

– Это глупый вопрос в день свадьбы моей дочери, – укоризненно сказала Эйлин.

– Я выйду покормить кур и...

– Ты не будешь делать ничего подобного! Сегодня *твой* день, доченька, и мы с самого начала будем обхаживать тебя, как принцессу. А теперь садись на мой стул; я налью тебе чаю и дам тарелку овсянки. А потом ты отправишься в ванну, пока не появились первые гости.

– Но я...

– И слышать не хочу, мисс. В этот день мое слово будет законом и ты хотя бы однажды поступишь как тебе сказано. – Эйлин протянула руки и обхватила ладонями лицо Нуалы. – Я горжусь тобой, доченька. Финн – прекрасный мужчина. Только помни, что ты должна получить все самое лучшее от жизни с ним, пока не пойдут дети.

– Хорошо, мама, я обещаю.

* * *

Четырнадцать часов спустя Нуала лежала на своей новой кровати в новом доме с молодым мужем. Подоткнув одеяло под себя от странного ощущения собственной наготы, она смотрела на своего мужа, тоже обнаженного, который мирно спал рядом с ней. Хотя она чрезвычайно устала – сильнее, чем когда-либо в своей жизни, – ей хотелось мысленно пересмотреть сегодняшний день, чтобы надежно запечатлеть его в памяти, не упустив ни одной секунды.

Ее отвезли в церковь на повозке, запряженной пони и увитой гирляндами. Всю дорогу до Тимолига люди выходили из домов и лавок и хлопали в ладоши. Нуала вспоминала, как прошла под руку с отцом между рядами скамей в церкви и глаза Финна, когда он повернулся, увидел ее и прошептал ей на ухо: «Ты прекрасна». Потом отец отпустил руку Нуалы и вверил ее попечению Финна. Свадебный

стол, накрытый друзьями и членами семьи, выглядел впечатляюще даже для матери Финна, которая поведала об этом после двух бокалов хереса. Потом зазвучала музыка; все находились в приподнятом настроении и отплясывали так, словно в мире не было других забот. Они с Финном были в центре празднества, и он кружил ее до тех пор, пока все не смешалось перед глазами. Потом Нуала подбросила в воздух свой свадебный букет из дикой фуксии, фиалок и незабудок. Ханна первой успела поймать букет, и все разразились приветственными возгласами, особенно Нуала, заметившая, что один молодой человек привлек внимание ее сестры.

Потом Финн на руках перенес жену через порог маленького коттеджа, который должен был стать их новым домом. Он не выпустил ее из рук, пока поднимался по лестнице и нежно укладывал на кровать. Потом он сражался со всеми крошечными пуговками и застежками на ее платье, но при этом неустанно целовал ее... а потом они занялись любовью.

После сплетен о том, что «это» больше нравится мужчинам, чем женщинам, Нуала была изумлена, что ей тоже понравилось. Да, сначала было немного больно, но потом боль вдруг прошла и она растворилась в потоке новых удивительных ощущений.

«Это было идеально, просто идеально», – подумала она, прежде чем погрузиться в сон.

* * *

– Как поживает новоявленная миссис Кейси?

Филипп посмотрел на Нуалу, когда она вошла в комнату, одетая в новую блузку из белого поплина и длинную серую юбку из такой тонкой ткани, которая почти не царапала ноги. Ей подарили еще и пару новеньких черных ботинок, а также стопку накрахмаленных белых передников.

– Спасибо, замечательно, – ответила Нуала. – А вы?

– О, я остался таким же, как раньше. Тогда как вы... Боже мой, это настоящее преобразование! Дорогая моя Нуала, с этими славными одежками и новой прической вы превратились из девушки в женщину буквально за одну ночь. Садитесь, садитесь же.

Нуала подчинилась, испытывая крайнее замешательство. Хотя тон Филиппа был легким и непринужденным, она понимала, на что он намекает.

– Мисс Хоутон сказала, что в моем новом положении будет уместно закалывать волосы, – сдержанно сказала она.

– Это тоже идет вам, хотя мне больше нравилось, когда ваши волосы были рассыпаны по плечам. По крайней мере, мама не настаивала на шапочке медсестры, так что нужно быть благодарным за мелкие милости. Как прошла ваша свадьба?

– Спасибо, Филипп, это было идеально. Весь день прошел так, как было запланировано.

– А ваши новые родственники? Они одобрили брак?

– У Финна нет отца. Его мама... мать, – поправилась она, – замечательная женщина. Она повторно вышла замуж несколько лет назад, до того, как Финн отправился получать диплом учителя, и живет довольно далеко, возле Хоу-Стрэнд в Килбриттене.

– Это хорошо, – сказал Филипп. – Во всяком случае, ты не живешь в одном доме со свекровью, как это бывает во многих ирландских семьях. Я часто задавался вопросом, как моя дорогая мама отнеслась бы к женщине, на которой я захотел бы жениться. Правда, это больше не имеет значения. Кому я нужен?

– Думаю, что многим, если они узнают вас.

– Вы очень добры, Нуала, но не стоит обманывать себя. Я – урод, которому не место на публике. Мне предстоит провести остаток дней в том самом положении, в каком я нахожусь сейчас. Так или иначе, я рад вашему счастью и глубоко извиняюсь за мои жалобы. По правде говоря, я не могу удержаться от зависти... – Филипп замолчал и с видимым усилием овладел собой, – ...от жалости, что я лишен такой обычной возможности. Полагаю, вы очень устали вчера, поэтому я решил, что нам стоит отдохнуть от шахматной доски и научить вас играть в триктрак. Коробка лежит там же, где и шахматные фигурки.

– Как пожелаете, – ответила Нуала и подошла к буфету, откуда извлекла другую красивую лакированную коробку с круглыми черными и белыми шашками. Она подумала о Финне, который сейчас должен был вернуться домой, и впервые возмутилась, что ей приходится быть рядом с Филиппом.

Нуала навсегда запомнила первые несколько бесценных недель после свадьбы с Финном как самые счастливые в ее жизни. Большую часть этого времени она пребывала в покоем на сон блаженстве. Она просыпалась и долго нежилась в объятиях Финна. Они завтракали, а потом Финн уезжал на велосипеде помогать ее отцу и соседям в сборе урожая, поскольку новый школьный семестр еще не начался. Нуала занималась стиркой одежды бойцов ИРА, которую ее подруга Флоренс доставляла в маленький флигель. После того как Нуала вывешивала стирку на заднем дворе, она пекла хлеб и готовила пирог перед поездкой к Филиппу. Если она возвращалась, когда Финн не уходил на задание с волонтерами, то обнаруживала, что он уже приготовил ужин. Они ели вместе при свете свечей, а потом он брал ее за руку и уводил наверх.

Еще он показал ей возможности уменьшить шансы на деторождение и заверил, что это лишь мелкое отклонение от общепринятой процедуры и не дает стопроцентной гарантии, а потому не нарушает закон Божий для католиков. Она испытала смешанное чувство вины и радости, когда пришли месячные, хотя ее мать начала искоса поглядывать на нее, когда они с Финном присоединялись к остальным членам семьи на мессе в Тимолиге. По семейной традиции потом они все шли молиться у крошечных могил младенцев, потерянных ее матерью. Нуалу передергивало при мысли о рождении ребенка, который умирает у нее на руках, и она решила, что теперь они с Финном будут все делать «правильно».

Между тем борьба с британцами продолжалась. Однажды сентябрьским вечером Финн, вернувшийся к занятиям в школе, которая располагалась на другой стороне улицы, взял Нуалу за руку.

– Меня попросили посетить тренировочный лагерь, так что придется уехать с пятницы до следующего воскресенья, – сказал он.

– Как? Куда и почему? А как же твоя школа?

– Куда – на ферму О’Брайенов в Клонбуиге, а почему – я же говорил тебе, что нам нужно привести людей в надлежащую форму, если мы хотим справиться с британцами, а теперь еще и с твоими вспомогательными войсками...

– Это *не мои* войска, Финн.

– Ты же понимаешь, я шучу. Благодаря твоей информации мы готовы дать отпор этим чудовищам. Они совсем недавно прибыли в страну – сто пятьдесят человек, и я уверен, что будут еще, – и уже терроризируют простых ирландцев. Хотя их расквартировали в Макруме, похоже, они собираются приехать сюда. Они посылают свои грузовики по деревням, потом приказывают всем выйти из домов и стреляют в воздух. Выстраивают людей в шеренгу вдоль стен, даже больных и престарелых, тычут в них револьверами и избивают армейскими ремнями. – Финн уронил голову на руки. – Это настоящие животные, Нуала. Профессиональные вояки с боевым опытом, и они намерены уничтожить повстанцев любыми средствами. Если мы собираемся хотя бы помериться силами с «черно-коричневыми» эссекцами, а теперь еще и с этими негодьями, нам *нужна* особая подготовка. Том Барри будет командиром тренировочного лагеря.

– Значит, ты уезжаешь на целую неделю?

– Да. Штаб-квартира в Дублине хочет подготовить элитную «летучую бригаду», куда наберут лучших волонтеров. Это значит, что мы не будем состоять в каком-то из уже сформированных полков или батальонов; нашим преимуществом будет гибкость и способность развернуться там, где и когда это будет необходимо.

– Но ты школьный учитель, а не солдат!

– В том-то и дело. Мне *необходима* эта подготовка, чтобы я мог приносить пользу нашему делу. Ты знаешь, что я сильный и проворный, как блоха, и способен исполнять и отдавать приказы; одним словом, от меня кое-что зависит. Я уеду ночью, а утром в понедельник ты пойдешь в школу и скажешь директору Дрисколлу, что у меня начались приступы рвоты и что я не могу выйти на работу. Потом вернешься домой и плотно задернешь занавески. Если кто-то будет стучать и спрашивать меня, отвечай, что я по-прежнему болен и лежу в постели.

– Что, если эти вспомогательные войска или «черно-коричневые» устроят рейд в нашем поселке? Если они выгонят всех на улицу и построят в шеренгу, люди заметят твое отсутствие.

– Просто скажи, что я слишком плох и не могу подняться с постели. Надеюсь, твоя прекрасная улыбка произведет должное впечатление и они не станут обыскивать дом.

– А что, если они узнают о тренировочном лагере?

– О нем знают только те, кто там собирается, и женщины из Куманн на-Маэн в Килбриттене.

– Тогда я приеду туда в следующее воскресенье и тоже буду помогать.

– Нет, Нуала. В следующее воскресенье ты, как обычно, пойдешь на мессу с членами своей семьи и расскажешь всем, что я пошел на поправку и на следующее утро готов возобновить школьные занятия. Постарайся помнить о том, что нас не подозревают ни в каких злодеяниях. Нужно, чтобы так было и дальше, не только ради нас, но и ради наших родственников и других мужчин и женщин, рискующих своей жизнью за Ирландию.

– Ох, Финн. – Нуала прикусила губу. – Что я буду делать без тебя в пустом доме?

– Уверен, что ты справишься, – улыбнулся Финн. – Но пока я здесь, давай поднимемся наверх и пораньше ляжем в постель, ладно?

* * *

– Сегодня у вас бледноватый вид, Нуала, – заметил Филипп, когда она уселась на диван.

– Ничего страшного, Филипп, – спокойно ответила она. – Финн подхватил какое-то расстройство желудка со рвотой, и я полночи ухаживала за ним.

– Идеальная жена, да? Он не может справиться без вашей помощи?

– Все началось вчера вечером, и он наконец заснул, когда я уходила. Сомневаюсь, что сегодня ему понадобится плотный ужин.

– Со мной был такой случай в окопах, из-за испорченной тушенки. Я жутко мучился, но зато провел несколько приятных ночей не под открытым небом, а в медицинской палатке. – Он покачал головой, как будто старался избавиться от воспоминаний. – Сегодня прекрасный день, верно?

– Да, и я думаю, что это как раз подходящий день для прогулки. Вы согласны, Филипп? Ну пожалуйста!

– Я...

– Если вы не сделаете это однажды, то никогда не сделаете. Вы храбрый боец, а это всего лишь поездка вниз на лифте и выход на свежий воздух. Пожалуйста, Филипп... ради меня.

Филипп посмотрел на нее; в его зрячем глазу отражались смешанные чувства. Наконец он кивнул.

– Ваша взяла. Я сделаю это ради вас, Нуала. Можете отвезти меня в мамин личный сад сбоку от дома; там нас никто не побеспокоит.

– Спасибо, Филипп, – отозвалась Нуала, едва сдерживая слезы. После отъезда Финна, ее лживых заверений для директора школы О’Дрисколла сегодня утром и страха перед разоблачением в Большом Доме ее нервы были на пределе. – Я позвоню и сообщу миссис Хоутон, что мы спускаемся в сад.

Она помогла Филиппу надеть твидовый пиджак, на который он указал, и настояла на том, чтобы взять шарф на случай сильного ветра.

– Ради всего святого, Нуала. В такой день едва ли можно подхватить простуду.

– Лучше перестраховаться. А теперь я надену вам шляпу.

– Вы остановите меня перед зеркалом?

Нуала выполнила его просьбу.

– С этим шарфом и шляпой, сдвинутой влево, вас будет трудно опознать, правда? – спросила она.

– Я бы не надеялся на это, но прикройте мне ноги одеялом – или ногу, если уж на то пошло, – и будем считать, что этого достаточно.

В дверь постучали, и когда Нуала отворила ее, то увидела миссис Хоутон.

– Дверь лифта открыта, и я оповестила остальных слуг, чтобы они держались подальше от парадной прихожей и личного сада миссис Фицджеральд, – сказала она.

– Пойдемте? – сказала Нуала.

– Если уж так нужно, – проворчал Филипп. Его голос звучал приглушенно из-за толстого шерстяного шарфа, которым он прикрыл нижнюю половину лица.

Нуала вывезла кресло-каталку на площадку перед лифтом.

– Так, – сказала миссис Хоутон. – Здесь хватит места только на вас двоих, поэтому я встречу вас внизу. Нажмите на кнопку с буквой «G», и я закрою дверь лифта.

– Я еще никогда не была в лифте, – сказала Нуала. – Наверное, это все равно что летать!

– Взлетим, когда поедem обратно, – сухо отозвался Филипп.

Когда дверь лифта, затянутая проволочной сеткой, закрылась за ними, последовали легкий толчок и громкий жужжащий звук. Нуала смотрела, как лицо миссис Хоутон скрывается из виду. Через пять секунд лифт вздрогнул и остановился. Повернувшись, Нуала увидела за металлической решеткой парадную прихожую.

– Это волшебство, Филипп! Мы приземлились. Что теперь?

– Нужно открыть дверь лифта.

Нуала нашла рычаг и потянула его, когда с другой стороны появилась миссис Хоутон.

– Ну вот, Филипп, через несколько секунд мы окажемся на свежем воздухе, – сказала Нуала.

Филипп сильнее сгорбился в кресле, когда они пересекали прихожую. Широкая парадная дверь уже была открыта, и миссис Хоутон указала на пандус, положенный перед ней.

– Он не крутой, но вам нужно крепко держать кресло, – предупредила она.

– Хорошо. – Нуала тихо рассмеялась. – Мы же не хотим, чтобы вы полетели через сад, Филипп? В какую сторону нужно поворачивать?

– Вам понадобится мое сопровождение? – осведомилась миссис Хоутон.

– В этом нет надобности, – сказал Филипп. – Уверен, что Нуала сможет уберечь меня от любой напасти. Ну что ж, поехали!

Нуала покатила кресло по мощеной дорожке к боковой части дома, где был разбит небольшой английский сад. Тропа проходила между превосходно ухоженными клумбами, где цвели розы и другие красивые цветы, которых она никогда раньше не видела. Вскоре они достигли центральной части, замощенной булыжником, в середине которой был выложен круглый орнамент.

– Ах, Филипп! Это самый прекрасный сад, который мне приходилось видеть, – сказала Нуала, когда остановила кресло-каталку и огляделась по сторонам.

– Радость и гордость моей матери, – заметил Филипп. – Хотя у нас есть садовники, она проводит здесь долгие часы, ползая на четвереньках и сажая всевозможные экземпляры растений, которые

отец привозит ей из своих путешествий. Мы с ней сидели на скамье вон там, и она рассказывала мне обо всех растениях, которые высаживала здесь.

– Вам не стоило беспокоиться о том, что вас могут здесь заметить, – сказала Нуала. – Деревья и кусты растут так плотно, что нас не видно. Это что-то вроде тайного сада.

– Моя мать всегда говорила то же самое. Полагаю, она часто приходит сюда прятаться от отца, – с улыбкой отозвался Филипп.

– Что это? – Нуала указала на круглый металлический орнамент, расположенный на низком постаменте в центре миниатюрной площади.

– Это солнечные часы. Ими пользовались для определения времени до изобретения водяных и механических часов. По мере того как солнце движется от рассвета на востоке к закату на западе, тень от часов показывает, что наступает полдень или близится вечер. Мама говорила, что, когда солнце находится над нок-реей, наступает время для джина с тоником или для виски. – Он издал смешок и повернул голову к солнцу. – Боже милосердный, какое приятное ощущение. Подкатите меня ближе к скамье и садитесь рядом.

Они довольно долго просидели в саду. Филипп был неразговорчив, довольный тем, что просто оказался на улице. Нуала думала о том, что для нее «быть на улице» всегда означало заниматься работой. Членам семьи редко приходилось просто сидеть на свежем воздухе и ничего не делать.

Внезапно раздался звук шагов по каменной дорожке.

– Кто это, черт побери? Я думал, что миссис Хоутон предупредила их...

– Филипп, дорогой, это всего лишь я.

Леди Фицджеральд появилась из-за кустов. Нуала немедленно встала и сделала реверанс.

– Садитесь, милая Нуала. Я просто хотела посмотреть, как ты тут, Филипп.

– Спасибо, мама, у меня все хорошо.

Леди Фицджеральд обошла кресло-каталку, опустилась на колени перед сыном и взяла его руки в свои.

– Мой дорогой мальчик, я так рада, что ты решил выйти из дома. Как тебе мой сад?

– Он прекрасен, мама. И определенно разросся за последние несколько лет.

– Я занималась посадками, пока ты находился на фронте. Это помогало мне отвлечься от разных мыслей. Нуала, вы не возражаете, если я покатаю Филиппа по саду? Я хочу показать ему новый бордюр из многолетних цветов. Видишь те фиолетовые соцветия, дорогой? Это *Hydrangea aspera*, а вон там я посадила *Rosa moyesii*, чтобы получить алое пятно. А это моя *Callistemon linearis*^[11] с ярко-розовыми кистями. Я не была уверена, что им понравится почва, но, как видишь, они замечательно прижились!

Нуала сидела, радуясь встрече матери и сына на свежем воздухе. Ее удивляло, что она до сих пор не встречалась с сэром Реджинальдом; она лишь из окна второго этажа мельком видела его полную фигуру и огромные седые усы, когда он провожал очередного гостя. Она ощущала некоторую холодность в голосе Филиппа, когда он говорил об отце. Очевидно, они не были близки друг с другом.

Филипп и леди Фицджеральд вернулись к скамье. Филипп начал зевать.

– Наверное, пора отвезти его домой, Нуала, – сказала леди Фицджеральд. – Обилие свежего воздуха утомило тебя, сынок. Кстати, твой отец уехал в Лондон для встречи со строителями. Мы реконструируем старый дом на Итон-сквер: установлены современные ваннные комнаты и телефонная линия. А я сейчас собираюсь отдохнуть наверху, а вечером поужинаю с тобой. Это значит, что вы сможете уйти пораньше, Нуала. Я уложу Филиппа в постель.

– Спасибо, ваша милость.

– Вы увезете Филиппа в дом? – спросила она. – Увы, мне еще нужно составить несколько писем.

Наверху Нуала отвезла Филиппа в уборную, а потом они выпили чаю. Она видела, что он начинает сонно клевать носом.

– Что, если сегодня мы забудем о шахматной партии, а вы посидите и отдохнете в тишине?

– Признаюсь, наш выход немного выбил меня из колеи. Подумать только, еще два года назад я проходил тридцать миль в день по французским полям и траншеям. Почему бы вам не почитать мне, Нуала?

Это был момент, которого она страшилась после прихода в Аргидин-Хаус.

– Я попробую, но не уверена, что вам понравится, – ответила она.

– Но вы умеете читать?

– Да, я разбираюсь в грамоте, но чтение вслух – это...

Нуала замолчала. Она едва не начала объяснять, что единственные книги, которые она читала дома, были написаны на гэльском языке. Поскольку Филипп мог счесть это некой разновидностью ереси, она предпочла воздержаться от объяснений.

– Неважно, мы начнем потихоньку. Вон там есть сборник стихов Ворд сворта. – Он показал где.

Нуала повернулась к книжному шкафу, стоявшему у задней стены гостиной.

– Третья полка сверху, в левом углу. Ищите по фамилии.

Нуала нашла тонкую книгу в кожаном переплете и принесла ее Филиппу.

– Вордсворт был знаменитым английским поэтом, – сказал он. – Его самое известное стихотворение – «Я блуждал одиноким, как облако», и там речь идет о нарциссах. Вы знаете, что это такое?

– Нет.

– Это довольно красивые цветы, которые растут весной в нашем саду. Они похожи на желтые горны с оранжевой сердцевинкой. Ну, попробуйте прочитать стихотворение.

Нуала взяла книгу и посмотрела на страницу, раскрытую Филиппом. Она чувствовала себя как в начальной школе, когда ее вызывали к доске и нужно было что-то прочитать наизусть.

– Я попробую, но... – Она глубоко вздохнула. – «Я блуждал одиноким, как облако, что плывет высоко на... на...

– Это слово с апострофом, оно произносится «над». Давайте, у вас прекрасно получается.

Через шесть строк Нуала была готова бросить проклятую книжку в камин, поскольку чувствовала себя очень глупо.

– Я же сказала, Филипп, чтение вслух – это не мой конек. Особенно с этими незнакомыми словами, которыми пользуется ваш Вордсворт. Я бы справилась лучше, если бы читала Библию, анатомический атлас или описание болезней из моего медицинского справочника.

– Иногда полезно ставить перед собой трудную задачу. Сегодня вы бросили вызов, и я принял его, правда?

– Да, вы правы. Значит, вы решили отплатить мне за то, что я вытащила вас на улицу?

– Примерно так, но я рад, что вы это сделали. То же самое относится к вам и к вашему чтению вслух. Всегда нужна смелость, чтобы попробовать что-то новое. Я предлагаю вам сегодня взять эту книжку домой и прочитать стихотворение. Завтра я помогу вам со словами, которые трудно произносить. И, по правде говоря, Нуала, спасибо за вашу настойчивость. Давайте, почитайте другие стихи про себя, пока я немного вздремну.

Глаза Филиппа все еще оставались закрытыми и час спустя, когда в дверь тихо постучали и его мать вошла в комнату.

Нуала приложила палец к губам.

– Мой дорогой мальчик явно переутомился, – тихо сказала леди Фицджеральд. – За последние несколько часов у него было больше переживаний, чем за весь год после возвращения домой. Я безмерно благодарна вам за то, что вы уговорили его выйти наружу. Он сказал мне, что поддался только на ваши уговоры. И я очень признательна. – Она вложила золотую монету в руку Нуалы. – Я знаю, что вы недавно вышли замуж, так что считайте это маленьким свадебным подарком от меня и, пожалуйста, не рассказывайте об этом другим слугам.

– Благодарю вас, леди Фицджеральд, но в этом правда не было необходимости.

– Теперь почему бы вам не вернуться домой к мужу, а я уложу Филиппа в постель?

– Да, большое спасибо.

* * *

– Только посмотри на себя: ты выманила молодого хозяина наружу! – Люси широко улыбнулась, когда Нуала, переодевшись в домашнее платье, вошла на кухню, направляясь к черному ходу. – Все только и говорят о тебе, правда, Морин?

– Да, Люси. Мне даже интересно, что это там, наверху, сделала Нуала, чтобы убедить его.

Когда Морин отвернулась и вышла через дверь, ведущую в парадную часть дома, Нуала с открытым ртом уставилась на Люси.

– Она действительно сказала то, о чем я подумала? – выдохнула она.

– Да, Нуала, но не обращай внимания на эту ведьму. Все знают, что она потеряла мужа на Великой войне, а ее ребенок оказался мертворожденным. Но это все равно не повод для жестокости.

– На прошлой неделе она сказала, что я слишком жирная для своей работы. – Повариха повернулась и покачала головой. – Я прямо спросила: где она видела худую повариху?

Повариха, миссис О’Салливан, закудаhtала от смеха.

– И кто бы стал доверять худой поварихе? Просто не обращай на нее внимания, Нуала: она завидует твоей близости к молодому хозяину и леди Фицджеральд.

Попрощавшись, Нуала оседлала велосипед, хотя у нее по-прежнему кипело внутри. Оказавшись под старым дубом, она дала волю своим чувствам.

– Эта стерва знала, что я совсем недавно вышла замуж! Как она могла даже подумать, что я воспользуюсь своим положением, чтобы обольстить Филиппа? Бог ты мой! Я же его сиделка, а это все равно что...

Мысль была настолько отвратительной, что Нуала не могла подобрать слов для нее. Возмущение придало ей сил, и она проехала через долину вдвое быстрее обычного. Она прислонила свой велосипед к стене коттеджа, когда откуда-то появилась ее соседка, пожилая миссис Грэди.

– Ваш муж болен, Нуала? Я слышала разговоры в поселке.

– Он действительно болен, миссис Грэди.

– После вашего ухода он не подавал признаков жизни. Я даже постучалась в дверь и заглянула в переднее окно, но занавески были закрыты.

– Наверное, он спал после тяжелой ночи. Сейчас я войду и сама все проверю.

– Если он так разболелся, его не следует оставлять одного, пока вы на работе, – раскудаhtалась миссис Грэди. – Я буду только рада заходить к нему во второй половине дня и следить, не нужно ли ему что-нибудь.

– Это очень любезно с вашей стороны, миссис Грэди. Разумеется, я приму ваше предложение, если он не пойдет на поправку.

– Не стесняйтесь, – сказала миссис Грэди, когда Нуала отперла дверь. – Может быть, мне стоит зайти вместе с вами? Так, на всякий случай...

– Я позову вас, если будет нужно. Спасибо, миссис Грэди, и спокойной ночи.

Нуала захлопнула за собой дверь. Ей хотелось запереться, но она понимала, что это вызовет подозрения у дружелюбной, хотя и чересчур назойливой соседки. Выглянув в окно и увидев, что миссис Грэди по-прежнему болтается рядом с домом, Нуала вздохнула и поднялась в спальню, которую они делили с Финном. Она раздвинула занавески на окне и окликнула соседку.

– Он жив-здоров, миссис Грэди, так что не беспокойтесь. Спокойной ночи!

Нуала закрыла окно, задернула занавеску и легла в постель, думая о том, что ей предстоит долгая и трудная неделя.

* * *

Верный своему слову, Финн вернулся домой через неделю, в понедельник рано утром. Он вошел так тихо, что Нуала даже не слышала, как открылась задняя дверь.

– Финн! Ох, ты цел и вернулся!

– Ну конечно, – сказал он, когда избавился от одежды и улегся рядом с ней. – Извини, что я грязный и от меня воняет потом. Это была долгая и трудная неделя.

– Но ты выжил.

– Точно. Иди сюда, дорогая. – Он протянул руку, и она положила голову ему на грудь.

– Кто там был? – спросила она. – Что ты делал? Были ли там полицейские рейды?

– Нуала, я отключаюсь. Мне нужно немного...

Нуала видела, как закрылись его глаза, но сама она лежала без сна, наслаждаясь его теплом и слушая ровное биение его сердца. Она была безмерно рада его возвращению домой; местные жители

ежедневно стучались в ее дверь, спрашивали о Финне и о том, когда он выйдет на работу. Не следует ли ей вызвать врача, если его состояние не улучшается? Как она считает, заразно ли это? В конце концов она доехала до Тимолига, где встретила Ханну и объяснила, что у односельчан возникают подозрения.

– Мне нужно знать название сравнительно тяжелой болезни с симптомами рвоты. У меня есть несколько идей, но хочется выбрать лучшее решение.

– Сходи в здешнюю аптеку, – тихо посоветовала Ханна. – Сьюзен работает там провизором; ты можешь ей доверять. Скажи ей, что у Финна приступы рвоты, и попроси какие-нибудь порошки. Я уверена, она даст тебе подходящее название для болезни.

Нуала последовала ее совету, и вскоре Сьюзен сама приехала на велосипеде с нужными порошками и вошла в коттедж, чтобы осмотреть «пациента». Ее визит и то обстоятельство, что теперь Нуала могла сообщать любопытствующим о «гастроэнтерите» у Финна, ничуть не улучшили ее кулинарную репутацию, зато удовлетворили соседей. Ханна тоже сказала больная в своем магазине одежды, чтобы помогать женщинам готовить еду для мужчин в тренировочном лагере в Килбриттене, что прибавило достоверности их легенде.

Больше всего Нуалу возмущало то, что, если бы миссис Грэди и остальные односельчане узнали правду, они бы только похвалили Финна. Но это знание могло подвергнуть их опасности.

«Моя жизнь – это постоянная ложь», – подумала Нуала, прежде чем погрузилась в беспокойный сон.

* * *

В семь утра Нуале пришлось разбудить Финна. Она уже сделала ему чай и овсяную кашу и принесла еду в постель.

– Ты уверен, что сегодня сможешь учить детей в школе? – спросила она.

– Я должен, правда?

– Да. Все спрашивают о твоём здоровье, так что тебе нужно показаться на людях. Как прошла неделя?

– Я бы сказал, что весьма плодотворно. Нас разделили на боевые отделения и учили действовать таким образом, как будто враг может напасть в любой момент. Мы учились взрывать «бомбу Миллса»^[12], а потом упражнялись в стрельбе с новыми винтовками системы Ли-Энфилд и даже спали с оружием в руках. Если давали сигнал тревоги и кто-то из отделения вставал в строй недостаточно быстро, все начиналось по новой. Мы поочередно командовали отделением, а вечером после чая и ужина собирались в амбаре, где слушали лекции или выполняли письменные задания.

– Звучит серьезно, Финн. Ты уверен, что враги не подозревают о ваших тренировках? Эта ферма находится недалеко от поста «черно-коричневых» в Килбриттене.

– Батальоны из Бандона и Килбриттена предоставили разведчиков, которые отлично поработали. Все знали условный свист, предупреждающий об их приближении, но, слава богу, обошлось. Мы проводили много времени в полевых условиях, учились наилучшим образом пользоваться естественными укрытиями и передвигаться незаметно, сохраняя строй, когда устраиваем засаду на дорожный патруль.

– По крайней мере, теперь вы все будете готовы к нападению, – сказала она.

– Да, Нуала, но тут есть разница: это *мы* собираемся атаковать. Мы не можем просто сидеть, прятаться и готовиться к обороне; нам нужно организовать собственные атаки на британцев, если мы хотим победить. Сейчас обсуждаются планы, которые скоро будут введены в действие. В предстоящие месяцы мне понадобится проводить больше времени вдали от школы ради борьбы за наше дело.

– Но как же, Финн? У тебя такая замечательная работа; ты ведь не собираешься отказаться от нее?

– Нет, но, если будет необходимо, я расскажу директору О’Дрисколлу о своем участии в «летучей бригаде». А возможно, моя так называемая болезнь окажется тяжелее, чем мы думали, поэтому мне нужно будет некоторое время для отдыха. Понимаешь, о чем я?

– С таким бледным, осунувшимся лицом и покрасневшими глазами ты сегодня определенно подходишь на роль больного, – вздохнула Нуала. – Ты уверен, что директору можно доверять?

– Да. Он не меньше меня хочет жить в свободной Ирландии и часто говорил, что будь он помоложе, то сейчас сражался бы вместе с волонтерами. Мне приходится доверять ему, Нуала, – добавил Финн, доедая последнюю ложку овсянки.

Нуала молча глядела на него. Наконец она сказала:

– Ты знаешь, как я предана нашему делу, Финн, но если это значит, что мне придется потерять тебя, то я готова сесть на пароход и переплыть Атлантику, чтобы вместе с тобой начать новую жизнь в Америке. А ты знаешь, как я боюсь моря.

Финн протянул руку и погладил ее по щеке.

– Я знаю, милая. Но в этой борьбе мы должны победить любой ценой. Да, и пока я не забыл: Том Барри спрашивал, видела ли ты недавно в Большом Доме майора Персиваля.

– В последние дни туда приезжали роскошные автомобили, но я не слышала, чтобы Филипп говорил о ком-то важном после генерала Стрикленда.

– Этот мерзавец Персиваль нужен нам больше, чем остальные. И мы получим его, Нуала, обязательно. Том Барри в Бандоне распорядился, чтобы за его передвижениями следили днем и ночью. Когда мы узнаем его расписание, то...

– Вы собираетесь убить его? – Нуала в ужасе уставилась на мужа. – Святая Матерь Божья... Вы убьете его?

– На войне это не считается убийством, Нуала. А теперь мне пора в школу.

– Ты будешь здесь, когда я вернусь вечером домой? – спросила Нуала, глядя, как он надевает чистую рубашку, натягивает брюки и завязывает галстук.

– Было решено, что нам стоит отдохнуть на этой неделе, но... Я больше не могу ничего обещать. И помни, местные жители должны пребывать в убеждении, что я все еще страдаю от последствий болезни, а ты беспокоись о моем здоровье. Ладно, милая, до скорой встречи.

* * *

– Мы сегодня выйдем на прогулку и посидим в саду? – спросила Нуала через несколько часов в Аргидин-Хаусе. Она только что прочитала наизусть стихотворение Вордсворта, полученное от Филиппа, и он поздравил ее с успехом.

– Нет, к отцу должен приехать этот жуткий майор Персиваль. Мы с матерью не выносим его; это высокомерный ублюдок, если хотите знать мое мнение. Худшее из Британии, что только может оказаться в Ирландии.

– Вы встречались с ним?

– Нет, но мать говорит, что если бы он мог, то перебил бы всех ирландцев, включая женщин. Видите ли, он никогда не жил здесь. Он не понимает, как устроены ваши общины, как вы помогаете нам в домах и на фермах. И что до недавнего времени мы вполне неплохо уживались друг с другом. Как мы с вами, правда, Нуала?

– Разумеется, Филипп.

Хотя Нуала понимала, что Филипп расположен к ней, ее раздражало, что он воспринимал британское владычество как право, полученное свыше.

– Так мы пойдем в сад или нет? – резко спросила она.

* * *

– Сегодня майор Персиваль посетил Большой Дом.

Финн посмотрел на нее с противоположной стороны обеденного стола, за которым они делили ужин.

– Ты видела его? Слышала его речи?

– Нет. Филипп отказался выходить на прогулку. Он не хотел, чтобы майор увидел его; он вообще стесняется своей внешности.

– Постарайся выяснить, о чем они говорили. Майор Персиваль – наша первостепенная цель, и сейчас он находится под наблюдением.

– Я постараюсь, Финн, но Филипп даже никогда не встречался с этим типом. Он слышит лишь обрывки новостей от своей матери и почти не разговаривает с отцом.

– Вероятно, отец стыдится своего сына... если ты говоришь, что Филипп так сильно изувечен.

– Может быть. Как прошел твой день в школе? Ты поговорил с директором О’Дрисколлом?

– Да. Мы пропустили по стаканчику в пабе после школы. Кристи обслуживал нас и присматривал за тем, чтобы никто не подслушал наш разговор.

– И что?

– О’Дрисколл пообещал помочь мне с прикрытием. В Тимолиге у него есть знакомый врач, который поддерживает волонтеров. Завтра он пришлет его ко мне, и весь поселок увидит, что раз уж меня посетил настоящий врач, то дело серьезное. – Финн слабо улыбнулся, взял Нуалу за руку и пожал ее. – Мы это переживем, дорогая. Все будет хорошо. Для наших деток еще наступят счастливые дни.

– Конечно, но, пока мы придумываем эти фокусы и живем там, где каждый хочет влезть в наши дела, это очень опасно, Финн.

– Ну, мы все же здесь и пока что вместе. Давай жить одним днем, ладно, милая? Нет другого способа справиться с этим.

* * *

Поскольку на следующий день в Большом Доме не было посетителей, Филипп охотно согласился на прогулку в саду. Нуала решила, что пришло время нажать на другой рычаг, помогающий его выздоровлению.

– Филипп?

– М-м-м? – отозвался он, не открывая глаз и наслаждаясь запахом свежих цветов.

– Я подумала...

Филипп открыл глаза и посмотрел на нее.

– Это плохой знак. Что вы приготовили для меня на этот раз? Небольшое купание в реке Аргидин? Или, может быть, поездку верхом на одном из жеребцов из наших конюшен?

– Нет, пока ничего радикального. Я просто вижу ваш протез, который без толку стоит в спальне, и гадаю, почему вы никогда не носите его. Тогда вы могли бы ходить рядом со мной, а не сидеть в этом ненавистном кресле.

– Нуала, у меня есть простой и краткий ответ: когда врач пристегнул *это* к остаткам моей коленной чашечки и настоял на том, чтобы я встал и перенес свой невеликий вес на эту ногу, боль была почти такой же сильной, как после того, как я очнулся от взрыва. А может, и хуже, поскольку я был в полном сознании. Так что нет, увольте.

– Вы говорите, что пробовали только один раз?

– Да. И никогда больше.

– Но... теперь рана после ампутации ноги уже должна была зажить. Возможно, она еще не закрылась, когда доктор предложил опереться на протез. Конечно, тогда боль была нестерпимой, но, думаю, сейчас все может быть по-другому. Только представьте, что вы снова сможете ходить! Вы будете независимым! Разве это не замечательно?

– Было бы замечательно, если бы человек мог летать на Луну, но это невозможно. А теперь, пожалуйста, оставьте меня в покое, чтобы я мог порадоваться жизни в саду.

Хорошо зная об упрямстве Филиппа, Нуала больше не стала поднимать эту тему. Ей еще нужно было поговорить о другом, и, когда они оказались наверху, она наконец набралась мужества для новых вопросов.

– Ваш отец доволен вчерашним разговором с майором Персивалем? – спросила она, когда Морин принесла пятичасовой чай и начала расставлять столовые приборы.

– Не знаю, кто был бы доволен встречей с таким человеком. Персиваль сказал отцу, что чувствует слезку за своими передвижениями. Он заметил, как двигаются занавески в домах напротив Бандонских барачных бараков каждый раз, когда он проходит на ужин. Он считает, что боевики ИРА собираются убить его, и сказал отцу, что готов послать войска для обыска каждого дома в Бандоне, чтобы обнаружить злодеев. Спасибо, Морин, вы можете идти, – добавил Филипп. – Нуала нальет чай.

Нуала постаралась, чтобы ее руки не дрожали.

– Вот, пожалуйста. – Нуала вручила чашку Филиппу и сама отпила большой глоток. Она проголодалась, снова оставшись без обеда, но чувствовала, что ее стошнит от любой еды.

– Вы странно выглядите, Нуала. Все в порядке?

– Я отлично себя чувствую, Филипп, и готова сыграть партию в шахматы.

* * *

На обратном пути из Аргидин-Хауса Нуала подъехала к старому дубу и остановилась там в раздумье, кто может быстрее всех доставить послание тем волонтерам, которые наблюдали за майором Персивалем. В итоге она выбрала Кристи, работавшего в пабе почти напротив ее дома, и поехала в сторону Клогаха.

Ворвавшись в дом, она быстро написала депешу и направилась в паб. Поздоровавшись с несколькими местными жителями, сгорбившимися над своими кружками в пивной, она подошла к стойке, где Кристи наливал три порции виски.

– Привет, Нуала, – сказал Кристи. – Что ты здесь делаешь в такое позднее время? Или ты хочешь выпить капельку виски? – поддразнил он. Он зачесал на затылок свои темно-русые волосы, и Нуала видела его серьезные карие глаза.

– На ферме теленок застрял при родах, и нам срочно нужна твоя помощь. – Она употребила условную фразу, которой ее семья пользовалась в чрезвычайных ситуациях.

– Ладно, я поговорю с Джоном. Уверен, он отпустит меня пораньше, ведь сегодня мало посетителей.

Он посмотрел на ее руку, лежавшую на стойке бар. Потом положил сверху свою руку и тихонько надавил; она развернула ладонь и убрала руку.

– Надеюсь, теленок выживет, – сказала она и пошла обратно между столами.

Задыхаясь от адреналина, она сделала несколько глубоких вдохов, возвращаясь домой.

– Что происходит? – спросил Финн, помешивавший суп в котелке над огнем. – Зачем ты побежала в этот паб?

– Филипп сказал, что майор Персиваль заподозрил слежку за собой. Он готов сжечь дотла каждый дом в Бандоне, чтобы найти «злоумышленников». Он знает, что мы охотимся на него.

Нуала с трудом подбирала слова, но была счастлива, что вернулась домой и может говорить откровенно после трехчасового общения с Филиппом. Он сказал, что она играет в шахматы как четырехлетний ребенок, и, по правде говоря, был прав.

– Я уже слышал о домашних обысках в Бандоне, но они не знают ни о каком заговоре, – сказал Финн. – Мы должны оповестить людей.

– Я уже передала депешу Кристи. Он поедет к Чарли Харли, а тот передаст весточку в Бандон.

– Молодец, Нуала, – улыбнулся Финн. – Ты не зря потратила время на игру в шахматы, особенно если подумать, что это может спасти людей от пыток и тюрьмы.

– Если мы успеем.

– Да, – согласился Финн. – Если успеем.

15

Нуала ничего не слышала ни той ночью, ни следующим утром. Перед уходом в школу Финн утешил ее словами «Плохие новости приходят быстро», но это не уменьшило ее тревогу.

Она лишь хотела узнать, получил ли Том Барри – который, по словам Финна, был командиром разведывательного отряда в Бандоне – экстренное сообщение об отмене операции и отступлении.

– Иисусе, – вздохнула Нуала, подъезжая к Большому Дому. – Я простая фермерская дочь и не привыкла к подобным интригам.

Она затаила дыхание, когда поднялась в комнату Филиппа. Лишь когда он повернулся к ней в инвалидной коляске со своей привычной полуулыбкой, она испытала некоторое облегчение.

– Добрый день, Нуала, – сказал он, – у вас такой вид, словно вы поднимались на Бен-Невис^[13].

Она благодарно опустилась на диван, даже не спрашивая о том, кто такой или что такое Бен-Невис.

– Мне кажется, сегодня *вы* можете чему-то научить меня, – сказал Филипп. – Просветите, пока мы не начали партию в шахматы.

Нуала улыбнулась, вдохновленная тем, что ее хитрость не была раскрыта.

– Вы хотите что-то узнать?

– Существуют ли ирландские игры, которыми мы можем заняться? Я не имею в виду ирландский футбол или хоккей на траве. Может быть, какая-то настольная игра?

Нуала немного подумала:

– Честно говоря, Филипп, у нас нет времени на сложные игры вроде шахмат. Мужчины порой играют в карты или ставят деньги на выпивку, но...

Филипп издал смешок:

– В траншеях мы делали то же самое. Алкоголь поддерживал нас больше, чем все остальное. Увы, перспектива ставок на выпивку не так интересна, когда пьешь чай «Дарджилинг»^[14].

Нуала усиленно размышляла. Ей хотелось дать Филиппу что-то новое, чего он не мог встретить в своем английском мире, ограниченном пределами усадьбы.

– Зимой отец иногда рассказывал нам ирландские сказки, чтобы скоротать время. Моей сестре Ханне всегда нравились страшные истории о *пука*: сверхъестественных существах, которые часто появляются в облике лошадей и пугают любого, кто пытается оседлать их.

– Давайте воздержимся от историй о призраках, Нуала. – Филипп передернул плечами. – Но я знаю, что ирландцы верят в волшебных существ и рассказывают множество историй о них.

– Это часть нашего фольклора о небе, земле и природе вокруг. Думаю, вам бы понравился Финварра, король фаэри. Мой муж Финн получил имя в его честь, а меня назвали Нуалой в честь королевы фаэри.

Уголок его рта слегка дернулся; как заметила Нуала, это происходило каждый раз при упоминании имени ее мужа.

– Тогда почтите меня историей о короле Финне и королеве Нуале, – с бледной улыбкой сказал Филипп.

И Нуала рассказала ему, как их тезки правили королевством фаэри, или «волшебного народа», как их шепотом называли обычные люди. Это были могущественные существа, обитавшие поблизости от мира людей под заколдованными курганами и в каменных кругах и поджидавшие неосторожных заблудившихся путников, похищаемых всемогущим и обаятельным Финваррой.

– Так же, как ваш Финн похитил вас? – вставил Филипп с легкой язвительной ноткой.

– О, я была рада оказаться похищенной. А теперь, когда близится праздник Самайн, фермеры стараются ублажить Финварру, чтобы собрать хороший урожай.

– Так делали и наши друиды в Англии. У каждого народа есть свой фольклор.

– Правда? – удивленно спросила Нуала.

– Да, и королева фаэри из вашей истории имеет общие черты с такими персонажами, как шекспировская Титания и Моргана ле Фэй. Все они красивы и обворожительны, но хитроумны и часто бывают мастерицами интриг. Возможно, вы похожи на вашу сказочную королеву, Нуала.

– Пока я бы так не сказала, – возразила она, ощущая, что краснеет. – Кто такая Моргана ле Фэй?

– Она была помощницей волшебника Мерлина при дворе Артура, старинного короля Британии. Мерлин научил ее всему, что знал сам, открыл ей тайную магию и древнюю мудрость. А потом она предала его.

– Похоже, она была жестокой и дурной женщиной. Наша королева Нуала никогда бы не предала Финварру.

– О, у Морганы были свои причины. В сущности, если вы подойдете вон к той полке, то увидите большой зеленый том, на котором значится имя сэра Томаса Мэллори. Книга называется «Смерть Артура».

Нуала взяла книгу, потом опустилась на диван и раскрыла тяжелый том, вздыхая при виде страниц, покрытых мелким шрифтом.

– Думаю, мы можем пропустить предания об Утере Пендрагоне, – сказал Филипп. – Переходите сразу к двадцать пятой главе, где Мерлин помогает Артуру получить меч Эскалибур у Озерной Дамы. Почитайте мне, Нуала.

– Постараюсь, Филипп.

Вернувшись домой, Нуала получила сообщение, что Тому Барри и его людям едва удалось выскользнуть из тисков Эссекского полка, и все благодаря ее сведениям из Большого Дома. Следующую неделю Нуала чувствовала гордость и осторожный оптимизм. Началась осень, и листья в лесу расцвели красными, бронзовыми и золотистыми оттенками. Нуала проводила раннее утро с Финном перед его уходом в школу, и это вносило толику спокойствия в их только начавшуюся супружескую жизнь. Потом она часто ездила на велосипеде на фермы других женщин-волонтеров и доставляла посылки (один раз это был пистолет, прикрепленный к ее бедру под юбкой) или занималась стиркой. Послеполуденное время Нуала проводила с Филиппом, радуясь огню, теперь ярко пылавшему в камине его гостиной. Они чередовали чтение «Смерти Артура» (Нуала начала улавливать ритмы почти незнакомой английской литературной речи), игру в шахматы и прогулки в саду, блиставшем осенним велико лепием.

По ночам Финн все чаще отсутствовал, поскольку «летучая бригада» набралась уверенности и устраивала все больше нападений на патрули. Когда он приходил к ней в постель перед рассветом, Нуала мечтала в мгновение ока перенести его в страну волшебного народа, где они бы вместе правили своим королевством и были бы только музыка, смех и танцы...

Когда у Нуалы возникла идея насчет Филиппа, она вечером после работы встретила в пабе с Кристи.

– Все хорошо, Нуала? – поинтересовался он, когда поставил перед ней стопку виски и подмигнул.

– Да, спасибо, – ответила Нуала и сделала глоточек, чтобы согреться перед поездкой домой. – Кристи, ты не против, если я тебя кое о чем спрошу?

– Спрашивай, я отвечу. – Он пожал плечами.

– Филипп, сын Фицджеральдов... Ты знаешь, что он потерял ногу во Франции?

– Конечно, ты же рассказывала, – кивнул он. – Ему повезло остаться в живых, но я думаю, что с такими семейными деньгами он получил хороших врачей и лучшее лечение.

– Это правда, но... ох, Кристи, он такой упрямый! Он отказывается, когда ему предлагают помощь. Там есть замечательная деревянная нога, изготовленная специально для него, но она собирает

пыль в углу, потому что он даже не смотрит на нее. Он говорит, что «это слишком больно».

– Сколько времени прошло с тех пор, как это случилось? – спросил Кристи, обошел вокруг стойки и уселся на табурет рядом с ней, облегчив давление на свою больную ногу.

– Уже больше двух лет. Я лишь недавно убедила его выйти на свежий воздух в кресле-каталке. Он как будто опустил руки и хочет только играть в шахматы или слушать чтение вслух. Но его жизнь была бы гораздо полноценнее, если бы он мог ходить!

– Конечно, но ты должна помнить, что это не только физическое, но и душевное увечье. Помнишь, каким я был, когда со мной произошел тот несчастный случай? Я жалел себя и сокрушался, что больше никому не нужен.

– Но ты знаешь, что это неправда. Как бы родители обходились без тебя на ферме, особенно когда Фергус... бывает в отъезде. Кристи, ты работаешь больше любого здорового мужчины.

– Может быть. – Кристи понизил голос. – Но когда я вижу, как Фергус и Финн уходят заниматься *другими делами*, то чувствую себя бесполезным идиотом. Дня не проходит, когда я не вспоминаю, как мне раздробило берцовую кость в этой проклятой молотилке. Мне часто снится тот день, и я уверен, что твой Филипп тоже еженощно переживает свою войну. Могу лишь представить, как тяжело ему справляться без ноги, ведь я еще кое-как могу пользоваться своей ногой. И то мне понадобилось время, чтобы собраться с духом и встать, опираясь на палку. – Он постучал палкой по полу и добродушно улыбнулся.

– Что помогало тебе держаться? Не отказываться от надежды?

– Твоя семья... и ты, Нуала, с твоей заботой обо мне.

Нуала не смогла вынести силу его взгляда и отвернулась, глядя на большую мозолистую руку, лежавшую на дубовой палке.

– Если бы не твоя жизнерадостная улыбка, то мне не захотелось бы вставать с постели, такой сильной была боль, – продолжал он. – Но ты всегда находилась рядом, хотя тогда тебе было не больше тринадцати. Ты прирожденная сиделка, Нуала. И если Филипп понимает, что для него лучше, он прислушается к тебе.

– Может быть, Кристи, но до сих пор у меня не получалось.

– Смотри, эта палка помогла мне снять нагрузку с больной ноги, и я получил подспорье. Может быть, твой Филипп попробует такой вариант?

– Во всяком случае, я могу предложить ему, – сказала Нуала. – Спасибо, Кристи.

– Ты никогда не принимала мой отказ от борьбы, – окликнул он, когда она направилась к выходу. – Не позволяй ему отказываться.

* * *

На следующий день Кристи отвез Нуалу в Аргидин-Хаус на своем пони с тележкой, потому что отдал ей свою запасную трость для ходьбы. Нуала быстро поднялась из кухни наверх и постучалась в дверь.

– Заходите, Нуала, – сказал Филипп.

Она вошла и обратила внимание, что большая книга о короле Артуре уже лежит на столике рядом с парчовым диваном, ожидая ее.

– Добрый день, Филипп, – оживленно сказала Нуала. – Ну, сегодня мы займемся чем-то действительно новым.

– В самом деле? Что вы там припрятали в рукаве? – спросил Филипп, с беспокойством поглядывая на прогулочную трость у нее в руке. – Если это то, о чем я думаю, то вынужден решительно воспротивиться и сказать «нет».

Нуала опустила на диван с тростью в руке.

– Помните, я рассказывала о моем кузене Кристи?

– Да. Это парень, который работает в пабе?

– Да, а это его трость. – Она постучала палкой по полу. – Когда ему было пятнадцать лет, он работал на молотилке в сезон сбора ячменя. Молотилка – это...

– Я знаю, что это такое, Нуала.

– Тогда вы понимаете, как опасно бывает управлять молотилкой. Кристи всегда был сильным и умным парнем, но тогда он поскользнулся, и его правая нога частично оказалась затянута в молотилку. Можно не объяснять, как его изувечило.

– Могу представить. Ему ампутировали ногу?

– Нет, ногу удалось спасти, но на восстановление ушло около года, и с тех пор Кристи больше не может ходить без палки. Он больше никогда не сможет бегать или кружить девушку в танце на сельском празднике. Но он может ходить и даже ездить на лошади.

– Вот и славно, но я не пойму, какое отношение это имеет ко мне, – раздраженно произнес Филипп. – У Кристи есть две ноги, а также, полагаю, оба глаза и целое лицо.

– А у вас есть замечательная деревянная нога, изготовленная специально для вас, – возразила Нуала. – Она находится в вашей спальне, всего лишь в нескольких ярдах отсюда.

– Нуала, я сказал «нет», и это серьезно!

Она не обратила внимания на его слова и пошла в спальню за протезом. Как обычно, он стоял у стены в углу, а миссис Хоутон уже показала Нуале пачку хлопковых носков в ящике платяного шкафа. Их нужно было плотно натягивать на обрубок ноги для защиты чувствительной кожи на шраме.

Когда Нуала внесла в гостиную удивительно тяжелую ногу, то увидела выражение неприкрытого ужаса на лице Филиппа.

– Нет, Нуала, пожалуйста!

– Разумеется, мы не будем спешить, – успокаивающе заверила она. – Но вам нужно попробовать. Давайте просто закрепим протез, и вы посидите в кресле, пока мы разыграем партию в шахматы. Так вы сможете привыкнуть к новому ощущению.

– Я знаю, что у вас добрые намерения, но это бесполезно. Я и без того прекрасно себя чувствую.

– Правда, Филипп? – Она твердо посмотрела на него. – Я каждый день наблюдаю за вами и вижу, как страдает ваша гордость из-за вынужденного обращения за помощью к другим людям. На вашем месте я бы чувствовала то же самое; так было и с Кристи, пока он не собрался с духом, чтобы встать с постели и научиться ходить. Кроме того, у большинства одноногих солдат, за которыми мне приходилось ухаживать, были только деревянные штифты, а не полноценный протез, изготовленный по вашей мерке. Вы должны хотя бы попробовать, так что не позволяйте упрямству затмевать здравый смысл.

Раскрасневшись от собственной прямолинейности, она ожидала, что он испепелит ее взглядом.

После долгого молчания и полной неподвижности Филипп испустил протяжный вздох и кивнул:

– Хорошо, но я не буду переносить вес на эту ногу.

– Вот и славно. Тогда давайте приступим к делу. – Она опустилась перед ним на колени. – Я только закаатаю брючину, чтобы не мешала, – пояснила она, когда открылся обрубок.

Хотя Филипп привык к ежедневному омовению по вечерам, Нуала ощущала его напряженность.

– Теперь наденем хлопковый носок, чтобы было помягче, – продолжала она. – И останется только пристегнуть протез и закрепить его.

Протез был изготовлен из светло-коричневого дерева, отшлифованного, промасленного и отлакированного. Внизу имелась резная ступня, а на другом конце находились кожаные ремешки для прилаживания протеза к бедру Филиппа. Нуала старалась работать уверенно и не показывать, что раньше она никогда этого не делала.

Когда протез был закреплен и она убедилась, что Филипп не испытывает большого неудобства, она испробовала шарнирное устройство для сгиба в колене и положила деревянную ногу рядом со здоровой ногой на опору кресла-каталки. Потом она подкатила Филиппа к окну и установила шахматный столик без дальнейших слов и пояснений.

Они играли в молчании. Единственными звуками было легкое щелканье фигурок, передвигаемых по доске, да потрескивание огня в камине. Когда Филипп объявил шах и мат, Нуала спустилась на кухню и сама принесла поднос с чайными приборами и бутербродами, чтобы Морин не глазела на его деревянную ногу.

Пока она наливала чай и добавляла необходимое количество молока, Филипп многозначительно откашлялся.

– Значит, вы видели много... людей с ампутированными конечностями, когда работали в госпитале Корка? – спросил он.

– Да. Это было ближе к концу Великой войны, и у нас было много молодых мужчин с травмами, похожими на ваши. Тогда я еще училась на подготовительных курсах, поэтому выносила судна и мыла полы, а не работала настоящей сиделкой. Но я видела много страданий... и мужества, – тихо добавила она для большей убедительности.

Филипп тщательно прожевал сэндвич, прежде чем ответить.

– Уверен, что так и было. И я понимаю, что мне повезло больше, чем многим другим, но не думаю, что когда-либо верну себе душевный покой.

– Думаю, вы могли бы это сделать, Филипп, если бы чувствовали себя более самостоятельным человеком. Да, для этого понадобится много труда и выдержки, но я знаю, что вы сможете.

– Вы неисправимая оптимистка, Нуала.

– Не вижу смысла быть другой, а вы? И у меня есть вера, Филипп, в том числе вера в ваши силы.

– Мне крайне жаль подводить вас, но...

– Тогда не подводите, Филипп!

После долгой паузы он вздохнул:

– Ладно, давайте попробуем.

Ее сердце встрепенулось от радости. Нуала покатила его вдоль длинного книжного шкафа, где на разной высоте имелись прочные выступы, за которые можно было держаться. Поместив ноги Филиппа на пол и вручив ему трость Кристи, Нуала аккуратно обняла его за пояс, как обычно делала, когда по вечерам укладывала в постель.

– Сейчас я буду вас поднимать, Филипп, – предупредила она. – Когда вы встанете, пока что перенесете вес на здоровую ногу. Как только почувствуете себя увереннее, попробуйте немного сместить вес на больную ногу.

Когда она помогала ему встать, то ощущала, как он дрожит от нервного напряжения. Костяшки пальцев на руке, которой он обхватил набалдашник трости, совершенно побелели.

– Дышите ровно, Филипп: вдох, выдох.

Он шумно выдохнул и вдохнул так быстро, что показалось, будто он вот-вот задохнется.

– Хорошо. Держитесь за выступ шкафа другой рукой... – Нуала указала вправо. – Теперь пора немного сместить вес на больную ногу. Обещаю, вам не будет так больно, как раньше, – добавила она.

Она почувствовала, как сместилось его тело, когда он осторожно оперся на правую ногу и еще раз судорожно втянул воздух в легкие.

– Ну как? – спросила Нуала. – Хотите сесть обратно?

– Нет, – прошептал Филипп. На его лбу выступили капельки пота. – Нет-нет, я не собираюсь сдаваться, раз уж зашел настолько

далеко. Дайте мне поймать равновесие, и тогда я попробую стоять самостоятельно.

– Превосходно, – сказала она. – Вы очень смелый человек. Теперь, когда вы будете готовы...

Филипп покачался на месте, обретая равновесие.

– Готов, – пробормотал он.

– Обопритесь на трость и оторвите руку от шкафа... Я готова подхватить вас, если вы зашатаетесь.

Он медленно разжал руку, а Нуала стояла перед ним с протянутыми руками.

– Только посмотрите, Филипп! – воскликнула она, ощущая такую гордость за него, что была готова рассмеяться. – Вы стоите самостоятельно! Это же не так сложно, правда?

Раздался внезапный стук, и дверь отворилась прежде, чем Нуала успела издать предупреждающий крик.

– Филипп? – Леди Фицджеральд вошла в комнату. – Ох... О господи!

Филипп застыл на месте при появлении матери, и Нуала потянулась к нему, готовая поддержать его в любую секунду.

– Это всего лишь эксперимент, мама. Мы хотели убедиться, что протез по-прежнему сидит нормально, – небрежно сказал он, пока Нуала усаживала его обратно в кресло.

– Разумеется, – отозвалась леди Фицджеральд, уловившая намек. – Я пришла спросить, не захочешь ли ты присоединиться ко мне за ужином сегодня вечером, поскольку наши гости отменили свой визит.

– Это было бы чудесно, мама.

– Хорошо. Я приду за тобой в семь вечера, – сказала леди Фицджеральд. – Нуала... – Она кивнула и одарила Нуалу взглядом, исполненным такой радости и благодарности, что у той навернулись слезы на глаза.

Когда леди Фицджеральд закрыла за собой дверь, Филипп посмотрел на Нуалу и тихо рассмеялся.

– Вы видели лицо моей матери, когда она вошла? Ох, одно это стоило любого неудобства! Спасибо вам, Нуала. Мне уже давно следовало попробовать это, но я... я боялся.

– Это вполне понятно, – сказала она, когда подкатила его к окну, где солнце уже клонилось к закату, отбрасывая золотистые отблески по всей комнате. – Не буду вас обманывать, нам предстоит еще много работы, прежде чем вы сможете ходить самостоятельно, – добавила она, опускаясь на колени, чтобы отстегнуть протез.

– Но вы поможете мне, Нуала?

– Конечно же, Филипп.

Нуала уже собиралась уезжать домой, когда леди Фицджеральд остановила ее у подножия лестницы.

– Нуала, можно вас на минутку?

– Разумеется, ваша милость. – Нуала заметила, что глаза леди Фицджеральд покраснели, как будто она недавно плакала.

– То, что вам удалось сделать для Филиппа, это настоящее чудо, – тихо сказала она. – Я могу лишь поблагодарить вас от всего сердца.

– Это ваш сын все сделал, – ответила Нуала. – Доброй ночи, леди Фицджеральд.

В тот вечер Нуала возвращалась домой, даже не чувствуя холодного ветра, хлеставшего ее по щекам. Перед глазами стояло лицо Филиппа, когда он встал, впервые обходясь без поддержки. И Нуала была решительно настроена помочь ему обрести тот душевный покой и чувство гордости, которых ему так не хватало.

По мере того как осень все сильнее сжимала холодную хватку над Западным Корком, война за независимость Ирландии перешла в ожесточенную фазу. В то время как британцы продолжали устраивать рейды по деревням и сжигали фермы в отместку за многочисленные успешные засады, волонтеры ИРА изматывали и ослабляли их как могли, взрывая мосты, передвигая дорожные указатели и перерезая телеграфные кабели везде, где могли добраться до них. Финн регулярно отсутствовал по ночам, а Нуала трудилась еще больше, чем раньше, доставляя или забирая депеши и оружие.

Леди Фицджеральд велела груму, работавшему на конюшне Аргиндин-Хауса, соорудить раму из деревянных переключин, за которые Филипп мог бы держаться во время упражнений в ходьбе с протезом.

Конструкцию установили в гостиной Филиппа, и он разрешил Нуале подвергнуть его усиленному режиму тренировки для укрепления мышц.

– Я бы сказала, что вам пора оставить этот тренажер и попробовать пройти несколько шагов с помощью трости, – сказала она в один из туманных октябрьских дней.

– Если бы я знал о ваших рабовладельческих наклонностях, то ни за что бы не убедил маму нанять вас на службу, – сказал Филипп. Его руки дрожали, и пот градом катился по лицу, когда он оперся о перекладины и начал перебирать ногами по ковру.

– Мы попробуем завтра, хорошо? – предложила Нуала. Она уселась и начала отстегивать его протез.

* * *

Через час после ее возвращения домой Финн, который последние несколько ночей участвовал в операциях «летучей бригады», вошел через заднюю дверь. Он выглядел совершенно измотанным.

– Привет, милая, здесь вкусно пахнет, – сказал он, обнял ее, а потом понюхал содержимое горшка, стоявшего на огне.

– А ты выглядишь так, будто в тебя нужно впихнуть побольше тушенки, Финн Кейси. Ты сильно исхудал.

– Это все из-за марш-бросков по окрестностям. Клянусь, я еще никогда не был в лучшей форме. Остались одни мышцы и сухожилия, Нуала. – Финн подмигнул ей.

– Есть новости? – спросила она.

– Да, и хорошие для разнообразия, – ответил он, когда Нуала поставила перед ним тарелку тушеного мяса с овощами и он жадно принялся за еду. – «Летучая бригада» открыла огонь по эссекцам в Ньюсестауне: мы убили двух офицеров и ранили еще троих. Мы наконец одержали победу!

Нуала перекрестилась и вознесла молитву за погибших. Финн пристально наблюдал за ней.

– Милая, мы меньше всего хотим убивать других людей, но... – Он пожал плечами. – Это единственный способ. Либо мы, либо британцы. Некоторые из наших волонтеров были окружены, а их дома

подверглись налетам и теперь сожжены до основания. Теперь они хватают и женщин, я знаю трех девушек из Куманн на-Маэн, которых приговорили к тюремным срокам в Корк-Сити. Я тревожусь, что ты остаешься одна, но скоро это будет происходить еще чаще. Тебе будет безопаснее с семьей на Кросс-Фарм.

– Здесь рядом есть Кристи, готовый защитить меня, и...

– Никто не сможет защитить женщину от британцев, особенно ночью. На этой неделе из Керри поступило сообщение о женщине, которую изнасиловали двое «черно-коричневых». Поэтому отныне ты должна ехать на ферму, если меня не будет ночью, и не возвращаться сюда до тех пор, пока не получишь весточку от меня.

– Но, Финн, что подумают соседи, если нас обоих не будет дома?

– Я поговорил с Кристи и с директором О’Дрисколлом. Они уверены, что в поселке нет вражеских шпионов, только сторонники волонтеров и женщины, работающие на наше дело.

– Может быть, но нельзя подвергать опасности мое положение у Фицджеральдов. Если об этом станет известно...

– Нет. Мы можем доверять О’Дрисколлу и нашим друзьям в поселке. Дорогая моя, если дело дойдет до этого, то я предпочту, чтобы ради безопасности ты оставила свою работу в Большом Доме.

– Но я не хочу уходить оттуда! – запротестовала она. – Ты сам сказал, что я выполняю ценную работу, это помогло спасти Тома Барри и его людей в Бандоне!

– Да, но ты не единственная разведчица, которая у нас есть, Нуала. Зато ты моя единственная жена! – Он взял ее руки в свои и немного смягчил тон. – Возможно, нам придется оставить обычную супружескую жизнь, но я все равно обязан защищать тебя. А теперь давай поедим, пока все не остыло.

* * *

Когда закончился октябрь и начался ноябрь, отлучки Финна стали такими частыми, что Нуала как минимум в половине случаев ночевала на Кросс-Фарм. Она заметила, что Филипп редко спрашивает ее о муже – вероятно, потому, что он усердно занимался укреплением мышц. Они завершили чтение «Смерти Артура». Ближе к концу

история британского короля становилась все более мрачной, хотя Нуала одобряла последнюю рыцарскую миссию – поиск Священного Грааля.

– А какой ваш Священный Грааль, Нуала? – спросил Филипп, когда она наконец закрыла книгу.

«Свобода Ирландии», – подумала Нуала, но вслух ответила:

– Чтобы вы освободились от инвалидного кресла и мне больше не приходилось возить вас повсюду.

Филипп рассмеялся и позвонил, чтобы принесли чай.

* * *

Нуала лежала в постели рядом с Ханной, поскольку Финн снова отсутствовал, и думала, что никогда не сможет заснуть на ферме, будучи замужней женщиной. По крайней мере, она была постоянно занята; по мере усиления боевых действий количество потерь среди волонтеров росло, поэтому она с помощью Ханны решила организовать на Кросс-Фарм медицинские курсы для женщин из Куманн на-Маэн. Айфе, одна из ее подруг по медицинской подготовке в Корке, собиралась приехать и научить ее основам чистки и перевязки огнестрельных ран, обращению с тяжелоранеными и извлечению пуль. Женщин просили забирать как можно больше лекарств, антисептиков и перевязочных средств из местных аптек и больниц, где они работали. Прибывающие запасы складывали в дальнем конце амбара, и Айфе сортировала их, собирая полевые медицинские комплекты для женщин.

– Мне это нравится, – обратилась Нуала к Ханне после медицинской практики.

– Да, практика полезна для боевого духа, и мужчинам есть где присмотреться к женщинам. – Ханна захихикала.

После ужина женщины – все шестнадцать человек – прослушали инструкции от местных командиров – от вязания носков, шарфов и джемперов для волонтеров до устройства револьвера «уэмбли» и винтовки Ли-Энфилда. Мэри Уолш из килбриттенской бригады провела занятие по стрельбе из разного оружия, объясняя разные виды

боеприпасов и обращения с ними. Все женщины получили дополнительные указания по сбору средств на сопротивление.

– Смогу ли я провести чайную вечеринку в моей деревне с призывом поддержать наши усилия? – язвительно поинтересовалась Флоренс. – Да меня арестуют прежде, чем мы успеем вымыть чашки!

– Ты права, Флоренс. Но ты можешь попросить всех женщин, которым доверяешь, обратиться к женщинам, которым *они* доверяют, чтобы сделать все возможное для поддержки наших храбрецов.

– Нам тоже понадобится поддержка! – вмешалась другая женщина. – Со всей этой стиркой, которая проходит через меня, куски мыла улетают моментально!

– И продукты...

– И шерсть...

– Нам нужно делать все возможное, девочки, – сказала Ханна. – Наши парни полагаются на нас, и мы не можем подвести их, так?

Возбужденные возгласы в амбаре быстро стихли. Все лежали на соломенных тюфяках и ежились под одеялами от пронизывающего холода. Дождь хлестал по крыше, и ноги Нуалы почти окоченели. Когда она думала о Финне и его товарищах, которым приходилось терпеть такое каждую ночь после многочасового марш-броска или лежа в мокрой канаве и ожидая появления противника, то испытывала благоговение перед их мужеством.

* * *

На следующее утро, когда женщины разошлись после завтрака, Ханна с Нуалой и матерью взялись за мытье посуды.

– Ты организовала славное угощение, Нуала, – сказала Эйлин.

– Да уж, – согласилась Ханна. – Все унесли хороший запас энергии в своих желудках.

– Я пойду кормить свиней, – объявила Эйлин. – А вы, девочки, пока посидите здесь и погрейтесь после ночи на улице.

– Спасибо, мама.

Некоторое время сестры сидели молча и слушали потрескивание огня в камине. Потом Ханна заговорила:

– Пока рядом никого нет, я хочу кое-что сказать тебе. Но обещай, что будешь держать это в секрете.

– Конечно, Ханна, я обещаю.

– Ты помнишь Райана, друга Финна, который пришел на вашу свадьбу?

– Да, и я помню, как он танцевал с тобой. А что?

– С тех пор я несколько раз встречалась с ним, ведь он работает в почтовом отделении на той же улице, где находится и наш магазин. Он прошел экзамены на государственную службу и собирался уехать в Англию, но тогда началось Пасхальное восстание, и он передумал.

– Ах ты, темная лошадка! – Нуала улыбнулась. – И ведь ничего не сказала.

– Потому что пока не о чем рассказывать. Мы гуляли вместе во время обеденных перерывов и иногда встречались после работы, когда я не разносила депеши, но потом...

– Что потом? – Нуала ощущала волнение своей сестры.

– В прошлую среду, когда у нас был укороченный рабочий день, он отвел меня на долгую прогулку вдоль берега, и...

– Ох, прекрати эти недомолвки! Что случилось?

– Он сделал мне предложение!

– Святая Мария, Матерь Божья! Вот это новость так новость! А ты...

– Я согласилась. О, Нуала! – Ханна потянулась и взяла ее за руки. – Я так счастлива, что могу лопнуть от радости!

– А я так рада за тебя, сестричка! Это замечательная новость – именно то, что нужно нашей семье.

– Возможно, но ты знаешь, как папа относится к подобным вещам. Райан живет в Кинсейле, поэтому он незнаком с членами нашей семьи.

– Зато он друг Финна. Разве этого не достаточно?

– Может быть, но, когда Райан придет сюда и попросит у отца моей руки, папа как минимум час будет допрашивать его, как он это сделал с Финном.

– Ну, это его отцовское право, просто Райану надо подготовиться. Когда он придет?

– В следующее воскресенье. Хочешь, я покажу тебе кольцо?

– Само собой!

Ханна обвела взглядом пустую кухню, как будто кто-то мог прятаться под столом. Потом запустила руку в вырез блузки и вытащила кольцо, подвешенное на нитке.

– Это кладдахское кольцо^[15], но оно лишь посеребренное, потому что его зарплата в основном уходит на жилье... Но я все равно люблю его.

Нуала полюбовалась маленьким кольцом с серебряным сердечком между соединенными руками. Она заглянула в лучистые глаза Ханны, когда ее сестра поцеловала колечко.

– Оно прекрасно. Скажи, он хороший человек?

– Райан такой хороший, что мне стыдно за себя! Сомневаюсь, что его когда-либо посещали дурные мысли. Он сказал мне, что в юности подумывал стать священником. Единственная проблема в том, что...

– Да?

– Он не знает о моем участии в Куманн на-Маэн. И ему не понравится, если он узнает. Понимаешь, он не одобряет войну.

– Ханна, ты раньше сказала мне, что он не уехал в Англию из-за Пасхального восстания. Неужели он не поддержит тебя?

– Я бы сказала, что есть разница между ненавистью к британцам и активным участием в боевых действиях. Он пацифист, а это значит, что он против любого насилия.

Нуала в немом ужасе смотрела на сестру.

– Но, Ханна, ты же одна из самых энергичных членов нашей организации! Ты же не сможешь рассказать ему о нашей деятельности?

– Конечно нет, но после свадьбы мне придется вести себя осторожнее. Наверное, если бы я объяснила, что мы делаем все это ради Мика Коллинза, то Райан понял бы меня. Думаю, он любит Мика больше, чем меня. – Ханна хихикнула. – Райан считает его настоящим политиком; он убежден, что в своей борьбе Мик пользуется интеллектом, а не силой.

– Мы обе знаем, что это неправда, Ханна. Майкл Коллинз был отличным воином, пока не стал политиком. Он возглавлял Пасхальное восстание вместе с Эмоном де Валера и провел два года в британской тюрьме.

– Это правда, но теперь он пишет статьи для газет, носит модный костюм с галстуком и стал важной персоной.

– Райан знает, что его герой возглавляет разведку ИРА? – спросила Нуала. – Ему известно, что все действия ИРА в нашей стране происходят с его ведома? Что он часто сам отдает распоряжения?

– Может быть, да, а может, и нет. Суть в том, что Райан будет недоволен, если обнаружит, что его невеста так вовлечена в боевые действия, что ее могут схватить в любой момент. – Ханна глубоко вздохнула и посмотрела на сестру. – Что мне делать, Нуала? Я умру, если потеряю его...

– Не знаю. Мы все – убежденные *фениш*, готовые отдать жизнь за свободу Ирландии.

– Я понимаю. Что, если папа скажет что-то, что выдаст нас с головой? – с горечью сказала Ханна. – Райан может поджечь хвост и скрыться в своем арендованном жилье в Тимолиге.

– Как ты сказала, он не из местных. Разумеется, папа не выдаст ничего, пока не поймет, что ему можно доверять.

– Ты права, – согласилась Ханна. – И это не потому, что Райан не верит в наше дело...

– А потому, что он не верит в войну. – Нуала сразу же вспомнила о Филиппе. – По крайней мере, он не англичанин.

– И не «черно-коричневый».

– И не из вспомогательных войск.

– И даже не протестант! – Ханна рассмеялась и заметно успокоилась.

– По-моему, если ты так же любишь его, как я люблю Финна, то ничто не помешает тебе быть вместе с ним.

– Я правда... то есть я люблю его. Я все равно буду делать что могу, вязать и собирать деньги, но... ты понимаешь, Нуала?

– Я очень постараюсь, Ханна. – Нуала печально пожала плечами. – Любовь меняет все остальное.

* * *

На следующей неделе семья получила известие о том, что Ханна пригласила своего «друга» на воскресный обед после мессы.

Это никого не обмануло, особенно Эйлин, которая осаждала Нуалу, Кристи и Фергуса бесконечными вопросами.

– Перестань меня допрашивать! Клянусь, я ничего не знаю, – уверяла Нуала, когда после мессы отец увозил семью на двуколке. Ханна направлялась следом вместе со своим возлюбленным.

Когда они наконец пришли, Нуала испытала сочувствие к худому, бледному, кудрявому юноше, вошедшему следом за Ханной.

– Это Райан О’Рейли, которого вы все помните со свадьбы Финна и Нуалы, – сказала Ханна, и яркая краска разлилась от ее шеи по лицу.

Финн, который, к восторгу Нуалы, вернулся два дня назад, выступил вперед.

– Как дела, Райан? – спросил он и пожал Райану руку. Нуале показалось, что бедный парень испугался, как будто «черно-коричневые» взяли его на прицел.

Последовала церемония знакомства с остальными членами семьи, а потом все уселись за стол. Ее отец сидел во главе собрания и безмолвствовал, устремив пронзительный взгляд на Райана, оценивая его.

После обеда, обильно подкрепленного портером из бочки, Райан откашлялся и подошел к Дэниэлу.

– Сэр, можно перемолвиться с вами наедине?

– Как видишь, здесь нет места для тайн, так что я предлагаю выйти на улицу, – сказал Дэниэл. – Слава богу, погода хорошая.

– Да, сэр.

Вся семья наблюдала, как они выходят из дома.

– Словно телец на заклатие, – заметил Фергус.

– Он хотя бы нашел жену, в отличие от тебя, братишка, – шутливо парировала Нуала.

– Вдвойне трудно предлагать женщине супружество, когда я не знаю, доживу ли до конца года, – ответил Фергус. – Кроме того, мне веселее одному, так уж бывает. – Он пожал плечами.

– Твой брат становится убежденным холостяком, – вздохнула Эйлин.

– По крайней мере, мне не приходится терпеть все это. – Фергус указал на Дэниэла и Райана, беседовавших на скамье перед домом.

– Уверен, что с Райаном все будет хорошо, – улыбнулся Финн. – Он славный, тихий паренек, не то что вы!

Нуала стояла у окна, наблюдая за мужчинами.

– Райан встает, и...

– Отойди от окна, дочка! – скомандовала Эйлин. – Дай им побыть наедине.

Все посмотрели на Ханну.

– Перестаньте! – закричала она и побежала вверх по лестнице в свою спальню. В ожидании Финн с Кристи и Фергусом расселись за кухонным столом, тихо беседуя друг с другом. Нуала не могла понять, то ли они обсуждают кандидатуру Райана, то ли волонтерские дела. И то и другое имело важное значение, хотя и в разной мере.

– Иисус, Мария и Иосиф, вы следите за временем? – крикнула Эйлин, слишком громко для собравшихся на кухне. – Я ставлю чай!

Когда вода закипела, задняя дверь открылась и двое мужчин вошли в дом.

– Райан О’Рейли попросил о брачном союзе с нашей Ханной, – объявил Дэниэл. – После некоторого обсуждения я дал согласие.

Раздались приветственные возгласы. Мужчины пожимали руку Райану и приветствовали его присоединение к семье. Дэниэл пошел в кладовую за бутылкой виски.

Нуала и Эйлин устремили взгляды на лестницу в ожидании невесты. Ханна спустилась и сразу же попала в материнские объятия.

– Я так рада за тебя! – Эйлин расплакалась. – Я боялась, что ты останешься старой девой.

– Боже, мамочка, мне всего лишь двадцать лет, – с улыбкой отозвалась Ханна.

Нуала тоже обняла старшую сестру.

– Поздравляю, сестричка. И не заставляй меня надевать то розовое платье, если хочешь, чтобы я была подружкой невесты.

– А кто говорит, что я выберу тебя? – пошутила Ханна и обняла ее в ответ. – Спасибо, Нуала. Что бы я делала без тебя?

В конце ноября, через день после того, что было названо в газетах «Кровавым воскресеньем», Нуала приехала в Аргидин-Хаус, сдерживая ярость, которую она не могла выказать публично. Филипп уже научился обходиться без опорной рамы и пользовался тростью Кристи, чтобы ходить кругами по гостиной; Нуала ходила рядом с ним

для поддержки в случае необходимости. Лишь когда они сели за чай со свежими булочками, Филипп прямо спросил ее, расстроена ли она событиями, произошедшими в Кроук-Парке.

Нуала сделала долгий глоток, подбирая нужные слова.

– Произошла трагедия, – бесстрастно ответила она, стараясь никак не выдавать свои чувства. – Толпа зрителей собралась посмотреть на игру в гэльский футбол, а британцы открыли по ним стрельбу без предупреждения. У нас четырнадцать погибших, включая детей.

– Только мертвые видели окончание войны^[16], – сурово сказал Филипп. Нуала понимала, что он цитирует какого-то деятеля, о котором она никогда не слышала.

– Чем это утешит их близких? – возразила она, уже почти не сдерживаясь. – Убийство детей – это часть войны?

– Конечно же нет, и я сожалею об этом так же, как и вы, Нуала. – Филипп вздохнул. – Как и вы, я просто хочу, чтобы британцы и ирландцы пришли к мирному разрешению конфликта. Хотя до этого может быть еще далеко, принимая во внимание вчерашние речи майора Персиваля.

– Майор Персиваль был здесь?

– Да. Мама пыталась убедить меня спуститься и присоединиться к ним за чаем, но я был рад оставаться в инвалидном кресле, лишь бы не видеть его.

– Вы знаете причину его приезда? – спросила она.

– Судя по громогласным тирадам и самодовольному тону, я бы сказал, что он бахвалился перед отцом своими успехами. А с учетом вчерашнего ужасного происшествия можно догадаться, что это за успехи.

В этот момент Нуала решила, что майор Персиваль заслуживает самой мучительной смерти, которую Бог может уготовить для него. Она ненавидела его так же сильно, как и любой из волонтеров ИРА, пострадавших от его безжалостных рук.

Бракосочетание Ханны и Райана было назначено на середину декабря.

– Это не самое удачное время для свадьбы, но, судя по развитию событий, чем раньше, тем лучше, – вздохнула Ханна.

Нуала лучше всех понимала желание Ханны поторопить события. Она утешала сестру, предлагая разные мелочи, которые могли сделать зимнюю свадьбу особенным событием. По словам Филиппа, на Рождество перед входом в Агридин-Хаусе обычно устанавливали наряженную елку; это была традиция английской королевы Виктории, учрежденная ее немецким мужем Альбертом. Нуале нравилась эта идея, но она понимала, что сейчас это будет неуместно.

– Мы можем украсить церковь гирляндами остролиста, зажечь свечи, и...

– ...и шлепать по грязным лужам, забрызгивая подол моего белого платья, – проворчала Ханна. Но это было добродушное ворчание, и Нуала порадовалась, что щеки ее сестры зарумянились.

Нуала сообщила Финну, что майор Персиваль снова побывал в Большом Доме, но досадовала на себя за то, что ей не удалось разузнать больше.

– Все нормально, дорогая, просто держи ушки на макушке, – сказал Финн. В тот вечер он ушел на совещание «летучей бригады» в Килбриттене, и она знала, что он не вернется допоздна. Но когда он не вернулся к трем часам утра, ее сердце забилося чаще. Наконец в половине пятого она услышала, как открылась задняя дверь.

Поспешно спустившись вниз, Нуала увидела Финна, промокшего до костей и тяжело дышавшего. За его спиной стоял другой мужчина.

– Здравствуй, Нуала. Ничего, если я тоже войду? – Чарли Харли откинул мокрые волосы с худощавого бледного лица.

– Конечно, Чарли. Заходи, посиди и погрейся.

– Думаю, нам обоим понадобится капелька чего покрепче, – сказал Финн и тихо прикрыл за собой дверь. Оба они были в волонтерской форме; хотя в «летучей бригаде» не было регулярных мундиров, все носили одинаковые фуражки и длинные тренкоты, защищавшие от дождя, под которыми было удобно прятать оружие.

– Что случилось? – прошептала Нуала, чтобы не потревожить миссис Грэди, пожилую даму из соседнего дома.

– Сначала виски, – сказал Финн и направился к буфету, где взял два бокала и щедро наполнил их.

Пока мужчины избавлялись от мокрой одежды, Нуала сбегала наверх за сменными рубашками, штанами и носками.

– После совещания мы начали расходиться группами по трое, – начал Финн. – Мы направились к Копену, а там стоял грузовик с «черно-коричневыми». Они заметили нас прежде, чем мы успели скрыться, и обыскали нас. Слава богу, ни у кого не было при себе документов и оружия.

– Мы изобраили пьяных, – вставил Чарли. – Сказали, что зашли в паб пропустить по стаканчику, и попросили их ничего не говорить нашим женам.

– И они вас отпустили? – спросила Нуала.

– Нас-то – да. Но за нами следовал Шон Хэйлс вместе с Коном Кроули и Джоном О’Мэхони, у которых были протоколы с нашей встречи. Мы сделали крюк и вернулись назад, чтобы предупредить их, но не успели вовремя. – Финн вздохнул. – Мы прятались в канаве, пока «черно-коричневые» обыскивали их. Они нашли что-то, и Кона с Джоном затолкали в грузовик.

– Мы ничего не могли сделать, Финн, – сказал Чарли, допивший виски и наливший себе вторую порцию. – Господи, помоги беднякам.

– Насколько компрометирующие эти документы?

– Слава богу, Кон пользуется шифром, но там достаточно, чтобы опознать их как волонтеров ИРА.

– А Шон?

– У Шона язык так хорошо подвешен, что он может уговорить тюремщика выпустить его из Маунтджойской тюрьмы. Он сказал Крейку – так звали британского офицера, – что отправился покупать скот да заблудился по дороге. Он выдумал себе ложное имя, и этот идиот поверил ему! Сказал, что у Шона честное лицо и что ему бы хотелось, чтобы все ирландцы были такими же, как он!

Чарли и Финн громко рассмеялись, расслабившись после виски.

– Тише! – предостерегла Нуала. – Что теперь будет с Коном и Джоном?

– Если судить по Тому Хэйлсу и Пату Харту, я бы не хотел видеть, в каком состоянии они сейчас находятся. – Финн передернул плечами.

– Эти «черно-корричневые» не успели хорошо рассмотреть ваши лица? – спросила она.

– Что можно увидеть, когда тебе тычут факелом под нос? – вздохнул Чарли. – Да, они нас видели, но для них все ирландцы на одно лицо.

– Как думаешь, что теперь будет с нашими планами? – обратился Финн к Чарли.

– Я бы сказал, что Шон будет еще больше настроен на это.

– На что? – поинтересовалась Нуала.

Чарли переглянулся с Финном.

– Ты можешь рассказать ей обо всем, – заверил Финн. – Она так же надежна, как любой из наших парней.

– Так или иначе, скоро она узнает об этом, – проворчал Чарли. – Для этого понадобятся все местные волонтеры... Мы собираемся взорвать пост королевской полиции в Тимолиге, а затем поджечь замок Тимолиг и соседний дом Трэверса.

Нуала смотрела на них с разинутым ртом.

– Как вы это сделаете? – ахнула она. – Это же прямо у нас на пороге! Если вы это сделаете, они придут с обысками в каждый дом.

– Знаю, Нуала, но у нас есть сведения из штаб-квартиры в Дублине, – сказал Чарли. – Британцы собираются оккупировать замок и соседний дом, чтобы разместить там больше своих солдат из-за тех неприятностей, которые мы им причиняем. Мы не можем этого допустить, иначе этих паршивцев станет слишком много.

– Отделение королевской ирландской полиции в Тимолиге недавно эвакуировали, разве не так?

– Да, – ответил Чарли. – Но британцы собираются занять его. Здесь, в Клогах, как и в других местах, предполагается карательная кампания, поэтому мы должны отовсюду собрать гелингит и спрятать его где-нибудь поближе. Мы думали насчет Кросс-Фарм, Нуала, если твои родители согласятся. Оттуда недалеко до Тимолига.

– Но семья Трэверс и их домашние слуги ничего не подозревают! Вы сожжете их прямо в постелях? – с ужасом спросила Нуала. Однажды она из окна видела старого Роберта Трэверса, когда он с женой приезжал в гости к Фицджеральдам.

– Британцы сжигали нас прямо в постелях и не задумывались об этом, но не беспокойся, мы собираемся доставить их в безопасное

место, – сказал Финн.

Она набрала в грудь побольше воздуха и медленно выдохнула.

– Теперь, Нуала, поднимайся наверх и немного отдохни, – добавил Финн. – А тебе, Чарли, я принесу тюфяк из флигеля.

– Да мне и на стуле хорошо... Вы оба идите наверх, а я тут...

– Бедняга уже спит, – прошептал Финн. – Вчера у него было работы на пятерых. Как командир, он считает себя лично ответственным за каждую смерть или ранение.

Оказавшись наверху, Нуала обняла мужа, который уснул в тот же момент, как опустил голову на подушку.

– Я люблю тебя дорогой, – шептала она, лаская его волосы и безрадостно думая о том, сколько еще дней и ночей ей осталось лежать рядом с ним и ощущать биение его сердца.

* * *

Нуала отправилась в Тимолиг, где наступил ежемесячный базарный день, когда окрестные фермеры привозили скот на продажу, а на улице выстраивались ряды ларьков, где продавали всякую всячину – от домашнего варенья до седел. Но от обычного радостного оживления не осталось и следа. Везде ощущалось гнетущее присутствие Эсекского полка, солдаты расхаживали по улицам или выгоняли мужчин из пабов, чтобы занять их места. Ханна присоединилась к Нуале, когда магазин одежды закрылся на обед, и они медленно пошли по улице, разглядывая лотки.

– Ты слышала о том, что скоро случится? – шепотом обратилась Нуала к сестре.

– Слышала. «Навоз» доставили на Кросс-Фарм два дня назад.

– Святая Матерь Божья, скоро здесь начнется светопреставление.

– И не говори, Нуала. Моя свадьба через три недели. Боюсь, что половину моих гостей запрут в Бандонских бараках или вообще перебьют, если поймают.

Нуала взяла сестру за руку.

– Нам нужно верить, что этого не случится, – прошептала она, пока они обходили стороной молодого бычка в сопровождении нового гордого владельца.

– Слушай, давай купим крубинсы^[17] в ларьке миссис Макнелли, поедим, а потом сходим и посмотрим тебе новое платье? – Нуала изобразила радостную улыбку. – Мне тоже, конечно, хотя сама мысль об этом приводит меня в ужас.

– Мне нравится сиреневый цвет, – безапелляционно заявила Ханна. – В журнале сказано, что это последний писк моды в Париже.

Нуала закатила глаза и пошла за крубинсами. Потом они сидели на своей любимой скамье с видом на бухту Кортмакшерри. День был теплый и солнечный, и они хорошо видели каменные руины старинного аббатства внизу. Мерный звук волн, плещущих о берег, успокаивал расстроенные нервы Нуалы.

– А *он* знает, что должно случиться? – спросила она сестру.

– Нет, и я не скажу ему, – твердо ответила Ханна. – На следующий день я буду так же удивлена, как и Райан.

– Конечно, это не мое дело, Ханна, но ты думаешь, что это правильно – лгать о своих убеждениях и обо всех храбрых поступках, которые ты совершила для своей страны и для *его* страны?

– Эта война не может продолжаться вечно, и, если мне придется притворяться несколько месяцев, я готова на это. Разве не всем нам приходится изображать невинных овечек?

– Только не для наших мужей, верно?

– Нуала, давай пока оставим эту тему. Всем известно, что я скоро выхожу замуж за Райана, поэтому мне больше не предлагают доставлять важные депеши. Так что я не лгу ему, правда?

Нуале хотелось сказать больше, но она понимала, что сейчас не время для этого.

– Ну что, пойдём в магазин и попробуем примерить ту сиреневую тряпку, о которой ты мне говорила?

* * *

– Теперь вы готовы выйти на улицу? – обратилась Нуала к Филиппу несколько дней спустя, когда они едва ли не в тысячный раз расхаживали по кругу в его гостиной. Месяц ежедневных упражнений укрепил мышцы верхней части тела Филиппа, а также его ноги,

поэтому осанка выправилась. Нуала даже удивилась, какой он высокий, больше шести футов ростом.

– На улицу? – фыркнул Филипп. – На дворе декабрь, и вы хотите вытащить меня в эту промозглую сырость?

– Да, – ответила она. – Это будет полезно для вас. Мы тепло оденемся, а ходьба по улице не даст вам замерзнуть.

– Ну, хорошо, – смягчился он. – В конце концов, когда-то я жил в мерзлой траншее, так что прогулка по материнскому саду будет легкой разминкой.

– Тогда я предупрежу миссис Хоутон, что мы собираемся наружу.

– Ох, Нуала, не возитесь с этим, а лучше помогите мне подготовиться к выходу, ладно?

Она помогла ему надеть шерстяное пальто, шляпу и шарф. Потом они вместе вышли на лестничную площадку и вызвали лифт. По прибытии в парадную прихожую они встретили Морин, которая несла поднос; горничная резко остановилась и изумленно уставилась на Филиппа. Нуала испытала внутреннее удовлетворение.

Воздух на улице был холодным и влажным. Хотя их дыхание облачками вырывалось изо рта, солнце озаряло выцветший зимний ландшафт английского парка. Филипп опирался на трость, а Нуала взяла его под руку с другой стороны; они медленно двинулись по тропинке к саду, глядя под ноги, чтобы не поскользнуться на влажном мху.

– Ах-х! – Филипп принялся. – Славный запах горелого ирландского торфа! Я начинаю думать, что вы и впрямь королева фаэри, Нуала, – добавил он, когда они вступили в личный сад леди Фицджеральд и прошли мимо каменных вазонов с зимними анютиными глазками, составлявшими прелестное сочетание желтых и фиолетовых оттенков на фоне уснувших многолетников. – У меня такое ощущение, будто вы заколдовали меня. Я даже представить не мог, что снова буду ходить. Ходить куда захочется, иметь свободу передвижения...

– Это не волшебство, Филипп, – отозвалась она. – Это ваша собственная воля и упорная работа.

– И ваша поддержка, – добавил он и помедлил, повернувшись к ней. – Нуала, не хватит никаких благодарностей за то, что вы сделали для меня. Вы вернули меня к жизни. – Он вдруг поднес ее руку к губам

и поцеловал. – Обещайте, что никогда не покинете меня, Нуала. Клянусь, я умру без вас. Вы дали мне повод для того, чтобы снова жить нормально. Пожалуйста, Нуала, обещайте мне.

Нуала видела слезы, блестевшие в его глазах.

– Обещаю, – ответила она. Что еще она могла сказать?

* * *

В семь вечера, когда Филипп объявил себя окончательно уставшим, Нуала сменила рабочую одежду и уже собиралась домой, когда миссис Хоутон позвала ее.

– Ее милость хочет вас видеть, Нуала, – сказала она и повела ее по коридору в небольшой, красиво обставленный будуар с письменным столом у окна с видом на сад, где они с Филиппом недавно гуляли. Леди Фицджеральд читала письмо, но обернулась и встала, когда Нуала вошла в комнату.

– Спасибо, миссис Хоутон, теперь вы можете оставить нас. Пожалуйста, садитесь, Нуала. – Леди Фицджеральд указала на стул.

– Все в порядке, ваша милость? Сегодня Филипп решил на прогулку в саду, но если вы предпочитаете, чтобы он оставался в тепле...

– Боже мой, нет, совсем наоборот, – заверила леди Фицджеральд. – Я просто хотела поблагодарить вас. Все эти замечательные перемены с Филиппом произошли благодаря вам. Он изменился не только физически, у него... снова появилась надежда. Когда я слышу его и ваш смех, то радуюсь от души. Я... – Она замолчала и глубоко вздохнула. – В качестве жеста благодарности я хочу увеличить ваше жалованье до десяти шиллингов в неделю. Я знаю, как вы стараетесь, и надеюсь, вы будете...

Стук в дверь прервал ее, и в комнату вошла миссис Хоутон.

– Прошу прощения, ваша милость, но прибыл мистер Льюис; это насчет картины в Белой спальне, для которой вы хотели заказать новую раму.

– Спасибо, миссис Хоутон, я сейчас выйду к нему. – Леди Фицджеральд повернулась к Нуале. – Я ненадолго отлучусь, моя дорогая, а потом мы закончим разговор.

Когда женщины вышли из комнаты и закрыли дверь, чтобы не выпускать тепло из комнаты, Нуала позволила себе тихо рассмеяться от удовольствия.

– Десять шиллингов! – прошептала она, думая о том, что они с Финном могут купить на столь нужные дополнительные деньги. Она встала и прошлась по комнате, восхищаясь пейзажами, украшавшими деревянные стеновые панели и обитую кожей столешницу.

Не задумываясь, Нуала посмотрела на письмо, которое недавно читала леди Фицджеральд.

Мои дорогие Лора и Реджинальд!

Еще раз горячо благодарю вас за позавчерашний ужин. Ваш дом – прелестная тихая гавань в море, которое становится все более беспокойным. По крайней мере, на этом фронте есть кое-какие хорошие новости: двое наших разведчиков под видом дезертиров втерлись в доверие к противнику и договорились о встрече с ТБ, главарем мятежа, 3 декабря, вот тогда мы и арестуем его.

Нуала быстро прочитала остальное и увидела подпись внизу.

Артур Персиваль

Услышав шаги, приближавшиеся к двери, она поспешила сесть обратно на стул.

– Мои извинения, – сказала леди Фицджеральд. Она подошла к письменному столу, выдвинула ящик и достала конверт. – Здесь ваша зарплата за эту неделю плюс два дополнительных шиллинга. – Она вложила конверт в руки Нуалы. – Еще раз спасибо, моя дорогая. Теперь возвращайтесь домой, к вашему мужу.

Нуала помчалась в Клогах с такой скоростью, как будто сам дьявол гнался за ней. Когда она доехала до дома, то с облегчением обнаружила Финна, который за кухонным столом проверял школьные работы.

– Финн, – выдохнула она. – У меня срочная новость для Тома Барри!

Между глотками воды из стакана, который он поставил перед ней, Нуала рассказала о содержании письма от майора Персиваля. Финн

расхаживал перед камином, обдумывая услышанное.

– Нуала, наша атака на Тимолиг назначена на завтра, и «летучая бригада» уже находится в полной боевой готовности, люди расставлены в секретных местах... Не знаю, как вовремя найти Тома, чтобы сообщить ему...

– Мы должны это сделать! – воскликнула Нуала. – Эти дезертиры, с которыми он встречается, на самом деле британские шпионы! Эссекцы будут поджидать Тома, и ясно, что они сделают с ним! Они знают, что он планирует операции «летучей бригады», поэтому с ним обойдутся хуже, чем с Томом Хэйлсом и Патом Хартом!

Финн опустил на корточки перед Нуалой и взял ее за руки.

– Не волнуйся, дорогая, я обязательно разберусь с этим. Ты добыла жизненно важную информацию, и у нас есть шанс предотвратить встречу. Теперь поешь, пожалуйста, пока ты не упала от изнеможения.

Финн ушел вскоре после этого разговора, а когда вернулся, то заверил Нуалу, что направил известие Тому Барри с таким количеством добровольцев, какое только смог найти. На следующее утро, в день запланированных поджогов в Тимолиге, он спокойно надел костюм школьного учителя.

– Сегодня после работы ты должна вернуться на ферму и ждать там, пока не получишь сигнал отбоя от меня или от другого человека, которого я пришлю.

– А взрывчатка... то есть «навоз» все еще в помойной яме? – Нуала так взволновалась, что забыла о кодовых обозначениях.

– Навоз переместили ближе к тому месту, где он понадобится, – сказал Финн. – Я собираюсь раскладывать его. – Он крепко поцеловал ее в губы и прижал к себе. – До свиданья, Нуала. Я люблю тебя, и скоро мы встретимся.

С этими словами он ушел.

В тот вечер в фермерском доме семья Нуалы (за исключением Фергуса, который помогал «раскладывать навоз», и Кристи, который раньше перевозил «навоз», но теперь работал в пабе) занималась обычными вечерними делами. Хотя тема за столом не обсуждалась, напряжение в воздухе было ощутимым. Даже ее отец, который обычно был готов завязать разговор с полуслова, хранил молчание. Все знали, как много местных парней принимают участие в ночных опера циях.

– Попоем старые песни, муж мой? – предложила Эйлин, когда женщины закончили уборку. – Ты достанешь нашу скрипку?

– Не сегодня; даже с наблюдателями на вершине холма я опасаясь стука в дверь.

– По правде говоря, папа, раз «навоз» разошелся по полям, они все должны быть заняты внизу, – сказала Нуала.

– Ты права, дочка, но сейчас, так или иначе, не время рисковать. Ханна почитает нам из Библии. Как насчет Моисея, разделившего Красное море, а потом история о приходе в Землю обетованную?

Дэниэл сурово улыбнулся членам семьи, и они кивнули, соглашаясь с уместностью его предложений.

Сидя у очага со скрещенными ногами, с отцом и матерью по обе стороны от нее, Нуала слушала чтение Ханны. Оно успокаивало.

«Господь Спаситель, Святая Матерь Божья, сохраните в целости моего Финна и Фергуса и позвольте нам, ирландцам, вернуть себе нашу Землю обетованную...»

Они уже начали гасить масляные лампы, когда их сосед Шимус О'Хэнлон ворвался в дом через заднюю дверь вместе с одним из наблюдателей. Все замерли.

– Наши парни сделали это и ушли! Идите на вершину холма и сами посмотрите!

Члены семьи последовали за ними через заднюю дверь, а потом по крутой тропе на вершину лесистого холма. В долине, расстилавшейся внизу до самого Тимолига, они увидели огромные языки желтого пламени, плясавшие в ночном небе.

Все перекрестились и дружно опустили на влажную траву. Нуале казалось, что она чувствует запах дыма в холодном ночном воздухе.

– Надеюсь, пожар не распространится, – прошептала Ханна ей на ухо.

– Райана нет дома, правда? – прошептала Нуала в ответ. – Ты предупредила его?

– Как я могла? Тогда бы он понял, что я все знаю.

– С ним все будет хорошо, Ханна, ведь он живет далеко от целей операции. Я лишь молюсь о том, чтобы мой Финн и наш Фергус вернулись домой в целости и сохранности.

– Это покажет британцам серьезность наших намерений! – Дэниэл потряс кулаком в воздухе.

– Тише, Дэниэл! – шикнула его жена. – Никогда не знаешь, кто может шастать поблизости.

– Сегодня здесь только мы, женщина, и я рад, что нахожусь на собственной земле.

Когда они спускались к фермерскому дому, Эйлин поравнялась с дочерьми.

– Я сказала вашему отцу, теперь на нашей земле какое-то время больше не будет тайников с оружием. Завтра начнутся репрессии, можно не сомневаться в этом.

– И мы будем готовы к ним, мама, – твердо ответила Нуала, а Ханна промолчала и ушла вперед.

* * *

К облегчению Нуалы, Финн и Фергус вернулись перед рассветом, но на следующее утро главная улица Клогаха была безмолвной. Все прятались в домах, как из страха перед возмездием, так и от вони горелого дерева, все еще висевшей в воздухе.

– Привет, Люси, – сказала Нуала, когда вошла на кухню Аргидин-Хауса.

Люси, протиравшая полы, подняла голову и посмотрела на нее.

– Здравствуй, Нуала. Не ходи переодеваться: леди Фицджеральд хочет сначала встретиться с тобой.

– В самом деле? Почему?

– Понятия не имею. Сейчас придет миссис Хоутон и отведет тебя в ее покои.

Нуала так резко опустила на ближайший табурет, как будто у нее подкосились ноги. Люси была не в настроении, и обе молчали в

тягостном ожидании.

– Следуйте за мной, Нуала.

Пройдя по коридору, миссис Хоутон постучалась в дверь будуара леди Фицджеральд.

– Входите, – донесся голос изнутри.

Леди Фицджеральд стояла у окна и смотрела на свой сад. Она была одета в темно-зеленое платье и держалась очень прямо. Когда она повернулась, Нуала заметила, что черты ее миловидного лица так же напряжены, как и ее тело.

– Садитесь, Нуала. – Леди Фицджеральд указала на стул, и Нуала подчинилась. – Итак, я хочу рассказать вам о сегодняшнем утреннем визите майора Персиваля к моему мужу, этот визит связан с угрожающими событиями вчерашней ночи.

– Ох, – пробормотала Нуала, призвав на помощь все свое актерское мастерство, чтобы сохранять бесстрастное выражение лица. – Вы имеете в виду пожары? Это было ужасное зрелище.

– Да, и мои друзья Трэверсы, которые жили в Тимолиг-Хаусе, теперь укрываются под нашей крышей. У них осталась лишь одежда, в которой они выскочили, но они благодарны хотя бы за то, что ирландцы, напавшие на их дом, позволили им уйти. Так или иначе...

Леди Фицджеральд рассеянно провела ладонью по лбу.

– Мы живем в темные времена, Нуала. Было установлено, что некоторая... конфиденциальная информация, полученная нами в письме от майора Персиваля, просочилась в ИРА. Человек, упомянутый в письме, даже если это были только его инициалы, не пришел на встречу с нашими соглядатаями, а прислал вместо себя других. Разумеется, с ними разобрались, но тот человек, на поимку которого майор Персиваль со своими коллегами потратил месяцы трудов и планов, по-прежнему остается на свободе. Он будет замышлять и совершать новые бесчинства вроде тех, которые произошли вчера ночью.

Нуала ощущала на себе тяжесть взгляда леди Фицджеральд.

– Вышеупомянутое письмо лежало на этом самом столе два дня назад. Пока вы сидели на стуле, я на несколько минут оставила вас одну для встречи с мистером Льюисом.

Нуала едва дышала.

– Я...

– Этот инцидент вызвал у меня вопросы относительно других событий, – продолжала леди Фицджеральд. – Несколько месяцев назад майор спровоцировал покушение на свою жизнь в Бандоне, но убийцу явно предупредили, и он успел скрыться. Ни одна живая душа, кроме майора, его людей и моего мужа, не знала, что эссекцы готовы проникнуть в дом и поймать злоумышленника. Разумеется, за исключением меня и моего сына, которому я конфиденциально сообщила об этом. Филипп обсуждал это с вами?

– Я... это было давно, но, думаю, Филипп сказал, что майор Персиваль приезжал к сэру Реджинальду и что он не хочет гулять в саду, потому что этот гость ему неприятен. Вот и все.

– Вы уверены, Нуала?

– Уверена, – кивнула она.

– К сожалению... – леди Фицджеральд протяжно и тяжело вздохнула, – ...судя по всему, вы лжете. Утром я мимоходом спросила Филиппа, обсуждал ли он с вами план майора Персиваля, и он ответил утвердительно. Его слова подтверждаются показаниями Морин, которая с большим неудовольствием сообщила, что присутствовала в комнате и разливала чай, когда происходил этот разговор.

– Теперь я вспоминаю... и думаю, что это правда, ваша милость. Филипп действительно рассказывал кое-что о майоре Персивале. Я не хотела говорить вам об этом, чтобы не навлечь на него неприятности. Мы с ним часто говорили о... враждебных действиях. Понимаете, мы стали друзьями.

– И он доверяет вам. Да, я понимаю, – сказала леди Фицджеральд. – И это лишь отягощает ситуацию.

– Обещаю сказать ему, что в будущем я не хочу обсуждать с ним подобные вещи. Это случилось только потому, что ему было не с кем поговорить... кроме вас, разумеется, – поспешно добавила Нуала. – И я никогда не интересовалась вашими личными вещами и не читала письма...

– Простите, Нуала, но мне трудно поверить в это. Видите ли, после того как я побеседовала с Морин и она подтвердила слова моего сына, бедняжка сломалась. По ее словам, она разрывалась между верностью вам, как члену домашней обслуги, и знанием о том, что члены вашей семьи являются известными *фениями*, а ваш брат является волонтером ИРА. Она также сообщила, что ваша сестра

Ханна – одна из руководительниц женской добровольческой организации. Она подозревает, что вы тоже состоите в этой организации и поддерживаете вашу семью... в подрывной деятельности. Что вы на это скажете, Нуала?

– Ничего, кроме того, что моя семья гордится своим ирландским наследием. Но больше мне ничего не известно. Кроме того, я больше не живу под родительской крышей. Мой муж, Финн Кейси, работает школьным учителем в Клогах.

– Я это знаю, Нуала. Мне также известно, что он загадочным образом отсутствовал на работе в течение последних месяцев.

– Он был болен, леди Фицджеральд, страдал желудочными болями. Что в этом странного?

– На первый взгляд ничего, но у Морин есть подруга, которая живет рядом с вами. Она пыталась навестить вашего мужа, пока вы работали здесь, и узнать, не нуждается ли он в чем-либо. Она сообщила Морин, что занавески были плотно задернуты, а изнутри никто не отвечал. Как будто в доме никого не было.

– Он был тяжело болен, леди Фицджеральд, и не хотел принимать соседей.

– Настолько болен, что вы каждый раз оставляли его одного ради восьмичасовой работы в нашем доме?

Вопрос несколько секунд висел в воздухе, прежде чем леди Фицджеральд заговорила снова:

– Это Ирландия, Нуала, и, хотя я родилась в Англии, она двадцать шесть лет была моим домом. Я прекрасно знаю, что ваши общины тесно связаны друг с другом. И молодая жена не оставляет тяжело больного мужа без родственников, которые могут позаботиться о нем. Кто-то должен был находиться с ним рядом, Нуала, или хотя бы регулярно приезжать к нему.

– Я...

– Я не собираюсь винить вас, вашу семью или вашего мужа в действиях, совершенных за пределами этого дома. В сущности, я предпочла бы не знать об этом, поскольку вы мне очень нравитесь, Нуала. И самое печальное, что вы нравитесь и моему сыну.

В глазах леди Фицджеральд заблестели слезы.

– Тем не менее с учетом новой информации и вчерашних опустошительных пожаров в Тимолиге я больше не могу вам доверять.

Как и вашей семье.

– Но я едва знакома с Морин! Как вышло, что она так много знает о моих близких? Просто я никогда ей не нравилась.

– Полно вам, Нуала, к чему быть такой грубой? Это вам не подобает. Простая истина состоит в том, что я не могу рисковать, не могу допустить, чтобы мой дорогой доверчивый Филипп и дальше делился важной информацией с женщиной, которую он считает своей подругой. Поэтому я вынуждена уволить вас. Вы немедленно покинете этот дом. – Леди Фицджеральд подошла к столу, открыла ящик и достала маленький коричневый конверт. – Вот ваше жалованье до конца этой недели.

Нуала встала, приоткрыв рот от ужаса.

– И я даже не смогу попрощаться с Филиппом?

– Лучше не надо. Я сообщила ему, что ваш муж тяжело болен и вы решили находиться дома и ухаживать за ним, как и подобает хорошей жене.

Нуала не смогла сдержать слезы.

– Пожалуйста... скажите ему, что мне будет не хватать его, и передайте огромную благодарность за то, что он научил меня играть в шахматы. Мне так и не удалось обыграть его, потому что он блестящий шахматист, и...

– Разумеется, я передам ему все это. И можете не сомневаться, что я ничего и никому не скажу о нашей сегодняшней беседе. Ваши тайны – если это тайны – останутся между нами, но знайте, что в других руках они не будут такими надежными. В жизни часто приходится делать тяжелый выбор, Нуала, и мы живем в трудные времена. Я понимаю, что ваша верность навсегда принадлежит вашему мужу и членам семьи.

У Нуалы так текло из носа, что она неуклюже вытерлась рукой.

– Простите меня, леди Фицджеральд. Вы были так добры ко мне...

Она почувствовала, как рука леди Фицджеральд легла ей на плечо.

– А вы были добры к Филиппу, и за это я благодарна вам.

Нуала вернулась домой и задернула занавески на всех окнах. Потом села на стул перед очагом и дала волю слезам.

– Ох, Филипп, мне так жаль, что я подвела тебя. В тебе не было ничего дурного, а теперь я больше не смогу ухаживать за тобой.

Выплакавшись и остро желая поговорить с кем-нибудь о последних событиях, она ополоснула лицо и привела в порядок волосы, перед тем как направиться в паб Кристи на другой стороне улицы. *Никто* не должен был знать, как сильно она на самом деле переживала из-за Филиппа, даже Финн, иначе завтра утром ее объявят предательницей.

– Заглянешь ко мне на стаканчик-другой после работы? – спросила она Кристи.

– Само собой; сегодня у нас мало посетителей.

Вернувшись в дом, Нуала заставила себя съесть немного хлеба с маслом, а потом достала из буфета бутылку виски и две чашки. Кристи пришел через двадцать минут, и она налила обоим понемногу.

– Начинаешь выпивать дома? – Кристи добродушно улыбнулся.

– После такого дня поневоле хочется выпить. Слушай.

Когда она рассказала кузену о том, что произошло в Большом Доме, он налил себе еще виски.

– Иисусе, – пробормотал он. – Думаешь, она может рассказать майору Персивалю о своих подозрениях? У нее нет причин отмалчиваться, Нуала.

– Нет, я так не думаю. Возможно, я наивна, но она по-доброму отнеслась ко мне, даже когда сказала, что вынуждена уволить меня. Как будто она понимала и даже немного сочувствовала мне.

– Ее муж и сын участвовали в двух войнах. Теперь они, так или иначе, оказались вовлеченными в третью войну. Судя по твоим словам, она из тех редких британцев, у которых есть сердце. Но опасность исходит от Морин. Что она за тварь, если смогла донести на тебя!

– Она с самого начала возненавидела меня. Ей не нравилось, что мы с Филиппом подружились и ей приходилось ежедневно подавать мне чай. – Сама мысль об этом заставила Нуалу улыбнуться.

– Похоже, она завидовала тебе.

– Моя подруга Люси рассказала, что Морин потеряла мужа и ребенка. Думаю, она просто ожесточилась на весь мир.

– Да, война делает с людьми и не такое. Послушай, мне нужно вернуться обратно. Потом я доеду верхом до Кросс-Фарм и расскажу семье, что случилось. Будем готовиться к худшему. Кстати, Финн скоро вернется из школы.

– А потом почти сразу уйдет и присоединится к «летучей бригаде». Кажется, они планируют совершить кое-что еще.

– Тебе нужно сохранять спокойствие, Нуала. Если понадобится, я на другой стороне улицы. – Кристи встал и поцеловал ее в макушку. – До встречи, – добавил он и вышел из дома.

* * *

Следующие несколько дней семья провела как на иголках в ожидании услышать, что причина увольнения Нуалы из Аргидин-Хауса была доведена до сведения британских властей. Ко всеобщему облегчению, ни Кросс-Фарм, ни домик Нуалы и Финна не подверглись карательному рейду. Когда Нуала была в городе и забирала депешу от Ханны, которую следовало доставить руководительнице Куманн на-Маэн в Дарраре, она издали увидела леди Фицджеральд. Несмотря на желание поблагодарить ее за сдержанное слово, Нуала отвернулась и пошла в другую сторону.

К счастью, школьные занятия прерывались на рождественские праздники, поэтому больше не было надобности придумывать оправдания, когда Финн объявил о своем намерении отбыть в новый, более отдаленный тренировочный лагерь «летучей бригады».

– Я точно не знаю, когда вернусь, дорогая. Мы подготовимся, а потом у нас запланирована очередная засада; отделения вспомогательных войск перебрасываются от замка Макрум и вторгаются дальше на нашу территорию, так что мы должны показать им, кто здесь хозяин. Пока меня не будет, тебе лучше перебраться на ферму, поближе к семье.

Тревога из-за отсутствия Финна немного смягчалась подготовкой к свадьбе ее сестры и к самому Рождеству. Нуала часто ездила на велосипеде в Тимолиг, где встречалась с Ханной во время обеда.

– Ты уже побывала в доме Райана? – спросила ее Нуала, когда они завтракали на скамье с видом на бухту.

– Да. Владелица дома – миссис О’Фланнаган, а Райан снимает мансарду.

– Там есть двуспальная кровать? – Нуала шутливо подтолкнула сестру.

– Только односпальная, но пока сойдет. Мы ищем другое место, потому что я хочу иметь собственную кухню и удобства. С нашей общей зарплатой мы можем себе это позволить, да только сейчас в городе нет ничего подходящего.

Коротая послеполуденные часы, которые она раньше проводила с Филиппом, Нуала взялась за изготовление стеганого лоскутного одеяла в качестве свадебного подарка, пуская в дело разные куски ткани, которые она накопила за последние годы. Не будучи швеей, как ее сестра, она испытывала немалые затруднения, но «ведь ценится не подарок, а намерение?» – спрашивала она себя, в сотый раз распуская очередной шов. По крайней мере, это занятие отвлекало ее от беспокойства о Филиппе (не забросил ли он тренировки?) и о Финне (все ли у него в порядке?). Возмездие за сожжение замка и бараков все еще продолжалось, и видения жутких пыток, испытываемых другими волонтерами от рук британцев, преследовали ее.

«Если хоть какие-то из этих страданий были вызваны моей информацией...»

Она передернула плечами. Потом сказала себе, что беспокойство еще никому не помогало, скрипнула зубами и сосредоточилась на шитье.

Очередные плохие новости пришли через несколько дней, когда в графстве Корк было объявлено военное положение. Это означало, что любого мужчину могли остановить и обыскать; если при нем находили оружие или бое припасы, его немедленно арестовывали и подвергали военно-полевому суду. Признанных виновными часто расстреливали. Также по всему графству был введен комендантский час, и никому из ирландцев не разрешалось покидать свои дома между восемью вечера и шестью утра.

– Но что, если член семьи умирает в соседней деревне или даже на соседней улице? – спросила Нуала, показывая Финну газету «Корк экземинар», где были напечатаны новые распоряжения.

– Патруль немедленно арестует тебя. – Финн пожал плечами.

– Здесь говорится, что могут арестовать за укрывательство подозреваемого волонтера, за «праздношатание» или просто за руки, засунутые в карманы... – Нуала с отвращением покачала головой.

– Хорошая новость состоит в том, что все горожане и сельчане еще больше возненавидели британцев за эти новые постановления. По словам Кристи, к нему обратилось около сорока добровольцев, желавших записаться в ИРА. Мы победим в этой войне, Нуала, клянусь, так и будет.

Финн продолжал регулярно уходить после наступления темноты, несмотря на комендантский час, в течение которого «черно-коричневые» и эсекцы патрулировали улицы и терроризировали местных жителей. Настояв на том, что она останется дома, а не отправится на ферму, Нуала проводила вечера за работой над лоскутным одеялом для Ханны. По крайней мере, она знала, что здесь всегда может обратиться к Кристи, которому из-за комендантского часа приходилось ночевать в помещении над пабом. Но когда позволяло время, Нуала ездила на велосипеде к своей семье за поддержкой и утешением.

– Иисусе! Ты видела это?! – Дэниэл хлопнул газетой по столу и указал мозолистым пальцем на заголовок. – Как он мог так поступить с нами, когда мы все сражаемся за освобождение его паствы от британской тирании?

Члены семьи собирались вокруг, обсуждая прочитанный в газете указ епископа Коркского, где было сказано, что любой католик, принимающий участие в засаде, будет признан виновным в убийстве и отлучен от церкви.

– Иисус, Мария и Иосиф! – пробормотала Эйлин. Она перекрестилась и тяжело опустилась на табурет. – Почти все наши волонтеры – католики! Когда они сражаются за свободу, им нужно чувствовать, что Бог на их стороне, а не закрывает им путь на небеса и низвергает в преисподнюю!

– И это все, что он может сказать после того, как «черно-коричневые» сожгли половину Корк-Сити! – Дэниэл сплюнул на пол.

– Думаешь, он подписал это под прицелом британской винтовки? – спросил Фергус.

– Возможно, ты прав, но я более чем уверен, что за это небесные врата захлопнутся перед ним, а не перед нашими храбрыми мужчинами и женщинами.

– Но они все равно будут сражаться? – спросила Нуала.

– Разве это помешает тебе делать то, чем ты занимаешься? – Дэниэл посмотрел на нее. – Разве это остановит любого из вас?

Брат и сестра переглянулись.

– Меня это точно не остановит, – сказал Фергус.

– Как и меня, – прошептала Нуала и потянулась к материнской руке за утешением.

Нуждаясь в обществе членов семьи после таких новостей, Нуала решила остаться на ночь. Ханна вернулась из магазина, и после ужина сестры поднялись наверх поговорить друг с другом.

– Как поживает твой будущий муж? – поинтересовалась Нуала после того, как они улеглись на кровать.

– Когда мы сегодня расстались, он ушел на мессу. – Ханна вздохнула. – Сказал, что ему нужно время, чтобы подумать над декларацией епископа. Я уже говорила тебе, что вера Райана может посрамить нас всех.

– Он считает этот указ правильным?

– Он говорит, что указ хотя бы удержит некоторых волонтеров от насилия, и это хорошо. Он хочет мира, Нуала. Вот и все.

– А Райан знает, что большинство из приглашенных на его свадьбу являются волонтерами ИРА?

– Я ему не рассказывала, и все остальные тоже молчат. Он имеет право на свое мнение. – Ханна предостерегающе взглянула на сестру. – Он все равно желает свободы для Ирландии, но имеет другие взгляды на достижение этой цели.

– Значит, мы будем просто сидеть и ждать, пока военные не перебьют нас всех, так? Я хотела бы показать ему кое-какие депеши, подписанные его героем, Майклом Коллинзом. Это он задумал идею формирования «летучей бригады», и...

– Думаешь, я этого не знаю? Но что я могу поделать? Через несколько дней я выхожу замуж за Райана, и этим все сказано.

Утром перед свадьбой Ханны в дверь коттеджа постучались. Когда Нуала открыла дверь, то увидела свою подругу Люси из Большого Дома.

– Здравствуй, Люси, рада видеть тебя. Зайдешь ненадолго?

– Я направляюсь на работу, но решила, что должна заглянуть к тебе и рассказать, прежде чем ты услышишь об этом от кого-то еще.

– В чем дело? – спросила Нуала, когда Люси последовала за ней в дом. Ее подруга, имевшая довольно хрупкое телосложение, теперь была похожа на испуганную птичку.

– Ох, Нуала... Думаю, тебе лучше присесть. У меня есть тяжелое известие для тебя.

– Что? Что случилось?

– Не знаю, как лучше сказать, но вчера... из комнаты молодого хозяина донесся громкий хлопок. Ее милость помчалась вверх по лестнице, но выстрел был в голову, и... его уже нет.

– Что? – Нуала в смятении затрясла головой. – Кого уже нет?

– Филиппа. Он взял свой служебный револьвер из ящика стола и выстрелил себе в голову. Мне очень жаль, Нуала. Я знаю, как нежно ты относилась к нему.

– Нет, – прошептала Нуала. – Почему? Ему становилось лучше, он начал самостоятельно ходить, выходил на улицу, и...

– После твоего ухода этого больше не было, Нуала. Морин поручили ухаживать за ним, пока леди Фицджеральд старалась найти новую сиделку. Морин говорила, что он сидел в кресле-каталке, глядел в окно и отказывался разговаривать с ней. Леди Фицджеральд так встревожилась, что вызвала врача, который прописал Филиппу какие-то таблетки, но...

– Как... она?

– Она заперлась в своей спальне и никого туда не пускает. Ты лучше многих понимаешь, как она любила этого паренька.

– Да, и... ох!

Голос изменил Нуале; она уронила голову на руки и расплакалась.

– Слушай, мне нужно идти, но я могу позвать соседку, чтобы она посидела с тобой.

– Нет! Никто не должен видеть, что я горюю по нашему врагу, Люси.

– Ты права, – согласилась Люси. – Береги себя, Нуала, и... мне очень жаль.

После ухода Люси Нуала забралась на велосипед и поехала в единственное место, где она надеялась обрести хоть какое-то утешение. Под холодным декабрьским дождем, промочившим ее до костей, она смотрела на голые ветви старого дуба.

– Филипп, если ты можешь слышать меня там, это я, Нуала, – прошептала она. – Мне жаль, мне так жаль, что пришлось покинуть тебя, но из-за той заварушки твоя мать не могла оставить меня в вашем доме. Да, это я виновата; я обманула твое доверие и никогда, никогда не прощу себя за это.

Дрожа от холода и сырости, Нуала встала и поехала в Тимолиг, а дождь хлестал с такой силой, что, казалось, она вот-вот утонет. Но ей было все равно. У дверей церкви она слезла с велосипеда и вошла внутрь. Перекрестившись и сделав реверанс перед алтарем, она опустилась на колени и обратился к Богу и Святой Матери Марии с просьбой о прощении. Потом она встала и подошла к стойке с церковными свечами. Достав пенни из кармана и опустив монету в чашку, она зажгла свечу в память о достопочтенном Филиппе Фицджеральде, протестанте, сыне местного земле владельца и ее друге.

– Покойся с миром, Филипп, я никогда не забуду тебя, – прошептала Нуала, глядя, как свеча разгоралась среди других, поставленных в память о душах католиков.

Потом она повернулась и вышла из церкви.

Мерри

Отель «Кларидж», Лондон Июнь 2008

20

Я потянулась за гигиенической салфеткой и высморкалась. Потом перевернула страницу потрепанной тетради.

«Я больше не могу писать».

Остальные страницы были пусты.

Я закрыла тетрадь и легла, думая об этой молодой женщине, носившей бремя целого мира на своих плечах и сражавшейся на войне, которая казалась безнадежной. Она была моложе моей дочери, но сталкивалась с ужасами, которые ни Мэри-Кэт, ни я сама и никто, не переживший войну, не мог себе представить. Однако теперь я могла понять, что семена насилия, посеянные в жизни Нуалы почти девяносто лет назад, затронули мою собственную жизнь с катастрофическими последствиями...

В моей голове теснились голоса из прошлого; эта особая, мелодичная каденция, которую Нуала передавала в своей рукописи, знакомые названия мест, которые я так долго хоронила в своей памяти.

Он вручил мне этот дневник много лет назад, чтобы я могла понять. И да, если это были слова его бабушки, это определенно объясняло его ненависть к британцам. За свою жизнь в Ирландии я усвоила одну вещь: здесь у всех была долгая память. И старые обиды редко прощались и забывались, но переходили из поколения в поколение.

Я вдруг зевнула и поняла, что нахожусь на грани нервного истощения. Прошое так долго было далекой страной, как в метафорическом, так и в физическом смысле, но теперь я приближалась к нему...

21

Стар Отель «Кларидж»

– Где она? Думаешь, она не придет?

Стар расхаживала по гостиной в своем номере и нервно поглядывала на часы.

– Уже десять минут восьмого. Нам нельзя потерять ее сейчас, Орландо.

– Не паникуйте, леди Сабрина, – ответил он и отхлебнул шампанского. – Я уверен, что мой план прекрасно работает.

– Хотела бы я быть такой же безмятежной, как ты, – пробормотала Стар. Она подняла трубку телефона и набрала «0». – Добрый день, это администратор? Не могли бы вы соединить меня с миссис Мэри Макдугал из номера 112? Спасибо, это очень мило с вашей стороны.

Стар подождала, пока администраторша соединит ее, и неодобрительно изогнула бровь в сторону Орландо, который наливал им обоим полные бокалы шампанского. Гудки продолжались невыносимо долго, прежде чем на другом конце линии подняли трубку.

– Алло? – отозвался сонный голос.

– Миссис Макдугал? Это Сабрина Воган. Мы с Орландо хотели бы знать, вы собираетесь прийти?

– Я... да, конечно. Господи, боюсь, что я просто задремала, когда опустилась на кровать. Как невежливо с моей стороны! Буду у вас через десять минут.

– Никаких проблем, миссис Макдугал. До скорой встречи.

Когда Стар повесила трубку, Орландо отсалютовал ей бокалом шампанского.

– Рыбка попала в сети!

– Право же, Орландо, мы ведь не охотимся на нее, а только хотим поговорить с ней. Пойду приведу себя в порядок.

Через пятнадцать минут в дверь постучали. Нервно разгладив подол юбки, Стар пошла открывать.

Мерри Макдугал стояла в коридоре, одетая в изящное нефритово-зеленое платье в сочетании с черными туфлями-лодочками. Ее светлые кудрявые волосы волнами падали на плечи вокруг тонко очерченного лица, сапфирово-голубые глаза контрастировали с бледной кожей. Стар по думала, как элегантно она выглядит, несмотря на недавнее пробуждение от сна, одолевшего ее после перелета. В руках Мерри

была маленькая сумочка, и Стар сглотнула, когда увидела изумрудный блеск кольца на ее пальце.

– Добрый день, миссис Макдугал, – сказала Стар, стараясь выглядеть как можно непринужденнее. – Заходите, пожалуйста.

Она отвела Мерри в просторную гостиную и увидела, что Орландо исчез в спальне.

– Прошу вас, садитесь, а я позову Орландо. Он только что беседовал по телефону... с винным поставщиком. Сейчас вернусь, – добавила она и нырнула в спальню. Орландо стоял у двери и явно подслушивал.

– Это она! – театральным шепотом произнесла Стар. – О боже, я так нервничаю! И догадайся что?

– Что?

– Я видела лишь мельком, но, похоже, у нее на пальце то самое кольцо.

– Как выражаются в наши дни, «дай пять»! – Но Орландо не стал хлопать Стар по ладони, а проворно вышел в гостиную.

– Миссис Макдугал, большое спасибо, что пришли. Пожалуйста, не трудитесь вставать, – добавил он, когда гостя встрепенулась на стуле.

– Прошу прощения за небольшое опоздание. Я уже сказала Сабрине, что джетлаг одолел меня и я вдруг заснула.

– Пожалуйста, не надо извиняться, миссис Макдугал. У нас с моей старой подругой Сабриной появилась возможность подготовиться и, так сказать, наверстать упущенное на алкогольном фронте. – Орландо кивком указал на свой бокал шампанского. – Кое-что из великого множества поступает к нам на дегустацию. Это из нового *кюве*^[18], в более доступной ценовой категории, чем ваш «Крюг» и «Дом Периньон», но на самом деле весьма приятное. Я сам не большой любитель шампанских вин, особенно когда игристый элемент затмевает вкус, что происходит в некоторых брендах, но это очень привлекательный напиток. Итак, присоединитесь ли вы к нам для дегустации остатков этой бутылки или предпочитаете выпить нечто иное?

– Это может показаться скучным, но я лучше буду пить воду во время интервью. У меня и так мысли путаются в голове. Да, и, пожалуйста, зовите меня Мерри, – добавила она, а Стар прошла к

стенной нише и вернулась с двумя бутылками минеральной воды в руках.

– С газом или без газа? – поинтересовалась Стар.

– Пусть будет газированная; так у меня хотя бы появится более праздничное настроение.

Орландо уселся в глубокое бархатное кресло напротив Мерри и указал на диктофон, лежавший на столе между ними.

– Вы не будете возражать против записи нашей беседы? Я не владею стенографией, но мне хотелось бы запечатлеть каждое слово, услышанное из ваших уст.

– Разумеется, не возражаю, – ответила Мерри и отпила глоток воды. – Что именно вы хотите узнать?

– Давайте начнем с самого начала. Судя по вашему произношению, я могу определить, что вы не уроженка Киви^[19]. Поправьте меня, если я ошибаюсь, – добавил Орландо, когда Стар опустилась на диван, – но, кажется, я различаю слабый намек на ирландский выговор.

Стар заметила, что Мерри слегка покраснела.

– У вас чуткий слух, хотя я уехала из Дублина сразу же после университета. Уже несколько десятилетий я живу в Новой Зеландии.

– Ах, вы одна из миллионов ирландских эмигрантов?

– Увы, да. В те времена мы все искали лучшей жизни за рубежом.

– По правде говоря, у меня есть приятели, которые учились в Тринити-колледже. Вы учились там или в Университетском колледже Дублина?

– В Тринити-колледже. Я изучала классическую литературу.

Орландо просиял:

– Тогда у нас есть много других тем для обсуждения, кроме вина. Греческая философия и мифология – это моя непреходящая страсть, и я порой сожалею, что не продолжил их изучение после университета.

– Да, и я тоже глубоко интересовалась этой темой. В детстве я буквально дышала древнегреческими мифами и жила среди них.

– Мой отец всецело поддерживал мое увлечение, – заметил Орландо. – А как было у вас?

– Мой крестный отец был членом ученого совета Тринити-колледжа, а потом стал главой факультета. Разумеется, теперь он уже давно на пенсии, а возможно, его даже нет в живых.

– Вы утратили контакт с ним? – настойчиво поинтересовался Орландо.

– Да, я... что тут говорить. – Мерри пожала плечами. – Вы знаете, как это бывает. Так или иначе, стоит ли рассказать, как мы с мужем основали винодельню?

– Я весь обратился в слух, моя дорогая леди.

– Мы с Джоком познакомились после моего приезда в Новую Зеландию, когда оба работали в отеле «Эрмитаж». Это у подножия горы Кука на Южном острове. Я работала официанткой, когда впервые встретила с ним. Он тоже начинал официантом, но к тому времени успел подняться до метрдотеля и сомелье. Еще тогда он страстно увлекался вином. Извините, наверное, это слишком далекое прошлое для вашей статьи...

– Мяч на вашей стороне, Мерри. Рассказывайте, что пожелаете, для меня все очень увлекательно.

Стар внимательно слушала, пока Мерри рассказывала о своей свадьбе, а потом о поездке в Гиббстонскую долину в центральном Отаго, где они нашли развалины старого каменного дома, который, по ее предположению, был построен во времена золотой лихорадки. Они влюбились в это место и потратили годы на его перестройку и реконструкцию.

– Мы ездили туда по выходным дням и во время отпуска. Джек тогда только начал ходить, но нам все нравилось. Мы с Джоком так полюбили эту долину, что решили вложить все наши сбережения в маленький виноградник.

По мере того как Мерри входила в ритм повествования, рассказывая Орландо, как они с Джоком работали без устали и купались в ручьях, пока не соорудили ванную, Стар украдкой перевела взгляд с ее лица на ее маленькие, изящные руки. Одна рука лежала на колене, и Стар видела, что кольцо действительно украшено изумрудами, расположенными в виде звезды вокруг алмаза. Она мысленно сфотографировала кольцо, потом встала.

– Прошу прощения, мне нужно в уборную, – сказала она и вышла из гостиной в спальню, закрыв за собой дверь. Она бросилась к своему портпледу, положила его на кровать и достала папку с конвертом, где лежал рисунок кольца. В уборной, за запертой дверью, Стар достала рисунок и посмотрела на него.

Все совпадало.

Она спустила воду, убрала конверт в прикроватную тумбочку и вышла в гостиную.

– Что касается подробностей о купаже сортов винограда, который мы сейчас используем, вам нужно поговорить с моим сыном Джеком, который сейчас находится в долине Роны, изучает местное виноградарство и методы, которые он может применить в нашем винограднике, – говорила Мерри. – Как известно, регион Отаго славится своим «Пино Нуар». Я запишу для вас номер Джека.

Когда Мерри наклонилась, чтобы достать из сумочки свой мобильный телефон, а Орландо предложил ей ручку и листок бумаги, Стар снова посмотрела на кольцо, чтобы убедиться.

– Вот его мобильный номер во Франции. Лучше звонить после четырех часов.

– Большое спасибо, миссис Макдугал. Думаю, ваша история будет источником для самой воодушевляющей статьи. Могу я попросить ваш мобильный номер на тот случай, если у меня возникнут новые вопросы?

– Разумеется. – Мерри добавила свой номер.

– Вы уверены, что не хотите выпить вместе с нами?

– Пожалуй, выпью капельку виски, – согласилась Мерри.

– Итак... – Стар завладела разговором, когда Орландо направился к мини-бару, – ...сколько вы собираетесь пробыть в Лондоне?

– Пока не знаю, может быть, два дня, две недели или два месяца... Теперь, после смерти Джока, когда Джек стал управлять винодельней, я свободна, как птица. Очень жаль, что моя дочь не присоединилась ко мне. Она еще никогда не была в Европе, – добавила Мерри, когда взяла бокал виски.

– *Sláinte*^[20], как говорят в Ирландии! – провозгласил Орландо.

– *Sláinte!* – повторила Мерри, и они чокнулись бокалами.

– Сколько лет вашей дочери? – поинтересовалась Стар, хотя знала об этом.

– Мэри-Кэт двадцать два года, она на десять лет младше Джека. После его рождения у нас были трудности с зачатием, поэтому мы взяли приемного ребенка.

– Мэри-Кэт заинтересована в семейном бизнесе? – спросил Орландо.

– Нет, вовсе нет. Она изучала музыку в университете и хочет сделать музыкальную карьеру.

– Тогда можно надеяться, что с вашим сыном у руля и с помощью этой статьи ваше семейное наследие действительно привлечет внимание всемирной винодельческой индустрии.

– Я тоже надеюсь на это. Джек мечтал об этом. – Мерри грустно улыбнулась уголками рта.

– Вы, подобно мне, больше не развивали ваши профессиональные навыки после университета, – задумчиво произнес Орландо. – Интересно почему.

– Ну, я попробовала свои силы в Мастерсе^[21], надеялась получить кандидатскую степень, но... у жизни были другие планы.

– Как и у многих из нас, – со вздохом согласился Орландо.

– У вас очень красивое кольцо, – заметила Стар, решившая развить эту тему, пока не поздно. – Необычная форма семиконечной звезды.

– Спасибо. Я получила его от крестного отца, когда мне исполнился двадцать один год.

– Эта семиконечная звезда напоминает мне о Плеядах, созвездии «Семи Сестер»... – сказала Стар.

– Да, я всегда увлекался этим мифом, – вставил Орландо. – Особенно историей о потерянной сестре. Я был бы очень рад пофилософствовать с вами на эту тему, если у вас найдется время. Может быть, завтра вечером, когда я закончу свои интервью? – Орландо выразительно посмотрел на Стар. – Сабрина, ты ведь сможешь присоединиться к нам?

– Наверное, хотя мне нужно... посоветоваться с Джулианом. – Стар чувствовала, что теряет осторожность, но ей отчаянно хотелось узнать как можно больше.

– Звучит заманчиво. – Мерри резко выпрямилась и поставила бокал виски на стол. – А теперь прошу меня извинить; мне нужно идти, иначе я усну прямо на стуле. Спасибо за виски и за приятную беседу.

Стар и Орландо встали, глядя ей вслед, когда она направилась к выходу.

– Как насчет завтрашнего вечера, в половине девятого, в здешнем ресторане Гордона Рэмси?^[22] – окликнул Орландо.

– Отлично. Спокойной ночи, Сабрина, Орландо.

Дверь захлопнулась, прежде чем они успели произнести хоть слово. Они переглянулись, потом Орландо снова опустился в кресло и отхлебнул шампанского.

– Вот дерьмо! – Стар редко употребляла бранные слова, но она была раздосадована. – Ты спугнул ее своим упоминанием о потерянной сестре.

– Возможно, это была оплошность, – вздохнул Орландо. – Хотя ты сама указала на ее необычное кольцо.

– Мне нужно было что-то сказать, Орландо. Когда я вышла из комнаты, то сравнила кольцо с рисунком, полученным от Алли. Без сомнения, это *то самое* кольцо. И она носит его! Мне нужно позвонить в Атлантис и поговорить с Майей и Алли...

– Обожди минутку, Стар. Давай-ка немного подумаем. Для меня очевидно, что миссис Мерри Макдугал что-то скрывает. Из ее страха при упоминании о потерянной сестре можно сделать вывод, что это имеет некое отношение к ней. Обратимся к известным фактам: почему она так внезапно покинула Тринити-колледж, не окончив магистратуру?

– Я...

– Понимаю, что причина может быть простой, но дай мне закончить. Умная и образованная женщина вдруг захотела уехать как можно дальше от Ирландии, а потом нашла убежище в некоей живописной, но уединенной долине и отказалась от академической карьеры. По-моему, все эти десятилетия она только и делала, что скрывалась. Но от чего? Или, точнее, от кого?

– А ты не преувеличиваешь, Орландо? Я хочу сказать, что нежелание продолжать научную карьеру еще ничего не значит. Может быть, она просто влюбилась.

– Возможно, но если ты сопоставишь ее жизненный путь с ее очевидным нежеланием общаться с твоими сестрами, хотя ее дочь лишь сообщила, что они ищут родственные связи с вашей семьей, а кольцо служит ключом для опознания личности, то у нас складывается образ женщины, которая боится разоблачения и его последствий для себя... и для своей дочери, – задумчиво добавил он.

– Возможно, ты читаешь слишком много детективных романов, но я согласна, что она действительно чего-то боится. Досаднее всего, что

женщина, которая сейчас спит несколькими этажами ниже, имеет все ответы для решения нашей головоломки, но мы не можем настаивать, чтобы не отпугнуть ее. Сиси сказала, что Мэри-Кэт никогда не пыталась узнать о своих биологических родителях. Поскольку мы считаем, что она *может* оказаться нашей потерянной сестрой, то, наверное, мы могли бы позвонить ей и предложить морской круиз в честь Па Солта вместе с нами. Но...

– Но, поскольку мать Мэри-Кэт обходит молчанием этот вопрос, ты полагаешь, что это может оказаться неуместным.

– Да. Мы встретились с ней под ложным предлогом, и было бы... некрасиво воспользоваться этой информацией, чтобы о чем-то договариваться с ее дочерью у нее за спиной. Ох, дорогой Орландо, что за кашу мы заварили! – вздохнула Стар.

Некоторое время они размышляли в молчании.

– Возможно, есть другой способ разыскать информацию об удочерении Мэри-Кэт, – наконец сказал Орландо. – По какой-то причине, известной лишь ей самой, Мерри не хочет, чтобы ее дочь выясняла свое происхождение. Но мы не должны забывать, что у Мерри есть сын по имени Джек. Можно кое-что предложить?

– Давай.

– Я позвоню в Атлантис и узнаю, сможет ли Майя отправиться во Францию для встречи с ним. Женева находится недалеко от Прованса, и у меня на диктофоне записан адрес того места, где он остановился. Мерри сказала, что Джеку тридцать два года и что ему было десять, когда в семье появилась Мэри-Кэт. Несомненно, он помнит, как это было, и, возможно, кое-что знает о прошлом матери.

– Может быть, хотя если Мэри-Кэт ничего не знает о прошлом своих приемных родителей, то почему Джек должен знать? Орландо, мы не можем просто отпустить Мерри, не встретившись с ней еще раз. Я хочу открыть карты и сказать ей, кто мы такие на самом деле. Я чувствую себя ужасно из-за нашего обмана. Это не игра, Орландо, совсем не игра.

– Да. Хорошо, я обещаю, что мы не упустим ее, даже если мне придется всю ночь просидеть перед дверью миссис Макдугал, – твердо сказал Орландо. – А теперь я вернусь к себе в номер, чтобы немного подумать. Свяжемся позднее, когда я прочищу себе голову. Тем

временем позвони в Атлантис и скажи своим сестрам, что одной из них нужно съездить в Прованс. Я сообщу тебе точный адрес.

Он решительно направился к выходу, но помедлил у двери и повернулся к Стар.

– Вероятно, нам нужно задаться следующим вопросом: откуда Мерри получила это кольцо? Что ж, до встречи.

С этими словами Орландо ушел. Стар с трудом встала и устало поплелась в спальню, где уютно расположилась для разговора с Майей и Алли. Она постаралась мысленно разложить по полочкам все, о чем собиралась им рассказать.

Набрав номер Атлантиса, она стала ждать соединения и открыла ящик прикроватной тумбочки, чтобы достать конверт с рисунком кольца.

– Привет, Ма, это Стар. Как поживаешь?

– Хорошо, милая. Радуюсь прекрасной летней погоде и, конечно же, обществу твоих сестер. А ты? У тебя все нормально?

– Да, спасибо. Я... – Стар остановилась на полуслове, не зная, как много ее сестры рассказали Ма о поисках потерянной сестры. – Я могу поговорить с Майей или с ними обеими?

– Разумеется; они на веранде, и я знаю, что им не терпится поговорить с тобой. Очень надеюсь, что скоро увижу тебя здесь.

Пока Стар ждала, когда сестры подойдут к телефону, она напомнила себе о необходимости позвонить Мыши сразу же после разговора и убедиться в том, что он накормил Рори и уложил мальчика в по стель.

– Стар! Это Алли и Майя. Мы на громкой связи

– Привет, Стар, – сказала Майя. – Есть новости для нас?

– Да. Генеральный план Орландо сработал, и я только что провела целый час в обществе Мерри Макдугал.

На другом конце линии наступило молчание. Потом обе сестры заговорили одновременно:

– Ого!

– Что она сказала?

– Мэри-Кэт на самом деле наша потерянная сестра?

– Обождите немного, и я расскажу все, что знаю, хотя до сих пор стараюсь осмыслить это. Во-первых, и, пожалуй, это самое важное, когда она вошла, я сразу заметила у нее на руке то самое кольцо. Пока

Орландо расспрашивал ее насчет виноградника, я заглянула в спальню и сравнила мои впечатления с вашим рисунком. Это и впрямь одно и то же кольцо.

– Замечательная новость! – сказала Майя. – Ты спросила, как она получила это кольцо?

– Она сказала, что это был подарок на ее совершеннолетие. Когда ей исполнился двадцать один год, она получила кольцо в подарок от своего крестного отца, профессора классической литературы из Тринити-колледжа в Дублине, где она училась.

– А ты сообщила ей, что кольцо подтверждает факт родства ее приемной дочери с нами? – встряла Алли.

– Нет. Как только я упомянула о необычной форме кольца и Орландо заявил, что он испытывает особый интерес к мифу о Плеядах и о потерянной сестре, она просто встала и ушла. Она явно испугалась. Мы с Орландо пригласили ее на ужин завтра вечером, но опасаемся, что она снова может сбежать. Очевидно, что по этой же причине она избегала Сиси и Крисси, когда они отправились на тот остров, а потом скрылась от Электры, когда та прилетела в Канаду. А теперь она может убежать от нас. Честно говоря, я ужасно переживаю из-за того, что мы заставили ее встретиться с нами под ложным предлогом.

Наступила пауза. Стар слышала, как сестры перешептываются друг с другом.

– Я понимаю, Стар, – сказала Майя. – Единственная причина, которая приходит на ум, она не хочет, чтобы ее дочь узнала о своих биологических родителях. Это самое разумное объяснение, правда?

– Полагаю, что так... но она выглядела очень испуганной перед уходом. – Стар вздохнула. – Даже Орландо в недоумении. У него вроде бы есть план, гарантирующий, что она не уедет из отеля без его ведома, не спрашивайте, какой именно. Но на тот случай, если мы снова потеряем ее из виду, Орландо считает, что одной из вас нужно отправиться в Прованс и поговорить с Джеком, братом Мэри-Кэт. Возможно, ему больше известно о матери и о ее прошлом.

– Возможно, но как он может знать об удочерении Мэри-Кэт больше, чем она сама? – спросила Алли.

– Он на десять лет старше и может что-то помнить. К тому же у него нет такой эмоциональной вовлеченности в ситуацию, как у его

матери.

– Мы точно знаем, что он находится в Провансе? – осведомилась Майя.

– Я сообщу вам адрес винодельни, где он находится, адрес есть в записи у Орландо, но может ли кто-то из вас поехать туда? Скажем, завтра?

– Это пять-шесть часов езды от Женевы, – сказала Майя.

– Пришли нам адрес, и мы свяжемся с тобой после того, как обсудим подробности, ладно? – добавила Алли.

– Хорошо, – согласилась Стар.

– И, пожалуйста, поблагодари Орландо за помощь, – сказала Майя. – Ты пока что единственная, кому удалось встретиться с Мерри лицом к лицу.

– Даже если мое выступление в роли леди Сабрины было дешевой, Орландо блестяще разыграл свою партию. – Стар тихо рассмеялась. – Знаешь, это звучит странно, но ее лицо действительно напоминает мне кого-то из моего прошлого. Только я не знаю, кого именно.

– Если вспомнишь, сообщи. Правда, у вас все отлично получилось. До скорого, Стар.

Стар дала отбой, растянулась на кровати и на несколько секунд закрыла глаза. Потом глубоко вздохнула, открыла глаза и набрала номер Мыши. Гудки тянулись целую вечность, но он наконец ответил.

– Привет, милая, как ты там? – послышался его глубокий баритон в ее ухе.

– Спасибо, отлично. Просто хотела пожелать спокойной ночи и убедиться, что ты накормил Рори и уложил его в постель. – Она улыбнулась.

– Разумеется, я все сделал! Я способен позаботиться о своем ребенке, даже когда тебя нет рядом.

– Знаю, но в последнее время ты очень занят.

– Так и есть. Ну, как прошло то «дельце», которое вы с Орландо собирались проверить в Лондоне?

– О, это было... нормально. Все сложно, Мышь. Объясню, когда вернусь домой.

– Звучит весьма загадочно, дорогая.

– Как я уже сказала вчера вечером, это имеет отношение к моей семье и к организации церемонии для Па Солта. Я буду дома либо завтра, либо послезавтра утром. Ты случайно не собираешься в Лондон завтра вечером? Здешний номер великолепен, и я уверена, что смогу убедить няню Дженни провести ночь с Рори.

– Прости, но я застрял здесь.

– Я... ну, ладно.

– Все хорошо, милая. Будем на связи.

– Да, и обними Рори за меня. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Закончив разговор, Стар опять глубоко вздохнула. Почему ей до сих пор было так трудно выражать свои чувства? Вероятно, эта привычка закрепилась после долгих лет жизни с Сиси, а может, она просто была такой по характеру. Но держать чувства при себе оказалось вредно для здоровья и едва не разрушило отношения с ее дражайшей сестрой. Она знала, что Мышь любит ее, но он принадлежал к тому особому сорту англичан, которые тоже не расположены выказывать свои чувства. Стар это понимала, но при ее неспособности сказать, что ей нужно от него, – возможность провести вместе хотя бы один вечер без разговоров о работе и реконструкции дома, – и внешней эмоциональной замкнутости Мыши их общение оставляло желать лучшего.

– Ты должна хотя бы попробовать, – пробормотала она себе под нос, когда на столике рядом с ней зазвонил гостиничный телефон.

– Мадам, вам звонят из номера 161. Соединить?

– Да, спасибо.

– Дорогая Стар, тебе удалось связаться с сестрами? – раздался благозвучный голос Орландо.

– Да, и они собираются перезвонить мне, когда обсудят план действий.

– Но ты настояла на том, чтобы кто-то из них при первой возможности отправился в Прованс?

– Да, Орландо. Я уверена, что Майя поедет.

– Хорошо, хорошо. Между тем я гарантировал, что, если наша миссис Макдугал выйдет из отеля, мы сразу же узнаем об этом. Я позвоню тебе, когда получу информацию от моего... связника, что она покинула свой номер.

Стар невольно рассмелась:

– Признайся, Орландо, ты же просто получил удовольствие от этого!

– Каюсь, за мной водится такой грешок, хотя мы еще далеки от решения этой загадки. Теперь вот что. Убедись, что твой комнатный телефон не заблокирован, а твой мобильный телефон заряжен и не стоит на беззвучке.

– Хорошо. Да, и мне нужен адрес Джека в Провансе.

– Винодельня «Менуэт» в Шатонёф-дю-Пап. Я собираюсь сидеть в моей сравнительно убогой коматенке и продолжать размышления. Пока что желаю спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Орландо. Добрых снов, и спасибо тебе.

Стар отправила Алли адрес Джека в текстовом сообщении и наскоро ополоснулась под душем. Несмотря на угрызения совести, ее разбирал смех от эксцентричных выходок Орландо. Если Мышь был очень серьезным и поглощенным работой, его брат часто вызывал у нее улыбку. Когда она легла в постель и выключила свет, то поблагодарила небеса за его присутствие в своей жизни.

Атлантис

– Я нашла его, – заявила Алли, когда вышла из-за створчатой застекленной двери на кухню, а потом на веранду, где сидела Майя. Солнце опускалось за горы и окрашивало небо в сочные оранжевые тона. – *Кюве* находится в деревне Шатонёф-дю-Пап в долине Роны, ближайший аэро порт в Марселе. Или ты можешь просто доехать туда на автомобиле, потому что, пока ты доберешься до Женевского аэропорта и пройдешь все процедуры, а потом возьмешь в Марселе автомобиль, пройдет больше вре мени.

– Хорошо, – тихо отозвалась Майя.

– Ты рада поездке, правда?

Майя устало вздохнула:

– Я неважно себя чувствую, Алли.

– Я же говорила, что тебе еще несколько дней назад нужно было обратиться к врачу. Чем скорее ты выяснишь, что это такое, тем...

– Алли, я знаю, что это такое. Дело не в том!

– Вот как?

– Да. Я не хотела говорить тебе до встречи с Флориано на следующей неделе, но...

– Что же это? Скажи, пожалуйста, а то я представляю себе разные ужасы.

– На самом деле беспокоиться не о чем. Я вполне здорова, и...

– О господи! – Алли посмотрела на нее, потом откинула голову и рассмеялась. – Ладно, Майя, я знаю, что это такое. Ты...

– Да, я беременна. Когда я отправилась в Женеву с Кристианом, то купила тест, и результат оказался положительным. Вообще-то, я приобрела три теста, они спрятаны в моем ящике для нижнего белья в Павильоне, и все они оказались положительными!

– Но это же замечательная новость! – Алли встала и порывисто обняла Майю. – Ты довольна, да?

– Разумеется, но это пробудило кое-что из моего прошлого.

– Ох... – Алли посмотрела на сестру. – Я понимаю.

– И, кроме того, меня *постоянно* мутит. А когда у меня нет тошноты, я жду, что она опять подкатит, понимаешь?

– Конечно, дорогая. Я тоже прошла через это.

– И мы с Флориано... в общем, мы еще не поженились, а ведь нужно подумать и о Валентине. Как она отнесется к появлению нового брата или сестры?

– Не думаю, что наличие или отсутствие супружества играет какую-то роль в наши дни, Майя. Ты уже почти год живешь вместе с Флориано, и я никогда не видела тебя такой счастливой. Честно говоря, я думаю, что он будет в восторге и Валентина тоже. Я уверена, что это еще больше сблизит вас. Если ты считаешь, что важно заключить брак, я уверена, что Флориано не будет возражать.

– Нет. – Майя впервые улыбнулась. – Вовсе нет. Он сделал мне предложение, как только я переехала к нему. Это я хотела подождать. Но ты понимаешь, почему это отсылает меня в прошлое, правда? Я хочу сказать... – Майя наклонила голову и прижала ладонь ко лбу. – Если я сохраню этого ребенка и выращу его, то почему я не сохранила своего сына столько лет назад? Ох, Алли, у меня в голове все перепуталось... Все эти ощущения, связанные с беременностью, переносят меня в то время, когда я училась в Парижском университете

и чувствовала себя испуганной и одинокой. Родить ребенка, который никогда не признает меня своей матерью, а я не буду знать его как своего сына! Я... как я могла отдать его? Как я могла?

Алли держала свою сестру в объятиях, пока Майя выплакивала слезы горя, которое она носила в себе последние пятнадцать лет.

– И вдобавок ко всему отцом моего ребенка был Зед Эсзу! Он плохой человек, Алли. Мы знаем, что он преследовал Тигги и Электру. Почему он это делает? Его одержимость нами просто не может быть случайной. Он не оставляет нашу семью в покое!

– Я тоже думала об этом, – призналась Алли.

– Я единственная выносила его ребенка, но, по крайней мере, он никогда не узнает об этом.

– Ты не хочешь, чтобы он узнал?

– Никогда! Мне неизвестно о его делах в бизнесе, но я хорошо знаю его как человека. Он получает желаемое, а потом идет дальше. У него нет абсолютно никаких принципов, как и чувства вины.

– Отсутствие чувства вины или сопереживания – это признак психопата. Может, он и есть психопат?

– Не знаю. – Майя высморкалась. – Но его увлечение мною в Париже, а потом обхаживание наших сестер определенно не является слу чайным.

– Еще более странно, что яхта его отца была пришвартована рядом с яхтой Па, когда я радировала на «Титан», пытаюсь связаться с Па Солтом в прошлом июне. «Олимпия» была на радаре. Так или иначе, Майя, хватит об этом. Я просто хочу, чтобы ты была довольна этой замечательной новостью.

– А ты была довольна, когда узнала о своей беременности?

– И да, и нет. Как и у тебя, у меня был внутренний конфликт. Наверное, так случается у большинства женщин, даже если их обстоятельства не такие сложные, как у нас с тобой.

– Но ты не дрогнула и сохранила ребенка, хотя потеряла своего любимого Тео. Мои обстоятельства не слишком изменились за все эти годы.

– Прошу тебя, Майя! Мне было не девятнадцать лет, и я не начинала свою взрослую жизнь и карьеру, как это было с тобой. Я была тридцатилетней женщиной, я всей душой любила отца ребенка и

знала, что этот ребенок был даром свыше, возможностью иметь рядом частицу Тео. У меня были совершенно другие обстоятельства.

– Спасибо, что ты стараешься утешить меня и оправдать мою разлуку с ребенком. Но это не поможет, Алли, ничего не поможет.

– Может быть, но ты все равно не должна допускать, чтобы твоя вина в прошлом влияла на твое настоящее и будущее. Этот ребенок – начало новой жизни для тебя, Флориано и Валентины. Будет очень печально, если ты не сможешь принять это, ради них и ради себя.

Майя немного помолчала, глядя на Алли, ее блестящие темные глаза были еще мокры от слез. Потом она кивнула:

– Ты права, я сделаю это ради них. Спасибо тебе, Алли.

– А знаешь, мы потеряли Па в прошлом году, но будто заново обрели друг друга, – задумчиво сказала Алли. – Все эти годы ты никогда по-настоящему не разговаривала со мной. Мне очень не хватало моей старшей сестры.

– Пожалуйста, прости меня за это. Мне было так стыдно... Я так долго ненавидела себя, но ты права: пора двигаться дальше.

– Да, ты должна это сделать. Последний вопрос: ты когда-нибудь задумывалась о поисках своего сына?

– Я всем своим существом хочу узнать его, крепко обнять и сказать, что я люблю его. После разлуки не было ни дня, чтобы я не вспоминала о нем и не думала, где он сейчас и чем занимается... Но я не могу. Это важно для *меня*, а не для него. Я даже не знаю, сообщили ли ему его нынешние родители, что он является приемным сыном. Вернуться сейчас в его жизнь – значит полностью нарушить ее ход. Сейчас ему пятнадцать лет, и это ранимый возраст: еще не юноша, но уже не ребенок. Скоро он будет взрослым. А потом, есть еще его родители. Они – по крайней мере, я на деюсь на это – любили его как собственного ребенка с самого первого дня его жизни. Как они отнесутся к внезапному появлению его настоящей матери?

– Не представляю, но понимаю, о чем ты говоришь.

– Возможно, я еще увижусь с ним. – Майя вздохнула. – Если он захочет связаться со мной... Уверена, он мог бы это сделать, если бы захотел.

– Кстати, я до сих пор убеждена, что это проблема и для Мерри: она явно не хочет, чтобы другая семья похитила ее любимую дочь.

– Согласна, но, конечно же, только Мэри-Кэт имеет право решить, хочет ли она встретиться со своей биологической семьей, или кто мы там для нее? То же самое и с моим сыном, – добавила Майя.

– Как сказала Сиси, Мэри-Кэт раньше не приходило в голову искать своих биологических родителей. Незнание абсолютно устраивало ее.

– Тогда стоит ли нам вмешиваться? Ей бы следовало сначала поговорить об этом со своей матерью.

– Судя по нашим телефонным разговорам, теперь ей хочется узнать. Ох, боже мой, – вздохнула Алли. – Ведь, судя по словам Стар, это кольцо с изумрудами доказывает, что Мэри-Кэт именно та, кого мы ищем. Но с учетом того, что она находится в Новой Зеландии, а ее мать в Лондоне и вряд ли скоро вернется домой, она едва ли сможет присоединиться к нашему круизу.

– Скажу в тысячный раз: больше всего мне хочется, чтобы Па Солт был здесь и объяснил нам, что нужно делать, – сказала Майя.

– Увы, его нет с нами. Но, думаю, Орландо прав: прежде чем вернуться к Мэри-Кэт и сообщить ей, что кольцо оказалось тем самым, тебе нужно съездить в Прованс и встретиться с Джеком.

– Алли. – Майя посмотрела на нее. – Прости, но я слишком плохо себя чувствую для такого путешествия. Меня все время мутит, и я просто не смогу нормально управлять автомобилем.

– Понимаю... Ладно, что есть, то есть. Очень жаль, поскольку я видела на сайте, что на винограднике есть очень милое *gîte*^[23], которое сдается в аренду для посетителей. В настоящий момент оно пусто. Я знаю, как ты любишь Францию, особенно с тех пор, как обнаружила там свое семейное наследие. Это часть твоей личности, Майя.

– Извини, Алли. Хотя ты права и мне бы очень хотелось посетить Прованс, но я просто не могу.

– Тогда я позвоню Тигги и узнаю, сможет ли она прилететь туда. Это же недалеко от Шотландии, так?

– Да, но... Алли, а почему ты сама не поедешь?

– Я?! Ты можешь представить, что будет с Бэром после пятичасовой автомобильной поездки? Это исключено.

– Думаю, ты могла бы на пару дней оставить Бэра в Атлантике со мной и Ма. Это пойдет тебе на пользу, Алли. С момента его рождения ты никогда не расставалась с ним больше чем на несколько часов. Ты

сказала мне, что уже начала искусственное вскармливание, потому что он постоянно голоден. Ты можешь оставить запас собственного молока перед отъездом.

– Ох, Майя, я не могу. Что, если он заболит? Если у него начнется жар? Как я могу оставить его здесь? Я...

– Пусть это звучит покровительственно, но Ма вырастила шестерых младенцев, и она вполне способна разобраться с любыми проблемами. Она обожает Бэра, и он вроде бы тоже любит ее. Да и ко мне он неплохо относится, – с улыбкой добавила Майя.

– Ты хочешь сказать, что он не нуждается в собственной матери?

– Конечно нет, Алли. Я говорю, что даже *ты* должна признать: ты устала от постоянного напряжения и больше не можешь справляться со всем сама. Думаю, поездка по живописной сельской местности, чудесное жилье в долине Роны и возможность провести хотя бы несколько дней и ночей в одиночестве сослужит тебе добрую службу. Для матери совершенно нормально оставлять своего ребенка на попечении у бабушки и любящей тети. Ты хотя бы думала об этом?

– Да, но...

– Никаких «но», Алли. Просто подумай об этом. А теперь я собираюсь пораньше лечь в постель. Ма настояла, чтобы я выпила молочный коктейль перед сном, какой она готовила для нас, когда мы были маленькими. – Майя улыбнулась. – Выспись как следует, и спасибо тебе. Наш разговор действительно помог мне. Пожалуйста, пока никому не говори о моей беременности, даже Ма... Сначала я хочу побеседовать с Фло риано.

– Можешь верить моему слову.

– Как всегда. Спокойной ночи, дорогая. – Майя поцеловала рыжие кудри Алли и ушла на кухню.

Алли откинулась на спинку стула, глядя на насекомых, жужжавших вокруг ламп в саду. Она задумалась над предложением Майи и поначалу отвергла его, потому что оно казалось совершенно неуместным. Прошел уже почти год с тех пор, как Бэр стал неотъемлемой частью ее жизни. Она проводила с ним каждый день. С другой стороны, мысль о поездке в Прованс на самом деле выглядела *привлекательно*. Она могла взять старый спортивный «Мерседес» с открытым верхом, который Па держал в гараже рядом с понтонным причалом в Женеве. Однажды он забрал ее на нем из аэро порта после

автомобильной гонки, и они вдвоем поехали в Ниццу для встречи с «Титаном». В салоне громко играла «Волшебная флейта», и ветер трепал ей волосы.

– Тогда я чувствовала себя такой свободной... – прошептала Алли.

Она посмотрела на часы и увидела, что уже больше десяти вечера. Она прошла на кухню, где Ма готовила бутылочки для Бэра.

– Уже поздно, Ма. Я сама могла заняться этим.

– Никаких проблем, Алли. Сегодня я собираюсь сама провести ночные кормления. Если я скажу, что люблю эти моменты, когда весь остальной мир неподвижен, а довольный младенец спит у меня на руках, назовешь ли ты меня сумасшедшей?

– Никогда. – Алли достала бутылочку из стерилизатора и поставила ее на стол, чтобы отнести наверх и сцедить немного молока для завтрашнего утреннего кормления.

– Майя только что сказала мне, что поездка в Прованс необходима, – сказала Ма. – Поскольку Майя не вполне здорова, она предложила твою кандидатуру. Ты знаешь, как я рада ухаживать за маленьким Бэром. В сущности, это удовольствие для меня.

– Майя вознамерилась отправить меня, но я не вполне уверена, что хочу этого.

– Конечно, тебе решать, но, если ты должна с кем-то встретиться, чтобы побольше узнать о своей потерянной сестре, советую серьезно обдумать это дело. Я знаю, что твой отец очень сильно хотел найти ее. Ну, ладно, – вздохнула Ма. – Делай то, что считаешь правильным для себя, Алли. И даже если ее не удастся найти до нашего круиза, самое важное то, что она *нашлась*.

– Но если она не захочет стать частью нашей семьи? Судя по словам Сиси и Крисси, у Мэри-Кэт есть любящая приемная семья, хотя она недавно потеряла отца. А ее мать явно недовольна нашим вторжением в жизнь ее дочери. Я знаю, что Па Солт хотел этого, но иногда, по разным причинам, ничего не выходит.

– Знаю, знаю, Алли. Только не расстраивайся: это последнее, чего хотел бы твой отец. Ты поднимешься в спальню вместе со мной или останешься здесь?

– Я с тобой.

Они выключили свет на кухне и поднялись по лестнице.

– Спокойной ночи, Ма, – сказала Алли, повернувшись к одной из гостевых комнат на втором этаже. – Ма?

– Да, милая?

– Есть ли... Я хочу сказать, знаешь ли ты что-нибудь такое о жизни Па, что могло бы помочь нам?

– Увы, Алли, я знаю очень мало. Твой отец был замкнутым человеком и не делился со мной своими секретами.

– Но они же были, эти секреты?

– Да, милая, я так думаю. Спокойной ночи.

Проходя по коридору, Алли помедлила перед дверью Па Солта. Она осторожно положила руку на дверную ручку, но потом передумала. Сегодня ночью ей нужно выспаться, а не гоняться за призраками прошлого.

Войдя в уютно обставленную комнату для гостей, она быстро разделась и легла в постель.

– Кто ты, Па? Кем ты был? – прошептала она перед тем, как уснуть.

– Я собираюсь в Прованс, – рано утром сообщила Алли, входя в комнату Ма. Словно по суфлерскому жесту, Бэр залился плачем. Алли поспешила к кроватке, взяла вопящего младенца на руки, потом опустилась на стул и начала кормить его. Последовала восхитительная тишина. Ма опустилась на диван напротив, элегантная в ярко-синем шелковом халате.

– Думаю, это отличная мысль, Алли.

– Сейчас всего лишь шесть утра, – сказала Алли и посмотрела в окно, где солнце уже выглядывало из-за гор. – Если я тронусь в путь через час, то после полудня буду в Провансе.

– Алли, ты не хочешь, чтобы Кристиан повез тебя туда? Тогда ты сможешь расслабиться и наслаждаться пейзажами.

– Нет. Прошла уже целая вечность с тех пор, как я совершала автомобильное путешествие, и, если Бэра не будет рядом, я прекрасно обойдусь сама, только включу музыку погромче.

– Я позабочусь о малыше до твоего возвращения, – сказала Ма.

– Знаю, Ма. Вчера вечером я подумала, что должна в какой-то момент вернуться к работе, но пока не знаю, когда и что это будет. Поэтому мне так или иначе придется оставлять его под присмотром других людей.

– Не торопись, Алли. У тебя был чрезвычайно тяжелый год. Еще есть время, чтобы принять решение о будущем.

– Я собиралась спросить Георга, можно ли будет одолжить немного денег из фонда Па Солта, который он учредил для всех нас, – сказала Алли, перекладывая Бэра от одной груди к другой. – Знаю, мне достаточно лишь попросить, но он всегда казался мне и другим сестрам слишком грозным и неприступным.

– Могу заверить, что Георг – один из добрейших людей, которых я знаю. Мне известно, что он хочет побеседовать с вами о дальнейшем управлении фондом, когда вы все соберетесь на «Титане». По его выражению, он лишь временный смотритель до тех пор, пока вы шестеро не будете готовы самостоятельно управлять фондом. А теперь, если ты не против, я поднимусь наверх и переоденусь. Мне позвать Кристиана, сказать ему, чтобы через час он подвел катер к причалу?

– Да, пожалуйста. И передай, что я собираюсь поехать на старом «Мерседесе» с открытым верхом.

– Конечно, Алли. Увидимся внизу.

* * *

– Значит, сцеженное грудное молоко стоит в холодильнике, и нужно только следить за его температурой, она немного повысилась за последние два дня, и...

– Пожалуйста, Алли, доверь мне заботу о твоём драгоценном малыше, и до скорой встречи, – сказала Ма. Она поцеловала Алли в щеку и отступила от причала, у которого стоял скоростной катер.

– До свидания, Алли. – Майя обняла ее. – Будь на связи.

– Обещаю. *Au revoir!*

Алли махала им, пока Кристиан отводил катер от причала. Обычно она сама вставала за руль, но сегодня решила посидеть сзади и полюбоваться очередным великолепным утром на озере. Вода

блестела и переливалась под солнцем, когда они набрали скорость и помчались к Женеве. Кристиан знал, что его пассажирка не страдает от качки, поэтому сразу дал полный ход. Алли видела, что за рулем он чувствует себя в своей стихии; его лицо покрывал ровный коричневый загар, широкие плечи были расслаблены.

Хотя сначала ей было не по себе от первого расставания с Бэром, плавание успокоило ее и напомнило о том, кем она была до рождения Бэра.

В прошлом году она в это время тренировалась вместе с командой и находилась на пике спортивной формы.

А потом она влюбилась...

– Я всегда буду помнить эти несколько недель как лучшие в моей жизни, – прошептала она, глядя в небо.

Кристиан начал сбрасывать ход и направлять катер к понтонному причалу. Алли спрыгнула на понтон, чтобы закрепить веревки, а Кристиан подхватил свой вещмешок и присоединился к ней на суше.

Рядом с причалом был припаркован маленький спортивный автомобиль со сложенной крышей; солнце блестело на гляцевитой зеленой поверхности. Алли посмотрела, как Кристиан принимает ключи от машины у молодого человека в безупречно белой футболке и шортах. Они обменялись парой фраз, потом юноша помахал им и направился к велосипеду.

– Я попросил Жюльена из местного гаража проверить масло и залить полный бак, – сказал Кристиан. – Автомобиль старый, но, по словам Жюльена, все в полном порядке, так что у вас не будет проблем.

– Должно быть, теперь это винтажная машина. – Алли усмехнулась, беря ключи у Кристиана.

– Вы уверены, что хотите вести машину сами, Алли?

– Вполне уверена, – ответила она, села в автомобиль и включила двигатель. – Спасибо, Кристиан. Я позвоню вам, когда понадобится забрать меня.

– Берегите себя, Алли, поезжайте осторожнее! – крикнул он, когда она включила заднюю скорость и выехала на улицу.

– Хорошо, до свидания!

Алли быстро миновала Женеву и вскоре пересекла границу с Францией. Она взяла с собой несколько компакт-дисков и теперь

чередовала классику с поп-музыкой, громко подпевая некоторым самым любимым мелодиям. Она остановилась у придорожного кафе, взяла кофе и багет, а также сцедила накопившееся молоко; хоть она и начала применять молочные добавки, но пока не хотела отказываться от грудного вскармливания.

Достигнув Гренобля, она вдруг ощутила невероятную усталость и съехала с автострады. После двадцатиминутной дремы она возобновила движение по последнему отрезку маршрута до Прованса. Пейзажи вокруг становились все более обжитыми и пологими.

– Здесь действительно очень красиво, – прошептала она, проезжая мимо особенно прелестного бледно-желтого сельского дома. На вершине пологого склона, увитого виноградными лозами, стоял величественный особняк. Ворота были открыты, и ей поневоле захотелось заглянуть в разрекламированное *кюве* и попробовать одно из своих любимых вин, провансальское розовое. Дорожный указатель сообщал, что она находится лишь в трех километрах от Шатонёф-дю-Пап. Оказавшись близко к цели, Алли решила притормозить у обочины и собраться с мыслями. Она достала из сумочки мобильный телефон и обнаружила несколько текстовых сообщений, все от Стар. Большинство из них сводилось к призыву: «Позвони мне!»

Алли набрала номер Стар, и та сразу же ответила.

– Привет, Стар, что случилось?

– Не беспокойся, ничего страшного. Насколько мы знаем, Мерри Макдугал еще не выехала из отеля. Но она покинула свой номер, и Орландо последовал за ней, чтобы выяснить, куда она направляется. Консьержка подтвердила, что ее багаж остался здесь.

– Хорошо. Я почти доехала до *кюве*, где остановился Джек. Мне так понравилась поездка, что я отключила мозги, и теперь мне нужно подумать о том, что я скажу, когда попаду туда. Не знаю, стоит ли мне притвориться туристкой и мимоходом вовлечь Джека в разговор о его семье или сразу выложить все начистоту. Как ты думаешь?

– Боже мой, Алли. Полагаю, это зависит от того, что Мерри уже рассказала ему о визитах Сиси и Электры.

– Если я смогу встретиться с ним и убедить его поговорить со мной без похищения и привязывания к стулу под дулом пистолета, то постараюсь, как смогу. И ты права, Стар: теперь, когда я действительно оказалась на месте, то чувствую себя весьма неловко.

Если Мерри не хочет, чтобы ее дочь знала о своем происхождении, то не думаю, что нам нужно форсировать события, по каким бы причинам Па ни хотел ее найти.

– Согласна. На твоём месте я бы симпровизировала. Просто будь собой, и пусть все происходит естественным образом. Удачи тебе, Алли, и, пожалуйста, будь на связи.

– И ты тоже. Пока, Стар.

Алли со вздохом завела двигатель и выехала на дорогу. Она подумала о том, что все ее сестры были не одни, когда шли по следу потерянной сестры. У Сиси была Крисси, у Электры – Мириам, а у Стар – Орландо.

– А я снова одна, – пробормотала Алли и увидела указатель на *кюве* «Менуэт». Здание, куда она направлялась, было похоже на другие, разбросанные по сельской местности: старый каменный фермерский дом с терракотовой крышей и большими окнами с голубыми ставнями. Помедлив у поворота на аллею, которая вела вдоль виноградника, Алли набрала в грудь воздуха, и перед глазами возник образ Тео.

– Будь со мной рядом, хорошо, дорогой?

С этими словами она повернула на дорожку и поехала к дому.

– Ну, вот и все, – прошептала она, вышла из автомобиля и направилась по указателю в винную лавку. В полутемном, похожем на погреб помещении в торце дома никого не было. Бутылки красного «Шатонёф-дю-Пап» были плотно сложены рядами без малейшего зазора между ними. Алли уже собиралась выйти и поискать кого-то, когда вошел подросток лет шестнадцати и улыбнулся ей.

– Je peux vous aider?^[24]

– Я увидела ваш указатель с рекламой жилья. Оно еще свободно?

* * *

– На какой срок, мадемуазель? – Подросток обошел крошечную стойку в углу комнаты и снял с полки книгу учета.

– На сегодняшнюю ночь.

Он полистал страницы и кивнул:

– Да, все свободно.

– Сколько это стоит?

Выслушав ответ и объяснив, что она решила остаться минимум на два дня, Алли достала из сумочки кредитную карту.

– Нет-нет, мадемуазель. Вы заплатите перед отъездом. Минутку, я позвоню маме, чтобы она пришла и проводила вас. – Он подошел к маленькому холодильнику и достал бутылку красного. – Не желаете ли выпить бокал?

– Знаете, я не откажусь. – Алли улыбнулась. – Это была долгая поездка.

Мальчик принес ей бокал бледно-розового вина и направился к выходу.

– Прошу прощения, мама скоро придет.

В ожидании хозяйки Алли вышла во двор и присела на старинную кованую скамью. Двор был заполнен деревянными винными паллетами, рядом стояли детские скутеры, велосипеды и ржавая лестница. Солнце уже садилось в лазурно-голубом небе, и Алли откинула голову, наслаждаясь его теплом на лице. Розы источали аромат, и она прикрыла глаза, глубоко дыша и стараясь расслабиться.

– *Bonjour, mademoiselle*, – раздался звонкий голос. – Меня зовут Жинетт Вальмер, и я отведу вас в гостевой дом.

Алли открыла глаза и увидела темноволосую женщину лет сорока, в джинсах, футболке и запятнанном фартуке. Она держала в руке маленькую корзинку с едой.

– Рада познакомиться с вами. Меня зовут Алли Делеси, – сказала Алли по-французски, пожимая ее руку. Она забрала из автомобиля свой портплед, и они прошли по тропинке к гостевому домику, расположенному слева от главного дома и скрытому в идиллическом месте среди виноградных лоз. Алли вежливо отвечала на вопросы мадам Вальмер.

– Да, я живу в Женеве и приехала погостить на несколько дней.

– Попробовать разные вина?

– Да, но еще... поискать здесь дом, – эти слова вырвались у Алли, прежде чем она успела сдержаться.

– Что же, здесь есть *immobiliers* в Жиронде и Вакерасе, а также в Бом-де-Венизе. Я могу дать вам телефонные номера, и вы сможете посетить эти места, если будет желание, – сказала мадам Вальмер,

когда они подошли к двери домика. – Ну вот, мы на месте. Он очень маленький, но годится для одного человека или для пары.

Алли увидела маленькое опрятное помещение со встроенной кухней сбоку, массивную французскую кровать из красного дерева, диван и два стула перед крошечным камином.

– Душ и туалет вон там, – добавила мадам Вальмер и указала на деревянную дверь в задней части дома. – Здесь у меня есть свежий багет, не много масла, сыр и молоко, а в холодильнике стоит бутылка розового вина.

– Спасибо, но я могла бы застись в магазине.

– Сейчас все вокруг уже закрыто. Знаете, как это бывает во Франции. – Мадам Вальмер улыбнулась, блеснув темными глазами. – Все закрыто, когда вам нужно.

– Тогда, быть может, вы подскажете мне ближайшее кафе или ресторан, где я смогу перекусить? Я долго ехала сюда из Женевы.

– Ах, тут есть несколько заведений, но...

Наступила пауза, потом мадам Вальмер окинула ее взглядом:

– Поужинайте вместе с нами.

– Вы уверены? – спросила Алли. – Мне не составит труда что-нибудь найти в Жиронде.

– Одним едоком больше, одним меньше... У меня трое детей и четверо голодных мужчин, которые работают в *кюве*, так что... – мадам Вальмер экспрессивно всплеснула руками, – ...еще один человек за столом – не страшно, тем более если это женщина!

– Большое спасибо.

– У нас простая еда; ужин в половине восьмого. Тогда и увидимся.

– Merci, madame Valmer, à ce soir^[25].

– Зовите меня Жинетт! – сказала хозяйка, выходя на улицу.

Алли подошла к холодильнику и открыла запотевшую бутылку ледяного розового вина. Выйдя наружу, она увидела старый деревянный стол и два железных стула. Она опустилась на стул, подставила лицо лучам заходящего солнца и позвонила в Атлантис. Домашний телефон оказался занят, так что она перезвонила Майе.

– Привет, я благополучно доехала. Как там Бэр?

– В ванной, и Ма хлопочет над ним. Он в полном порядке, и думаю, что Ма получает огромное удовольствие. Ты еще не встретилась с Джеком?

– Нет, только с мальчиком и с его матерью, которая, как я полагаю, является хозяйкой виноградника. Не знаю почему, но когда она спросила о причине моего приезда, я ответила, что хочу присмотреть здесь дом! – Алли хихикнула. – Так или иначе есть хорошие новости: меня пригласили сегодня поужинать с ними. Надеюсь, этот Джек будет за столом и я смогу побеседовать с ним.

– Чудесно! Как бы то ни было, домик в Провансе и домашний ужин – звучит волшебно.

– Здесь так красиво, что я могу всерьез задуматься о покупке дома. Сейчас меня совсем не привлекает мысль об очередной холодной и дождливой зиме в Бергене.

– За спрос денег не берут, верно?

– Я шучу, Майя. Том и мой отец живут на севере. Кстати, мне нужно позвонить Феликсу и убедиться, что он не валяется где-нибудь в луже пролитого виски. Передай Ма, чтобы она поцеловала от меня Бэра на ночь, ладно?

– Само собой. Алли?

– Да?

– Пока забудь про Джека и получай удовольствие. *À bientôt.*

* * *

Желая размять ноги после долгой поездки, Алли отправилась на прогулку по винограднику. Лозы, еще не готовые к сбору, пока не приобрели темно-синего оттенка для производства всемирно знаменитого красного вина «Шатонёф-дю-Пап». Ее окружало жужжание цикад и насекомых в жарком, неподвижном воздухе. Вдалеке она видела собаку, тяжело дышавшую в тени пинии в форме зонтика, мягкий предвечерний свет высекал золотые отблески из виноградных листьев.

Алли уселась в тени от куста дикой лаванды. Она потерла в ладонях головки фиолетовых цветов и вдохнула успокаивающий запах. И наконец порадовалась тому, что Майя и Ма убедили ее приехать сюда.

Она вернулась в дом, быстро приняла душ в крошечной ванной (вода была теплой, но все равно освежающей), переделась в чистые

джинсы и рубашку, добавила чуток теней для век и губной помады и распустила волосы по плечам.

– Как же давно меня не приглашали на ужин, – пробормотала она себе под нос и пошла через виноградник к фермерскому дому. Радуюсь двум бокалам розового вина, принятым для большей уверенности, она постучалась в парадную дверь.

– Все уже собрались! – В окне появилась голова Жинетт. – Обойдите вокруг, Алли.

Когда она обошла вокруг дома, то увидела крытую веранду, увитую лозами, с видом на горы Дантель. В быстро сгущавшемся сумраке зажглись маленькие лампы, расставленные вокруг. За столом сидели четверо мужчин и подросток, которого она видела раньше, а также два мальчика лет семи и двенадцати. Когда Алли подошла к столу, раздался буйный взрыв смеха, затем мужчины повернулись к ней. Один из них – малорослый, но жилистый – поднялся на ноги.

– Прошу прощения, мадемуазель. Мы смеялись не над вами, а над чудными австралийскими выражениями нашего друга. Садитесь, прошу вас. Я Франсуа, совладелец этого *кюве*. Это Винсент и Пьер-Жан, которые работают вместе со мной, а это мои сыновья: Тома́, Оливье и Жерар. А это, – он указал на мужчину, рядом с которым она собиралась сесть, – это Джек Макдугал, прямо из Новой Зеландии.

Алли встала за своим стулом и увидела, как мужчина, ради беседы с которым она приехала, повернулся и поднялся ей навстречу. Джек Макдугал был на целую голову выше нее. Он был очень симпатичным, с пронзительными голубыми глазами и коротко стриженными, кудрявыми светлыми волосами.

– *Enchanté, mademoiselle*^[26], – произнес он с очень странным выговором. – Извиняюсь за мой дурной французский. Садитесь, пожалуйста.

– Вы говорите по-английски, мадемуазель? – обратился к ней Франсуа.

– Да.

– Ну, Джек, тогда сегодня вечером тут будет хоть кто-то, кто понимает, о чем ты лопочешь!

Все вокруг снова рассмеялись.

– И он не врет, когда говорит, что его французский очень плох, – добавил Франсуа.

– Но наш английский еще хуже! Не желаете ли вина, мадемуазель? – Винсент, сидевший напротив нее, постучал по бутылке красного вина. – Это ранний образец нашего винтажа 2006 года, который, как мы надеемся, будет одним из лучших.

– Спасибо, – сказала Алли, когда ее бокал наполнили до краев. – Боюсь, я не слишком разбираюсь в вине, но *santé!*

– *Santé!* – Все подняли бокалы, и она заметила, что даже у маленького Жерара на дне плескалось немного вина.

Алли попробовала вино, которое было ароматным и шелковистым, оставившим богатое послевкусие.

– Вы правы, оно прекрасно, – обратилась она к Франсуа.

– Будем надеяться и молиться, что в скором времени, когда вино наконец будет готово для конкурса, мы получим за него медали, – сказал он.

Алли заметила, что Джек в легком замешательстве оглядывается по сторонам.

– Франсуа говорит о своей надежде, что это вино принесет награды на конкурсе, – перевела она для него.

– О, спасибо. Я пробыл здесь несколько недель, и, хотя изо всех сил стараюсь пополнить словарный запас, они говорят слишком быстро, и я не успеваю понять отдельные фразы.

– Французский язык довольно труден для изучения. Мне повезло: мой отец проследил за тем, чтобы я и мои сестры с колыбели научились говорить на двух языках. Это единственный надежный способ.

– Согласен. Моя мама прилично разговаривает по-французски, читает на латыни и древнегреческом, но, увы, этот талант не передался мне по наследству, – сказал Джек. – Прошу прощения, я не расслышал вашего имени.

– Алли, Алли Деппеси. – Алли затаила дыхание, ожидая, что он узнает ее фамилию.

– Джек Макдугал. Должно быть, вам сказали, что я из Новой Зеландии. А вы откуда?

– Из Женевы, Швейцария, – с облегчением ответила Алли, когда поняла, что он не знает, кто она такая. Жинетт принесла поднос с едой, и Джек сразу же встал, чтобы помочь ей выкладывать на стол хлеб и тарелки салата.

– Из Женевы, да? Я там еще не был, впрочем, как и в остальной Европе, не считая Франции. Там хорошо? – поинтересовался он.

– Да, замечательно. Мы живем на озере с чудесным видом на горы. Правда, сейчас я проживаю в Норвегии. В Женеве наш семейный дом.

Джек предложил ей миску салата с тунцом.

– Спасибо, – сказала Алли и выложила деревянной ложкой щедрую порцию себе на тарелку. Она лишь сейчас почувствовала, как сильно проголодалась.

– Предупреждаю на всякий случай: не особенно налегайте, поскольку это лишь начало. – Джек улыбнулся. – Скоро будут стейки, а потом, разу меется, сырная тарелка. Французы любят хорошо покушать.

Алли слышала австралийские нотки в его выговоре, но акцент был более мягким.

– Спасибо за предупреждение. Правда, я ужасно проголодалась после долгой поездки сюда.

– Насколько долгой?

– Около четырехсот километров от Женевы, зато на очень хорошем автомобиле.

– Почему вы приехали?

– О, я... присматриваю дом для покупки.

– Понимаю вас. Если бы у меня не было собственного виноградника в Новой Зеландии и язык был бы не таким трудным, я бы сам попытал удачу здесь.

– Как получилось, что вы уехали так далеко от дома? – спросила Алли, когда подцепила вилкой салат: смесь зеленого горошка, помидоров, яиц и тунца под острым сливочным соусом.

– Приехал поучиться премудростям французского виноделия и посмотреть, можно ли будет применить их старые традиции и новые идеи к нашим винам. Возможно, попробую некоторые новые купажи. Вот, – добавил он, глотнув вина из бокала, – если у меня когда-нибудь получится что-нибудь близкое к этому, то я умру счастливым.

– Значит, вы увлекаетесь виноделием?

– Целиком и полностью. Я вырос на винограднике, который основал мой отец. Он был одним из первых виноделов в Новой Зеландии, и они с мамой прошли через кровь, пот и слезы, чтобы

создать виноградник таким, какой он есть сейчас. Как говорится, это семейное наследие. Мой отец умер несколько месяцев назад, и теперь дело зависит от меня. Мне его не хватает; порой он был редким занудой, но без него придется трудно вато.

Он потянулся за бутылкой, чтобы наполнить свой бокал, а Алли удивилась, какой непринужденной была их беседа. Джек был таким открытым и естественным... никакой претенциозности и притворства.

Алли помогла Жинетт очистить тарелки, а потом принесла блюда с крошечной жареной картошкой и зеленой фасолью. Жинетт выдала своему мужу большой кусок говяжьего филе для распределения между гостями.

– *Mon Dieu!* – воскликнула Алли, когда попробовала нежный стейк, розовый посередине, как она любила. – Какая вкуснота!

– Здесь все вкусно, а этот стейк – редкое лакомство, потому что у нас в Новой Зеландии баранина встречается куда чаще, чем говядина, – улыбнулся Джек. – Хотя в последнее время поголовье нашего скота прибавилось. Итак, Алли. Вы говорили, что у вас есть сестры?

– Да, – ответила Алли и вдруг осознала, что вступает на зыбкую почву. – Нас пятеро.

– Ого! У меня одна сестра, и этого более чем достаточно, спасибо.

– Вы дружны? – спросила она, возвращая разговор к его семье.

– Теперь, пожалуй, да. На самом деле она приемный ребенок. Когда она появилась в семье, мне было десять лет, так что мы не дружили, но сблизились, когда стали постарше. Смерть отца сильно подкосила ее. Понимаете, ей двадцать два года, и она чувствует себя обманутой, потому что он так недолго пробыл рядом с ней. И, конечно, моя мама очень тоскует по нему.

– Ее можно понять. В прошлом году я потеряла сначала отца, а потом жениха, так что мне все это хорошо знакомо.

– Вот как? Соболезную, Алли, – сказал Джек. – Лучшее, что я могу сказать о прошлом годе, – это надежда на то, что наше прошлогоднее «Пино нуар» окажется очень хорошим. Это моя первая партия. Значит, вы поэтому приехали во Францию?

– Что вы имеете в виду?

– Моя мама отправилась в путешествие. Наверное, у женщин возникает желание уехать подальше, когда происходит что-то плохое... Но, прошу прощения, я не хотел обидеть вас.

Алли заметила, что Джек покраснел от смущения.

– Не извиняйтесь. Наверное, вы правы. Думаю, все по-разному реагируют на личное горе, с моими сестрами определено было так. С другой стороны... – Алли повернулась к Джеку и улыбнулась в сгущавшихся сумерках, – ...вы тоже очень далеко от дома.

– Ваша правда! – произнес он и чокнулся с бокалом Алли. – Впрочем, моя поездка была запланирована еще до смерти моего отца, так что у меня есть оправдание. Но мой принцип: «Делай то, что должно, и пусть будет то, что будет».

Наступила очередная пауза, пока оба помогали собирать тарелки, а затем приносили сыр. Кто-то зажег фонари, озарившие веранду мягким светом.

– Итак, мисс... Боже, я забыл вашу фамилию.

– Деплеси.

– Итак, мисс Деплеси, – продолжал Джек, пока разносили десертное вино, – я, как обычно, уже все выболтал о себе. А как насчет вас? Я имею в виду ваши увлечения.

– Я училась на флейтистку, но сбилась с пути и в конце концов стала заниматься парусным спортом, участвовать в больших гонках. В прошлом году я была в Греции, в Эгейском море. Потом прошла «Фастнет»^[27], и...

– *Что?* Не могу поверить, что вы участвовали в «Фастнете»! Это... ну, это знак высшего качества в парусном спорте, а значит, вы входите в группу лидеров. Когда я жил в Гибстон-Вэлли, где есть озера, то брал уроки парусного спорта и полюбил его. Потом, во время академического отпуска, я присоединился к команде и ходил в парусные круизы вдоль побережья Новой Зеландии. Конечно, это была не настоящая регата, так, ради удовольствия, но в океанском плавании есть нечто особенное, правда?

– Правда. Вы произвели на меня впечатление, Джек: мало кто знает о регате «Фастнет»! К сожалению, именно тогда я потеряла моего жениха. Он был капитаном нашей яхты. Мы попали в сильный шторм, и... в общем, он погиб, когда пытался спасти одного из членов нашей команды.

– Боже, Алли, мне очень жаль. Кажется, я даже читал в газете об этом инциденте. Как говорят моряки, море дает, море отбирает. А вы, конечно, многое потеряли.

– Да, но я хотя бы... – Алли собиралась рассказать Джеку о Бэре, но что-то остановило ее. – Сейчас я уже вполне оправилась.

– Сколько вы собираетесь пробыть здесь?

– Еще не знаю, – уклончиво ответила она.

– Что ж, если вы останетесь на какое-то время, то мы могли бы отправиться в Марсель и на сутки арендовать яхту. Я буду вторым помощником, а вы покажете мне, как это делается по-настоящему.

– Звучит соблазнительно, хотя сомневаюсь, что у меня будет время. Я люблю Средиземноморье: это легкий бриз по сравнению с Атлантикой и Кельтским морем^[28].

– Кто же остался дома в Женеве? – спросил он. – Ваша мама и сестры?

– Ма по-прежнему дома, но мои сестры разлетелись из гнезда. – Алли снова целенаправленно перевела разговор на Джека. – Прошу прощения, если я кажусь чересчур любопытной, но как вы думаете, почему ваши родители решили удочерить вашу сестру через десять лет после вашего рождения? Я имею в виду... они всегда хотели иметь приемного ребенка или была какая-то другая причина?

– Честно говоря, я не в курсе. Вы знаете, как родители относятся к детям: они не вдаются в подробности насчет своих решений. Мне тогда было десять лет, и я не задавал вопросов. Насколько я помню, однажды я просто вернулся домой из школы и увидел Мэри-Кэт на руках у мамы, а отец стоял рядом и сюсюкал с ней. Вообще-то он был совершенно без ума от нее. По правде сказать, пока я не вырос, это порой сильно обижало меня.

– Должно быть, нелегко долго быть единственным ребенком, а потом вдруг получить маленькую сестру, которой достается всеобщее обожание.

– Ну да. – Джек усмехнулся. – Я перестал быть центром внимания. Но когда мне исполнилось восемнадцать, я поступил в университет и оставил обиды в прошлом. Оглядываясь назад, я понимаю, что это было правильно. Пожалуй, я был несносным, избалованным ребенком, который портил жизнь своей маленькой сестре, понимаете? Дразнил ее, и все такое. Но Мэри-Кэт выросла, и теперь мы прекрасно ладим друг с другом; смерть отца сблизила нас.

Принесли кофе, и Алли отхлебнула глоток, запив холодной водой из стакана, поставленного рядом.

– Попробуете немного десертного «Бом-де-Венис»? Это местный нектар богов в буквальном смысле. – Джек приподнял свой бокал.

– Нет, спасибо. Я уже выпила больше обычного.

– А я пью больше обычного каждый вечер с тех пор, как приехал сюда! – Он рассмеялся. – Здесь вино – это часть повседневного меню. Даже мой отец по сравнению с французами кажется трезвенником, а он выпивал бутылку вина в день. Просто из интереса: как вы оказались в Норвегии?

– На самом деле я тоже приемный ребенок. Я нашла свою биологическую семью в Норвегии, поэтому и переехала туда. Моя родная мама умерла, но я живу с моим братом-близнецом Томом. Мой родной отец Феликс, который считал бы это место раем для алкоголиков, живет в Бергене, за холмом от нас.

– Думаете, это хорошая мысль? Я имею в виду поиск биологических родителей. Моя сестра недавно позвонила и сообщила, что к ней заявили две девушки, утверждавшие о ее возможной связи с их семьей. Я не знаю подробностей, но интересно, что вы думаете по этому поводу.

Алли сглотнула и пожалела, что отказалась от бокала десертного вина. Она собиралась добыть кое-какую информацию у этого человека, и в разговоре все происходило более или менее естественным образом.

– Честно говоря, я даже не задумывалась об этом до смерти Па Солта, – сказала Алли. – Он... его было достаточно, если вы понимаете, что я имею в виду. Во всяком случае, для меня. Если отвечать на ваш вопрос, то знакомство с моей биологической семьей было просто фантастическим. Но опять-таки, я за несколько месяцев потеряла двух самых важных людей в своей жизни, поэтому знакомство с братом и родным отцом, каким бы он ни был, стало замечательным.

– Наверное, после смерти нашего отца Мэри-Кэт решила связаться с этими девушками и тоже что-то выяснить насчет ее биологической семьи. Надеюсь, ей повезет так же, как и вам.

– Выходит, она не знала своих биологических родителей?

– Насколько я помню, нет. – Джек пожал плечами. – Мои родители старались уберечь ее от любых сложностей, поскольку это было местное удочерение. – Он отхлебнул десертного вина. – Ну и беседа у нас с вами, Алли! Я не хотел вас расстроить.

– Никакого расстройства. Иногда бывает легче говорить о таких вещах с незнакомыми людьми, чем с самыми близкими, правда?

– Верно, хотя я надеюсь ближе познакомиться с вами за следующие дни. – Он улыбнулся. – Хорошо для разнообразия поговорить по-английски. Вы завтра поедете смотреть дома на продажу?

– Я записала адреса нескольких хороших риелторских агентств, – вставила Жинетт по-французски, подливая им кофе. – Схожу на кухню и принесу их.

– Что-то я устала после сегодняшней поездки; думаю, мне пора поспать. – Алли встала, ощущая, что ее груди набухли от молока, готовые к вечернему кормлению Бэра. – Спокойной ночи, Джек, приятно было познакомиться с вами.

– И мне с вами, Алли. Надеюсь, мы с вами еще увидимся в ближайшие дни, – сказал он, когда Алли пошла на кухню за Жинетт.

– *À bientôt*, – с улыбкой отозвалась Алли.

– Вот. – Жинетт вручила ей старый конверт, на котором она написала названия и телефоны трех агентств по продаже недвижимости.

– Огромное спасибо за прекрасный вечер. Еда была потрясающей.

– *Merci*, Алли, я рада, что вам понравилось, – сказала Жинетт, провожая ее к выходу. – Кажется, вы с Джеком отлично поладили, – добавила она, когда открыла дверь.

– Это лишь потому, что мы оба говорим по-английски, – сказала Алли и почувствовала, что краснеет. – Но он очень приятный молодой человек.

– Да, и ему будет полезно иметь рядом кого-то, кто говорит на его родном языке. Меня беспокоит, что он не уловил большей части наших застольных бесед, но что тут поделаешь. Спокойной ночи, Алли.

– Спокойной ночи, Жинетт, и еще раз спасибо.

Проснувшись на следующее утро, Алли повернулась в кровати, чтобы посмотреть время на старом радиоприемнике с часами, и поразилась, что было уже больше десяти.

Она перевернулась на спину и раскинула руки и ноги, наслаждаясь ощущением хорошего отдыха, хотя голова слегка побаливала от выпитого накануне вина. Потянувшись к мобильному телефону, она убедилась, что ночных сообщений из Атлантиса не поступало, а потом увидела сообщение Стар: «Позвони мне!»

Еще не склонная нарушать ощущение покоя, Алли встала и сварила кофе, потом уселась со скрещенными ногами на мягком матрасе, потягивая горячий напиток и глядя из окна на виноградник. Она не могла вспомнить, когда получала большее удовольствие от ужина, чем вчера вечером. Великолепная обстановка в сочетании с оживленной и приветливой компанией была радостным событием. За столом часто звучал смех, и, хотя разговор с Джеком был похож на проход через минное поле, он оставил приятное впечатление.

Они говорили так же прямодушно, как раньше с Тео, но эти двое мужчин разительно отличались друг от друга: Тео, интеллектуал, несмотря на «дневную работу» моряком, и Джек, остроумный и вдумчивый, но явно не такая сложная натура, как ее жених. Даже по внешности они совсем разные. Тео был невысоким, хотя сильным, и весь его вид – морской загар и темные волосы – контрастировал с видом Джека, который был долговязым и светловолосым. «Право же, Алли!» – укорила она себя, чувствуя, как будто изменяет Тео, получая удовольствие в обществе другого мужчины. Но это произошло впервые после его смерти, и было приятно завести друга независимо от его пола... или нет?

«Только ли в этом дело?»

– Тогда почему ты не рассказала ему о Бэре и не раскрыла истинную причину своего приезда? – пробормотала она, встала и подлила себе кофе.

Зазвонил ее мобильный телефон. Когда Алли убедилась, что звонок был не из Атлантиса, а снова от Стар, она решила повременить с ответом, пока не приведет свои мысли в порядок. Ощущение вины усилилось, когда Алли подумала о простодушной откровенности Джека перед ее наводящими вопросами.

Она со вздохом взяла телефон и позвонила в Атлантис.

– Привет, Ма. Как поживает Бэр?

– Превосходно, Алли. Я только что вывезла его на прогулку, и сейчас он мирно спит в коляске под сенью старого дуба за террасой...

– ...Где спали мы все, – с улыбкой закончила Алли.
– Как ты, милая? И как там мой прекрасный Прованс?
– Здесь чудесно. Владельцы *кюве*, где я остановилась, тоже очень милы, и я отлично выспалась. Поэтому спасибо тебе и Майе, что убедили меня приехать сюда. Кстати, как она?
– Да все так же, – ответила Ма. – Ну... как обычно бывает, *n'est-ce pas?*^[29]

«Ма знает, что Майя беременна», – тут же подумала Алли.

– Она сидит в Павильоне и перебирает вещи, которые хочет отправить в Бразилию, – продолжала Ма. – И готовится к приезду Флориано и Валентины. Ее мобильный рядом, если хочешь поговорить с ней, но должна сказать, что с тобой жаждет связаться Стар. Может, сначала позвонишь ей?

– Ну конечно.

– Когда думаешь вернуться, Алли?

– Как можно скорее, но мне еще нужно раздобыть кое-какую информацию.

– Не торопись, дорогая. Я обожаю роль бабушки для твоего драгоценного малыша.

– Спасибо, Ма. Обними его за меня, хорошо?

– Разумеется. До свидания, Алли.

Одевшись в шорты и футболку, Алли прожевала пару ломтиков зачерствевшего багета со сливочным маслом и решила отправиться за припасами в ближайший супермаркет. Она надела кепку и солнечные очки в надежде остановить распространение веснушек по лицу, уже покрасневшему от солнца, устроилась на улице, наслаждаясь утренним бризом, и позвонила Стар.

– Привет, Алли, как дела?

– Спасибо, отлично. Ты как-то запыхалась; все в порядке?

– Да. Я хотела узнать, тебе удалось найти сына миссис Макдугал?

– О да. Фактически я целый вечер сидела рядом с ним за ужином.

– Грандиозно, Алли! Ты выяснила у него что-нибудь насчет биологических родителей Мэри-Кэт?

– Боюсь, ничего. Правда, у нас был откровенный разговор о приемной дочери. Он был десятилетним мальчиком и помнит, как однажды его родители приехали домой вместе с Мэри-Кэт. Он считает, что это было местное удочерение. Мать не предупредила его о

необходимости избегать контактов с сестрами Деплеси, но Мэри-Кэт сообщила ему по телефону о визите Сиси и Крисси. По его мнению, у нее могло возникнуть желание побольше узнать о своей биологической семье. Он был так дружелюбен, что я чувствовала себя ужасно из-за того, что сразу не сказала ему о цели моего приезда. Что у вас случилось? Мерри снова сбежала?

– Нет, мы так не думаем. Вчера Орландо проследил за ней до Клерккенуэлла – судя по всему, она направилась в архив регистрации браков, рождений и смертей. Потом она вернулась в отель и скрылась в своем номере, а в шесть часов вечера позвонила мне и сказала, что плохо себя чувствует и не может поужинать с нами. Она добавила, что собирается перезвонить сегодня утром, сообщить о своем состоянии и сказать, сможет ли она выйти к ланчу. Проблема в том, что а) мне нужно вернуться в Кент и забрать Рори из школы, и б) Орландо должен вернуться в свою книжную лавку. Конечно, он останется, если Мерри согласится на ланч, но... ох, не знаю, но все пошло не так. Даже Орландо впал в уныние, что с ним бывает очень редко. Боюсь, мы все же испугали ее и она думает, что мы ее преследуем. Но если Мэри-Кэт возложит венок на могилу Па, это же не смертельно, Алли? Я видела кольцо собственными глазами и уверена, что оно то же самое, что и на картинке, но, возможно, нам следует подождать, пока бедная Мерри не завершит путешествие и не вернется домой к своей дочери. Тогда они вместе решат, хочет ли Мэри-Кэт вообще видеться с нами.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – вздохнула Алли. – Ладно, я позвоню тебе, если снова встречу с Джеком. Но я не собираюсь подстраивать встречу, Стар.

– Очень хорошо понимаю тебя. Ладно, мне надо идти. До скорого, Алли!

Алли положила трубку. Как и Орландо, ситуация смутно угнетала ее. Какая-то часть ее существа хотела забыть о первоначальных побуждениях и просто наслаждаться ощущением покоя, с которым она проснулась сегодня. Она уже собиралась встать и прогуляться к фермерскому дому, чтобы спросить у Жинетт, где находится местный супермаркет, когда из-за угла вдруг появился Джек.

– Доброе утро. Я не помешал? – Он указал на телефон, который Алли все еще держала в руке.

– Вовсе нет. Не хотите присесть?

– Извините, не могу. На самом деле я пришел спросить, нужны ли вам продукты. Франсуа на совещании насчет будущего урожая, а когда у меня образуется свободное время, Жинетт посылает меня в деревню за покупками. Она говорит, это помогает развивать мои навыки французского, – усмехнулся он.

– В сущности, я собиралась спросить Жинетт, где ближайший супермаркет. И местное риелторское агентство, разумеется, – поспешно добавила Алли. – Мне нужно хотя бы зарегистрироваться там.

– Хотите, я подвезу вас в Жигондас? Тогда мы убьем двух зайцев, и вы поможете мне в супермаркете, чтобы я не спутал *ананасы с анисом!*

– Ладно, но, может, лучше я поеду следом за вами на своем автомобиле? Иначе вам придется подождать меня возле риелторского агентства.

– Не возражаю. Пока Франсуа нет рядом, я либо сижу и ищу какую-нибудь винодельческую фразу во французском словаре, либо пью пиво в солнечном Жигондасе.

– Можно делать то и другое одновременно, – заметила Алли, и оба рассмеялись.

– Хорошо. Тогда я пока оставлю вас. Встретимся часов в десять возле моего автомобиля, хорошо?

– Спасибо, Джек.

– Без проблем.

* * *

По прибытии в живописный городок Жигондас, который, по словам Джека, был одним из лучших *апельсыонов*^[30] в регионе, Алли увидела, что он забит туристами, жаждущими продегустировать вина из местных *кюве*. Кафе гудели от разговоров, люди сидели за столиками, выставленными на мостовую. Алли и Джеку с трудом удалось найти место для стоянки старенького «Ситроена» Жинетт.

– Прелестное местечко, – заметила Алли, пока они шли по склону холма под ярким солнцем.

– Ну да. Давайте-ка зайдём в этот супермаркет и купим продукты из списка Жинетт, ладно? – Джек вошёл в узкий магазин, похожий изнутри на звездолет, растянувшийся в бесконечность и набитый продуктами на полках.

– Ладно, но я не собираюсь помогать вам, – твердо сказала Алли. – Единственный способ выучить язык – учиться на собственных ошибках.

Они взяли корзинки и разошлись в стороны, чтобы встретиться возле кассы.

– Можете хотя бы проверить, правильно ли я выбрал продукты из списка? – спросил Джек, когда они стояли в очереди.

Алли быстро просмотрела корзинку, сверяясь со списком.

– Почти идеально, только ей нужно обезжиренное, а не цельное молоко.

– Спасибо. – Он побежал менять коробку.

Джек загрузил пакеты в автомобиль и прогулялся с Алли по улице до риелторского агентства. Она попробовала открыть дверь, но та оказалась запертой.

– Проклятье! Буквально одна минута после полудня, а они уже заперли дверь. – Джек ухмыльнулся. – Типичные французы – ланч прежде всего. Прощу прощения; мы говорим по-английски, поэтому я все время забываю, что вы француженка.

– Нет, Джек. Я из Швейцарии, помните?

– Ну да, конечно же, – поправился он, когда они возвращались к автомобилю. – На самом деле я думаю, что французы абсолютно правильно расставляют свои приоритеты: от жизни прежде всего надо получать удовольствие. В конце концов, живем один раз.

– Моя сестра Тигги не согласилась бы с вами в этом вопросе.

– Правда? – Джек остановился и указал на придорожное кафе, наполненное посетителями. – Слушайте, почему бы нам не посидеть здесь до двух часов, пока откроется агентство? Или у вас есть какие-то другие дела?

– У меня нет, но разве Жинетт не понадобятся ваши покупки?

– Они понадобятся вечером, и, наверное, она будет только рада не много отдохнуть от моей физиономии. Ну как, зайдём в кафе?

– Почему бы и нет.

В кафе Джек быстро нашел свободный столик для двоих.

– Пиво? Вино? – спросил он. – Поскольку я здесь, то заодно собираюсь перекусить, а вы?

– Мне бокал розового вина... и да, меню выглядит соблазнительно.

– Хорошо, если мы дождемся обслуживания. – Джек закатил глаза. – Однажды я ждал целых двадцать минут, прежде чем на меня обратили внимание. В Новой Зеландии такого бы точно не случилось.

– От всех своих знакомых, которые там бывали, я слышала, что это прекрасная страна.

– Да, и там есть практически все. Катание на лыжах зимой, жара и солнечные пляжи летом, а глубинка, где я живу, просто рай на земле. Чего там не хватает, во всяком случае за пределами городов, так это людей. Наш ближайший сосед живет в пятнадцати минутах езды на автомобиле. Так что если вы любите уединение, это самое оно.

– А вам нравится уединение?

– Не нравилось, пока я не вернулся домой из университета, но, полагаю, я привык к нему. А потом ты оказываешься в таком месте, как сейчас, – в деревеньке, где полно народу, – и гадаешь, за каким чертом ты здесь оказался. Но я не жалуясь. Мне нравится моя работа, и я живу в потрясающей стране.

– Я бы хотела посетить Новую Зеландию, – заметила Алли и помахала проходившему мимо официанту, который откровенно проигнорировал ее.

– Не стоит и говорить, что мы с радостью примем вас на нашей винодельне в любое время года. Проблема Гибстон-Вэлли состоит в том, что молодежь уезжает в города и вокруг меня живут в основном пожилые люди. Я каждый раз с нетерпением ожидаю компанию туристов, которые колесят по региону и иногда заглядывают на винодельню ради ночлега и хорошего вина.

Алли развернула меню перед официантом, который наконец вернулся и принял заказ на пиво, розовое вино, кувшинчик воды и два стейка *ти-бон*^[31].

– Значит, ваши родители – настоящие *киви*? – спросила она.

– Нет. Киви – это «местный уроженец», если вы понимаете, что я имею в виду, то есть любой коренной житель, кроме маори. Большинство населения представлено эмигрантами из других стран. Я родился там, но родители моего отца жили в Шотландии, отсюда и

фамилия Макдугал. А моя мама росла в Дублине, в Ирландии. Но, полагаю, они вполне могли бы называть себя *киви* после многих лет жизни в Новой Зеландии.

– Ваши родители возвращались в Шотландию и Ирландию?

– Отец вроде бы пару раз ездил к своим родителям и приглашал их к нам, но мама, насколько мне известно, никогда не возвращалась в Ирландию. У нас есть фотография, где она получает университетский диплом, но, думаю, когда люди начинают новую жизнь, им хочется сосредоточиться на будущем, а не на прошлом.

– Согласна, – сказала Алли, когда официант принес два кувшинчика, бутылку пива и бокалы. Она заглянула в оба кувшинчика, потому что заказывала только один.

– *Mon Dieu!* В одном из них розовое вино. Но я же просила только один бокал!

– Здесь так не делается. – Джек с улыбкой налил ей вина и воды. – Ваше здоровье!

– Взаимно. – Алли подняла свой бокал. – Что касается вашей мамы, то, когда я отправилась на поиски собственной семьи, путешествие оказалось отчасти болезненным, а отчасти необыкновенным.

– Кстати, моя мама говорила, что собирается посетить Ирландию во время своего нынешнего путешествия.

– Понятно. Она отправилась одна?

– Да. Мы с Эм-Кей – так зовут мою младшую сестру – были не слишком рады этому, но наша мама себе на уме и чрезвычайно независима, понимаете? Честно говоря, я никогда не понимал, почему она похоронила себя заживо в Гибстон-Вэлли и так и не воспользовалась своим университетским дипломом.

– Может быть, потому, что она любила вашего отца, – предположила Алли. – Любовь все меняет.

– Правда, но я пока что не испытывал этого чувства. Очевидно, в отличие от вас.

– Да, и, даже если я больше никогда не полюблю, я хотя бы помню, как это бывает. Значит, ваша сестра удерживает крепость в Новой Зеландии, пока вы с мамой в отъезде?

– Не совсем; у нас есть очень хороший управляющий, который присматривает за виноградником. Моя сестра – многообещающая

певица и сочинительница песен. Сейчас она работает над альбомом вместе со своим приятелем из университета.

– Ого! Это нескромный вопрос, но... она действительно талантливая певица?

– Поскольку вы вряд ли когда-то познакомитесь с ней, то я могу быть откровенным. – Джек рассмеялся. – Ответ таков: понятия не имею. Она одержима Джонни Митчелл и другими подобными исполнительницами с мятежной лирикой, но я родился на десять лет раньше, и мне нравятся мелодичные композиции, понимаете?

– Понимаю, – отозвалась Алли. – Что-нибудь приятное, чему хочется подпевать. Я слушала такую музыку, пока ехала сюда из Швейцарии.

– Нескромный вопрос, но мы вроде бы ровесники? Мне тридцать два.

– А мне тридцать один.

– Значит, мы принадлежим к одному поколению и любим хоровые песнопения. – Джек широко улыбнулся. Принесли стейки, и он попросил принести еще пива.

– Вы за рулем, – напомнила Алли.

– Да, но во мне достаточно живого веса, чтобы впитывать алкоголь. Это маленькие бутылочки, Алли, так что перебора не будет.

– Понятно. Хорошая новость в том, что, поскольку вы за рулем, я могу себя не ограничивать. – И Алли с улыбкой налила себе второй бокал розового вина.

– Расскажите о вашей сестре Тигги, – предложил Джек, отвлекшись от стейка. – Вы рассказывали что-то интересное о ней.

– Все мои сестры по-своему интересны, хотя мы совершенно разные.

– В каком смысле?

За обедом Алли поведала Джеку краткую историю каждой из сестер, называя Сиси ее настоящим именем Келено на тот случай, если сестра Джека сказала ее имя. Когда она дошла до Электры, последовала обычная реакция.

– Не могу поверить, что вы родственницы! На прошлой неделе ее фотографии были повсюду. Ну, и по сравнению с вашим семейством моя семья выглядит скучной, – вздохнул Джек. – Ваш отец был настоящим филантропом, если решил удочерить столько девочек.

– Он был филантропом и невероятным человеком. Как и ваша мама, он был себе на уме.

– Чем он занимался?

– Вы не поверите, но никто из нас точно не знает. Мы знали, что он ведет какой-то бизнес, но какой именно, я понятия не имела. Он часто уезжал и много путешествовал.

– Не думаете, что он мог быть шпионом?

– Возможно, но едва ли шпионы зарабатывают столько денег, сколько было у папы. – Алли тихо рассмеялась. – Мы росли в настоящей роскоши, хотя примечательно, что он выделял нам лишь небольшое пособие на личные нужды. Нам всем пришлось работать, чтобы обеспечить себя.

– Ну, если в этом есть какое-то утешение, вы определенно не производите впечатления избалованной богатой наследницы.

– Спасибо.

– Если не считать того шикарного автомобиля, на котором вы приехали, – поддразнил ее Джек. – Это нечто особенное. Он ваш?

– Он принадлежал Па Солту, но каждая из нас могла пользоваться им по мере надобности. Разумеется, после смерти Па никому из нас не хотелось разбираться в хитросплетениях его финансов. К счастью, он учредил фонд для нас и назначил опытного нотариуса для управления средствами, в следующие несколько недель мы собираемся встретиться с ним и выслушать его разъяснения. Все мы выросли и готовы принять ответственность на себя.

– Для меня все это слишком сложно. – Джек пожал плечами. – Во всяком случае, если у тебя нет крупного состояния, то не в чем особо и разбираться. После смерти моего отца дом достался маме, а винный бизнес перешел ко мне на паях с матерью и сестрой. Вот и все. Хотите кофе?

– Пожалуй, – согласилась Алли. – Риелторское агентство скоро откроется, так что после кофе я схожу туда и зарегистрируюсь.

– Хорошо. И, кстати, Алли, только не думайте, что ваше происхождение из богатой семьи вызвало у меня комплекс неполноценности. К вашей чести и к чести вашего отца, я бы никогда не догадался об этом.

– Кроме автомобиля, – одновременно сказали они и рассмеялись.

– За удовольствие заплачу я, – сказала Алли, когда подошел официант, и выложила на стол несколько купюр.

– Вообще-то, маленькая богачка, это определенно было *мое* удовольствие, – возразил Джек и положил рядом такую же сумму.

Они договорились о равной оплате, а потом направились к агентству, где Алли зарегистрировалась и, испытывая неудобство из-за того, что Джек мог счесть ее избалованной принцессой, поставила условие о поиске домов до двухсот тысяч евро.

– Вот этот хорош, – заметил Джек, заглядывавший в буклет из-за ее плеча.

– Это старая развалина, а последнее, чего я хочу, – это нанять команду строителей для реконструкции. Как насчет этого?

Пока они обсуждали качества предполагаемой покупки, Алли чувствовала себя совершенной шарлатанкой.

– Давайте вернемся в *кюве*. То, что я увидела, меня не устраивает, а дороже мне не нужно, – добавила она, пока они возвращались к автомобилю. – Стало быть, вам действительно удастся овладеть премудростями местного виноделия, несмотря на языковой барьер?

– Да, я узнал массу нового, – сказал Джек, когда они уселись в автомобиль и он завел двигатель. – Очень многое достигается через наблюдение за процессом, тогда вам не нужны слова. Проблема в том, что здешние почвы более кислые, чем у нас дома, но я определенно попробую вырастить несколько местных лоз и попытаю успеха с купажами, которыми они пользуются в Шатонёф-дю-Пап.

– Сколько вы еще собираетесь пробыть здесь?

– Формально – до окончания сбора урожая. На самом деле если я захочу, то могу задержаться в Европе дольше, поскольку в моем родном винограднике это время затишья. Я даже могу посетить другие страны, пока есть такая возможность. Возможно, доберусь и до Норвегии.

– Это было бы славно, – сказала Алли, когда они вернулись в *кюве* и она помогла Джеку занести покупки в дом.

– Добрый день, – сказала Жинетт, стоявшая посреди двора. – А я гадала, куда вы подевались. Можете отнести покупки на кухню? Мне нужно забрать детей из школы.

– Ну конечно, – отозвался Джек.

– Алли, приглашаю вас снова поужинать с нами сегодня вечером.

– Спасибо, Жинетт, – сказала Алли, проходя на кухню вслед за Джеком. Она подумала, что комната – а по сути, и весь дом – нуждается в ремонте, пока распаковывала сумки и убирала скоропортящиеся продукты в холодильник.

– Франсуа что-то зарабатывает от продажи вина? – обратилась она к Джеку.

– Немного, поскольку любая дополнительная выручка направляется на расширение виноградника или обновление техники. Дубовым бочкам в погребе больше ста лет. Прошлой зимой из-за дождей затопило склад, так что ему пришлось потратить кучу денег на защиту от воды. Что поделать, капризы природы. – Джек пожал плечами. – Ладно, мне нужна чашка.

– Чашка?

– Чашка чая, – пояснил Джек, наполняя чайник водой из-под крана. – Здесь, в Провансе, чай не особенно популярен. Пришлось самому закупить чайные пакетики, – добавил он и включил чайник. – Хотите?

– Да нет, пока обойдусь. Пойду к себе в домик; мне еще нужно сделать несколько звонков.

– Придете на ужин?

– Я... А Жинетт приглашает всех гостей на семейные ужины?

– Только тех, кто ей нравится. Очевидно, вы ей понравились.

– Не хочу показаться навязчивой.

– Гарантирую, что если бы Жинетт не хотела вас видеть, она не пригласила бы вас. Здесь правила устанавливает она, а не Франсуа. Полагаю, как и все женщины. – Джек улыбнулся. – До встречи вечером?

– Конечно. До свидания, Джек.

Алли взяла свой пакет с продуктами, которые теперь казались лишними, и пошла к гостевому домику. Налив себе большой стакан воды, чтобы отогнать головную боль, навещавшую ее после дневной выпивки, Алли вышла во двор и достала из сумочки мобильный телефон, переведенный в беззвучный режим на время поездки с Джеком в Жигондас. Как она и ожидала, на экране высветились пропущенные звонки. К счастью, они были не из Атлантиды, только от Стар. Алли позвонила ей.

– Привет, Стар. Я не слушала твои сообщения, так что расскажи, что там у вас.

– Боюсь, мы потеряли ее, Алли. Орландо весь день просидел в холле отеля, но он отлучился в туалет, а она пропала. Я вернулась в Кент, потому что должна забрать Рори, а Орландо следует за мной на поезде. Мы понятия не имеем, куда она делась. След простыл.

– Ох ты. – Алли прикусила губу. – Очень жаль, Стар. Я знаю, что ты старалась разговорить ее.

– Мы старались. Орландо рвет на себе волосы из-за того, что упустил ее. Дежурному швейцару было велено следить за ее приходами и уходами, но, судя по всему, прибыла большая группа постояльцев, и ей удалось выскользнуть незамеченной. Ты все еще в *кюве*?

– Да. Я провела большую часть дня с Джеком, он отвез меня в соседний городок, чтобы я посетила риелторское агентство, а потом мы перекусили в кафе. Честно говоря, Стар, он ничего не знает о прошлом своей семьи. Он сообщил, что его мать выросла в Дублине и получила диплом в Тринити-колледже, о чем мы уже знали, но, боюсь, это все. Сегодня я снова встречу с ним за ужином на ферме, но мне очень неудобно и дальше зондировать его.

– Орландо убежден, здесь есть связь с делом о потерянной сестре. Попробуй спросить Джека, означает ли это что-то для него.

– Нет, Стар, я не могу. Извини, но он замечательный парень, а я чувствую себя ужасной лгуньей. Теперь совершенно очевидно, что его мать избегает нас, поэтому я думаю, что нам пока стоит остано виться.

На линии повисла пауза.

– Понимаю, Алли. Я согласна. Но, так или иначе, ты хотя бы завязала дружбу с Джеком. Каков он из себя?

– Он очаровательный... – это слово сорвалось с губ Алли прежде, чем она успела замолчать.

– В самом деле? – Стар захихикала. – Я не слышала от тебя таких слов о мужчине с тех пор, как... Ладно, давай забудем об этом, и желаю приятного ужина. Я собираюсь забрать Рори. Пока, Алли.

– Пока, Стар.

В тот вечер, на подходе к фермерскому дому, Алли столкнулась с острым внутренним конфликтом. С одной стороны, ей хотелось просто наслаждаться ужином и обществом Джека, плыть по течению застольных разговоров. С другой стороны, ей хотелось раскрыть Джеку настоящую причину своего приезда. Она всегда старалась жить честно, но не обижая других людей, которых могли ранить ее откровенные слова, как это часто бывало у Сиси и Электры. Если бы Алли оказалась на месте Джека и в какой-то момент обнаружила, что дружелюбная женщина, с которой он проводил время последние двадцать четыре часа, на самом деле старается выкачать из него нужную информацию, то не захотела бы иметь ничего общего с подобной особой.

«Почему я волнуюсь, что это случится?» – подумала она.

– Потому что он честный и симпатичный парень, который общался с тобой как с нормальным человеком, – пробормотала она под нос, когда подошла к входной двери. – Просто пей вино, да побольше!

Алли пошла на кухню поздороваться с Жинетт и вручить ей маленький подарок.

– Я просто хотела поблагодарить вас за невероятное гостеприимство, – сказала она. – Извините, если это выглядит банально, но трудно придумать подходящий подарок, когда живешь в одном из прекраснейших мест на свете. Даже в вашем цветнике полно роскошных экземпляров. – Она указала на свежий букет, выставленный в вазе на стол.

– О, *ladurée macarons!*^[32] Спасибо за такое чудесное лакомство. Прошу, уберите их в тот ящик, чтобы я сама могла все съесть! Вы завтра уезжаете?

– К сожалению, мне нужно уехать, но я с удовольствием посету вас в другое время и останусь подольше.

– Вам удалось найти интересные дома?

– Нет. Похоже, местные имения гораздо дороже, чем я предполагала.

– Или вы слишком отвлеклись от просмотра... – Жинетт лукаво улыбнулась, взяла кабачок и начала резать его острым ножом. – Я слышала, что сегодня у вас был увлекательный ланч с мсье Джеком.

– Мы с Джеком приятно побеседовали, потому что я говорю по-английски.

– *Mon Dieu!* – Жинетт провела рукой по волнистым темным волосам. – Почему в наши дни все так боятся говорить, что их влечет друг к другу? С того момента, когда вы уселись за стол, мне было ясно, что между вами возникла некая химия. Все, кто вас видел, уже высказались по этому поводу. Это же Франция, Алли: это мы придумали слово «любовь». Разве плохо, если вы проведете одну ночь, неделю, месяц или даже целую жизнь вместе? Это редко бывает – встреча с человеком, которого вы считаете привлекательным и который считает вас привлекательной. А в данный момент все очень просто: ни лишнего багажа, ни душевных метаний... – Жинетт пожала плечами в типично французской манере. – Почему бы не порадоваться жизни? Кстати, если вы направляетесь на веранду, не захватите ли этот поднос с тарелками?

– Само собой. – Алли взяла нагруженный поднос, радуясь тому, что ей есть чем занять руки. Возможно, Жинетт права: ей нужно просто радоваться последнему вечеру в обществе приятного человека. Или даже привлекательного...

Получив теплые приветствия от всех, кто сидел за столом, Алли уселась на прежнее место рядом с Джеком.

– Добрый вечер. – Он наполнил ее бокал из керамического кувшина, а не из бутылки. – Кстати, сегодня мы пьем обычное *Côtes du Rhône*. Простое столовое вино, но оно тоже превосходно.

– О, я непритязательна и могу пить все, что передо мной ставят.

– В самом деле? Тогда можно будет продолжить водкой?

– Я имела в виду другое, но если вы долго плавали в море и оказываетесь в порту с группой мужчин, желающих выпить, то особенно выбрать не приходится. *Santé!* – Алли подняла свой бокал и улыбнулась.

– *Santé*. Готов поспорить, вам удавалось держать их в узде, верно? – шутливо поинтересовался Джек.

– По правде говоря, я этим вообще не занималась. После обычных сексистских шуточек мы отправлялись в море, а к тому времени, когда мы возвращались, они называли меня «Аль» и почти не обращали внимания на мой пол. Я всегда изображала из себя дрянную повариху, чтобы меня не отправили на камбуз только из-за того, что я женщина.

– А вы дрянная повариха?

– Пожалуй, – хихикнула Алли.

– Меня больше всего озадачивало, что в большинстве домов, где я бывал ребенком, на кухне всегда заправляли женщины, однако большинство знаменитых поваров – мужчины. Как вы думаете, почему?

– Не уверена, что мне сейчас хочется ввязываться в дискуссию о гендерной политике, Джек. – Алли снова глотнула вина.

– Вы имеете в виду, что в итоге можете запустить мне в голову этот винный кувшин?

– Надеюсь, до этого не дойдет. Но после многих лет в компаниях, где доминировали мужчины, мне определенно есть что сказать. Да уж, – добавила она, когда Джек налил ей очередной бокал.

– Думаю, стоит добавить, что мама научила меня абсолютному уважению к противоположному полу. – Джек усмехнулся. – А еще она научила меня готовить макароны, жаркое и тунцовый салат; по ее словам, этих трех блюд будет достаточно, чтобы поддержать меня в любой ситуации.

– Она хорошая повариха?

– Определенно не мирового уровня, но она славится умением приготовить большую кастрюлю чего-то вкусного из самых простых продуктов для большой компании. Мы живем в таком месте, где нельзя просто сбегать в соседний магазин, понимаете? Она фанатично относится к доеданию остатков, возможно, это как-то связано с ее детством. Из того немногого, что я знаю по психологии, такие вещи обычно тянутся из детства.

– Я... – Хотя Алли была искренне заинтересована *не только* сбором информации о его матери, она все равно ощущала себя виноватой. – Думаете, у нее было трудное детство?

– Как я сказал, она не распространяется об этом, и вряд ли какому-то ребенку интересно слушать воспоминания родителей об их прошлом. Теперь моего отца больше нет, и я жалею о том, что в свое время задавал ему мало вопросов.

– У меня то же самое, – согласилась Алли, когда на столе расставили миски с овощными салатами и бутылочки оливкового масла. – Даже не могу сказать, сколько вопросов мне сейчас хотелось бы задать Па Солту.

– Судя по всему, у вас было идиллическое детство. – Джек предложил ей салат.

– Да. Мы имели практически все, о чем можно мечтать. Любящую мать в лице нашей нянюшки Ма, неподдельное внимание Па Солта, когда мы в нем нуждались... и друг друга. Когда я погружаюсь в прошлое, оно кажется мне даже *слишком* безоблачным. Думаю, поэтому Па отправлял каждую из нас в частную школу, когда нам исполнилось тринадцать лет. Он хотел, чтобы мы познакомились с реальным миром.

– Вы сравниваете частный пансион с реальным миром? – с сомнением поинтересовался Джек. – Я имею в виду, что ваш отец должен был заплатить приличную сумму, чтобы устроить вас туда. Такие места были доступны только для детей из состоятельных семей, и это по-прежнему так, правда?

– Да, вы правы, но только моя школа не отличалась домашним уютom. Скорее, она была похожа на учебную тюрьму, которую приходилось оплачивать, и вы определенно знакомитесь с человеческой природой, когда круглые сутки находитесь в человеческом окружении. Вам приходится вести свои битвы без всякой поддержки от родителей.

– Значит, богатых детей отправляют в частные пансионы, чтобы они познакомились с лишениями?

– Думаю, это преувеличение, но, в сущности, так оно и есть. Разве я не предпочла бы учиться в государственной школе и иметь возможность каждый вечер возвращаться домой, к своей семье, независимо от того, что подают на ужин и в каком доме я живу? Когда я начала учиться в пансионе, то хотела сбежать оттуда. Потом, по мере того как я осваивалась и становилась более независимой, я начала понимать, в каком привилегированном положении оказалась. Частная школа предлагала всевозможные факультативные возможности, которых я бы не имела в государственном учреждении.

– Вообще-то моя мама тоже училась в частном пансионе. Она говорила, что это сформировало ее личность по причинам, о которых вы упомянули, хотя сначала она ненавидела это место. Интересно, как вы поступите с собственными детьми, когда они у вас будут?

Джек смотрел ей в глаза, и Алли почувствовала, что краснеет. Она отвернулась, сосредоточившись на салате, и пожала плечами.

– Точно не знаю, – пробормотала она.

После великолепного главного блюда из жареной кабанятины, о приходе которой не спрашивал никто из собравшихся за столом, поскольку охота в это время года находилась под запретом, Алли уединилась в ближайшей ванной комнате, где сцедила немного грудного молока, чтобы уменьшить риск протечки.

Сполоснув лицо холодной водой, Алли посмотрелась в зеркало.

– Помни о том, что сказала Жинетт, – прошептала она. – Просто радуйся жизни. Завтра тебя здесь не будет.

* * *

– Мне пора в постель, – сказала Алли после кофе и бокала ароматного, хотя и необязательного арманьяка. – Завтра мне рано отправляться в путь.

– Я провожу вас до дома, ладно? – предложил Джек.

Попрощавшись с остальными, она сказала Жинетт, что зайдет к ней рано утром для оплаты по счету. Потом они с Джеком пошли к домику по освещенной лунной дорожке.

– Если бы я хотела что-то купить здесь, этот домик был бы почти идеальным, – заметила она.

– Кроме периода сбора урожая, когда здесь бывает очень шумно. Тогда потные сборщики винограда будут по утрам заглядывать в ваши окна. А виноградные пауки будут заползать в дом.

– Считайте, что вы меня уговорили. – Она улыбнулась. – Я просто думаю, как живописно он выглядит в лунном свете. И не возражаю против пауков, после того как однажды застучала крысу, сидевшую на моем матрасе на борту яхты. Должно быть, она прошмыгнула на борт, пока мы были в порту, и решила присоединиться к нам на следующем этапе маршрута.

– Ого! Пожалуй, даже мне стало бы не по себе. Что вы сделали?

– Признаюсь, я завизжала, и один из парней прибежал мне на помощь, – рассмеялась Алли.

– Не волнуйтесь, я бы поступил так же. Но у вас есть броня за этой изящной внешностью, правда?

– Не уверена, но теперь меня мало что пугает в жизни, кроме утраты близких людей.

– Да, смерть помещает все в надлежащую перспективу. Меня пугает, что через тридцать лет я по-прежнему буду работать на своем винограднике, старый и одинокий. Как я говорил, там мало возможностей знакомиться с моими ровесниками; вокруг живут лишь стареющие фермеры да пожилые виноградари.

– Никому не хочется оставаться в одиночестве, – вздохнула Алли.

– Но это лучше, чем жить с кем-то по расчету только для того, чтобы не оставаться в одиночестве, правда?

– Точно, – согласилась Алли.

– Вы с вашим женихом долго были вместе? Извините, я не собирался совать нос в чужие дела, а просто поинтересовался.

– Ничего, все в порядке. В общем, это продолжалось недолго. У нас был бурный роман. Я сразу поняла, что он единственный, кто мне нужен, и мы быстро обручились.

– У меня такое ощущение, что у моих родителей все было точно так же, хотя, конечно, ничего нельзя утверждать с уверенностью. Но по сравнению с родителями моих знакомых они всегда выглядели очень счастливыми. Никогда не ссорились, понимаете? Или, во всяком случае, в нашем присутствии. Теперь, когда отца больше нет, я беспокоюсь за маму. Ей почти шестьдесят лет, она вряд ли встретит кого-то еще.

– Как насчет тех холостых фермеров, о которых вы упоминали?

– Сомневаюсь. Отец с матерью были вместе более тридцати пяти лет. Кстати, вчера перед ужином был странный звонок от мамы.

– Правда? – Сердце Алли громко застучало в груди, когда они приблизились ко входу в домик. – О чем?

– Она сказала мне, что сегодня улетела в Дублин, и это показалось мне странным, поскольку я думал, что она на какое-то время остановилась в Нью-Йорке, чтобы встретиться со старыми друзьями, а потом отправится в Лондон. Я сказал ей, что, должно быть, волнительно после стольких лет возвращаться на родину, а она ответила, что это хорошо, но никогда не знаешь, какие призраки могут появиться из прошлого. Возможно, это была шутка, Алли, но, по правде говоря, мне показалось, что она испугана, – Джек пожал плечами.

– Я... может быть, все нервничают, когда возвращаются на родину после многолетнего отсутствия?

– Да, может быть. Но потом она начала говорить, как сильно любит меня, как гордится мною и тому подобное. Он была близка к слезам. Я уже подумал, не стоит ли мне заказать перелет в Ирландию и убедиться, что с ней все в порядке. От Марселя до Дублина всего лишь два часа лету, а ее голос звучал... странно. Как вы думаете?

Джек смотрел прямо на нее, и Алли хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть в облаке дыма.

– Н-ну, я думаю, что если вы так беспокоитесь за нее, то, наверное, стоит это сделать, – выдавила она. – Тут недалеко.

– Я до сих пор укладываю в голове тот факт, что в Европе не бывает «далеко», – улыбнулся он. – Просто привык находиться на другом краю света.

– Вы знаете, где она остановилась? Я имею в виду, у друзей или...

– Да, в отеле «Меррион», поэтому она пошутила, что его называли в честь ее прозвища, Мерри. Так или иначе, я позвоню ей завтра утром, послушаю, что она скажет, а потом решу.

– Дельная мысль. Ну ладно, мне пора в постель, – сказала Алли и снова почувствовала, как заливается румянцем. Ей захотелось поскорее оказаться внутри.

– Послушайте. Если мы не сможем увидеться завтра, хочу сказать, что для меня было удовольствием провести время с вами. Мы можем остаться на связи?

– Да, конечно.

– Отлично. Я дам вам мои мобильные номера во Франции и Новой Зеландии.

– А я – в Швейцарии и Норвегии.

Они быстро обменялись номерами.

– Ну что ж, спокойной ночи, – сказала Алли, достала из заднего кармана джинсов ключ от домика и вставила его в замочную скважину. Она повернула ключ, почувствовала, как его руки легли ей на плечи, и вздрогнула.

– Прошу прощения, Алли, я... – Джек отступил с поднятыми руками, как будто она собиралась застрелить его. – Я не хотел... не собирался... черт!

– Не стоит беспокоиться. Просто я не...

– Готова?

– Да. Во всяком случае, не сейчас, хотя мне в самом деле приятно ваше общество, и... – Она посмотрела на него. – Обнимемся, и хватит?

– Конечно. – Он улыбнулся. – Иди сюда. – Джек привлек ее к себе, и она убедилась, что от него пахло точно так, как она ожидала: мылом, свежестью и мужской кожей. Она чувствовала его силу, а из-за его роста у нее возникло необычное ощущение хрупкого цветка.

Так или иначе, она разорвала объятие раньше, чем ей бы хотелось. Джек наклонился и нежно поцеловал ее в щеку.

– Спокойной ночи, Алли, – сказал он. – Надеюсь на новую встречу.

Он повернулся с сокрушенной улыбкой и побрел по гравийной дорожке к фермерскому дому.

Оказавшись внутри, Алли «совсем запыхалась», как она однажды объяснила Ма приступ паники перед своим первым экзаменом по флейте. Сидя на кровати, Алли наклонилась вперед и постаралась замедлить дыхание. Оставалось лишь гадать, какая часть из последних десяти минут вызвала такую реакцию. Алли потянулась к бутылке воды, стоявшей у кровати, и сделала глоток. Наконец ее дыхание и пульс успокоились. Она посмотрела на экран мобильного телефона и убедилась, что там нет новых звонков или голосовых сообщений. Это означало, что с Бэрмом все в порядке. Были текстовые сообщения от Стар, которая спрашивала, как прошел вечер, и еще одно сообщение от Майи того же содержания.

«Позвони мне!» – зывали обе сестры.

– Нет, только не сегодня. – Алли покачала головой. Ей хотелось еще на несколько часов сохранить память о прошедшем вечере и сладостном объятии, пока не придется рассказать обо всем ее сестрам и это не станет частью их общего заговора. Кроме того, решила она, пока раздевалась, если Джек завтра полетит к своей матери в Дублин, она обязательно скажет ему о незнакомых женщинах, которые преследовали ее и претендовали на родство с ее дочерью...

– После этого ему вряд ли захочется встречаться снова, верно? – пробормотала она, легла в постель, поставила будильник и выключила свет. Она лежала, глядя в темноту, и вспоминала не только последнее объятие, но и смех, и разговоры. Она уже давно не смеялась от души, и даже если Джеку не хватало образования, она не сомневалась в его интеллекте.

– Тебе необязательно иметь пачку дипломов, чтобы быть умной, – однажды сказал Па, когда она сообщила, как неуверенно она себя чувствует, имея ученую степень в музыке, а не в науке или литературе.

«Джек умный», — подумала она, прежде чем отойти ко сну.

Алли плохо спала и проснулась в половине седьмого, готовая к выезду через час. Она знала, что Жинетт уже на ногах и готовит детей в школу, поэтому зашла на кухню, чтобы оплатить счет и попрощаться.

– Было приятно видеть вас здесь, Алли, – сказала Жинетт, пока дети бегали туда-сюда, собирая книжки, спортивный инвентарь и коробки для ланча. – Пожалуйста, приезжайте еще.

– С удовольствием, – ответила Алли, когда они вышли на улицу, и Жинетт, по местному обычаю, трижды расцеловала ее.

Радуясь тому, что она не столкнулась с Джеком, Алли отправилась в Женеву. Она сразу же включила громкую связь и позвонила в Атлантис.

– Привет, Ма, я еду домой. С Бэром все в порядке?

– Да, иначе ты бы уже знала об этом, – сказала Ма. – Он ждет не дождется встречи со своей *татап*.

– Не думаю, что это правда, но все равно спасибо. – Алли улыбнулась. – Скоро увидимся.

– Майя хочет поговорить с тобой.

– Скажи ей, что мы побеседуем после моего возвращения домой, – твердо ответила Алли. – До свидания, Ма.

В автомобиле она поменяла компакт-диски, поставила свои любимые классические произведения и начала переживать заново каждую секунду последних двух дней. Которые пока что принадлежали *ей*, только ей одной...

* * *

Когда она вернулась в Атлантис, Бэр кивал головой на плече у Ма, готовый к послеполуденному сну. Алли отнесла его в свою спальню и

приложила к груди.

– Мама приехала, милый, она соскучилась по тебе.

Бэр пососал несколько секунд, потом его крошечные губы разжались, и он крепко уснул у нее на руках.

Она была рада, что с ним не случилось ничего плохого за время ее отсутствия, но, когда она положила его в кроватку, сам факт того, что он так быстро перестал нуждаться в ее присутствии, все-таки причинил боль.

Алли хотелось забраться в постель и вздремнуть, но это было бы нечестно по отношению к Майе или любой другой из ее сестер, принимавших участие в поисках неуловимой Мерри. С прошлого вечера она дожидалась, когда сможет сообщить им, что она точно знает, где находится Мерри. Что бы она ни думала о своей роли в их плане, нужно было хотя бы передать эту информацию.

– Здравствуй, Алли, – сказала Майя, когда сестра вошла на кухню. – Прости, что не встретила тебя, когда ты приехала. Как раз позвонил Флориано, и мне нужно было поговорить с ним насчет его прилета сюда. Ну, как тебе Прованс?

– Восхитительно. Послушай, Майя, я правда устала после поездки, так что извини, но я сразу перейду к делу. Джек сообщил мне о звонке своей матери, она сказала ему, что находится в Дублине. Она остановилась в отеле «Меррион». Единственный важный момент, о котором он упомянул, – это то, что ее голос якобы звучал «странно» и «испуганно». С учетом того, что она так внезапно уехала из Лондона, похоже, мы действительно испугали ее, и мне это совсем не нравится.

– Да, это нехорошо, – согласилась Майя. – Но я ее понимаю. Уверена, это потому, что ей не хочется, чтобы другая семья предъявила права на ее приемную дочь, которую она вырастила практически с рождения. Возможно, она боится, что Мэри-Кэт может привязаться к новым родственникам. – Майя посмотрела на Алли и закусила губу. – Может быть, нам стоит оставить все это?

– Именно так я и сказала Стар вчера вечером. Я имею в виду, что Джек – честный и простодушный человек и я ужасно себя чувствовала, пока изображала случайную туристку, которая присматривала себе дом в Провансе, особенно когда он сказал, что беспокоится о душевном состоянии своей матери. Думаю, нам нужно либо напрямик объяснить с Мерри, либо оставить ее в покое. Это не

игра, хотя у меня почти возникло ощущение, что Орландо рассматривает это как ролевую игру.

– Он лишь старается помочь, но, наверное, он слишком наслаждается своей ролью сыщика, идущего по следу. Я в основном согласна с тобой, Алли, но, опять-таки, я не могу забыть о Па Солте и о том, как долго Георг искал потерянную сестру. Помню, когда я была подростком, то спросила Па, почему наша седьмая сестра так и не появилась. На его лицо было больно смотреть, когда он ответил, что так и не смог найти ее. – Майя вздохнула. – Правда, я не знаю, что нам делать.

– Как бы то ни было, прежде всего нам нужно лично встретиться с Мерри и заверить ее, что у нас нет никаких дурных помыслов.

Майя заметила напряжение на лице сестры:

– Ох, Алли. Я надеялась, что поездка в Прованс даст тебе какое-то время для отдыха. Но ты выглядишь еще более напряженной, чем до отъезда.

– Ты знаешь мое отношение к честности. Я чувствую себя крайне неуютно, когда приходится изворачиваться и обманывать. Из меня вышла бы ужасная шпионка.

– Как насчет того, чтобы послать Тигги? В конце концов, она единственная сестра, которая не участвовала в нашем поиске, и никто не сможет испугаться ее; она самая мягкосердечная из нас. Если кто-то может объяснить Мерри, что мы не хотим никакого вреда, то это Тигги.

– Да, отличная мысль, Майя. И Шотландия недалеко от Ирландии, правда?

– Это уж точно.

– Хорошо, – со вздохом сказала Алли. – Давай как минимум спросим ее и послушаем, что она скажет.

Майя взяла свой мобильный телефон и позвонила Тигги. К ее удивлению, после двух гудков она услышала голос сестры:

– Привет, Майя. Я как раз прочитала электронное письмо Алли о потерянной сестре и собиралась позвонить... Все в порядке?

– Да, все хорошо, – ответила Майя. – Алли со мной. Как твои дела?

– Ох, у меня все нормально, и я не могу дождаться, когда встречу с вами. Вы нашли потерянную сестру и ее кольцо?

– Это долгая история, но... – Майя постаралась как можно короче объяснить события последних нескольких дней. – Мы думаем, что Мерри не хочет, чтобы ее дочь Мэри-Кэт узнала о своих биологических родителях, – закончила она.

– А ты что думаешь, Тигги? – спросила Алли.

Тигги немного помедлила с ответом:

– У меня такое впечатление, что она... испугана.

– Интересно, поскольку именно это я услышала от ее сына Джека, когда он говорил о ней вчера. У тебя или у кого-то из твоих знакомых... ну, *наверху*, есть какие-то идеи, почему это может быть?

Алли покраснела, когда упомянула о духовных способностях Тигги, но она сама видела их в Гранаде и определенно верила в них.

– Мне нужно подумать об этом, и будет гораздо проще, если я смогу поговорить с человеком. Но моя интуиция говорит, что она боится.

– Мы с Алли задавались вопросом, возможно ли это для тебя – лично поговорить с ней, – вмешалась Майя.

– У вас есть ее телефон?

– Да, у Орландо он есть, но нам действительно нужен человек, который может лично встретиться с ней и объяснить, что у нас нет никакого злого умысла, – сказала Алли. – Мы точно знаем, где она находится, и это место не очень далеко от тебя.

– От меня все далеко. – Тигги тихо рассмеялась. – Она в Шотландии?

– Нет, в Дублине. Это не больше двух часов лету от тебя.

– Возможно, я могла бы... Уверена, что Кэл сможет два-три дня обойтись без меня. Но меня беспокоит, так сказать, этическая сторона дела. Очевидно, что у ее скрытности есть причина, и я не хочу еще больше пугать ее, появившись из ниоткуда. Давайте я подумаю об этом.

– Само собой, – согласилась Майя. – И если тебе что-то покажется неправильным, мы откажемся от этого плана.

– Дайте мне полчаса. Кстати, Майя, имбирный чай должен помочь при твоих симптомах. До свидания!

На линии повисла тишина. Алли и Майя удивленно переглянулись.

– Ты вроде бы никому не говорила... о своем состоянии? – прошептала Алли, указывая на живот сестры.

– Алли, я правда никому не говорила!

– И я тоже.

– Тогда откуда она знает? – спросила Майя.

– Она просто знает. – Алли пожала плечами. – В Гранаде незадолго до рождения Бэра она рассказывала мне такие вещи о Тео и об ожерелье, которое он подарил мне, каких она просто не могла знать. Она... она сказала, что видела, как он стоял там. Я... – К глазам Алли подступили слезы. – Это был совершенно особенный момент. У нашей младшей сестры есть уникальный дар.

– Твои слова о многом говорят, Алли. Ты всегда скептически относишься к тому, что нельзя выяснить с помощью логических умозаключений. Давай посмотрим, что скажет Тигги, когда перезвонит нам.

Звук поступившего сообщения заставил Алли взглянуть на экран телефона.

* * *

«Привет, Алли, это Джек из Прованса/Новой Зеландии. Хотел убедиться, что ты нормально добралась до Женевы. Давай будем на связи и, может быть, встретимся в Европе до моего отъезда домой. Джек».

* * *

В конце сообщения был смайлик с изображением поцелуя, от которого у Алли перехватило дыхание.

– От кого это? – поинтересовалась Майя.

– От Джека, сына Мерри.

– Правда? Судя по выражению твоего лица, вы определенно спелись.

– Я была обязана наладить отношения с ним, не так ли? Мне нужно было вытянуть информацию о его матери. А теперь я пойду

наверх и проверю, не проснулся ли Бэр.

Майя проводила взглядом свою сестру и улыбнулась.

– «Но мнится мне, что леди уж не слишком возражала», – процитировала она строфу из «Гамлета».

* * *

Позднее, тем же вечером, когда Алли собиралась лечь в постель, Майя постучалась в ее спальню.

– Тигги согласилась встретиться с Мерри. Она собирается найти рейс в Дублин после полудня. От Абердина до Дублина лететь меньше двух часов.

– Отлично. Будем надеяться, что Мерри не исчезнет и у Тигги будет шанс для объяснений.

– По словам Тигги, «сомневаюсь, что она ушла далеко». Так или иначе, я хотела сообщить тебе.

– Я рада, что она поедет. Если она встретится с Мерри, то, по крайней мере, сможет что-то исправить.

– Да. Спокойной ночи, Алли.

– И тебе спокойной ночи.

Когда дверь за Майей закрылась, Алли откинулась на спину, внезапно усомнившись в решении Тигги. С моральной стороны это было правильно, но, конечно же, это означало, что Джек рано или поздно узнает от своей матери о ее участии в обмане...

– Ради всего святого, Алли, вы знакомы меньше двух суток, – твердо сказала она себе.

Тем не менее она провела много времени в мучительных раздумьях над ответом на его сообщение и даже уснула с мыслью о том, что мог означать поцелуй в конце его сообщения...

26

Мерри Дублин, Ирландия

Я проснулась по будильнику, который поставила на десять утра, и немного полежала, впервые чувствуя себя по-настоящему

отдохнувшей после отлета из Новой Зеландии. Возможно, из-за того, что я находилась на «домашней территории»; было отрадно вернуться в Ирландию, хотя в этом была и определенная жизненная ирония, если вспомнить, почему я покинула Дублин много лет назад. Но осознание того, что я являюсь частицей этого гордого, прекрасного и необыкновенного острова, разбредило мои чувства.

Джок время от времени спрашивал меня о желании посетить свою семью в «старой стране», но я каждый раз отказывалась. Как бы я ни тосковала по родным, я понимала, что они могут проговориться Джоку о моем поспешном отъезде, но еще важнее было мое намерение защитить их. Правда заключалась в том, что я уже тридцать семь лет не разговаривала ни с кем из членов моей семьи.

Ложь, ложь, ложь...

– С меня хватит, – сказала я вслух в очередном красиво оформленном и со вкусом меблированном гостиничном номере. – Я больше не боюсь! – добавила я на тот случай, если кто-то подслушивал за дверью.

Я позвонила и попросила принести чай с бисквитами. Бисквиты на завтрак были роскошью, особенно домашней выпечки, какие подавали в отелях вроде «Мерриона», но почему бы не побаловать себя? Я взяла один из гляцевых буклетов, оставленных рядом с телефоном для искушения постояльцев. Забавно, но я ни разу в жизни не была в спа-салоне; пытаюсь представить его, я каждый раз видела старинные римские бани, заполненные дамами, желающими поправить здоровье. Недавно я открыла для себя современные аналоги римских бань, которые почему-то всегда находились в цокольном этаже отеля, где длинные коридоры вели в комнаты для терапии, наполненные медитативной фоновой музыкой из скрытых колонок. Я перелистала буклеты, гадая о том, стоит ли поддаться искушению и испытать на себе один из многих видов предлагаемого массажа, но предложение было таким же разнообразным и запутанным, как китайская еда навынос.

Стук в дверь немедленно заставил мое сердце забиться быстрее, но я сделала глубокий вдох и открыла ее. Когда официант поприветствовал меня, его мелодичный ирландский акцент в сочетании с неизменным местным дружелюбием быстро принес мне

успокоение. Он вошел в комнату, поставил мой завтрак на столик и поинтересовался, откуда я приехала.

– Из Лондона.

– Вы там живете?

– Нет, я живу в Новой Зеландии.

– О, вот как! Значит, вы совершили долгое путешествие. Надеюсь, вам у нас понравится, миссис Макдугал.

Когда он ушел, я взяла уже налитый чай и добавила в чашку один из запасных чайных пакетиков, которые возила в своем саквояже. Я пришла к выводу, что чай в гостинице всегда водянистый независимо от того, в какой точке мира вы находитесь, а я привыкла к такой крепкой заварке, от которой кожа облезала с рук, как шутил Джек над моим методом заваривания.

Вернувшись на кровать с чашкой чая в руке, я подумала, как сильно мне хотелось выйти из укрытия с того момента, как я оказалась в Ирландии. На паспортном контроле я хотела вернуть в свою речь воркующий ирландский акцент, с которым выросла здесь, но все это отступило перед намерением защитить себя и любимых людей.

Под другим именем и с другой национальностью в паспорте я вернулась на землю, которая вскормила меня... и обеспечила мне все неприятности, из-за которых я была вынуждена улететь отсюда.

Сегодня я собиралась отправиться на поиски единственного человека на свете, которому я доверяла больше, чем любому другому, но с которым была вынуждена расстаться. Я нуждалась в его помощи, и с учетом преследователей, охотившихся на меня с тех пор, как я уехала из Новой Зеландии, мне было больше не к кому обратиться.

Я посмотрела на кольцо, которое дорогой Амброз подарил мне на двадцать первый день рождения. Кто мог знать, что это маленькое украшение, врученное в знак любви, приведет к недавним событиям только из-за того, что оно выдавало мою прежнюю личность?

По крайней мере, я *верила*, что оно было вручено в знак любви...

«Нет, Мерри, не начинай сомневаться в нем, потому что если ты это сделаешь, то окончательно заблудишься в этом мире. А теперь, моя девочка, пора принять душ и подготовиться к прогулке по городу».

В полдень я стояла на Меррион-Сквер перед высоким элегантным городским домом, где когда-то находилась двухэтажная квартира Амброза, расположенная на первом и цокольном этаже. Мимоходом заглянув в окно, я увидела, что занавески, лампа и книжные полки выглядели точно так же, как перед моим отъездом.

При худшем сценарии Амброс уже умер и его родственник, новый покупатель или арендатор обитал в его доме, не потрудившись ничего изменить.

– Просто поднимись на крыльцо и постучись в дверь, Мерри, – пробормотала я. – Ему восемьдесят пять, и он едва ли застрелит тебя на месте, правда?

Я поднялась на крыльцо и нажала кнопку звонка, который издал две ноты, памятные мне из далекого прошлого. Некоторое время никто не отвечал, но потом голос – тот самый любимый голос, который я слышала десятилетия назад, – обратился ко мне через решетку микрофона над звонком:

– Амброс Листер слушает. Кто это?

– Я... Это я, Мэри О'Рейли. Девушка из прошлого. Амброс, это я! – проговорила я, едва не прикасаясь губами к решетке. – Можно войти?

– Мэри? Мэри О'Рейли?

– Да, это я, Амброс, пусть даже я немного растеряла свой акцент. Это я.

Воцарилось молчание, я сглатывала слезы, вызванные мыслью о том, какой я была тогда и кого я могу увидеть сейчас. Потом дверь открылась, и он появился на пороге.

– Иисус, Мария и Иосиф! – выдохнула я. – Извини, я плачу.

– Боже мой, за восемьдесят пять лет мне не приходилось так удивляться. Пожалуйста, заходи в дом, чтобы мы никого не смущали своим видом.

Амброс проводил меня внутрь, и я увидела, что, хотя теперь он опирался на трость при ходьбе, а его волосы поредели (впрочем, их и тогда было немного), он по-прежнему был именно таким, каким я его помнила. На нем был старый твидовый пиджак и клетчатая рубашка с темно-зеленым галстуком-бабочкой, а его добрые карие глаза казались совиными за толстыми круглыми стеклами очков. Он был единственным, кто всегда называл меня «Мэри», а не «Мерри», и

сердце сжалось при звуках моего имени, произнесенного его звучным голосом.

Закрыв парадную дверь, он провел меня по коридору в гостиную. Стол у окна и два кожаных кресла, расположенные напротив друг друга перед мраморным камином, совершенно не изменились. Как и старый ветхий диван, стоявший у стены лицом к переполненным книжным шкафам по обе стороны от камина. Амброз закрыл дверь и посмотрел на меня.

– Ну и ну, – только и сказал он.

Я молчала, потому что продолжала глотать слезы.

– Хотя сейчас только одиннадцать утра, полагаю, здесь нужно какое-нибудь крепкое лекарство.

Амброз подошел к одному из книжных шкафов и достал из небольшого буфета бутылку виски и два бокала. Когда он ставил их на свой письменный стол, я заметила, что у него дрожат руки.

– Можно, я налью? – попросила я.

– Будь так добра, моя дорогая. Мне что-то не по себе.

– Садись, я разберусь.

Когда Амброз опустил в свое любимое кресло, я налила две щедрые порции и протянула ему бокал, потом устроилась в свободном кресле.

– Sláinte!

– Sláinte!

Я сделала большой глоток, сначала обжегший горло, а потом разлившийся приятным теплом в желудке. После того как мы молча осушили бокалы, Амброз поставил свой бокал на круглый столик рядом с креслом. Я порадовалась тому, что теперь его рука почти не дрожала.

– Я мог бы привести множество известных цитат ради такого момента, но не хочу обращаться к банальностям или гиперболам, – наконец сказал он. – Я просто спрошу: где ты пропадала последние тридцать семь лет? И ты, я уверен, – он поднял палец, показывая, что еще не закончил, – и ты ответишь, что это долгая история. Долгие истории – лучшие из всех, но, наверное, сначала стоит обойтись историей покороче, как говорят в наши дни, ближе к делу.

– Я жила в Новой Зеландии, – сказала я. – Вышла замуж за человека по имени Джок, у нас двое детей. Джеку тридцать два года, а

Мэри-Кэт скоро исполнится двадцать два.

– А теперь самый важный вопрос: ты была счастлива?

– Когда я уехала, то была совершенно несчастна, – призналась я. – Но в конце концов да, я была счастлива. Когда я встретила Джока, то поняла, что должна забыть о прошлом и жить с тем, что мне было дано. Когда я сделала это, то смогла снова радоваться жизни и ценить ее.

Амброз помедлил, положив руки на подлокотники старого кресла и упершись пальцами в подбородок.

– Следующий вопрос: есть ли у тебя время и силы для подробного рассказа о своей жизни в эти годы? Или ты скоро снова уедешь отсюда?

– В данный момент я не планирую уезжать. Как ни странно, по причинам, о которых я хочу поговорить с тобой, я отправилась в путешествие, предположительно на несколько месяцев. Примерно за неделю я побывала в четырех странах. Ирландия значилась в моем графике как последняя остановка.

Амброз улыбнулся:

– Планы мышей и людей^[33], я бы добавил «и женщин». Главное, что сейчас ты здесь, и, хотя мое зрение давно не то, что раньше, ты ничуть не изменилась. Ты все та же юная красавица, в которую я был влюблен и последний раз видел в этой комнате, когда ей было двадцать два года.

– Тогда зрение действительно подводит тебя, дражайший Амброз. Мне почти пятьдесят девять, и скоро я буду старухой.

– Значит, ты сможешь уделить мне некоторое время – еще несколько часов или дней – и объяснить, почему ты тогда решила покинуть Ирландию и разорвать все контакты со мной.

– Да, я собираюсь это сделать. Но это... в общем, это зависит от твоей реакции, когда я расскажу тебе о моей нынешней проблеме. Которая имеет непосредственное отношение к причине моего отъезда из Ирландии много лет назад.

– Боже милосердный! Ты оказалась в центре греческой трагедии или собираешься описать историю своей жизни? – Амброз выразительно приподнял бровь.

– Возможно, я слишком драматизирую, но именно поэтому я сейчас сижу рядом с тобой. Ты единственный из оставшихся людей, к

которому я действительно могу обратиться за советом.

– А как же твой муж Джок?

– Мой дорогой Джок умер несколько месяцев назад. Поэтому я и решила...

– Нанести визит в свое прошлое?

– Да.

– И ты считаешь, что твое прошлое могло догнать тебя? – спросил он, проницательный, как всегда.

– Я... да. Совершенно... – Я встала. – Не возражаешь, если я налью себе еще виски?

– Никак нет, Мэри. Налей и мне капельку. Мне всегда лучше думается с определенным процентом алкоголя в крови, но, пожалуйста, не рассказывай об этом моим бывшим студентам. – Он подмигнул. – На кухне есть блюдо с неплохими сэндвичами для закуски. Моя приходящая работница, которая делает – или порой не делает – все необходимое, приготовила их перед уходом.

– Пойду и принесу их.

Я прошла по сумрачному коридору на кухню и заметила, что ни один шкаф не изменился за время моего отсутствия, если не считать новой плиты и микроволновки в углу. Сэндвичи были сделаны из пресного хлеба и накрыты пищевой пленкой.

– Вот оно, – сказала я, когда вернулась и поставила блюдо на столик рядом с Амброзом.

– Угощайся. Как всегда, одни – с сыром и салатом, другие – с ветчиной и салатом.

– Выглядит вкусно; определенно лучше, чем стряпня миссис Каванаг. – Я улыбнулась и взяла сэндвич.

– Ах, миссис Каванаг. – Он вздохнул. – Что же, дорогая Мэри, я пропустил большую часть твоей жизни, но, с другой стороны, ты пропустила большую часть моей жизни. Так что давай покушаем и продолжим наш разговор.

Пока мы ели сэндвичи, за столом снова воцарилось молчание. Амброз всегда учил, что невежливо разговаривать с полным ртом, и я учила своих детей тому же самому.

– Значит, не считая зрения, ты в неплохом состоянии? – спросила я, когда мы покончили с едой.

– Думаю, слова «не считая того-то» – общий знаменатель для здоровья людей моего возраста. Не считая ревматизма и повышенного холестерина, с которым я живу после пятидесяти, я нахожусь в такой же отличной форме, как блоха.

– Ты регулярно бываешь в Западном Корке?

Улыбка Амброза поблекла.

– Увы, нет. Фактически я не был там с начала семидесятых, последний раз я ездил туда через год или около того после твоего отъезда.

– Но как насчет отца О’Брайена? Вы с ним были добрыми друзьями.

– Ох, Мэри, это история для другого вечера.

Я заметила, как взгляд Амброза оторвался от окна, и поняла, что как бы ни закончилась их дружба, это было болезненным испытанием для него.

– Вижу, ты все еще носишь кольцо, которое получила от меня, – сказал он, повернувшись ко мне.

– Да, хотя формально оно принадлежит моей дочери, я подарила его ей на двадцать первый день рождения, но одолжила ради этой поездки. Я тревожилась, что ты не узнаешь меня после стольких лет, поэтому прихватила его в качестве страховки.

– Не узнаю тебя? Мэри, наверное, ты самый любимый человек в моей жизни! Как ты могла подумать такое? Если не... ах! – Амброс постучал себя по лбу. – Ты полагаешь, что я лишился шариков в голове и впал в старческое слабоумие?

– Честно говоря, у меня были такие опасения, и я хотела взбодрить твою память. Прости меня, Амброз.

– Я подумаю, заслуживаешь ли ты моего прощения, пока мы выпьем по чашке кофе. Полагаю, ты помнишь, какой кофе мне нравится?

– Крепкий, с капелькой молока и одной ложкой коричневого сахара? – Я поднялась на ноги.

– Вот именно, моя дорогая, вот именно.

Я принесла кофе и сделала себе чай.

– Так с чего ты хочешь начать? – спросил он.

– Следовало бы начать с самого начала, но лучше что-то вспоминать по мере надобности. Если я дам тебе общий обзор, ты

позволишь мне потом заполнить пробелы?

– Как пожелаешь. Мои сверстники и студенты в Тринити-колледже больше не нуждаются во мне, я вышел на пенсию больше пятнадцати лет назад, поэтому у тебя есть полная свобода действий.

– Вообще-то я принесла это кольцо не просто для того, чтобы взбодрить твою память, Амброз. Я принесла его потому, что оно каким-то образом оказалось в центре моих проблем. И тогда, и сейчас.

– Правда? Мне очень жаль.

– Я... бежала из Ирландии, поскольку должна была скрыться от одного человека. Сначала я отправилась в Лондон, но потом у меня не осталось выбора, кроме как двигаться дальше, сначала в Канаду, потом в Новую Зеландию.

Амброз хранил молчание, пока я собиралась с силами для продолжения.

– Я не сохранила свою фамилию, когда вышла замуж, и через несколько лет стала гражданкой Новой Зеландии. У меня появилась новая личность, и я твердо верила, что это освободило меня от преследователя. Как я уже сказала, мы с Джоком вместе радовались жизни, растили виноградник и двоих детей. Но потом...

– Да?

– Я отправилась в путешествие, и моим первым портом приписки был Норфолк – крошечный остров, расположенный между Австралией и Новой Зеландией. Я навещала свою старую подругу Бриджет, которая недавно поселилась там. Ты помнишь Бриджет?

– Как я мог забыть ее, раз уж мы установили, что я не страдаю старческим слабоумием? Твоя рыжая соперница в детстве и лучшая подруга в университете.

– Да, это она. Так или иначе, когда я была на острове Норфолк и пила вино с Бриджет и ее новым мужем, то получила сообщение от своей дочери Мэри-Кэт. К ней заявили две девушки, они расспрашивали о ее прошлом и утверждали, что она может оказаться потерянной сестрой в их семье из шести сестер, которых удочерил какой-то мужчина со странным именем, умерший год назад. Доказательством родственной связи якобы служило кольцо с изумрудом в форме семилучевой звезды с маленьким бриллиантом в центре. – Я подняла руку и указала на мое кольцо. – Мэри-Кэт видела

рисунок, который эти женщины привезли с собой. Она совершенно уверена, что это то самое кольцо.

– Вот как? Продолжай, пожалуйста.

– Эти женщины так хотели выследить меня с этим кольцом, что прилетели на остров Норфолк, чтобы встретиться со мной. Так сказала Мэри-Кэт.

– Ты знаешь причину их настойчивости?

– Какая-то невероятная выдумка насчет их умершего отца, чьим заветным желанием якобы было найти потерянную сестру. Эти сестры собираются устроить какую-то мемориальную службу в годовщину его смерти и прибыть к тому месту в море, где он якобы нашел свою кончину. У этих женщин такие же имена, как у Семи сестер из созвездия Плеяд! Тебе когда-нибудь приходилось слышать подобную околесицу?

– Безусловно, я признаю существование темы потерянной сестры в мифах и преданиях по всему миру... как и ты, Мэри. В конце концов, в бакалавриате ты писала диссертацию об Орионе, который преследовал Меропу.

– Знаю, Амброз, но Семь сестер... это плод воображения, а не реальная человеческая семья.

– Если бы ты сказала об этом древним грекам, Мэри, они бы оставили тебя на вершине Олимпа в качестве жертвы богам.

– Пожалуйста, Амброз, это не смешно!

– Извини, Мэри. Продолжай, пожалуйста. Я уверен, что у этого безумия должен быть какой-то смысл.

– Когда я узнала, что они собираются прилететь на остров Норфолк, то поговорила с Бриджет, поскольку она все знает о моем прошлом, и она согласилась, что мне стоит уехать раньше, чтобы не встречаться с ними. Поэтому я полетела в Канаду, запланированную в качестве следующей остановки, но уже в первый день стала получать звонки и сообщения от консьержа, что две девушки добиваются встречи со мной. Когда я спросила консьержа, как они выглядят, он сказал, что они были в мусульманских нарядах.

– Значит, это были не те девушки, которые последовали за тобой на остров Норфолк?

– Нет. Судя по тому, что я успела заметить, эти были темнокожими. И хотя я велела консьержу сказать им, что меня нет в

номере, они просто сидели и ждали в холле. В конце концов я не вытерпела, поэтому спустилась посмотреть на них. Одна из них, должно быть, узнала меня, потому что окликнула по имени, когда я бежала к лифту. Слава богу, двери закрылись прежде, чем она успела добраться до меня. Она тоже оставила мне письмо с точно такой же историей, как у девушек, которые посетили Мэри-Кэт. Я так испугалась, что решила сразу улететь в Лондон.

– Все чудесатее и чудесатее^[34], – заметил Амброз, пока я переводила дыхание и пила чай.

– В холле «Клариджа» я столкнулась с весьма приятным мужчиной. Он спросил, не хочу ли я дать ему интервью о винограднике, которым управляли мы с мужем, поскольку он был гастрономическим журналистом, оценивавшим винные карты. Он пригласил меня в номер своей подруги, которая представилась как леди Сабрина. Оба выглядели вполне аристократично. Но потом... – я отпила чаю, – ...когда этот Орландо брал у меня интервью, я заметила, что женщина смотрит на мое кольцо. После окончания интервью она спросила меня о происхождении кольца. Она сказала, что семилучевая звезда очень необычна, а потом Орландо заговорил о Семи сестрах из созвездия Плеяд и о потерянной сестре... – Я безнадежно покачала головой. – В этот момент я встала и ушла. Я заметила, что Орландо следил за мной, когда я ходила в Клеркенуэлл, чтобы просмотреть архивные записи бракосочетаний и смертей. В тот вечер они пригласили меня на ужин, но я отменила встречу и всю ночь пролежала без сна в своем номере. На следующее утро, когда я думала незаметно выйти, я заметила Орландо, который читал газету в холле у парадного входа и явно дожидался меня. В итоге я доставила свой багаж вниз, в камеру хранения. Мне пришлось подождать, пока этот Орландо отлучился в туалет, а потом я просто убежала. И вот я здесь. Я...

Я прижала ладонь ко лбу, смущенная тем, что была готова разрыдаться у него на коленях, как это иногда бывало в детстве, когда все шло вкривь и вкось.

– Правда, Амброз, я так устала. Я знаю, что они снова преследуют меня.

– Кто эти «они»?

– Какие-то очень нехорошие и жестокие люди. Или, скорее, один человек, который знаком с нехорошими и жестокими людьми и который давным-давно угрожал мне. Он угрожал моей семье и всем, кого я любила, включая тебя. Поэтому я...

– ...убежала, – закончил Амброз.

– Да. У тебя есть гигиенические салфетки?

– Вот, Мэри, вытри глаза. – Он протянул носовой платок, так сильно пахнувший моим детством, что у меня снова навернулись слезы на глаза.

– Я так беспокоюсь за Мэри-Кэт. Она одна на винограднике в Новой Зеландии и ничего не знает о моем прошлом. И Джек тоже ничего не знает. Этот человек натравит их на моих детей, и тогда...

– Тише, тише, – мягко сказал Амброз. – Конечно, я мало понимаю в том, что с тобой случилось, однако...

– Он всегда называл меня потерянной сестрой! Тогда, когда... ох, – закончила я, запутавшись в словах и не в силах описать сложность того, что случилось с нами.

– Полагаю, ты говоришь о ком-то, кого я знал, когда ты жила у меня?

– Да, но, пожалуйста, не произноси его имя. Я не могу его слышать. Он нашел меня, Амброз. Я знаю, он нашел меня.

Амброз сложил пальцы под подбородком и смерил меня долгим, очень долгим взглядом. По его лицу пробежал целый спектр трудноуловимых эмоций. Наконец он испустил глубокий вздох.

– Понимаю, дорогая Мэри, но, наверное, я могу немного успокоить твои страхи. Однако я боюсь, что тебе придется извинить меня. Мое единственное потворство преклонному возрасту – это короткий сон после полудня. И вместо того, чтобы дремать или даже громко храпеть в твоём присутствии, я предпочел бы на час-другой удалиться в свою спальню. Твое внезапное появление немного выбило меня из колеи.

– Конечно, Амброз, я не возражаю. Я уйду и вернусь попозже. Мне правда очень жаль, я не ожидала, что после стольких лет наша первая встреча будет такой скомканной.

– Не надо извиняться, дорогая Мэри. Просто прими тот факт, что я уже не так молод, как раньше. – Амброз слабо улыбнулся, медленно встал и направился по узкому коридору в спальню. – Если хочешь,

пожалуйста, оставайся здесь. Как тебе хорошо известно, здесь масса книг, и все они в твоем распоряжении. Если захочешь выйти в город, ключи лежат на прежнем месте: в серо-голубой фарфоровой миске на столе в кори доре.

– Тебе не нужно помочь? – окликнула я, когда он начал спускаться по лестнице в полуподвал, где находились две спальни и ванная комната.

– Я неплохо справлялся после твоего отъезда и надеюсь протянуть еще несколько лет в такой же манере. Увидимся в половине пятого, Мэри, и... пожалуйста, не сомневайся: я считаю, что ты в полной безопасности.

Когда он исчез из виду, я решила, что мне тоже стоит вернуться в отель и немного вздремнуть.

Я взяла ключ, покинула квартиру Амброза и прошла несколько сотен ярдов до перекрестка, наслаждаясь знакомой атмосферой и голосами, звучащими вокруг. Этот город был сценой для счастливейших моментов моей жизни, пока все не обернулось плохо.

В отеле я подошла к стойке администратора, чтобы забрать ключ от номера.

– Пожалуйста, миссис Макдугал, – сказал администратор, протянувший мне ключ. – Да, и вас кто-то ожидает в холле.

Мое сердце забилося так быстро, что я испугалась упасть в обморок прямо на месте. Я оперлась о стойку, наклонила голову и глубоко задышала.

– С вами все в порядке, миссис Макдугал?

– Да... да, все хорошо. Вы... этот человек назвал свое имя?

– Да. Он появился лишь пятнадцать минут назад. Давайте-ка я посмотрю...

Кто-то подошедший сзади опустил руку мне на плечо, и я вскрикнула от неожиданности.

– Мама, это я!

– Ох... – Я крепче уцепилась за стойку и подождала, пока мир не перестал вращаться вокруг меня.

– Лучше отведите вашу маму на диван в фойе, а мы принесем ей воды, – предложил администратор.

– Нет, я уже пришла в себя. – Я повернулась к высокому сильному мужчине, которого привела в этот мир, и положила руку ему на грудь,

пока он обнимал меня.

– Извини, что напугал тебя, мама. Почему бы нам действительно не посидеть в фойе и не заказать чаю?

– Ладно, – согласилась я, и Джек приобнял меня за талию для поддержки.

Когда мы устроились на диване в тихом фойе и заказали чай, я ощутила, что Джек пристально смотрит на меня.

– Правда, теперь я в полном порядке. Теперь скажи: что ты здесь делаешь?

– Все очень просто, мама: я беспокоился за тебя.

– Почему?

– Твой голос звучал... странно, когда ты в последний раз говорила со мной по телефону. Я пробовал позвонить тебе сегодня рано утром, но ты не брала трубку.

– У меня все отлично, Джек. Мне жаль, что ты проехал через полмира только ради встречи со мной.

– Вовсе не через полмира, мама. Перелет из Прованса до Дублина – не более двух часов, чуть дольше, чем поездка от Крайстчерча до Окленда. Так или иначе, я здесь, и, судя по твоей реакции на мое появление, я поступил правильно. Что происходит, мама? – спросил он, когда принесли чай.

– Давай попьем чаю, хорошо. Ты наливай, – сказала я, сомневаясь в том, что смогу нормально держать чайник. – Добавь в мою чашку еще одну ложку сахара.

В конце концов горячий сладкий чай и утешительное присутствие Джека успокоили мое сердцебиение и прояснили голову.

– Теперь мне гораздо лучше, – заверила я Джека, который все еще выглядел обеспокоенным. – Извини, что так перенервничала при встрече.

– Ничего страшного. – Джек пожал плечами. – Наверное, ты по думала, что это кто-то другой, кого ты не хотела видеть.

Глаза моего сына были ярко-голубыми, как и у меня.

– Да, может быть. – Я вздохнула. Мне всегда было крайне трудно лгать Джеку в лицо. Его врожденная честность и откровенность наряду с острой пронизательностью (особенно когда речь шла обо мне) делали это почти невозможным.

– Так кого ты ожидала?

– Ох, Джек, это долгая история. Если вкратце, то я думаю... думаю, что кое-кто в Дублине – опасный человек, который когда-то жил здесь, – снова идет по моему следу.

Джек спокойно пил чай, размышляя об услышанном.

– Хорошо. Как ты об этом узнала?

– Просто *узнала*, и все.

– Допустим. Какие события за прошлую неделю могли навести тебя на такую мысль?

Я нервно огляделась по сторонам:

– Я бы предпочла обсудить это наедине. Никогда не знаешь, кто может подслушать.

– Батюшки, мама, это же чистая паранойя! И звучит безумно, что особенно беспокоит меня, поскольку ты всегда была очень спокойным и здравомыслящим человеком. Пока что я даю тебе презумпцию невинности и не собираюсь тащить к ближайшему психиатру, который обнаружит у тебя симптомы бреда, но лучше объясни, кто этот человек.

– Я полностью в здравом уме. – Я понизила голос на тот случай, если официантка, стоявшая в углу пустого фойе, могла услышать нас. – Все началось с визита двух девушек к твоей сестре на винодельню. Они попытались убедить ее, что она является их давно потерянной сестрой, которую искал их покойный отец.

– Ага, понятно, – кивнул Джек. – Эм-Кей сообщила мне, что доказательство связано с изумрудным кольцом, которое ты носишь в данный момент. Они хотели взглянуть на кольцо.

– Да. С тех пор в каждом отеле, где я останавливалась, странным образом появлялись незнакомки, которые спрашивали обо мне. А потом в Лондоне... Помнишь, я позвонила тебе насчет человека, который хотел взять интервью о нашей винодельне для своей газеты?

– Да, помню. – Джек прищурился. – Постой, но ты же сказала, что находишься в Нью-Йорке!

– Извини, Джек. Я понимала, что ты встревожишься и начнешь задавать вопросы из-за того, что я отклонилась от первоначального маршрута моего путешествия. Так или иначе, этот человек оказался явно не тем, за кого он себя выдавал. Девушка, с которой он был, увидела кольцо и спросила о нем. Он даже следил за мной на следующий день, когда я вышла из отеля. Тогда я решила улететь в

Ирландию, и поэтому мой голос звучал странно во время нашего вчерашнего разго вора.

– Ладно. – Джек кивнул. – Тебе известно, почему эти люди преследуют тебя? То есть чего они хотят? Это же просто маленькое кольцо, – добавил Джек, глядя на него. – Оно не выглядит особенно ценным... Ох, мама, ты же не украла его? – Он лукаво улыбнулся.

– Разумеется, я не украла его! Скоро я расскажу тебе эту историю, наверное, уже пора. – Я вздохнула и посмотрела на часы. – Мне нужно немного отдохнуть. Я вернулась в отель на час-другой, пока мой друг лег поспать.

– Твой друг?

– Вообще-то Амброз – мой крестный отец. Я первым делом отправилась к нему, потому что мы не виделись тридцать семь лет.

– Твой крестный отец? – Джек нахмурился. – Почему ты раньше не упоминала о нем?

– Давай скажем, что я хотела оставить прошлое за спиной. Ради общего блага. Это он подарил мне это кольцо, когда мне исполнился двадцать один год.

– Стало быть, он причастен к недавним событиям, что бы они ни означали?

– Нет, это не так. – Я грустно улыбнулась. – Кстати, ты не получал новостей от Мэри-Кэт?

– Нет, последние несколько дней мы не общались.

– Это может показаться нелепым, но я беспокоюсь, что она осталась совсем одна на винодельне. У тебя в Провансе недавно не было каких-либо посетителей? Людей, спрашивавших обо мне?

– Нет, хотя я познакомился с очень приятной девушкой, которая остановилась в гостевом домике у Франсуа и Жинетт, и... – Джек вдруг нахмурился. – Ничего себе, – пробормотал он.

– Что? – Мое сердце снова забилося быстрее.

– Уверен, ничего особенного. Мы с ней отлично поладили, и я был рад появлению кого-то, кто за ужином мог общаться по-английски. Она сказала, что у нее есть сестры, и задавала много вопросов насчет тебя и удочерения Эм-Кей.

– О нет, Джек. – Я прижала пальцы ко лбу. – Они добрались и до тебя.

– Кто такие «они», мама? – жестко спросил он. – Эта девушка – ее зовут Алли – была великолепна, и мы случайно оказались рядом за обеденным столом. В сущности, это я предложил подвезти ее в деревню на следующий день, потому что она мне понравилась. Она ничего не упоминала о Плеядах, о потерянной сестре или о кольце...

– Хорошо. Возможно, это совпадение, но, пока мы точно не узнаем, я собираюсь попросить Мэри-Кэт прилететь сюда.

– Мама, что за чертовщина? Ты хочешь сказать, что наша жизнь в опасности?

– Возможно, и пока я не буду уверена в обратном, нам нужно держаться вместе.

Я наблюдала за выражением лица моего любимого сына, где потрясение боролось с сомнением. Я понимала, что должна рассказать ему нечто убедительное, пока он не отвез меня в местную психиатрическую клинику.

– Дело в том, Джек, что когда-то я была знакома с членом группы очень опасных людей, которые угрожали выследить и убить меня. – Я сглотнула. – Это может показаться абсурдом или чрезмерной драматизацией, но в прошлом дела обстояли именно так. Этот человек называл меня потерянной сестрой и ненавидел изумрудное кольцо, а заодно и моего крестного отца, который подарил его мне. Речь идет о далеком прошлом, Джек, и, пока я не выясню, жив он или мертв, мне не будет покоя, понимаешь? Поэтому я здесь, в Ирландии. Мне нужно раз и навсегда разобраться с этим.

– Ясно. – Джек кивнул. – Значит, ты думаешь, что он и его... люди снова преследуют тебя?

– Я считаю это вполне возможным, пока не будет доказано обратное. Ты его не знаешь, Джек, ты не знаешь, во что он верил и за что он якобы боролся. Он был... – я снова сглотнула, – ...он был абсолютно поглощен своей целью. Она была делом всей его жизни.

– Хорошо; по крайней мере, теперь твои слова звучат более разумно. Поэтому ты никогда не рассказывала нам о своем прошлом в Ирландии? И поэтому ты в конце концов оказалась в Новой Зеландии, так далеко, как только было возможно?

– Да. А теперь мне нужно встретиться с Амброзом. Он будет беспокоиться, куда я пропала.

– Мама, можно я пойду с тобой? После того, что ты рассказала, мне нужно быть рядом с тобой, просто на всякий случай.

– Я... хорошо. Наверное, тебе пора кое-что узнать о нашем семейном наследии.

Я подозвала официантку. Мы расплатились по счету и вышли из отеля.

– У тебя есть багаж? – спросила я Джека, когда мы повернули к Меррион-Сквер.

– Да, я оставил портплед в камере хранения отеля и забронировал номер, но хотел убедиться, что ты действительно здесь, прежде чем зарегистрироваться. Тот человек, который вроде бы преследует тебя, он принадлежит к какой-то экстремистской группе?

– Когда я познакомилась с ним, он был сам по себе, но ближе к концу определенно состоял в подпольной группировке. Клянусь, Джек, я не преувеличиваю. Мне известно, что у той организации, в которой он состоял, была агентурная сеть. По его словам, он занимал высокопоставленное положение, так что ему стоило отдать приказ, и... случались разные вещи. Послушай, – добавила я, когда мы остановились перед домом Амброза. – Мой крестный отец очень старый человек, но пусть это тебя не обманывает: он не растерял ни капли своего глубокого ума. Амброз был и остается умнейшим человеком, которого я знаю.

– Ну что ж, – сказал Джек, разглядывая высокое элегантное здание из красного кирпича со старомодными квадратными окнами. – Должно быть, он очень богат, если владеет домом на такой красивой площади в центре города.

– Ему принадлежит только квартира на первом и цокольном этаже, но ты прав: даже это в наши дни стоит больших денег. Он уже давно приобрел эту квартиру. И еще, Джек...

– Не беспокойся, мама. – Джек с благодушным видом пожал плечами. – Я не буду забывать о манерах.

– Знаю, дорогой. Ну что, заглянем в гости?

Я отперла дверь и вошла в прихожую, отделанную старомодной черно-белой плиткой.

– Амброз? Это Мэри! – объявила я и открыла дверь, ведущую в гостиную.

– Добрый вечер. – Он уже встал со своего любимого кресла, чтобы поприветствовать меня. Я увидела, как его взгляд переместился на Джека, который был в своих обычных шортах, футболке и грязноватых белых кроссовках.

– Кто бы это мог быть? – поинтересовался Амброз.

– Джек Магдугал, сын Мерри. – Джек протянул руку. – Как поживаете? – учтиво спросил он, и я была готова расцеловать его за формальное приветствие, которое, как я знала, точно снищет расположение Амб роза.

– Спасибо, молодой человек, весьма неплохо. Ну, раз уж нас трое, я предлагаю вам обоим расположиться на диване. Мэри, ты не сказала мне, что твой сын приехал с тобой.

– Его здесь не было, когда я приходила в прошлый раз, но он появился, потому что искал меня.

– Понятно, – сказал он. – Итак, кто-нибудь желает выпить? Боюсь, я мало что могу предложить, кроме двух главных продуктов питания в моей жизни: виски и воды. – Амброз посмотрел на часы, стоявшие на каминной полке. – Уже пять вечера, так что я предпочту виски. Твоя мама знает, где находятся бутылка и бокалы, – добавил он, когда Джек встал.

– Я попью воды, если Джек будет любезен принести ее, – сказала я. – Кухня в конце коридора, водопроводная вода отличного качества.

Джек кивнул и вышел из комнаты, а я сходила за бутылкой виски и бокалом.

– Славный юноша, и очень похож на свою мать, – сказал Амброз. – И готов поспорить, женщины млеют от него.

– На самом деле нет, Амброз, хотя он не так уж молод. Я беспокоюсь, что он утвердится в своих холостяцких привычках и не обзаведется семьей.

– А разве ему понравится любая женщина? Или, точнее, его матери? – Амброз приподнял бровь, когда я подала ему виски.

– Возможно, нет. Он совершенно лишен притворства. – Я вздохнула. – Его сердце уже несколько раз разбивалось из-за этого.

– Должен спросить тебя, пока он не вернулся: тебя устраивает наш откровенный разговор в его присутствии?

– Я вынуждена так поступить, Амброз. Я рассказала ему о недавних событиях и объяснила, как это связано с прошлым. Пора

раскрыть секреты; я слишком долго жила с ними.

Джек вернулся с двумя стаканами воды, протянул один мне и опустился на диван рядом со мной.

– *Sláinte!* – Амброз поднял свой бокал. – Это означает «за здоровье» по-гэльски, – добавил он для Джека.

– *Sláinte!* – Мы с Джеком вернули тост.

– Вы ирландец, сэр? – спросил Джек.

– Пожалуйста, называй меня Амброзом. Да, я ирландец. В сущности, если бы я был отрогом традиционной прибрежной скалы, на ней было бы написано «Сделано в Ирландии».

– Но у вас нет традиционного ирландского акцента. Как и у мамы.

– Тебе стоило бы услышать голос твоей мамы, когда она была маленькой девочкой, Джек. У нее был такой глубокий акцент уроженки Западного Корка, какой только можно себе представить. Конечно, я выбил из нее этот акцент, когда она приехала в Дублин.

– Где находится Западный Корт?

– Это графство на юго-западе Ирландии.

– Значит, ты выросла не в Дублине? – обратился ко мне Джек.

– О нет. – Я покачала головой. – Я выросла в сельской глубинке. У нас даже не было электричества, пока мне не исполнилось шесть лет.

– Но ты же не такая старая, мама. Ты родилась в конце сороковых годов, верно?

– В те времена Западный Корт был глухой окраиной, – заметил Амброз.

– Значит, вы хорошо знали мамину семью?

– В некотором смысле, – ответил Амброз, покосившись на меня. – Ты никогда не рассказывала сыну о своем детстве?

– Нет, – призналась я. – И моему мужу, и Мэри-Кэт.

– Можно спросить почему?

– Потому что... как я уже сказала, мне хотелось оставить прошлое за спиной и начать с чистого листа.

– Мне бы очень хотелось узнать побольше, мама, – подбодрил Джек.

– Тогда почему бы не рассказать юному Джеку о его семейной истории? – мягко предложил Амброз. – Я буду добавлять разные подробности, о которых ты могла забыть, Мэри, мой разум пока еще может дотянуться до времен моей давно утраченной юности.

Я повернулась к сыну, который умоляюще смотрел на меня. Знакомство с дневником Нуалы определенно напомнило мне знакомые места из моего детства. Когда я закрывала глаза, на меня накатывали чувства и воспоминания, о которых я больше половины моей жизни пыталась навсегда забыть.

«Но ты не можешь забыть, Мерри, это твоя суть...»

Я позволила этой волне нахлынуть на меня и впервые осознала, что здесь, вместе с моим сыном и любимым крестным отцом, могу свободно плыть по водам прошлого, не опасаясь утонуть в них.

Я сделала глубокий вдох и заговорила...

Мерри

Аргидин-Вэлли Октябрь 1955

Мерри вздрогнула, когда чужая рука упала ей на грудь. Ее сестре Кэти, которая была лишь на два года старше нее, снова снились тяжкие сны. Мэри осторожно убрала руку и положила ее на кровать рядом с Кэти. Ее сестра перекатилась на другой бок и свернулась в клубок, рассыпав рыжие кудри по подушке. Мерри тоже повернулась, так что их ягодицы соприкасались на узком матрасе, и выглянула в крошечное окно, чтобы узнать, как высоко поднялось солнце и ушел ли их отец в коровник для утренней дойки. Небо, как обычно, было затянуто серыми облаками, готовыми разразиться дождем. Она решила, что

может провести еще часок в тепле под одеялом, прежде чем встать, одеться и покормить кур.

Напротив нее тихо похрапывала Нора, которая делила матрас с самой старшей сестрой Элен. Когда мозг вполне проснулся, Мерри ощутила радостное предвкушение и вспомнила его причину.

Сегодня наступил день, когда должны были включить электричество. Им предстояло переехать через двор в Новый Дом. Она наблюдала за его строительством с тех пор, как помнила себя, пока ее отец, старший брат Джо, а иногда и их соседи в свободное от работы на ферме время занимались этим делом. Если отец не был в коровнике или на ячменном поле, он находился на другой стороне двора и возводил этот самый Но вый Дом.

Мерри посмотрела на низкий треугольный потолок (она узнала о треугольниках в своей новой школе) с поперечной балкой, поддерживавшей крышу. Ей не нравилась эта балка, потому что дерево потемнело от времени и большие пауки любили устраивать там свои гнезда. Однажды она проснулась и увидела здорового паука, свисавшего над ней на серебристой нити. Она завизжала, так что мама прибежала в комнату, поймала паука и велела ей не быть «маленькой глупой трусихой», и сказала, что пауки хорошие и полезные, поскольку они ловят мух. Но Мерри не могла в это поверить, что бы ни говорила мама.

В новой спальне был ровный беленый потолок, на котором было легко замечать любую паутину и убирать ее, пока пауки не успели обжиться. Мерри знала, что в Новом Доме спать будет гораздо лучше.

Там, наверху, было целых четыре спальни, и это означало, что у Элли и Норы будет своя комната, а Мерри будет ночевать с Кэти. Мальчики – Джон и маленький Билл – тоже получают комнату, а самая большая достанется маме и папе. В животе у мамы рос новый ребенок, и Мерри молила Иисуса о том, чтобы он оказался мальчиком, чтобы они с Кэти могли навсегда сохранить свою спальню. Хотя она знала, что должна почитать и любить своих братьев и сестер, в Библии не говорилось, что они должны *нравиться* ей.

Мерри и Кэти недолго любили Нору. Она была очень властной и поручала им работы, которые их самая старшая сестра Элен поручала *ей самой*.

Родители тоже надеялись на мальчика, на очередного крупного и сильного парня для подмоги на ферме. Руки Мерри и Кэти были слишком малы для дойки коров, а Элен интересовалась лишь поцелуями со своим ухажером, которые Кэти и Мерри видели, прячась за коровником, и сочли это занятие отвратительным. На ферме было множество других мелких работ, и отец часто называл Джона единственным полезным работником, что казалось Мерри совершенно нечестным, поскольку она больше всех присматривала за маленьким Биллом. Кроме того, она же была не виновата в том, что родилась девочкой, правда?

Кроме Кэти, любимым собеседником Мерри был Амброз, который иногда посещал дом патера О'Брайена, где мама убиралась по воскресеньям. Амброз начал учить ее грамоте еще до того, как она пошла в школу месяц назад. Она не знала, почему ее всегда направляли для уборки в доме священника вместе с матерью, но ничуть не возражала против этого. В сущности, ей очень нравилось это занятие. Некоторые ее лучшие воспоминания были о том, как она сидела перед очагом и уплетала маленький круглый пирог, только что вынутый из печи, наполненный клубничным джемом и чем-то сливочно-белым, сладким и вкусным. Теперь, став постарше, она уже знала, что такие пирожки называются пшеничными булочками. Пока она ела, Амброз разговаривал с ней, хотя ей было трудно отвечать, ведь рот был набит хлебом, а Амброз не одобрял разговоров за едой. В другие разы он читал ей сказку о принцессе, которая проспала сто лет и проснулась от поцелуя принца.

Амброз был очень добр к ней, но она не знала почему. Когда она спросила отца О'Брайена, кем он ей приходится и почему ей разрешали обращаться к нему по имени, а не называть его мистером Листером, тот надолго погрузился в раздумье.

– Наверное, можно назвать его твоим крестным отцом, Мэри.

Она не захотела спрашивать, что такое крестный отец; Амброз не был похож на Бога или на ее собственного отца. У него были круглые совиные глаза за толстыми стеклами очков и вихры светлых волос на голове, их, правда, было куда меньше, чем у папы или у отца О'Брайена. Он был гораздо ниже их обоих, но его лицо всегда было оживленным и не таким серьезным, как у них.

Отец О'Брайен как будто прочитал ее мысли, поскольку улыбнулся и добавил:

– Считай его своим особым защитником на этой земле.

– Ох. А у моих братьев и сестер тоже есть такие защитники?

– Да, у всех есть крестные, но поскольку Амброз может давать тебе больше, чем другим, тебе лучше хранить это в секрете, не то они будут завидовать.

– Но мама все знает, да?

– Да, и твой отец тоже. Так что можешь не беспокоиться, все хорошо и правильно.

– Понимаю, – с серьезным видом кивнула она.

На последнее Рождество Амброз подарил ей книжку, но там не было никаких слов, только разлинованные строки, где Мерри могла упражняться в написании букв и составлении слов. Амброз сказал, что ошибки не имеют значения, потому что он все исправит и она будет знать больше.

Она запустила руку под матрас и вытащила книжку. Свет был очень тусклым, но Мерри привыкла к этому.

Обложка была гладкой и шелковистой на ощупь, и Мерри это нравилось. Но когда она спросила Амброза, из чего изготовлена обложка, он ответил, что это кожа от коровьей шкуры. Ответ казался бессмысленным, поскольку те коровы, с которыми Мерри была знакома, имели шерстистую шкуру, заляпанную грязью.

Раскрыв книжку, Мерри достала карандаш на шнурке, прикрепленном к корешку, и обратилась к последней исписанной странице.

Мая симья

Элен: 16 лет. Любит командовать. Целуется со своим дружкой.

Джон: 14 лет. Памагает папе. Любит каров. Пахнет каровами. Мой любимый брат.

Нора: около 12 лет. Ничего не любит.

Кэти: около 8 лет. Моя лучшая подруга. ОЧИНЬ красивая, ни памагает мне с Биллом.

Я: около 6 лет. Любит книги. Ни очинь красивая. Называют Мерри, потому что ЧАСТО смиюсь.

Билл: 2 года. Ваняет.

Новый малыш: еще нет.

Мерри подумала, что ей стоит что-нибудь написать о родителях. Она очень любила их, но мама вечно была так занята стиркой, готовкой и приготовлениями к рождению новых детей, что с ней было трудно обсуждать вопросы, приходившие на ум. Каждый раз, когда мама видела Мерри, она давала ей очередное поручение, вроде подкладывания свежей соломы для свиней или сбора капусты на ужин.

Что касается папы, он всегда находился на улице, да и в любом случае не имел склонности к разговорам.

Папа: работает ОЧИНЬ много. Пахнет каровой.

Мерри подумала, что это выглядит не очень красиво, и добавила:

ОЧИНЬ симпатичный.

До начала учебы в школе любимым днем недели у Мерри всегда был понедельник, когда они с мамой отправлялись в дом священника. Они разговаривали о всевозможных вопросах (Мерри знала, что братья и сестры считают ее болтушкой, но вокруг было слишком много интересных вещей). Мама иногда целовала ее в макушку и называла «моей особенной де вочкой».

* * *

Мама, – аккуратно написала она. – ОЧИНЬ красивая и добрая. Я ОЧИНЬ люблю ее.

Пока она убиралась в доме священника, мама хлопотала вокруг и бормотала под нос насчет миссис Каванаг. Дома мама называла ее старой вороной, но Мерри строго запретили повторять эти слова за пределами семьи, даже если миссис Каванаг была похожа на старую ворону. Каждый раз, когда Мерри видела ее на мессе по воскресеньям, восседавшую на передней скамье и обводившую прихожан неодобрительным взглядом, она казалась ей большой черной птицей. Отец О'Брайен сказал, что Мерри не нужно бояться ее. Миссис

Каванаг убиралась в доме священника каждый день, кроме понедельника, и жаловалась всем, кто хотел ее слушать, что мама плохо справляется с работой. Конечно, это не радовало маму.

Миссис Каванаг часто рассказывала о том, как она работала в Большом Доме. Бобби, друг Мерри, говорил, что миссис Каванаг так долго работала на британскую семью (он произносил слово «британскую» с таким же выражением, как Кэти произносила слово «слизняк»), что заразилась «колонизаторскими взглядами» и вымещает свой гнев на «трудолюбивых ирландцах». Когда Мерри спросила Бобби, кто такие «колонизаторы», он страшно покраснел, и это навело ее на мысль, что он слышал это слово у себя дома, но не понял, что оно значит.

Бобби учился в ее классе в школе в Клогахе, а поскольку его родной дом находился в той же стороне, что и ферма Мерри, они шли вместе с ним какую-то часть пути из школы. Мерри и Бобби находились примерно на одном уровне чтения, поэтому их учительница мисс Люси (которую Мерри обожала за красоту и всезнание) часто сажала их вместе. В общем-то, Мерри была рада обществу одноклассника, который тоже любил читать. Хотя все остальные ученики сторонились Бобби из-за его бурного темперамента и сплетен о его семье, он мог быть добрым, если сам этого хотел. Однажды он подарил Мерри розовый фломастер, хотя все знали, что его семья была очень бедной. Его джемпер был весь в дырках, а его длинные темные волосы как будто никогда не водили знакомства с расческой. Он жил с матерью и младшей сестрой (их никто никогда не видел) в крошечном доме, который, по словам Норы, не был подключен к электричеству.

Кэти говорила, что он сумасшедший и его нужно поместить в психушку, но, несмотря на его дурное и часто странное поведение, Мерри жалела его. Иногда она думала, что единственным существом, которое любило его, был его пес Хантер, черно-белый колли, которому вряд ли приходилось на кого-то охотиться. Хантер всегда поджидал Бобби у аллеи, виляя хвостом и вываливая язык в широкой улыбке. Иногда, после того как они с Кэти расставались с Бобби, Мерри оглядывалась и смотрела, как Хантер прыгает вокруг Бобби. Когда Бобби впадал в ярость, Хантер всегда успокаивал его, даже если Мерри не удавалось это сделать.

Она аккуратно закрыла свою книжку для записей, вернула карандаш в кожаный футляр и убрала все под матрас. Потом села на кровати и посмотрела в окно на Новый Дом. Трудно было поверить, что сегодня он станет их настоящим домом. У них даже будет водопровод с водой из ручья на заднем склоне. Ей разрешили попробовать, и это было похоже на волшебство: вода появлялась, если повернуть кран в одну сторону, и исчезала, если повернуть в другую. Там была кухонная плита для маминой стряпни, чтобы ей больше не приходилось ставить кастрюли над огнем, и большой кухонный стол, изготовленный папой, за которым могла усесться вся семья из восьми человек, и еще оставалось свободное место. А еще... самое лучшее: маленькая комнатка, куда можно было ходить из кухни. Внутри находилось устройство с сиденьем, которое она до сих пор видела только в доме отца О'Брайена, и цепочка для смыва воды.

Это означало, что никому из них больше не придется уходить далеко в поле, чтобы «сделать свои дела», как выражалась мама. Мерри не знала, как работает это устройство, но, как и все остальное в Новом Доме, оно было просто волшебным.

Мерри поежилась, когда порыв холодного ветра проник через щель в оконной раме, и плотнее накрылась одеялом. Это был один из тех редких моментов в ее жизни, кроме дней рождения, Рождества и визитов к священнику, когда Мерри не могла дождаться подъема, потому что начинался самый восхитительный день для всех них.

* * *

– Мерри, ну-ка, подбери одеяло, а то оно волочится по грязи! – крикнула мама, когда они с Кэти в сотый раз спешили следом за матерью, перенося свои вещи в Новый Дом.

Мама расставила на длинном столе кастрюли, которые она принесла с собой, а потом взяла старую тряпку, чтобы открыть дверцу новой плиты. Мерри и Кэти было строго велено не прикасаться к плите, слишком горячей, чтобы пользоваться ею без прихватки. Когда дверца открылась, из плиты поплыли вкусные запахи.

– Это бармбрэк^[35], мама? – спросила Мерри.

– Да, Мерри. Нам нужно что-то особенное для первого застолья.

– Там внутри есть маленькие черные ягоды? – спросила Кэти.

– Да, черная смородина, – ответила мама, когда достала пирог и поставила его остывать на столик рядом с плитой. – И пока что не вздумайте трогать его, а не то я отправлю вас чистить свинарник. Мерри, вернись в старый дом и присмотри за Биллом, ладно?

– Где Нора? – осведомилась Мерри. – Она снова пропала.

– Не знаю, но присмотри за Биллом, пока мы с Элен и Кэти застелем кровати наверху.

– Да, мама. – Мерри закатила глаза и переглянулась с Кэти. Когда она шла обратно через двор, то была так сердита на Нору, что у нее зачастило сердце и сбилось дыхание. Нора всегда пропадала, когда нужно было заняться работой. Теперь это означало, что Мерри придется менять очередной вонючий подгузник, хотя на самом деле была очередь Норы. Билл сидел в маленьком деревянном манеже, отгороженном в углу старой кухни, единственной комнаты внизу, где собирались все члены семьи, когда они не находились на улице или в постели. Впервые в жизни Мерри увидела, что огонь в очаге, занимавшем почти всю дальнюю стену кухни, больше не горит.

– До свидания, огонек, – громко сказала Мерри. – Теперь мы будем готовить без тебя.

Повернувшись к Биллу, от которого разило хуже, чем от навоза, который ее отец с Джеком разбрасывали на полях, она взяла одеяло с подсобного столика и расстелила его на холодном каменном полу. Потом вынула Билла из манежа и положила на одеяло. Наконец, она вытащила чистую пеленку из кучи в ящике серванта и взяла ведро с водой, которым они пользовались для ополаскивания Билла.

– Знаешь, Билл, тебе скоро будет два года, так что, может быть, тебе пора отвыкать от подгузников?

Билл, который уже был точной копией отца, с темными волосами и голубыми глазами, захихикал ей в лицо. Мерри задержала дыхание, расстегнула булавку, скальвавшую пеленку, и вытащила ткань из-под него вместе со всеми делами, которые он навалил внутри. Скатав грязный подгузник для дальнейшей стирки, она обмакнула тряпку в ведро и стала вытирать попку Билла. Потом она умело завернула его в чистый подгузник. Сразу же после этого Билл перекатился на бок и встал на четвереньки. Он уже немного научился ходить, но предпочитал ползать, причем очень быстро. Он умел прятаться под

столом и окружать себя стульями, чтобы его было труднее достать. Это казалось ему превосходной игрой; он сидел и посмеивался, пока Мерри раздвигала стулья, чтобы добраться до него.

– Ага! – воскликнула Мерри, нырнула под стол и ухватила младенца. – Сегодня никаких стульев, мистер Билл! Их уже перенесли в Новый Дом.

Билл громко протестовал, когда она подхватила его на руки и водворила в детский манеж. Он заревел громче, поэтому она взяла пустую бутылку и наполнила ее молоком из ведра, которое стояло перед дверью, чтобы оно остыло.

– Вот, пей свое молоко и веди себя смирно, пока мы будем работать в Новом Доме, – обратилась к нему Мерри. – А вот и твой песик, – добавила она и подхватила деревянную игрушку, которую сама любила, когда была маленькой.

Держа в руке грязный подгузник, который еще нужно было прополоскать перед стиркой, Мерри гадала, почему маме хотелось иметь больше детей. Хотя она любила своего младшего брата, но до сих пор помнила искаженное страхом лицо своей матери, когда у нее на кухне отошли воды. Тогда Мерри подумала, что мама обмочилась, но выяснилось, что это было признаком скорого выхода Билла из ее живота. Вскоре пришла повитуха, и члены семьи собрались на кухне, слушая мамины крики наверху.

– Она умирает, папа? – осмелилась спросить Мерри. – Отправляется на небеса, к Иисусу?

– Нет, Мерри. Она рождает ребенка, как рожала твоего брата и сестер.

Мерри уже тогда подумала, что после появления нового ребенка ей придется снова менять пеленки.

– И еще одно приятное новшество, Билл, – обратилась она к брату, пока полоскала пеленку в специальной жидкости, отчищавшей бурые пятна. – В Новом Доме у нас есть водопровод, так что стирка станет проще.

Оставив дверь приоткрытой, чтобы Билла можно было услышать, если он начнет кричать, Мерри побежала к Новому Дому помогать маме.

– Я ухожу, преподобный отец, – сказала миссис Каванаг, стоявшая в дверях кабинета Джеймса. – Я постелила свежее белье в комнате вашего друга, подмела и вытерла пыль. Камин растоплен, ваш чай на плите.

– Спасибо, миссис Каванаг. Хорошего вам отдыха, увидимся, как обычно, во вторник.

– Присмотрите за тем, чтобы миссис О’Рейли больше занималась уборкой, чем болтовней. Я устала выполнять двойную работу после выходных. Спокойной ночи, преподобный отец.

С этими словами миссис Каванаг хлопнула дверью чуть громче, чем было необходимо, чтобы подчеркнуть свои слова. Она приводила этот аргумент каждый воскресный вечер перед своим выходным днем. За последние семь лет Джеймсу часто хотелось сказать ей правду: присутствие молодой Мэгги О’Рейли доставляло ему удовольствие. Она радовала его своей лучезарной улыбкой и тонким сладостным пением, пока она занималась домашними делами. А еще она была гораздо лучшей поварихой, чем миссис Каванаг, и после нескольких часов, которые она проводила в доме, все выглядело сияющим и освеженным. Но, поразмыслив на эту тему, он понял, что миссис Каванаг пришла бы к точно такому же выводу, если бы потрудилась заглянуть в свое сердце: она боялась соперничества с более молодой женщиной и поэтому вела себя таким образом.

Сидя за столом, отец Джеймс О’Брайен потянулся и облегченно вздохнул. Его воскресные обязанности были завершены, и этот вечер – начало неофициального выходного (хотя его дверь всегда была открыта для прихожан, оказавшихся в беде) – казался еще более приятным в силу того обстоятельства, что его дорогой друг Амброз уже находился в пути, он спешил к нему из Дублина с ежемесячным визитом.

Джеймс встал, чтобы включить электрическую лампу, висевшую в центре комнаты. Хотя октябрь наступил лишь недавно, дни стали заметно короче.

Визит Амброза побудил Джеймса к размышлению о том, как много изменилось с тех пор, как семь лет назад он приехал в Тимолиг. Амброз сказал, что понадобится время, чтобы местные прихожане приняли его, и он был прав. Теперь Джеймс ощущал не только свою сопричастность, но и уважение членов общины, где он служил. Он

сумел обратить свою молодость из недостатка в преимущество, помогая людям во время сбора урожая и советуя, а не критикуя жен, если они приходили к нему с новой беременностью, хотя, конечно, гадал о том, как они смогут содержать еще одного ребенка.

Первоначально он рассчитывал на более престижный пост в приходе с более обширной паствой, когда ему предложили вакантное место в Корк-Сити, но после раздумий и молитв отказался от этого. Он был вполне счастлив здесь, где его приветствовали улыбками и одаряли кексами и пирогами в достаточном количестве, чтобы возместить бесталанность миссис Каванаг в этом отношении.

Появление электричества в его доме четыре года назад оказалось чрезвычайно полезным, так как это означало, что он мог хотя бы слушать радио и поддерживать связь с тем, что в те дни считалось «внешним миром». Когда он совершил поездку в Дублин, чтобы посетить Амброза, то город, в котором он вырос и который любил всем сердцем, показался ему слишком шумным и многолюдным. Джеймс осознал, что покой и красота Западного Корка соответствовали его темпераменту. Где лучше размышлять о проблемах прихожан, как не на живописном пляже Инчидони близ деревушки Клонакилти, где можно расхаживать по песку под плеск волн и шум ветра, треплющего его сутану? Или во время долгой прогулки вдоль утесов Данворли, где вы не встретите ни души по дороге к мысу, с трех сторон окруженному Атлантическим океаном. Джеймс решил, что до тех пор, пока что-то не изменится, он будет жить в сельской глуши и, вероятно, останется здесь до конца отпущенной Богом жизни.

Разумеется, Амброс, который был старшим научным сотрудником кафедры классической литературы в Тринити-колледже, неизменно пытался убедить его вернуться к ярким огням Дублина, где они могли регулярно встречаться, вместо того чтобы четыре или пять часов добираться до Тимолига. Но за последние годы состояние дорог между Дублином и Западным Корком заметно улучшилось. Это было естественно, принимая во внимание, что теперь автомобиль могли позволить себе и рабочие, а не только представители дворянского сословия; кроме того, Джеймс полагал, что его друг получает большое удовольствие, когда колесит по дорогам на своем ярко-красном «Битле»^[36]. Джеймс прозвал эту машину «Божьей коровкой», потому

что она часто приезжала, покрытая темными пятнами грязи из луж на проселочной дороге. Скоро она снова будет здесь...

В ожидании друга Джеймс подошел к граммофону и достал пластинку из конверта. Поместив виниловый диск на проигрыватель, он опустил иглу на свою любимую вариацию из «Рапсодии на заданную тему». Амброз рассказал ему, что Рахманинов перевернул главную тему Паганини вверх тормашками ради создания необыкновенного классического произведения. Джеймс опустился в кожаное кресло, когда пианист заиграл первые простые аккорды.

* * *

– Увы, дружище, я снова разбудил тебя после долгого и трудного дня в вашем «офисе».

Джеймс открыл глаза, прищурился и увидел Амброза, который возвышался над ним. Это было весьма необычно; как правило, он сам смотрел на Амброза сверху вниз.

– Прошу прощения, Амброз. Я... наверное, я задремал.

– Как я вижу, под музыку Рахманинова. – Амброз подошел к граммофону и снял иглу с бесконечной круговой дорожки в конце записи. – Боже, винил покрыт царапинами. В следующий раз я привезу новую иглу для проигрывателя.

– Не надо. Мне нравятся царапины, потому что они придают музыке налет старины. – Джеймс улыбнулся и положил руки на плечи Амброза. – Как всегда, рад видеть тебя. Проголодался?

– Честно говоря, нет. – Амброз снял фуражку, шоферские краги и положил их на столик. – Во всяком случае, я не соскучился по стряпне миссис Каванаг. Незадолго до Корк-Сити я остановился и устроил пикник на свежем воздухе, поел то, что мне приготовила проходящая кухарка.

– Отлично. Тогда я угощусь ломтем хлеба, ветчиной и домашним чатни^[37], которое мне подарил один из прихожан. – Джеймс подмигнул. – А бульон миссис Каванаг мы выльем в похлебку для кур.

* * *

Час спустя друзья сидели перед растопленным камином и слушали граммофон, где звучала новая запись «Шахерезады» Римского-Корсакова, привезенная Амброзом.

– Рассчитываю на очередной день тихих раздумий и философских дискуссий, – сказал Амброс с ироничной улыбкой. – Но я каждый раз беспокоюсь, что ты попытаешься спасти мою душу для Господа.

– Тебе отлично известно, что я уже давно перестал это делать. Ты пропадающая душа.

– Возможно. Однако позволь утешить тебя тем, что в моих философских странствиях я окружаю себя мифами и легендами. Греческая мифология была просто более ранней версией Библии: сплошные моральные истории для смирения человеческого духа.

– А также для поучения, – заметил Джеймс. – Мой вопрос в том, научились ли мы чему-нибудь с античных времен.

– Если ты спрашиваешь, стали ли мы более цивилизованными, то, поскольку за последние сорок лет мы пережили две тяжелейших мировых войны в истории человечества, я бы усомнился в этом. Наверное, может показаться, что культурнее пользоваться танками и самолетами для уничтожения тысяч людей. И правда, я бы предпочел гибель от взрыва бомбы повешению с последующим потрошением и четвертованием, но...

– По-моему, ответ отрицательный, – сказал Джеймс. – Посмотри на то, как страдали ирландцы под властью Британии. У них отняли землю, многих заставили изменить вероисповедание после Реформации. Жизнь здесь, среди гораздо более простого народа, по сравнению с Дублином открыла мне глаза на то, каким тяжким было их существование.

– Я ощущаю проблески республиканства в вашей душе, отец О’Брайен. Но поскольку большая часть Ирландии теперь является республикой, я бы сказал, что цивилизация продвинулась вперед. Думаю, друг, тебе стоит почитать вот это. – Амброс указал на книгу, которую он привез для Джеймса. – Кьеркегор был религиозным человеком и философом. По его словам, жизнь – не проблема, которую нужно решать, а реальность, которую нужно переживать.

– Тогда, наверное, нам стоит последовать его примеру и больше не обсуждать человеческий удел и небесное блаженство, – заметил

Джеймс и посмотрел на обложку книги. – «Страх и трепет»... Название не внушает уверенности.

– Почитай ее. Обещаю, что она тебе понравится, Джеймс, хотя этот человек был ревностным протестантом.

– Могу добавить, мой епископ может посчитать, что ты оказываешь на меня дурное влияние, – рассмеялся Джеймс.

– Тогда я поистине достигну поставленной цели. А теперь расскажите, как идут дела у маленькой Мэри О’Рейли. Они уже переехали в свой новый дом?

– Да, только вчера. Я отправился благословить дом после вчерашней мессы.

– И?

– С учетом того, что Джон О’Рейли построил его собственными руками, буквально по кирпичику, дом достаточно прочный, чтобы не пропускать ветер, и в три раза больше их старого жилища. Там есть электричество, плита и водопровод. Все члены семьи выглядели чрезвычайно усталыми, но счастливыми.

– Ну и слава богу. Их старый дом был едва ли лучше крестьянской лачуги.

– У прежнего владельца, Фергуса Мэрфи, не было денег, чтобы пользоваться современными сельскохозяйственными средствами. После смерти дяди бедный Джон унаследовал скорее музей, а не ферму.

– Значит, они наконец-то шагнули в двадцатый век.

– По крайней мере, теперь он может ежедневно кормить семью и, может быть, даже иметь кое-какую прибыль от своих трудов.

– А как поживает Мэри?

– Такая же славная и умная, как всегда. Сегодня утром она сказала мне, что ей нравится учиться в школе.

– Очень рад, что она пошла в школу; ее светлая голова нуждается в поощрении. Как продвигается ее чтение?

– Я знал, что ты задашь этот вопрос, поэтому в прошлый раз попросил ее прочитать несколько простых предложений из притчи о сеятеле и семенах, которую они учат в школе. Она почти не путалась в словах, хотя меня беспокоит, что дома у нее мало упражнений для чтения. Она уже превзошла своих сестер и старшего, хотя, насколько мне известно, в семье О’Рейли есть только одна книга, и, разумеется,

это Библия. Я сказал Мерри и ее старшей сестре Кэти, чтобы они почитали и выучили слова из притчи о блудном сыне, а в следующий раз я проверю их успехи. Так не будет казаться, что я выделяю Мерри на фоне остальных.

– Отлично. И я точно знаю, что у О’Рейли есть средства для продолжения образования старших сестер, а не только Мэри, если они изъявят желание. А еще я уверен, что дополнительное библейское образование Мэри вполне устраивает тебя, – улыбнулся Амброз. – Очень жаль, что я вижу с ней не так часто, чтобы способствовать ее учебе, но надеюсь встретиться с ней на рождественские праздники. Очень важно, что она получает хотя бы определенный уровень образования.

– Ее учительница, молодая мисс Люси, с большим энтузиазмом относится к своим обязанностям. Я бы сказал, что Мерри в надежных руках. Когда я в последний раз побывал в школе, она выразила приятное удивление тем, что маленькая О’Рейли уже умеет читать.

– Мне лишь хочется, чтобы я мог дать ей побольше материалов для домашнего чтения, – вздохнул Амброз.

– Мы оба знаем, что это невозможно, друг мой. Подарок ребенку, который возвращается из дома священника, могут счесть подозрительным.

– Разумеется, Джеймс, разумеется. Я никогда не сделаю ничего такого, что могло бы скомпрометировать твое положение. Как я уже говорил, прихожане наконец-то стали доверять тебе.

– Я пришел к пониманию их образа жизни, а они стали лучше понимать меня, хотя недавно у меня случился один досадный инцидент с молодой прихожанкой.

– Можешь даже не рассказывать, что произошло. Она подошла к тебе после мессы с расстроенным видом, и вы с ней прогулялись вокруг кладбища. А там она призналась тебе в своей увядающей любви.

Джеймс в полном изумлении уставился на Амброза:

– Откуда ты знаешь?

– Потому что ты симпатичный мужчина в расцвете лет, который утешает больных и совершает обряд прощания с умирающими. Ты играешь роль нравственного ориентира в местном приходе; ты вполне

достигим, но неприкасаем. Все это соблазнительно для молодых женщин, у которых нет другого объекта для поклонения.

– Но я священник! – с досадой воскликнул Джеймс. – Я объяснил Колин, что отношусь к ней с особым вниманием только потому, что ее мать недавно умерла, оставив ее заботиться о четырех маленьких братьях и сестрах всего лишь в четырнадцать лет. Я проявил добросердечность, не более того.

– Меня удивляет, что такие ситуации не случались раньше, Джеймс. Но уверен, что они многократно повторятся в будущем, так что лучше будь готов.

– Думаю, я плохо справился с этой ситуацией. Я не видел Колин с тех пор, как это случилось, а потом, когда я постучался к ней домой, она отказалась впустить меня.

– Оставь ее ненадолго в покое; со временем она придет в себя и найдет более приемлемую цель для своих нежных чувств.

Джеймс усмехнулся.

– А ты говоришь как специалист, вот оно как, – заметил он.

– Это вряд ли. И предупреждаю, что ты начинаешь вставлять «вот оно как» в конце фразы, как делают истинные уроженцы Западного Корка.

– Что, если так оно и есть? – Джеймс снова усмехнулся. – Это мой новый дом, где я собираюсь жить до скончания дней.

– Похоже, ты утратил любые намерения перебраться в более престижный приход.

– Пока меня здесь все устраивает.

– Ну что же... С моей точки зрения, даже если мне приходится ехать через болота Мидленда ради встречи с тобой, я хотя бы знаю, что ты находишься рядом с моей любимицей, и благодарен за это.

* * *

В тот вечер Амброз как можно более удобно устроился на узкой железной кровати с матрасом, набитым жестким конским волосом, и глубоко вздохнул. Уже не в первый раз он задался вопросом, почему он каждый месяц приезжает на позабытое богом юго-западное побережье ради посещения старого друга, когда мог бы получать удовольствие от

гораздо более приятного дня в своей удобной квартире на Меррион-Сквер, возможно, наслаждаясь легким ужином с Мэйрид О'Коннелл, старшей научной сотрудницей кафедры английского языка в Тринити-колледже.

В то время как остальной мир вращался вокруг Билла Хейли и его «Кометс»^[38], Западный Корк оставался в закоулке времени, где свиная голова на субботний ужин считалась изысканным лакомством. Присутствие радио и даже телевизора в каждом доме, что стало обычным в Дублине после установки ретрансляторной вышки в Белфасте, здесь казалось бесконечно далеким. Тем не менее он приезжал сюда ради человека, который считал его своим ближайшим другом.

Давным-давно, когда они учились в частной школе, Амброз мечтал, что Джеймс увидит его подлинную суть, примет ее и изменит свой жизненный план в соответствии с этим. Разумеется, в представлении Амброза это означало их совместную жизнь. Но через двадцать пять лет Амброз был вынужден признать, что это была лишь мечта, поскольку высшей и единственной любовью Джеймса был Бог.

Амброз знал, что у него есть выбор: он мог опустить руки и двинуться дальше, радоваться своей приятной и плодотворной жизни, обучая студентов в Тринити-колледже, или продолжать томиться по несбыточному. Дружба была единственным, что Джеймс хотел или *мог* ему предложить. Но что могло быть мучительнее, чем вовсе не иметь Джеймса в своей жизни?

Конечно, Амброз знал ответ: Джеймс по-своему любил его, и этого было достаточно, поскольку Амброз не мог и помыслить о жизни без него.

Мерри проснулась в новой спальне, и у нее заурчало в животе, а сердце забилось быстрее. Сегодня было седьмое ноября, ее день рождения, и мама сшила ей особенное розовое платье, которое она наденет на праздник. Придут ее одноклассники вместе со своими родителями.

Со вчерашнего утра мама заставила их дочиста отскоблить дом и даже вымести пыль под шкафами.

– Никто не назовет О’Рейли неопрятными, – в сотый раз повторила мама. Старший брат Джон сказал, что для папы и мамы это возможность похвастаться своим новым жильем, но даже если он был прав, Мерри была исполнена радостных предчувствий. Были приглашены все ее школьные друзья, кроме Бобби Нойро, которого по какой-то причине никогда не допускали на ферму.

Мерри также знала, что Бриджет О’Мэхони, похожая на маму и на ее сестру Кэти своей бледной кожей и огненно-рыжими волосами, придет в более дорогом платье, скроенном мастерицей, работавшей на портного в Тимолиге. Бриджет происходила из самой богатой семьи в здешних местах, и они жили в доме даже более просторном, чем у отца О’Брайена. Отец ежедневно привозил ее в школу в большом блестящем автомобиле, в то время как остальным ее одноклассникам приходилось добираться пешком по полям, которые во время зимних дождей больше напоминали болото. Мисс Люси всегда заставляла их снимать обувь и ставить на просушку у камина в классной комнате, пока она вела урок. Это было очень заботливо с ее стороны, хотя обычно башмаки заново промокали на обратном пути.

Мерри покрутила пальцами на ногах и снова поразилась тому, что они не превратились в плавники, учитывая, сколько времени они проводили в воде. Иногда лужи, которые она преодолевала, доходили ей где-то между лодыжкой и коленом (она собиралась спросить мисс Люси, как называется эта часть тела). Впрочем, сегодня было сухо, и Мерри собиралась радоваться каждой минуте.

Поскольку наступило воскресенье, ее сестра отправилась на мессу, а потом отец О’Брайен пожелал ей счастливого шестого дня рождения.

Воскресенье было ее вторым любимым днем после понедельников в доме священника. Мерри всю неделю предвкушала этот день, поскольку он был единственным, когда всем детям позволялось играть после ланча. Они играли в ирландский хоккей, стараясь затолкать маленький жесткий мяч между двумя столбиками, установленными папой или Джоном. Иногда они играли в салки или в прятки, где ее всегда находили первой, потому что она не могла

удержаться от хихиканья. Сегодня, в день ее рождения, ей разрешили выбирать любые игры.

После мессы, когда семья забралась на повозку, запряженную пони, Мерри решила, что, каким бы красивым ни оказалось платье Бриджет О'Мэхони и сколько бы кружевных нижних юбок она ни носила, она не будет возражать, потому что это *ее* день рождения, самый ХОРОШИЙ день.

* * *

– Мамочка, ты чудесно выглядишь в этом платье, – восхищенно сказала Мерри, когда ее мать вошла в кухню перед началом праздника. – Правда, папа?

– Ты просто картинка, любимая, – сказал отец и покровительственным жестом положил руку на огромный живот мамы, пока Мерри обзревала яства, выставленные на длинном деревянном столе.

Там были сэндвичи с разной начинкой, запеченный окорок по маминому рецепту, ячменные лепешки, а в центре – праздничный торт с розовой обсыпкой и надписью сверху «С днем рождения, Мерри!».

На другом столе были расставлены кружки, готовые для наполнения из бочки, которую папа привез на повозке несколько дней назад. Отец нечасто ходил в паб, но она слышала его слова о том, что не может быть веселого праздника без кружки стаута для мужчин.

– Готово? – обратилась мама к отцу. Тот послал ей один из своих «секретных» взглядов и кивнул.

– Готово.

– Пришли наши первые гости, – пропела Нора, когда во дворе появилась семья Шихи.

– Тогда начинаем, – пробормотала мама, прикоснувшись к своему выпирающему животу с ребенком, готовым появиться на свет.

* * *

А всего несколько часов спустя Мерри лежала в кровати вместе с Кэти. Обе прятали головы под подушками в безуспешной попытке заглушить звук маминых криков. Сразу после ухода гостей у мамы отошли воды, и отец послал за повитухой. Миссис Моран сразу отогнала членов семьи и помогла маме подняться в ее спальню.

– Мама умрет? – спрашивала Кэти у своих сестер, и Мерри ощущала, как она дрожит всем телом. Все четыре девочки собрались в комнате Мерри и Кэти вместе с маленьким Биллом, потому что там было дальше всего от криков.

– Нет, Кэти, – сказала Элен. – Просто так уж заведено. Когда мама рожала Билла, было то же самое.

– Тогда у меня никогда не будет детей, – заявила Кэти, озвучивая мысли Мерри на эту тему.

– Не беспокойся, – сказала Нора. – Все скоро прекратится, и мы получим чудесного нового братика или сестричку. А мама с папой будут радоваться и улыбаться.

– Что, если что-то пойдет не так?

– Не пойдет, – твердо сказала Элен.

– Мама Орлы умерла, когда рожала ее младшую сестру, – упрямо возразила Кэти.

– Все будет в порядке, – успокоила Элен. – Постарайся уснуть, Кэти.

– Как я могу спать, когда мама так страшно кричит?

– Тогда будем петь гимны, хорошо? Как насчет «Будь моим пас тырем»?

Девочки принялись распевать свои любимые гимны и некоторые «старые песни», которые отец любил исполнять на скрипке воскресными вечерами. Крики продолжались еще долго. Элен и Нора вернулись в свою комнату вместе с Биллом, а Мерри и Кэти урывками дремали до рассвета. На рассвете из родительской комнаты донесся тихий плач.

– Ребенок родился, Кэти, – прошептала Мерри, и в доме воцарилась тишина, такая же оглушительная, как крики.

– Когда мы увидим новорожденного?

На следующее утро все дети собрались вокруг отца.

– Это девочка или мальчик? – спросил Джон. – Я хочу мальчика!

– Мальчик, – пробормотал отец с посеревшим от усталости и тревоги лицом.

– Все мальчишки дураки, – вздохнула Нора.

– Все девчонки дуры, – тут же парировал Джон.

– Нам можно увидеть маму? – спросила Мерри.

– Не сейчас, Мерри, – ответил отец. – Повитуха еще с ней; роды отняли у нее много сил.

– Но с ней все будет в порядке, правда? – допытывалась Мерри, читавшая тревогу на его лице.

– Конечно, повитуха говорит, что с ней все будет хорошо и мы можем не беспокоиться.

Но Мерри беспокоилась даже тогда, когда миссис Моран наконец спустилась вниз с новорожденным младенцем, завернутым в простыню. Все принялись рассматривать его.

– Какой крошечный!

– У него глаза не открываются!

– Он похож на папу!

– Ну как, отец готов взять на руки своего нового сына? – спросила миссис Моран. Джон О’Рейли протянул руки и принял младенца.

– Не желаете чаю, миссис Моран? – Элен была старшей из девочек и заведовала всеми домашними делами в отсутствие матери.

– Спасибо, милая, но у меня на подходе другая женщина со схватками, которую я должна навестить. Почему бы вам не выйти вместе со мной, девочки?

Элен повела миссис Моран к двери, а Нора, Кэти и Мерри последовали за ними.

– Ваша мама потеряла много крови, пока рожала ребенка, но, слава богу, кровотечение прекратилось, – тихо сказала миссис Моран. – Вам нужно будет регулярно проверять ее состояние и смотреть, не появилась ли кровь. Ей нужен полный покой и постельный режим, пока она не восстановит силы.

Элен кивнула, и, когда миссис Моран помахала им на прощание, Мерри потянула сестру за юбку.

– Где может появиться кровь? – спросила она.

– Между ног, конечно! – раздраженно отозвалась ее сестра. – Вы все можете не беспокоиться, я сама позабочусь. Следующие несколько дней маме нужно будет отдыхать, поэтому у тебя, Норы и Кэти будет больше работы по дому, ясно? Кроме ухода за Биллом и присмотром за курятником, вам нужно будет готовить завтрак и бульон из куриных костей для мамы, чтобы она быстрее восстанавливала силы, поскольку у меня не будет времени на это.

– Но сегодня школа, и я не умею готовить бульон, – прошептала Мерри.

– Тогда ты просто останешься дома и будешь делать уроки, хорошо? – Элен отвернулась и пошла наверх к матери. – Да, и одна из вас должна сбегать к священнику и сказать отцу О’Брайену, что мама сегодня не придет делать уборку.

* * *

Отец О’Брайен уже собирался на мессу, когда во входную дверь постучали. Распахнув дверь, он увидел Кэти О’Рейли, миниатюрную копию матери, девочка тяжело дышала и насквозь промокла от дождя.

– Здравствуйте, отец О’Брайен, у меня сообщение для вас. Вчера ночью родился наш новый братик, и мама очень устала после родов, поэтому ей нужно отдохнуть, сегодня она не придет убираться в вашем доме, а мы не пойдем в школу, чтобы помогать по дому, Нора кормит кур, но Мерри не умеет готовить бульон, и папа хотел узнать, когда вы сможете прочитать очистительную молитву, окрестить младенца и...

– Угомонись, Кэти, и переведи дух, – сказал Джеймс и ласково положил руку ей на плечо. – Ты вымокла до костей. Зайди ненадолго и погрейся у огня.

– Ох, отец, я должна вернуться, чтобы помочь сестрам.

– Уверен, что пять минут ничего не изменят.

Джеймс слегка подтолкнул ее и направил к двери своего кабинета, где сидел Амброз, читавший «Корк Экземинар».

– Это мой друг Амброз Листер. Амброз, это Кэти, дочь Мэгги Кэти О’Рейли. Ну-ка, Кэти, снимай ботинки и поставь у огня, чтобы они не много просохли. Садись сюда. – Джеймс указал на стул

напротив Амброза, смотревшего на девочку с пламенно-рыжими локонами.

– Значит, твоя мама родила нового малыша? – спросил Джеймс.

– Да, и его назовут Патриком.

– Славное имя. И ты говоришь, что Мерри не умеет варить бульон?

– Нет, отец. Элен рассказала ей, как это сделать, но Элен слишком занята с мамой, и мы все знаем, что бульон нужно готовить из куриных костей, но...

У Джеймса сжалось сердце, когда девочка заломила руки.

– Сейчас мне нужно отслужить мессу в церкви, но потом я приду к вам и посмотрю, чем можно помочь, – предложил он.

– Вы умеете готовить бульон, отец? – поинтересовалась Кэти, с надеждой глядя на него широко распахнутыми зелеными глазами.

– Я уверен, что могу помочь вам советом, а также прочитать очистительную молитву для твоей мамы и окрестить малыша. Ты завтра кала?

– Нет, отец, Мерри попробовала приготовить *гуди*, но у нее получилось ужасно. – Кэти скорчила гримаску. – По-моему, она плохая повариха.

– Подожди здесь, я скоро вернусь.

– Прошу прощения за беспокойство, отец, – сказала Кэти, инстинктивно вытянув ноги поближе к огню. – И у вас, сэр, – обратилась она к Амброзу, когда Джеймс ушел на кухню.

– О, не беспокойтесь на мой счет. Мне нравится, когда меня беспокоят.

Кэти с серьезным видом посмотрела на него:

– Прошу прощения, но у вас странный выговор.

– Верно, Кэти, я согласен с тобой.

– Вы не из наших краев, сэр?

– Нет. Я живу в Дублине.

– Дублин! Это огромный город, правда, сэр?

– Правда, Кэти.

– Это ваш автомобиль снаружи? Мне нравится цвет. – Кэти указала в окно на красный «Битл», стоявший на дорожке. – Но странная форма для автомобиля.

– Он называется «жуком», потому что похож на жука, правда? Ты хотела бы покататься на нем?

– Ох, сэр, я еще никогда не ездила в автомобиле. Наверное, я испугаюсь шума.

Джеймс вернулся с корзинкой для пикника и поставил ее у ног Кэти.

– Тут полбуханки хлеба, сыр и ветчина; этого вам должно хватить на утро.

– О, спасибо, отец! Теперь Мерри не будет волноваться, чем накормить папу и Джона, когда они вернутся с полей. – Она встала, взяла свои ботинки и начала надевать их, потом потянулась за корзинкой. – Я уверена, что на следующей неделе мама придет к вам с уборкой, – напоследок заверила она их обоих.

– Хорошо, Кэти, а я отправляюсь на мессу.

– Точно не хочешь прокатиться со мной до дома на красном автомобиле? – спросил Амброз, когда девочка пошла к выходу, обнимая корзинку, почти такую же большую, как она сама.

– Спасибо, но нет, сэр. Я сама отлично дойду.

Проводив Кэти, Джеймс вернулся в кабинет.

– Что за очаровательная крошка, – сказал Амброз. – Похоже, на ферме О’Рейли царит хаос. Разве Мэри и ее сестры смогут позаботиться о домашних делах, пока их мать оправляется от родов? Разве старшая сестра не может присмотреть за домом, пока младшие ходят в школу? И что такое *гуди*?

– Дешевый вариант размазни из черствого хлеба. И нет, вряд ли они со всем управятся. Это большая ферма, хотя Мэри и Кэти уже достаточно взрослые, чтобы помогать взрослым.

– Бедные малютки! – вздохнул Амброз. – Нам нужно как-то по мочь им.

– Я определенно мог бы прихватить суп, который мы с тобой не попробовали вчера вечером, но мы его вылили. Разберемся, что можно сделать, когда будем там.

Кто-то резко постучал в дверь кабинета, а потом миссис Каванаг просунула голову внутрь.

– Простите за вторжение, но я слышала, что сегодня миссис О’Рейли не сможет выполнить свою работу. Я подумала, что должна прийти и предложить свои услуги вместо нее.

«Она говорит так, словно приносит себя в жертву», – подумал Амброс, ощутив на себе обычный проницательный и неодобрительный взгляд миссис Каванаг.

– Очень любезно с вашей стороны, миссис Каванаг, но я уверен, что мы с мистером Листером сможем один день позаботиться о себе, особенно если у вас есть другие дела, – сказал Джеймс.

– Я могу отложить их ради вас, отец. Вы уже позавтракали?

– Нет, но...

– Тогда я соберу для вас завтрак. Хорошо, что у меня нет детей, иначе я не смогла бы работать у вас как положено.

С этими словами миссис Каванаг повернулась и вышла из кабинета.

* * *

Вместо того чтобы любоваться своим новым одеялом, сшитым мамой из цветных лоскутков на ее день рождения, или пересчитывать пенсовые монетки, подаренные всеми, кто пришел на ее празднество, Мерри переживала худший день в своей жизни.

Самым ужасным было видеть маму, бледную, как простыня на ее кровати. Она была слишком слабой даже для того, чтобы глотнуть воды, не то что удержать Патрика. Новорожденный младенец был меньше деревянной куклы Кэти и такой же бледный, как мама. По словам Элен, он даже не умел сосать молоко. Но мама хотя бы улыбнулась и похлопала Мерри по руке, когда девочка опустилась на колени возле кровати и помолилась Деве Марии. Элен, вошедшая в спальню, вытолкала Мерри из комнаты, чтобы проверить состояние матери.

– Марш на кухню! – рявкнула она.

Через щелку в деревянной двери Мерри подглядела, как Элен убирает простыню и заглядывает между маминых ног. Там не было красного пятна, о котором предупреждала миссис Моран, и Мерри облегченно вздохнула.

– Мерри, я же велела тебе уйти! – шикнула Элен. – Иди и приготовь бульон.

Мерри спустилась по лестнице на кухню. Отец, который редко пил виски из бутылки, хранившейся в стенном шкафу Нового Дома, теперь крепко спал на стуле, а бутылка стояла рядом на столе. Кэти тоже была на кухне и баюкала на коленях спящего Билла.

– Мне нужно приготовить бульон для мамы, – с отчаянием сказала Мерри. – Элен велела. Что, если мама умрет ночью из-за того, что я не умею готовить бульон?

– Отец О’Брайен сказал, что он придет к нам и все покажет. Я отнесу Билла наверх, уложу его в нашу постель и принесу воду для мамы. Положу туда ложку сахара; мисс Моран говорила, что сахарная вода полезна для поддержания сил.

Мерри стояла у плиты, глядя на кучу куриных костей, которые она должна была каким-то образом превратить в питательный бульон; такой бульон им готовила мама, когда кто-то заболел. После некоторого раздумья она вспомнила, что мама добавляла в бульон морковь и картошку, поэтому пошла за ними.

Мерри почистила и порезала несколько штук, положила в кастрюлю вместе с костями, добавила воду и поставила на горячую конфорку. Потом дождалась, пока закипела вода, в надежде на какое-то волшебство, но ничего не произошло. Вместо этого вода забурлила и начала брызгать повсюду. Мерри решила снять кастрюлю с конфорки, но кастрюля была очень тяжелой, и немного кипятка попало на пальцы.

– Ай! – крикнула Мерри и быстро поставила кастрюлю на стол, а потом побежала к раковине и подставила обожженные пальцы под струю холодной воды. Из глаз текли слезы.

В это время в дверь постучали, и вошел отец О’Брайен с другой корзинкой в руках.

– Что случилось, Мерри?

– Ничего страшного, отец, – ответила Мерри, вытирая глаза первой попавшейся тряпкой. – Я пыталась приготовить бульон.

– Я принес немного бульона. – О’Брайен опустил корзинку и протянул Мерри две фляжки. – Если ты добавишь картошку и морковь из этой кастрюли, твоей маме хватит на два-три дня. Где твои сестры?

– Элен наверху вместе с мамой, Нора помогает Джону, потому что папа спит, а Кэти ушла наверх. – Мерри посмотрела на отца О’Брайена

и вспомнила, что мама всегда предлагала ему чай и какую-нибудь выпечку. Но прежде, чем она успела что-то сказать, он подхватил свою кор зинку.

– Если ты будешь так любезна и проводишь меня в комнату мамы, я займусь религиозными делами. – Он улыбнулся, достал еще одну фляжку, вынул пробку и понюхал. – Просто проверяю, эта ли со святой водой. Не хотелось бы крестить твоего новорожденного брата куриным бульоном, правда?

Мерри захихикала. Она вела отца О’Брайена наверх и думала, как любит его за то, что он всегда знает, что делать.

После его прихода все пошло на лад. Когда над мамой произнесли очистительную молитву (что бы это ни означало), папа проснулся с небольшой помощью Элен, и все пошли наверх посмотреть на крещение Патрика. Элен занялась готовкой после мягких замечаний отца О’Брайена об опасности для маленьких девочек обвариться кипятком, а Нору отправили наверх к маме с готовым бульоном.

В конце концов наступила ночь, и Элен отправила Мерри и Кэти в постель.

– Сегодня Билл будет спать вместе с вами; мы не хотим беспокоить маму, – сказала она.

– Полежи с ним немного, – сказала Кэти, заворачивая Билла в новую пеленку. Потом она достала из комода их общую расческу. – Сосчитай до ста, – попросила Кэти. Мерри знала, что после тридцати она начинала сбиваться со счета.

Мерри выполнила просьбу, восхищаясь медно-рыжим блеском волос своей сестры, сиявших на солнце.

– Когда-нибудь ты обязательно найдешь себе настоящего красавца, – сказала она.

– Клянусь, что мой муж будет даже богаче папаши Бриджет О’Мэхони, а его дом будет в десять раз больше этого, даже если я не буду любить его, а его нос будет длиннее, чем у миссис Каванаг, – решительно заявила Кэти. – Кстати, можно посмотреть, сколько монеток подарили тебе на день рождения?

– Если пообещаешь никому не говорить, где они спрятаны. Под страхом смерти, Кэти. Поклянись всеми святыми.

Кэти перекрестилась:

– Клянусь всеми святыми.

Мерри слезла с кровати и выдвинула ящик, где хранила свои носки и трусики. Решив, что сестры не станут искать спрятанные монетки в ее нижнем белье, она хранила их в черном носке, который теперь достала и вытряхнула на кровать.

– Иисус, Мария и Иосиф! Пожалуй, за такие деньги можно купить целую корову! – Кэти взяла блестящую круглую монетку и погладила ее. – Сколько их у тебя?

– Всего тринадцать.

– Это несчастливое число, Мерри. Пожалуй, тебе нужно дать мне одну на хранение.

– Хорошо, Кэти. Только не говори остальным, а не то они тоже захотят.

– Поедем в Тимолиг на этой неделе и купим сладости? – предложила Кэти.

– Может быть, но остальное я сберегу.

– Для чего?

– Еще не знаю, – сказала Мерри. – Для чего-нибудь важного.

– Однажды Джон рассказал мне секрет.

– Какой?

– Ну, о том, как мы могли бы получать больше сладостей, если...

– Если что?

– Это секрет.

– Кэти О'Рейли! Я только что показала тебе, где прячу свои монетки. Говори или...

– Теперь твоя очередь поклясться всеми святыми, что ты никому не расскажешь.

Мерри поклялась.

– Давай, Кэти, рассказывай.

– Джон рассказал, что, когда ему было столько же лет, сколько мне сейчас, мальчики из его класса, у которых были пенсовые монетки, клали их на рельсы перед приближавшимся поездом. Когда поезд проезжал мимо, он давил монетки колесами. А миссис Делони из кондитерской всегда давала им больше сладостей, если они приносили расплющенные монетки. Наверное, из-за того, что монетки становились больше. – Кэти покивала со знающим видом.

– Но Джон никогда так не делал, верно?

Кэти залилась краской, что было особенно заметно на фоне ее бледной кожи, и покачала головой.

– Только не говори папе с мамой.

– Это опасное дело, Кэти, – сказала Мерри, собрала монетки в носок и убрала в шкаф. – Мы можем погибнуть!

Она только успела забраться в постель, когда Нора вошла в комнату.

– Мерри, посиди с мамой, а я спущусь вниз и постираю простыню. – Она громко зевнула. – Боже, как я устала, а вы тут валяетесь в постели!

Она развернулась и вышла.

– Она всего лишь посидела с мамой во второй половине дня, – пожаловалась Кэти. – А я стирала пеленки новорожденного.

Мерри прошла мимо узкой лестничной площадки и откинула задвижку на двери комнаты родителей. Она с облегчением увидела, что мама и младенец крепко спят, хотя они казались бледными, как мертвецы.

Мерри опустилась на колени и быстро прочитала молитву, потом осторожно подняла простыню и проверила, нет ли крови, как это делала Элен. Все было чисто.

– Спасибо, Дева Мария, что защищаешь моих близких, – прошептала Мерри, накрыла маму простыней и опустилась на стул в ожидании Норы.

* * *

Неделя после рождения Патрика показалась самой долгой в жизни Мерри. По крайней мере, их с Кэти снова отправили в школу, поскольку Нора объявила, что ей пора покинуть монастырскую школу в Клонакилти. Пока мама была нездорова, Элен, Джону и папе нужно было помогать по дому. Кроме того, по словам Норы, ей было мало проку от правописания и арифметики.

Когда Мерри находилась дома, то казалось, что младенец плачет непрерывно. Элен и Нора только жаловались на свою работу, а отец ворчал, что не может заснуть из-за детских криков. Он сказал, что внизу гораздо тише, и стал спать в Новой Комнате. Эта комната была

смежной с кухней, но детей туда не пускали и говорили, что это «к лучшему». Там был большой камин и два кресла для мамы и папы, где он теперь спал сидя.

Нора передала Билла на руки Мерри и Кэти сразу же после того, как они вернулись из школы. Теперь он весьма быстро передвигался на пухлых ножках, и сестры проводили много времени, гоняясь за ним как в доме, так и на улице.

После возвращения из школы Мерри каждый раз поднималась к матери, которая спрашивала, что нового она узнала. Мама нянчила маленького Пата, который явно приобрел вкус к материнскому молоку. Мерри рассказывала маме о новом сборнике текстов для чтения и о введенном мисс Люси новом предмете под названием «география», где речь шла о разных странах света. Потом Мерри спускалась вниз и делала домашнюю работу за столом на кухне.

Однажды туманным утром Кэти сидела на полу и бросала мячик Биллу.

– Клянусь, у меня никогда, никогда не будет детей, – в сотый раз повторила Кэти, когда Билл погнался за мячиком, ударился головой о ножку стола и начал реветь.

– Но это предназначено для нас Богом, Кэти. Так говорит отец О’Брайен. Если никто не будет рожать детей, то на земле не останется людей, верно? Так или иначе, мама говорит, что она чувствует себя гораздо лучше и завтра она уже будет распоряжаться домашними делами вместо Элен, – добавила Мерри, чтобы подбодрить Кэти.

– У Бриджет О’Мэхони есть горничная, – сказала Кэти, обнимая и утешая ревущего Билла. – У меня тоже будет, когда я вырасту.

В парадную дверь неожиданно постучали. Мерри и Кэти удивленно переглянулись, поскольку никто из жильцов не пользовался этой дверью.

– Открой. – Кэти пожала плечами.

Мэри встала и открыла дверь. Снаружи в темноте стоял худой мужчина в цилиндре.

– Здравствуйте, я доктор Таунсенд. – Он улыбнулся ей сверху вниз. – А вы кто будете?

– Меня зовут Мерри О’Рейли, – вежливо ответила Мерри, сразу распознав в нем британца по забавному выговору.

– Очень хорошо, милая. Отец О’Брайен попросил меня нанести визит. Будь добра, проводи меня к своей маме.

Доктор прошел за Мерри на кухню, отряхивая свою красивую шляпу, а потом Кэти отвела его наверх в мамину спальню. Дверь за ним закрылась.

Мерри и Кэти решили помолиться Деве Марии, чтобы не обнаружилось ничего плохого, поскольку Бобби Нойро говорил, что врач приходит только в самых тяжелых случаях. Впрочем, его слова подтверждались лишь тем, что доктор приехал после гибели его отца при пожаре в сенном амбаре.

Элен начала готовить ужин, а Нора появилась оттуда, где она до сих пор пряталась, уклоняясь от работы по дому.

– Кто это был? – осведомилась она.

– Доктор, – многозначительно ответила Мерри. – Он пришел к маме.

Элен и Нора обменялись взглядами, от которых у Мерри защемило сердце. На кухне воцарилась тишина, пока девочки ожидали возвращения доктора.

В конце концов он спустился на кухню, и Нору послали позвать папу из коровника.

– Можно поговорить с вами наедине, мистер О’Рейли? – попросил врач.

Отец проводил его в Новую Комнату и плотно закрыл за собой дверь. Через пятнадцать минут оба вернулись на кухню.

– Все в порядке, доктор? – спросила Кэти, которой всегда не терпелось быть первой.

– Разумеется, юная мисс, – ответил врач с одобрительной улыбкой. – Ваша мать будет совершенно здорова, как и ваш маленький брат.

Судя по выражению папиного лица, Мерри показалось, что мама умерла и была отправлена в чистилище на целую вечность.

– Сколько это будет стоить, доктор? – спросил папа.

– Поскольку это всего лишь консультация, обойдемся без платы, – ответил врач. – А теперь мне пора. Всем хорошего вечера!

Он прикоснулся к цилиндру и вышел на улицу.

– Это же замечательно, что мамочка здорова, правда? – спросила Мерри.

– Да, – ответил папа, но выражение его лица не изменилось.

Когда члены семьи расселись за ужином, болтая друг с другом, словно стайка птиц, отец сидел молча, с каменным лицом.

Позже, когда они поели супа с хлебом и произнесли общую молитву, Кэти и Мерри пошли наверх, в свою комнату.

– Папа как будто не обрадовался новостям о маме, правда? – спросила Мерри.

– Да уж. Как думаешь... может быть, доктор просто соврал нам и мама скоро умрет?

– Не знаю. – Мерри содрогнулась от такой мысли.

– Матерь Божья, а здесь холодно, – заметила Кэти. – Зима близится. Можно мы сегодня поспим в одной кровати?

– Само собой, – сказала Мерри, удивляясь, зачем родители сделали для них отдельные кровати. Кэти редко ночевала отдельно от сестры.

Они прижались друг к другу, и вскоре замерзшие ноги Мерри начали отогреваться.

– Взрослые очень странные, правда, Кэти? – спросила она в темноте.

– Это точно. Но знаешь что, Мерри?

– Что?

– Однажды мы тоже станем взрослыми!

Наступил канун Рождества, и Мерри уже сыграла роль ангела в маленькой пьесе, которую мисс Люси поставила для родителей, пожелавших прийти и посмотреть. Кэти ненавидела свою роль пастуха, но Мерри обожала свой наряд, хотя он был изготовлен из старой простыни и куска фольги, вырезанного в виде короны. Ей пришлось сосредоточиться изо всех сил, чтобы запомнить свою реплику:

«И Мария родит сына, а ты назовешь Его Иисусом, ибо Он спасет народы от их грехов».

Поскольку ее звали Мэри, она предпочла бы исполнить роль Девы Марии, но в школе были еще три девочки с таким именем (называть их

по прозвищам было гораздо удобнее, чем говорить «Мэри Д.», «Мэри О.» или «Мэри М.»). Но никто из них не получил главную роль; эта честь досталась Бриджет О'Мэхони. Разумеется, ее мама заказала наряд у портнихи, и, когда Мерри глядела на Бриджет в чудесном голубом платье под цвет глаз, она думала, что на ее месте никогда бы не стала снимать это платье.

Мама тоже пришла посмотреть, и, хотя младенец Пат заглушал своими воплями рождественскую песнь «Тихая ночь», Мерри решила, что она была самой красивой матерью из всех присутствовавших. Румянец вернулся на ее щеки, и, по выражению Джона, она «нарастила немного мяса на костях».

Бобби Нойро не получил роль в пьесе в наказание за драку с Шимусом Дэли. С тех пор Шимус всегда называл членов семьи Бобби предателями и убийцами. Скорее всего, Бобби мог бы отлупить Шимуса до бесчувствия, если бы надзиратель мистер Бирн не растащил их в стороны.

Теперь излюбленной уловкой Бобби по дороге домой стало пропадать за деревьями, а потом выскакивать с криком «Банг!». Он говорил, что расстреливает «черно-коричневых». Мерри не понимала, почему он хочет стрелять по ним – ведь это же просто цвета, верно? Кэти всегда сердилась на него, встряхивая рыжими локонами и ускоряя шаг, так что Мерри и Бобби шли дальше вдвоем и он рассказывал истории о «старых добрых деньках», услышанных от бабушки, где речь шла о какой-то войне.

На следующий день после окончания школьных занятий Мерри в последний раз перед рождественскими праздниками прогулялась вместе с Бобби и вручила ему маленькую открытку собственного изготовления с аккуратно выведенными словами «Счастливого Рождества!». Она сделала это только потому, что вчера, когда все обменивались рождественскими открытками, Бобби не получил ни одной. Хотя он ничего не сказал, Мерри видела, что он расстроился и разозлился.

Когда Бобби увидел открытку, он широко улыбнулся и протянул ей скомканную грязную ленту.

– Она голубая, как твои глаза, – сказал он.

– Огромное спасибо, Бобби, я повяжу ее на Рождество, – сказала Мерри. Потом она побежала домой, а Кэти дразнила ее и посылала ей

вслед чмокающие звуки поцелуев.

* * *

По какой-то причине, неясной для Мерри, домашняя атмосфера отличалась от обычного Рождества. Несмотря на бумажные гирлянды, венки из остролиста и рождественские песенки, что-то было не так.

Мерри пришла к выводу, что все это из-за несчастного вида ее родителей. До рождения Пата и визита врача она часто видела, как папа целует маму в затылок или гладит ее руку под столом за ужином, как будто у них был некий общий секрет, вызывавший улыбку. Но теперь они почти не разговаривали друг с другом, и Мерри видела, как пустеет папина бутылка виски, там почти ничего не осталось.

«Может быть, мне это кажется», – подумала Мерри, проснувшись в день перед Рождеством и ощутив, как где-то внутри зашевелилось знакомое радостное предвкушение. «Сегодня будет ХОРОШИЙ день», – решительно подумала она. Сегодня утром ей предстояло отправиться в дом священника и помочь маме с уборкой перед рождественскими праздниками. Она надеялась, что Амброз будет там, потому что уже целую вечность не видела его. Мерри нравилось сидеть в кабинете отца О’Брайена, когда огонь ярко пылал в очаге камина. В последний раз они беседовали о том, как продвигается ее учеба, а потом Амброз достал книгу сказок Ганса Христиана Андерсена и прочитал ей «Девочку со спичками». Там речь шла о бедной девочке в канун Рождества, которая жгла спички, потому что они давали ей свет и тепло. Она замерзла насмерть на улице, но ее душа попала на небеса, и она была счастлива оказаться рядом со своей любимой бабушкой.

– Звучит очень грустно, – заметила Кэти, когда Мерри пересказала ей эту историю. – И никаких фей или волшебства!

Мерри слышала, как плачет Пат в комнате родителей. Младенец как будто был вечно голоден, и иногда Мерри смотрела на маму с Патом у ее груди и думала, что она похожа на дойную корову, у которой забирают молоко утром и вечером.

В нетерпении перед началом дня Мерри надела свой самый теплый джемпер, который был ей уже мал, натянула юбку и шерстяные

чулки и спустилась вниз. Поскольку мама была очень слабой после рождения ребенка и ей приходилось кормить Пата рано утром, Мерри теперь научилась мастерски готовить *гуди*, смешивая черствый хлеб с молоком и щепоткой сахара. Но этим утром, в канун Рождества, мама распорядилась приготовить настоящую овсянку. Мерри включила верхний свет, взяла из буфета овсянку и наполнила кувшин молоком из маслобойки. Помешивая овсянку на плите, Мерри посмотрела в окно и увидела, что поле перед домом покрылось искристым инеем.

– Похоже на рождественскую открытку, – пробормотала она. Она начала получать удовольствие от тихой утренней работы на кухне, пока члены семьи не начинали спускаться вниз, а папа с Джоном не возвращались из коровника, готовые к завтраку. Пока овсянка побулькивала на плите, Мерри взяла буханку пресного хлеба, который мама испекла вчера, и положила на стол вместе со сливочным маслом. Поставив тарелки греться рядом с плитой, она подумала о подарках, которые купила для членов семьи на свои пенсовые монетки, полученные в день рождения. Красивые новые ленты для Элен и Норы, расческа для Кэти, игрушечный кролик и мышка для Пата и Билла. Она купила нитки для вышивания, чтобы сделать родителям вышитые платки из квадратиков хлопчатобумажной ткани, хотя буква «П» в слове «папа» вышла немного корявой. Теперь у Мерри осталось лишь два пенса, которые она приберегла на черный день, как говорила мама. А поскольку дни стали очень темными, она считала сбережения важным делом.

– Доброе утро, Мерри, – сказала мама, когда вошла на кухню с маленьким Патом на перевязи, закрепленной на груди.

– Садись, мама. Все уже готово.

Мама улыбнулась, когда опустилась на стул.

– Ночью Пат никак не хотел успокаиваться, поэтому я немного устала. Спасибо, Мерри, ты хорошая девочка.

– Сегодня канун Рождества, мама. Лучший день в году.

– И мне нужно обратиться в доме священника, – вздохнула мама.

– Я обязательно помогу тебе.

– Ох, Мерри, я имела в виду другое. Ты много помогаешь по дому, это верно. И мистер Листер – очень добрый человек. Если бы не он...

Мерри, которая помешивала овсянку, чтобы не было комков, повернулась и посмотрела на маму.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего особенного, Мерри, но он помогает тебе с грамотой. Он преподает в знаменитом университете, так что лучшего учителя нельзя и пожелать. Надеюсь, со временем все уладится, чтобы я могла по-настоящему приступить к работе и все готовить заранее.

– Я могу ухаживать за Патом, мама, ты же знаешь, что я умею!

– Знаю, милая. – Мэгги улыбнулась. – А сейчас я бы поела твоей каши, может, еще с капелькой сахара для энергии.

– О чем ты, мама? – спросила Элен, когда вошла на кухню вместе с Биллом, который старался вывернуться у нее из рук.

– Да ни о чем, – ответила мама. – Мы говорили о Санта-Клаусе, верно?

– Да, мама. – Мерри улыбнулась про себя, посыпая кашу сахаром в тарелках и неся их к столу.

* * *

Через час они с мамой поднялись на вершину холма, где стоял дом священника, возвышавшийся над Тимолигом. Когда они пришли, мама вежливо постучалась и выпрямилась в ожидании ответа. Амброз открыл дверь.

– Добрый день, – улыбнулся он. – Преподобный отец сейчас обходит больных и дает им рождественское благословение. Вы знаете, что нужно делать, миссис О’Рейли. Да, и он просил передать вам, что все необходимое находится в кладовке.

– Хорошо, мистер Листер. Простите, что я принесла с собой маленького Пата, но он просто не хотел успокаиваться, а все остальные девочки заняты по дому...

– Никаких проблем, миссис О’Рейли. Я только что вскипятил воду; можно предложить вам горячего чаю после прогулки? На улице настоящий мороз.

Через десять минут, после чашки чая, куда Мерри положила столько сахара, сколько хотела, она отнесла Пата в кабинет, а мама приступила к работе.

– Я уверена, что он скоро успокоится, мистер Амброз, но он ужасный крикун.

– Так моя мама говорила и обо мне, когда я был младенцем. – Амброз улыбался, а Мерри бережно качала младенца, стараясь убаюкать его. – Может быть, тепло от камина успокоит его.

– Может быть, – вздохнула Мерри.

– Ну, Мэри, как продвигаются дела в школе после нашей последней встречи?

Амброз упорно называл ее «Мэри», он сказал, что не любит прозвища.

– Очень хорошо, Амброз. Я читаю хрестоматию для десятилетних, и мисс Люси считает это большим успехом. С арифметикой тоже нормально, хотя и похуже, чем с чтением. По крайней мере, когда читаешь, то не нужно складывать буквы, правда?

– Правда, Мэри.

– Смотрите, Пат наконец заснул. Если не возражаете, я положу его на коврик.

– Не возражаю. Давай говорить шепотом, чтобы не разбудить его?

– Да нет, вы бы слышали, какой шум поднимают мои братья и сестры, когда он спит! Все будет хорошо.

Амброз наблюдал за девочкой, а она аккуратно уложила ребенка и прикрыла его поношенным одеялом.

– Как поживает твоя семья, Мэри?

– Мы простудились две-три недели назад, но теперь все поправились, – ответила Мерри. – Маме тоже гораздо лучше, но малыш постоянно требует молока.

– А твой отец?

– Ну, он пьет больше виски, чем обычно, и иногда кажется очень грустным... – Мерри покачала головой. – Не знаю почему, Амброз. После переезда в Новый Дом у нас был первый хороший урожай, и... – Она пожала плечами. – Иногда я просто не понимаю взрослых.

– Да, Мэри, – ответил Амброз, удержавшись от улыбки. – Иногда я их тоже не понимаю, а ведь я взрослый! Ладно, хочешь, я почитаю тебе?

– Про девочку со спичками?

– Ну, сейчас канун Рождества, и я прочитаю тебе новую рождественскую историю.

– Да, пожалуйста. – Мерри посмотрела, как он листает страницы старой книги, лежавшей на столе перед ним.

– Эта история написана англичанином по имени Чарльз Диккенс. Поскольку это довольно старая история для взрослых, сегодня мы дочитаем до определенного места. Кстати, ты знаешь, что такое призраки?

– Да, Амброз! Мама рассказывает нам истории про старые времена в Ирландии, и там есть призраки. Мы с Кэти думаем, что они настоящие, но Элен и Нора называют нас полными дурами.

– Я не стану называть тебя дурочкой, Мэри, но у меня такое же мнение, как у твоих сестер: призраков не существует. Но иногда бывает забавно бояться их, правда?

– Наверное, но только не ночью, когда все спят.

– Думаю, ты достаточно умная, чтобы понимать разницу между выдуманными историями и реальной жизнью. Наверное, лучше я начну читать тебе, а ты попросишь меня остановиться, если тебе станет страшно, хорошо?

Мерри кивнула и широко распахнула глаза.

– Итак, эта история называется... – Амброз перевернул страницу и указал на название.

– «Рождественская песня»!

– Отлично, Мэри. Это история о человеке по имени Эбенезер Скрудж. Если ты представишь себе самого плохого человека, которого знаешь, то, наверное, это будет похоже на главного героя.

– Вы хотите сказать, вроде миссис Каванаг? – спросила Мерри и прикрыла рот ладонью, когда осознала смысл сказанного.

Амброз добродушно усмехнулся:

– Если тебе так удобнее, хотя отец О’Брайен может решить, что это не вполне по-христиански с нашей стороны. Но мне, разумеется, все равно.

– Что вы имеете в виду? Вы не католик? – спросила Мерри. Она неожиданно осознала, что хотя Амброз и отец О’Брайен были закадычными друзьями, она ни разу не видела его на мессе по воскресеньям, когда он приезжал из Дублина.

– Ах, Мэри, это сложный вопрос, – сказал Амброз, снимая свои очки и протирая их носовым платком. Без очков он становился немного похожим на крота.

– Разве? Ведь все вокруг католики.

– Вообще-то в мире существует множество разных религий, – сказал Амброз и водрузил очки на переносицу. И католицизм – лишь одна из них. К примеру, индуисты верят во многих богов...

– Но есть только один Бог! – горячо возразила она.

– Да, таков догмат католической веры, но на земле огромное количество людей, которые чтят разных богов.

– Значит ли это, что все они попадут в ад? – спросила она. – Потому что они не верят в истинного Бога?

– Ты думаешь, что это обязательно случится с ними, а, Мэри? – спросил он.

Мерри в замешательстве потерла нос, поскольку Амброз имел обыкновение задавать вопросы ей, когда *она* что-то спрашивала у него.

– Я думаю... – Она пожевала губу. – Думаю, если при жизни они были добрыми, то не должны попадать в ад, потому что ад предназначен только для дурных людей. Но если вы вообще не верите в Бога, это очень плохо.

– Значит, если я не верю в Бога, это делает меня дурным человеком? – поинтересовался он.

Она уставилась на него с приоткрытым ртом:

– Нет, я...

– Все в порядке, Мэри, – ласково сказал Амброз. – Извини, что расстроил тебя. Я лишь пытаюсь объяснить, что люди верят в разные вещи. Например, вы с Кэти верите в призраков, а ваши сестры – нет. Это не значит, что кто-то из вас не прав; просто у вас разные взгляды. И это совершенно нормально.

Мерри кивнула, поскольку поняла почти все из сказанного... однако Бог не был призраком.

– Тогда давай почитаем? – предложил он. – Итак, начнем...

* * *

История так заворожила Мерри, что Амброзу пришлось указать на маленького Пата, чтобы отвлечь ее.

– Дорогая Мэри, нам стоит остановиться, поскольку твой брат явно проголодался.

Мерри рывком вернулась в реальный мир; они только что дошли до той части, когда появился призрак Прошлого Рождества, который казался очень жизнерадостным после пугающего призрака Джейкоба Марли. Мерри повернулась к плачущему Пату и с трудом удержалась от того, чтобы не показать ему язык.

– Пойду поищу маму. – Подхватив завывающего младенца, она отнесла его на кухню, где мать раскатывала тесто для выпечки.

– Прости, мама, но...

Мать вздохнула и провела по лбу рукой, испачканной в муке, оставив белую полоску.

– От него еще и воняет, – добавила Мерри, когда поместила Пата на руки к маме и быстро повернулась к выходу. Ей не терпелось дослушать историю.

– Ладно, милая, ты не поменяешь ему пеленки, раз уж такое дело? Если у тебя нет более важных занятий.

Мерри закатила глаза и вернулась к матери, смирившись со своей участью.

– Конечно, мамочка, – сказала она.

* * *

Уже пора было уходить домой, когда Амброз поманил Мерри обратно в кабинет. Она по-прежнему держала на руках хнычущего Пата. Каждый раз, когда она клала его на диван, он начинал реветь, поэтому они никак не могли продолжить чтение.

– Сегодня я почти ненавижу тебя, Пат О’Рейли, – прошептала она ему, шагая в кабинет по коридору.

– Почему бы мне немного не подержать Пата? – предложил Амброз и проворно взял у нее ребенка. Пат моментально прекратил хныкать и уставился в совиные глаза Амброза. – Эта прядка темных волос точно такая же, как у твоего отца.

– Я надеялась, что он будет блондином, как я, чтобы не быть единственной в семье, – сказала Мерри. – Кэти говорит, это потому, что я самая младшая сестра. У Бога закончилась краска, поэтому мои волосы такие светлые.

– У Кэти, определенно, богатое воображение, – хохотнул Амброз. – Послушай, Мерри, ближайшие несколько дней я буду у отца О’Брайена, поэтому мы успеем дочитать «Рождественскую песню». Но пока что...

Он указал на плоский пакет на столе отца О’Брайена, завернутый в ярко-красную бумагу с изображениями Санта-Клауса. Это была настоящая рождественская обертка, а не простая коричневая бумага, которой ее родители пользовались для подарков.

– Ох! Амброз, я...

– Может, откроешь, чтобы твои братья и сестры не стали завидовать?

– Думаешь, можно, пока не пришел Санта?

– Разумеется, поскольку это *мой* рождественский подарок. Давай садись и открывай его.

Мерри подчинилась, дрожа от волнения и радостного предчувствия, хотя, судя по форме и ощущениям, ее догадка была верной. Она осторожно сняла ленту и обертку, поскольку хотела сохранить их для собственных подарков, с позволения Амброза. Мерри с интересом уперлась взглядом в название книги.

– Какая красивая, Амброз. Спасибо тебе.

– Ты можешь прочесть название?

– Э-э-э... я попробую.

– Пожалуйста.

– «Ми-фы и ле-генды о гре... греческих богах»! – Мерри вопросительно посмотрела на него.

– Превосходная попытка. Это действительно «Мифы и легенды о греческих богах». Мифы и легенды – это те же старинные ирландские истории, которые ты слышала от родителей. Это история о богах, которые давным-давно жили в Греции, на горе Олимп.

Мерри была зачарована обложкой. Она провела пальцами по золотым буквам. На рисунке был изображен мужчина с голой грудью, но у него хотя бы была повязка на бедрах, что придавало ему сходство с Иисусом на кресте. Зато у него были крылья за спиной, которых не было у Иисуса, потому что крылья принадлежали птицам и ангелам.

– Мне нужно домой. Наверное, я оставлю эту книжку здесь вместе с другими моими книгами и буду потихоньку читать ее во

время будущих визитов. – Она нежно погладила обложку. – Спасибо, Амброз: это самая красивая книга, какую мне приходилось видеть.

– Я очень рад, Мэри. Счастливого Рождества.

* * *

Возвращаясь домой вместе с мамой, Мерри пыталась понять, что Амброз рассказывал ей о Боге. В сущности, ее разум был переполнен новыми идеями, которые предстояло обдумать.

– Ты что-то притихла, Мерри; это не похоже на тебя, – с улыбкой сказала мама. – Думаешь о своих рождественских подарках?

– Я думаю об Амброзе, который сказал, что он не верит в Бога, – выпалила она. – Значит ли это, что он отправится в ад?

– Я... он в самом деле так сказал?

Мерри видела, что мама потрясена.

– Думаю, да, только я не очень поняла.

– Уверена, что он имел в виду что-то другое.

– Я тоже. Амброз – хороший человек, мама, и он всегда так терпелив со мной. – Маме нравилось слово «терпеливый», потому что она постоянно говорила Мерри и Кэти о пользе терпения.

– Да, Мерри, и он был очень добр к тебе, когда учил читать и давал разные книги. Я знакома с мистером Листером с первых дней твоей жизни, и он *очень* хороший человек. Но помни, что он из Дублина, а в Дублине люди выдумывают очень странные и непривычные вещи. Но я уверена, что он хранит Бога в своем сердце.

– И я тоже, – кивнула Мерри, испытывая облегчение от того, что она сможет продолжать дружбу с Амброзом и не сердить Бога. Кроме того, ей очень хотелось дослушать окончание «Рождественской песни»...

* * *

– У милой маленькой Мэри были слезы на глазах, когда она смотрела на книгу. Она ласкала буквы, как будто они были из чистого золота. У меня самого навернулись слезы на глаза, правда, Джеймс.

Джеймс сидел напротив Амброза, баюкая в руках чашку чая, а Амброз пил виски. Это был долгий и трудный день, как всегда бывало в канун Рождества, и Джеймсу еще предстояло отслужить полуночную мессу. У него уже отяжелел живот от рождественских лакомств, наперебой предлагаемых добрыми прихожанами, он считал себя обязанным принимать эти дары с благодарностью и восхищаться замечательным вкусом.

– Все ли в порядке в семействе О’Рейли? – спросил Амброз. – После рассказа Мерри у меня создалось отчетливое впечатление, что ее родители далеко не счастливы. А ее бедная мать выглядит слишком худой и чрезвычайно изможденной.

– Как ты и советовал, я прислал к ним врача. Он сообщил, что усталость Мэгги О’Рейли возникла в результате слишком частого деторождения. Не знаю медицинских подробностей, но он сообщил им, что Пат будет их последним ребенком. Сомнительно, что Мэгги сможет пережить очередную беременность.

– Что это значит на практике?

– Я уверен, ты понимаешь, что это значит, Амброз. Таково наше католическое правило: ничто, кроме природы, не должно мешать появлению Божьих детей в мире.

– Иными словами, супружеские права превратились в тяжкое бремя?

– Да. Мэгги и Джон больше не могут предаваться естественным плотским утехам, поскольку очередной ребенок почти несомненно убьет ее. Они не могут и предохраняться. Ибо это противоречит воле Господа и их вере.

– Неудивительно, что даже шестилетняя девочка заметила, что ее отец стал чаще прикладываться к бутылке виски, – сказал Амброз. – Шесть лет назад Мэгги О’Рейли была прекрасной молодой женщиной, а ее муж был сильным и красивым мужчиной. Теперь она выглядит так, словно несет на плечах тяготы всего мира.

– Они оба так выглядят, – вздохнул Джеймс. – К сожалению, это лишь одна из многих молодых пар в моем приходе, которая сталкивается с подобной участью.

– Как думаешь, я мог бы оказать им какую-то поддержку? Если бы у семьи появилась дополнительная помощь по дому...

– Нет, Амброз. Никто, кроме богатейших фермеров, торговцев и меня как священника, не может иметь домашнюю прислугу. Это было бы гораздо выше статуса О’Рейли и вызвало бы кривотолки в местной общине.

– Значит, мы ничего не можем сделать?

– Сейчас мне нужно подготовиться к рождественской мессе. Поговорим позже, когда я вернусь, но я не думаю, что это возможно.

Джеймс вышел из комнаты, чтобы подготовиться к одной из самых священных ночей в христианском календарном году. Джеймс говорил, что большинство его прихожан были обеспечены еще хуже, чем семья О’Рейли. Надежда на небесное блаженство после жизненных тягот была удобным мифом для проповедей перед бедняками.

Но как насчет самого Амброза? Не играл ли он со своей добротой в «бога» перед Мэри?

В детстве ему подарили первую книжку греческих мифов, почти такую же, как он теперь подарил Мэри. Он запоем прочитал ее, и можно было сказать, что она привела его к теперешнему статусу, к должности старшего научного сотрудника кафедры античной литературы в дублинском Тринити-колледже.

Тогда он представлял богов на вершине Олимпа как опытных кукольников: каждый из них отвечал за несколько миллионов людей, роившихся, как муравьи, далеко на земле.

– Игры богов, – пробормотал Амброз, наливая себе очередной бокал виски. Но теперь он был божеством среди людей, способным воспользоваться деньгами, чтобы изменить жизнь одного маленького ребенка. Он все больше укреплялся в вере, что Мэри имеет блестящее научное будущее, но, возможно, подобно всем родителям, хотя он и не являлся ее кровным родственником, он пытался вылепить Мэри по своему образу и подобию?

Греческие философы могли бы многое сказать по этому поводу. Но Амброз для разнообразия решил подумывать сам.

Когда часы пробили полночь, Амброз принял решение поступить по-своему. Джеймс был прав: нужно верить, что семья О’Рейли окажется надежной и прочной колыбелью для Мэри до тех пор, пока она не повзрослеет. А если судьба приложит свою руку, то Амброз сможет вмешаться и раньше.

Июнь 1960

(Пять лет спустя)

– Мне хотелось бы жить во времена войны за независимость против Британии, – сказал Бобби, когда они с Мерри возвращались домой через поля Клогаха. Ее младший брат Билл, который прошлой осенью пошел в школу, топал сзади, уцепившись за руку Элен, младшей сестры Бобби, тихой и застенчивой в отличие от брата.

– Тогда тебя бы застрелили, Бобби Нойро, – отозвалась Мерри, когда он вдруг остановился. Его последней игрой было метание камней из пращи, он изображал из себя волонтера.

– Однажды я покажу тебе револьвер, из которого мой дед убивал британских колонистов, – сказал он, поравнявшись с ней.

– Кто такие колонисты? – спросила она просто для проверки.

– Британцы, которые присваивали целые страны в свою собственность. Так говорила моя бабушка, – с важным видом добавил он.

Мерри вздохнула и покачала головой. По мере взросления агрессивность Бобби и его ненависть к британцам только возрастала. И хотя Мерри знала, что Амброз происходил из британской семьи, прибывшей в Ирландию сотни лет назад, что фактически делало его ирландцем, ей не нравилось, когда Бобби так злобно говорил о британцах.

– Банг! – внезапно крикнул он. – Есть!

Мерри с ужасом наблюдала, как он прицельно бросал куски грязи в коров на поле О’Ханлонов.

– Прекрати, Бобби!

– Это всего лишь стрелковая практика, – возразил он, когда она оттянула его в сторону от коров, мычавших и ложившихся в замешательстве.

Элен начала плакать и испугалась не на шутку.

– Их все равно скоро поведут на скотобойню.

– Нельзя вредить живым существам ради забавы, – упрекнула Мерри, подхватив Элен и взяв Билла за руку. – Нет никакой причины для этого.

– У британцев тоже не было причин убивать нас, – мрачно пробормотал Бобби, но отвернулся от коров и пошел рядом с ней.

Мерри знала, что лучше не разговаривать с ним, когда он в таком состоянии. За годы, проведенные в школе, она усвоила, что его настроение может меняться молниеносно. Хотя другие одноклассники сторонились его, особенно из-за вспышек ярости, случавшихся и во время игры в футбол, где его манеру игры считали агрессивной и «грязной», Мерри видела другую сторону его характера, когда они оставались наедине. На уроках Бобби был единственным, кто мог читать наравне с ней и интересовался миром за пределами маленькой фермерской общины. Бобби *хотел* учиться, как она, и это обстоятельство, наряду со знанием другой, более мягкой стороны его натуры, давало Мерри надежду, что однажды он перерастет свое дурное поведение. Кроме того, она жалела Бобби, потому что у него не было друзей, не было отца и ему приходилось быть главным мужчиной в семье.

Она навсегда запомнила тот день, когда он плакал у нее на плече, словно ребенок. Соседский фермер, охотившийся на кроликов, по ошибке застрелил его пса Хантера. Бобби не скрывал удовольствия, когда несколько дней спустя свинарник этого фермера сгорел загадочным образом.

– В Библии сказано «око за око», Мерри, – заявил Бобби, хотя она неустанно заверяла его, что убийство Хантера было случайностью.

Но каким бы странным, а иногда и откровенно жестоким ни было поведение Бобби, Мерри знала, что у него нет друзей, кроме нее, и невольно тянулась к нему.

Ее сестра Кэти, которой теперь было тринадцать, перестала ходить в школу после прошлого Рождества, заявив, что она «устала от учебы».

Элен вышла замуж и переехала, а Нора работала в Большом Доме во время охотничьего сезона, так что летом Мерри оставалась старшей дочерью и должна была помогать маме по дому.

Бобби побаивался Кэти, которая всегда говорила то, что думала, поэтому теперь только Мерри и малыши уходили из школы вместе с ним.

Полгода назад Кэти забросила чтение и интересовалась только разными стилями укладки волос или слушала громкую музыку какого-

то Элвиса по радиоприемнику, купленному папой год назад. Они с Норой часто разу чивали на кухне новые танцы, и Мерри ощущала себя заброшенной, хотя Кэти по-прежнему называла ее своей лучшей подругой.

– И мне не нравится, что ты проводишь так много времени с Бобби Нойро, – сказала она Мерри. – Этот парень – больной на всю голову.

– Нет, у него просто яркое воображение!

Мерри защищала его, но в глубине души отчасти соглашалась с сестрой. Она обнаружила, что, когда Бобби очередной раз впадал в мрачное или агрессивное настроение, проще всего было успокоить его какой-нибудь историей. Она пересказывала ему греческие мифы и легенды из книги, однажды подаренной Амброзом на Рождество. Если Бобби обожал жестокие истории о богах, вершивших возмездие над другими богами, то любимой историей Мерри была легенда о Семи сестрах, так как она сама была одной из семерых братьев и сестер.

– Ты уже знаешь, что бойцы ИРА хранили оружие в нашем семейном амбаре во время революции, – сказал Бобби, когда они шли рядом. – Бабушка рассказывала мне, что они всегда приходили рано утром. Она ненавидит британцев, и я тоже, – добавил он на тот случай, если она забыла то, что он уже тысячу раз повторял раньше.

– Бобби, мы не должны никого ненавидеть. В Библии сказано, что...

– Мне все равно, что там сказано. Британские протестанты слишком долго правили в нашей стране. Они крали нашу землю, обращались с нами как с холопами и морили нас голодом! Бабушка говорит, что они по-прежнему так ведут себя в Северной Ирландии. – Он повернулся к Мерри. Его черные волосы так отросли, что развевались на ветру, густые темные брови нависали над пронзительно-голубыми глазами. – Надо думать, что любой добрый бог не допустил бы таких страданий для нас, верно?

– У Бога есть свои причины. И посмотри, Бобби: теперь Ирландия стала республикой. Мы свободны!

– Но англичане по-прежнему здесь, в стране, которая должна быть *целиком* нашей, включая север.

– В мире нет совершенства, да? Кроме того, посмотри, где мы живем! – вокликнула она, повернувшись кругом и раскинув руки. –

Это прекрасные места!

Мерри стояла и смотрела на поля, а Билл поднял божью коровку и протянул ее Элен, которая немедленно завизжала и уронила ее.

– Смотри, повсюду растут фуксии. – Мерри указала пальцем. – А в лесу распустилась багряная акация. А за полями и лесами в долине – голубое море!

– В том-то и беда с девчонками, – проворчал Бобби. – Вы вечно витаете в облаках и занимаетесь мечтаниями. Поэтому мужчинам приходится воевать и оставлять вас дома с детьми.

– Это нечестно, Бобби Нейро, – возразила Мерри, когда они снова пошли к Инчбриджу. – Я сильнее тебя в чтении. Готова поспорить, ты даже не знаешь, кто такой Чарльз Диккенс.

– Нет, но с таким именем, я уверен, он британец.

– И что, если так? Шекспир, величайший писатель на свете, тоже был англичанином. Ну вот, мы пришли, – с облегчением сказала она, когда они достигли узкого моста, перекинутого через серебристую полосу реки Аргидин. – Увидимся завтра, Бобби. Ровно в восемь утра, а то я уйду без тебя. Пока, Элен, – обратилась она к маленькой девочке, та кивнула и засеменила вслед за старшим братом. Мерри жалела и ее: Элен была болезненно худой и почти не разговаривала.

– До встречи, – сказал Бобби перед тем, как зашагал по проселку к своей ферме. Мерри продолжила путь вместе с Биллом, радуясь солнечным лучам, ласкавшим ее лицо. В воздухе пахло свежестью, а поля были усеяны маргаритками и одуванчиками. Она зашла в траву и легла на спину, и Билл, обожавший старшую сестру, последовал ее примеру. Мерри печалилась, потому что оставалось лишь несколько дней до конца учебного года. Следующий год будет последним с учительницей мисс Люси, потому что Мерри исполнится одиннадцать лет и она окончит начальную школу. Она точно не знала, в какую школу ее отправят потом; возможно, в школу при женском монастыре Святой Марии в Клонакилти, куда некоторое время ходили ее сестры.

– Монашенки бьют тебя линейкой, если платье не доходит до лодыжек или если башмаки не начищены, – говорила Кэти, когда училась там. – И там нет мальчиков, – со вздохом добавляла она.

Мерри решила, что отсутствие мальчиков определенно не вредит делу, но монашенки казались страшными существами. И ей придется каждый день совершать долгую прогулку до школьного автобуса.

Мерри встала и подумала, что в отличие от Норы и Кэти ей вовсе не хочется взрослеть.

* * *

– Ну и жара здесь! – заметила Мерри, положив свой ранец на кухонный стол.

– Не жалуйся на жару, раз уж ты всю зиму жаловалась на холод, – укорила ее Кэти.

– Хочешь хлеба с джемом? – спросила Мерри, отрезала себе ломтик и намазала его густым клубничным джемом, который отец О’Брайен подарил маме на прошлой неделе. Мерри казалось, что это самое вкусное лакомство, которое ей приходилось пробовать. – Где мама? Она пошла в гости и взяла с собой Пата?

– Нет, она отдыхает. У нее постоянная усталость, поэтому хорошо, что я здесь и могу присматривать за домом.

– Я здесь, девочки. – Мама слабо улыбнулась им, входя в кухню.

– А где Пат?

– В полях, вместе с папой и Джоном, – ответила Кэти.

Мерри подумала, что мама выглядит такой же изможденной, как после рождения Пата. Казалось, что за последние несколько лет ее здоровье укрепилось, но, когда она повернулась к плите, чтобы поставить чайник, Мерри вздрогнула, заметив явную выпуклость ее живота.

– Кэти, ты позовешь мальчиков пить чай? – попросила мама. Кэти тряхнула огненно-рыжими кудрями и вышла на улицу.

– Мама. – Мерри понизила голос и подошла к ней. – Ты, э-э-э... У тебя будет еще один ребенок?

Мэгги повернулась к дочери и погладила ее светлые волосы.

– От тебя ничто не ускользнет, правда, Мерри? Да, я беременна, но это секрет для твоих братьев и сестер.

– Но доктор сказал, что тебе нельзя больше иметь детей, чтобы не было так плохо, как в прошлый раз. – Мерри ощутила панику, растущую внутри; она запомнила первые месяцы после рождения Пата как худшее время в своей жизни.

– Знаю, но иногда такие вещи просто... случаются. Бог поместил в меня новую жизнь. – Тут мама тяжело вздохнула, и ее глаза заблестели от слез. – И если такова Его воля, то все будет хорошо. А пока, Мерри... – Она приложила палец к губам. – Молчок, обещаешь?

– Обещаю.

Ту ночь Мерри провела без сна. «Что, если мама умрет?» – думала она.

«Пожалуйста, Господи, я сделаю все, что угодно! Я даже буду убивать британцев, но пусть только моя мама останется жива!»

* * *

– Мэгги О’Рейли снова беременна, – вздохнул Джеймс. Они с Амброзом наслаждались редким солнечным днем в саду возле его дома, откуда открывался вид на побережье Кортмашерри-Бэй.

Амброз в ужасе посмотрел на него:

– Это же катастрофа! Значит, она подписала свой смертный приговор.

– Нам нужно молиться о том, чтобы она оказалась сильнее. Врач мог ошибиться.

– Джеймс, ты понимаешь, что это значит для Мэри. Она такая хорошая ученица.

– Так оно и есть. Более того, мисс Люси позавчера зашла ко мне, чтобы поговорить о ней. Мерри совершенно необходимо получить высшее образование. Она превзошла всех остальных учеников, и мисс Люси находится в затруднении относительно того, что с ней делать на следующий год. Но, возможно, – Джеймс потер подбородок, – если ее мать родит очередного ребенка, помощь Мерри понадобится дома.

– Что я могу сделать?

– Пока очень мало, – ответил Джеймс. – По меньшей мере я могу гарантировать, что врач положит Мэгги в больницу. Если дело обернется плохо, вокруг нее хотя бы будут профессиональные специалисты.

– Мерри *должна* продолжить свое образование, Джеймс, – твердо сказал Амброз. – Она прочитала полное собрание Чарльза Диккенса, а

во время нашей последней встречи я передал ей экземпляр «Джейн Эйр».

– Ты не думаешь, что ей рановато знакомиться... с романтической стороной этой истории?

– Там нет никаких физических подробностей, Джеймс.

– Да, и нам обоим следует помнить, что Мэри выросла на ферме, где быки регулярно покрывают коров. Здешние дети невинны во многих отношениях, но взрослеют очень быстро.

– Не так быстро, как молодые женщины в Дублине. Ты слышал о новой книге «Сельские девушки» молодой писательницы Эдны О’Брайен? Она недавно была запрещена в Ирландии, поскольку там открыто говорится о женщинах, занимавшихся сексом до заключения брака. Церковь подняла возмущенный крик, но мой коллега с кафедры английской литературы одолжил мне эту книжку.

Амброз улыбнулся.

– И?..

– Это настоящий триумф для тех, кто хочет расширить границы и продвинуть Ирландию – включая женщин – в будущее, хотя сомневаюсь, что тебе это придется по душе. Впереди перспектива развития национального телевидения, что опять-таки изменит страну.

– Ты уже видел телевизор?

– О да. У меня есть друг, который живет на границе с Северной Ирландией и может получать картинку с британского передатчика. Это все равно что иметь миниатюрный кинематограф в своей комнате.

– Уверен, что пройдут годы, прежде чем такие новшества дойдут до Западного Корка, – сказал Джеймс.

– Ты этому рад или нет?

Джеймс посмотрел на поля и поселок на заднем плане, потом на залив.

– Мне бы определенно хотелось, чтобы мои прихожане не страдали от голода и пользовались преимуществами современной медицины... Я целиком за это.

– Даже за контрацептивные средства?

Джеймс заметил лукавую искорку в глазах друга.

– Мы оба знаем ответ на этот вопрос. Будучи священником, я не могу этого одобрить.

– Даже если бы это могло спасти жизнь Мэгги О’Рейли?

– Нет, Амброз. Своевольное прерывание человеческой жизни противоречит всем нормам христианства. Бог решает, давать жизнь или отнимать ее. А не мы.

– Я слышу это от человека, который после нескольких глотков виски в прошлом месяце согласился, что религия стала причиной большего количества войн, чем что-либо еще.

Джеймс не стал этого отрицать. Он допил чай и поставил чашку на блюдце.

– Так или иначе, дружище, мы отклонились от темы, – сказал Амброз. – Нравится нам это или нет, но у Мэгги О’Рейли примерно через полгода родится ребенок, так? Тогда нам станет известна ее судьба. Остается лишь ждать.

– И молиться за них обоих, – прошептал Джеймс.

* * *

По мере того как солнечные летние месяцы переходили в осень, а потом в зиму, Мерри видела, как растет живот ее матери и как иссякают ее силы. Доктор Таунсенд посетил ее на прошлой неделе и, ко всеобщему облегчению, сообщил, что у матери и ребенка все в порядке.

– Однако с учетом ущерба, причиненного миссис О’Рейли во время предыдущих родов, я рекомендую постельный режим и абсолютный покой. Это даст ей возможность сберечь силы, когда придет срок.

Мерри в ужасе посмотрела на отца, но он как будто не слышал слов доктора. В последние дни он редко виделся с членами семьи. Он весь день пропадал на ферме, приходил поесть, а потом отправлялся в бар Эбби в Тимолиге или в паб Генри Форда для разговоров с другими фермерами. Мерри не нравился Па Гиффин, владелец бара. Когда он не разливал стаут или виски, то собирал мертвецов и сколачивал гробы для них, потому что также работал гробовщиком. Мерри уже давно лежала в постели, когда папа приходил домой. Утром, когда он приходил к завтраку, его глаза были красными, как у дьявола.

– Что мы будем делать, папа? – спросила она после ухода доктора. – Пока маме нужно лежать в постели, – добавила она на тот

случай, если он не понял.

Отец пожал плечами:

– Теперь ты, Кэти и Нора – старшие женщины в доме. Уверен, вы сможете разобраться между собой.

Когда он ушел, мама спустилась на кухню. Она выглядела еще бледнее, чем до прихода доктора, и тяжело опустилась на стул у плиты.

Кэти беспомощно посмотрела на сестер.

– Не гляди на меня так, Кэти, – сказала Нора. – Я большую часть времени работаю в Большом Доме и пропадаю на кухне.

– Ты могла бы оставить работу и помочь мне, – встала Кэти.

– Ага, и потерять шиллинги, которые они мне платят? – Нора покачала головой.

– Твои заработки не помогают нам, так? Ты тратишь деньги на модные одежды и на поездки в Корк-Сити, пока я пропадаю здесь! – выкрикнула Кэти.

– Пожалуйста, девочки! – сказала мама, пока они яростно переглядывались друг с другом. – Конечно, мы что-нибудь придумаем.

– Во всяком случае, Билл будет ходить в школу вместе со мной, – встала Мерри. – И я буду готовить завтрак перед уходом.

– Но нужно же еще ухаживать за Патом, стирать, готовить и чистить свинарник! – Кэти едва не плакала. – Кто будет иметь дело со свиньями?

– Не стоит серьезно относиться к словам доктора, – сказала мама. – Я могу отдохнуть, пока Мерри с Биллом не вернутся из школы.

– Мама, мы должны следовать указаниям доктора, правда, Кэти? – умоляюще произнесла Мерри.

– Да, – неохотно отозвалась Кэти. – И все-таки, Нора, ты тоже должна помогать.

– А кто говорит, что я не помогаю, Кэти О’Рейли? Это ложь, и...

– Я...

– Прекратите! – вмешалась Мерри, пока не началась ссора. – Осталось лишь несколько недель до рождения ребенка, и у меня тоже будут рождественские каникулы. Клянусь, я буду помогать во всем.

– Я не хочу, чтобы ты занималась работой по дому вместо уроков, Мерри, – твердо сказала мама. – Я попрошу Элен ежедневно приезжать и помогать нам.

– Ох, мама, она привезет сюда своего ребенка, и тогда здесь будет сумасшедший дом! – заныла Нора.

– Ну-ка замолчите! – сказала мама, и Мерри увидела слезы в ее глазах. – А теперь пусть кто-нибудь расставит тарелки для ужина.

Позднее, уединившись в спальне, Мерри и Кэти обсудили ситуацию.

– Конечно, мама говорит, что она найдет способ, но, во-первых, она больше не может работать по понедельникам у отца О’Брайена, – сказала Мерри. – Это большой старый дом, и миссис Каванаг начинает грубить, если не застает его в идеальном состоянии. А еще сплетничает насчет маминой уборки.

– Ох, не обращай на нее внимания; все знают, что она старая ведьма. Однажды ее холодное сердце превратится в камень, и она навсегда попадет в преисподнюю.

– Я сама могу убираться в доме отца О’Брайена, – вслух подумала Мерри. – Подумаешь, один день пропущу школу. Наш Джон ушел из школы в моем возрасте, чтобы помогать отцу на ферме.

– Но он был рожден для фермерской работы, Мерри. Всем известно, что ты самая умная в наших краях и что ты любишь учебу. Отец О’Брайен не захочет даже слышать об этом.

Мерри вздохнула и выключила маленький деревянный ночник, который папа сделал для них на Рождество.

– Мерри? – донесся голос из темноты.

– Да?

– Ты... Ты думаешь, папа стал пьяницей?

– Почему ты спрашиваешь?

– Только потому, что я слышала, как Шимус О’Ханлон потешался насчет папиного пристрастия к бутылке. Ты знаешь, что теперь Джон сам проводит утреннюю дойку и возит тележку с молоком на маслобойню, потому что папа спит наверху.

Мерри лежала и думала о том, что Кэти всегда высказывала вслух свои тайные мысли. Конечно, Мерри все видела, но что она могла сделать?

Ничего.

В следующие два месяца Кэти и Мерри изо всех сил старались обеспечить покой для своей матери. Они делили между собой ранние утренние хлопоты и следили, чтобы все были накормлены, перед тем как Мерри и Билл уходили в школу. Если Нора не работала в Большом Доме, она ухаживала за Патом, хотя, как это обычно бывало с Норой, ее часто не удавалось найти в самые нужные моменты.

– Думаю, она встречается со своим парнем по пути домой, – сказала Кэти. – Этот Чарли Дунан живет рядом с Большим Домом, она всегда засматривалась на него.

Мама сидела в кожаном кресле рядом с плитой и учила младших девочек готовить супы и тушеные овощи. Мерри решила, что ни за что не будет готовить репу, когда вырастет. Их научили сворачивать шею курам, что было ужасно, поскольку девочки каждое утро кормили их и называли по именам. Хотя мама учила их готовить сладкие блюда вроде бармбрэка и сдобных булочек, с выпечкой у Мерри ничего не получалось, поэтому она предоставила инициативу Кэти, у которой выходило гораздо лучше.

Мама часто спускалась вниз и без всякого повода, несмотря на слабость.

– Я ваша мама, девочки, и я не больна, а просто беременна, – отвечала она на их упреки.

Элен временно взяла на себя обязанности матери в доме отца О’Брайена, чтобы та могла снова приступить к работе после рождения ребенка.

– Мне нужна эта работа, девочки, – сказала она однажды вечером, когда они втроем сидели перед камином в Новой Комнате и вязали ботики и чепцы для младенца. – Видите, деньги, которые я сэкономила, пошли на шерсть для вязания, чтобы ребенку было тепло.

Наступили рождественские праздники (роды ожидалось на рождественской неделе), и Мерри впала в уныние оттого, что не могла ходить в дом священника вместе с мамой, беседовать и читать книги с Амброзом. Все подаренные им книги по-прежнему находились в кабинете отца О’Брайена, и она читала все, что могла найти в школе, хотя это были в основном книжки для малышей.

«Пожалуйста, родись поскорее», – подумала Мерри, когда дождливым утром нехотя выбралась из постели и спустилась вниз, чтобы приготовить *гуди*. Пока масса загустевала, она прошла по

коридору и заглянула в Новую Комнату. С тех пор как мама забеременела, папа снова начал спать внизу, где теперь стоял длинный диван, на котором можно было вытянуться во весь рост. И теперь он был там: храпел, завалившись на диван и даже не сняв сапоги, а в комнате стоял запах виски. Мерри слышала, как Джон встал рано утром и отправился на дойку в коровник, потом запряг ослика и повез сливки на маслобойню.

– Папа? – прошептала она, но не дождалась ответа.

– Папа! Почему ты не встаешь? – громко спросила она. – Джон уже отправился на маслобойню.

Отец заворочался, но не проснулся. Мерри вздохнула и закатила глаза. Когда она закрыла дверь, то подумала, что Джон, к счастью, сильный и трудолюбивый, он никогда не жаловался на дополнительную работу. В семье не говорили о папином пристрастии к бутылке, но Мерри всегда клала Джону лишнюю ложку сахара в *гуди*. Ему приходилось тяжелее всех.

Кэти, зевая, вошла на кухню с Биллом и Патом на буксире.

– Как только Пат просыпается, он начинает колотить в барабан, который ему подарила Элен на день рождения, – проворчала она и выглянула в окно. – Как-то не чувствуется, что наступает Рождество, да?

– Все будет лучше, как только родится ребенок.

– Но почему это должно произойти на Рождество?

– Может быть, это новый младенец Иисус, – хихикнула Мерри. – Тогда наша ферма станет новым Вифлеемом и мы будем собирать деньги с тысяч паломников, которые придут посмотреть, где он родился.

– Скорее это будет госпиталь при женском монастыре, – прагматично заметила Кэти.

– Мать Божья, я не хочу, чтобы роды принимали монашенки!

– Там есть и врачи, Мерри. Так будет безопаснее для мамы.

– Кстати, о Рождестве: ты ежедневно добавляешь во фруктовый пирог капельку виски? – поинтересовалась Мерри.

– Я пыталась, но каждый раз, когда я иду за бутылкой, она оказывается пустой. Где сейчас папа?

– Спит в Новой Комнате. Теперь ее можно назвать Папиной Комнатой.

– Можешь разбудить его? Уже больше семи утра.

– Я пробовала, но он не просыпается. – Мерри пожала плечами. – Он встанет, когда захочет есть.

– Папе нужно быть на улице вместе с Джоном. Сын должен помогать отцу, а не наоборот... впрочем, и Норе тоже пора помогать нам.

– Я знаю, Кэти, но готова поклясться, что после рождения ребенка все наладится.

– Если все пройдет благополучно, – мрачно сказала Кэти, накладывая *гуди* в тарелку. – Я собираюсь отнести это маме и забрать грязное белье из комнаты мальчиков. Тебе бы стоило на это посмотреть: они живут как свиньи в хлеву. Нору я тоже толкну под бок, – добавила она и вышла из кухни.

Помешивая *гуди*, Мерри подумала, что ее сестра неосознанно высказала ее мнение о том, почему никто не ощущает близость Рождества: все члены семьи как будто затаили дыхание до тех пор, пока ребенок не появится на свет.

* * *

Когда до Рождества оставалась одна неделя, Мерри открыла дверь доктору Таунсенду.

– Добрый день, – сказал он, снимая шляпу. – Я пришел посмотреть на твою маму. Как она себя чувствует в последнее время?

– Я... – Доктор Таунсенд пугал Мерри, хотя он был безупречно вежлив и отец О’Брайен сказал, что ему можно доверять. – С ней все в порядке, хотя она жаловалась на головную боль и распухшие колени, но это же из-за ребенка, который прибавляет веса, правда? Не желаете ли выпить чаю, сэр? Может быть, со сладким пирожком? Моя сестра утром испекла целый противень.

– Спасибо, Кэти, это будет превосходно. Сначала я поднимусь наверх и осмотрю твою маму, а потом приду и выпью чаю.

Мерри не стала поправлять его и указывать, что он перепутал ее с сестрой. Слова благодарности делали его немного более человечным в ее глазах.

Десять минут спустя, когда она вынимала из плиты подогретые пирожки, а чай успел хорошо завариться, доктор Таунсенд вошел в кухню.

– А вот и вы, доктор, – сказала Мерри и указала на подготовленную чашку и блюдечко. (Мама сказала, что доктору нужно подавать чай в одной из двух фарфоровых чашек, которые у них были). – Садитесь, пожалуйста.

– Спасибо, Кэти. Твой отец недалеко?

– Думаю, он в коровнике, – ответила Мерри, наливая ему чай.

– Хорошо. Когда я попью, не будешь ли ты добра сбегать и позвать его? Мне нужно побеседовать с ним.

– Само собой. У мамы все хорошо?

– Ничего такого, с чем мы не могли бы разобраться. Так что, пожалуйста, не беспокойся. Ну, как насчет коровника?

Через несколько минут Мерри вернулась вместе с отцом и Джоном, за которыми семенили Пат и Билл. Кэти появилась из комнаты для стирки, а Нора пришла с работы. Мерри была только рада тому, что папа не успел отправиться в свое ежевечернее путешествие в местный паб.

– Ну как, доктор? – спросил он. Хотя тревога в его глазах пугала Мерри, она была отчасти рада видеть это, так как это означало, что он не пьян. Она протянула ему кружку чая, потом налила себе и остальным.

– Пожалуйста, не тревожьтесь, мистер О’Рейли. Как я сказал вашей дочери, нет ничего такого, с чем мы не могли бы разобраться. И, кстати, Кэти, – доктор Таунсенд повернулся к Мерри, – ты была права, когда упомянула о распухших коленях твоей мамы. Это явление называется «отек», и оно часто встречается у женщин, которые готовятся к родам. Однако с учетом того что миссис О’Рейли страдает головными болями и имеет проблемы, доставшиеся от прошлого, мне бы хотелось организовать ее немедленный переезд в госпиталь, где мы сможем постоянно следить за состоянием ее здоровья и процессом родов. Если это приемлемо для вас, мистер О’Рейли, я поеду к отцу О’Брайену и воспользуюсь телефоном, чтобы в госпитале знали о предстоящем поступлении миссис О’Рейли. – Он снова повернулся к Мерри. – Пожалуй, тебе стоит подняться наверх и собрать сумку с вещами, которые могут понадобиться твоей матери, вроде ночной

рубашки, халата и шлепанцев. И, разумеется, принадлежности для младенца. Полагаю, у вас нет личного транспорта?

– Нет, сэр, кроме ослика с тележкой и трактора, – ответил папа.

– Тогда я вернусь через час и отвезу вашу жену в Корк-Сити. До встречи, – сказал доктор Таунсенд и ушел.

На кухне повисло молчание.

– Я побегу наверх и соберу мамины вещи, – сказала Мерри. Подойдя к двери, она оглянулась на папу. Он выглядел чрезвычайно испуганным: в здешних краях все знали, что, если человек попадает в больницу, он редко выходит оттуда живым.

«Прекрати, Мерри, ты давно знала, что мама беременна. Просто она будет рожать немного раньше, вот и все».

Она тихо постучала в мамину дверь, прежде чем войти. Мать смогла выпрямиться и сидела на краю кровати, баюкая свой огромный живот. Она была мертвенно-бледной; ее лоб покрылся крупными каплями пота.

– Я пришла помочь тебе собрать сумку для больницы.

– Спасибо, Мерри. Моя запасная ночная рубашка лежит в том ящике, и... – Она продолжала свои указания, пока ее дочь собирала вещи.

– Ты уже бывала в больнице, мама?

– Нет, но однажды я съездила в Корк-Сити вместе с папой. Это очень большой город.

Мерри показалось, что ее мама похожа на испуганного ребенка.

Когда Мерри собрала сумку с вещами для матери и младенца и помогла маме надеть платье, она уселась на кровать рядом с ней и взяла маму за руку.

– Хорошо, что за тобой будут ухаживать, мама.

– Что эти городские модницы подумают обо мне? – Мама провела рукой по старому платью, которое обычно носила перед родами.

– Это не имеет значения. Важно, чтобы вы с малышом были живы и здоровы. Отец О’Брайен говорит, что это очень хорошая больница.

Мэгги обняла голову Мерри и поцеловала ее в макушку.

– Ты очень хорошая девочка, Мерри. Что бы со мной ни случилось, ты должна слушать отца О’Брайена и мистера Листера. Я знаю, они помогут тебе.

– Конечно, мамочка, но ты все равно скоро вернешься домой.

Мэгги обняла дочь и крепко прижала ее к себе, словно не хотела отпускать.

– Только не забывай следовать за своими мечтами, хорошо? Ты особенная девочка, Мерри, помни об этом. Обещаешь?

– Обещаю.

Это был последний разговор Мерри с ее любимой матерью.

Стоял морозный январский день, Мэгги О’Рейли похоронили вместе с новорожденным младенцем на церковном кладбище в Тимолиге. Отец О’Брайен провел заупокойную службу, Мерри держала Пата на коленях, а ее братья и сестры сидели рядом, онемевшие от горя. Пат еще не понимал, что матери больше нет, а остальные члены семьи были не в силах объяснить пятилетнему ребенку, что произошло.

Мерри испытала облегчение, когда на обратном пути Норма забрала у нее Пата и отнесла его наверх. Она слышала, как он там вопит и спрашивает, где его мамочка.

– Я этого не вынесу, – пробормотала Кэти и выставила перед скорбящими очередную тарелку со сдобными булочками. – Что теперь будет, Мерри? Что станет с нашей семьей?

– Не знаю. – Мерри рассеянно вцепилась в воротник своего черного траурного платья, слишком опустошенная, чтобы думать связно.

– Ты видела всех этих людей в церкви? – спросила Кэти. – Я раньше не видывала такого сборища. Кто такой этот старик с тростью? Или та дама со свирепым лицом, которую он держал под руку? Мама знала их?

– Потихше, Кэти О’Рейли! – прошипела Элен, которая подошла сзади с двухлетней дочерью на руках, названной Мэгги в честь их матери. – Думаю, это была мамина мать, – прошептала она.

– Хочешь сказать, наша бабушка? – потрясенно спросила Кэти.

– Я однажды видела ее на улице несколько лет назад, когда была в Тимолиге вместе с мамой, – сказала Элен. – Мама посмотрела на нее,

когда та собиралась пройти мимо, потом окликнула ее и сказала: «Здравствуй, мама». Но та дама не ответила и пошла дальше.

– Она даже не поздоровалась с собственной дочерью? – недоверчиво выдохнула Мерри. – Почему?

– Не знаю. – Элен пожала плечами. – Но, по крайней мере, эта женщина пришла на похороны своей дочери, – сердито добавила она и повернулась, чтобы наполнить бокалы за столом.

Мерри продолжала стоять, слишком растерянная и онемевшая для новых вопросов. В доме было душно и людно. Хотя пришли все их друзья и соседи, Бобби среди них не было. Вчера он подошел к ней у Инчбриджа, когда она возвращалась домой из Тимолига.

– Мне жаль, что так случилось с твоей мамой, Мерри. Я хотел сказать, что моя мама велела мне и сестре оставаться дома. Думаю, после смерти моего отца она не хочет ходить ни на какие похороны. В этом нет неуважения к твоей маме, Мерри, или к твоей семье.

Она кивнула, близкая к слезам в тысячный раз после того, как доктор Таунсенд приехал вместе с отцом О’Брайеном и сообщил ужасную новость.

– Не имеет значения, Бобби. Но спасибо за объяснение.

– Думаю, это связано с нашими семьями. Очень давно что-то случилось, но я не знаю, что именно. Ну, до встречи.

Потом он обнял ее, как умел, крепко обхватив посередине, и ушел.

Мерри казалось, что она сейчас задохнется. Ей нужно было уйти подальше от толпы, бродившей вокруг кухни и Новой Комнаты. Мерри слышала, как неподалеку мычат коровы, создавая впечатление, что все в порядке, хотя все уже никогда не будет в порядке, потому что мама больше не вернется.

* * *

– Боже милосердный, что за поганый день, – пробормотал Амброз, глядя из окна на небо, затянутое тяжелыми серыми тучами. Как и большинство жителей Северной Европы, он не любил январь. В детстве возвращение в школу после рождественских праздников было самым несчастным событием в его жизни. Ужасная погода и ощущение безнадежности, как сегодня. По колено в грязи, он тащился

через поле для регби, ожидая нападков со стороны одноклассников; он был слишком маленького роста.

Теперь, после всех этих лет, у него были разные причины чувствовать себя таким же несчастным и беспомощным.

– Что будем делать дальше? – спросил Амброз, опустился на стул и посмотрел на Джеймса, сидевшего напротив у камина. Прошла неделя после похорон Мэгги О’Рейли, куда Амброзу очень хотелось пойти, но Джеймс сказал, что его присутствие привлечет слишком много внимания в тесной фермерской общине.

– Увы, я сомневаюсь, что мы что-то можем сделать, дорогой Амброз, – ответил Джеймс.

– Должно быть, члены семьи безутешны.

– Чего еще можно ожидать? Это Мэгги держала всю семью вместе, особенно после того, как Джон О’Рейли начал топить свое горе в виски.

– Как он сейчас?

– Я попытался поговорить с ним после похорон, но он отмалчивается.

– Мэри понимает, что это значит для нее? – спросил Амброз.

– Разумеется. Все девочки понимают, что им предстоит тяжелая работа.

– Но как же ее образование, Джеймс?

– Боюсь, что в этих краях перспектива образования проигрывает перед двумя маленькими мальчиками, которые нуждаются в уходе, не говоря уже о кормежке кур, дойке коров, покупках, работе на кухне, стирке и уборке урожая.

– Но... все дети обязаны ходить в школу.

– Только в начальную школу до одиннадцати лет, а Мерри сейчас одиннадцать. И даже при этом в таком сельском захолустье учителя прекрасно знают, что дети ее возраста будут вынужденно прогуливать уроки.

– Значит, ты говоришь, что официальное образование Мэри завершится через полгода, когда она окончит начальную школу? – Амброз в отчаянии покачал головой. – Только подумать, что такой яркий и пылкий ум будет низведен до выпечки и стирки младенческих пеленок! Я этого не потерплю!

– Согласен, но я не знаю, как это предотвратить, – сказал Джеймс.

– Все, чего я хочу в своей импровизированной роли крестного отца, – это защитить ее и дать ей образование. Ты понимаешь?

– Да, разумеется...

– Тебе известно, что у меня есть средства, чтобы помочь ей. Я могу отдать эти деньги ее отцу?

– Я скажу так: любые деньги, которые ты отдашь Джону, будут использованы только для одного, и это не поможет Мэри или остальным членам ее семьи.

– Тогда что, если я возьму ее в Дублин и устрою в городскую школу? Ведь мистер О’Рейли не будет возражать? Я сниму дополнительный груз с его плеч, освобожу его от лишнего рта...

Джеймс глубоко вздохнул и собрался с мыслями, прежде чем заговорить. С годами между ними возникало множество разногласий, но темы их споров, такие как политика и религия, не принимали облик одиннадцатилетней девочки *или* членов ее семьи, которые были его прихожанами.

– Амброз, тебе не приходило в голову, что Джон О’Рейли может *на самом деле* любить свою дочь? Что братья и сестры Мерри тоже любят ее? И, еще важнее, что *она* любит их? Она горюет по своей матери. Судя по тому, что я видел, Нора – старшая сестра, оставшаяся в доме, само влюбленная девица, которая находит способы увильнуть от домашних дел. Значит, бремя управления хозяйством и присмотра за младшими братьями ложится на плечи Кэти и Мерри. Справедливо ли, если Мерри уедет из дома? Я тоже очень люблю ее, но должен принимать во внимание всех членов семьи.

– Нет ли родственника, который мог бы помочь? Наверняка ведь у Джона О’Рейли большая семья. Так принято в Ирландии, особенно в здешних местах.

– Есть родственники с обеих сторон, но они... отделились от семьи. Это долгая история, так бывает в Ирландии, и она уходит глубоко в прошлое, – вздохнул Джеймс. – В свое время я усвоил, что старые раны заживут не скоро. В конце концов, это родина Майкла Коллинза.

– Понимаю, а как насчет друзей и соседей?

– Друзья и соседи не будут вникать в домашнее положение другой семьи, Амброз, – сказал Джеймс. – У них хватает своих дел.

Амброз отхлебнул виски:

– Я задаюсь вопросом: когда Ирландия перестанет оглядываться в прошлое и начнет смотреть в будущее?

– Я бы сказал, что для этого понадобится гораздо больше одной человеческой жизни. Здесь рассказывают истории о семейных героях времен войны за независимость, и молодежь слушает, рассевшись вокруг очага. Семена ненависти часто прорастают в следующем поколении.

– Все это никак не решает проблему с Мэри, – заметил Амброз.

– Думаю, ты должен примириться с тем, что ничего нельзя поделаться. Мэри по-прежнему горюет; ей нужна семья, а она нужна членам семьи.

– Но если сейчас она упустит шанс на образование, у нее не будет возможности поступить в университет и получить ученую степень. Я знаю, что она способна на это. Это могло бы изменить ее жизнь, Джеймс.

Джеймс положил ладонь на руку Амброза:

– Доверься мне и пока оставь все как есть.

В дверь постучали, и вошла миссис Каванаг. Джеймс мгновенно убрал руку.

После секундной паузы взгляд птичьих глаз миссис Каванаг оторвался от руки Джеймса и переместился на его лицо.

– Прошу прощения, если помешала, но я хотела спросить, в какое время подать чай и закуски?

– Мистер Листер собирается ехать в Дублин примерно через двадцать минут, – отрывисто произнес Джеймс. – Потом я сам приготовлю себе сэндвич.

– Превоходно. – Миссис Каванаг кивнула. – Тогда я уйду, но нам вскоре понадобится найти замену миссис О’Рейли. По моему мнению, Элен О’Рейли ненадежна, а мне нужен выходной. Спокойной ночи, отец, – сказала она, а потом кивнула Амброзу и добавила: – Сэр.

Дверь за ней захлопнулась.

– Эта женщина постоянно напоминает мне миссис Дэнверс из «Ребекки» Дафны Дюморье^[39], – вздохнул Амброз. – И ты прав, друг мой, мне пора в путь. – Он встал. – Ты позвонишь мне, когда у тебя появятся соображения насчет Мэри?

– Да, и постарайся не нервничать. Я не допущу, чтобы наша любимая девочка погрязла в невежестве. – Джеймс проводил Амброза

из кабинета к парадной двери. – Да пребудет с тобой Божье благословение до нашей следующей встречи.

– И да пребудет на тебе забота о Мэри, – пробормотал Амброс себе под нос, садясь в свой «Битл», чтобы ехать под дождем из Западного Корка в Дублин.

* * *

Джеймс отложил разговор с Джоном О’Рейли на два месяца. За это время он посоветовался с мисс Люси из школы Мерри, которая тоже желала дальнейших успехов своей лучшей ученице.

– Она очень одаренная девочка, – сказала Джеральдина Люси, когда Джеймс сидел в ее «родительском кабинете» и лакомился тем, что он считал (а у него имелись обширные познания на эту тему) превосходным фруктовым *бармбрэком*, изготовленным матерью мисс Люси. Теперь он понимал, почему все престарелые священники страдают ожирением.

– Она по-прежнему ходит в школу вместе со своим младшим братом Биллом, но теперь она похожа на призрака. Я знаю, что она берет на себя слишком много работы по хозяйству, поэтому больше не успевает выполнять домашнее задание. Пока что это не страшно, отец, она все равно опережает остальных, но если в июне она прекратит учиться и перейдет на полноценную фермерскую работу, то ее потенциал пропадет впустую.

– Да, это было бы трагично, – согласился Джеймс.

Джеральдина наклонила голову и взволнованно вздохнула.

– Я понимаю, каково жить здесь, но... это 1961 год, отец! Начало нового десятилетия. Вы бы видели, что девушки носят в Лондоне или даже в Дублине! Брюки и юбки выше колена! Поистине, наступает время эмансипации, и я надеюсь, что у Мерри О’Рейли есть задатки хорошей школьной учительницы. Ее мозг нуждается в поощрении.

– Я согласен, мисс Люси, но эмансипация пока не проникла на юго-запад Ирландии. Возможно, я смогу оказать ей помощь в обозримом будущем.

– Но как? Мерри уже перечитала все книги в школьной библиотеке.

– Я готов одолжить вам книги из своей собственной библиотеки. У меня есть «Шекспировские истории» Лэмба, немного Джейн Остин и Шарлотты Бронте. Может быть, у вас есть планы познакомить ее с современной поэзией, скажем с Т. С. Элиотом?

– Я бы сказала, что она готова к этому. Конечно, я буду заботиться о ваших книгах и запираю их в своем кабинете после того, как Мерри прочитает их.

– Нет-нет, пусть книги будут доступны для всех детей из ее класса.

– Хорошо, отец, но никакой одиннадцатилетний ребенок не захочет читать их; большинство из них до сих пор учится складывать слова в предложения. Кроме одного мальчика. Бобби Нойро очень умен, но у него трудный характер и омраченная душа, – вздохнула мисс Люси.

– Вам ведь известно, что он из неблагополучной семьи. Так или иначе, не помешает предложить книжки другим детям. – Джеймс улыбнулся мисс Люси. – Теперь мне пора идти, но я благодарен за вашу поддержку и осмотрительность в этом вопросе.

Взгромоздившись на велосипед, отец О’Брайен поехал от ярко раскрашенной школы, стоявшей на середине склона, по извилистым улочкам Тимолига. Взглянув на крутой склон, а потом на свой выпирающий живот, священник поднажал на педали.

* * *

Амброз прибыл с ежемесячным визитом и привез с собой всевозможные книги для дальнейшего образования Мерри.

– Она должна знать об окружающем мире, – сказал он, выкладывая последние несколько томов в кожаных обложках на письменный стол Джеймса. – Это полный комплект детской «Британской энциклопедии», опубликованный лишь в этом году. Книги предназначены для детей от семи до четырнадцати лет, это подобие взрослой энциклопедии, и я заказал их в Лондоне. Они помогут удовлетворить ее неумное любопытство.

Джеймс изучил титульный лист и криво улыбнулся.

– Я не уверен, что слово «британская» будет с энтузиазмом воспринято в здешних краях.

– Боже мой, Джеймс, это же самое полное собрание общедоступных знаний, которое можно прочитать по-английски! При чем тут национальность? Теперь у ирландцев есть собственная республика, и они все равно говорят на английском!

– Я оставлю это на усмотрение мисс Люси. Вероятно, она сможет держать книги у себя в кабинете и выдавать их желающим.

– Поступайте так, как вы с мисс Люси сочтете наилучшим. Теперь скажи, как дела у Мэри.

– Она по-прежнему безутешна из-за смерти своей матери, как и остальные члены семьи. Во время нашей предыдущей встречи она сказала, что только учеба поддерживает ее дух. По крайней мере, ее сестра Нора вернулась к полноценной работе на ферме, поскольку охотничий сезон закончился и ей больше не нужно помогать на кухне в Аргидин-Хаус. И еще... пожалуй, это может быть полезно. Бриджет О'Мэхони, одноклассница Мэри, в следующем сентябре отправляется в частную школу в Дублине. Ее мать родом из Дублина и сама училась в этой школе. Их семья богата, и они хотят, чтобы Бриджет получила лучшее платное образование.

– Ага... – пробормотал Амброз, опустившись на стул и испытующе глядя на своего друга.

– Там заоблачные расценки, но школа предлагает именные стипендии одаренным девочкам из бедных семей католического вероисповедания. – Джеймс посмотрел на Амброза. – Что ты думаешь?

– Я думаю... Думаю, ты только что решил проблему, Джеймс. Ты гений!

– Вряд ли, Амброз. Для начала Мерри должна получить право на стипендию. Кроме того, она сама должна захотеть отправиться туда. Потом, есть проблема с согласием отца, хотя то обстоятельство, что Бриджет тоже будет учиться в этой школе, станет огромным плюсом. Семья О'Мэхони пользуется большим уважением в наших краях.

– Повторяю, ты гений, Джеймс. Итак, что дальше?

Через неделю Джеймс пришел в школу с регулярным визитом. Потом он пригласил Мерри в кабинет миссис Люси. Девочка выглядела изможденной и похудевшей, ее большие голубые глаза резко выделялись на бледном лице с запавшими щеками.

Он объяснил Мерри общую идею и увидел быструю смену эмоций, пробежавших по ее лицу.

– Что скажешь, Мерри?

– Скажу, что не стоит и думать об этом, поскольку я недостаточно умна, чтобы бороться за стипендию, тем более с девочками из Дублина. Они гораздо более эрудированны, отец.

– Ну, мы с Амброзом и мисс Люси считаем тебя достаточно умной и образованной, чтобы попробовать. Это будет вроде экзаменационного задания, которые дает мисс Люси. И она убедится в том, что у тебя хватает знаний.

– Но даже если я выиграю стипендию, я не хочу оставлять моих родных, отец. Мне нужно помогать на ферме, а Дублин очень далеко отсюда.

– Как тебе известно, Амброз живет в Дублине, и я там жил когда-то. Это очень красивый город. И не забывай, что Бриджет О'Мэхони тоже поедет туда.

– Да, но...

– Что, Мерри?

– Ничего, отец.

Джеймс увидел, как Мерри закусил губу, и понял, что девочка не хочет плохо отзываться о своей однокласснице.

– Давай договоримся, что ты хотя бы попробуешь сдать экзамен на стипендию. В конце концов, если ты думаешь, что все равно не получится, что тебе терять?

– Полагаю, ничего, – прошептала Мерри. – Но если Бриджет узнает, что я не прошла, она будет дразнить меня, потому что все равно попадет туда.

– Тогда почему бы тебе пока что не сохранить экзамен в секрете? Тогда, если ты не пройдешь, никто не узнает об этом.

Джеймс понимал, что с таким предложением он выходит за рамки допустимого для священника, но этого требовала необходимость.

– Да, отец, это хорошая идея. Спасибо.

* * *

В следующие несколько недель при тайной помощи Амброза, подбиравшего учебные материалы для Мерри, мисс Люси усадила свою лучшую ученицу за работу.

Мерри никогда не чувствовала себя настолько уставшей. Каждый день она брала книги домой и училась после завершения всех остальных занятий.

– Почему твой ранец такой тяжелый? – как-то дождливым днем спросил Бобби, он держал ее книги, пока она перелезала через ограду. – Там бомба или патроны?

– Не говори ерунды, Бобби Нойро, – сказала она, выхватила свой ранец у Бобби и помогла перелезть маленькому Биллу и Элен. – Кого мне убивать?

– Может быть, того британского доктора, который отправил твою маму в больницу на верную смерть?

– Он старался помочь ей, а не убить! Лучше заткнись со своими глупостями!

– Можешь называть это глупостями, но я читал дневник своей бабушки, написанный во время войны за независимость, и...

– Я же сказала, прекрати болтать о войне! Пошли, Билл, – добавила она и потянула младшего брата за руку через поле.

– До завтра, Мерри! – крикнул Бобби, а маленькая Элен помахала ей.

Мерри даже не потрудилась ответить.

* * *

Наступил день стипендиального экзамена, и мисс Люси пригласила Мерри в свой кабинет.

– Вот, Мерри, – сказала мисс Люси, когда она вошла. – Сначала чашку хорошего горячего чая с сахаром и домашние бисквиты, приготовленные моей мамой.

– Спасибо, мисс Люси. – Рука Мерри дрожала так сильно, что ей пришлось опустить поднятую чашку.

– Постарайся все выпить и съешь бисквит. Сахар полезен для работы мозга.

Мерри быстро помолилась, прежде чем взяться за работу над экзаменационным заданием. Она удивилась, когда увидела, насколько простыми оказались некоторые вопросы, и закончила за двадцать минут до установленного срока.

Мисс Люси вошла в комнату:

– Все готово, Мерри?

Мерри кивнула и быстро вытерла глаза руками.

– Что, было так трудно?

– Нет... То есть было нетрудно, потому что я уже давно все закончила, но... Должно быть, я отвечала неправильно...

Мерри расплакалась.

– Сомневаюсь, Мерри, – сказала мисс Люси, собирая со стола экзаменационные листы. – Иногда вещи оказываются гораздо проще, чем ты воображаешь. Так что вытри слезы и съешь еще один бисквит. Ты славно поработала, и теперь остается только дожждаться результата.

– Что ты делала все утро в кабинете мисс Люси? – поинтересовался Бобби Нойро после уроков.

У Мерри был готов ответ:

– Я попала на том, что стащила ластик у Бриджет, и меня заставили заполнять прописи.

– Я тебе не верю, – заявил Бобби, подождавший, пока они с Биллом и Элен не поравняются с ним.

– Мне наплевать, во что ты веришь, Бобби Нойро, – сказала она, слишком усталая, чтобы спорить с ним.

– Я знаю тебя и знаю, когда ты врешь, Мерри О’Рейли. Мы с тобой одинаковые.

– Нет, Бобби, совсем не одинаковые.

– Вот увидишь, Мерри, вот увидишь. Мы знакомы уже очень, очень давно! – крикнул он, когда она взяла Билла за руку и, собравшись с последними силами, не оглядываясь, пошла домой.

Ярким мартовским утром Джеймс открыл дверь и увидел Джеральдину Люси, стоящую на пороге.

– Здравствуйте, отец. Прошу прощения за беспокойство, но у меня есть новости о Мерри О’Рейли.

– Заходите, пожалуйста. – Джеймс проводил ее в свой кабинет и указал на одно из кожаных кресел перед камином.

– Судя по выражению вашего лица, это не лучшие новости.

– Не совсем так, отец... Я хочу сказать, что Мерри получила право на стипендию, но...

– Это замечательная новость, Джеральдина! Просто замечательная. Так в чем проблема?

– Проблема в том, что, хотя стипендия и покрывает плату за обучение, на дополнительные расходы ничего не остается. Посмотрите. – Джеральдина достала из сумки бумажный конверт. – Школьная форма включена в плату, но Мерри понадобится длинный список других вещей: спортивный костюм, всевозможная обувь, клюшка для игры в камоги^[40], шлепанцы... не говоря уже о цене железнодорожных билетов отсюда до Дублина. Мы оба знаем, что у Джона О’Рейли едва хватает денег прокормить семью, не то что покупать новые вещи для Мерри!

– Да, это так, но... Послушайте, не будете ли вы любезны дать мне время на размышление? Возможно, есть способ найти необходимые деньги.

– Правда? Где же?

– Повторяю, предоставьте это мне. Пока ничего не говорите Мерри. Мы ведь не хотим пробуждать надежды, которые могут не сбыться?

– Разумеется, отец. Можно оставить вам письмо? Нам нужно в двухнедельный срок сообщить, принимает ли Мерри их предложение.

– Да, спасибо, – сказал он, провожая Джеральдину к выходу.

– Ох, отец, я надеюсь, что она продолжит учебу. Она заслуживает самого лучшего образования.

– Знаю и приложу все силы, чтобы она получила его.

* * *

– Разумеется, я заплачу! Боже милосердный, Джеймс, ты мог бы и не спрашивать, – сказал Амброз по телефону полчаса спустя. – Не могу и сказать, как я рад, что Мэри выдержала экзамен и получила стипендию. Мы должны праздновать ее успех, а не беспокоиться о мелочах.

– Может быть, для тебя это «мелочи», Амброз, но для ее отца и членов семьи возможный отъезд Мерри – вовсе не мелочь. Мне еще нужно как-то убедить Джона О’Рейли, что это правильное решение.

– Понимаю, Джеймс. Прости, но я просто вне себя от радости и облегчения. Как ты собираешься это сделать?

– Пока не знаю, но, как обычно, буду молиться о высшем наставлении.

– Ну, если Господь предложит тебе новый трактор, дабы облегчить боль Джона от разлуки с дочерью, только дай мне знать, – хохотнул Амброз.

* * *

Помолившись, но так и не найдя окончательного ответа, Джеймс решил довериться своей интуиции. В следующее воскресенье после мессы он спросил Джона, можно ли будет зайти к нему на ферму завтра ве чером.

– Шесть вечера вполне устроит, отец. – Лицо Джона было заметно опухшим от пьянства. – После семи у меня есть... дела. Что-нибудь стряслось?

– Во все нет. В сущности, это очень хорошая новость.

– Сейчас мне как раз не хватает хороших новостей. До свидания, отец.

Джеймс увидел, как Джон отошел к длинному ряду могил семьи О’Рейли на церковном кладбище. Остальные члены его семьи стояли на коленях возле участка, где была похоронена их мать вместе с крошечным новорожденным младенцем. Там все еще не было надгробия, и от вида детей Мэгги О’Рейли, опускающих на могилу букеты весенних полевых цветов, у Джеймса навернулись слезы на глаза. Даже Билл и маленький Пат положили на земляной холмик мятые букеты диких фиалок.

– Верую, Господи, но иногда не понимаю путей Твоих, – пробормотал Джеймс, возвращаясь в церковь.

* * *

– Вот такая ситуация, Джон. Вопрос в том, что вы думаете. Как отец Мерри, вы принимаете окончательное решение.

Джеймс наблюдал за игрой противоречивых эмоций на лице Джона О’Рейли. Прошло много времени, прежде чем он заговорил.

– Это ваш друг Амброз Листер будет платить?

– Нет. Мерри честно победила на экзаменационном конкурсе. Это огромное достижение, Джон, и вся честь принадлежит ей.

Наступила очередная долгая пауза.

– Я... и Мэгги... Мы очень любим ее. Мэгги всегда говорила, что она особенная девочка. У Мерри есть голова на плечах, доброе сердце, сила и стойкость. Это она утешала малышей и спала вместе с ними, когда они плакали и звали маму. Может быть, Нора и Кэти лучше справляются со стиркой и готовкой, но это Мерри поддерживала дух семьи после того, как...

Джеймс молча смотрел, как Джон уронил голову на руки.

– Извините, отец. Я полюбил Мэгги с тех пор, как увидел на сельском празднике в Тимолиге. Наши родители были против; ее отец и мать отказались дать свое благословение, но мы все равно поженились. Она отдала все ради того, чтобы быть со мной, а что я дал ей? Адскую жизнь, вот что! Ее жизнь была такой тяжелой, словно я запер ее в погребе и посадил на голодный паек. А потом... Боже, отец, я убил ее, когда заделал этого ребенка, но у нас с Мэгги, кроме любви... это было то, чем мы всегда занимались в браке.

– У вас есть семеро прекрасных детей, которые родились от этой любви, – тихо сказал Джеймс. – И вы должны благодарить Бога за это.

Джон посмотрел на него:

– Я не хочу потерять Мерри, но вправе ли я принять решение?

– Вы ее отец, Джон, поэтому вам решать.

– Что говорит мистер Листер?

– Что она должна ехать. Но, с другой стороны, он за образование, потому что преподает в знаменитом университете. Он считает, что для

Мерри это возможность стать лучше и умнее.

Джон снова помедлил, прежде чем заговорить.

– Тогда ей лучше уехать. Моя Мэгги хотела бы этого. Даже если это разобьет мне сердце.

– Она все равно будет возвращаться домой на каникулы, Джон. И Бриджет О’Мэхони будет учиться вместе с ней, так что у нее останется подруга. Они вместе поедут в Дублин. Вы сами скажете ей или я?

– Лучше вы, отец. Я не знаю, что сказать.

Когда Джеймс выходил из комнаты, он заметил, как Джон опустил руку и потянулся к бутылке виски, стоявшей возле кресла. И посочувствовал этому хорошему человеку, сломленному тяжелой жизнью, которую Бог избрал для него.

Мерри и Кэти были на кухне и накрывали на стол, когда отец О’Брайен вошел и попросил Мерри выйти с ним на улицу. Он поманил ее на скамью во дворе.

– Я что-то сделала не так, отец?

– Нет, Мерри, вовсе нет. Скорее наоборот. Ты получила стипендию.

– Что? – Мерри уставилась на него так, словно он собирался застрелить ее.

– Ты получила право на стипендию в закрытой частной школе в Дублине.

– Я...

Она разразилась слезами.

– Пожалуйста, не плачь, Мерри. Это замечательная новость. Ты победила многих девочек ради того, чтобы завоевать это право. Это значит, что ты очень умная.

– Но... должно быть, это ошибка! Я знаю, что проиграла. Правда, отец, это какая-то ошибка.

– Нет, Мерри. Смотри, вот письмо.

Пока она читала письмо, Джеймс видел, как потрясение на ее лице сменяется отчаянием и безнадежностью.

– Так что ты думаешь? – спросил он.

– Думаю, что это очень мило с их стороны, но я не могу уехать.

– Почему?

– Потому что я нужна Норе, Кэти и младшим братьям. Я не могу бросить семью. Что скажет папа?

– Я поговорил с ним, и он дал согласие на твой отъезд. Он очень гордится тобой, Мерри.

– Он хочет, чтобы я поехала?

– Да. Он думает, что для тебя это прекрасная возможность. И мы с Амброзом согласны с ним, – добавил он.

– Но Дублин так далеко!

– Понимаю, но ты будешь возвращаться на каникулы, и... – Джеймс помедлил, стараясь тщательно подбирать слова. – Мерри, мир гораздо больше, чем Западный Корк, и он становится все более открытым для молодых женщин. С хорошим образованием у тебя будет блестящее будущее. Амброс всегда верил в тебя.

– Я... Можно, я подумаю об этом?

– Разумеется. Дай мне знать о твоём решении.

* * *

Той ночью в постели Мерри поведала Кэти то, о чем ей рассказал отец О’Брайен. Она ожидала яростную реакцию сестры и обвинения в том, что увливание от работы бесчестно по отношению к остальным, поэтому была поражена, когда Кэти спокойно кивнула.

– Это то, что тебе нужно, Мерри, – сказала она.

– Нет! Мне нужно остаться здесь, помогать тебе и Норе ухаживать за Биллом и Патом, работать на ферме вместе с папой, и...

– И ты сможешь нам больше, если отправишься в Дублин, станешь еще умнее, чем сейчас, и сделаешь нашу семью богатой, – сказала Кэти. – Элен показала мне кое-какие свои журналы... Мерри, девушки в Дублине водят автомобили! И танцуют на рок-концертах, а не на сельских праздниках... Может быть, я даже иногда буду приезжать к тебе, чтобы увидеть все это своими глазами. Мы прекрасно обойдемся и без тебя. Конечно, мы будем очень скучать, но ведь ты будешь достаточно часто возвращаться к нам.

– Ох, Кэти, я боюсь. Дублин – очень большой город, и я знаю, что буду тосковать по вам.

– Понимаю. – Кэти привлекла сестру в свои объятия. – Но я хочу тебе кое-что сказать, Мерри О’Рейли: когда я вырасту, я не стану вести такую жизнь, как сейчас. Мама умерла из-за этого, и посмотри на

Элен: она вышла за фермерского сына, и у нее уже есть один ребенок, а второй на подходе. Она променяла одну тяжелую ношу на другую, а я не согласна на это. Мой путь на свободу лежит через мою внешность, а твой – через твои мозги. Пользуйся тем, что дал тебе Бог, Мерри, как это делаю я, и тогда никто из нас не окончит свои дни за очисткой свинарника. Подумай о том, что мама хотела для тебя. Я знаю, что это правильно, и она бы это подтвердила.

* * *

С одобрения своей любимой сестры, отца, мисс Люси, отца О'Брайена и Амброза Мерри наконец согласилась уехать.

На ферме устроили празднество, и хотя бы на этот раз Мерри не возражала против отцовского пристрастия к виски, потому что он достал свою скрипку и играл, пока дети танцевали в Новой Комнате.

Маленький Пат не понимал, почему все вокруг так радуются и танцуют, но это не имело значения, потому что Мерри впервые увидела улыбки на лицах членов семьи после смерти мамы. У всех, кроме Норы, которая злобно уставилась на нее, когда папа провозгласил благую весть. Но все знали, что она завистливая склочница, поэтому Мерри не обратила на нее внимания.

* * *

В начале сентября Мерри, одетая в новую школьную форму, вышла во двор, чтобы попрощаться с животными. Отец Бриджет должен был скоро приехать на своем автомобиле и отвезти их на вокзал в Корк-Сити, откуда они уедут в Дублин. Мерри впервые предстояла поездка по железной дороге, и, когда она призналась в этом Бриджет, та не стала насмеяться, как можно было ожидать, а сказала, что они отлично проведут время, так как ее экономка собрала корзинку для пикника со множеством сэндвичей и плиткой шоколада на десерт.

– Обещаю, там хватит на нас обеих.

Наверное, в конце концов они все-таки смогут подружиться, подумала Мерри.

В коровнике было тепло и слышались знакомые шорохи маленьких телят.

– Мерри! – окликнул ее брат, который менял солому. – Смотри не испачкай свое красивое новое платье! Ну же, давай отсюда! – Он вывел ее во двор и крепко обнял.

– Ты скоро избавишься от дурных местных манер и вернешься с приятным дублинским акцентом, – сказал он. – Береги себя в большом городе.

– Хорошо, Джон. Мы скоро увидимся.

После прощания со свиньями и курами Мэри прошла по полю, чтобы попрощаться с коровами, потом забралась на изгородь и посмотрела на долину. Она изо всех сил старалась не бояться новой жизни в Дублине, потому что знала, что Амброз тоже будет там. Он сказал, что она может на выходные оставаться у него дома. Амброз объяснил, что учеников выпускали из школы на субботу и воскресенье, но два дня были слишком коротким сроком для поездки домой.

– Я ждал тебя, Мерри.

Она вздрогнула, когда услышала голос у себя за спиной.

– Бобби Нойро! – Она обернулась и посмотрела на него. – Ну почему ты не мог поздороваться, как нормальный человек?

– Ты сегодня уезжаешь?

– Да. Отец Бриджет отвезет нас на вокзал в Корке.

– Он сочувствует британцам, – фыркнул Бобби. – Вот как он сколотил свое состояние.

– Возможно, но это лучше, чем пешком тащить мой чемодан до вок зала, – сказала она, нечувствительная к его язвительным комментариям.

– У меня есть кое-что для тебя, – сказал он и достал из глубокого кармана штанов маленькую черную книжку. – Это дневник моей бабушки Нуалы, тот самый, о котором я тебе рассказывал. Прочитай его, и ты все поймешь.

Он сунул книжку ей в руки.

– Ох, Бобби, я не могу принять ее! Должно быть, она драгоценна для тебя.

– Я даю ее тебе потому, что хочу, чтобы ты узнала о ее жизни. Чтобы ты поняла, что британцы делали с нами и как моя семья

сражалась за свободу Ирландии. Это мой подарок тебе, Мерри. Прочитай, пожалуйста.

– Я... Спасибо тебе, Бобби.

Какое-то время он смотрел на нее; зрачки его темно-голубых глаз казались почти черными.

– Ты вернешься, правда? – наконец спросил он.

– Конечно, вернусь! Я буду дома на Рождество.

– Пока ты не вернешься, я буду называть тебя потерянной сестрой, как в греческом мифе о Семи сестрах и Ироне, который ты мне рассказала, – сказал он. – Ты нужна мне, Мерри. Ты единственная, с кем я могу поговорить по-настоящему.

– Его звали Орион, а не Ирон. И, разумеется, ты прекрасно обойдешься без меня.

– Нет. – Бобби яростно покачал головой. – Ты нужна мне. Мы отличаемся от всех остальных. До встречи, Мерри, береги себя в Дублине. И помни: ты моя.

Мерри с содроганием смотрела, как он убегает по полю. И впервые обрадовалась, что уезжает далеко.

Вскоре она услышала звук автомобиля и увидела, как отец Бриджет по склону холма подъезжает к ферме. Она прыгнула с изгороди и побежала через поле.

Джон, Кэти и Нора вышли попрощаться, вместе с ними были Билл и Пат, чьи волосы были расчесаны, а лица чисто вымыты, чтобы не позориться перед мистером Эмметом О'Мэхони. У Мерри подступили слезы к глазам, когда она увидела, что отец тоже вышел из дома в чистой рубашке. Он подошел к ней и грубовато поцеловал ее в щеку.

– Твоя мама гордилась бы тобой, Мерри, – прошептал он ей на ухо. – И я тоже горжусь.

Мерри кивнула, не в силах ответить из-за комка, подступившего к горлу.

– Береги себя в Дублине и учись как следует. – Мерри почувствовала, как он сунул монету ей в руку, перед тем как обнять, и вдруг захотела навсегда остаться дома.

Мерри опустила на мягкое кожаное заднее сиденье автомобиля рядом с Бриджет и постаралась удержать слезы. Когда автомобиль выезжал со двора и Мерри помахала членам семьи, ей снова вспомнились слова матери:

«Ты особенная девочка, Мэри, не забывай об этом. Обещаешь?»
Мерри дала обещание своей матери и собиралась приложить все силы, чтобы выполнить его.

Мерри

Дублин Июнь 2008

34

– И с тех пор каждый раз, когда я возвращалась домой на праздники или на каникулы, Бобби всегда называл меня потерянной сестрой, – вздохнула я. Меня одолевала усталость: я говорила больше двух часов, хотя Амброз помогал заполнять пробелы описаниями закулисных действий отца О’Брайена.

– Должно быть, ужасно потерять маму в таком юном возрасте. – Джек грустно покачал головой.

– Да. Я до сих пор ежедневно думаю о ней, – призналась я. – Я обожала ее.

– Мэгги была поистине замечательной женщиной, – сказал Амброз, и я увидела, что его лицо осунулось и посерело. – Видеть горе твоей семьи и понимать, что я мало чем могу помочь вам...

– Но ты на самом деле помог мне, и я только начинаю узнавать, какой ценной была твоя помощь. Значит, это ты дал мисс Люси «Британскую энциклопедию»? А я-то гадала, откуда все взялось.

– Да, Мэри, и это было сплошное удовольствие для меня. Ты была сильной и жизнерадостной девочкой, а после поступления в дублинскую частную школу, с опытными учителями и ресурсами, помогавшими питать твою любознательность, твое развитие пошло семимильными шагами. Я часто задавался вопросом, не было бы тебе лучше остаться вместе с семьей, в окружении любящих братьев и сестер.

– Амброз, я ничуть не сожалею о том, что поступила в дублинскую школу, – заверила я. – Знаю, мне было всего лишь одиннадцать, но я уже тогда сделала выбор и теперь понимаю, что он был правильным. Если бы я осталась в Западном Корке, то никогда не поступила бы в университет. Скорее всего, я бы вышла замуж за фермера и имела бы столько же детей, сколько моя мама.

Амброз встал и начал собирать посуду.

– Не беспокойся об этом, – сказала я. – Я все вымою перед нашим уходом.

– Мэри, я еще не старая развалина, – отозвался он, но я видела, как задрожала его рука, когда он поднял мой пустой стакан из-под воды. Я выпрямилась и аккуратно взяла стакан из его руки.

– В чем дело, Амброз?

Он грустно улыбнулся:

– Ты хорошо меня знаешь, Мэри. Я... есть аспекты твоего прошлого, которые я должен был обсудить с тобой, когда подарил тебе это кольцо с изумрудами. Тогда казалось, что все можно отложить на завтра, но потом ты пропала на тридцать семь лет. А теперь мы здесь, и я по-прежнему должен объяснить тебе все, что случилось.

– Что ты имеешь в виду?

– Как ты видишь, дорогая, я действительно очень устал. Почему бы вам с Джеком не прийти завтра, и мы сможем поговорить на свежую голову, – предложил он. – Если ты обещаешь, что вернешься.

– Разумеется, – сказала я и обняла его. Я испытывала вину за то, что много лет назад оставила человека, который фактически был моим вторым отцом.

Мы с Джеком вымыли кружки и стаканы из гостиной, убедились в том, что Амброз удобно расположился в своем кресле, и вышли из дома на теплую вечернюю улицу. На Меррион-Сквер было тихо, только что зажглись уличные фонари, но заходящее солнце еще окутывало дома мягким сиянием.

Мы с Джеком наскоро перекусили рыбой с чипсами в ресторане отеля. Моя голова была так наполнена воспоминаниями о семье, что я едва расслышала слова сына.

– Знаешь что, мама? – сказал он, ворвавшись в мои мысли. – Ты права: я думаю, что Мэри-Кэт должна находиться здесь, вместе с нами. Полагаю, мы еще какое-то время пробудем в Ирландии, так что спроси ее, хочет ли она прилететь сюда. В чем бы ни заключалась эта головоломка о потерянной сестре, я буду чувствовать себя гораздо лучше, если мы соберемся вместе.

– Да, ты совершенно прав, – согласилась я. – Она должна быть здесь, на всякий случай...

– На какой случай, мама? Ты не расскажешь мне, что так испугало тебя? Ты остановилась на том, как поступила в частную школу, но что случилось дальше? Имеет ли это отношение к тому странному парню, Бобби Нойро, который называл тебя потерянной сестрой?

– Я... ты хотел узнать о моем детстве и о том, какое отношение ко мне имел Амброз. Я рассказала об этом, но нет, Джек, пока я не буду рассказывать дальше. По крайней мере, до тех пор, пока не выясню некоторые факты.

– Но раз Амброз ничего не знал о тебе после твоего отъезда, этому должна быть какая-то причина?

– Пожалуйста, Джек, хватит вопросов. Я тоже очень устала, и мне нужно поспать. Как говорила моя дорогая мамочка, утро вечера мудренее.

Мы закончили ужин в молчании и вместе пошли к лифту.

– На каком этаже твой номер? – спросила я, когда мы вошли в кабину.

– На одном этаже с тобой, немного дальше по коридору. Так что, если понадобится, только позвони.

– Уверена, что проблем не будет, – сказала я. – Но я прошу тебя позвонить Мэри-Кэт и спросить, сможет ли она как можно скорее прилететь сюда. Вот. – Я порылась в сумочке и протянула Джеку свою кредитную карту. – Оплати ее перелет этой картой и говори что хочешь, только не напугай сестру.

– Не переживай! – Джек закатил глаза. – Я скажу ей, что наша мама совершает путешествие в собственное прошлое и что она должна быть здесь, чтобы посмотреть на это. Спокойной ночи, мама.

Джек поцеловал меня в лоб и пошел по коридору к своему номеру.

– Хороших снов! – крикнула я ему вслед.

– И никаких клопов! – пропел он в ответ, как делал с самого детства.

Я вошла в номер, разделась, ополоснулась под душем и забралась на восхитительно уютную кровать. Надо заменить мой тридцатипятилетний матрас сразу же после возвращения в Новую Зеландию, я по-прежнему спала на том матрасе, который купил Джок сразу же после нашей свадьбы.

Я закрыла глаза и попыталась заснуть, но мой разгоряченный мозг так жужжал от мыслей, как будто там поселился пчелиный рой. Я

осознала, что в дневнике Нуалы были упомянуты имена, которые я помнила из собственного детства.

«Не имеет смысла разбираться во всем этом за одну ночь», – сказала я себе, но сон так и не приходил.

Я воспользовалась методиками релаксации, которые выучила с годами, но в результате стала еще напряженнее, потому что они все равно никогда не работали. В конце концов я встала, нашла бутылку виски, купленную в магазине дьюти-фри и довела себя до того состояния, когда смогла забыться беспокойным сном.

* * *

– Ну вот, – сказал Джек, когда присоединился ко мне за завтраком на следующее утро. – Рейс Эм-Кей уже в воздухе; с учетом всех пересадок и разницы во времени она должна быть здесь где-то после полуночи.

– Чудеса современной эпохи, – улыбнулась я. – Вокруг света за один день. Прогресс ушел далеко вперед; во времена моего детства такое считалось бы чудом.

– Судя по твоему вчерашнему рассказу, у тебя было довольно трудное детство, – осторожно заметил Джек, встал рядом со мной у буфетной стойки и положил на тарелку яйца с беконом.

– У нас определенно не было таких завтраков, но мы никогда не голодали. Да, жизнь на ферме была трудной, и все мы занимались хозяйственными делами, но там было много любви и смеха. Я тосковала по этой жизни, когда уехала в дублинскую школу, хотя мне больше не нужно было чистить свинарник холодным зимним утром. Я не могла дождаться, когда вернусь домой на каникулы.

– Братья и сестры не возмущались, что ты получила лучшее образование, чем они?

– Нет, вовсе нет. Думаю, они скорее жалели меня. Мне нужно было следить за тем, чтобы возвращаться из Дублина без «городского манерничанья», как они это называли. Больше всего я скучала по Кэти. – Я вздохнула. – В ранней юности мы были очень близки.

– Похоже на то, судя по твоему рассказу. Однако ты не поддерживала связь с ней. После отъезда ты оставила позади все, что

связывало тебя с прошлым. Почему, мама?

Сын пристально смотрел на меня, словно умоляя ответить.

– Я все тебе расскажу, только не сейчас. А теперь давай пойдем и послушаем, что нам скажет Амброз.

– Хорошо. Я только сбегаю в свой номер за мобильным телефоном, позвоню Жинетт из Прованса и скажу ей, что задержусь здесь на какое-то время.

– Пожалуйста, Джек. – Я взяла его за руку, пока он не отошел от стола. – Если ты нужен там, я обещаю, что смогу справиться одна.

– Я знаю, что ты сможешь, мама, но сбор урожая начнется только через месяц. Встретимся в фойе в три часа дня, хорошо?

* * *

Когда мы приближались к парадной двери Амброза, у меня появилось предчувствие, что он хочет сообщить мне что-то важное и даже судьбоносное. Я нажала кнопку звонка и ощутила прилив радостного предвкушения.

Амброз пригласил нас войти, и, когда он шел в гостиную, я подумала, что он выглядит на все свои восемьдесят пять лет, прожитых на земле.

Как и вчера, мы с Джеком устроились на диване.

– Как твое самочувствие сегодня? – спросила я. – Ты немного бледен, Амброз.

– Признаюсь, что спал не так крепко, как обычно, Мэри.

– Приготовить вам кофе или чаю? – осведомился Джек.

– Нет, спасибо. У меня есть вода; с учетом виски, выпитого вчера, она должна напитать жизненно важные органы, на которые мы все полагаемся. Проще говоря, у меня нет других недугов, кроме сильного похмелья, – улыбнулся он.

– Может быть, нам лучше зайти попозже, чтобы ты мог выспаться? – предложила я.

– Нет, нет. Я полагаю, что могу дышать, а ты находишься здесь, значит, нужно рассказать тебе правду. Это лучше, чем читать письмо, отправленное каким-нибудь безымянным нотариусом после моей

смерти. Это я и собирался завещать, пока ты не появилась у меня на пороге, – добавил он.

Я инстинктивно потянулась к руке Джека и сжала ее.

– Амброз, что бы это ни было, лучше сказать об этом, правда?

– Да, дорогая. Вчера, когда я слушал, с какой любовью ты рассказываешь о своем детстве и о своей семье, я понял, что будет очень сложно сказать тебе об этом, но...

– Пожалуйста, Амброз. Мы договорились, что между нами больше не будет секретов. Итак, ты можешь рассказать мне и Джеку что-то, о чем мы еще не знаем?

– В сущности, да. Когда я подарил тебе это кольцо на твой двадцать первый день рождения, – он указал на мою руку, – то поклялся рассказать тебе правду о его происхождении. Но в последнюю минуту я воздержался от этого.

– Почему? И почему это кольцо имеет такое большое значение?

– Я собираюсь рассказать, но боюсь, что к этому имеет некоторое отношение твоя вчерашняя история о людях, сопровождавших тебя из отеля в отель.

– Извини, Амброз, но я тебя не понимаю.

– Попробуй понять, что предметы могут становиться важными символами. Эти женщины, которые приехали к твоей дочери в Новую Зеландию и говорили о том, что Мэри-Кэт может оказаться потерянной сестрой, не имеют прямого отношения к тому, что происходило с тобой в Дублине перед твоим отъездом.

– Амброз, ты не можешь знать, что...

– Моя дорогая Мэри, веришь или нет, но я имел общее представление о ситуации, в которой ты оказалась. Особенно в тот, последний год. Ты жила под моей крышей, помнишь?

Мне хватило совести покраснеть.

– Да. Извини, Амброз, но это кольцо... – Я подняла руку, чтобы Джек мог посмотреть. – Ты сказал, что семь лучей вокруг алмаза обозначают нас, семерых братьев и сестер, и нашу мать, сидящую в центре.

– Я так сказал, Мэри, но, увы, к моему вечному стыду, это было ложью. Или, вернее, я выдумал историю, которая должна была тебе понравиться из-за твоего увлечения Семью сестрами из

древнегреческого мифа и из-за того, что у тебя было шестеро братьев и сестер.

Я уставилась на него, до глубины души потрясенная тем, что человек, которого я обожала и которому доверяла, как никому на свете, солгал мне.

– Итак. – Я тяжело сглотнула. – Откуда это кольцо?

– Прежде чем рассказать вам обоим, как оно оказалось у меня, нужно представить историческую сцену. Вероятно, первое, что тебе нужно понять, Джек, это то, что, хотя ирландцы добились победы в своей борьбе за независимость, эта победа была достигнута на условиях британского правительства. Они разделили страну на Северную Ирландию под управлением Британии и на Ирландскую республику на юге. В 1949 году, когда родилась Мэри, Ирландия была совсем молодой республикой и уровень бедности сохранялся примерно таким же, как в 1920-е годы. Многие эмигрировали в Америку, а те, что остались, страдали от экономической депрессии, охватившей Европу после Второй мировой войны. В Ирландии наступили темные времена: как ты помнишь, Мэри, семьи вроде твоей едва могли обеспечивать свое существование, иными словами, они использовали то, что выращивали, чтобы кормить и одевать свои семьи. А для ирландских женщин почти ничего не изменилось.

– Вы имеете в виду, что Ирландия застряла в прошлом, хотя политические обстоятельства изменились? – спросил Джек.

– Это определенно было так для сельских регионов, таких как Западный Корк, – кивнул Амброз. – К тому времени, когда ты родилась, Мэри, я как раз защитил докторскую диссертацию в Тринити-колледже и получил должность научного сотрудника. Как ты знаешь, я регулярно ездил в Тимолиг для встреч с моим дорогим другом Джеймсом, отцом О’Брайеном, который тогда принял свой первый пост в приходе, включающем Тимолиг, Клогах и Баллинаскарти. У меня почти не было друзей и родственников, и Джеймс был моим ближайшим другом и доверенным лицом.

– Это были долгие поездки? – вставила я.

– До твоего рождения еще более долгие, моя дорогая, поскольку тогда у меня не было красного «Битла». Я садился на поезд и помню, как миссис Каванаг, экономка в доме Джеймса, приветствовала меня с

таким видом, словно я был вонючим комком морских водорослей, выброшенным на берег. – Амброз хохотнул.

– Миссис Каванаг никого не любила, – с чувством сказала я.

– Разумеется. Но, видишь ли, Мэри, один мой такой визит к Джеймсу изменил всю мою жизнь. Поэтому позволь мне вернуться в Западный Корк, когда все это началось, и к твоему рождению в ноябре 1949 года...

Амброз и Джеймс

Западный Корк Ноябрь 1949

Отец Джеймс О'Брайен проснулся и резко выпрямился. Ему снился плачущий ребенок, и, когда он прислушался, ему показалось, что он слышит детский плач. Ущипнув себя, чтобы убедиться, что он не спит, Джеймс встал с теплой постели, подошел к окну в передней части дома и распахнул занавески. Он никого не увидел на садовой дорожке, хотя ожидал увидеть молодую мать с младенцем на руках, которая пришла за утешением к священнику, потому что не могла справиться с нищетой. Открыв ставни, он наклонился и посмотрел вниз, чтобы убедиться, что перед парадной дверью никого нет, а потом ахнул от удивления. В соломенной корзинке из магазина лежал извивавшийся сверток, закутанный в одеяло. Крики и плач явно исходили оттуда.

Джеймс перекрестился. Младенцев иногда оставляли на крыльце пресвитерианской обители в Дублине, но с ними всегда разбирался

отец О'Донован, при котором Джеймс был дьяконом. Когда Джеймс спросил, куда они отправляются, священник лишь пожал плечами.

– В местный сиротский приют. А потом Бог им в помощь.

Дублин был большим городом, и часто случалось так, что девушки по падали в затруднительное положение, но здесь, в тесной фермерской общине, где Джеймс за полгода узнал местные дела лучше самих местных жителей, это было сюрпризом. Он быстро оделся, натянул толстый джемпер, уберегающий от морозного ветра, и мысленно обозрел своих прихожан. Да, среди них было несколько беременных молодых женщин, но все они были замужем и давно смирились со своим положением. Джеймс открыл дверь спальни, прошел по коридору и спустился вниз, его мысли обратились к девушкам-подросткам из прихода.

– Боже милосердный, откуда этот скулеж?

Джеймс оглянулся и увидел своего друга Амброза, который стоял на лестничной площадке в клетчатой пижаме.

– На крыльце оставили младенца. Я собирался внести его в дом.

– Я надену халат и сразу вернусь, – сказал Амброз, пока Джеймс отодвигал засовы и открывал дверь.

Детский плач обнадеживал, так как это означало, что не придется разворачивать посиневшего и безжизненного младенца. Дрожа на холодном ветру, Джеймс взялся за плетеную ручку и поднял корзину.

– Ну и ну, – сказал подошедший Амброз. – Эта посылка может оказаться интереснее, чем все книги, которые я прислал из Дублина.

– Ну, что же... – Джеймс сделал глубокий вдох и приготовился развернуть ребенка, надеясь, что бедный малыш не окажется уродцем, от которого решила отказаться мать.

К счастью, даже священнику и дублинскому профессору, не сведущим в этом деле, было ясно, что новорожденный вполне нормален, хотя его личико покраснело от криков.

– Интересно, мальчик или девочка? – задумчиво сказал Амброз, указывая на лоскут ткани, прикрывавший половые органы ребенка.

– Мы это выясним, но сначала давай отнесем младенца в мой кабинет и растопим камин. У него пальчики посинели от холода.

Пока Джеймс ставил корзину на коврик перед камином и разводил огонь в очаге, Амброз продолжал смотреть на младенца, чьи крики сменились недовольным ворчанием.

– У него что-то неправильное с пупком, – заметил Амброз. – Из живота выпирает окровавленный стебелек.

– Ты забыл школьные уроки биологии? – улыбнулся Джеймс. – Это остаток пуповины, соединявшей мать и младенца. – Он опустил ее у корзины на колени. – Судя по всему, этому бедному малышу не больше нескольких часов от роду. Давай посмотрим, девочка это или мальчик.

– Готов поспорить на несколько фунтов, что девочка. Только посмотри на эти глаза.

Джеймс посмотрел, и, хотя кожа вокруг глаз сморщилась и покраснела от плача, глаза были огромными, темно-голубыми и обрамленными длинными темными ресницами.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Джеймс и робко отодвинул влажную запачканную ткань. – Да, это девочка.

– Очень жаль, что ты не можешь назвать ребенка Моисеем, – пошутил Амброз. – Ты считаешь ее новорожденной из-за пуповины, но вообще-то малышка довольно крупная. Правда, я не специалист в таких делах, – добавил он.

Джеймс посмотрел на пухлые ручки и ножки (младенческие ножки всегда наводили его на мысль о лягушках) и кивнул.

– Действительно, ребенок выглядит упитаннее, чем большинство тощих младенцев, которых я крещу в здешних краях. Ты не согласишься помянуть ее, пока я найду на кухне чистую ткань, чтобы заменить это безобразие?

– Само собой, – ответил Амброз. – Я всегда любил детей, и они отвечали взаимностью. Иди сюда, моя маленькая, – сказал он после ухода Джеймса.

Когда Джеймс вернулся, порывшись среди белья и разорвав пополам простыню, безупречно выстиранную миссис Каванаг, малышка смотрела на Амброза, который что-то тихо шептал ей.

Джеймс прислушался и широко улыбнулся.

– Ты говоришь с ней на латыни?

– Разумеется. Учиться никогда не рано, да?

– Можешь обращаться к ней на любом языке, если это успокаивает ее, а я пока займусь другими делами. Нам нужно поднять ее и положить на полотенце, чтобы я мог сполоснуть ее.

– Давай я подержу...

Джеймс с неподдельным удивлением смотрел, как Амброз поддерживает голову ребенка одной рукой, а другую просовывает под спину и осторожно кладет девочку на полотенце, которое священник расстелил перед очагом.

– Похоже, ты действительно умеешь обращаться с малышами, – заметил он.

– Почему бы и нет?

– И то верно. А теперь я попробую запеленать ее, хотя раньше я этого никогда не делал.

Пока Амброз продолжал разговаривать с девочкой, на этот раз погречески, Джеймс ополоснул малышку, обернул тканью и умудрился закрепить концы оторванного куска простыни над ее животом.

– Пока сойдет, – заключил он, завязав узелок над ее пупком.

– В корзине не было никакой записки? – поинтересовался Амброз. – Или какого-то намека на личность матери?

– Едва ли, но... – Джеймс встряхнул одеяло, в которое была завернута новорожденная, и на пол выпал маленький предмет. – Ух ты! – ахнул Джеймс, наклонился и поднял его.

– Это кольцо? – спросил Амброз.

Они вместе подошли к настольной лампе, чтобы рассмотреть предмет, лежавший на ладони Джеймса. Это и впрямь было кольцо с маленькими изумрудами в форме звезды вокруг центрального алмаза.

– В жизни не видел ничего подобного, – выдохнул Амброз. – Семилучевая звезда, и изумруды такие яркие и прозрачные... Это не дешевая бижутерия, Джеймс, а настоящая ручная работа.

– Вероятно, мать из обеспеченной семьи, а это плод запретной любви, от которого она решила избавиться в страхе перед родительским гневом, – предположил Амброз.

– Ты явно читаешь слишком много романтической прозы, – поддразнил Джеймс. – С таким же успехом кольцо могло быть украдено. Но независимо от происхождения я сохраню его в надежном месте.

Он взял маленький ключ и достал из ящика стола кожаный кошель, где хранил серебряный крест, подаренный родителями на день его рукоположения. Положил кольцо рядом с крестом и отошел к книжному шкафу, где отпер потайной ящик под одной из книжных полок.

– Здесь ты спрячешь виски от миссис Каванаг? – хохотнул Амброз.

– Да, а также другие вещи, не предназначенные для ее глаз, – сказал Джеймс. Он положил кошель в ящик и повернул ключ в замке.

– Одно можно сказать с уверенностью, – заметил Амброз, глядя на малышку, тихо лежавшую на полотенце. – Эта маленькая девочка – особый ребенок. Она очень внимательная.

Однако даже нежные увещевания Амброза больше не действовали, когда малышка поняла, что проголодалась, и снова начала кричать. Амброз взял ее на руки и попытался укачать, но безуспешно.

– Девочке нужно материнское молоко, на худой конец любое молоко, – сказал Амброз. – А его у нас нет. Что нам теперь делать, Джеймс? Украсть ближайшую корову и сунуть вымя ей в рот?

– Понятия не имею, – беспомощно вздохнул Джеймс. – Мне нужно связаться с отцом Нортоном из Бандона и выслушать его предложения.

– Я спрашиваю не о ее дальнейшей судьбе, а о том, что делать сейчас! – Амброз повысил голос. – Как может такая крошка так громко кричать?

Когда оба находились на грани паники, в дверь кабинета постучались.

– Кого сюда принесло в такую рань? – требовательно спросил Амброз.

– Должно быть, это Мэгги, моя домашняя прислуга, она приходит, когда у миссис Каванаг выходной день. Входите! – крикнул Джеймс.

За дверью появились изумрудно-зеленые глаза на бледном лице, усыпанном веснушками. У женщины были роскошные рыжие локоны, ниспадавшие на плечи и повязанные платком.

– Здравствуйте, отец...

– Заходите, Мэгги, заходите, – сказал Джеймс. – Как видите, у нас гостя. Ночью ее оставили в корзинке у меня на крыльце.

– О нет! – Глаза Мэгги потрясенно распахнулись.

– Вы знаете... знаете ли вы местных девушек, которые могли бы, хм...

– Оказаться в интересном положении? – закончила она.

– Да.

Мэгги нахмурилась, задумавшись, и Джеймс увидел признаки будущих морщин на ее юном лице, оставленных физическими тяготами той жизни, которую она вела. Он знал, что у нее дома четверо детей и что она снова беременна. А еще он заметил, как покраснела кожа вокруг ее глаз; это означало, что она недавно плакала, у нее под глазами залегли темные круги.

– Нет, отец, я никого не припоминаю.

– Вы уверены?

– Уверена, – ответила она, глядя ему в глаза. – Эту малышку надо покормить, – добавила она, хотя это было очевидно. – И нормально заправить пуповину.

– Вы знаете кормящих матерей по соседству, которые были бы готовы принять еще одну малышку, пока мы не подыщем место для нее? То есть если мы не сможем найти ее мать.

Наступила пауза, Мэгги смотрела на Джеймса.

– Я...

– Да, Мэгги?

– Ох, отец...

Мэгги закрыла лицо ладонями.

– Мой младенец отошел к Богу только вчера, поэтому...

– Мне очень жаль, Мэгги. Я должен прийти и прочитать успокоительную молитву над ним. Почему вы мне не сказали?

Когда Мэгги подняла голову, Джеймс увидел страх в ее глазах.

– Пожалуйста, отец! Я должна была рассказать вам, но у нас нет денег на надлежащие похороны. Понимаете, она родилась на месяц раньше срока и испустила свой последний вздох внутри меня, так что... – Мэгги судорожно вздохнула. – Мы... положили ее под дубом на нашем поле, рядом с братом, который умер так же. Простите, отец, но...

– Пожалуйста, – в ушах Джеймса звенело от криков младенца и от того ужаса, о котором только что рассказала Мэгги, – нет надобности просить прощения у меня или у Бога. Я приду на ферму и отслужу мессу о спасении души вашего ребенка.

– Правда?

– Совершенная правда.

– Ох, отец, не знаю, как и благодарить вас за это. Отец О'Мэлли сказал бы, что душа ребенка обречена на адские муки, если он не

похоронен на освященной земле.

– А я вам скажу, что, как Божий посредник на земле, я не допущу этого. Значит, Мэгги, у вас есть... молоко?

– Да, отец. Оно приходит так, как будто моя малышка ждет его.

– Тогда... можете ли вы покормить этого ребенка?

– Конечно, могу, но я еще не разожгла огонь в других каминах и не растопила плиту...

– Не беспокойтесь об этом. Я уверен, что мы сможем управиться с этим сами, пока вы позаботитесь о малышке. Да, Амброз?

– Разумеется. Вот, возьмите. – Амброз передал Мэгги ребенка. Мэгги посмотрела на малышку с таким отчаянием, что у него едва не разорвалось сердце.

– Я отнесу ее на кухню и накормлю, – сказала Мэгги, справившись с собой.

– Нет, на кухне слишком холодно, – возразил Джеймс. – Сядьте здесь, на стуле у огня. Дайте знать, когда она насытится.

– Вы уверены, отец? Я...

– Совершенно уверен. Мы обо всем позаботимся, правда, Амброз?

– Разумеется. Можете не торопиться, моя дорогая.

Мужчины вышли из кабинета.

– С тобой все в порядке, друг мой? – спросил Джеймс. – Ты бледноват.

– Признаюсь, я немного потрясен сегодняшними событиями. Не только ребенок, подброшенный под дверь, но и молодая Мэгги... – Амброз вздохнул и покачал головой. – Она лишь вчера похоронила новорожденную дочь, а уже сегодня пришла к тебе на работу, несмотря на физическое изнеможение и неодолимое горе.

– Да. – Джеймс погрел руки у плиты, желая, чтобы чайник поскорее закипел. Он тоже нуждался в успокоении, которое могло прийти только после кружки горячего сладкого чая. – Здесь человеческая жизнь дешева, Амброз, и ты должен понимать, что мы с тобой находимся в очень привилегированном положении. В моей дублинской церкви я был под защитой настоятеля, а здесь я нахожусь на переднем крае. Я должен понимать мысли и обычаи прихожан, которым служу. Это в основном бедные люди, которые борются за свое существование.

– Судя по тому, что я видел сегодня утром, это испытание даже для твоей веры в Бога?

– Я учусь и надеюсь, что смогу приносить покой их душам в таких ситуациях, которые я даже не могу и вообразить. Это не испытывает мою веру на прочность, Амброз, а лишь укрепляет ее, потому что я выступаю в роли длани Божьей здесь, на земле. И я буду делать то небольшое, что могу сделать для них.

Чайник наконец засвистел, и Джеймс залил чайные листья кипятком.

– Как же быть с младенцем? С драгоценной новой жизнью?

– Повторяю, мне нужно связаться с отцом Нортоном; он знает местный сиротский приют, и... – Джеймс покачал головой. – Однажды меня пригласили для обряда успения над ребенком, умиравшим от туберкулеза в сиротском приюте рядом с моим старым дублинским приходом. Все, что я могу сказать, – это было жуткое место. Дети спали по трое на одной койке, покрытые вшами и собственными испражнениями...

– Вероятно, дети попадали туда не от хорошей жизни, – заметил Амброз, когда Джеймс поставил перед ним кружку чая.

– Трудно сказать, что происходило в жизни родителей тех детей, – осторожно ответил Джеймс. – Тебе хорошо известно, что это естественное человеческое побуждение. Возможно, единственное плотское утешение для этих бедняг.

В дверь кухни робко постучали.

– Заходите, – сказал Джеймс, и вошла Мэгги с малышкой, крепко спавшей у нее на руках.

– Теперь она наелась досыта и затихла. Отец, можно взять соль из кладовой, нагреть воду и промыть ей пуповину, чтобы не загноилась?

– Конечно. Садитесь, Мэгги, а я найду миску и приготовлю соленую воду.

– Спасибо, отец.

– Амброз даст вам чаю. Вы очень бледная, Мэгги. У вас только вчера были роды, вы потеряли ребенка. Вы не должны были приходить сюда.

– Нет-нет, отец. Я вполне здорова и могу поработать сегодня.

– Как ваши дети? – спросил Амброз.

– Они еще не знают. Когда я поняла, что близятся роды, но что-то идет не так, я велела моей старшей дочери Элен отвести их к соседям. Я... Я еще не забрала их оттуда, потому что сегодня у меня рабочий день. Давайте я займусь уборкой, отец.

– Пожалуйста, отдохните пока что. – Амброз поставил перед ней кружку чая, а Джеймс удалился в кладовую, чтобы принести соль. – Почему бы вам не отдать мне ребенка, пока вы пьете?

– Я совершенно здорова, сэр, – повторила Мэгги.

– Все равно, мне хочется подержать ее.

Амброз принял малышку из рук Мэгги, сел и принялся баюкать ее.

– Она очень красивая, – пробормотал он, глядя на спящего ребенка.

– Да, сэр, и довольно крупная. Более упитанная, чем любой из моих детей. Должно быть, для матери это были трудные роды.

– Вы не представляете, чей ребенок это может быть?

– Нет, сэр. А я знаю всех беременных матерей в нашей округе.

– Выходит, ребенок родился за пределами деревни? – поинтересовался Амброз.

– Я бы сказала, да.

Джеймс вернулся с солью и тазиком. Он последовал указаниям Мэгги и налил из чайника немного горячей воды, смешав ее с холодной. Амброз настоял на том, что подержит ребенка, пока Мэгги будет очищать пуповину.

– Ну вот, теперь все чисто. Примерно через неделю пуповина высохнет и отвалится, – сказала Мэгги и накрыла ребенка одеялом. – А теперь, если не возражаете, я приступлю к работе, иначе у мисс Каванаг появятся большие претензии ко мне.

Мэгги сделала маленький книксен и ушла с кухни.

– Конечно, она должна лежать в постели и отдыхать после рождения мертвого ребенка, – сказал Амброз. – Она боится потерять работу у тебя? И миссис Каванаг тоже?

– Да, и сегодня нам нужно сделать все возможное, чтобы облегчить ее труды. Эти несколько шиллингов, которые она получает за один день в неделю, могут означать разницу между сытостью и голодом для ее семьи.

– Интересно, кто присматривает за ее детьми, пока она здесь?

– Боюсь и подумать, Амброз. – Джеймс передернул плечами. – Скорее всего, они сами за собой присматривают.

– Как она могла держать на руках чужого, совершенно здорового ребенка и кормить его молоком, предназначенным для ее мертвого ребенка, это выше моего понимания. Такое мужество, и...

Джеймс заметил слезы в глазах друга. Раньше он никогда не видел их, даже когда Амброза жестоко притесняли в школе.

– Неужели сиротский приют – единственное место для этого бедного, невинного ребенка? – Амброз посмотрел на него. – Я хочу сказать: ты видел это кольцо, и, возможно, мы сможем выяснить, кому оно принадлежало, найти ее семью... А если не найдем, то есть бездетные женщины, которые готовы с радостью удочерить ребенка; моя подруга с кафедры английского языка говорила, что супружеские пары из Америки приезжают сюда за приемными детьми из сиротских приютов.

– Ирландки славятся разными достоинствами, в том числе умением рожать красивых и здоровых детей. Можно, я возьму у тебя малышку? Пока уложу ее наверху, в свою постель, а потом Мэгги сможет еще раз покормить ее.

– Что ты теперь будешь делать, Джеймс?

– После мессы я побеседую с отцом Нортоном и выясню, как поступают в таких случаях. – Джеймс принял девочку из рук Амброза. – Лучше я унесу ее, пока ты сам не решил удочерить ее.

Он грустно улыбнулся и вышел из кухни.

Когда Джеймс ушел в Тимолиг, чтобы отслужить утреннюю мессу, Амброз отправился на прогулку вниз по склону холма, к бухте Кормакшерри. Сегодня вода в бухте была неподвижной, как в мельничном пруду, и дул легкий бриз. Был свежий, солнечный ноябрьский день, из тех, которые особенно нравились Амброзу, и, хотя он не мог представить, каким образом чистая вера в невидимое высшее существо могла заманить его дорогого друга в это ирландское захолустье, он ценил первозданную красоту этих краев.

С тех пор как Амброз познакомился с Джеймсом, он знал – даже в одиннадцать лет, когда тот был долговязым симпатичным пареньком, – что этот мальчик станет прекрасным мужчиной, который посвятит свою жизнь служению Богу. Амброз помнил, как сидел на жесткой, неудобной скамье в часовне колледжа Блэкрок, неизменно с тонкой книжкой в руке, чтобы тайком читать во время бесконечной вечерней службы. Иногда он поглядывал на Джеймса, сидевшего рядом с ним, чья голова была склонена в молитве, а на лице застыло выражение, которое Амброз мог назвать только религиозным экстазом.

Амброз понимал, что он не может говорить на людях о своем безбожии; в конце концов, он учился в католической школе для мальчиков, где преподаватели были ревностными монахами. Отцы из ордена Святого Духа, который управлял церковью, готовили своих учеников к будущей миссионерской работе в Западной Африке. Даже в детстве мысль о морском путешествии в дальние страны ужасала его. Если он куда-то девал свои очки, то моментально погружался в размытый и неразборчивый мир. В отличие от Джеймса, чья комплекция и здоровье позволяли ему выдерживать самые дождливые и холодные дни на регбийном поле, Амброз мог целыми днями отлеживаться в школьной лечебнице с грудной жабой.

– Будь мужчиной, – всегда говорил его отец, особенно потому, что Амброз был отпрыском англо-ирландской династии, вернее, того, что от нее осталось. Триста лет назад его семья владела половиной Уиклоу и господствовала над массой бедных католиков. Но благодаря филантропическим усилиям его предков они пользовались любовью и уважением. Лорд Листер передал эти моральные идеалы своему сыну, который пошел еще дальше и завещал семейные земли их арендаторам. Эти благодеяния оставили будущим поколениям Листеров лишь громадный особняк и скромные средства на его содержание. Однако эта же щедрость уберегла особняк от сожжения, которого не избежали многие господские дома во время войны за независимость. Отец Амброза и по сей день проживал там. Формально Амброз имел право называться «достопочтенным сэром», как наследник династии, но лишь золотое кольцо с печаткой было подарено ему на двадцать первый день рождения как знак его благородного происхождения. Отец тоже редко использовал свое превосходство, разве что для того, чтобы произвести впечатление на

британцев, которые, как он шутил, относились к нему как к «ирландскому землекопу». Амброз всегда хохотал, когда отец возвращался из Англии и рассказывал про это, поскольку, несмотря ни на что, они имели безупречный английский выговор.

Амброз бы совсем не удивился, если бы узнал, что Листер-Хаус заложен по самую крышу. В одиннадцать лет он уже был уверен, что династия Листеров обречена закончиться на нем, поскольку он не собирался жениться. Его мать умерла молодой, оставив сыну значительный трастовый фонд, унаследованный от ее семьи. Пока его отец пропивал остатки семейного наследия Листеров, мать стремилась защитить своего сына. Амброз лелеял мечты о продаже Листер-Хауса какому-нибудь ирландскому нуворишу, сколотившему состояние на войне, и покупке небольшой уютной квартиры рядом с Тринити-колледжем, где он смог бы окружить себя книгами и, что самое важное, оставаться в тепле...

Которого сейчас не было и в помине.

– Ох, как я ненавижу холод... – пробормотал он и повернул к деревне с красивыми пастельными домиками, многие владельцы которых зарабатывали на жизнь торговлей из лавок на первом этаже. Как всегда, католическая церковь возвышалась над деревней; в Тимолиге и его окрестностях не было никого, кто пропустил бы воскресную мессу. Джеймс говорил, что часто оставались лишь стоячие места, хотя скамьи в церкви были рассчитаны на триста человек.

Амброз посмотрел налево, в сторону маленькой протестантской церкви, построенной немного ниже огромного корпуса католической церкви Рождества Благословенной Девы Марии. Здесь, несомненно, до сих пор происходила совсем не священная война. После Разделения, когда Северная Ирландия отделилась от Ирландской республики, не утихал гнев по поводу того, что британские протестанты по-прежнему правят частью острова. Но разве акт Святого причастия не был главным как в католической, так и в протестантской общине?

– Дорогой Джеймс, – прошептал Амброз. – Я очень люблю тебя, но боюсь, что ты обрuchился с пустыми обещаниями.

Однако Амброз соглашался с тем, что, как и францисканцы, основавшие Тимолигское аббатство более семисот лет назад, его друг желал только добра всем живым существам. Когда Амброз думал о

новорожденной малышке, о том, что он чувствовал, когда держал ее в руках, о том, что у него никогда не будет собственных детей, то ощущал болезненную тоску в сердце.

Повернувшись и собравшись с силами перед подъемом на склон холма, он направился к дому священника.

* * *

– Как поживает малышка? – спросил Джеймс у Мэгги, когда та накрыла стол для ленча.

– Превосходно, отец. Я снова покормила ее, и она крепко спит в вашей постели.

– А вы, Мэгги? Должно быть, вы совсем выбились из сил.

– Со мной все в порядке, отец, – ответила Мэгги, хотя ее лицо свидетельствовало об обратном. – Вы уже поговорили со священником из Бандона?

– Нет, я несколько минут назад вернулся с мессы. Вы, случайно, не знаете, где находится ближайший сиротский приют?

– Думаю, в Клонакилти. Там есть женский монастырь, и они принимают таких детей... как у вас. – Мэгги покраснела.

Джеймс чувствовал, что она была близка к слезам. Она открыла дверцу плиты и достала жестяной лоток с чем-то ароматным и вкусным.

– Я приготовила для вас бармбрэк, отец. Нашла немного сушеных фруктов в кладовке и решила, что вам понадобится какая-нибудь еда, а не только чай.

– Спасибо, Мэгги. Я не пробовал бармбрэк с тех пор, как уехал из Дублина. Ага, – добавил он, когда услышал, как открылась и закрылась парадная дверь. – Должно быть, это Амброз. Прошу вас, накройте ему.

Амброз вошел в кухню, тяжело дыша.

– Да, здесь крутой подъем от побережья, – сказал Джеймс. – Ты в порядке, друг мой?

– Да, просто не привык карабкаться по холмам. – Амброз сел и выпил воды из стакана, поставленного Мэгги. – Как прошла месса?

– Оживленно для утра понедельника. А потом выстроилась очередь на исповедь.

– Могу предположить, что это имело отношение к выпивке по церковным праздникам. – Амброз улыбнулся, когда Мэгги поставила перед ним тарелку супа.

– Есть еще хлеб и масло для вас обоих. А теперь, с вашего позволения, я продолжу уборку.

– Спасибо, Мэгги. Пахнет восхитительно.

– Здесь только репа и картошка, но я добавила ломтики осеннего яблока из вашей кладовой. Мне кажется, что так суп душистее.

Мэгги сделала книксен и вышла из кухни.

– На вкус так же хорошо, как и на вид, – заметил Джеймс, когда подул на ложку и сделал глоток, потом отрезал толстый домоть хлеба и намазал его маслом. – Хлеба, Амброз?

– Разумеется. И суп *действительно* хорош. Очень жаль, что ты не можешь сделать так, чтобы эта очаровательная женщина полностью заменила миссис Каванаг.

– Если бы я мог, – вздохнул Джеймс. – Увы, это было бы вопиющим нарушением местной иерархии. Миссис Каванаг годами обслуживала моего предшественника.

– И Мэгги настоящая красавица, если бы только не ее худоба, – продолжал Амброз. – Послушай, дружище, пока я гулял на побережье, мне пришли в голову определенные соображения.

– Я знаю, что в твоем случае это опасная вещь, – улыбнулся Джеймс.

– По какой-то причине я задумался о своей генеалогии, вплоть до лорда Генри Листера, которого в нашей семье называли «Великим Филантропом». Его щедрость едва не привела к банкротству Листеров. Потом я по думал об этой малышке, что спит наверху. Тебе лучше меня известно, что самое лучшее, на что она может надеяться, *если выживет*, – это среднее образование, с которым она в будущем сможет лишь устроиться горничной или на другую низкооплачиваемую работу.

– И?..

– Короче говоря, у меня есть деньги, Джеймс. И, насколько мне известно, у меня никогда не будет собственной семьи.

– Ты просто не можешь этого знать.

– Могу, – твердо ответил Амброз. – Я прекрасно понимаю, что не могу изменить этот мир, а тем более спасти его, но, возможно,

небольшой акт милосердия поможет спасти хотя бы одну жизнь.

– Понятно. – Джеймс задумчиво отхлебнул ложку супа. – Означает ли это, что ты намереваешься удочерить малышку, которая сейчас спит наверху? Сегодня утром ты определенно выказал способность обращаться с ней.

– О боже, нет! Я бы не знал, с чего начать. – Амброз иронично усмехнулся. – Однако мне кажется, что с моей финансовой помощью решение этой задачи находится прямо под нашей крышей.

– О чем ты?

– У нас есть женщина, только что потерявшая своего любимого ребенка. И новорожденная сирота, которая нуждается в материнском молоке. Единственное, что препятствует их воссоединению, – это деньги. Что, если я предложу Мэгги компенсировать все расходы на ребенка и даже давать кое-что сверху, чтобы помогать ей и ее семье? Как думаешь?

– Честно говоря, пока не знаю, что и думать. Ты говоришь, что заплатишь Мэгги за удочерение этого ребенка?

– В сущности, да.

– Амброз, это похоже на взятку. Для начала, мы даже не знаем, захочет ли она принять чужого ребенка.

– Судя по выражению ее глаз, когда она смотрит на малышку, она согласится.

– Может быть, но у Мэгги есть муж, который может думать иначе.

– Ты знаешь его? Каков он из себя?

– Судя по нашим встречам на мессе, Джон О’Рейли – хороший и богобоязненный человек. Определенно нет никаких сплетен о его вечерних походах в местные пабы, иначе я бы давно знал об этом. Тем не менее принятие в семью ребенка от неизвестного отца может ему не понравиться.

– Тогда нам нужно поговорить с ним. Как насчет остальных членов семьи?

– Их старшей дочери Элен десять лет, сыну Джону – восемь, плюс еще две девочки, шести и двух лет. Я слышал, что Мэгги и Джон женились по любви вопреки желанию их родителей и что они абсолютно преданы друг другу.

Амброз улыбнулся:

– Удача и любовь благоприятствуют смелым.

– Возможно, но это не прибавляет еды на столе. У этой семьи есть свиньи и куры, несколько коров и пара акров земли. Они живут в тесном темном доме без электричества и водопровода. Амброз, я боюсь, что ты не представляешь, в какой жуткой нищете живут некоторые местные семьи.

– Я знаю, Джеймс, что в этом смысле мне повезло, но я не закрываю глаза на чужие лишения. Мне кажется, что, несмотря на бедность, у семьи О’Рейли есть здоровая основа, которая сможет обеспечить этому ребенку стабильное будущее... с небольшой поддержкой от меня. Но нам нужно действовать быстро. Сегодня утром Мэгги сказала, что еще никому не сообщала о смерти своего ребенка и она еще не забрала у соседней других детей. Если мы поспешим, то сможем удержать дело в секрете. Повторяю, я готов заплатить, сколько бы там ни было, – твердо заключил Амброз.

Джеймс задумчиво посмотрел на друга:

– Ты уж меня извини, но твои разговоры о предке-филантропе не смогли убедить меня в искренности твоих внезапных щедрых порывов.

– Возможно, отцы из ордена Святого Духа так и не убедили меня в существовании Бога, католического или любого другого, но невинность той новорожденной девочки, которая сейчас спит наверху, сделала больше для моего чувства христианского милосердия, чем они смогли бы сделать за всю мою жизнь. За свои двадцать шесть лет я не сделал ничего особенно хорошего в отличие от тебя, ведь ты ежедневно творишь добро. Все очень просто, Джеймс: я хочу помочь ей.

– Ах, Амброз, – вздохнул Джеймс. – Ты требуешь от меня слишком много с учетом моего положения. Ребенок должен быть официально зарегистрирован в церковных книгах как брошенный матерью, и кроме того...

– Навлечем ли мы на себя гнев Господень, если попробуем найти ей лучшую жизнь, кроме той, которую предлагает церковь?

– Кто сказал, что эта жизнь будет лучше? Мэгги и ее муж Джон очень бедны, Амброз. Новый ребенок окажется среди братьев и сестер, которым уже сейчас может не хватать еды. Девочка будет вынуждена тяжело трудиться на ферме и получит не лучшее образование, чем если бы ее отправили в сиротский приют.

– Но ее будут *любить*! И у нее будет семья! И позволь сказать, что, будучи единственным ребенком у отца, который едва замечал меня, я бы предпочел более трудную жизнь в окружении настоящей семьи. Тем более что мы с тобой будем здесь и сможем наблюдать за ее развитием.

Джеймс смотрел на своего друга и видел слезы в его глазах. За все время их знакомства он ни разу не слышал, чтобы Амброз так говорил о своем отце.

– Можно я немного подумаю, Амброз? Мэгги не уйдет до шести вечера, пока не подаст ужин. А мне нужно пойти в церковь и помолиться о твоём предложении.

– Разумеется. – Амброз закашлялся и достал из кармана брюк чистый носовой платок, чтобы вытереть нос. – Ты уж извини, Джеймс, но появление этого ребенка выбило меня из колеи. Я понимаю, что многого прошу от тебя.

– Я вернусь к чаю с кусочком бармбрэка от Мэгги, который так чудесно пахнет. – Джеймс кивнул и вышел из кухни.

Как всегда бывало в критические моменты, Амброз отправился в свою комнату и взял томик гомеровской «Одиссеи» из своего старого саквояжа. Глубокая мудрость давно прошедших веков давала ему душевное утешение. Внизу, когда Мэгги ухаживала за ребенком, он велел ей отдохнуть и приготовил для нее кружку горячего сладкого чая. Потом он вернулся в кабинет Джеймса, растопил камин и устроился в кожаном кресле. Но сегодня даже слова Гомера не приносили ему утешения. С раскрытой книгой на коленях, он задавался вопросами о мотивах для помощи этому ребенку. Когда он полностью уверился в ответе, то задал себе следующий вопрос: даже если его намерения изначально эгоистичны, разве результат не оправдывает этого?

Нет, решил он. Ребенку нужна любящая семья, и, возможно, такая семья уже нашлась. Он не видел в этом решительно ничего плохого.

* * *

– Как прошли твои молитвы? – спросил он час спустя, когда Джеймс появился в кабинете.

– Спасибо, мы с Богом очень хорошо побеседовали.

– Ты пришел к решению?

– Думаю, сначала нам нужно поговорить с Мэгги. Если она и ее муж будут против, никакого решения не понадобится.

– Она отдыхает вместе с ребенком. Я настоял на этом.

Джеймс вышел из кабинета, оставив Амброза смотреть на огонь. Единственный раз в своей жизни Амброз тоже испытал желание помолиться.

Джеймс вернулся вместе с Мэгги. Она сделала импровизированную перевязь из другой половины разорванной простыни, так что младенец покоился возле ее груди.

– Я что-то сделала не так, отец? – спросила она, когда Джеймс предложил ей устроиться в кресле у огня. – Малышка нервничала, а мне нужно было готовить вам ужин, поэтому я взяла простыню и...

– Пожалуйста, не беспокойтесь, Мэгги. Амброз велел вам отдохнуть. – Мужчины смотрели на маленькие кулачки и ножки, выглядывавшие из-под перевязи. Малышка издавала слабые звуки, похожие на кошачье мяуканье. – Итак, дело в том... Нет, пусть лучше Амброз объяснит.

– Я знаю, что вы совсем недавно потеряли ребенка, Мэгги, и что это была девочка, – начал Амброз.

– Да, сэр.

– От всей души соболезную вашему горю. Но вот вы здесь и ухаживаете за новорожденным ребенком.

В глазах Мэгги заблестели слезы.

– Эта девочка гораздо тяжелее, чем моя бедная Мэри, так мы с Джоном назвали ее еще до рождения, она была совсем крошечной...

Амброз протянул Мэгги носовой платок и дал ей собраться с духом, прежде чем продолжить.

– Нам хорошо известно, что станет с этим бедным ребенком, если отец О’Брайен свяжется с отцом Нортоном, – сказал он.

– Да, я слышала про ужасные условия в сиротских приютах, – согласилась Мэгги. – Не так давно в Клонакилти была вспышка кори, и многие детки умерли. – Она нежно поглядела на малышку и погладила ее пальцем по щеке. – Но что можно поделать?

– Вы говорили, что еще никому не рассказывали о смерти вашей бедной Мэри, – вмешался Джеймс.

– Нет, отец. – Она сглотнула. – Как я сказала, все произошло внезапно, и мы решили промолчать, тем более что у нас нет денег на похороны. Клянусь, мы не язычники. Мы произнесли нужные молитвы, и я упокоила ее...

– Понимаю, Мэгги. Уверен, что вы не единственные, кому пришлось так поступать в здешних краях.

– Вот в чем дело, Мэгги, – сказал Амброз. – Я тут задавался вопросом, захотите ли вы – разумеется, я имею в виду и вашего мужа – удочерить эту малышку.

– Я... конечно, мне хотелось бы взять ее к себе, если можно, но... – Мэгги покраснела до корней густых рыжих волос. – У нас уже есть четыре голодных маленьких рта, и это достаточно тяжело...

– Пожалуйста, не волнуйтесь, Мэгги, – успокаивающе произнес Джеймс, заметивший ее смятение. – Послушайте, что скажет мой друг Амброз. Это была его идея, а не моя, но, по-моему, он должен как минимум донести ее до вас.

Амброз откашлялся:

– Я понимаю ваши материальные затруднения, и, если вы с мужем рассмотрите возможность принять девочку в вашу семью, я буду только рад покрыть любые издержки на ее содержание до тех пор, пока ей не исполнится двадцать один год. Это включает и ее образование, если она захочет пойти дальше средней школы. Деньги будут выплачиваться едино временными суммами каждые пять лет. Я собираюсь добавить и другую сумму, которая будет выплачена немедленно, за ваше беспокойство и осмотрительность. Ваши друзья и члены семьи должны поверить, что это тот самый ребенок, которого вы вынашивали. Иначе это поставит отца О'Брайена в нестерпимое положение из-за того, что он не сообщил о ее появлении по официальным каналам. Вот сумма, которую я готов выделить вам за первые пять лет ее жизни. – Он протянул Мэгги листок бумаги, на котором заранее написал цифру. Подождал, пока она посмотрела, потом вручил ей другой листок. – А это единовременная сумма, которую я готов немедленно выделить вам и вашему мужу за беспокойство и на прочие расходы.

Джеймс и Амброз наблюдали за Мэгги, пока она изучала цифры. Джеймсу пришлось в голову, что она не умеет читать, но ошеломленное

выражение ее лица, когда она посмотрела на Амброза, свидетельствовало об обратном.

– Иисус, Мария и Иосиф! – Мэгги прикрыла ладонью рот и посмотрела на Амброза. – Простите за такие слова, отец, но я в шоке. Эти цифры... Вы, случайно, не приписали по ошибке лишний нолик?

– Нет, Мэгги. Это суммы, которые я готов заплатить, если вы возьмете ребенка.

– Но, сэр, первая сумма превышает наш возможный заработок за пять лет или даже больше! А вторая... ну, мы могли бы начать строительство нового дома или прикупить несколько акров земли...

– Конечно же, вам нужно посоветоваться с мужем и объяснить мое предложение. Но, если он согласится, я могу уже завтра пойти в местный банк и выплатить всю сумму наличными. Он сейчас дома?

– Сейчас он должен быть в коровнике, но, думаю, он решит, что вы сошли с ума, когда увидит эти цифры.

– Хорошо. Тогда советую вам отправиться домой, объяснить предложение Амброза, а потом, если хотите, приведите вашего мужа сюда, чтобы я все подтвердил.

– Но как же ваш ужин, отец? Я еще не подала его и не сварила капусту.

– Уверен, мы справимся сами, – сказал Джеймс. – Если мы хотим, чтобы все получилось, то жизненно важно, чтобы малышка оказалась у вас сегодня ночью. Мы же не хотим, чтобы миссис Каванаг узнала об этом, правда?

– Нет, отец, ни в коем случае. Что же, если вы так уверены, то я отправлюсь домой и поговорю с мужем.

– Я уверен, – сказал Амброз. – Мы позаботимся о ребенке до вашего возвращения. – Он встал, чтобы забрать младенца из перевязи.

Когда Мэгги ушла, они отправились на кухню, где Джеймс снял с плиты аппетитно пахнувшее ирландское мясное рагу.

– Если тебе все равно, я не буду варить капусту на гарнир, – сказал он. – Будет хорошо хотя бы один вечер обойтись без нее.

Джеймс посмотрел на своего друга, чье внимание было сосредоточено на малышке, которую он нежно баюкал на руках.

– Можно узнать, сколько ты ей предложил?

– Нет.

– Я спрашиваю только потому, что они могли взять ребенка из-за суммы, которая показалась им грандиозной.

– Этих денег достаточно, чтобы поощрить их и нарастить немного мяса на костях Мэгги, но они не смогут покупать дорогую одежду. Да, их жизнь станет немного терпимее. Ну, смотри, разве она не красавица? – пробормотал Амброз.

– Ты просто без ума от нее. Может, она наконец изменит твое мнение насчет собственных детей?

– Это невозможно, но я определенно хочу по-отцовски приматривать за ней, пока она растет. Ты тоже должен это делать, пока я буду в Дублине.

– Разумеется, но сначала посмотрим, согласится ли муж Мэгги. А теперь давай попробуем тушенку, а то у меня уже слюнки текут.

* * *

Час спустя Мэгги вернулась вместе с дюжим и симпатичным молодым мужчиной. Он явно нарядился для этого случая и надел плоскую кепку с угловатым козырьком, которую большинство прихожан надевали, когда направлялись на мессу.

– Пожалуйста, заходите, – сказал Джеймс и быстро закрыл за ними дверь, радуясь просторному двору, который отчасти уберегал дом священника от любопытных соседей. Джеймс отвел супругов в кабинет, где Амброз укладывал новорожденную девочку в корзину, в которой ее нашли. Джеймс понимал, что фермеру может показаться странным вид мужчины, который баюкает младенца.

– Это мой муж Джон, – застенчиво сказала Мэгги.

– А это мой друг Амброз Листер, преподаватель из Тринити-колледжа.

– Приятно познакомиться, сэр, – промямлил Джон.

Джеймс ощущал его неловкость; многие здешние фермеры проводили большую часть дня за полевой работой и беседовали с другими людьми лишь несколько минут после воскресной мессы.

– Приятно познакомиться, мистер О’Рейли, – сказал Амброз и заметил, как непроизвольно напрягся Джон, когда услышал английский выговор.

– Давайте сядем, – предложил Джеймс. – Джон, вы с Мэгги садитесь у камина.

Джеймс устроился на стуле перед письменным столом, явственно отгородившись от Амброза и двух возможных родителей, поскольку было жизненно важно, чтобы эта «сделка» проходила без его участия. Амброз уселся на деревянном стуле перед столом. Он видел, как муж и жена украдкой бросают взгляды на корзину с ребенком.

– Пожалуйста, Мэгги, если хотите, вы можете достать ребенка, – сказал он.

– Нет, сэр, я оставлю ее, пока... в общем, пока что.

– Итак, мистер О'Рейли, Мэгги рассказала вам о моих соображениях, – начал Амброз.

– Верно, сэр.

– И каковы ваши мысли?

– Полагаю, нужно спросить вас, почему вы делаете это для ребенка. – Джон избегал его взгляда.

– Это очень хороший вопрос, мистер О'Рейли. Простой ответ состоит в том, что я холостяк, который живет в Дублине и которому повезло иметь личный доход, поддерживающий его текущие исследования в Тринити-колледже. Даже не сомневайтесь, я католик, – поспешно добавил Амброз, понимая, что, хотя Джон О'Рейли был простым фермером из Западного Корка, он вполне мог слышать, что знаменитый Тринити-колледж был основан протестантами.

Амброз собрался с силами для продолжения, тщательно подбирая слова:

– Итак, я обладаю приличным доходом. Когда этот младенец оказался перед дверью отца О'Брайена сегодня утром и мой друг рассказал мне, что малышке суждено оказаться в сиротском приюте, я задумался о том, как мог бы помочь ей. А потом пришла ваша жена и рассказала о вашей трагической утрате... Попросту говоря, я увидел способ, посредством которого ребенок мог бы получить семейное воспитание, и в то же время вы оба могли бы немного смягчить боль от вашей потери.

Наступила пауза, пока Джон обдумывал слова Амброза. Мэгги посмотрела на мужа с нескрываемой надеждой.

Поскольку молчание затягивалось, Амброз решил заполнить паузу:

– Разумеется, никто вас никоим образом не принуждает к согласию, но я подумал, что никому не будет вреда от такого выхода, который мог бы устроить все стороны. Мы с отцом О’Брайеном учились в школе братства Святого Духа, где нам всегда говорили, что нужно быть щедрыми и милосердными. Я недавно понял, что недостаточно помогал другим, менее удачливым людям, поскольку был занят моими исследованиями в Дуб лине.

Джон поднял голову и впервые встретился взглядом с Амброзом.

– Вы предлагаете нам целую кучу денег, сэр. Чего вы хотите взамен?

– Абсолютно ничего. В сущности, как Мэгги объяснила вам, никакие наши совместные дела больше не должны служить предметом обсуждения. Это ради нашего же блага и ради святого отца, – сказал он, указывая на Джеймса. – Отец О’Брайен не должен считаться причастным к этому, и он на самом деле не имел к этому никакого отношения.

Джон переключил внимание на Джеймса:

– Вы ходили в школу с мистером...

– С мистером Листером, – подтвердил Джеймс. – Да, так оно и было. Я могу поручиться за него и подтвердить, что с его стороны это не более чем акт милосердия по отношению к несчастному ребенку.

– И к нам, – пробормотал Джон. – Нам не нужно так много денег за одного младенца.

Вышеупомянутый младенец хныкал с самого начала разговора, но теперь разразился настоящими воплями.

– Можно я отнесу ее на кухню и покормлю? – Мэгги умоляюще взглянула на мужа.

Джон кивком выразил свое согласие. Мэгги подхватила ребенка и едва не выбежала из комнаты, словно больше не могла этого вынести.

– Думаю, прежде чем обсуждать финансовые вопросы, нужно решить, готовы ли вы взять ее к себе, – вставил Джеймс, сидевший за столом.

– Вы уже видите, что ее сердце с ребенком, – сказал Джон. – Оно едва не разорвалось пополам, когда вчера она потеряла нашу Мэри. И прошел лишь год с тех пор, когда мы потеряли предыдущего ребенка.

Разумеется, мы надеемся, что у нас еще будут собственные дети. Эта девочка здорова?

– Полагаю, да, судя по ее размерам, – ответил Джеймс. – И ваша жена, определенно, так думает.

Джон О'Рейли долго сидел в молчании, прежде чем заговорить.

– Вы уверены, что больше ничего не хотите от нас?

– Ничего, – подтвердил Амброз. – Я уверен, что отец О'Брайен время от времени будет сообщать мне о ее взрослении; это будет достаточной наградой. Я просто хочу, чтобы девочка попала в семью, где о ней смогут позаботиться.

– Мы постараемся, но не можем гарантировать, что уберем ее от кори или воспаления легких.

– Я хорошо это понимаю, мистер О'Рейли; я лишь хочу сказать, что буду интересоваться издалека. Хотя, если вы захотите, вообще никакого интереса не будет.

– Что касается денег... Вы сказали Мэгги, что сможете заплатить наличными? И уже завтра?

– Да.

– Тогда я должен сказать вам, что мы богобоязненная семья. Если бы моя жена вернулась домой, рассказала бы об этом ребенке и о том, что у нее осталось грудное молоко, то, наверное, она убедила бы меня взять девочку и без вашего предложения.

По развороту его плеч Амброз видел, что, несмотря на свою бедность, Джон О'Рейли был гордым человеком. Это еще больше понравилось Амброзу.

– Я верю, что вы так бы и поступили, мистер О'Рейли. Я вижу, что вы очень любите вашу жену, так что, наверное, лучше рассматривать эти деньги как средство, чтобы сделать ее жизнь и жизнь вашей семьи немного комфортнее.

– Определенно, сэр. У нас дома очень даже сыровато. Я смогу заняться починкой или даже строительством нового дома. Но не слишком быстро, иначе соседи начнут интересоваться, откуда у нас завелись денежки. А мне не нужны сплетни.

– Уверен, что вы оба достаточно рассудительны, чтобы этого не произошло, – вмешался Джеймс. – Мы должны помнить, что все это делается ради новорожденного ребенка, которому нужны дом и семья. Благотворительность прежде всего.

– Да. Спасибо, отец. Я буду тратить деньги с умом и понемножку.
В дверь постучали, и появилась Мэгги с младенцем на руках.
– Она заснула, – сообщила она. – Смотри, Джон, разве она не прекрасна?

Джон встал, чтобы посмотреть на ребенка, и слабо улыбнулся.

– Так и есть, любимая.

– И?.. – Мэгги как будто не решалась спросить о большем.

Джон повернулся к Джеймсу и Амброзу:

– Не возражаете, если мы заберем ее домой прямо сейчас?

* * *

– Боже милосердный, – простонал Амброз, когда Джеймс вернулся в кабинет, попрощавшись с молодыми супругами и с их новым ребенком. – Думал, что я этого не вынесу.

Джеймс посмотрел, как Амброз достает носовой платок и промокает глаза.

– Что такое?

– Смешанные чувства, – отозвался Амброз. – Но в основном из-за Джона О’Рейли: бедный как церковная мышь, но такой гордый!

– Хороший человек, – согласился Джеймс. – И он боготворит землю, по которой ходит его жена. Что приятно видеть, ведь я совершил множество бракосочетаний, больше похожих на сочетание между акрами земли, чем между мужчинами и женщинами. Это уж точно брак по любви, а не по расчету.

– Не возражаешь, если я налью себе капельку виски? Мне нужно успокоить нервы после всех этих треволнений.

– Сегодня ты совершил доброе дело, друг мой. *Sláinte!* – произнес Джеймс, когда чокнулся бокалом с Амброзом. – За тебя и за здоровье ребенка.

– Которого назовут Мэри, потому что так они хотели с самого начала, и это большая жалость. У меня есть масса приятных греческих имен, таких как Афина, Антигона...

– Тогда я рад, что ее назовут в честь Девы Марии, – улыбнулся Джеймс.

– Эта Мэри особенная, Джеймс. Я чувствую это. Она была ниспослана для меня.

– Соглашусь, что воля Божья бывает непостижима и загадочна.

– Я бы назвал это велением судьбы, но вынужден признать, что шансы приехать сюда в отсутствие миссис Каванаг и в присутствии матери, которая только что потеряла собственного ребенка, действительно выглядят как божественное провидение.

– Я еще сделаю тебя верующим, – улыбнулся Джеймс.

* * *

На следующее утро Амброз первым делом отправился в местный банк. Он снял со своего счета сумму, обещанную супругам О’Рейли, и вернулся обратно по склону холма к дому священника. Там он взял два конверта из письменного стола Джеймса, разделил деньги и запечатал конверты. Снятие денег практически не повлияло на величину его трастового фонда, но для семьи О’Рейли это означало финансовую стабильность как минимум на следующие пять лет. Миссис Каванаг хлопотала по дому, жалуясь на любой намек, свидетельствующий о «недобросовестности» Мэгги О’Рейли, поэтому Амброз убрал конверты в ящик стола.

В дверь кабинета постучали.

– Заходите, – сказал Амброз.

– Вы останетесь на ланч, мистер Листер?

– Нет, миссис Каванаг. Мой поезд уходит в полдень, поэтому я должен уйти на станцию через пятнадцать минут, – ответил Амброз, посмотрев на часы.

– Прекрасно. Тогда приятной поездки. – Экономка повернулась и практически хлопнула дверью, когда вышла из кабинета. Амброз ощущал враждебность, исходившую от нее. Он понимал, что эта женщина в целом недолголюбивает род человеческий, но ее неприязнь к нему – хотя, в конце концов, он был гостем человека, на которого она работала, – была физически ощутимой. Очевидно, она считала неподобающим, что у священника есть друг мужского пола, который ежемесячно посещает его. Амброз изо всех сил старался быть

вежливым хотя бы ради Джеймса, но он чувствовал, что от этой женщины можно ждать беды.

Джеймс вошел в кабинет и слабо улыбнулся ему.

– У тебя усталый вид, дружище, – заметил Амброз.

– Признаюсь, я плохо спал прошлой ночью после всех... вчерашних дел.

– Тебя это беспокоит?

– Не сам поступок, но уловка, на которую мне пришлось пойти. Если кто-то обнаружит, что я принимал участие в твоём замысле...

– Никто не узнает. О'Рейли будут молчать, я уверен в этом.

Амброз приложил палец к губам, когда они услышали шаги в коридоре.

– Мне пора, – произнес Амброз нормальным голосом, подошел к письменному столу и показал Джеймсу, куда он положил конверты с деньгами.

Джеймс кивнул.

– Мы с Мэгги договорились, что я передам их ей в следующий понедельник, – сказал он.

В дверь снова постучали, и появилась миссис Каванаг.

– Не забудьте, отец, что через десять минут у вас хоровые занятия; органист перенес их со вторника, поскольку это ярмарочный день и он собирается привести туда двух своих телок на продажу.

– Спасибо за напоминание, миссис Каванаг; я как-то позабыл об этом. Амброз, я прогуляюсь с тобой до церкви.

Мужчины вышли из дома и вскоре оказались перед церковью, откуда уже доносились звуки органа.

– Огромное спасибо за визит, Амброз. Я напишу тебе.

– Разумеется, а я изо всех сил постараюсь хотя бы один раз приехать до Рождества. Присматривай за маленькой Мэри, ладно? – прошептал Амброз.

Джеймс похлопал его по плечу:

– В добрый путь, дружище. Спасибо тебе.

Амброз посмотрел, как священник входит в церковь. Потом повернулся и направился к крошечной железнодорожной станции. Каждый раз, когда он прощался с Джеймсом, его настигало ощущение утраты, но, по крайней мере, теперь, благодаря новорожденной

девочке, оставленной у порога, Амброз мог утешаться тем, что у них есть общий секрет на всю жизнь.

Мерри

Дублин Июнь 2008

Когда Амброз закончил свою историю, я обнаружила, что лишилась дара речи. У меня не было слов для описания чувств, которые я испытывала за последний час, когда узнала, что все мои представления о себе – о моем детстве и взрослении – оказались ненастоящими.

– Значит, Амброз... – раздался спокойный голос моего сына. Я держала его за руку с тех пор, как Амброз начал рассказывать, кем я была на самом деле, – ...значит, вы говорите, что мама на самом деле не имеет кровного родства с ее родителями, братьями и сестрами?

– Правильно, Джек.

– Я... – Я откашлялась, потому что горло совсем пересохло от пережитого потрясения. – Не знаю, что и сказать.

– Могу тебя понять, – отозвался Амброз. – Должно быть, тебе кажется, что твое детство было сплошной ложью. Ложью, которую я слишком долго скрывал от тебя. Моя дорогая Мэри, могу принести тебе лишь свои глубочайшие извинения, поскольку это я оказался трусом. Я должен был сказать правду в твой двадцать первый день рождения, когда отдал тебе это кольцо. Пожалуйста, поверь, что я продолжал лгать из любви к тебе. Я просто боялся, что правда может разрушить твою любовь к ближним и веру в семью. Я никогда не думал, что мы соберемся здесь спустя столько лет и ты по-прежнему будешь страдать из-за моего обмана.

Джек повернулся ко мне:

– Мама, я понимаю, что сейчас ты ужасно себя чувствуешь, но вспомни о том, что вы с папой удочерили Мэри-Кэт. Она не имеет кровной связи с нами, но разве ты меньше любишь ее из-за этого?

– Нет, конечно. И твой отец тоже. Мы оба любили ее как родную дочь.

– Как и я. Она всегда будет моей сестрой.

– Но разница в том, что, как только она достаточно подросла, мы *сказали* ей об удочерении. Поэтому у нее нет причин думать, будто мы обманывали ее. Мы с твоим отцом придерживались твердого мнения в этом вопросе.

При этих словах мое сердце болезненно сжалось. Я осознала, что держала *свое собственное* прошлое в секрете от мужа и детей. Так кто же был лицемером?

– Мэри, я понимаю, что ты очень сердита на меня, но умоляю простить меня за то, что не сказал тебе правду, когда вручил это кольцо. Ты собиралась посетить семью, чтобы отпраздновать свое совершеннолетие и получение первой ученой степени по классической литературе. Как я мог испортить твою радость?

Хотя мое представление о себе только что подверглось коренной перестройке, я видела, что Амброз близок к слезам. Разумеется, я была рассержена, но, вспомнив о том, как я вышла из его дома и покинула его тридцать семь лет назад, я встала и подошла к нему, потом опустилась на колени и взяла его за руку.

– Я понимаю, Амброз, правда понимаю. Наверное, все мы лгали ради защиты тех, кого мы любим. Или, по крайней мере, не рассказывали им вещи, которые могли бы ранить или испугать их.

– Это очень великодушно с твоей стороны, дорогая девочка. Думаю, в конце концов я бы все рассказал тебе. Но я не имел понятия, где ты находишься. Говорю же, я собирался оставить тебе письмо с объяснениями в надежде на то, что мой личный адвокат сможет выяснить твоё местонахождение. Ты до сих пор являешься единственной, кто получит средства по моему завещанию. Я... – Амброз высвободил руку из моей ладони и достал безупречно чистый носовой платок из нагрудного кармана пиджака, потом громко высморкался.

– Ты прав, Джек, хотя я не их кровная родственница, О’Рейли всегда будут членами моей семьи.

– Ты должна знать, что я полюбил тебя с самого первого момента, – сказал Амброз.

– А я часто хотела, чтобы *ты* был моим отцом, дорогой Амброз. То, что ты мне рассказал, стало для меня огромным потрясением, но ты не мог знать, что я исчезну так надолго. Я верю, что ты рассказал

бы мне раньше, если бы у тебя была такая возможность. Кроме того, ты спас меня от сиротского приюта.

– Спасибо, моя дорогая. Еще раз: это очень великодушно с твоей стороны. Но я боюсь, что отчасти виноват в твоём внезапном решении уехать из Дублина. Я знал о приходящем, но полагал, что не имею права вмешиваться. В конце концов, ты была уже взрослой.

– Может, приготовить чай? – спросил Джек, чтобы прервать затянувшееся молчание.

– Пожалуй, немного виски будет лучше? – Я указала на бутылку.

– Ты превращаешь меня в выпивоху, ведь еще только миновал полдень! – заметил Амброз, взглянув на часы, всегда стоявшие в центре каминной полки. Но он не отказался от бокала, протянутого Джеком. Он сделал несколько медленных глотков, и я увидела, как краска постепенно возвращается на его щеки. Я отошла и села рядом с Джеком.

– Лучше? – обратилась я к Амброзу.

– Гораздо лучше.

– Разумеется, мама, если тебя удочерили, это значит, что Алли и ее сестры разыскивают либо тебя, либо мою сестру, – рассудительно сказал Джек.

Я удивленно посмотрела на него.

– Господи, а ведь ты прав. Если эти женщины действительно говорят правду о том, почему они следят за мной, – добавила я.

Это побудило меня задать Амброзу важный вопрос.

– Амброз, ты имеешь какое-то представление о том, кем были мои био логические родители? – осторожно спросила я.

– Нет, Мэри, понятия не имею. Ты принадлежала к категории детей, которых когда-то называли найденными, а поскольку ты заменила умершую Мэри, то о тебе не было никаких сплетен. Никто не знал ту женщину, которая родила тебя и оставила на пороге у двери Джеймса.

– А ты... Скажи, ты думаешь, что мои родители согласились принять меня из-за денег, которые ты им заплатил?

– Конечно, сначала я беспокоился по этому поводу, но я хорошо помню лицо твоей матери, когда она впервые держала тебя на руках. А твой дорогой отец так сильно любил ее, что был готов на все ради ее счастья. Тебя было легко полюбить, Мэри, – улыбнулся Амброз.

– Возможно, ты никогда не узнаешь, кем были твои биологические родители, мама, – сказал Джек. – Это для тебя так важно?

– В нормальных обстоятельствах это могло бы не иметь значения, – вставил Амброз. – Но, похоже, мы имеем дело с группой сестер, намеренных обнаружить твоё кольцо. Поскольку это единственный ключ к твоей семейной истории, это указывает на серьёзность их намерений. Мэри, может, тебе встретиться с одной из этих женщин, чтобы установить цель их поисков?

– Думаю, Амброз прав, мама, – сказал Джек. – Я определенно свяжусь с Алли.

– Но ты ведь даже не уверен, что она одна из этих сестер, правда? – спросила я.

– Чем больше я думаю о наших разговорах, тем больше мне кажется, что она специально искала меня. Так или иначе, есть только один способ выяснить это.

– Я только что кое-что поняла, – вздрогнув, сказала я. – Тот мужчина, с которым я познакомилась в Лондоне – Орландо как-его-там, – я сообщила ему название *кюве*, где ты остановился в Провансе, и даже дала ему твой мобильный номер на тот случай, если ему понадобятся технические подробности о нашем винограднике.

– Ну что же. – Джек грустно вздохнул. – Это решает дело. Значит, вот как она нашла меня.

– Судя по всему, эти сестры весьма изобретательны. – Амброз слабо улыбнулся. – Несмотря на твой страх, что их намерения связаны с твоим прошлым в Ирландии, есть вероятность, что ты или твоя дочь действительно их потерянная сестра.

Упоминание о потерянной сестре вызвало у меня нервную дрожь, едва я вспомнила обо всем, что было связано с этим. Несмотря на слова Амброза о его осведомленности о причине моего отъезда и его уверенности в том, что эти настойчивые девушки не были связаны с прошлыми событиями, он не вполне убедил меня. Я резко выпрямилась.

– Не возражаете, если я немного погуляю? Мне нужен свежий воздух.

С этими словами я повернулась, направилась в коридор и вышла из дома.

Снаружи я сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, наслаждаясь чистым ирландским воздухом, а потом решительно пошла через Меррион-Сквер-Парк, мимо парочек и групп студентов, устраивавших летние пикники под сенью старинных деревьев, как некогда делала я сама. Миновав статую Оскара Уайльда, я направилась по дорожке, знакомой мне со студенческих дней. Когда я приблизилась к перекрестку между Меррион-Сквер-Норт и Меррион-Сквер-Вест, то увидела, что, хотя улицы теперь были заполнены автомобилями и появились некоторые новые здания, в остальном ничего не изменилось. Мне всегда нравился этот зеленый островок в центре города, я тосковала о просторах Западного Корка. В некотором оцепенении я механически прошла по дороге мимо Линкольн-Инн, который всегда был популярным местом для студенческих пьянок, потом вокруг Колледж-Парка, где мужчины в белом играли в крикет. Я остановилась у маленького парка на Феллоуз-Сквер и вспомнила, как раньше встречала Амброза перед школой гуманитарных наук и мы вместе шли домой.

Я увидела туристов, выстроившихся в очередь перед зданием библиотеки Тринити-колледжа и ожидавших увидеть знаменитую *Book of Kells*^[41]. Продолжив путь, я оказалась на Парламент-Сквер и посмотрела на центральную колокольню, чей белый гранитный фасад остался таким же внушительным. Я слабо улыбнулась туристам, позировавшим внизу для фотографий, и подумала о студенческом суеверии: если пройти мимо, когда звонит колокол, то провалишь экзамены.

Студенческая жизнь была полна предрассудков и старинных традиций; балы, домашние вечеринки и тревожное ожидание экзаменов сопровождалось изрядным количеством выпивки. Находиться здесь в начале 1970-х – яркого десятилетия, когда молодежь обретала свой голос, – было вдохновляюще и головокружительно. Парламент-Сквер часто бывала запружена студентами, протестовавшими против апартеида в Южной Африке, или сторонниками республиканских студенческих клубов, требовавшими финансовую поддержку.

Я устроилась на крыльце часовни и закрыла глаза, ошеломленная пробудившимися воспоминаниями. Я помнила, как сидела на этом крыльце вместе с друзьями в своих первых джинсах фирмы Levi's. Я

начала курить только потому, что все вокруг курили; у нас была даже своя марка сигарет «Тринити», их продавал мужчина у парадных ворот колледжа, который отчаянно флиртовал с любыми встречными девушками. Именно здесь я перед началом второго курса отпраздновала свою победу в конкурсе за стипендию по античной литературе. Это означало, что мне больше не надо беспокоиться о плате за обучение, жилье или еду. Соперничество было жестким, и после месяцев напряженной учебы я испытывала большое воодушевление. Мы пили пиво из бутылок, потом пошли за добавкой в студенческое кафе на Нью-Сквер. Музыкальный автомат играл «Хей, Джуд» группы «Битлз» и «Поздравления» Клиффа Ричарда, и мы ставили их снова и снова. Это был один из счастливейших дней в моей жизни. Я чувствовала себя молодой и свободной, как будто все на свете было воз можно.

– Если бы жизнь могла замереть на месте в тот день, – прошептала я, глядя на расхаживающих студентов, чьи экзамены в этом году уже закончились, таких же беззаботных, как я много лет назад, прежде чем все изменилось. Теперь, сидя здесь, я просто не знала, куда обратиться за утешением. Мой разум, обычно ясный и хорошо организованный, пребывал в полном смятении.

– Я разваливаюсь на части, – прошептала я, готовая заплакать. – Мне вообще не стоило уезжать из Новой Зеландии.

– Мама?

Я увидела Джека, стоявшего у подножия крыльца и смотревшего на меня. Я не заметила его приближения, поскольку он смешивался с массой других молодых людей, ходивших или стоявших вокруг.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Не совсем. Мне было нужно...

– Я знаю. И понимаю. Если хочешь, могу оставить тебя в покое.

– Нет, посиди тут со мной.

Какое-то время мы сидели бок о бок, запрокинув головы навстречу солн цу, выглянувшему из-за серого и очень «ирландского» облака.

– Какое красивое место, – сказал он. – Должно быть, тебе нравилось учиться здесь.

– Да.

Джек достаточно хорошо знал меня, чтобы не интересоваться подробностями; он просто молча сидел рядом со мной.

– У Амброза все нормально? – наконец спросила я.

– Да, но он явно подавлен тем, что расстроил тебя. Я принес ему сэнд вичи, которые приходящая служанка оставила на ланч. Славный человек, он мне очень нравится. И он на самом деле обожает тебя.

– Он был мне как отец, Джек. Он был моим научным руководителем, не говоря о том, что, как я теперь понимаю, это именно он обеспечил мое материальное благополучие. Он имел грандиозные планы на мое будущее.

– Похоже, что он был очень близок с этим священником... Джеймсом.

– Так и есть. Я спросила его, как поживает отец О’Брайен, но Амброз сказал, что уже много лет не встречался с ним.

– Это печально. Интересно почему.

– Кто знает. – Я вздохнула. – Надеюсь только, что это никак не связано со мной. Отец О’Брайен был очень хорошим человеком, Джек. Некоторые священники, особенно в те дни, были ужасными персонажами, но отец О’Брайен был дружелюбным и отзывчивым.

– Может быть, нам стоит прогуляться, найти какой-нибудь паб и перекусить? Мне хочется попробовать пинту настоящего «Гиннеса». – Джек встал и с улыбкой протянул мне руку. Есть предложения?

– Несомненно. – Я взяла его руку, и он легко поднял меня на ноги. И я подумала, что никогда не любила его больше, чем сейчас.

Я отвела его в паб «Бейли» на Дьюк-стрит, куда мы ходили в студенческую пору, и была поражена, как сильно все изменилось: столики были выставлены на улицу, и люди вкушали свежие морепродукты на солнце. Разумеется, там больше не было Люка, мрачного привратника из моего прошлого, и внутри паб совершенно преобразился. Некогда исцарапанные деревянные столы и потертые кожаные банкетки уступили место гладкой новой мебели, и единственной данью истории оставались картины на стене. Здесь пахло вкусной едой, а не кислым пивом и мужским потом.

Джек объявил «Гиннесс» лучшим пивом, которое он когда-либо пробовал, а я настояла взять ветчину и колкэнон^[42] на ленч.

– Такая еда как раз по мне, – заявил Джек и скрестил нож и вилку, в рекордное время расправившись с сочной ветчиной и картофельным пюре с капустой и сливочным маслом. – Напоминает твою кухню, мама.

– Ну, я научилась готовить в Ирландии.

– Ага. Слушай, мама...

– Да?

– Я тут подумал, может быть, нам стоит посетить те места, где ты родилась? То есть мы же здесь, в Ирландии. Наверное, будет хорошо встретиться кое с кем из твоей семьи.

– Отправиться в Западный Корк? – Я закатила глаза. – Ох, Джек, после утренних откровений я совсем не уверена, что хочу этого.

– Кроме встречи с членами семьи после стольких лет – а они *все равно* остаются твоей семьей, даже после рассказа Амброза, – это единственное место, где ты сможешь что-то выяснить о своих биологических родителях. Там должен находиться тот, кто знает, почему тебя оставили на крыльце отца О’Брайена.

– Нет, Джек. Я думаю, даже если кто-то и знал в то время, теперь они все умерли, правда?

– Амброз до сих пор жив-здоров, мама, и я уверен, что в Западном Корке осталось много таких же стариков.

– Может быть, но я не уверена, что хочу знать. А ты?

– Никогда не раздумывал об этом, но, будь я на твоём месте... да, я бы захотел узнать. Давай же, мама, – призвал он. – Я буду очень рад увидеть места твоего детства и познакомиться с твоей семьей, с *моей* семьей.

– Ладно, ладно, я подумаю, – согласилась я лишь для того, чтобы он оставил эту тему. – Пойдем?

Прогулявшись по городу, мы вошли в фойе отеля «Меррион», чтобы забрать ключи, и консьерж повернулся, чтобы достать записку из ящика для корреспонденции.

– Сообщение для вас, миссис Макдугал.

– Спасибо.

Пока мы шли к лифту, я посмотрела на Джека:

– Кто бы мог оставить мне сообщение? Никто не знает, что я здесь.

– Можно открыть и посмотреть, правда?

– Посмотришь сам?

– Ладно, – сказал он, когда мы вошли в мой номер.

Я опустилась на ближайший стул; у меня снова разыгрались нервы. Я подумала, что при таком напряжении со мной скоро может случиться сердечный приступ и тогда я присоединюсь к Джоку. Станным образом мысль о моих земных останках, упокоенных среди виноградных лоз нашей долины рядом с его прахом, подействовала на меня успокаивающе.

– Ну, вот. – Джек вскрыл конверт и достал короткую записку.

* * *

«Дорогая миссис Макдугал!

Меня зовут Тигги Делеси: должно быть, вам известно, что мы с сестрами пытались найти вас ради того, чтобы побеседовать. Я не хочу беспокоить, а тем более пугать вас, но я остановилась в номере 107, и номер моего мобильного телефона написан внизу. Со мной можно связаться в любое время.

*С наилучшими пожеланиями,
Тигги Делеси».*

– Интересно, – сказал Джек и протянул мне записку. – Я могу подтвердить, что Алли и Тигги являются сестрами, потому что Алли упоминала о своей сестре по имени Тигги. Это необычное имя, верно?

Я посмотрела на сына и увидела выражение его лица. За всеми своими переживаниями о девушках, преследовавших меня, я упустила из виду нечто очевидное.

– Джек, тебе действительно понравилась Алли?

– Ты права, даже если она приехала туда только потому, что я твой сын, и имела собственные планы, – сокрушенно произнес он. – Я посылал ей текстовые сообщения, но пока не получил ответа. Кажется, мне не очень-то везет с женщинами, да? Так или иначе, одна из этих сестер сейчас находится в отеле, рядом с нами. Что ты собираешься делать, мама?

– Я... пока не знаю.

– Я не имею представления, что заставило тебя покинуть Ирландию или почему ты с тех пор постоянно чего-то боялась, но я

точно знаю, что Алли – хороший человек.

– Так же думал Джеймс Бонд о Веспер Линд в «Казино Ройяль», – слабо пошутила я.

– Ради всего святого, мама, мы же не герои детектива!

– По правде говоря, шпионские романы Иена Флеминга были основаны на фактах. Можешь мне поверить; я знаю, как работают эти организации.

– Возможно, скоро ты мне все расскажешь об этом, но пока что с меня хватает отговорок и уверток. Давай выясним все наверняка, ладно? Я собираюсь позвонить этой Тигги и организовать встречу с ней. А ты спокойно оставайся здесь, пока я не дам знать, что все чисто.

– Послушай. – Я вздохнула, разрываясь между желанием защитить сына и не предстать полной дурой в его глазах. – Я знаю, ты думаешь, что твоя престарелая мать выжила из ума, но клянусь, Джек, у меня есть веские основания для испуга.

– Именно поэтому я сам собираюсь встретиться с этой загадочной незнакомкой. С меня хватит, мама; я вижу, что ты очень похудела после отъезда из дома и сейчас не в себе. Папа больше не может защитить тебя, так что этим займусь я.

Я смотрела, как сын идет к телефону на столике у кровати и снимает трубку.

– Здравствуйте, это Джек Макдугал. Будьте добры, соедините меня с номером 107.

Мы подождали, пока администратор переводил звонок. Я дрожала от напряжения, Джек был совершенно спокоен.

– Добрый день, это Тигги Деллеси? Да, добрый день. Меня зовут Джек Макдугал, я сын Мерри Макдугал. Мы могли бы встретиться в фойе и побеседовать, когда у вас будет свободное время?

Джек кивнул и поднял вверх большие пальцы, показывая мне, что все в порядке.

– Хорошо, через десять минут. До встречи. – Он повесил трубку. – Итак, я спущусь туда и встречу с ней. Сомневаюсь, что она застрелит меня в общественном месте и в присутствии людей, которые сидят за чаем. Предлагаю тебе оставаться здесь, пока я не выведу ее на чистую воду. Потом позвоню тебе на мобильный и сообщу последние новости.

– Но...

– Пожалуйста, мама, больше никаких «но». Верь мне. Мы должны докопаться до истины ради общего блага, хорошо?

– Хорошо. – Я кивнула. Что еще я могла сказать?

Он вышел из комнаты, и, хотя мне хотелось позвать его обратно из-за возможной опасности, меня переполняла гордость за него. Он обладал отцовским хладнокровием и с каждым днем все больше напоминал моего любимого мужа.

– Ох, Мерри, – пробормотала я, когда последовала совету Джека и завалилась на кровать. – В какое болото ты превратила свою жизнь...

Разумеется, я не смогла заснуть, поэтому через пять минут налила себе чашку чая и стала напряженно дожидаться его звонка.

Прошло пятнадцать невыносимо долгих минут, прежде чем он позвонил.

– Привет, мама, это Джек. Я только что поговорил с Тигги, уверяю тебя, ты можешь без малейшей опаски спуститься сюда.

– Ох, Джек, я не знаю.

– Зато я знаю, мама, и ты придешь. То кольцо с изумрудами у тебя?

– Да, а что?

– У Тигги есть рисунок, который она хочет показать тебе. Клянусь, мама, она замечательная. Хочешь, я поднимусь к тебе?

– Нет, нет. Если ты уверен, что это безопасно, то я спущусь. Встретимся через минуту.

Я поправила волосы перед зеркалом, нанесла немного румян на бледные щеки и подкрасила губы. Джек был прав: пора было прекратить бегство и встретиться со своими страхами. Я сделала глубокий вдох, вышла из комнаты и направилась к лифту.

В фойе я сразу же заметила светлую шевелюру сына, а потом несколько минут изучала девушку, сидевшую рядом с ним. Она была миниатюрной и грациозной, с копной густых каштановых волос, красиво рассыпавшихся по плечам. Когда я приблизилась к ним, оба встали, и я инстинктивно почувствовала, что эта девушка очень ранима. Ее карие глаза были очень выразительны.

– Привет, мама. Познакомься с Тигги Деплеси, которая является номером... – Джек посмотрел на Тигги для подтверждения.

– Номером пять из шести сестер, – сказала она с мягким французским акцентом. – Очень рада познакомиться с вами, миссис

Макдугал, и хочу добавить, что мы правда не собираемся причинить вам никакого вреда.

– Спасибо, Тигги. И пожалуйста, называйте меня Мерри.

– Садись, мама. – Джек похлопал по дивану рядом с собой.

Взгляд Тигги переместился на кольцо на безымянном пальце моей левой руки. Я рефлекторно накрыла его другой рукой.

– Итак, Тигги подробно объяснила то, что Эм-Кей сообщила нам обоим после визита Сиси и ее подруги Крисси. Если не возражаете, Тигги, то, может быть, расскажете сами?

– Разумеется, но сначала я хочу извиниться от имени всех моих сестер, – сказала Тигги. – Я вполне понимаю, почему вы испугались, когда мы пытались найти вас. Мне жаль, Мерри, действительно жаль. Все так, как ваша дочь, должно быть, рассказала вам: наш отец умер год назад, и мы вшестером собираемся совершить морской круиз к тому месту, где моя сестра Алли, с которой встретился Джек, видела его погребение в море. Недавно папин нотариус получил сведения о человеке, которого мы в семейном кругу называем нашей потерянной сестрой. Видите ли, Па Солт назвал нас в честь Семи сестер из созвездия Плеяд, и седьмой должна была стать...

– Меропа, – подсказала я.

– Да. Каждый раз, когда мы спрашивали об отсутствии седьмой сестры, Па Солт отвечал, что ему так и не удалось отыскать ее. Поэтому, когда мы получили информацию от нотариуса, две наши старших сестры связались с остальными ради ее поисков. И если бы мы нашли ее по этим указаниям, то пригласили бы ее присоединиться к нашему морскому паломничеству и возложить на море венок в том месте, где был похоронен наш отец.

Разумеется, я уже знала эту историю, но немного успокоился, когда услышала ее от этой прелестной девушки с сияющими глазами, которая казалась воплощением доброты.

– Мы действовали без всякого плана, спонтанно, – продолжала она. – Мы просто отправили ближайшую сестру к тому месту, которое нам указала Мэри-Кэт. Электра живет в Нью-Йорке, это та женщина, которую вы, по словам Джека, видели в холле вашего отеля в Торонто. Она обнаружила, что вы отправляетесь в Лондон, куда послали Стар, мою третью сестру.

– Да, я встретила с ней. Она называла себя Сабриной. Высокая и худошавая блондинка?

– Да, это Стар. Она была вместе со своим шурином, Орландо. Он довольно эксцентричный человек и придумал план, прикинувшись журналистом, чтобы заманить вас на встречу с ним и со Стар.

– Ему удалось меня одурачить, так что это был хороший план.

– Но потом ты испугалась, верно, мама? – вставил Джек.

– Да. Он придумал правдоподобную историю, но не научился маскироваться в толпе. На следующий день я заметила, как он следил за мной в Лондоне.

– Ох ты, боже мой. – Тигги издала смущенный смешок и вздохнула. – Могу лишь извиниться за наш дезорганизованный и бездумный подход к этому делу. Должно быть, вам показалось, что за вами охотятся?

– Да, именно так.

– А потом была Алли, – сказал Джек. – Она совершенно одурачила меня, пока мама не сообщила, что вокруг нее появляются другие сестры, и я не додумался до очевидного.

– Теперь здесь вы, Тигги, – сказала я. – Значит ли это, что мы, Макдугалы, повстречались со всеми вашими сестрами? – Я быстро посчитала на пальцах. – Да, вместе с двумя мусульманками из Торонто получается шестеро. Значит та, другая, была Майей?

– Вы знаете, как ее зовут? – изумленно спросила Тигги.

– Мама защитила диссертацию по мифологии об Орионе, – сказал Джек. – Там шла речь о Семи сестрах Плеядах и об одержимости Ориона Меропой. Другим детям перед сном читали «Белоснежку» или «Спящую красавицу», а у нас были греческие мифы. Без обид, мама, – вдруг добавил он. – И вы тоже, Тигги.

– Никаких обид, – улыбнулась Тигги, а потом ее взгляд обратился ко мне. Я испытала очень странное ощущение, как будто меня просвечивают рентгеновскими лучами. – Очевидно, мы выросли на одних и тех же историях, – продолжала она. – Кстати, с Электрой была не Майя, а Мириам, ее личная секретарша. Майя держит оборону в Женеве, где находится наш семейный дом, который, кстати, называется Атлантис.

– Ого! – Джек покачал головой. – Разве не совпадение, что обе наши семьи выросли с одним из родителей, который был одержим

греческой мифологией?

– Я не верю в совпадения, – сказала Тигги, пристально глядя на меня.

– Значит, вы верите в судьбу, Тигги? – спросила я.

– Да, но это, *правда*, совсем другая история. Так или иначе, миссис Макдугал, все мы старались встретиться с вами из-за этого кольца. Вот. – Тигги сняла лист бумаги со своего колена, перевернула его и положила на кофейный столик передо мной. – Это рисунок, полученный от нашего нотариуса. Стар подтвердила, что это рисунок кольца, которое вы носите. Вы согласны?

Я посмотрела на рисунок и неохотно подняла левую руку. Потом протянула ее Тигги, чтобы она могла рассмотреть кольцо. Мы втроем ненадолго замолчали, переводя взгляды с рисунка на кольцо.

– Они одинаковые, мама.

Джек говорил за нас всех, потому что кольцо и рисунок совпадали до мельчайших подробностей.

Некоторое время никто из нас не знал, что и сказать. Потом Тигги протянула ладонь и очень мягко взяла меня за руку. В ее глазах стояли слезы.

– Мы нашли потерянную сестру, – сказала она. – Я уверена в этом.

Прикосновение ее маленькой руки и ее очевидная, искренняя убежденность развеяли остатки моего страха.

– Не желаете чаю? – осведомился Джек.

* * *

Мы пили чай. Ощущая мое ошеломленное состояние, Джек завладел разговором, болтая о своем первом визите в Дублин и желании осмотреть город перед отъездом. Мы с Тигги отвечали междометиями; мы обе заблудились в собственных мирах, пытаюсь разобраться в происходящем. Во всяком случае, это касалось меня, особенно после новостей, полученных сегодня от Амброза...

Я не могла отвести взгляд от девушки, сидевшей напротив меня. Каким-то образом мы были связаны друг с другом, и, хотя она была очень молода, в ней ощущались мудрость и глубина, к которым я не

могла прикоснуться, словно она знала все ответы, но не хотела говорить.

– Тигги, можно вас спросить, откуда поступила информация о кольце? – поинтересовалась я. – То есть кто рассказал о нем вашему нота риусу?

– Я могу сказать лишь то, что он годами расследовал множество ложных нитей, но в конце концов заверил нашего отца, что кольцо является решающим доказательством.

– Как звали вашего отца?

– Дома его всегда называли Па Солтом. Думаю, это Майя или Алли дали ему такое прозвище, потому что от него всегда пахло морем^[43]. – Тигги кивнула. – Буква «П» в его имени всегда смущала меня, потому что остальные буквы укладывались в анаграмму «Атлас».

– А может быть, «П» означало Плейону, мать Семи сестер? – предположила я.

– Ох! – Тигги стиснула руки, и ее огромные карие глаза снова наполнились слезами. – Ну конечно! Разумеется, прямо мурашки по коже.

– Как и у меня, хотя в последнее время я стала толстокожей. – Я улыбнулась.

– Я бы с радостью познакомилась с Мэри-Кэт, но понимаю, как не удобно вы себя чувствуете в такой ситуации, – сказала она.

– На самом деле, Тигги, она прилетит сюда сегодня ночью, – сказал Джек. – Мама беспокоилась за нее и не хотела, чтобы она оставалась в Новой Зеландии, пока все это происходит...

Я наградила сына убийственным взглядом. У меня сложилось благоприятное впечатление об этой Тигги, но Мэри-Кэт была моей дочерью, и я пока не собиралась делиться информацией о ее скором приезде.

– О, как чудесно! – воскликнула Тигги. – Надеюсь, я смогу познакомиться с ней. Сиси рассказала нам, какая она замечательная. И она отлично подходит по возрасту, чтобы стать младшей из Семи сестер.

– Я тоже была одной из семерых детей, – заметила я, попытавшись сменить тему.

– Правда? – В глазах Тигги зажегся интерес. – И какой по счету вы были?

– Пятой.

– Как и я! Это изумительно, – добавила она. – Я еще ни разу не встречалась с пятой сестрой.

– Ну, у меня было три брата, а это не то же самое.

– Да, но все равно приятно. – Она улыбнулась. – Когда-нибудь нам нужно будет побеседовать о нашей общей мифологии.

– Я уже знаю легенду о Тайгете, – сказала я. – Зевс неустанно преследовал ее.

– Да, и это долгая история, но... – Тигги пожала плечами. – Надеюсь, однажды мы обсудим ее.

– Да, было бы хорошо.

Джек пристально посмотрел на меня:

– Мама, у тебя очень усталый вид. Даже я начинаю уставать, а ведь я все это время сидел и наблюдал со стороны. Иди к себе и отдохни до приезда Мэри-Кэт.

– Да, вам нужно отдохнуть.

Миниатюрные, успокаивающие ладони Тигги снова легли мне на руки, и я почувствовала, как замедляется мое сердцебиение. Кем бы ни была эта девушка и что бы она ни делала своим прикосновением, оно было вол шебным.

– Думаю, мне нужно поспать, – согласилась я и встала. – Надеюсь, вы меня извините?

– Разумеется. – Тигги тоже встала. – И спасибо за то, что доверились мне. Я понимаю, что это звучит странно, но интуиция подсказывает мне, что все идет как нужно. – Она вдруг крепко обняла меня. – Хороших вам снов, Мерри. Я буду здесь, когда понадобится вам.

– Хочешь, я поднимусь вместе с тобой, мама? – предложил Джек.

– Нет, все в порядке. Почему бы тебе не заняться городскими достопримечательностями? Рекомендую посмотреть «Книгу Келлс» в библиотеке Тринити-колледжа.

– Она всегда была в моем списке, – сказала Тигги. – Ну как, Джек, посмотрим?

– Конечно, Тигги. До скорого, мама.

Когда я вошла в свой номер, я уже едва не падала от изнеможения. Повесив на двери табличку «Не беспокоить», я задернула занавески – мне всегда было трудно засыпать при дневном свете, – разделась и залезла под пуховое одеяло.

– Кто я такая? – сонно прошептала я.

Впервые в жизни я поняла, что не знаю.

Тигги Дублин

– Майя? Это Тигги.

– Привет, Тигги! Алли здесь, а Сиси и Кристи только что вернулись из Лондона. Ты нашла ее?

– Да.

– Но самое главное: тебе удалось поговорить с ней и все объяснить?

– Да.

– И?..

– Думаю, мне удалось успокоить ее. Я показала ей рисунок кольца, и она согласилась, что это ее кольцо.

– Великолепно! – воскликнула Майя. – А как твое впечатление о миссис Макдугал?

– Она очень мила, хотя не думаю, что наша довольно необдуманная секретная тактика была полезной; по словам ее сына, она действительно считала нас членами подпольной организации, которые охотятся за ней. Надеюсь, я убедила ее, что это не так.

– Как насчет ее дочери, Мэри-Кэт? – вмешалась Сиси. – Что думает Мерри по поводу ее встречи с нами?

– Мы еще не обсуждали этого вопроса. Хорошая новость состоит в том, что сегодня ночью Мэри-Кэт прилетает в Дублин, так что я надеюсь встретиться с ней.

– Как здорово! – сказала Майя.

– Пожалуйста, передай ей привет от меня и Крисси, – добавила Сиси.

– У тебя отличная интуиция, Тигги, – послышался голос Алли. – Как думаешь, мы нашли потерянную сестру?

– Несомненно, однако...

– Что? – хором спросили все три сестры.

– Мне нужно кое о чем подумать. Скажу, когда определюсь.

Кстати, ее сын Джек тоже очень милый юноша.

– Его, может, тоже усыновили? – хихикнула Сиси. – Вот было бы странно, если бы потерянная сестра оказалась парнем!

– Мерри не говорила о его усыновлении. А он много говорил о тебе, Алли.

– Правда?

– Да.

– Готова поспорить, что он проклинал меня, – вздохнула Алли. – Теперь он знает, что я лгала, чтобы вытянуть из него информацию.

– Он ничего такого не говорил, можешь поверить. Сегодня днем, когда мы ходили посмотреть на «Книгу Келлс», он выразил надежду, что ты тоже увидишь ее.

– Ладно тебе, Тигги; он должен ненавидеть меня, – настаивала Алли.

– Алли, он может испытывать к тебе самые разные чувства, но ненависть определенно не принадлежит к их числу.

– Так или иначе, ты отлично постаралась, Тигги, – сказала Майя. – Я очень рада, что тебе удалось успокоить Мерри. Как ты думаешь, Мэри-Кэт сможет прилететь сюда из Дублина, чтобы присоединиться к нашему круизу?

– Давай подождем и посмотрим, ладно? Если этому суждено случиться, то...

– ...то это случится, – хором отозвались сестры.

– Хотя моя интуиция подсказывает, что мы на верном пути, ты не думаешь, что тебе нужно связаться с Георгом и сообщить ему, что я нашла Мерри и кольцо? Мне действительно хотелось бы кое-что обсудить с ним.

– Боюсь, Георга нет на месте, – сказала Алли. – Я уже попыталась связаться с ним, но его секретарша сказала, что он не вернется до начала нашего круиза.

– Охо-хо, это затрудняет положение, – сказала Тигги. – Я имею в виду, что мы-то доверяем ему и его информации, но другие могут не поверить. Все, что у нас есть, – это кольцо.

– Когда я обнаружила своих предков, то, кроме сходства с моей прабабушкой Изабеллой на картине, у меня было ювелирное украшение, мой лунный камень, который убедил меня в том, что я на самом деле являюсь ее правнучкой, – сказала Майя. – Может быть, с кольцом то же самое.

– Понимаю, но у нас нет картины, и никто на свете не может подтвердить, что Мэри-Кэт – та, за кого мы ее принимаем, верно?

– Если она не найдет своих биологических родителей, – вставила Алли.

– Точно, – согласилась Тигги. – Поэтому мне и нужна какая-то помощь от Георга, чтобы выяснить, известны ли ему другие подробности. Пожалуйста, постарайтесь еще раз связаться с ним от моего имени, если хотите убедить Мэри-Кэт и ее семью присоединиться к нашему круизу.

– Ты хочешь сказать, что Мерри и Джек тоже должны приехать?

– Думаю, им всем нужно быть там, – твердо сказала Тигги. – Я на связи, если будут какие-то новости. Сейчас мне приходится опираться на интуицию.

– А ты когда-нибудь жила по-другому? – улыбнулась Алли. – Но было бы замечательно, если бы она присоединилась к нам.

– Обещаю, что постараюсь. Всем пока!

Тигги завершила звонок и позвонила на мобильный телефон Чарли. Теперь он проводил гораздо меньше времени в больнице в Инвернесе, так как в поместье Киннаирд требовались все рабочие руки. Хотя он перешел на трехдневную рабочую неделю, но в чрезвычайных случаях он по-прежнему садился в свой потрепанный «Дефендер» (Ульрике, по условиям развода, остался новенький «Рейндж Ровер» и семейный дом в Инвернесе) и совершал двухчасовую поездку до больницы. Как обычно, включилась его голосовая почта, и Тигги продиктовала сообщение:

– Привет, дорогой. Я благополучно прибыла в Ирландию и смогла встретиться с Мерри. Она очаровательна, как и ее сын Джек. Кроме того, сегодня ночью сюда прилетает ее дочь, поэтому я попробую вернуться домой завтра поздно вечером. Люблю, скучаю, до свидания.

Тигги откинула голову на мягкую подушку кровати, вздохнула от удовольствия и подумала, хватит ли денег на новые подушки у нее и Чарли. Они сдавали на лето роскошное жилье для богатых семей, а

сами ютились в крошечном домике привратника, где некогда жил Фрейзер. Не то чтобы она возражала, но каждый пенни, достававшийся от жильцов, уходил на саженцы, ограды и пополнение стада аборигенных диких животных, таких как европейские лоси, которых так любили они с Зарой, дочерью Чарли.

Величайшим триумфом Тигги было то, что шотландские дикие кошки в апреле начали приносить здоровое потомство. У нее возникло искушение приручить котят, но, разумеется, она понимала, что не должна этого делать. Если кошек предстояло освободить из загона и отпустить на природу, любой контакт с человеком находился под запретом.

– Наверное, я спрошу Георга, можно ли взять немного денег из фонда Па Солта, – вслух подумала она.

По крайней мере, казалось, что Ульрика раздумала предъявлять права на поместье Киннаирд, но она все равно требовала огромную неустойку за развод. Когда Чарли умрет, поместье перейдет к Заре. Будущая приемная дочь с большим воодушевлением относилась к этому, и Тигги подумала о том, как будет ужасно, если поместье придется разделить ради оплаты материнских запросов в области высокой моды.

– Все проходит, – пробормотала Тигги. Она закрыла глаза и глубоко задышала. После сердечного приступа и обнаружения болезни, с которой ей придется жить до скончания дней, она стала гораздо внимательнее относиться к своему сердцебиению. В данный момент оно определенно участилось.

Когда она встретила с Мерри, то испытала настолько сильное чувство, что едва смогла бы описать его. И с ее сыном Джеком... Что касается Мэри-Кэт, она позже встретится с ней, но Тигги была вполне уверена, что знает ответ.

– Я права, Па? – спросила она.

Но он снова не ответил. Потому ли, что он еще не обустроился там или это ее чувства размывали обычно четкую границу между небом и землей? Когда она обращалась к отцу за помощью, то слышала тишину и пустоту, как будто его там не было...

– Может быть, однажды ты поговоришь со мной, Па, – вздохнула Тигги, прежде чем повернуться к другим ушедшим родственникам.

Она подумала о вопросе, на который хотела получить ответ, а потом задала его.

– Да, – пришел ответ. – Да.

* * *

Джек провел вечер в своем номере, делая записи обо всем, что ему удалось узнать до сих пор. Ему нравился порядок, а не хаос, а ситуация вокруг мамы и сестры беспокоила его. Как это возможно, чтобы два мира, так или иначе включавшие миф о Семи сестрах, вдруг пришли в столкновение друг с другом? Или это чистая случайность?..

Тигги сказала, что случайных совпадений не существует. Он не был так в этом уверен.

«Общие интересы», – написал он в своем блокноте.

«Может быть, мама была знакома с отцом сестер?» – написал он («что объясняет общие интересы»).

«Амброз?»

«Отец О’Брайен?»

«Доказательства? Кольцо (достаточно ли этого?)».

«Алли: почему я все время думаю о ней?»

– Да, почему? – вслух сказал он. – То есть я должен... Проклятье! – Джек раздосадованно швырнул блокнот на кровать. Он был рад скорому приезду Мэри-Кэт, потому что ему нужно было с кем-то поговорить об этом.

– Почему мама так боится? – обратился он к широкоэкранному телевизору на стене.

Как ни удивительно, тот не ответил.

– Пора поесть и выпить пива, Джек, – сказал Джек сам себе, убрал постель, надел тренировочные брюки и спустился в бар.

Когда он делал заказ, пришло текстовое сообщение:

* * *

«Прибываю в Дублин в 22.00. Я возьму такси до отеля «Меррион». До скорого, братец. Эм-Кей».

Сидя в баре с кружкой пива, Джек слушал голоса ирландцев и гадал, не принадлежит ли часть его семейных генов этому маленькому острову. У него была общая ДНК с матерью, но если она была удочеренным найденышем, то кто может знать?

«Как мне тебя не хватает, отец, – подумал Джек. – Ты всегда был гласом рассудка, а сейчас мне это нужно, как никогда раньше».

Заметив, что уже больше девяти вечера, он сходил в холл и попросил позвонить в номер матери, чтобы спросить, не хочет ли она подкрепиться в ожидании прибытия Мэри-Кэт.

– Прошу прощения, сэр, но местный телефон миссис Макдугал по-прежнему стоит в положении «не беспокоить», – сказал консьерж.

– Хорошо, спасибо. – Джек отошел от стойки, раздумывая, не стоит ли подняться наверх и постучать в ее дверь. Решив оставить ее в покое – недавно она выглядела слишком бледной, – он зашел в ресторан и увидел Тигги, которая в одиночестве сидела за столиком.

– Привет, – сказал Джек.

– И вам доброго дня, Джек. – Она нежно улыбнулась. – Не желаете присоединиться? Я как раз собиралась заказать что-нибудь на ужин.

– Спасибо. – Он сел напротив нее. – И я тоже.

– Ваша мама не проголодалась?

– Я думаю – или, по крайней мере, надеюсь, – что она спит. Ей много пришлось пережить за последние несколько дней.

– Потому что мы пытались найти ее?

– Отчасти да, но еще и потому... – Джек вздохнул и покачал головой. – Давайте сделаем заказ, хорошо?

Тигги принесли бокал белого вина, а Джеку – кружку пива.

– Ваше здоровье, – сказала Тигги, когда они чокнулись бокалами. – За новых друзей.

– Да. Хотя, насколько я понимаю, сложилась довольно странная ситуация. Без обид, но кем был тот человек, который удочерил вас и ваших сестер?

– Это насущный вопрос, – ответила Тигги. – Никто из нас на самом деле не знал, откуда он взялся или даже чем зарабатывал на жизнь. Думаю, в человеческой природе заложена вера, что любимые

люди будут жить вечно, поэтому вы не задаете вопросов, пока не оказывается слишком поздно. Думаю, все сестры теперь сожалеют об этом: мы не просили Па Солта больше рассказать о себе и не спрашивали, почему он удочерил именно нас, а не кого-то еще.

– Не возражаете, если я спрошу, сколько ему было лет?

– Мы опять-таки не знаем, но полагаю, его возраст приближался к девяноста годам. Сколько лет вашей маме?

– В ноябре ей исполнится пятьдесят девять, и я это знаю точно, – с улыбкой ответил Джек. – В прошлом году ей пришлось поменять паспорт.

– Между ним и вашей мамой разница в двадцать пять или даже в тридцать лет.

– О чем вы думаете?

– Я всего лишь гадала, может быть, они...

– Что их пути могли пересечься в прошлом? Я тоже думал об этом.

– Но тогда... – Тигги окинула его взглядом.

– Тогда *меня* можно было бы считать потерянным братом! – ухмыльнулся Джек. – Я шучу. Моя мама определенно хранила верность отцу, а я, несомненно, являюсь его сыном.

– Ну, в этом мой отец был совершенно уверен. Он искал потерянную *сестру*, а не брата.

– Тогда это должна быть Мэри-Кэт. Ее удочерили, но...

– Что?

– Ничего, – ответил Джек.

– Мэри-Кэт или хотя бы ваша мама знает, кем были ее биологические родители?

– Понятия не имею. Но в наши дни нетрудно узнать, если Мэри-Кэт захочет этого.

– А она захочет?

– Тигги, я правда не знаю, но поскольку она будет здесь через пару часов, то я спрошу ее.

– А как насчет вашей мамы? Кем были ее родители?

Джек плотнул пива, понимая, что не может раскрывать утренние откровения Амброза.

– Думаю, они были ирландцами.

– Джек, ваша мама тоже была приемным ребенком?

Он недоверчиво уставился на Тигги, которая спокойно поглощала суп.

– Боже, как вы узнали? Моей маме только сегодня утром сообщили об этом! Кто вам сказал?

– Никто, это лишь мое ощущение, – ответила она. – Я доверяю своим предчувствиям, Джек, и сегодня, когда я встретила с вашей мамой, я *поняла*.

– Что именно?

– Кто она такая. Теперь все встает на свои места.

– Ну, по крайней мере, я об этом не рассказывал. Серьезно, Тигги: это должно оставаться секретом для всех, даже для ваших сестер. Вы понимаете, что мама была совершенно опустошена этой новостью? Даже если она никогда не говорила нам о своем прошлом, знание своей семьи и вера в нее... это определяет нашу личность, верно?

– Да, но, будучи приемной дочерью, я твердо верю, что если вы росли среди любящих людей, то ваша генетика не имеет никакого значения.

– Однако, как и Мэри-Кэт, вы всегда знали, что были приемным ребенком. Это стало частью вашей личности. Моя мама всю свою жизнь считала, что она происходит из ирландской семьи. А теперь она узнала, что все это ложь.

– Должно быть, ей будет очень тяжело примириться с этим. Уверена, что ей понадобится некоторое время. Но, пожалуйста, не беспокойтесь: я умею хранить секреты. Я не скажу ни слова, пока не будет позволено, но это значит, что мы могли все понять неправильно.

– О чем?

– Мы делали выводы, основанные на догадках. – Тигги пожала плечами. – Ладно, это не имеет значения.

– Ситуация выглядит немного безумной, правда? Особенно для мамы. Мне не нравится безумие.

– Вероятно, бывают моменты, когда все находится в подвешенном состоянии, прежде чем встать на свои места, и тогда все может стать еще лучше, чем раньше. Скажите, если я ошибаюсь, но у меня сложилось впечатление, что ваша мама боится чего-то еще, кроме нескольких сестер, которые выслеживают ее и пристают с вопросами. Это так?

– Именно так. Тигги, вы умеете читать мысли?

– Просто я ощутила это. А теперь давайте посмотрим десертное меню; я еще не наелась.

После еды Тигги и Джек устроились в коктейль-баре с чашками кофе и завязали разговор о жизни в далеких и уединенных местах. Тут зазвонил мобильный телефон Джека.

– Прошу прощения. – Он ответил на звонок.

– Привет, Джек! – раздался жизнерадостный голос Мэри-Кэт. – Я здесь!

– Где «здесь»?

– Я стою в фойе, идиот! Где ты? Телефон в твоем номере не отвечает.

Джек посмотрел на часы и убедился, что время уже перевалило за полночь.

– Извини, я совсем забыл о времени. Сейчас подойду. – Джек встал. – Мэри-Кэт уже здесь; я не знал, что сейчас так поздно.

Он направился к фойе.

– Джек! – окликнула Тигги. – Я собираюсь к себе в номер. Вам нужно провести какое-то время вместе с сестрой.

– Хорошо, но почему бы не подойти и не познакомиться? В конце концов, она может оказаться вашей потерянной сестрой.

– Если вы уверены...

Тигги встала и последовала за Джеком в фойе, где увидела девушку в черных джинсах и куртке с капюшоном, чьи волосы были завязаны в узел на затылке. Глядя на обнимавшихся брата и сестру, Тигги ощутила их нежность и привязанность друг к другу.

– Тигги. – Джек поманил ее к себе. – Это Мэри-Кэт, которую мы называем Эм-Кей. Эм-Кей, познакомься с Тигги Деппеси, пятой сестрой.

– Рада знакомству, Тигги. Прошу прощения за мой жуткий вид; от Новой Зеландии до Ирландии путь неблизкий, а я торопилась успеть на рейс.

– Должно быть, вы очень устали, но все равно приятно познакомиться, Мэри-Кэт. Моя сестра Сиси говорила, что вы очень гостеприимно приняли ее и Кресси, когда они посетили вас.

– Нас с детства учили гостеприимству, да, Джек? Но, правда, они были замечательными и мы отлично провели вечер вместе.

– Хорошо. Теперь я оставлю вас и пожелаю спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Тигги, и спасибо за разговор! – крикнул Джек ей вслед, пока она шла к лифту. После того как Мэри-Кэт зарегистрировалась в отеле, Джек взял ее рюкзак. – Давай поднимемся к тебе в номер, и ты наконец сможешь вздремнуть.

– Не уверена, что смогу заснуть, – сказала Мэри-Кэт. – Я на взводе; мой организм понятия не имеет, сколько сейчас времени и что делать дальше. Где мама?

– Спит. Я не стал ее будить; конечно, завтра утром она будет злиться на меня, но сегодня у нее был чертовски трудный день.

– Правда? Она здорова?

– Уверен, что к утру она поправится, – ответил Джек, а потом направился в номер Мэри-Кэт. – Возвращение в Ирландию стало для нее чем-то вроде вскрытия нарыва: нужно выпустить гной, прежде чем ранка начнет заживать.

– Очень милая аналогия, Джек, – заметила Мэри-Кэт, когда ее брат открыл дверь. – Но что за «гной»?

– Это связано с ее прошлым. Пусть лучше она тебе расскажет. Так или иначе, я рад тебя видеть, сестрица. Хорошо, что ты приехала.

– Не думаю, что у меня был выбор, Джек. – Мэри-Кэт забралась на кровать и облокотилась на подушки. – Что тут происходит?

– Хотел бы рассказать, но пока не могу. В целом есть что-то – или кто-то – пугающее ее. А когда эти сестры начали появляться в отелях, где она останавливалась, и пытались побеседовать с ней, она реально испугалась.

– Они всего лишь хотели встретиться с ней и сравнить это кольцо, Джек. Почему это пугает ее?

– Понятия не имею, – вздохнул Джек. – До сих пор мне удалось вытянуть из мамы лишь то, что *ее* в юности называли потерянной сестрой. Послушай, у меня сегодня тоже был долгий день, хотя я не летал через полмира, как ты. Думаю, нам нужно немного выспаться; если завтра будет похоже на сегодняшнюю заваруху, нужно встретить утро с ясной головой.

– Что-то плохое? – спросила Мэри-Кэт.

– Просто... кое-что. Скажем так: после долгих лет молчания мама отправилась в одиссею по своему прошлому, и там все сложно.

– Значит, это не имеет отношения ко мне? Или к тому, что я могу оказаться потерянной сестрой? Во время полета я думала о том, что

мама может бояться моего ухода в другую семью.

– Возможно, но поскольку все остальные сестры – приемные, а их отец умер, я не знаю, как ты вообще можешь оказаться их родственницей.

– А как насчет их приемной матери? Кто она?

– Не думаю, что у них была приемная мать. Тигги говорила, что их растила и воспитывала какая-то домохозяйка. Честно говоря, все это немного странновато, но она и ее сестра Алли, с которой я познакомился в Провансе, кажутся совершенно нормальными и милыми людьми.

– Сиси и ее подруга Крисси тоже были отличными гостями, – согласилась Мэри-Кэт. – И кстати, завтра я собираюсь кое-что сообщить тебе и маме. А сейчас приму душ и постараюсь заснуть. Спокойной ночи, Джек.

– Спокойно ночи, сестрица.

Мерри Дублин

Я проснулась в темноте, думая, что я дома. Протянула руку для утешительного прикосновения к массивному телу Джока, но обнаружила пустоту рядом с собой.

И вспомнила.

– Любимый, с каждым днем я все больше тоскую по тебе, и мне очень жаль, что я не ценила то время, когда ты был рядом со мной, – прошептала я в темноту.

Слезы подступили к глазам, когда кошмар моего нынешнего существования водопадом обрушился на мой мозг. Я потянулась и включила ночник, чтобы отвлечься от дурных мыслей. И была потрясена тем, что стрелки часов показывали без десяти девять.

– Вечер? – пробормотала я, когда встала с кровати и раскрыла занавески. И снова поразилась, увидев солнце, сиявшее высоко в небе. Отчасти потому, что ясное небо над Дублином было редкостью, а отчасти потому, что наступило утро и это означало, что я проспала четырнадцать часов подряд.

– Мэри-Кэт! – воскликнула я, как только все вспомнила. Я протянула руку и набрала номер Джека.

– Привет, мама. Хорошо выспалась?

– Да, но приехала ли Мэри-Кэт? Она в порядке?

– Да, у нее все отлично. Я оставил ее в номере около часа ночи.

– Почему ты не разбудил меня?

– Потому что тебе нужно было поспать. Вчера был тяжелый день. Как насчет завтрака?

– Сначала мне нужно прийти в себя, Джек. Я чувствую себя так, будто меня одурманили. Сначала ванна и чай, но ты позавтракай, если хо чешь.

– Я могу подождать. Позвони мне, когда будешь готова спуститься.

– Ты уверен, что у Мэри-Кэт все в порядке?

– Абсолютно, мама. До скорой встречи.

Я лежала в ванне, пила чай и благодарила Бога за моих детей. Сама родом из большой семьи, я рассчитывала на более многочисленное потомство, но этому не суждено было случиться.

– Но ты не была родом из большой семьи, Мерри, ты просто принадлежала к ней, – прошептала я себе под нос.

Однако мысль о моей драгоценной Мэри-Кэт, спавшей сейчас в нескольких футах от меня, пусть даже она не была моей кровной родней, удержала меня от жалости к себе. Мы с Джоком любили ее как собственную дочь. Мы были ее родителями, а Джек – ее братом независимо от генетики.

Я вышла из ванной и немного успокоилась, потом высушила волосы и подумала о причине – о *реальной* причине моего путешествия. Теперь я находилась в Дублине, и, хотя это пугало меня, я точно знала, где находятся мои дети и что нужно делать дальше.

– Но сначала... – сказала я перед зеркалом, когда нанесла обычную бледно-розовую помаду, – ...сначала нужно навестить моего крестного отца.

* * *

– Мэри-Кэт, как славно видеть тебя! – сказала я, когда она подошла к нам в столовой.

– И тебя. – Дочь быстро обняла меня. – Ты хорошо выглядишь, мама. Я забеспокоилась, когда Джек позвонил и велел зарегистрироваться на ближайший рейс.

– Со мной правда все в порядке, милая. Позавтракаем?

– Удивительно, но я сейчас предпочла бы бокал нашего вина, лучше красного.

– Твои биологические часы еще не перестроились, – ухмыльнулся Джек. – Сейчас в Новой Зеландии как раз наступает время для вечернего винопития. Но тебе придется обойтись этим замечательным черным пудингом из Клонакилти. – Он указал на свою тарелку.

– Фу, выглядит отвратительно. Из чего он изготовлен?

– По словам мамы, в основном из свиной крови, но вкус восхитительный, даже не сомневайся.

– Я лучше возьму тосты, если они здесь есть, – сказала дочь и пошла к буфету.

– Попробуй пресный хлеб с ягодным джемом! – крикнула я вслед. – Тебе понравится!

Мэри-Кэт подняла большие пальцы, и я отхлебнула глоток горячего капучино.

– Во времена моей юности здесь не готовили такой кофе. Ирландия – во всяком случае, Дублин – изменилась так сильно, что мне трудно в это поверить.

– В каком смысле, мама? – спросил Джек.

– Во всех смыслах. Я хочу сказать, Дублин всегда опережал остальную Ирландию, так что было бы интересно увидеть современный Западный Корк, но...

– Неудивительно, что твоя жареная картошка всегда была великолепной, – заявила Мэри-Кэт, вернувшись с полной тарелкой. – Я взяла тосты, яйца, бекон и немного того пудинга. Проголодалась как черт.

Я смотрела, как жадно ест моя дочь, просто наслаждаясь этим зрелищем.

– Хлеб очень вкусный, мама, – сказала Мэри-Кэт между глотками. – И пудинг на самом деле тоже хорош, хотя в нем полно ингредиентов, о которых мне даже не хочется думать. – Дочь

скрестила нож с вилкой и посмотрела на меня. – Джек говорит, что ты совершаешь путешествие в прошлое. Какие новости?

Я посмотрела на часы.

– Вообще-то мне уже нужно быть в другом месте. – Я резко выпрямилась. – Я уйду на час-другой и все расскажу, когда вернусь. А пока меня нет, можете полюбоваться городскими видами.

– Хорошо, – сказал Джек, и я увидела, как мои дети обменялись взглядами.

– До встречи. – Я вышла из отеля и направилась к Меррион-Сквер.

* * *

– Заходи, Мэри, – сказал Амброз. Он медленно провел меня в гостиную и опустился в свое кожаное кресло. – Как ты, моя милая? Я беспокоился о твоём душевном состоянии после моих вчерашних рассказов. Опять-таки, прошу прощения.

– Пожалуйста, Амброз, не беспокойся за меня. Разумеется, я была потрясена. Но потом я встретила с Тигги, пятой из шести сестер, которая приехала в Дублин. Она появилась в отеле вчера вечером. – Я пересказала наш разговор, отчасти рассеявший мои сомнения. – Как ни странно, я прекрасно выспалась и проснулась гораздо более спокойной. Честно говоря, я понимаю твоё предыдущее молчание. Мэри-Кэт прилетела сюда из Новой Зеландии, и её общество – особенно потому, что она приемная дочь, – очень помогает мне.

– Мне бы хотелось познакомиться с ней.

– Скоро познакомишься. Амброз... – Я немного помедлила, собираясь с мыслями. – Ты знаешь, что раньше я всегда обращалась к тебе за помощью и советом. И... сейчас мне тоже нужен совет.

– Вперед, Мэри, и давай понадеемся, что мой совет тебе окажется лучше, чем тот совет, который я дал самому себе много лет назад, когда умолчал о том, как мы с Джеймсом нашли тебя.

– Я... В общем, после смерти Джока я решила наконец разобраться со своим прошлым. Поэтому в начале моего путешествия, когда я посетила Бриджет на острове Норфолк, я хотела узнать, увидела

ли она... видела ли она *его* после моего отъезда из Дублина. Думаю, ты понимаешь, о ком я говорю.

– Да, моя дорогая.

– Она сказала, что не видела, поскольку переехала в Лондон и, подобно мне, с тех пор не возвращалась в Ирландию, так как ее родители продали свой бизнес и переехали во Флориду. Она добавила, что лучше не будить лихо, пока оно тихо. Особенно после того, как к Мэри-Кэт на винодельню приехали две девушки и стали задавать вопросы о потерянной сестре. А потом заявили, что хотят увидеть кольцо.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, Мэри. Но теперь, повстречавшись с Тигги, ты должна признать, что твои прошлые проблемы в Дублине не имеют никакого отношения к сестрам, которые пытались найти тебя.

– Я начинаю верить, что это совпадение, но и передать не могу, как я была испугана еще недавно. Это касается *его*... Я решила выяснить, что с ним случилось. Я искала его имя в открытых государственных архивах всех стран, куда он мог бы отправиться в поисках меня. До сих пор я ничего не обнаружила.

Амброз помедлил, прежде чем заговорить:

– Мэри, ты никогда не рассказывала мне всю эту историю, поэтому я не могу претендовать на точное знание произошедшего. Но после твоего отъезда он посетил меня.

– В самом деле? – У меня заныло в животе. – Ты говорил с ним?

– Очень коротко. Он с таким грохотом ломился в мою дверь, что у меня не оставалось выбора, кроме как впустить его. Он явно думал, что ты находишься здесь. Когда я сказал, что два дня не видел тебя, что было чистой правдой, он мне не поверил. Он ворвался сюда, заглядывал под кровати, обыскал каждый уголок и даже мой крошечный задний сад на тот случай, если ты спряталась под горшком с бегонией! Потом он схватил меня за лацканы и стал угрожать насилием, если я не скажу ему, где ты находишься.

– Ох, Амброз, прости. Я...

– Это было много лет назад, Мэри, и я рассказываю тебе об этом лишь для того, чтобы заверить тебя: я знал причину твоего отъезда. К счастью, я уже видел, как он рыскает возле моего дома, и мне хватило

предусмотрительности вызвать полицию. Вскоре приехал патрульный автомобиль, и он убежал.

– Они поймали его?

– Нет, но он больше не возвращался сюда.

– Ты получил мою записку с сообщением о временном отъезде?

– Да. Твой греческий был почти безупречным, лишь одна или две грамматические ошибки. – Он сардонически изогнул бровь. – Я до сих пор храню ее.

– Мне жаль, что он явился сюда, Амброз. Он озвучивал самые ужасные угрозы мне, моим друзьям, членам моей семьи... всем, кого я любила. Но больше всего он ненавидел тебя и кольцо, которое ты мне подарил. Он называл его непристойным, он говорил, что оно похоже на обручальное кольцо и что ты влюблен в меня. В конце концов я решила, что должна исчезнуть и прервать все контакты. Это были не пустые угрозы; он говорил о своей связи с беспощадными людьми, и с учетом его республиканского экстремизма и того, что творилось в Ирландии, я верила ему. О боже. – Я вздохнула, когда произнесла слова, которые уже давно должна была сказать. У меня кружилась голова, но нужно было продолжать. – Амброз, мне нужно узнать, жив он или нет, чтобы навсегда покончить с этим. Хотя я сменила имя, страну и жила в самом безопасном месте, какое только можно представить, я по-прежнему вздрагиваю, когда слышу звук автомобиля на нашей подъездной дорожке. Поэтому я хочу спросить... Как ты думаешь, мне следует вернуться туда, где все нача лось?

Амброз сложил пальцы домиком и глубоко задумался. От этого знакомого жеста у меня подкатил комок к горлу.

– На мой взгляд, всегда полезно избавиться от своих демонов, если это вообще возможно, – наконец сказал Амброз.

– Но что, если он вернулся в Западный Корк и живет сейчас там? Думаю, я умру от страха, если увижу его во плоти.

– Твои дети знают о твоём... положении?

– Нет, хотя за последние несколько дней я убедилась, что Джек что-то подозревает.

– Уверен в этом. Полагаю, дети будут сопровождать тебя?

– Да.

– И ты посетишь членов своей семьи?

– Надеюсь на это. Даже не знаю, живут ли они там. – Я вздохнула. – Одна из причин, по которым я хотела встретиться с тобой, — это твоя дружба с отцом О’Брайеном. Мне всегда казалось, что она выдержит испытание временем и если кто-то может знать о *его* судьбе, это отец О’Брайен. В конце концов, он был приходским священником.

– Увы, ты ошиблась, – тихо сказал Амброз.

– Можно спросить почему?

– Можно, и ответ будет короткий: миссис Каванаг.

– Как можно забыть ее. С ее длинным крючковатым носом, она всегда казалась мне похожей на злую колдунью из «Волшебника страны Оз». Что она сделала?

– Ну, я ощущал ее крайнюю неприязнь с тех пор, как она впервые увидела меня. Она не одобряла меня, мои визиты, но прежде всего – мою дружбу с дорогим Джеймсом. В конце концов, я был холостяком с британским акцентом, и она заклеила меня с того момента, когда я впервые открыл рот. Это ирония судьбы, принимая во внимание, что она работала домохозяйкой в Аргидин-Хаусе и была самым великим снобом, которого я когда-либо видел. Вот и все.

– Но как она разрушила вашу дружбу?

– Ох, Мэри, она просто дождалась удобного случая. Когда она находилась рядом, я принимал все меры предосторожности, чтобы обезоружить ее. Но через несколько лет после твоего отъезда из Дублина умер мой отец. Хотя у нас с отцом были трудные отношения, это был конец эпохи: через несколько месяцев я продал семейный дом, где Листеры прожили более четырехсот лет. После похорон я приехал к Джеймсу. Признаюсь, я сорвался и заплакал в его кабинете. Джеймс положил руки мне на плечи, чтобы утешить меня, и тут миссис Каванаг открыла дверь и объявила, что ланч подан к столу. На следующее утро, когда Джеймс служил мессу в церкви, она подошла ко мне и сказала, что всегда считала наши отношения «неподобающими», особенно для священника. Либо я уеду и больше никогда не вернусь, либо она расскажет епископу о том, что увидела.

– О нет, Амброз! – Мои глаза наполнились слезами. – Что ты сделал?

– Ну, мы с тобой знаем, каким ревностным священником был отец О’Брайен. Если бы кто-то нашептал нужные слова в ухо епископа – без сомнения, приукрашенные, – то его церковное служение было бы

немедленно прекращено. Это бы уничтожило его не только в карьерном, но и в духовном смысле. Поэтому по возвращении в Дублин я написал Джеймсу и сообщил ему, что из-за моего нового назначения деканом факультета античной литературы рабочая нагрузка больше не позволяет мне приезжать к нему.

– Но, разумеется, после этого отец О’Брайен пытался связаться с тобой?

– Разумеется, но я постоянно уваливал и придумывал новые оправдания своей занятости. Он даже приехал в Дублин ради встречи со мной, и я пригласил на встречу подругу. – Амброз грустно улыбнулся. – В конце концов он понял намек, и больше я не слышал о нем. Конечно же, теперь, когда я отошел от дел, у меня достаточно времени для пересмотра тех моментов, о которых я предпочел бы не вспоминать.

Амброз достал из кармана носовой платок и промокнул глаза.

– Ты любил его, да? – прошептала я.

– Да, Мэри. Ты единственный человек на свете, кому я признался в этом. Разумеется, я с самого начала понимал, что он никогда не сможет полюбить меня, по крайней мере, не в том смысле, как я хотел. Для меня это была невысказанная любовь, а для моего драгоценного Джеймса – истинное воплощение платонической любви. Тем не менее регулярные визиты к нему были подарками для меня. Как ты помнишь, я высоко ценил нашу дружбу.

– Да. Он был очень хорошим человеком, и даже я видела, что он неравнодушен к тебе. Если бы только...

– Увы, жизнь наполнена этими грустными «если бы». Но не проходит ни дня, когда бы я не тосковал по нему.

– Полагаю, ты не имеешь понятия, где находится отец О’Брайен? И жив ли он?

– Нет. Как и ты, я решил, что разрыв будет наилучшим выходом для нас. А если сейчас он пребывает вместе со своим любимым Богом, то я рад за него. – Амброз тяжело вздохнул. – Вот, собственно, и все.

– Извини, что спросила. Меньше всего я хотела бы расстроить тебя.

– Боже мой, нет; на самом деле для меня было облегчением рассказать об этом человеку, который знал его. И его доброту.

– Амброз, я совсем недавно узнала, что, если бы не твоя щедрость и не доброта отца О’Брайена, я бы оказалась в сиротском приюте. А мы знаем, какие ужасные там были условия.

– К счастью, Джеймс уже знал это, он видел один из таких приютов в Дублине.

– По крайней мере, теперь миссис Каванаг находится глубоко под землей. Честно говоря, я надеюсь, что она горит в аду, чего не сказала бы о любом другом человеке, – резко добавила я.

– Так или иначе, мы ушли в сторону, Мэри. Пожалуйста, продолжай свой рассказ.

– Несколько дней назад я прочитала дневник, который *он* вручил мне в качестве прощального подарка, когда я уезжала в частную школу. Он хотел, чтобы я поняла, почему должна ненавидеть британцев вместе с ним и продолжить борьбу за объединение Ирландии. Дневник был написан его бабушкой по имени Нуала. Очевидно, она отдала ему свои воспоминания, чтобы он не забывал о прошлом. Разумеется, тогда я не стала читать дневник. Но теперь решила это сделать, раз уж я совершаю путешествие в прошлое.

– И?..

– Это определенно нелегкое чтение, но теперь мне понятно, откуда *он* получил свои республиканские убеждения.

– Тебе нужно бережно хранить этот дневник, Мэри. Сохранилось очень мало документальных первоисточников о борьбе за независимость Ирландии. Люди слишком боялись, что их застигнут с поличным.

– Если хочешь, можешь прочитать его. Там упоминаются имена и места, которые наводят меня на мысль, что между нами была какая-то семейная связь. К примеру, Нуала пишет, что их дом назывался Кросс-Фарм, а ее брата звали Фергус. Наша семья жила в Кросс-Фарм, и мне известно, что отец унаследовал ферму от нашего двоюродного деда Фергуса.

– Ясно. Итак, ты думаешь, что *он* может оказаться вашим родственником?

– Да.

– Ну, это неудивительно; в Западном Корке все так или иначе были связаны родственными узами.

– Знаю и думаю, что он тоже понимал это. Его никогда не пускали на нашу ферму, и я предполагаю, что это было связано с давним раздором между родственниками. И он очень странно относился ко мне, когда я была ребенком. Казалось, он в равной мере любил и ненавидел меня.

– Возможно, – согласился Амброз. – Есть лишь один способ это выяснить: вернуться туда, где все началось.

– Об этом я и хотела спросить тебя. Должна ли я вернуться в Западный Корк?

– Думаю, да. У тебя есть сын и дочь, которые будут твоими защитниками, плюс члены семьи, которые живут там. Уверен, что они будут рады твоему возвращению в родительский дом.

– Ох, Амброз, я не знаю. Что, если *он* там? Было бы гораздо проще сесть на самолет до Новой Зеландии и забыть об этом.

– Ты быстро выяснишь, находится ли он в Западном Корке; мы оба хорошо помним, что в тамошних краях слухи распространяются молниеносно. А девушка, которую я когда-то знал, была сильной и храброй и встречала врагов лицом к лицу. Кроме того, разве теперь у тебя нет другой причины для возвращения туда?

– Какой?

– Дело в том, что это единственное место, где ты можешь что-то узнать о своей биологической семье. Как я объяснил вчера, тебе было не больше нескольких часов от роду, когда мы обнаружили тебя на крыльце Джеймса, так что твои биологические родители должны были жить где-то очень недалеко от дома священника в Тимолиге.

– Полагаю, что так. – Я вздохнула. – Но я не уверена, что хочу найти их. У меня в голове столько всего, что я не знаю, с чего начать.

– Не сомневаюсь, Мэри, но я убежден, что все мы должны в конце концов возвращаться к началу, чтобы осмыслить и понять нашу жизнь.

– Ты прав, как всегда. – Я улыбнулась.

– Я еще хотел спросить тебя, что случилось с тем приятным молодым человеком, с которым ты встречалась перед отъездом. Его звали Питером, верно?

– Я... – По какой-то причине я вспыхнула только от звука его имени. – Я не знаю.

– Понятно. Он тоже приходил ко мне после твоего отъезда. Он был очень расстроен и сказал, что не получил ответа на письма,

которые отправил тебе в Лондон.

– Правда? – Мое сердце гулко застучало в груди. – Я определенно не получала никаких писем. Вообще-то он... я хотела посоветоваться с тобой и насчет *этой* ситуации.

* * *

Я вернулась в отель и получила у консьержа записку от Джека, где сообщалось, что они с Мэри-Кэт ушли гулять по городу и вернуться к позднему ланчу.

Я поднялась к себе в номер и еще до того, как задуматься о нашем недавнем разговоре, последовала совету Амброза. Я подошла к кожаной папке на столе, достала писчую бумагу с логотипом отеля, вынула из сумочки шариковую ручку и уселась за составление письма.

– Иисус, Мария и Иосиф! – пробормотала я. – Что мне написать?

В конце концов я решила, что чем меньше, тем лучше. Кроме того, какое это имело значение, если шансы найти другого «его» все равно были ничтожными?

Я прочитала написанное, поставила подпись и поскорее запечатала конверт, чтобы не потерять самообладания. Потом быстро собрала чемодан, положила самое необходимое в свой саквояж и вышла из отеля, чтобы передать письмо Амброзу, пока не передумала.

– Было бы замечательно, если бы ты взял на хранение мой чемодан, пока я буду в отъезде, – сказала я, когда он встретил меня на пороге. – А вот и письмо.

– Хорошо. – Он кивнул. – Я изо всех сил постараюсь найти его и связаться с ним.

– Спасибо, дорогой Амброс. Да, и я принесла тебе дневник Нуалы, чтобы ты мог ознакомиться с ним. Боюсь, почерк не слишком вразумительный, и слова иногда написаны по слуху, а не по правилам.

Я протянула ему небольшую тетрадь в черном переплете.

– Именно то, что мне нужно, чтобы прояснить голову, – улыбнулся Амброс. – А теперь иди к своим детям и постарайся отвлечься от неприятных мыслей. Как говорил Жан Лафонтен, человек часто встречает свою судьбу на той дороге, которую выбирает, чтобы избежать ее. Пожалуйста, будь...

– ...на связи, – закончила я, спускаясь с крыльца. – Правда, Амброз, я обещаю.

Я отметила, что у меня остается еще достаточно времени до возвращения детей, и отправилась в дублинский публичный архив.

* * *

– Привет, мама! – сказал Джек, они с Мэри-Кэт появились в фойе отеля всего лишь через несколько минут после меня. – Извини за опоздание, мы заблудились в нескольких переулках от Графтон-стрит.

– Не беспокойся, у меня тоже нашлись занятия.

– Я зверски проголодалась, – объявила Мэри-Кэт.

– Тогда пойдем и наскоро перекусим в коктейль-баре, – предложила я и добавила: – Поезд отходит в четыре часа.

– Куда? – спросил Джек.

– В Западный Корк, разумеется. В те места, где я провела детство. Ты сказал, что мне нужно ехать, Джек, вот я и собираюсь.

Джек и Мэри-Кэт переглянулись, когда мы сели на свободный диван.

– О'кей, – хором сказали они.

Когда мы сделали заказ, я заметила, как Мэри-Кэт быстро кивнула Джеку.

– Что? – спросила я.

– Эм-Кей кое-что хочет рассказать тебе.

– Да, но... В общем, мама, я и так доставила тебе много хлопот в последнее время, поэтому не хочу и дальше расстраивать тебя, – сказала дочь, избегая моего взгляда.

– Что бы это ни было, расскажи, иначе я все равно буду волноваться, – потребовала я.

– Ну... – Она посмотрела на Джека, который одобрительно кивнул. – Помнишь наш разговор после того, как Сиси и Крисси посетили меня на винодельне?

– С тех пор мы говорили несколько раз. Напомни, о чем шла речь. Она снова посмотрела на брата, который протянул ей руку.

– В тот раз я спросила, знаешь ли ты, кто мои биологические родители и где они находятся.

– Да. – Я кивнула, спрашивая себя, какую еще нагрузку сможет вынести мое пожилое сердце. – Я обещала поговорить об этом, когда вернусь домой.

– В общем, все это навело меня на размышления, поэтому я нашла опекуновское учреждение в Крайстчерче, о котором ты упоминала. Мои данные хранились в их архиве. На прошлой неделе я договорилась отправиться туда и встретиться с парнем, который руководит архивным отделом. Я объяснила ему ситуацию: меня посетила девушка, которая сказала, что я могу оказаться ее родственницей, и я хочу узнать, правда ли это. – Мэри-Кэт посмотрела на меня, явно оценивая мою реакцию. – Извини, что я не дождалась твоего возвращения, но после визита Сиси и Крисси я не могла думать ни о чем другом, понимаешь? Ты не сердишься на меня?

– Конечно, нет. Мне жаль только, что меня не было рядом с тобой.

– Мама, мне двадцать два года, и я уже большая девочка. Так или иначе, этот парень оказался молодцом. Он сказал, что я должна заполнить формуляр согласия, если хочу разыскать своих биологических родителей, и что им предложат сделать то же самое при условии, если их смогут найти. – Мэри-Кэт отпустила руку Джека и взяла за руку меня. – Клянусь, это ни в коей мере не повлияет на мои чувства к тебе... или к папе. Ты моя *настоящая* мама и всегда будешь ею, но, когда началась эта история с потерянной сестрой, я просто захотела узнать, кто мои биологические родители, чтобы двигаться дальше, понимаешь?

– Разумеется. – Я кивнула. – Так что было дальше?

– Ну, я заполнила бланки и прислала по факсу копию своего паспорта и свидетельства о рождении. Тот парень, Чип, он сказал, что это займет некоторое время, поэтому я не ждала скорых новостей, но...

– Что?

– Два дня назад я получила электронное письмо. Они нашли ее! Я имею в виду мою биологическую мать.

– Отлично. – Я кивнула, хотя мне вдруг захотелось расплакаться, потому что эти два слова ранили мою душу. – А потом? – невпопад добавила я.

– Я напечатала ей короткое письмо, как и предложил Чип. Сказала, что хочу установить контакт с ней, и угадай что?

– Ты получила ответ, – сказала я.

– Да. Вчера ночью, когда я находилась в аэропорту Хитроу. Очевидно, сейчас вся корреспонденция проходит через опекуновское агентство, но я знаю, что ее зовут Мишель и что она собирается написать мне. Она хочет установить контакт. Мама, это приемлемо для тебя?

– Отлично, просто отлично, – сказала я, но не нашла в себе сил изобразить бурную радость ради моей дочери. *Моей* дочери... Подошла официантка с сэндвичами, и я была рада хоть на что-то отвлечься. – Выглядит неплохо, – добавила я и откусила кусочек, хотя мой желудок был готов взбунтоваться.

– Думаю, Мэри-Кэт хочет сказать, что раз уже эта женщина согласилась ответить, то, наверное, у нас есть шанс добраться до сути дела с загадкой потерянной дочери, – мягко сказал Джек.

– Точно, – подтвердила Мэри-Кэт между глотками. – Мама, я еще думала о том, были ли другие люди, которые пытались удочерить меня. Чип сказал, что в Новой Зеландии в целом чаще принимают в семьи малышей из других стран, а не тех, кто родился там. Я подумала, что, может быть, этот умерший отец – Па Солт, как эти сестры называют его, – обратился с просьбой удочерить меня, но проиграл тебе и папе? Ну, или еще как-то. – Она пожала плечами.

– Это определенно другая история. – Я кивнула, пытаюсь изобразить энтузиазм. Мэри-Кэт была не виновата в моем эмоциональном конфликте из-за этих новостей, как и во всех прочих событиях из нынешнего водоворота, в который превратилась моя жизнь. – Кстати, вы видели Тигги сегодня утром?

– Да, она спустилась к завтраку после твоего ухода и присоединилась к нам в прогулке по городу, – сказал Джек.

– Где она сейчас?

– Думаю, пошла к себе в номер собирать вещи. Ближе к вечеру она улетает в Шотландию.

– Ясно. У вас моя кредитная карточка, так что оплатите по счету за всех нас. И, Джек, закажи такси через двадцать минут.

– Конечно, мама.

– Мэри-Кэт, ты иди со мной, – сказала я, направившись к лифту, в то время как Джек вышел в фойе.

– Мама, ты нормально отнеслась к этому? – осторожно спросила Мэри-Кэт.

– Само собой, – ответила я, когда мы вышли из лифта и пошли по коридору. – Я всегда понимала, что однажды тебе захочется познакомиться со своими биологическими родителями.

– Полегче, мама. Пока что мы всего лишь собираемся переписываться. Последнее, чего я хочу, особенно после потери отца, – это снова причинить тебе боль.

– Иди сюда.

Я привлекла дочь к себе и обняла ее. Она прильнула ко мне, как раньше, когда была крошечной малышкой двух дней от роду.

– Ну, вот. – Я понимала, что близка к слезам. – Собери свои вещи, и встретимся внизу через двадцать минут, хорошо?

– Хорошо. Люблю тебя, мама, – добавила она, когда оторвалась от меня и пошла в свой номер.

Когда я собиралась спуститься вниз, в дверь постучали. Я открыла и увидела Тигги, стоящую на пороге.

– Заходите, Тигги!

– Здравствуйте, Мерри. Я лишь хотела зайти и попрощаться. Джек сказал, что вы уезжаете.

– Да. То есть мы не уезжаем из Ирландии, а едем в Западный Корк, где я родилась.

Она посмотрела на меня:

– Вы ищете ответы?

– Полагаю, да, но найду ли я их – это другое дело. Не знаю, чего и ждать.

Тигги подошла ко мне и снова взяла меня за руку.

– Уверена, что у вас все получится, Мерри. После смерти Па Солта все мои сестры отправились в путешествие по своему прошлому. Иногда оно было пугающим, но все мы нашли то, что искали, и это сделало нашу жизнь гораздо лучше. И у вас будет так же.

– Надеюсь на это.

– Я чувствую ваши опасения, но будет лучше, если вы в конце концов избавитесь от страха.

Я смотрела на эту девушку, которая выглядела такой хрупкой, но казалась такой мудрой. Каждый раз, когда она брала меня за руку, на меня накатывало ощущение спокойствия.

– Я записала свой мобильный номер, – сказала она, отпустила мою руку, пошарила в кармане джинсов и протянула мне листок бумаги. – Если возникнут любые проблемы, позвоните и оставьте сообщение. Обещаю, что свяжусь с вами так быстро, как только смогу. Там, где я живу, слабый сигнал мобильной связи, – пояснила она. – Я также записала номер моей старшей сестры Майи и номер нашего стационарного телефона в Атлантисе, нашем доме в Женеве. Если понадобится помощь, только позвоните.

– Спасибо, – сказала я. – Когда вы собираетесь отправиться в этот морской круиз?

– Через неделю, во вторник. Некоторые из нас прилетят в Женеву, а другие – прямо в Ниццу, где пришвартована яхта. Мы были бы чрезвычайно рады, если бы вы присоединились к нам, – твердо добавила Тигги.

– Но... мы даже не знаем, является ли Мэри-Кэт потерянной сестрой, верно?

Тигги посмотрела на мое кольцо и легко провела пальцем по нему.

– Вот оно, доказательство. Семь изумрудов для семи сестер. До свидания, Мерри; надеюсь скоро увидеть вас всех.

* * *

Во время железнодорожной поездки в Корк-Сити, которая продолжалась два с половиной часа, я проспала большую часть пути; так на меня подействовало прикосновение Тигги.

– Мама, мы прибываем на вокзал. – Мэри-Кэт легонько встряхнула меня за плечо.

Я проснулась и увидела вокзал Кент, с которым успела хорошо познакомиться в возрасте от одиннадцати до двадцати двух лет. Конечно, он был модернизирован, но сохранил впечатление добротной старины, со сводчатым железным потолком, отголосками шагов и голосов. В былые дни я радовалась, когда возвращалась сюда вместе с Бриджет на каникулы из дублинского пансиона. Ее отец сажал нас в блестящую черную машину с просторными кожаными сиденьями и отвозил в Западный Корк, поскольку старая железнодорожная линия, некогда обслуживавшая этот округ и доставлявшая Амброза почти до

двери дома отца О'Брайена, закрылась в 1961 году. Я помнила, как облегченно вздыхала, забираясь в этот автомобиль, потому что он вез меня домой. Потом, когда в восемнадцатилетнем возрасте я поступила в Тринити-колледж, все как будто поменялось местами, и при возвращении в Дублин я рассматривала Кент как врата, ведущие к свободе.

– Ну, вот, – сказал Джек, глядя на меня, мы стояли в центральном вестибюле. – Куда отсюда, мама?

– На такси. – Я указала на стоянку.

– Всем привет, – сказал шофер, когда подошла наша очередь. – Добро пожаловать в город Корк, прекраснейший в Ирландии. Кстати, меня зовут Ниалл, – добавил он и положил в багажник мой саквояж и два рюкзака. Потом он уселся за руль и спросил: – Куда вас отвезти?

От его мелодичного выговора у меня встал комок в горле. Я взяла сумочку и протянула ему листок бумаги с адресом гостиницы.

– Ага, «Инчиндони Айленд». Славное местечко, – сказал он. – Я сам живу недалеко оттуда, это рядом с Клонакилти. Приехали отдохнуть, посмотреть здешние места?

– Вроде бы так, – сказал Джек с переднего сиденья. – Мы с сестрой здесь впервые, но мама когда-то жила тут, правда?

Я заметила, что Ниалл рассматривает меня в зеркало заднего вида.

– Где же вы жили?

– Между Клогахом и Тимолигом... но это было уже очень давно, – поспешно добавила я. Я знала о том, что местные сплетни могут начаться с сообщения о чьем-то прибытии, о котором раструбят со скоростью света.

– У меня есть родственники в Тимолиге, – сказал он. – Какая у вас фамилия?

– Я... Когда-то я была О'Рейли.

– Разумеется, О'Рейли живут в этих местах. А как назывался ваш дом?

– Кросс-Фарм, – сказала я.

– О, думаю, я знаю его и готов поспорить, что у нас есть общая родня. Здесь все друг друга знают. – Он обернулся к Джеку и Мэри-Кэт. – Значит, вы с сестрой здесь впервые и хотите посмотреть, где выросла ваша мама?

– Да. Нам не терпится все увидеть, правда, Мэри-Кэт?

– Точно, – подтвердила она.

– Мы остановимся в одном из лучших мест на побережье, но если захотите прогуляться, то рекомендую маяк Гэлли-Хэд недалеко от дома вашей мамы. Потом, конечно, есть аббатство в Тимолиге и центр Майкла Коллинза в Кастлвью.

Пока Ниалл информировал и поучал моих детей, я удивленно глядела в окошко, поражаясь не только количеству автомобилей, но и самим дорогам. Мы ехали по двухполосному шоссе, и асфальт был совершенно гладким. Поездки домой из Дублина даже в большом и комфортабельном автомобиле отца Бриджет не обходились без ям и ухабов. Похоже, Западный Корк наконец вступил в двадцать первый век.

– А вот и аэропорт, – продолжал Ниалл. – Новый терминал открылся два года назад, и это было великое событие! Я часто заглядываю туда по дороге из Корка, чтобы выпить кофе.

Когда мы приехали в Иннисхаммон, я обрадовалась, увидев, что главная сельская улица не особенно изменилась.

– Смотри, мама! – воскликнула Мэри-Кэт. – Все дома выкрашены в разные цвета, это так красиво!

– Здесь вы увидите много таких домов, как и в других ирландских поселках, – вставил Ниалл. – Когда идут зимние дожди, глаз отдыхает на ярких цветах.

Мы въехали в Бандон, который Ниалл своевременно обозначил как «Врата Западного Корка», и я узнала некоторые магазины, сохранявшие семейные имена, написанные краской на вывесках над дверями. Потом мы наконец оказались среди цветущих полей и косогоров, не изменившихся со времен моего детства. Пологие склоны по обе стороны от дороги были усеяны пасущимися коровами, и я заметила распускаящиеся цветы на кустиках фуксии. Единственной переменной были современные бунгало на месте старых каменных руин.

– Сколько зелени! – восхитилась Мэри-Кэт.

– Ирландию не зря называют Изумрудным островом. – Я улыбнулась и посмотрела на свое кольцо.

– Мама, ты когда-нибудь вернешь его мне? – шутливо поинтересовалась Мэри-Кэт.

– Разумеется. Оно нужно мне лишь на тот случай, если я встречу со старым знакомым, который не узнает меня.

– Мама, ты выглядишь точно так же, как на той черно-белой фотографии, когда ты получила ученую степень, – сказал Джек.

– Лыстец, – сказала я. – Смотрите, мы приближаемся к узловой станции Клонакилти. Раньше здесь проходила железнодорожная линия, которая обслуживала Западный Корк. Мои старшие сестры отсюда отправлялись за покупками или на танцы в Корк-Сити.

– Мой отец приезжал сюда на велосипеде, когда в парке проходили футбольные матчи Гэльской спортивной ассоциации, – сказал Ниалл.

– Он проезжал на велосипеде такое расстояние, которое мы сейчас проехали? – изумленно спросила Кэт.

– Да, и на много миль больше, – ответил Ниалл.

– Я тоже везде ездила на велосипеде, когда жила здесь, – заметила я. – В то время это был главный способ передвижения по округе.

– В те дни у всех были икроножные мышцы как у бодибилдеров, не так ли, миссис О’Рейли? – рассмеялся Ниалл.

– Пожалуйста, называйте меня Мерри, – попросила я.

– А теперь посмотрите налево, на автомобиль вон на том постаменте. Это деревня, где жили родители Генри Форда, пока они не уплыли в Америку, вслед за половиной других ирландцев.

Я посмотрела на копию старого «Форда-Т» из нержавеющей стали, стоявшую на постаменте прямо напротив аллеи, где находился паб Генри Форда. Я хорошо знала эту аллею, потому что она доходила почти до нашей фермы.

– Мы направляемся в Клонакилти, – сказал Ниалл. – Если вы давненько не бывали здесь, Мерри, то заметите кое-какие перемены. Теперь у нас есть новый технопарк, кинотеатр и спортивный центр с плавательным бассейном. Разумеется, Клонакилти наиболее знаменит тем, что является ближайшим городом к месту рождения Майкла Коллинза^[44].

– Майкла... кого? – произнес Джек.

– Это знаменитый киноактер? – спросила Мэри-Кэт. – Уверена, я где-то читала про его участие в какой-то революции.

– Думаю, вы читали о фильме про Майкла Коллинза, – поправил Ниалл. – Молодежь в наши дни не особенно интересуется историей,

да, Мерри?

– По правде говоря, они оба выросли в Новой Зеландии, – вступилась я за детей. – Там на уроках истории им не рассказывали, что происходило в Ирландии и кем был Майкл Коллинз.

– Тогда я скажу вам, что он был одним из величайших героев Ирландии, – объявил Ниалл. – Он привел нас к независимости от Британии, и...

«Добро пожаловать домой, Мерри», – подумала я, когда мы повернули к Инчидони, под мерный речитатив истории Ниалла. Через пять минут он остановил автомобиль перед входом в «Инчидони-Лодж»

– Итак, Мерри, каково ваше впечатление? – спросил Ниалл, когда вышел из такси, а мы распахнули двери. – Готов поспорить, вы помните старую хижину, которая стояла здесь, когда вы были девочкой.

– Да, помню, – согласилась я, восхищаясь большим современным отелем, а потом повернулась к величественной полосе белого песчаного пляжа и набегавшим барашками волнам и ощутила дуновение морского ветра в волосах. Я глубоко вдохнула свежий чистый воздух Западного Корка с неповторимым сочетанием запахов моря и коровьего навоза.

– Каким транспортом вы собираетесь пользоваться, пока будете здесь? – поинтересовался Ниалл, когда я расплачивалась с ним евро, а не шиллингами, которые так тщательно пересчитывала в юности.

– Возьму напрокат автомобиль, – ответила я. – Где это можно сделать?

– В аэропорту Корка. Вам следовало сказать об этом, и тогда мы бы разобрались по пути сюда. Ничего, я могу помочь вам, пока вы не обзаведетесь собственной машиной, – добавил Ниалл, подхватил мой саквояж, и мы вошли в прихожую отеля.

– Стильная отделка, – заметил Джек, осматривая просторное современное фойе. – Я ожидал чего-то более старомодного, деревянных балок, как в фермерском доме.

Мы зарегистрировались, и Ниалл поговорил с сотрудником за стойкой, который дал мне номер телефона прокатной компании в аэропорту.

– Я могу отвезти вас обратно завтра утром, только позвоните, – сказал Ниалл. – Если понадобится что-то еще, у вас есть мой номер. До встречи!

Он помахал нам и ушел.

– Все здесь очень дружелюбны, – сказала Мэри-Кэт, пока мы шли к лифту за носильщиком. – Так было всегда, мама?

– Полагаю, да, хотя в детстве для меня все было по-другому. Мы больше беспокоились о том, что остальные говорят о нас.

– Они определенно любят поболтать, – сказал Джек, пока мы шли по очередному гостиничному коридору.

– Вот, – сказал носильщик, проводив нас в комнату, залитую мягким вечерним светом из-за стеклянных раздвижных дверей, выходящих на маленький балкон. – У вас будет отличный вид на океан.

– Спасибо. – Я расплатилась с ним. – Можете оставить рюкзаки прямо здесь.

– Кто-нибудь хочет чаю? – обратилась я к детям после его ухода.

– Уже почти восемь вечера, так что я предпочел бы выпить пива, – сказал Джек.

– Я бы тоже могла убить за кружку пива, – согласилась Мэри-Кэт.

– Тогда давайте закажем все в номер, – предложила я. – Мы можем устроиться на балконе и полюбоваться закатом.

Я направилась к телефону.

– Лучше посиди, мама, а я принесу напитки, – сказал Джек.

– Какой это у тебя отель по счету, мама? – спросила Мэри-Кэт, когда мы открыли раздвижную дверь.

– Честно говоря, милая, я уже сбилась со счета. – Я пододвинула стул и опустилась на него.

– Ты собиралась путешествовать несколько месяцев, но на самом деле уложились в две недели.

– Я не рассчитывала, что за мной будет слежка, верно?

– А я до сих пор не понимаю, почему ты убегала, ведь я сказала тебе, что сестры только хотели увидеть кольцо, и...

– Мы можем сегодня отвлечься от дел, Мэри-Кэт? – вздохнула я. – Мне нужно отдохнуть от этой темы, если не возражаешь.

– Само собой, но ты согласна, что Тигги оказалась замечательной? Она была так мила со мной. Она сказала, даже если окажется, что я не

их родственница, она будет поддерживать контакт со мной и хочет, чтобы я посетила их в Атлантиде, пока буду в Европе.

– Да, она чудесная, – согласилась я. – Она даже пригласила всех нас в этот яхтенный круиз.

– Надеюсь, Мишель скоро свяжется со мной через агентство и мы сможем подробнее выяснить, кто я такая. Чип сказал, что это будет достаточно просто сделать с помощью анализа ДНК.

– Я не сомневаюсь, что ты ее дочь, милая. Может быть, дело в том, чьей дочерью является *она сама*. Или кем был твой биологический отец. Возможно, именно он был связан с этим таинственным Па Солтом.

– Знаешь, что, мама? – спросила Мэри-Кэт, когда Джек принес поднос с напитками на балкон. – Ты права; я не подумала об этом.

– Повторяю, давайте отложим все дела на завтра и будем радоваться тому, что мы оказались вместе в Западном Корке. Не думала, что это когда-нибудь случится.

– Я рад, что это случилось, мама, – сказал Джек. – Твое здоровье!

– Твое здоровье. – Я подняла тост своей чашкой, а когда отпила глоток крепкого чая, он оказался гораздо лучше, чем за все время моих странствий. Было хорошо ощущать себя дома здесь, вместе с детьми.

* * *

После ужина в спокойном пабе «Дюны» мы решили пораньше лечь спать. Я забралась в постель и выключила свет, оставив дверь на балкон открытой, чтобы слышать плеск волн на побережье.

Это был прекрасный звук, который люди слышали со времен возникновения человечества. А другие живые существа – за миллионы лет до этого. Что бы ни случилось с каждым из нас в нашей маленькой жизни, эти волны будут подступать и отступать, и это будет продолжаться до конца существования всего живого на нашей планете.

– Тогда *почему* события, которые происходят с нами в нашей мелкой и ничтожной жизни, имеют такое значение? – прошептала я. – Из-за любви, – ответила я себе. – Только из-за любви...

Ниалл забрал нас на следующее утро в девять часов и отвез в аэропорт. Когда он оформил аренду автомобиля и внес меня и Джека в страховую полис, я уселась за руль.

– Куда мы направляемся, мама? – спросила Мэри-Кэт с заднего сиденья.

– К моему старому семейному дому, – ответила я, радуясь возможности сосредоточиться на дорожных знаках, а не на месте назначения. После Бандона я повернула налево возле указателя на Тимолиг и поехала по проселочной дороге, которая с тех пор в лучшем случае стала немного шире.

– Ты жила только там или еще и в других местах? – спросил Джек.

– Нет, только там, но я объездила всю округу на велосипеде.

Я свернула налево у перекрестка на Баллинскарти, а потом направо в Клогах, интуитивно продвигаясь вперед по паутине проселочных дорог. В итоге мы завернули за угол возле Инчбриджа и едва не въехали в реку Аргидин.

– Господи, мама! – воскликнул Джек, когда я ударила по тормозам, чтобы не упасть в воду; там не было защитного барьера или предупредительного знака, что лишь вызвало у меня улыбку.

– Тебе это кажется смешным, а мне совсем не смешно, – пробормотала Мэри-Кэт, когда я дала задний ход и въехала в канаву на обочине кукурузного поля, которое в мое время было ячменным.

– Прошу прощения, но мы уже совсем близко, – заверила я.

Через десять минут я увидела высокую каменную стену вокруг Аргидин-Хауса и поняла, что мы действительно рядом с целью.

– Кто там живет сейчас, мама? Место выглядит сильно заросшим.

– Понятия не имею, Джек. Моя сестра Нора какое-то время работала там, но я уверена, что прежние жильцы давно умерли. Теперь дайте мне сосредоточиться: ферма где-то здесь...

Еще через несколько минут я вырулила на дорожку, ведущую к ферме. Хотя я была рада, что мои дети находятся рядом, мне хотелось ненадолго остановиться и перевести дух, прежде чем наше прибытие окажется замеченным. Проезжая по дорожке на черепашьей скорости, я видела очень мало изменений, разве что бетонные бунгало в долине, где раньше были только необитаемые каменные руины домов, покинутых во время Великого Голода.

Мы подъезжали к дому, белье здесь до сих пор болталось на веревках, словно флаги на ветру, коровы по-прежнему паслись на лугу возле серебристой ленты реки Аргидин, все выглядело почти таким же, как раньше. Кроме современного автомобиля, стоявшего рядом с домом.

– Мы на месте, – сказала я, хотя это было очевидно.

– Кажется, мама, ты говорила, что росла в доме с очень низкими потолками? – разочарованно произнес Джек. – Этот фермерский дом выглядит вполне современным.

– Это Новый Дом, куда мы переехали, когда мне было шесть лет. Старый дом, где мы жили раньше, ты увидишь сзади.

Глядя на Новый Дом, я понимала, что он совсем небольшой и ничем не примечательный. Однако переезд в более просторное жилище с электричеством, водопроводом и кухонной плитой был настоящим откровением.

– Почему бы вам не остаться в автомобиле, а я посмотрю, кто дома? – Прежде чем они успели ответить, я вышла из машины и обошла вокруг дома, направляясь к кухонной двери, поскольку до сих пор не могла и по думать о возможности войти через парадную дверь. Лишь врач, священник или британец раньше имели право на это.

Теперь кухонная дверь была отделана пластиком, а не деревом, и я обратила внимание, что все оконные рамы тоже были пластиковыми.

– Ну, вот. – Я затаила дыхание и заставила себя постучать, потому что не знала, кто мне ответит.

Ответа не последовало, и я постучалась громче. Приложив ухо к двери, я услышала внутри какой-то шум. Я повернула ручку из нержавеющей стали и обнаружила, что дверь открыта. *«Разумеется, — подумала я, — на ферме всегда кто-то находится в доме»*. Распахнув дверь, я вошла в кухню и огляделась по сторонам. Единственным, что не изменилось, была форма комнаты и старый буфет для посуды, стоявший у стены. Остальная часть кухни была заставлена современными шкафчиками и тумбочками, старый каменный пол был покрыт оранжевым кафелем. Большая кухонная плита исчезла; на смену ей пришла духовка и индукционная плитка, поставленная сверху. Длинный стол в центре тоже был изготовлен из сосны.

Я подошла к двери в узкую прихожую, которая вела наверх, и поняла, что шум наверху исходит от включенного пылесоса.

Другая дверь вела в Новую Комнату, и передо мной сразу же возник образ отца, развалившегося в кресле с бокалом в одной руке и бутылкой виски в другой.

Открытый огонь в очаге исчез, замененный дровяной плитой. Но остался длинный кожаный диван и горка детских игрушек, сваленных в углу.

Вернувшись в коридор, я поняла, что шум наверху прекратился.

– Эй! – позвала я.

– Да, чем могу помочь?

На лестничной площадке стояла незнакомая женщина, смотревшая на меня сверху вниз.

– Э-э-э.. меня зовут Мэри, и я жила здесь со своими родителями, Мэгги и Джоном. И конечно, с братьями и сестрами, – добавила я, пытаюсь понять, не является ли эта женщина одной из моих постаревших старших сестер.

– Мэри... – произнесла женщина, спускаясь по ступеням. – Еще раз, кем вы были?

– Я была младшей из сестер. Их звали Элен, Нора и Кэти. Джон, Билл и Пат были моими братьями.

Женщина спустилась, по-прежнему глядя на меня. Наконец на ее лице отразилось понимание.

– Боже! Вы *та самая* Мэри, которую все называли Мерри?

– Да.

– Знаменитая потерянная сестра из клана О'Рейли! Вот это да! Мне стоит позвонить по телефону, и все О'Рейли, кто не уехал из страны, через час соберутся здесь. Пойдемте на кухню и чего-нибудь выпьем, хорошо?

– Спасибо, – сказала я, когда она проводила меня обратно на кухню. – Э-э-э, мне неудобно спрашивать, но кто вы?

Женщина вдруг рассмеялась.

– Конечно, после стольких лет, когда от вас не было ни слуху ни духу, вы не можете меня знать. Я Шинейд, жена вашего старшего брата Джона.

Теперь, когда она находилась рядом, я смогла лучше рассмотреть ее.

– Мы когда-нибудь встречались?

– Сомневаюсь. Я училась вместе с Джоном в клогахской школе. Он начал ухаживать за мной примерно через год после вашего исчезновения, а еще через несколько месяцев затащил меня под венец. Итак, что вам предложить? По такому случаю надо бы открыть игристого вина, но сейчас его нет среди моих запасов. – Она широко улыбнулась, и я подумала, какая замечательная и красивая жена досталась моему старшему брату.

– М-м-м... Если не возражаете, я привезла с собой двоих моих детей, – сказала я. – Они ждут в автомобиле, пока я узнаю, принадлежит ли еще этот дом членам моей семьи.

– Конечно, Мэри... или вас по-прежнему называют Мерри?

– Зовите меня Мерри.

– Разумеется, я с удовольствием познакомлюсь с ними! – сказала она.

Я вышла из дома и поманила Джека и Мэри-Кэт. После знакомства и обмена приветствиями мы расселись за столом с чашками кофе.

– Джон свалится с ног от потрясения, когда увидит вас, Мерри. Вы совсем не изменились по сравнению со старыми фотографиями, которые я видела, а я вот... – Шинейд указала на свои пышные формы, – ...не много раздобрела.

– У вас есть дети? – поинтересовалась я.

– Трое, причем двое из них уже женились, а один приезжает домой на каникулы. Он хочет стать бухгалтером, – с гордостью добавила она. – А из ваших детей кто-нибудь обзавелся семьей и подарил мамочке внуков, с которыми можно поиграть?

Мои дети покачали головами.

– У нас с Джоном уже четверо внуков, – продолжала Шинейд. – Хорошо, когда в доме снова появляются малыши. Они часто приезжают с родителями и остаются на какое-то время. Вы присоединитесь к нам за ланчем? Вам с Джоном о многом предстоит поговорить.

– Право же, Шинейд, не стоит беспокоиться из-за нас.

– Никакого беспокойства, Мерри. Не каждый день потерянный член семьи вдруг появляется из ниоткуда. Это вроде притчи о блудном сыне, так что впору готовить жирного тельца. А на ланч у нас будет говядина и добрая порция «Гиннеса»!

– Можно спросить, как поживают мои сестры, Шинейд? Билл? Пат?

– Сестры поживают замечательно; все они замужем, а Пат женился. Нора сейчас живет в Канаде со своим вторым мужем, но она всегда была ветреной девицей, не так ли? Элен, Кэти, Билл и Пат, который теперь управляет собственной фермой, до сих пор живут здесь, а некоторые уже имеют внуков. Билл стал важной шишкой и работает в мэрии Корк-Сити. Ходят слухи, что он собирается выдвинуть свою кандидатуру в «Фианна Файл»^[45].

Я попыталась вообразить своего маленького брата на ответственной партийной работе.

– А Кэти? Где она?

– Кэти? – спросила Мэри-Кэт.

– Моя ближайшая по возрасту сестра; она на два года старше меня, – объяснила я. – И да, я назвала тебя в ее честь.

Я улыбнулась.

– Здесь принято называть детей в честь членов семей, особенно в честь родителей, – обратилась Шинейд к моей дочери. – Правда, это бывает неудобно на семейных сборищах, когда кто-то зовет Джона и появляются сразу четыре Джона. – Шинейд тихо рассмеялась. – А вот и он, уже подходит к дому. Погодите, вот увидите, что будет, когда он войдет сюда!

Я услышала, как хлопнула дверца автомобиля, а потом шаги, приближавшиеся к задней двери, и не знала, что поделаться с собой. В конце концов я встала, когда Джон открыл дверь. Он стал более дородным с тех пор, как я последний раз видела его, но по-прежнему плотно сбитым и мускулистым, а в его кудрявых волосах поблескивала седина. Я посмотрела в его зеленые глаза, унаследованные от матери, и улыбнулась.

– Здравствуй, Джон, – неожиданно застенчиво сказала я.

– Догадайся, кто это? – пропела Шинейд.

Джон смотрел на меня, и в конце концов я увидела, как на его лице отразилось узнавание. Он шагнул вперед.

– Иисус, Мария и Иосиф! Мерри, это ты?

– Конечно, – отозвалась я, и мои глаза наполнились слезами.

– Иди сюда, девочка. Дай мне обнять тебя впервые за последние тридцать пять лет.

– Тридцать семь лет, – поправила я, когда мы подошли друг к другу, и он заключил меня в медвежьи объятия. От него успокаивающе пахло коровами, и мне снова захотелось заплакать.

Все остальные молчали, пока Джон не отпустил меня.

– Я скучал по тебе, Мерри.

– Я тоже, – прошептала я и сглотнула комок в горле.

– А это твои малыши? Твоя точная копия! – произнес Джон, когда обратил внимание на Джека и Мэри-Кэт. – Где вы были все эти годы?

– Мы жили в Новой Зеландии.

– Тогда я скажу, что настал момент открыть что-нибудь получше, чтобы отметить ваше возвращение домой. Что будете пить, вино или пиво?

– Спасибо, сэр, я выпью пива, – сказал Джек.

– И я тоже, – добавила Мэри-Кэт. Я видела, что мои дети немного ошарашены происходящим.

– А я предпочту белое вино, – сказала я.

– Присоединяюсь, Мерри, – сказала Шинейд. – Джон, тебе пива?

Джон кивнул и сел, не отрывая взгляда от меня. Шинейд принесла пиво и поставила на стол два бокала для вина.

– *Sláinte!* – Мы чокнулись, и Мэри-Кэт нахмурилась.

– Здесь это значит «ваше здоровье!», – объяснила я, когда мы отхлебнули по глотку.

– Только не говори, что твоя мама не учила вас ирландским обычаям, – обратился Джон к моей дочери.

– До недавних пор она ничего не рассказывала нам о своем детстве, – заметил Джек. – Мы знали только то, что она окончила университет в Дублине.

Джон немного помедлил и посмотрел на меня, прежде чем ответить.

– Иногда лучше не слишком задерживаться на своем прошлом, верно?

– Да. – Я благодарно кивнула.

– Ну, расскажи мне о своей жизни в Новой Зеландии. Насколько я слышал, там много овец? Правда, они не дают столько молока, как коровы, – добавил он и подмигнул Джеку. – У тебя есть муж? Где он?

Я едва успела проглотить ложку восхитительной тушеной говядины, как Джон и Шинейд засыпали нас вопросами. Мои дети

мужественно приняли удар на себя и отвечали каждый раз, когда чувствовали мое замешательство.

Когда на десерт прибыл домашний шоколадный пирог со сливками и Шинейд оживленно болтала с Джеком и Мэри-Кэт, я наклонилась к Джону.

– Как там Кэти? Ты часто видишь ее?

– Она занята работой с престарелыми в Клонакилти, – ответил он. – Она ухаживает за пожилыми людьми, у которых наступает деменция и они больше не могут управлять домашним хозяйством.

– У нее есть муж?

– А как же. Коннор основал строительную компанию, и, когда его «Кельтский тигр» попал во времена бума, он заработал массу денег. Теперь он отошел от дел и продал свою фирму. Очень удачно, потому что вскоре началась рецессия. Некоторые ребята, поступившие на работу к новому боссу, вскоре оказались безработными, – вздохнул Джон.

– Экономика не в лучшем состоянии?

– Да уж. За последние несколько месяцев наступил заметный спад в строительстве. Знаешь, иногда я смотрю на Коннора, на большой шикарный дом, который он построил для себя и Кэти, на их отпуска на Тенерифе – и гадаю, почему я до сих пор встаю в пять утра, чтобы подоить коров. Но хорошая новость состоит в том, что мир продолжает нуждаться в их мясе и молоке, что бы там ни происходило на фондовых рынках.

– Ты с тех пор расширил свою ферму?

– Можешь не сомневаться. Помнишь наших соседей О’Ханлонов, владевших несколькими акрами земли рядом с нами?

– Конечно, помню.

– Так вот: он состарился, выставил свою землю на продажу, и я купил ее.

– Что с папой? Шинейд не ответила, когда я спросила, поэтому...

– Ну, я уверен, что для тебя не будет сюрпризом известие, что выпивка в конце концов доконала его. Он умер в восемьдесят пять лет. Его похоронили рядом с мамой и остальными членами нашей семьи на кладбище в Тимолиге. Прости, что мне приходится рассказывать тебе об этом.

– Не надо, Джон. Это я уехала отсюда, а ты остался собирать остатки семьи. Ты с шестнадцати лет фактически управлял фермой.

– Не буду лгать и говорить, что нам было легко, но это была неплохая жизнь, Мерри. Мы с Шинейд вполне довольны. У нас есть все, что нужно, плюс наша родня.

– Мне ужасно хочется встретиться с Кэти и с остальными членами семьи. Ты не мог бы дать номер ее телефона?

– Само собой. Когда она оправится от потрясения, то, уверен, будет рада увидеть тебя. Как долго ты собираешься пробыть здесь?

– Несколько дней или недель... У меня нет определенных планов.

– Пойду найду номер Кэти. – Джон встал и подошел к телефону, стоявшему на комод. Он достал из ящика книгу в черном кожаном переплете, которую я узнала с первого взгляда.

– Ты до сих пор пользуешься той же адресной книжкой, что и наши родители?

– Ну да. В смысле адресов она теперь почти не нужна; мы знаем, где кто живет, но теперь она полезна для мобильных номеров. Вот номер Кэти.

– Спасибо.

– Теперь я запишу твой номер на тот случай, если ты решишь исчезнуть на очередные тридцать семь лет. – Он подмигнул.

Я продиктовала свой номер, и он записал его. Потом сообщил мне номер своего стационарного телефона.

– Никак не привыкну к мобильному, хотя он у меня есть, – пожаловался Джон. – Каждый раз, когда я собираюсь вздремнуть на лугу в солнечный денек, супруга мне трезвонит. – Он вздохнул и повысил голос, чтобы все могли его услышать: – А теперь возвращаюсь к моему трактору и надеюсь скоро увидеть вас всех.

– Я только что втолковала детям, что нам нужно устроить семейную вечеринку, чтобы они могли познакомиться со своими дядями, тетями и двоюродными братьями и сестрами, – сказала Шинейд.

– Их около двадцати человек, мама! – сказала Мэри-Кэт. – Но некоторые из них в Канаде.

– Не беспокойся, здесь их достаточно, – улыбнулась Шинейд. – Как насчет воскресенья?

– Мы сможем, мама? – спросила Мэри-Кэт.

– Уверена, что сможем, и это было очень любезно с твоей стороны, Шинейд, – сказала я. – Дети, давайте на выход. Спасибо за ланч и за гостеприимство.

– Это еще что! – Шинейд хихикнула. – Не могу дождаться, когда все мои свояченицы узнают, что я первой встретилась с вами!

Мы поочередно обнялись с ней, потом уселись в автомобиль и последовали за трактором Джона. Я гордилась своими детьми, особенно Мэри-Кэт, которая – хотя она еще не знала об этом – имела нечто общее со мной: мы обе знали, что хозяйева дома не были нашими кровными родственниками. Но ее радостное волнение при мысли о будущей «родне» означало, что она даже не задумывалась об этом.

Наверное, это потому, что она прожила свои двадцать два года в любящей семье, как и я, выросла рядом с любящими родителями.

Должна ли я рассказать Джону и остальным родственникам о том, что меня «подбросили» в семью на замену умершего младенца?

Нет, решила я, это не имеет значения. Любовь – вот что имеет значение.

– Куда теперь, мама? – спросила Мэри-Кэт.

– Пожалуй, вернемся в гостиницу.

– Сегодня прекрасная погода, и я не прочь проверить, можно ли взять снаряжение напрокат в той школе серфинга, которую мы засекли на пляже, – сказал Джек. – Прошла целая вечность с тех пор, как я последний раз занимался серфингом. Присоединишься? – обратился он к Мэри-Кэт.

– Если мы не понадобится маме, то да, с удовольствием.

– Я обойдусь, а вы отправляйтесь туда и развлекитесь как следует. Но не забывайте, что здешнее море очень холодное, – с улыбкой предупредила я.

Когда мы вернулись в отель, дети пошли узнавать насчет проката досок для серфинга, а я поднялась в номер и сразу же набрала телефон Кэти. Звонок был переадресован на голосовую почту с просьбой оставить сообщение, но я понятия не имела, что сказать. Тогда я набрала номер Кросс-Фарм, и Шинейд ответила мне.

– Привет, это Мерри. Мобильный телефон Кэти не отвечает, так что, наверное, я просто поеду к ней. Где именно она живет?

– В Тимолиге. Помнишь, где находится футбольное поле Гэльской спортивной ассоциации?

– Да.

– На другой стороне улицы, сразу за полем стоит большой шикарный дом. Его нетрудно заметить, потому что он выкрашен в ярко-оранжевый цвет. Я бы такой не выбрала, зато не пропустишь. – Она рассмеялась напоследок.

Оставив на стойке регистрации записку для Джека и Мэри-Кэт, я села в автомобиль и поехала в Тимолиг. Как и Клонакилти, поселок разросся вверх и в стороны, но главная улица осталась примерно такой же, какой я ее помнила. Я любовалась величественным видом на бухту Кортмашерри. Миновав спортивное поле, где подростки проводили тренировку по гэльскому футболу, что пробудило яркие воспоминания о моих братьях, гонявших мяч по полю вместе с отцом, я увидела большой дом, стоявший на склоне немного позади, и согласилась с Шинейд, что я бы тоже не выбрала сочный мандариновый оттенок для покраски дома. Он как будто кричал: «Посмотри на меня!» Было ясно, что Кэти ни в чем себе не отказывает.

Я свернула на подъездную дорожку, восхищаясь густым девственным садом и тщательно ухоженными цветочными клумбами. Возле дома стоял новенький «Рейндж Ровер», такой блестящий, что отраженные солнечные блики едва не ослепили меня. Я остановила автомобиль, выключила двигатель и собралась с духом, прежде чем постучаться в парадную дверь.

Мне открыл сухощавый, седеющий, но все еще симпатичный мужчина в летних брюках и розовой рубашке.

– Добрый день, чем могу помочь? – спросил он.

– Я ищу Кэти.

– Как и все остальные. – Мужчина с мрачноватой улыбкой пожал плечами. – Она на работе, как обычно. А вы кто будете?

– Меня зовут Мэри Макдугал, и я ее сестра.

Он некоторое время смотрел на меня, потом кивнул.

– Значит, вы та самая потерянная сестра.

– Точно.

– Что ж, она должна вернуться около четырех часов, примерно через двадцать минут. Кстати, я Коннор, муж Кэти. Не желаете зайти и выпить чаю? Я как раз готовил себе.

Он проводил меня в ультрасовременную кухню, где было все, о чем могла мечтать домохозяйка.

– Не могу утверждать, что она вернется вовремя, – сказал Коннор, поставил передо мной чашку чая и устроился за столом. – Как вы можете видеть, у нее нет нужды в постоянной работе, но, что бы я ни говорил, ее инвалиды из дома престарелых остаются превыше всего остального. Она предана своему делу. Позвольте спросить: где же вы пропадали все эти годы?

– Я уехала в Новую Зеландию.

– Вот место, которое я бы с радостью посетил, если бы смог уговорить жену хотя бы раз взять отпуск. Где вы живете, на северном острове или на южном?

Я ответила, и мы приятно поболтали о стране и о нашем винограднике, пока я не услышала звук автомобиля на подъездной дорожке.

– Считайте, что вам повезло: моя жена для разнообразия вовремя вернулась с работы. – Коннор встал. – Посидите пока в комнате для отдыха, а я сообщу ей о вашем приезде и постараюсь подготовить ее. Для нее это будет потрясением; меня здесь не было, когда вы уехали, но я знаю, как вы были близки с сестрой.

– Разумеется. – Я прошла в указанную комнату, которая выглядела скорее как рекламный образец интерьера, а не как жилое помещение. Все, от кремовых кожаных диванов до столиков из искусственного красного дерева и великолепного мраморного камина, было безупречным. Я услышала тихие голоса за дверью, и наконец моя сестра вошла в гостиную. Она была точно такой же, какой я ее помнила: стройная, элегантная, точная копия нашей матери. Ее рыжие волосы ничуть не поредели, а когда она подошла ближе, то я заметила, что на гладкой бледной коже практически нет морщин, как будто она провела все эти годы в криокамере.

– Мерри. – Кэти пристально рассматривала мое лицо. – Это правда ты?

– Да, Кэти, чистая правда.

– Боже, я не знаю, что и сказать. – Ее голос дрожал. – Я как будто попала в телевизионное реалити-шоу, где встречаются давно разлученные сестры. – Она тихо заплакала. – Иди сюда, Мерри, обними меня.

Мы долго стояли, обнявшись. Потом она наконец отстранилась и указала на ближайший диван.

– Давай сядем, а то у меня ноги подгибаются, – сказала она.

Когда мы уселись, она потянулась к стеклянному кофейному столику и вытащила из коробки гигиеническую салфетку.

– Я всегда задавалась вопросом, что скажу, если ты когда-нибудь вернешься; я негодовала на то, что ты даже не оставила мне записку, куда и почему ты уехала. А я-то считала тебя своей лучшей подругой. Мы и *были* лучшими подругами, правда?

Кэти резким движением вытерла слезы.

– Прости, Кэти, – сказала я, глотая слезы. – Я бы сообщила тебе, если бы могла, но... Я просто не могла никому рассказать.

– Неправда. – Она повысила голос. – Ты оставила записку своему Амброзу, верно? Я знаю, потому что раздобыла его телефонный номер и позвонила ему. В записке было сказано, что ты вынуждена уехать, но он не должен беспокоиться за тебя. А потом ты исчезла на тридцать семь лет. Почему, Мерри? Пожалуйста, расскажи мне.

– Поверь, Кэти, у меня не было выбора. Я не хотела причинять боль тебе и другим членам семьи. Я пыталась защитить вас.

– Я знала, что у тебя были секреты от меня, Мерри. О боже, я сейчас снова заплачу.

– Мне жаль, Кэти, мне очень жаль. – Я обвила ее руками и прижала к себе, она плакала.

– Ты же знаешь, я бы все сделала, чтобы помочь тебе. Даже уехала бы с тобой, если бы это понадобилось. У нас все было общее, да?

– Правда.

– Ненавижу этого Амброза; он с самого начала похитил тебя у нашей семьи. Он уговорил папу и отца О'Брайена послать тебя в эту престижную частную школу в Дублине, чтобы ты могла оставаться рядом с ним. Он как будто *хотел* стать твоим отцом, но он не был им. Он не был твоим отцом, Мерри.

– Нет, но клянусь, что причина моего отъезда не имела ничего общего с Амброзом.

– Ты уже встретила с ним после возвращения в Ирландию? – Она окинула меня подозрительным взглядом.

– Да.

– Должно быть, он уже очень старый?

– Это так, но он не утратил остроту ума.

– И что он сказал, когда ты без предупреждения свалилась ему на голову с ясного неба?

– Он был потрясен, но рад. Пожалуйста, Кэти, не надо плакать. Я здесь. Я обещаю объяснить тебе причину своего отъезда и надеюсь, что ты поймешь меня.

– Я долго размышляла об этом, и, кажется, у меня есть идея. Думаю, что...

– Может, будет лучше, если мы поговорим об этом немного позже, Кэти? Вместе со мной приехали мои дети, а я им еще почти ничего не рассказывала.

– А твой муж, если он у тебя есть? Он знает?

– Мой муж умер несколько месяцев назад, и он ничего не знал. Никто не знал. Когда я уехала, то постаралась забыть о прошлом. Я начала новую жизнь и получила новые документы.

– Сожалею о твоей утрате, Мерри. Но... Ладно, у меня есть что рассказать тебе о *нашей* семье, некоторые вещи, о которых мы не знали в детстве, но которые понятны сейчас. Особенно для тебя.

– Тогда ты должна мне рассказать, Кэти.

– Это некрасивая история, Мерри, но она многое объясняет.

Я собиралась упомянуть о том, что прочитала дневник Нуалы, когда раздался короткий стук в дверь и появился Коннор.

– Прошу прощения, что перебиваю, но у нас сегодня будет что-нибудь на ужин, Кэти? В холодильнике ничего не нашлось.

– Да, Коннор, я собиралась съездить за покупками. Я вернулась только для того, чтобы принять душ и переодеться. – Кэти встала. – Что, если я завтра заеду к тебе? – обратилась она ко мне. – Завтра у меня выходной. Где ты остановилась?

– В отеле «Инчидони-Лодж».

– О, это славное место с прекрасными видами.

– Верно, – сказала я, ощущая напряжение в комнате, которое появилось с приходом Коннора. – Мне все равно уже пора возвращаться.

– В одиннадцать утра тебя устроит? – спросила Кэти.

– Отлично. Я спущусь вниз и встречу тебя. До свидания, Кэти, Коннор.

Возвращаясь в гостиницу, я решила, что, несмотря на автомобиль, идеальный дом и симпатичного богатого мужа, моя сестра не была

счастливой женщиной.

* * *

В тот вечер мы с Джеком и Мэри-Кэт наслаждались неторопливым ужином в пабе Клонакилти. Потом мы пошли послушать традиционную ирландскую музыку в «Ан Тич Биг» – некогда крошечный сельский коттедж, теперь превращенный в паб. Фолк-группа исполняла старинные баллады, возвращая воспоминания о моем отце, игравшем на скрипке. Потом мы вернулись в отель.

– Похоже, завтра будет отличная погода для серфинга, – заметил Джек. – Так что, если ты не против, мы с Эм-Кей покатаемся на волнах после завтрака.

– Я встречаюсь с одной из своих сестер, так что это меня вполне устраивает.

– Мне правда нравится здесь, мама, – сказала Мэри-Кэт, когда мы пожелали друг другу спокойной ночи. – Все такие дружелюбные. Похоже на Новую Зеландию, только с другим акцентом!

Я была рада, что моим детям понравилось здесь.

На следующее утро я натянула джинсы, надела блузку и спустилась в фойе встречать Кэти. Она приехала ровно в одиннадцать часов. Вчера она была в темно-синей униформе медсестры, но сегодня нарядилась в брюки ручного пошива и шелковую блузку.

– Спасибо, что приехала. – Я обняла ее.

– Как будто я могла не приехать! Вчера я была ошарашена и выбита из колеи, а кто бы не был ошарашен на моем месте? Но я понимаю, что у тебя были свои причины. Как же здорово видеть тебя! А где твои дети? – спросила Кэти.

– На пляже, сражаются с волнами. Они оба без ума от серфинга.

Я прислушалась к себе и улыбнулась, потому что, находясь среди уроженцев Западного Корка, снова начала говорить с местным акцентом.

– Здесь есть где поговорить наедине? – поинтересовалась Кэти.

– А разве тут не хватает секретности?

– Ты должна помнить, что даже стены имеют уши, а мой муж... в общем, он хорошо известен в здешних краях.

– Хочешь сказать, тебе стыдно, что нас могут увидеть вместе? – хихикнула я.

– Конечно, нет, но то, о чем я хочу тебе рассказать... В общем, лучше, если бы никого не было рядом.

– Хорошо, тогда давай поднимемся ко мне в номер.

Мы заказали капучино и немного поболтали о современных веяниях в этой части света.

– А то я не знаю; до недавних пор мой муж был владельцем одной из крупнейших местных строительных компаний и последние несколько лет пропадал на работе. Теперь в отрасли наступил спад, но он предвидел это и смог в прошлом году продать бизнес. Теперь он сидит на своих деньгах, пока новые владельцы и все, кто раньше работал на него, наблюдают за общим упадком. Ему всегда везло в этом отношении.

– Значит, он хороший бизнесмен?

– Полагаю, да, – с усталой улыбкой согласилась она.

– Могу я кое-что спросить, Кэти?

– Само собой, Мерри. У меня никогда не было секретов от тебя.

– Туше. – Я скорчила гримаску. – Ты счастлива с Коннором?

– Тебе нужен длинный ответ или короткий? – Она пожала плечами. – В общем, когда я заливалась пинтами пива в пабе Генри Форда, он появился из ниоткуда и вскружил мне голову. Его компания уже тогда пошла в гору, так что он купался в деньгах. Он показал мне планы строительства особняка на земельном участке, который он купил в Тимолиге, повсюду возил меня на модном спортивном автомобиле, а потом вручил обручальное кольцо с огромным камнем и сделал предложение. – Кэти покачала головой. – Ты помнишь, каким было наше детство и как я поклялась не повторять судьбу родителей, так что предложение от богача казалось мне настоящим чудом. Разумеется, я согласилась, и мы устроили пышную свадьбу в отеле «Данмор-Хаус», а потом провели медовый месяц в Испании. Он осыпал меня шмотками и ювелирными украшениями; он говорил, что хочет видеть меня как продолжение своей руки.

– Ты была счастлива?

– Тогда была, да. Мы постарались создать семью. На это ушло много времени, но я смогла родить мальчика и девочку: Коннора-младшего и Тару. Вскоре после рождения сына до меня дошли слухи о

первой измене мужа. Разумеется, он все отрицал, и я простила его, но потом это происходило снова и снова, и я больше не могла этого вынести. – Она пожала плечами.

– Почему ты не развелась с ним?

– Я знаю Коннора. Он нашел бы способ оставить меня без гроша, поэтому, когда дети выросли и разъехались, я решила поступить в колледж и сдать экзамены на медсестру. Мне понадобилось три года на разъезды между Тимолигом и Корк-Сити, но в конце концов я выдержала экзамен. – Она гордо улыбнулась. – Так что последние пятнадцать лет я работаю в доме для престарелых в Клонакилти и люблю свою работу. А как насчет твоего мужа? Он был хорошим человеком?

– О да, – улыбнулась я. – Очень хорошим. Конечно, у нас были свои подъемы и спады, как в любом браке, и мы пережили трудные времена в материальном смысле, когда завели свой виноградник...

– О, виноградник! Помнишь, как мы воровали у папы домашний портер? Пара глотков могла уморить кошку!

– Помню! Вкус был отвратительный.

– Но мы все равно пили его. – Кэти захихикала. – Кажется, мы обе прошли долгий путь с тех пор.

– Да. Если оглянуться назад, мы тогда находились на краю нищеты, верно? Я помню, как ходила в школу в прохудившихся ботинках, потому что мы не могли купить новые.

– Нас определенно можно было назвать бедняками, но, с другой стороны, так жила половина Ирландии, – сказала Кэти.

– Да, и после всех страданий, которые претерпели наши предки в борьбе за свободу, на самом деле немного изменилось, не так ли?

– В сущности, как раз об этом я и собиралась поговорить с тобой.

– О нашем прошлом?

– Да. Ты помнишь, что наши бабушки и дедушки никогда не навещали нас, как и двоюродные братья и сестры?

– Помню. Я никогда не понимала этого.

– Да, но, когда я стала работать в доме престарелых в начале девяностых... Там многое можно узнать о прошлом. Возможно, родственники перестали их слушать, а может быть, они готовы делиться воспоминаниями с незнакомыми людьми. Так или иначе, у нас была одна дама в «палате особого режима», как мы называем

помещения для тех, кому уже недолго осталось на этой земле. Я работала в ночную смену и пришла проверить ее состояние. Хотя ей было за девяносто, она сохранила все умственные способности. Она посмотрела на меня и назвала меня точной копией своей дочери, а потом спросила, как меня зовут. Я ответила, что меня зовут Кэти Сканлон, но она спросила мою девичью фамилию. Когда она узнала, что я из семьи О'Рейли, она заплакала и взяла меня за руку. Она назвалась моей бабушкой, Нуалой Мерфи, а ее дочь звали Мэгги. Она сказала, что должна поведать свою историю перед встречей с Творцом. Она рассказывала эту историю три вечера подряд, поскольку была очень слаба, но исполнена решимости довести дело до конца.

Я недоверчиво уставилась на Кэти:

– Нуала была *нашей* бабушкой?

– Да, и мы ее никогда не видели, только однажды, на маминых похоронах. После ее рассказа я поняла, почему мы не встречались с ней. Мерри, что случилось? Ты сильно побледнела.

– Я... Кэти, много лет назад я получила ее дневник от человека... которого мы обе знали.

– От кого?

– Лучше я сейчас не буду говорить, иначе мы свернем в сторону, и...

– Ладно, я догадываюсь, кто дал тебе этот дневник. Почему ты мне не сказала?

– Во-первых, потому, что я сама прочитала его лишь несколько дней назад. Знаю, Кэти, это может показаться странным, но, когда я получила дневник, мне было всего лишь одиннадцать и я не интересовалась прошлым. А когда я повзрослела, то убрала его с глаз долой из-за того человека, который подарил его мне.

– Но ты сохранила его?

– Да. – Я вздохнула. – Только не спрашивай меня почему, поскольку я правда не знаю.

– Конечно, не буду. Но если ты читала дневник, то, полагаю, догадалась о родственной связи?

– Нет, потому что записи прекратились в 1920 году. Что-то произошло с Нуалой, и она перестала писать.

– Наверное, тебе стоит как-нибудь показать его мне. Я выслушала всю историю от начала до конца. Докуда ты дочитала, чтобы я не

повторялась?

– Я... – Я откашлялась. – Это было после самоубийства Филиппа, того британского солдата.

– Ясно. Нуала все еще горевала об этом, хотя с тех пор произошло много всего, включая то, из-за чего она никогда не приезжала к нам после свадьбы наших родителей.

– Расскажи мне, Кэти, – нетерпеливо попросила я.

Кэти достала папку из своей шикарной сумки «Луи Виттон» и перелистала страницы.

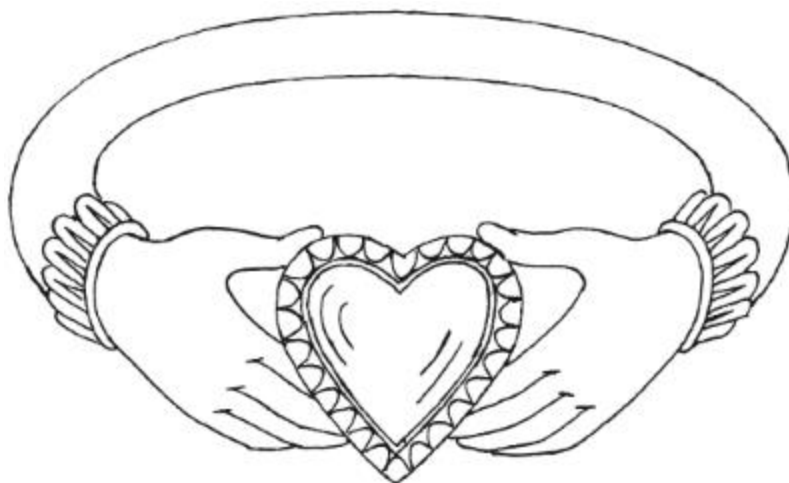
– Я записала ее рассказ, чтобы ничего не забыть. Итак, ты уже знаешь о самоубийстве Филиппа?

– Да.

– Так вот, война за независимость продолжалась еще долго. Финн, муж Нуалы, был волонтером, и наступили темные времена, когда обе стороны перешли к насилию. Давай начнем с Ханны, сестры Нуалы, которая вышла за Райана вскоре после смерти Филиппа...

Нуала

Клогах, Западный Корк

Ирландское кольцо Кладдах

Свадьба Ханны Мерфи и Райана О’Рейли состоялась в клогахской церкви в совершенно иной атмосфере, чем у Нуалы и Финна. Ханна и Райан хотели провести более скромную церемонию, подобающую общей угрюмой атмосфере, повисшей в воздухе.

Церковь, украшенная остролистом, с горящими свечами во всех окнах, выглядела празднично, но Нуала присутствовала на свадьбе в горестном тумане, от которого не было утешения, да она и не искала его. Никто не должен был знать, как она безутешна после смерти Филиппа.

Во время небольшого празднества Шан, одна из подруг Ханны, в магазине одежды наклонилась к Нуале:

- Ее муж не заинтересован в помощи нашему делу?
- Что ты имеешь в виду?
- Она была первой, к кому мы обращались для передачи сообщений. Теперь она говорит, что у нее нет времени.

– Сейчас она сосредоточена на своей свадьбе, Шан, – сказала Нуала. – Уверена, она займется делом, когда все успокоится.

– Может быть, но... – Шан приблизила губы к уху Нуалы и зашептала, перекрывая звуки маленького музыкального ансамбля: – Кажется, ее муж не хочет, чтобы она принимала участие в наших делах.

Через несколько секунд Шан пригласили на танец, а Нуала сидела, смотрела, как новобрачные занимают место в центре группы, и задавалась вопросом о слепоте любви. Как ни старалась, Нуала не могла понять, что особенного ее волевая и страстная сестра нашла в тихом пацифисте, за которого только что вышла замуж.

* * *

Наступил 1921 год, и следующие несколько месяцев храбрые волонтеры делали все возможное, чтобы нанести поражение британцам. Из уст в уста шепотом передавались слухи о победах ИРА, о постепенном перевесе в сторону восставших благодаря хитроумной тактике партизанской войны и знанию родной земли, но репрессии за потери среди британцев были суровыми. Нуала находила облегчение в регулярной передаче депеш и в помощи тем, чьи дома были перевернуты вверх дном или подожжены мстительными британцами. Многие пожилые пары были вынуждены жить в курятниках, слишком испуганные, чтобы выходить на улицу. Нуала обошла всех членов Куман-на-мБан, которых она знала, и однажды вечером они собрались на конспиративной квартире в Баллинаскарти, чтобы составить перечень распределения временного жилья среди бездомных. Встреча проходила в атмосфере бодрой решимости и надежды на скорое завершение конфликта, но их бригадный командир Ниам призывал к осторожности.

– Борьба еще не закончена, девушки, и мы не должны терять бдительности. Все мы потеряли близких и дорогих людей на этой войне; лучше не терять новых.

– Как быть с теми, кого бросили за решетку? – спросила Нуала. – Я слышала, что там ужасные условия, даже хуже, чем в тюрьме Маунт-джой в Дублине. Есть ли план выручить наших ребят?

– Их держат под круглосуточной охраной, – сказал Ниам. – Для британцев они являются ценными заложниками; они знают, что наши добровольцы дважды подумают, прежде чем устроить засаду, памятуя о том, что в отместку могут расстрелять одного из пленных товарищей.

В эти дни Нуала стала почти нечувствительной к страшным новостям, но гибель Чарли Харли, ближайшего друга Финна, стала тяжким ударом для нее. Чарли застрелили в упор на ферме Хамфри Форда в Баллимерфи. Финн был безутешен, но он не мог долго горевать. Через несколько дней он перешел в глубокое подполье вместе с «летучей бригадой», и Нуала не знала, когда снова увидит своего мужа. Ей было известно, что женщины из Куман-на-мБан вынесли тело Чарли из морга исправительной тюрьмы в Бандоне. Его тайно похоронили ночью на клогахском кладбище, так что все волонтеры, которые знали и любили его как командира Третьей бригады Западного Корка, могли присутствовать при этом.

Мысль о тех, кого они с Финном потеряли в борьбе за независимость Ирландии, питала решимость Нуалы делать все возможное, чего нельзя было сказать о Ханне. Хотя Нуала старалась примириться с тем, что у Ханны не было иного выбора, кроме мирной позиции ее мужа, явный отказ сестры от любой связи с делом, которое она когда-то так страстно защищала, больно ранил душу. Когда Ханна рассказала Нуале, что Райан осуждает мужественную борьбу волонтеров из-за своих пацифистских взглядов, это вызвало глубокий разлад между ними. Теперь, когда Нуала была в Тимолиге и видела свою сестру, выходящую из магазина одежды, она часто отворачивалась и быстро уходила в другую сторону.

Сельскохозяйственный сезон продолжался, несмотря на войну. От Финна по-прежнему не было никаких известий, кроме одного сообщения, полученного через Кристи, где говорилось, что он жив и шлет ей свою любовь. Нуала проводила время на ферме, где бралась за любую работу, которую ей поручали. В начале весны долина наполнилась золотистым утесником, в коровнике было полно новорожденных телят, а дни удлинились. Но посреди горя и страха, отбрасывавших тень на все вокруг, у Нуалы был особый секрет, даривший ей частицу ра досты.

– Скоро ты покажешься, и тогда будет невозможно скрыть это, – сказала она, глядя на свой живот. По ее оценке, она была беременна

около двух месяцев, а роды ожидались во второй половине декабря. Теперь, после приступов тошноты и слабости, она ощущала новую энергию для победы в борьбе за их общего с Финном ребенка. Нуала никому не говорила об этом, желая, чтобы ее муж узнал первым, но была уверена, что мама уже догадалась о ее секрете.

Когда весна перешла в лето и на дорогах стало меньше британских конвоев, которые опасались засад повстанцев, Нуала ухаживала за ранеными в бою или постаравшимися во время карательных рейдов на фермы.

Все эти люди и члены их семей выражали ей горячую благодарность и предлагали любую имевшуюся еду в качестве вознаграждения. Большинство ее пациентов были вчерашними подростками, чьи тела, а часто и жизни были принесены в жертву ради общего дела. Они и их семьи до глубины души трогали Нуалу.

«За прошлый год я больше узнала о работе медсестры, чем когда-либо выучила из книг», – подумала она однажды вечером, возвращаясь домой на велосипеде.

При таком обилии дел она легко засыпала по ночам. Ходили слухи, что британцы вернулись в свои казармы, еще не сожженные добровольцами. Она слышала от Кристи, что сам Майкл Коллинз прислал личное сообщение для «летучей бригады» Западного Корка. Когда Нуала в следующий раз увидела Ханну в городе, она пригласила ее посидеть вместе за ланчем. Нуале хотелось рассказать сестре о послании Коллинза, хотелось, чтобы Райан тоже узнал об этом.

– Подумать только! – мечтательно произнесла Ханна, пока они сидели на своей любимой скамье с видом на бухту Кортмашерри. – Послание от самого Большого Парня!

– Он стоит за нашими ребятами и за всем, что они делают, Ханна, – многозначительно добавила Нуала. – Надеюсь, ты расскажешь об этом Райану.

Ханна проигнорировала замечание сестры; вместо этого она доверительно сообщила, что беременна. Нуала тоже поделилась своей тайной, но взяла с Ханны обет молчания до тех пор, пока она сама не скажет об этом Финну. Этот откровенный обмен на короткое время возродил ощущение их прежней близости, сестры представляли своих детей, играющих перед ними.

Потом Нуала спросила, придут ли Ханна и Райан в Кросс-Фарм на воскресный ланч.

– Извини, мы не сможем. Райан берет меня на ночное бдение в Килбриттене. Мы будем молиться за мир.

– Ваши молитвы тоже понадобятся, чтобы эта война когда-нибудь закончилась, – пробормотала Нуала.

* * *

Нуала испекла бармбрэк для своей бедной соседки миссис Грэди, которая теперь была прикована к постели артритом. Стоял необычно знойный июльский день, и она смотрела на сухой, неухоженный участок земли за домом, где она так и не успела ничего сделать после новоселья. Она гадала, не стоит ли прибраться там и посадить какие-нибудь красивые цветы, когда кто-то вдруг похлопал ее по плечу.

– О господи, Кристи! – воскликнула Нуала, повернувшись. – Ты напугал меня.

– Извини, но я подумал, что тебе нужно узнать последнюю новость: вчера ночью добровольцы сожгли замок Бернард в Бандоне и взяли в заложники лорда Бандона.

– Мать Божья! *Что* они сделали?! Никто не пострадал?

– Насколько я слышал, нет. Ты нормально себя чувствуешь, Нуала? Тебя шатает.

– Давай зайдем в дом, и ты расскажешь подробнее, – нервно прошептала она.

Когда Кристи налил ей стакан воды, Нуала посмотрела на двоюродного брата со смешанным выражением ужаса и изумления.

– Не могу поверить, что они это сделали! – произнесла она. – Замок Бернард простоял сотни лет, а лорд Бандон – самый могущественный человек в здешних краях. Ты сказал, волонтеры держат его в заложниках?

– Да. Меня прислали сюда, потому что его держат недалеко от того места, где мы сидим, а члены ИРА доверяют тебе. Давай скажем, что сейчас он соседствует с бедным Чарли Харли, который лежит на кладбище в Клогах.

Нуала открыла рот, собираясь заговорить, но Кристи приложил палец к губам.

– Лорда Бандона нужно кормить. Мы не хотим, чтобы потом он рассказывал, что мы плохо обращались с ним, как обращаются со многими нашими парнями, попавшими в плен к врагу. Ты можешь приготовить еду для него?

– Мне готовить еду для лорда Бандона? Он привык есть лучшую форель, свежевывловленную в Иннисханнон-Ривер, и отборное жаркое из мяса своих призовых быков. Вряд ли я могу предложить ему брюквенный суп, верно?

– Я бы сказал, что ему нужна как раз хорошо приготовленная ирландская еда. Давай помнить о том, что он человек, который ходит в сортир, как и все остальные, несмотря на свое величие. Я заберу для него этот барм брэк, если ты не против.

Кристи потянулся к остывающему подносу.

– Убери свои грязные лапы! – Нуала отодвинула поднос и нашла кусок муслина, чтобы завернуть пирог. – Добавить кусок сливочного масла?

– Все, что сочтешь нужным. Это сойдет как минимум для ужина, а завтра я вернусь за ланчем. До скорой встречи.

Кристи ушел, и Нуала смотрела, как он идет к зданию школы, а потом сворачивает направо возле церкви.

Нуала решила, что точно знает, где они прячут лорда Бандона. Вопрос в том, находился ли ее муж рядом с ним.

* * *

В тот вечер Нуала воспользовалась своим драгоценным запасом муки и испекла пирог с картошкой и ветчиной. Она переживала за результат, поскольку не привыкла готовить выпечку, но верхняя корочка вышла золотистой, прямо на загляденье. Она только успела поставить пирог остывать на кухонный стол, как в дверь постучали.

– Я здесь, Кристи. Просто заходи, ладно? – крикнула она, сосредоточившись на срезании подгоревших кусочков.

– Здравствуйте, Нуала.

Она повернулась с ножом в руке.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, Нуала. Клянусь, я пришла с миром... и втайне от всех.

Женщина откинула капюшон своей длинной черной накидки.

– Леди Фицджеральд? – потрясенно прошептала Нуала.

– Прошу вас, не бойтесь. Я пришла сюда, чтобы передать просьбу о помиловании моего доброго друга.

Леди Фицджеральд поставила на стол плетеную корзинку, а Нуала, по-прежнему державшая нож, подошла к окну и убедилась, что снаружи нет военных, использовавших леди Фицджеральд для отвлечения и готовых вломиться внутрь, арестовать и пытаться ее до тех пор, пока она не расскажет все, что знает о лорде Бандоне.

– Клянусь, Нуала, я пришла одна. Я даже прошла пешком всю дорогу от Аргидин-Хауса, чтобы никто из членов моей семьи или слуг не знал о моих передвижениях. Можно сесть?

Нуала едва заметно кивнула и указала на единственный удобный стул в доме.

– Я знаю, что вы враждебно относитесь ко мне и научились никому не доверять, но умоляю вас, вы единственный человек, который знает, через что мне пришлось пройти. – Глаза леди Фицджеральд наполнились слезами, и Нуала поняла, что она говорит о Филиппе. – И сегодня я пришла поговорить с вами из-за той связи, которая образовалась между нами, двумя женщинами. Знаю, мы обе рискуем из-за моего визита, но в этой накидке и с распущенными волосами... – Леди Фицджеральд печально улыбнулась. – Я сомневаюсь, что даже мой муж узнает меня.

Нуала подумала, что леди Фицджеральд выглядит необыкновенно красивой с длинными светлыми локонами, волнами ниспадавшими по обе стороны лица. Отсутствие ювелирных украшений лишь подчеркивало ее естественную красоту, делало ее моложе и уязвимее.

– Я умоляю вас поверить мне, – продолжала леди Фицджеральд. – И вы должны знать, что я старалась защитить вас и вашу семью. Хотя вы и ваш муж находитесь в числе подозреваемых, к вам ни разу не приходили с обыском, верно?

– Нет. Что ж, если это имеет отношение к вам, тогда спасибо.

Нуала едва не добавила «ваша светлость», что было бы уместно по отношению к английской аристократке. Хотя леди Фицджеральд

была добра к ней, но зверства, совершаемые от имени ее семьи и британцев в целом, вовремя остановили Нуалу.

Леди Фицджеральд посмотрела на пирог. Потом ее взгляд вернулся к Нуале.

– Сегодня утром меня посетила моя старинная подруга. Она сказала, что ирландцы держат ее мужа в заложниках в отместку за казни заключенных из ИРА в тюрьмах Корка и Дублина. По ее словам, ИРА выдвинула ультиматум, где сказано, что в случае дальнейших расстрелов их добровольцев они убьют ее мужа. – Последовала небольшая пауза, прежде чем леди Фицджеральд добавила: – Думаю, мы обе знаем, о ком идет речь.

Нуала промолчала, плотно сжав губы.

– Вы испекли превосходный пирог, Нуала. Ждете гостей или это для кого-то... еще?

– Это для моей соседки, которая прикована к постели.

– В таком случае ей очень повезло, и надеюсь, что пирог ей понравится. Нуала, я пришла к вам по просьбе жены, которой сейчас очень тяжело и которая, как и вы, надеется на безопасное возвращение своего мужа. Если кто-то из ваших знакомых удерживает лорда Бандона, не могли бы вы передать ее просьбу о снисхождении?

Нуала сидела с непроницаемым выражением лица. Она ничего не сказала.

Леди Фицджеральд указала на корзинку:

– Там лежат продукты из моей кладовой, чтобы заложник мог питаться тем, к чему он привык. Еще там есть записка от его жены.

Леди Фицджеральд снова посмотрела на Нуалу, которой было все труднее бороться с собой.

– Вероятно, у вас есть знакомые, которые могут доставить ему эту корзинку? Там нет ничего, что могло бы кого-то уличить: только любовь, поддержка и утешение от его жены. Могу я оставить ее здесь?

На этот раз Нуала слегка кивнула.

– Спасибо. Еще хочу сказать, что мы с мужем покидаем Аргидин Хаус. Мы собираем вещи и закрываем дом, как у нас говорится, потом возвращаемся в Англию. После того, что случилось с мужем моей подруги два дня назад, и после сожжения дома Трэверса в Тимолиге совершенно ясно, что мы больше не можем оставаться здесь.

Леди Фицджеральд встала и направилась к выходу, потом оглянулась:

– Прощайте, Нуала. Пусть ваша сторона добьется успеха и ваш муж вернется живым и здоровым. В конце концов, это ваша земля.

Леди Фицджеральд с грустной улыбкой вышла из дома. После ее ухода Нуала нашла в себе силы подойти к корзинке. Ее пальцы двигались так осторожно и медленно, как будто под тканью могла оказаться граната.

– А что? Вполне возможно и такое, – вздохнула она.

Внутри были жестянки из магазина «Фортнэм и Мэйсон». Бисквиты, чай «Эрл Грей» и коробочка с крошечными пестрыми яичками, которые, судя по надписи сверху, были снесены перепелками. На дне корзинки лежал конверт, адресованный «Джеймсу Фрэнсису». Нуала собралась открыть его, но увидела Кристи, подходившего к ее дому со стороны паба. Она быстро сложила все обратно, накрыла корзинку тканью и побежала во двор, чтобы спрятать ее в сарае.

– Этот пирог выглядит по-королевски, Нуала, – сказал Кристи, когда она вернулась на кухню. – Его светлость сможет нормально питаться еще денек-другой.

– Уверена, что он привык к лучшему, чем картошка с ветчиной, но это все, что у меня есть.

– Хорошо, тогда я пойду. – Кристи забрал пирог.

– Он до сих пор соседствует с Чарли Харли?

– Ребята перемещают его с места на место.

– Ты видел его? – надавила она.

– Нет.

– Ты знаешь, кто его охраняет?

– Ребята меняются по очереди.

– Финн среди них? – прямо спросила она.

Кристи посмотрел на нее, и, хотя он не ответил, она поняла, что ее муж принимает участие в этом.

– Если увидишь его, передай, что жена любит его и ждет домой.

– Хорошо, Нуала. Будь осторожна и прикидывайся невинной, если заглянет британский патруль.

– Как будто я могу повести себя иначе. – Она пожала плечами. – Я все равно ничего не знаю.

– Я вернусь в паб через полчаса, так что ты знаешь, где меня найти в случае неприятностей. До скорого, Нуала.

– До скорого, Кристи.

Он подмигнул ей, и она увидела, как он хромотает обратно к пабу, и порадовалась тому, что их разделяет расстояние брошенного камня. Она не знала, что делала бы без него.

Нуала налила себе стакан воды и пошла посидеть в тенистую полосу сада на заднем дворе. Ей было ясно, что, несмотря на просьбы леди Фицджеральд, она не может передать корзинку.

– Прости меня, Филипп, но никто не должен знать о том, что я имею какое-то отношение к твоей матушке, – прошептала она, подняв взгляд к небу.

Приняв решение, она встала и пошла в сарай, чтобы забрать корзинку.

Час спустя она переместила содержимое всех жестянок и коробок в пакеты из плотной коричневой бумаги. Собрав упаковочные бумажки, она опустилась на колени возле камина и поочередно сожгла их. В последнюю очередь она положила в огонь конверт с письмом и посмотрела, как он горит. Содержание предназначалось только для глаз «Джеймса Фрэнсиса», и она не стала читать письмо.

Когда Нуала сожгла все улики, она выпрямилась, отрезала два щедрых ломтя хлеба и сделала себе к чаю деликатесные сэндвичи с лососем.

На следующий день она дала Кристи такие же сэндвичи для лорда Бандона.

* * *

Прошла еще одна неделя, и Кристи по-прежнему приходил за едой. Каждый день Нуала понемногу расходовала продукты, полученные от леди Фицджеральд, чтобы немного облегчить совесть.

– Сколько вы еще собираетесь держать его? – спросила Нуала, когда они с Кристи сидели за чашкой чая.

– Сколько понадобится. Шон Хэйлс, который отвечал за сожжение зам ка Бернард, дал понять генералу Стрикленду в Корке, что он у нас в руках. Ему передали, что если он не прекратит тюремные казни

наших товарищей, то лорда Бандона застрелят, как собаку. С тех пор не было ни одной казни – ни в Дублине, ни в Корке. – Кристи улыбнулся. – Мы наконец ухватили британцев за яйца.

– Значит, вы не собираетесь убивать его?

– Нет, если британцы больше не будут казнить наших парней... но, думаю, они перестанут это делать. Шон говорит, что у лорда Бандона есть друзья и связи в британском правительстве. Они не хотят, чтобы один из них был убит ирландцами. А мы молимся за то, чтобы они предложили перемирие.

– Если только они не найдут его прежде, Кристи.

– О, теперь они не смогут этого сделать, как бы ни старались. – Он усмехнулся. – Его перевозят с одного места на другое, а мы круглосуточно занимаемся охраной и рекогносцировкой. Вот так. – Кристи встал и потянулся. – До встречи, Нуала.

Кристи ушел с корзиной, которую принесла леди Фицджеральд; еда была накрыта льняной тканью. Нуала была рада убрать эту корзинку подальше от своего дома.

– Ты можешь представить? – прошептала она своему еще не родившемуся ребенку. – Возможно, у нас будет мир!

* * *

Через десять дней Кристи ворвался в дом Нуалы и заключил ее в объятия.

– Дело сделано, Нуала! – воскликнул он, когда наконец отпустил ее. – Мы заключили мирный договор с Британией! Все закончилось, на самом деле закончилось. Ну, что ты думаешь об этом?

– Но... просто вот так, и все? А что будет с лордом Бандоном?

– Наша сторона согласилась вернуть его домой в добром здравии завтра утром.

– Теперь у него нет дома.

– Да, замок сгорел дотла, так что, наверное, он сейчас чувствует такую же боль, как тысячи ирландцев, когда они жгли наши дома и превращали в руины наши фермы. – Кристи посмотрел на нее. – Ты же не жалеешь его, правда?

– Разумеется, нет... Я просто не могу в это поверить.

– Выйди на улицу и посмотри, что происходит. – Кристи предложил ей руку, и они вдвоем вышли через парадную дверь. Нуала увидела, как жители деревни робко открывали двери своих домов и стояли на улице, ошеломленные новостью, распространившейся со скоростью лесного пожара.

Многие обнимались и целовались, но другие нервно поглядывали по сторонам, как будто происходящее было злой шуткой, разыгранной британцами, и «черно-коричневые» или солдаты Эссекского полка в любой момент могли вернуться на своих смертоносных грузовиках.

– Это правда, Нуала? – спросила одна из соседок.

– Совершенная правда, миссис Маккинтол. Все закончилось.

Джон Уолш в своем пабе объявил, что сегодня пиво будет бесплатным для всех, и перед маленьким заведением собралась толпа страждущих, праздновавших победу с кружками портера в руках.

– Мы победили, да? – спросила она замызганного и бледного Фергуса, который появился из ниоткуда и присоединился к общему торжеству.

– Так и есть. Шон Хэйлс сказал, что перемирие будет продолжаться полгода и за это время люди вроде Майкла Коллинза и Эмона де Валера в Дублине будут договариваться с британцами о новом государственном устройстве.

– Я просто не могу поверить в это! У нас будет республика? Я имею в виду, они действительно отдают нам нашу страну?

– Да, Нуала. Ирландия свободна! Мы свободны.

Позже в тот день Фергус на муле с тележкой отвез ее и Кристи в Тимолиг, чтобы забрать Ханну для празднования воссоединения семьи и общей победы. Даже Райан согласился прийти. Там было выпито много виски, лились слезы, звучал смех и поднимались тосты в честь тех, кто внес большой вклад в борьбу за свободу, но так и не дожидаясь ее.

Хотя Нуала присоединилась к празднеству, она казалась рассеянной и отрешенной.

– Кристи, ты не возражаешь, если я сейчас вернусь домой на муле с тележкой? – обратилась она к своему кузену, который явно перебрал виски.

– Ну, к’нечно. Я щас не могу загнать корову в амбар, не г’воря о пони с тележкой, – хохотнул он. – Но я вернусь в Клогах вместе с тобой. Завтра утром Джону понадобится помощь с уборкой в пабе.

На обратном пути в Клогах дорога выглядела необычно пустынной, и они не встретили ни одной повозки или автомобиля. Нуала распрягла мула и отпустила его пастись на поле рядом с пабом. Кристи потрясал кулаками и раскачивался, распевая старую ирландскую балладу.

– Тебе пора спать, Кристи. – Нуала улыбнулась. – Увидимся завтра.

– Спокойно ночи, Нуала. Уверен, что муженек скоро вернется к тебе. – Он тяжело оперся на палку и побрел к пабу, все еще наполненному посетителями.

– Можно только молиться об этом, – пробормотала Нуала, когда входила в дом.

* * *

В течение следующих суток казалось, что вся Ирландия издала дружный выдох, но Нуала все еще задерживала дыхание. Она почти не смыкала глаз, прислушиваясь в ожидании звука открываемой задней двери. Но все было тихо.

Поздно вечером она была вне себя от беспокойства, наблюдая за тем, как исхудавшие и потрепанные волонтеры возвращаются в деревню и обнимают своих любимых.

– Где ты, Финн? – шептала она. – Пожалуйста, вернись ко мне поскорее, а не то я сойду с ума.

К ночи Нуала слишком устала, чтобы переодеться, и заснула одетой на неразобранной кровати. Она не слышала скрипа задней двери или звука шагов на лестнице.

Лишь когда он что-то прошептал ей на ухо, заключил ее в объятия и привлек к себе, она поняла, что ее молитвы были услышаны.

– Ты дома, Финн. Бог любит тебя, и ты вернулся домой.

– Да, милая. И клянусь, что больше не оставлю тебя.

Следующие несколько месяцев в Ирландии царил праздничная атмосфера. Британские войска ушли, и жизнь приобрела некое подобие нормальности. Финн вернулся к обучению детей в клогахской школе. Лето перешло в сырую и ветреную осень.

В ноябре, во время воскресного ланча на ферме Фарм-Кросс, все говорили в основном о мирных переговорах, происходивших в Лондоне между Майклом Коллинзом и британским премьер-министром Дэвидом Ллойд-Джорджем при поддержке его команды закаленных политиков. Коллинз прибыл в Англию как защитник интересов Ирландии и пообещал вернуться с договором, который даст стране республиканское правление.

– Я удивлен, что Эмон де Валера не поехал на переговоры с британцами, – сказал Финн, прожевав кусок говядины, тушенной в стауте, которую приготовила Эйлин. – В конце концов, он наш президент и более опытен в политических делах, чем Майкл.

– Майкл Коллинз принесет нам мир, к которому мы все так стремились, – сухо заметил Райан, и Нуала ощутила напряженность, все еще существовавшую между воином и пацифистом.

– Полагаю, де Валера использует Майкла Коллинза как козла отпущения, – сказал Дэниэл. – Он всегда хорошо умел изображать свою отстраненность, когда дела не клеились, а потом присваивать славу, когда дела налаживались. Посмотрите, как он оставил Майкла сражаться с британцами, а сам отплыл в Америку для сбора средств. Я ни на дюйм не доверяю ему и рад, что Майкл горой стоит за Ирландию.

Нуала заметила, что Финн собирается заговорить, и под столом положила руку ему на колено, чтобы остановить. Война закончилась, и ей хотелось, чтобы за столом был мир, как и во всей Ирландии.

* * *

К началу декабря беременность стала тяготить Нуалу, и ей хотелось поскорее родить ребенка. Она была рада, что сестра лишь на месяц отстаёт от нее, поскольку они делились друг с другом своими болями и недомоганиями.

– Осталось всего лишь несколько недель. – Нуала скрипнула зубами, когда опустилась на стул. Она находилась на кухне в Кросс-Фарм вместе с Ханной и своей матерью, вязавшей шапочки и ботики для двух малышек. Порыв холодного ветра ворвался внутрь, когда Фергус распахнул дверь кухни и вошел, размахивая газетой. Дэниэл шел следом за ним.

– У нас есть мирный договор! – воскликнул он. – Майк сделал это ради Ирландии!

Пока члены семьи обнимались и обменивались радостными возгласами, Дэниэл раскрыл «Корк Экземинер» и начал читать условия договора. Пока он читал, радостное волнение в его голосе постепенно сменялось гневом. Когда он закончил, то тяжело опустился за стол, а остальные собрались вокруг, чтобы самостоятельно выведать подробности.

– Не может быть, это неправда, – пробормотал Дэниэл.

– Это правда, папа. Здесь сказано, что Ирландия будет «самоуправляемым доминионом» Британской империи, – сказала Ханна.

– Но мы хотели республику, – сказала Нуала. – Означает ли это, что мы по-прежнему присягаем на верность поганому королю Англии?

– Нуала! – укоризненно произнесла ее мать. – Ну, Дэниэл, как там написано?

– Да, – безрадостно отозвался Дэниэл. – И часть Северной Ирландии сохраняется под властью Британии.

– Господи Иисусе! – пробормотал Фергус. – Как Майкл мог согласиться на такое?

– Не знаю, но как они могут разделить нашу страну? – вскричала Нуала.

– Какая-то пародия. – Дэниэл стукнул кулаком по газете. – Британские переговорщики застили глаза Майклу Коллинзу.

– Он называет это «средством достижения мира в Ирландии», – вставила Ханна. – Возможно, он с самого начала понимал, что не сможет получить у британцев согласие на республику. По крайней мере, это начало, и мы сможем сформировать законное правительство здесь, на юге.

– Да, пока Британия будет править на севере! – разъярился Дэниэл. – Для меня это скорее средство достижения ада, Ханна!

Семьсот лет британского владычества, и все остается по-прежнему.

– Де Валера должен был поехать в Лондон, – сказала Нуала. – Майкл Коллинз не подходил для этих переговоров.

– Это сейчас ты так говоришь, однако ты славил его имя летом, когда мы добились перемирия! – воскликнула Ханна, верная своему герою. – Он приложил все силы, чтобы защитить нас, он принес мир и покончил с убийствами!

– Но какой ценой? – жарко возразила Нуала. – Они отрезали кусок *нашего* острова, и юг все еще остается владением Соединенного Королевства!

– Девочки, успокойтесь, – сказала Эйлин. – Мирный договор еще не одобрен нашим правительством. В газете сказано, что де Валера выступает против, так что не надо ссориться. Радуйтесь тому, что война закончилась.

«Но какой смысл был во всем этом, если мы не добились республиканского правления?» – подумала Нуала, глядя, как ее раскрасневшийся отец потянулся за бутылкой виски.

* * *

Планы отметить не только мирное соглашение, но и первое Рождество без британской оккупации были поставлены на паузу после того, как Ирландия снова стала разделенной нацией. В деревнях и пабах шептались о Майкле Коллинзе и сторонниках мирного договора, были и те, кто твердо поддерживал Эмона де Валера с его фракцией в партии «Шинн Фейн», выступавшей против договора.

– Ханна только что сказала мне, что они с Райаном останутся дома на рождественский ланч, – обратилась Эйлин к Нуале, когда та заглянула к ней на чашку чая.

– Под каким предлогом? – глухо спросила Нуала.

– Ну, у нее скоро роды, и...

– Пресвятая Мать, так и у меня тоже! Даже ближе, чем у нее, а я по-прежнему приезжаю с Финном на ферму, чтобы проводить праздники с моей семьей! Это все Райан; он знает, что мы выступаем против мирного договора и за де Валера, тогда как он защищает своего драгоценного Майкла.

– Они выступают за мир, Нуала, как и многие другие, – сказала Эйлин. – Нельзя винить их за это.

* * *

Финн и Нуала сразу же после Рождества благополучно произвели на свет дочь Мэгги. Джон, сын Ханны и Райана, родился в начале января, когда ирландские политики яростно перекрикивались друг с другом, обсуждая условия мирного договора в парламенте. Несмотря на новорожденного ребенка и материнское счастье, Нуала ревностно следила за новостями и молилась о победе фракции де Валера, выступавшей против договора. Когда Майкл Коллинз и его сторонники победили на голосовании, де Валера в знак протеста сложил с себя президентские полномочия и теперь прилагал все силы для противостояния с новым врагом. Приближались выборы, первые в истории «ирландского свободного государства», которым стала Южная Ирландия. Политическая смута длилась в Дублине на протяжении всей весны, и ИРА, набравшая новых рекрутов за месяцы перемирия, теперь пожирала саму себя по мере того, как усталые бойцы принимали ту или иную сторону. Противники договора во главе с де Валера начинали брать дело в свои руки и захватывать государственные здания, включая «Четыре Двора» в центре Дублина, где началось Пасхальное восстание 1916 года.

– Как они смеют идти против закона? – бушевала Ханна, когда они с Нуалой сидели на скамье с видом на бухту Кортмашерри, а Джон и Мэгги восседали у них на коленях. – Разве они не понимают, что договор дает нам право на достижение свободы?

Она повторила лозунг, распространяемый Майклом Коллинзом.

– Теперь он в кармане у британцев, – фыркнула Нуала. – Финн слышал, что сказал Коллинз после подписания договора, он сказал, что подписал свой смертный приговор. Он отлично знал, что подлинные ирландские республиканцы отвергнут эти условия.

– Значит, я не настоящая ирландская республиканка? – ошетибилась Ханна. – Это я привела тебя в Куман-на-мБан, сестричка!

– И это мы с Финном сражались до конца войны, – отрезала Нуала. – Я больше не собираюсь разговаривать с тобой, если ты и

дальше будешь жрать пропаганду Майкла Коллинза!

С этими словами она встала, положила Мэгги в переноску и пошла домой, кипя от гнева.

* * *

Дело было в июне, когда Мэгги начала принимать твердую пищу. Нуала с упавшим сердцем читала газетную статью.

– Де Валера и его кандидаты проиграли, партия Коллинза одержала победу на выборах, – обратилась она к своему мужу, который спускался по лестнице и поправлял галстук, готовясь к учебному дню в клогахской школе. – Ирландцы проголосовали за этот подлый мирный договор, Финн! Как они могли, после всего, что они... что *мы* сделали ради свободной республики?

Нуала опустила голову на стол и разрыдалась.

– Ах, милая Нуала, это большое несчастье. Но если политика терпит неудачу, то...

– То снова начинается война, и на этот раз брат пойдет против брата. Господи, Финн, я даже не представляю, что это может означать. Семьи, живущие вокруг, уже разошлись во мнениях из-за этого договора. Посмотри на нашу собственную семью, – добавила она, подняв залитое слезами лицо. – Ханна с гордостью сообщила мне, что они с Райаном проголосовали за Майкла Коллинза! Лучше бы ей не показываться здесь после этого! Я притащу ее на ферму Кросс-Фарм и заставлю делать реверансы королю Англии перед ее отцом-фением! И перед тобой, перед ее братом Фергусом и всеми нашими друзьями и соседями, рисковавшими жизнью ради республики...

– Я понимаю, Нуала. Я все понимаю.

– Это даже хуже, чем воевать с британцами! Теперь наша страна разделилась на два лагеря.

– Ну, по крайней мере, мы с тобой остаемся вместе. А теперь постарайся успокоиться и присмотри за нашей малышкой. Она хочет кушать.

Финн разложил овсянку из горшка, гревшегося над углями очага, а Нуала подхватила шестимесячную Мэгги и усадила на детский стул

с высокими бортиками, изготовленный Финном во время пасхальных каникул.

Улыбка Мэгги растопила сердце Нуалы. Она была чудесным ребенком, но ирония заключалась в том, что она унаследовала рыжие волосы своей тети Ханны и была ее миниатюрным подобием.

– Передай мне ее кашку, Финн.

Финн протянул миску в надежде, что дочь окажет успокаивающее воздействие на расстроенную жену.

– Ну, до скорой встречи. – Он поцеловал темноволосую макушку Нуалы, чмокнул рыжую макушку Мэгги и вышел из дома.

– Вот что я скажу тебе, Мэгги, – пробормотала Нуала. – Если моя сестра придет сюда и начнет разоряться о том, как партия мира победила на выборах, я хорошенько отлуплю ее.

Мэгги агукнула и раскрыла крошечный ротик, выпрашивая ложку каши.

– Может быть, попозже мы отправимся на прогулку и встретимся с твоим дядей Кристи, хорошо? По крайней мере, он разделяет мои чувства.

Когда Нуала уложила Мэгги спать, Кристи сам появился на ее пороге.

– Слышала последние новости? – спросил он и вошел в дом.

– Само собой. Мэгги спит, ее животик полон овсянки, так что давай пропустим по стаканчику на улице, ладно?

– Чего?

– Чего хочешь. – Нуала подняла бутылку виски, а Кристи вынул руку из-за спины и показал бутылку портера.

– Я принес свое, – сказал он и последовал за ней в сад. – Хотя виски тоже может понадобиться после того, что случилось.

– Помни, что у стен есть уши, – нервно прошептала Нуала.

– Разве что твоя бедная соседка, миссис Грэди, восстанет из могилы, куда ее опустили три дня назад, – с грустной улыбкой отозвался Кристи. – Если мы начнем беспокоиться об этом, то на самом деле вернемся в недобрые старые дни.

– Можно сказать и так, особенно когда партия соглашателей одержала победу на выборах.

– Да, – согласился Кристи. – Сегодня с утра в пабе много ребят, так что я ненадолго, но они поют те же песни, что и мы с тобой, и это

песни не в поддержку Майкла Коллинза. Здесь есть множество тех, кто сражался за республику, о которой мы мечтали. Я слышал, что местные протестанты уже собирают вещи и отправляются на север. Ходят разговоры о закрытии границы.

– Нас не будут пускать в северную часть *нашей собственной* страны? – ахнула Нуала, когда отхлебнула глоток виски.

– Пока не знаю, как это будет работать, но многие уйдут, просто на всякий случай.

– А как насчет католиков, живущих по ту сторону границы на севере?

– По возможности они будут стараться уйти на юг, но у многих есть фермерские хозяйства и земли, на которых они зарабатывают на жизнь. Что за проклятая заварушка! – Кристи покачал головой и отпил большой глоток портера прямо из бутылки.

– Как мы вообще можем начать войну против самих себя? Разве ты захочешь сражаться со своими друзьями? Со своей родней? Я... не знаю. – Нуала уронила голову на руки. – Наш отец – фений, и он будет продолжать борьбу за республику до самой смерти. А мама, как всегда, поддержит его. Фергус тоже, но Ханна...

– Не будь слишком сурова к ней, Нуала. Ей приходится держать сторону ее мужа, и многие из местных проголосовали за мир, а не за войну.

– У нас был мир до того, как британцы пришли править нами, и к чему это нас привело? Мы были так близки к свободе и потеряли слишком многих. Разве мы не обязаны продолжать борьбу ради погибших?

– Хотя это невыносимая мысль, но я согласен, и волонтеры собираются обсудить положение на встрече Третьей бригады Западного Корка. Шона Хэйлса не будет с нами, этот предатель дал понять, что он выступает за мирный договор! Он даже уехал в Дублин и помогает Майклу Коллинзу с набором рекрутов в национальную армию. Зато Том Хэйлс остался с нами и поддерживает продолжение борьбы.

– Как Шон Хэйлс может поддерживать мирный договор, если британцы били и пытали его родного брата? – возмутилась Нуала.

– Послушай, война еще не началась. Старайся поменьше волноваться, Нуала. Майкл Коллинз не хочет воевать с

соотечественниками, и мы тоже не хотим этого. Давай посмотрим, сможет ли он совершить политическое чудо, а потом уж решим, что делать дальше.

* * *

Лишь через десять дней газеты сообщили, что дублинская штаб-квартира радикалов во главе с Эмоном де Валера, учрежденная в историческом здании «Четырех Судов», подверглась нападению новой национальной армии Майкла Коллинза.

«После требований к противникам мирного договора сдать их позицию в здании «Четырех Судов» был отдан приказ об атаке. Вооруженные силы сторонников договора подвергли здание артиллерийскому обстрелу».

* * *

Вместо того чтобы стукнуть кулаком по газете, Нуала взяла ее в руки и начала рвать в клочья. Финн, рано вернувшийся с работы в школе, застал жену, рвавшую бумагу, и плачущего ребенка.

– Ты слышал? Коллинз напал на здание «Четырех Судов»! Бой продолжается до сих пор, но в газете сказано, что Коллинз заручился поддержкой британцев, которые снабжают его пушками... О, Финн, пожалуйста, скажи, что я сплю! – Нуала шагнула вперед, в его утешительные объятия.

– Нуала, мы побеждали раньше и можем победить снова. Кристи сообщил мне о сборе нашей бригады сегодня вечером. Пора узнать, кто на самом деле с нами, а кто выступает за правительство соглашателей. Но, милая, мы же не хотим расстраивать нашего ребенка?

Нуала кивнула и пошла успокаивать плачущую малышку.

– Тебе нужно сосредоточиться на материнстве, Нуала, и предоставить все остальное твоему мужу. Хорошо?

– Но, если дела пойдут тяжело, я снова буду работать на Куманна-мБан, и...

– Нет, Нуала. Одно дело – рисковать жизнью, когда тебе некого беречь, и совсем другое – когда у тебя есть семья. На этот раз оставь ратное дело для мужчин. Я не хочу, чтобы Мэгги осталась сиротой, слышишь?

– Пожалуйста, не надо так говорить! Лучше я умру, чем ты.

– И оставишь меня менять пеленки? – Финн усмехнулся. – А теперь, есть в доме немного еды, чтобы я мог перекусить, прежде чем пойду дальше?

* * *

В тот вечер Финн вернулся поздно, но Нуала не спала.

– Что было на собрании?

– Дела идут хорошо, Нуала, – сказал Финн, когда разделся и забрался на кровать рядом с ней. – Почти все остались с нами, поэтому местным соглашателям стоит побережться. Я слышал, что сам Рори О’Коннор едет из Дублина в Корк, чтобы возглавить наши вооруженные силы. Нам нужно защищаться от этой новой Ирландской национальной армии, которую собрал Майкл Коллинз. Я слышал, что он и члены его правительства теперь называют нас республиканцами! – Финн покачал головой и скорчил физиономию. – Мы встретим их лицом к лицу; на нашей стороне боевой опыт и такие люди, как Том Хэйлс.

– А Шон Хэйлс возглавляет эту новую армию?

– Да. Ох, Нуала, похоже, нас ожидают непростые времена. Давай немного поспим.

* * *

Когда Финн снова начал пропадать на собраниях и тренировках волонтеров ИРА, Нуала прочитала, что Ирландская национальная армия во главе с Шоном Хэйлсом, который раньше сражался бок о бок с Финном и участвовал в поджоге замка Бернард, что и привело к перемирию, передвигалась на судах, предоставленных британцами, с целью высадки на южном побережье. С учетом того, что добровольцы

ИРА взрывали мосты и железные дороги, когда Шон Хэйли сражался вместе с ними на прошлой войне, морской десант национальной армии казался хитроумной затеей.

Нуала была благодарна Мэгги, которая отвлекала ее внимание. Ее снедало нервное напряжение, пока Финна не было дома. Казалось, что прошлые кошмары возвращаются снова. Пристегнув Мэгги на перевязи к своей груди, Нуала поехала в Тимолиг на муле с тележкой. В лавках и магазинах только и говорили о последних событиях, развитие которых приводило в ужас многих людей. В воздухе повисло ощущение страха и неопределенности.

– Это гражданская война, и точка, – сказала миссис Макфарлейн в лавке мясника. – Я слышала, что вчера Шон Хэйлс высадил армию в Бантри и они продвигаются в сторону Скрибберина. К чему это приведет? – риторически спросила она, вручая Нуале пакет говядины для тушения и немного бекона.

Шагая по главной улице, Нуала видела, что пабы, которые были полны после перемирия и ухода британцев, теперь стояли пустыми, если не считать стариков, заливавших алкоголем свои горести. По пути к своей тележке Нуала заметила Ханну, которая вышла из магазина прямо перед ней.

– Здравствуй, Нуала, как поживаешь? – спросила ее сестра. – И как твоя малышка?

– У нас все замечательно. Как у тебя? – Голос Нуалы прозвучал холодно, как будто она обращалась к незнакомке.

– Спасибо, у Джона тоже все хорошо.

– Мы уже довольно давно не видели вас с Райаном на ферме во время воскресного ланча, – заметила Нуала. – Вы придете на этот раз?

– Ох. Сейчас вокруг бушуют страсти, и Райан говорит, что нам лучше сидеть дома до тех пор, пока все не успокоится. Он прекрасно знает отношение моей семьи к мирному договору.

– А какое у тебя отношение, Ханна?

– Я просто хочу мира, как и Райан. В общем, мне пора домой, к ребенку. До свидания, Нуала.

Сестра отвернулась от нее и пошла по улице к маленькому дому, куда они с Райаном переехали после рождения Джона. Больше не было возможности наблюдать, как их дети растут и играют вместе; все это прекратилось после возобновления боевых действий.

– И все из-за дяди Райана, – обратилась Нуала к спящей Мэгги, качавшейся в холщовой колыбели у ее груди. Как Нуала ни старалась, она не могла простить сестру за то, что считала откровенным предательством.

* * *

К счастью, начались школьные каникулы, и Финн смог присоединиться к волонтерам, выступавшим против мирного договора. По его словам, национальная армия теперь направлялась к Клонакилти.

– Там находится дом самого Майкла Коллинза, – обратилась Нуала к Кристи, когда он заглянул к ней для разговора.

– Финн собирается туда? Если так, это причина для беспокойства, поскольку многие жители Клонакилти выступают в поддержку «Большого Парня». Он один из них.

– Нет, Финн направляется в Бандон вместе со своей бригадой. Они считают, что потом армия повернет туда.

– Парни знают, что они делают, и они на своей территории, – сказал Кристи. – Но постарайся помнить, что солдаты национальной армии – такие же простые ирландцы, как и мы, и им нужны деньги, чтобы кормить свои семьи. Кроме того, что бы мы сейчас ни думали о Шоне Хэйлсе, он выступает за мир. Он не хочет убивать своих братьев, как это делали британцы. Он будет выказывать милосердие, Нуала, особенно в Западном Корке, где он родился со своим братом Томом.

– Остается лишь надеяться, что ты прав, – вздохнула Нуала. – Ты присоединишься к нашему ланчу на ферме после воскресной мессы?

– Да, и мы послушаем, как твой отец играет на скрипке и поет песни фениев, чтобы напомнить нам, за что мы боремся, верно? – Кристи улыбнулся. – Мне пора возвращаться в паб. До свидания, Нуала.

После его ухода Нуала задумалась о том, почему мужчина, который, если не считать искалеченной ноги, был таким превосходным, добрым и умным, так и не нашел себе жену.

В следующее воскресенье, когда Финн сражался за Бандон, Кристи после мессы отвез Нуалу и маленькую Мэгги на ферму. Был прекрасный июльский день, и Нуала вглядывалась в ясно-голубое небо.

«Где бы ты ни был, Финн Кейси, я посылаю тебе мою любовь и благословение».

На ферме Кросс-Фарм только и говорили, что о битве при Бандоне. До отца дошли новости, что, несмотря на стойкое сопротивление волонтеров, национальная армия захватила город.

– По крайней мере, потери были гораздо меньше, чем в сражениях с британцами, и нужно благодарить Бога хотя бы за это, – заметила мать, когда они с Нуалой подавали ланч.

– Тем не менее мы потеряли людей, – прорычал Дэниэл, сидевший во главе стола. – О чем думал твой Шон, когда привел британские корабли и артиллерию для стрельбы по своим? И Майкл Коллинз санкционировал это?

– Это трагедия, вот и все, что я могу сказать, – вздохнула Эйлин.

– Враги знают нашу тактику, поскольку сами недавно пользовались ею. Они без труда заберут Западный Корк, пока мы сидим и смотрим! – бушевал Дэниэл.

– Финн не сидит на месте, папа, – резко возразила Нуала. – Он там и сражается за республику.

– Да, вместе с Фергусом, – кивнула Эйлин. – Пусть Бог благословит их обоих.

После ланча отец достал скрипку и исполнил несколько вдохновенных старых баллад, а потом новые, которые он выучил, вроде «Баллады о Чарли Харли», ближайшем друге Финна, трагически погибшем во время последней войны. Его звучный голос странным образом успокаивал Нуалу. Они сражались не просто за республику, но и за всех, кто погиб ради общего дела.

Через день Финн вернулся из Бандона, изнуренный, но невредимый.

– Поселки по всему Западному Корку сдаются перед национальной армией, те самые поселки, которые мы отвоевывали у британцев ради мира для Ирландии. Но собираемся ли мы сделать вылазку и взорвать гарнизон, где полно наших ирландских братьев? – Он вздохнул. – Ходят слухи, что национальная армия хочет осадить Кинсейл, и, если мы не начнем более активного сопротивления, они заберут этот город и остальную Ирландию до конца месяца.

– Ты будешь продолжать, Финн?

– До конца, Нуала, и ты знаешь об этом.

– Ты... ты убил кого-нибудь во время сражения при Бандоне?

– Было темно, и я не мог разглядеть. Раненые лежали на улицах, но я не знаю, кто они и кто в них стрелял. Боже, я устал и хочу спать. Ты идешь?

– Конечно, милый. Я воспользуюсь любой возможностью, чтобы поддержать тебя в объятиях, – прошептала Нуала, задула масляную лампу и обреченно последовала наверх за Финном.

К середине августа национальная армия заняла Корк-Сити и все остальные крупные города в Западном Корке. Майкл Коллинз и члены его правительства могли праздновать победу.

– Если они захватили Корк, то какой смысл продолжать? – обратилась Нуала к Финну, который вернулся домой, грязный и удрученный, после очередной бесплодной схватки. – Мы проиграли, и этим все сказано. Если надежды не осталось, то я предпочитаю жить с этим позорным мирным договором, нежели остаться без мужа.

– Нуала, – сказал Финн, когда опрокинул рюмку виски. – Мы все сражаемся за республику, не так ли?

– Да, но...

– Никаких «но». Если ты предложишь всем окрестным людям положить руку на Библию и раскрыть желание их сердец, то они откажутся от договора. А мы – это все, кто остался в Ирландии, чтобы

этого не случилось. Я не смогу жить в мире с собой, если не буду бороться до последнего вздоха.

– Значит, ты говоришь, что предпочитаешь умереть? Что общее дело для тебя важнее меня или нашей дочери?

– И от кого я это слышу? Еще недавно ты говорила совсем по-другому. Ты со мной; твоя любовь и вера спасали меня все это время.

– Да, но наша жизнь изменилась. Вспомни, как ты сказал, что я больше не должна принимать участия в делах Куман-на-мБан из-за нашей Мэгги. Теперь мы семья, так ты сказал. Это самое главное, верно?

Финн посмотрел на нее и вздохнул.

– Я слишком устал, Нуала. И мне нужно помыться.

Нуала взяла из колыбели спящую Мэгги и прижала ее к груди, глядя на личико своей маленькой дочери.

– Что с нами будет, малышка? – прошептала она. Мэгги продолжала мирно спать у нее на руках.

* * *

Было решено, что члены бригады Финна снова уйдут в холмы и станут теньями, какими они были во время прошлой войны.

– Ты хочешь сказать, что соглашатели могут прийти и арестовать тебя на пороге, как это делали британцы? – спросила Нуала, когда Финн пришел домой.

– Некоторые из наших после стычек уже арестованы и отправлены в тюрьму национальной армией, но если они захотят пойти дальше и выявить смутьянов, то они знают, где мы живем, верно? – указал он. – И где находятся наши явки, потому что они сами пользовались ими в прежние дни.

– Сколько вас осталось, по-твоему?

– Достаточно, – ответил Финн. – Но от наших разведчиков в Дублине поступили известия, что сам «Большой Парень» собирается нанести визит в Западный Корк.

– Майкл Коллинз приедет сюда?

– Здесь его родина, Нуала. Это его город, и тут осталось много противников договора, которые тем не менее считают его божеством и

спасителем Ирландии. Какая ирония, правда?

– Почему?

– Пожалуй, Западный Корк и Керри внесли больший вклад в достижение перемирия с британцами, чем любая другая часть Ирландии. Мы все сражались за Майкла и верили в него, потому что он был одним из нас, но это страстное чувство делает нас самыми яркими противниками мирного договора. Это настоящее безумие. Так или иначе... – Финн завязал пояс плаща и закинул за спину свой ранец. – Мне пора.

Он обхватил лицо Нуалы ладонями и нежно поцеловал в губы.

– Помни, как сильно я люблю тебя, Нуала. И я все делаю ради тебя, ради наших нынешних и будущих детей.

– Я тоже люблю тебя и всегда буду любить, – прошептала она, дверь закрылась, и ее муж снова ушел.

* * *

Через два дня Нуала увидела множество поселян, шедших по улице или ехавших на повозках.

– Куда они направляются? – спросила она у Кристи, который заглянул к ней на обычную чашку чая перед открытием паба.

– Говорят, что Майкл Коллинз будет в Клонакилти сегодня во второй половине дня. Вчера вечером я слышал разговор в пабе, что он проехал через Беал-на-Блат. Его конвой остановился там и спросил дорогу у Дэнни, который работает в заведении «Лонгс».

– Что? – Нуала прижала ладонь ко рту. – И Дэнни показал им дорогу?

– Ну да, – кивнул Кристи. – Там было несколько наших парней, которые пришли после собрания бригады на ферме Мюррея неподалеку. Том Хэйлс тоже был там, и я слышал, что сам де Валера приехал на встречу из Дублина. Они обсуждали, продолжать войну или нет. И тут – на тебе! – наш заклятый враг Майкл Коллинз проезжает в нескольких милях от их сборища, не подозревая о нем. – Кристи покачал головой и усмехнулся.

– Ты уверен, что Дэнни видел Майкла Коллинза?

– Да. Дэнни клянется на Библии, что это был он. Он сидел в машине с открытым верхом, и теперь половина Западного Корка знает, что он был там. Говорят, что он собирается посетить все населенные пункты, захваченные национальной армией, и все готовы поспорить, что он остановится в Клонакилти, рядом со своим домом.

Нуала смотрела, как общее движение на улице набирает обороты.

– Ты же не собираешься туда, Нуала? – с ироничной улыбкой спросил Кристи.

– Нет. – Наступила пауза, пока Нуала обдумывала последствия услышанного. – Если наши парни узнают, что он там и, скорее всего, будет возвращаться той же дорогой, что они могут предпринять?

Кристи отвернулся от нее:

– Это мне неизвестно. Но сдастся, что сегодня все яйца соберутся в одной корзине.

* * *

Был поздний вечер, когда Нуала увидела возвращение поселян и тех, кто жил за пределами Клогеха. Очевидно, они были нетрезвыми и хотели большего, так как многие из них оставили свои повозки и велосипеды рядом с пабом. Не в силах противиться искушению, она распахнула дверь и стала прислушиваться к разговорам в толпе снаружи, где люди бродили с кружками пива или со стаканами виски.

– Майкл купил мне выпивку у О’Донована...

– Нет, то было в заведении у Дэнни Кингстона. Он помахал мне!

– Майкл спросил, как дела у моих детей, правда!

Нуала узнавала мужчин и женщин, которые были ревностными волонтерами ИРА во время революции. Она грустно покачала головой, закрыла дверь и налила себе виски.

* * *

После полуночи скрип задней двери вывел Нуалу из тяжелой алкогольной дремоты. Она услышала звук шагов, поднимавшихся

наверх, села и затаила дыхание, пока не увидела, как Финн входит в ком нату.

– Нуала, ох, Нуала...

Финн потащился к кровати, едва не упал на нее и заплакал.

– В чем дело? Что случилось?

– Я... что за беда, Нуала, какая беда!

Ей пришлось подождать, пока муж не перестал плакать. Потом она протянула ему бутылку с остатками виски, и он выпил прямо из гор лышка.

– Ты можешь рассказать, что произошло?

– Я... не могу говорить, Нуала. Я пробежал много миль, чтобы вернуться сюда. Дай мне немного поспать, а утром... – Финн заснул на середине фразы, уронив голову на грудь.

Что бы он ни собирался рассказать, Нуале было все равно, потому что ее муж вернулся домой живым и здоровым.

* * *

На следующее утро Нуала оставила Финна в постели и спустилась на кухню покормить Мэгги. Через час Финн присоединился к ней; он выглядел изможденным и угрюмым, как будто постарел на десять лет после их предыдущей встречи.

– Овсянки? – спросила Нуала.

Финн молча кивнул и тяжело опустился за стол.

– Сначала поешь, – тихо сказала она.

Он очистил миску в несколько глотков, а Нуала, слишком усталая с утра, чтобы испечь хлеб, взяла остаток вчерашней буханки и намазала джемом.

– Ах, Нуала. – Финн доел хлеб с джемом и вытер губы тыльной стороной ладони. – С утра у меня все кружится в голове. Я...

– Расскажи мне, Финн. Ты знаешь, что если будет нужно, то я унесу твои слова в могилу. Вчера я слышала от Кристи, что ожидается приезд Майкла Коллинза в Клонакилти. Вы устроили засаду на его конвой?

– Да. Мы с Томом Хэйлсом и другими ребятами собрались на ферме Мюррея для встречи с бригадами Корка. Когда мы узнали от

Дэнни Лонга, что Коллинз, скорее всего, будет возвращаться той же дорогой, которой приехал, Том распорядился устроить засаду. Мы несколько часов пролежали в кустах на перекрестке у Беал-на-Блат, но конвой так и не появился. Том решил свернуть засаду; мы успели промокнуть до костей. Так что я ушел вместе с остальными, но несколько парней остались на всякий случай, включая Тома. Я шел домой по полю, когда увидел конвой, проезжавший внизу. Я присел, чтобы меня не заметили, а через десять минут...

Он остановился и судорожно вздохнул, прежде чем смог продолжить.

– Я слышал звуки выстрелов с того места, где остались наши ребята. Побежал назад, чтобы выяснить обстановку, и встретил двух волонтеров, бежавших ко мне. Они сказали, что погода слишком плоха, чтобы видеть, в кого они целились, когда проезжал конвой, но Коллинз точно получил пулю. Его конвой ответил встречным огнем, но перестрелка прекратилась, когда они увидели лежавшего Майкла.

Финн посмотрел на нее; его голубые глаза были наполнены слезами.

– Он был мертв, Нуала. Единственная потеря среди его конвоя.

– Майкл Коллинз погиб?! Я... – Нуала потрясенно и недоверчиво глядела на мужа. – Ты знаешь, кто его застрелил?

– Человек, с которым я говорил – я пока не называю имен, – нес какую-то околесицу и только повторял: «Майк мертв, он убит!» Иисус, Мария и Иосиф – застрелен своими, здесь, в Западном Корке!

Финн снова заплакал. Нуала смогла лишь встать и положить руки ему на плечи.

– Одно дело – сражаться за республику, а другое – принимать участие в убийстве человека, который с самого начала вел нас к победе и перемирию. Один Бог знает, что теперь будет с Ирландией без «Большого Парня».

– Где был де Валера? Он знал о засаде?

– Думаю, да, но вчера рано вечером он уехал из Западного Корка на совещание в Дублине.

– Это он распорядился напасть на Майкла?

– Говорят, что это был Том Хэйл, который рыдал как младенец, когда выяснилось, что Майкл умер. Ты знаешь, какими близкими друзьями они были до гражданской войны.

– Я... не знаю, что и сказать. – Нуала покачала головой, не в силах остановить слезы. – Что мы теперь будем делать?

– Не знаю, но сегодня в нашей округе будет мало тех, кто не прольет слезы по Майклу Коллинзу, на какой бы стороне они ни находились. Хочу тебе кое-что сказать, Нуала. Для меня все кончено: у меня больше нет сил продолжать после смерти Майкла.

– Понимаю, Финн, – тихо отозвалась она. – Думаю, многие испытывают сходные чувства.

– Большинство из нас. Мне впервые стало страшно, Нуала. Я боюсь, что люди узнают о моем участии в засаде, где погиб Майкл Коллинз, и тогда они придут за мной.

– Но ты не принимал участия в этом, Финн. Ты сам сказал мне, что ушел и возвращался домой, когда услышал выстрелы. Вчера вечером на улицах было много народу; люди возвращались из Клонакилти, накачанные виски и портером, настолько пьяные, что едва держались на ногах. Они не узнают, где ты был. Если кто-то спросит, то ты всю ночь находился здесь, вместе с женой и ребенком. Если будет нужно, то я поклянусь на Библии. Конечно, по Майклу будут проходить заупокойные мессы по всей Ирландии, и нам тоже нужно пойти.

– Да, мы пойдем. И я помолюсь за человека, которого не убивал собственными руками, но я всегда буду чувствовать, что это сделал я.

– Но ты этого не делал, Финн. Ты должен помнить, что выполнял приказ, как и любой солдат в бою.

– Ты права, как всегда. – Финн с силой провел ладонями по заплаканному лицу. – Сомневаюсь, что Том Хэйлс или кто-либо из нас мог предполагать гибель Майкла. Мы лишь хотели приструнить дублинских соглашателей и напомнить им, что многие из нас все еще здесь и сражаются за республику, о которой мы мечтали. Господи, Нуала, ведь Майкл возглавлял наше новое правительство! Почему он разъезжал в автомобиле с открытым верхом? И где были солдаты, которым следовало защищать его при необходимости?

– Думаю, Майклу не приходило в голову, что кто-то в Западном Корке хочет видеть его мертвым. Он находился среди собственного народа, верно?

– Ты права, Нуала. Майкл всегда любил погулять и выпить. Независимо от политических взглядов местные жители любили его.

Мы когда-то любили его, он был одним из нас... – Финн снова заплакал.

– Что скажешь, если я наполню корыто теплой водой и ты как следует помоешься? Потом я принесу тебе рубашку и брюки, и мы выйдем погулять с Мэгги, чтобы соседи убедились, что ты здесь и скорбишь по Майклу вместе с ними. Тебя здесь уважают, Финн, ты учишь детей в сельской школе. Никто не пожелает тебе зла.

Нуала говорила с уверенностью, которой не ощущала, но она была готова говорить и делать что угодно, лишь бы успокоить своего испуганного и безутешного мужа.

Когда она хотела отойти, Финн поймал ее руку, грубо привлек к себе и поцеловал в губы. Поцелуй длился долго, а когда Финн отстранился, его глаза снова были наполнены слезами.

– Бог свидетель, Нуала Кейси, я до конца жизни буду благодарен за женщину, которая досталась мне в жены.

* * *

Неделя после гибели Майкла Коллинза прошла под знаком траура. Повсюду Нуала видела окна, завешенные черной тканью, а взрослые мужчины плакали на улицах. Газеты были полны восхвалений и памятных речей в честь знаменитого уроженца Западного Корка. В местных кругах поднялось бурное возмущение, когда тело Майкла Коллинза похоронили в Дублине, а не в поселке, где он родился.

Нуала, Финн и Мэгги посетили мессу, состоявшуюся в Тимолиге в день его похорон. Она никогда не видела столько народу в церкви и узнавала многих мужчин, сражавшихся против Майкла. Ее семья присутствовала в полном составе, объединенная скорбью по человеку, который дал им убежденность, силу и мужество для начала революции. А теперь он принес высшую жертву и расстался с жизнью в возрасте тридцати двух лет, будучи председателем Временного правительства Ирландии.

Ханна и Райан, стоявшие перед церковью, тоже были безутешны. Когда Нуала проходила мимо, Ханна взяла ее за руку, привлекла к себе и зашептала ей на ухо:

– Надеюсь, теперь вы с мужем счастливы. Вы получили то, чего хотели, не так ли? Только не говори мне, что Финн не принимал участия в засаде, я прекрасно знаю, что он был там, как и многие другие из здешних мест. Это *он* заслуживает могилы, а не спаситель Ирландии! – прошипела она сквозь слезы.

Нуала не стала передавать Финну слова своей сестры; не имело смысла еще больше расстраивать его.

Через два дня он сообщил ей, что собирается на совещание бригады.

– Только не нервничай, Нуала: я скажу им, что для меня война закончена. Я больше не собираюсь подвергать риску тебя и Мэгги из-за уже проигранного дела.

Дело было теплым августовским вечером, и Нуала находилась в саду. Мэгги, которая недавно научилась сидеть, возилась на одеялке с игрушечной собакой, которую Финн вырезал из куска дерева.

– Наверное, теперь это будет новым увлечением твоего папы, – обратилась Нуала к дочери. Несмотря на трагические события последнего времени и расставание с мечтой о любимой республике, Нуала испытывала некоторое облегчение. Будущее Ирландии оставалось неясным, хотя теперь она могла представить впереди более мирные времена, без того гнетущего страха, который так долго владел ее душой, время от времени прорываясь наружу. Они наконец-то могли сосредоточиться на семье. Тем более что директор клогахской школы О’Дрисколл вскоре собирался уйти на пенсию и Финн мог занять его место, тогда они стали бы получать больше денег.

– Возможно, твоя мама подумает о работе на полставки в местной аптеке, ведь она училась на медсестру, – проворковала она Мэгги и взяла ее на руки, чтобы подготовить ко сну.

* * *

Финн не вернулся после одиннадцати вечера, и Нуала прилагала все силы, чтобы не удариться в панику.

«*Возможно, он заболтался с друзьями*», – внушала она себе, когда поднималась по лестнице в спальню.

Измучившись за последние несколько дней, Нуала легко заснула. Она очнулась лишь после того, как услышала громкий стук в парадную дверь.

Выглянув из окна спальни, она увидела Кристи и Сонни из Тимолига, стоявших внизу. Она побежала вниз и распахнула дверь. Одного взгляда на выражение их лиц хватило, чтобы все понять.

– Нуала, Финна застрелили возле фермы Динейна, – сказал Кристи.

– Я нашел его на поле, когда возвращался домой после собрания, – добавил Сонни. – Его бросили в канаву.

– Я... он жив?

Мужчины опустили головы.

– Мне очень жаль, Нуала, – пробормотал Кристи.

Кристи успел подхватить ее, прежде чем она упала. Она слышала чей-то крик, словно издалека, потом мир вокруг нее почернел.

* * *

Похороны Финна состоялись у маленькой церкви в Клогах, на следующий день после поминального обряда. Если бы она могла, Нуала допустила бы присутствие только членов своей семьи для поддержки и молитвы о бессмертной душе ее мужа. Никто не признался в убийстве Финна, и, хотя ходило множество слухов о том, кто мог это сделать, Нуала пропускала их мимо ушей. Убийца ее мужа мог сидеть прямо в церкви, изображая горе не только по загубленной жизни Финна, но и по загубленному будущему его жены и дочери.

По пути к клогахскому кладбищу, которое находилось в идиллическом уголке Аргидинской долины за целых полмили от поселка, гроб с телом Финна несли волонтеры, которые сражались с ним плечом к плечу. Нуала шла перед гробом, а Кристи поддерживал ее. Финна похоронили рядом с его ближайшим другом Чарли Харли, положив на гроб волонтерский головной убор. Потом клогахская рота произвела семикратный ружейный салют в честь павшего товарища.

На семейном сборище в Кросс-Фарм Нуала кивала в ответ на соболезнования от друзей и соседей.

Заметив отсутствие некоторых людей, она извинилась и подошла к своей матери.

– Я не видела Ханну и Райана в церкви. И здесь их тоже нет.

– Нет, они не пришли. – Эйлин изо всех сил старалась скрыть свой гнев. – Не вини свою сестру, Нуала, вся проблема заключается в ее муже.

– Но она вышла за него по своей воле, верно?

В тот момент сердце Нуалы, уже израненное утратой, частично обратилось в камень.

Той ночью, стоя в своей детской спальне, пока Мэгги лежала на кровати, которую Нуала когда-то делила с Ханной, она приняла решение.

– Боже, помоги мне, но я никогда не прощу Ханну за это. И я больше никогда не захочу встретиться с ней, до конца моей жизни.

Мерри

Западный Корк, Ирландия Июнь 2008

Кельтское древо жизни

– Вот история Нуалы, которую она поведала мне лишь за несколько часов до того, как покинула этот мир, – сказала Кэти. – Мы обе не могли сдержать чувств, когда она рассказала о нашей родственной связи.

Я старалась вернуться в настоящее, поглощенная трагедией смерти Финна и всем, что пришлось пережить Нуале.

– Итак, Нуала была матерью нашей мамы... нашей бабушкой? Той самой, которую мы впервые увидели только на маминых похоронах?

Тогда как насчет нашего деда? Финн умер. Кем был тот мужчина вместе с ней, который опирался на палку?

– Это был ее двоюродный брат Кристи, который работал в пабе на другой стороне дороги. Она вышла замуж за него через несколько лет после смерти Финна. Ты можешь понять, почему она это сделала: Кристи всегда был рядом, готовый поддержать ее. У них было общее прошлое, общие переживания. – Кэти помедлила и посмотрела на меня. – У Кристи была фамилия Нойро.

Я потрясенно уставилась на нее.

– Нойро?

– Да. Потом у Кристи и Нуалы родился сын по имени Кахал, который женился на некоей Грейс. И да, у них был сын Бобби и младшая дочь Элен.

– Я... – Мои мысли путались. – Значит, у нас с Бобби Нойро была общая бабушка?

– Вот именно.

– Но почему Бобби никогда не говорил об этом?

– Честно говоря, не думаю, что он знал.

– Почему Нуала и Кристи никогда не посещали нас?

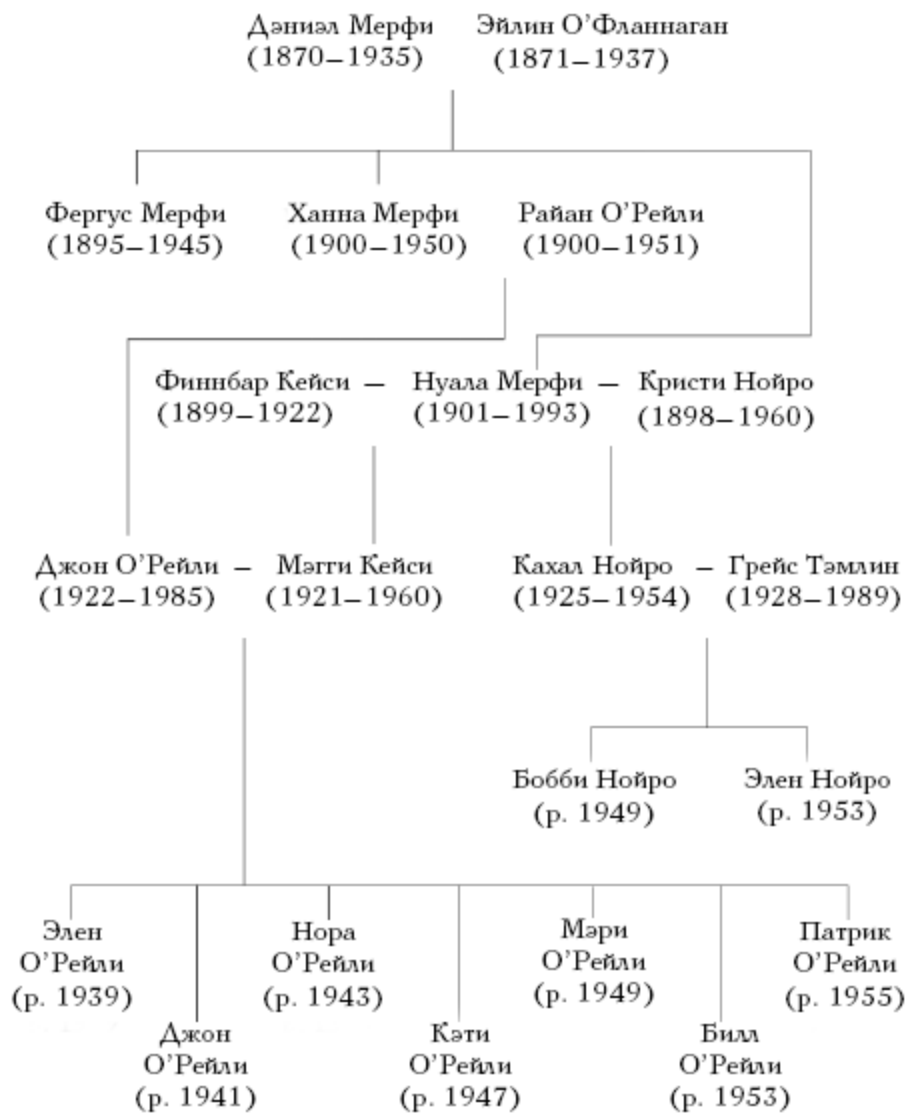
– Тут все сложно. – Кэти вздохнула. – Наш двоюродный дед Фергус управлял фермой Кросс-Фарм; папа унаследовал ее после смерти Фергуса.

– Фергус упоминается в дневнике, который я читала. Он был братом Нуалы. У него была жена?

– Нет, поэтому ферма перешла к нашему отцу как к старшему наследнику семейного клана. Мы не встречались с его родителями, с нашими дедушкой и бабушкой, поскольку они оба умерли до нашего рождения. Нашу бабушку звали Ханной, а дедушку – Райаном.

Кэти многозначительно посмотрела на меня, пока я пыталась осмыслить услышанное.

– Итак, Нуала была маминой матерью, а Ханна – папиной матерью. Наши бабушки были сестрами! А это значит... – Кэти достала лист бумаги с изображением семейного древа. – Видишь?

Я взяла листок у сестры, но имена и даты плясали у меня перед глазами, и я посмотрела на Кэти в поисках поддержки.

Она указала на два имени.

– Джон и Мэгги, наши родители, были двоюродными братом и сестрой. Даже сейчас в Ирландии такие браки не считаются незаконными; не беспокойся, я проверила. Когда такие большие семьи проживают в изолированных общинах, подобные браки не редкость: двоюродные братья и сестры много общаются и влюбляются друг в друга. После того как Ханна не пришла на похороны Финна, Нуала больше никогда не разговаривала с сестрой. Тебе известно, что неуважение к мертвым в Ирландии считается позором. Это было

последней каплей после тех ужасных слов, которые Нуала услышала от сестры.

Она приподняла брови, и я согласно кивнула. Это было одной из вещей, поразивших меня после переезда в Новую Зеландию: там не было продолжительных семейных распрей, которые продолжались бы из поколения в поколение только потому, что чей-то прадед высмеял своего кузена, игравшего на скрипке.

– Здесь старые раны проникают глубоко, – пробормотала я.

– Да, – согласилась Кэти. – Итак, после того, как наши родители познакомились и полюбили друг друга, Нуала и Ханна должны были прийти в ужас от этой новости. Это было что-то вроде «Ромео и Джульетты». По словам Нуалы, она пригрозила дочери, что отречется от нее, если та выйдет за Джона, но мама так сильно любила папу, что это не остановило ее. Ох, Мерри, Нуала плакала, когда рассказывала, как она исключила нашу маму из своей жизни. И как сильно она сожалела об этом, особенно потому, что наша мама умерла совсем молодой. Она сказала, что просто не могла смотреть на папу, сына Ханны и Райана. Она попросила у меня прощения за то, что не приезжала к нам после маминой смерти.

– О господи... – пробормотала я. К моим глазам подступили слезы, пока я думала о дневнике, который не читала все эти годы. Об истории храброй молодой женщины, которая была моей бабушкой, прошла через ужасы войны и потеряла своего мужа, но была готова вычеркнуть из своей жизни не только сестру, но и любимую дочь.

– Поэтому я отправилась в церковь Тимолига, чтобы просмотреть записи и составить наше семейное древо. – Кэти указала на лист бумаги.

– Остается Бобби, – прошептала я. – И все истории о его деде и бабке, которые сражались с британцами в войне за независимость...

– Я помню, Мерри. – Кэти мрачно кивнула. – И думаю, это объясняет характер Бобби. С такими предками, как Нуала и Кристи, Бобби был воспитан в истинном республиканском духе. Ненависть Нуалы к Майклу Коллинзу и к его «шайке», как она их называла, передавалась через поколения. В конце концов, мирный договор, который Майкл Коллинз подписал с британским правительством в Лондоне, стал причиной гражданской войны и гибели ее мужа, которого она любила больше собственной жизни.

– Да, – тихо сказала я, поскольку комок в горле мешал мне дышать. – Но это также означает, что я, что *мы* являемся близкими родственниками Бобби и Элен Нойро.

– Так и есть. Он наш кузен. А его отец Кахал был моим сводным братом.

– Нам известно, что Кахал умер при пожаре в амбаре, верно? – Я вздохнула. – Значит, Нуала потеряла еще и сына. Что за несчастная жизнь!

– Все это трагично, но мне интересно работать с пожилыми людьми. Они считают смерть частью своей жизни, потому что привыкли к ней. В наши дни, с современной медициной, любая смерть является потрясением, даже когда умирает глубокий старик. Но я поняла, что тогда жизнь стоила очень дешево, Мерри. Я пришла на похороны Нуалы к церкви в Тимолиге. Там было мало людей, только пара старых друзей и Элен, младшая сестра Бобби.

– А Бобби не пришел? – Я задержала дыхание.

– Нет, его там не было. – Кэти окинула меня задумчивым взглядом. – Что произошло в Дублине, Мерри? Я знаю, что это имело какое-то отношение к Бобби. Он был одержим тобой с того момента, когда впервые увидел тебя.

– Пожалуйста, Кэти, сейчас я не могу говорить об этом. Просто не могу.

– Но он был причиной твоего бегства, да?

– Да. – Мои глаза мгновенно наполнились слезами.

– Ах, Мерри. – Кэти взяла меня за руки. – Я здесь, и, что бы ни случилось тогда, это давно осталось в прошлом. Тебе здесь ничто не угрожает.

Я прислонилась головой к сестринской груди, глотая слезы, поскольку знала, что если разрыдаюсь, то не смогу остановиться. Мне нужно было держаться ради моих детей. Но остался последний вопрос, который я должна была задать.

– Он... Ты видела его в нашей округе после моего отъезда? Я думаю, он возвращался сюда, чтобы повидаться со своей матерью. Ее звали Грейс, так?

– Элен Нойро сказала мне на похоронах Нуалы, что ее мать давно умерла. Что касается Бобби, то я его видела лишь однажды, вскоре после того, как ты исчезла. Он заявился на ферму, рвал и метал, желая

узнать, куда ты пропала и связывалась ли ты с нами. Когда мы сказали, что ничего не знаем, он не поверил и перевернул весь дом вверх тормашками, заглядывая в шкафы и под кровать, пока не появился отец, который пригрозил ему ружьем... Бобби был очень страшным, Мерри. Такая ярость... как будто он был одержим злым духом.

– Прости, Кэти. Он сделал то же самое в квартире у Амброза.

– Но тебя там не было?

– Нет, я уже уехала. У меня не было выбора, Кэти.

– Отчасти я рада твоему исчезновению, Мерри, поскольку я думала, что если он найдет тебя, то непременно убьет. Хотя мне хотелось бы раньше узнать, что ты жива и здорова.

– Он угрожал не только мне, Кэти, но и... – Я покачала головой. – Я все расскажу, только не сейчас, ладно?

– Хорошо. Надеюсь, что мой сегодняшний рассказ как-то помог тебе. Старые шрамы не заживают, верно? И очень несправедливо, когда эти обиды распространяются на следующее поколение. Ирландия хорошо умеет глядеть в свое прошлое, но я скажу, что теперь мы учимся смотреть в будущее. Все наконец-то стронулось с места.

– Да. – Я порылась в кармане и нашла гигиеническую салфетку. – Я действительно чувствую это. Хотя мне все еще хочется видеть на дорогах мулов с тележками и старые домики вместо современных бунгалов, прогресс – это хорошая вещь.

– Стало быть, ты не знаешь, где он, Мерри?

– Нет. Я проверила архивные записи в Лондоне и Дублине в надежде узнать, жив ли он, но там не оказалось ни одного Роберта или Бобби Нойро, умершего после 1971 года. Поэтому если он не умер где-то за границей, значит, все еще жив и находится поблизости.

– И это пугает тебя?

– Даже не могу сказать, как сильно, Кэти. Он и стал причиной моего путешествия после смерти мужа. Я решила раз и навсегда разобраться со своим прошлым.

– Твой муж знал об этом?

– Нет. Мне ужасно хотелось рассказать ему, но я знала Джока: он бы начал охотиться на Бобби, и весь этот кошмар повторился бы снова. Я хотела начать жизнь с чистого листа. Моим детям я тоже ничего не рассказывала, но теперь придется, Кэти. Они оба думают, что я

помешалась, и, может быть, в последнее время это близко к правде. Но странно, что, когда я вознамерилась найти Бобби, совершенно другие люди постарались разыскать *меня*, – призналась я. – И я подумала...

– Что Бобби снова пошел по твоему следу? Иисусе! – Кэти вскинула брови. – Ты определенно вела гораздо более интересную жизнь, чем я. Кто эти люди, которые пытались найти тебя?

– Это и впрямь история для другого раза. – Я посмотрела на часы. – Мои дети могут вернуться в любую минуту. Пожалуйста, не говори им о том, что мы обсуждали сегодня утром. Когда я выясню, что с ним случилось, то сама расскажу.

В дверь постучали.

– Входите! – крикнула я.

– Привет, мама, там фантастический серфинг! – объявил Джек, вошедший в комнату вместе с Мэри-Кэт. Его взгляд остановился на Кэти, которая улыбнулась и встала.

– Здравствуйте, дорогие дети. Я ваша давно потерянная тетюшка Кэти, а вы кто будете?

– Я Джек.

– А я Мэри-Кэт. Значит, вы та сестра, в честь которой меня называли?

– Так и есть. – Я улыбнулась, пока Кэти поочередно обнималась с Джеком и Мэри-Кэт.

– Что за славное наследство ты получила с двумя нашими именами! – Кэти подмигнула моей дочери. – Несомненно, ты унаследовала хорошие качества тетюшки и дурные качества матери.

– У меня нет дурных качеств, правда, дети?

– Разумеется, мама. – Джек и Мэри-Кэт закатили глаза.

– Наверное, вы сможете побольше рассказать о моей шаловливой младшей сестре, – хохотнула Кэти.

– Мы с удовольствием, правда, Джек? Мне нравится цвет ваших волос, – добавила Мэри-Кэт.

– О, спасибо. Правда, в последнее время их рыжие корни родом из флакончика. Когда я была маленькой, то завидовала белокурым локонам вашей мамы. Ну ладно, я проголодалась. Не пора ли угоститься свежей рыбой в городском ресторане?

За ланчем в уютном пабе-ресторане в Клонакилти Кэти развлекала детей историями из нашего детства; впрочем, некоторые из них Джек уже слышал раньше.

– Видите ли, она всегда была самой умной из нас. И она получила стипендию для обучения в престижной частной школе в Дублине.

– У нее было много ухажеров, когда она подросла? – поинтересовалась Мэри-Кэт.

– Я бы сказала, что твоя мама питала большее пристрастие к книгам, чем к ухажерам.

– Но твоя тетюшка всегда западала на парней, а? – поддразнила я, наслаждаясь расслабленной обстановкой после напряженности нашей недавней беседы. – За ней всегда кто-то ухаживал.

Когда Кэти отвела нас обратно, я почувствовала себя выжатой как лимон.

– Итак, твой дядя Джон уже на связи, и все члены семьи, кто остался здесь, включая внуков, приглашены на ферму в воскресенье вечером, – заключила она. – Ты еще не ожидаешь потомства, Джек?

– Я пока не нашел женщину, которая была бы готова стать матерью моих детей, – ответил Джек и пожал плечами. – До свидания, Кэти, приятно было познакомиться с вами.

– И мне. Не думала, что доживу до этого. – Она повернулась ко мне. – Позвони мне, Мерри, и мы продолжим наш разговор, ладно?

– Спасибо, Кэти.

В фойе гостиницы я сказала детям, что собираюсь отдохнуть, и вручила Джеку ключи от автомобиля.

– Изучи окрестности, но пока придержишься главных дорог. Здесь мало указателей.

– Ладно. Ты в порядке, мама?

– Да, милый, – ответила я. – До скорой встречи.

Поднявшись в свой номер, я достала листок с семейным генеалогическим древом из папки, полученной от Кэти. Я взяла его в постель и стала просматривать имена. Даже теперь, зная о том, что я не имею кровной связи ни с кем из них, я сознавала, что ужасное наследие военных утрат, переданное Нуалой своим потомкам, резко изменило ход моей жизни.

Потом я подумала о Тигги и о ее словах насчет того, что, хотя ее сестрам иногда бывало трудно примириться с результатами их

путешествий в прошлое, это изменило их жизнь к лучшему. Я молилась о том, чтобы со мной было так же, потому что каждая клеточка моего тела подсказывала, что ответы на все мои вопросы находятся здесь, в Западном Корке.

Если бы я только знала, *где он*, тогда...

Гостиничный телефон на прикроватном столике зазвонил, и я подняла трубку.

– Алло? – осторожно сказала я, составляя мысленный список людей, знавших о моем присутствии здесь.

– Мэри, моя дорогая девочка, – послышался сдержанный голос Амброза. – Итак, ты оказалась в домашнем гнездышке, как говорится в ваших краях?

– Здесь все хорошо. – Я улыбнулась в трубку. – Я только что говорила с Кэти... Ох, Амброс, как замечательно было встретиться с ней.

– Я рад за тебя, Мэри. Просто хотел сказать тебе, что я нашел адресата, которого ты искала. Позволь сказать, что это было сюрпризом для меня. – Амброс тихо рассмеялся. – Я сразу же переправил твое письмо; посмотрим, ответит ли он.

– Я... О господи! Спасибо тебе, Амброс, не могу поверить, что ты нашел его!

– Это наименьшее, что я могу для тебя сделать, Мэри. Дай мне знать, когда соберешься вернуться в Дублин.

– Разумеется, Амброс, и спасибо тебе. До свидания.

Я с сильно бьющимся сердцем положила трубку и снова захотела, чтобы Джок был рядом со мной. Но...

«Почему ты ему ничего не рассказывала, Мерри?»

«Ты считала его наилучшей заменой, гарантией безопасности...»

В ретроспективе я могла понять, что была слишком поглощена тоскливыми мечтаниями по утраченной любви, любви, которую я считала настолько страстной, волнующей и запретной, что искренне верила в ее несравненность. А если она была утрачена, то я могла превратить ее в блестящую победу...

Я давала советы своим детям и утешала их во время разрывов с людьми, которых они считали самыми важными и любимыми в их жизни, но в конце концов они восстанавливались и двигались дальше.

Когда я была в их возрасте, рядом со мной не оказалось верного советчика; Амброз не был тем человеком, к которому я могла бы обратиться за помощью в сердечных делах. Что касается Кэти... Я знала, что она и члены моей семьи никогда не одобрят моего решения из-за того, кем он был. А из-за того, что случилось потом, у меня не было «удобного выхода», как сказали бы мои дети.

И потом, все это время со мной был Джок, чья верная любовь всегда была для меня лучшей защитой. Теперь моя отчаянная тоска по нему была почти физической болью.

«Ну что ж, – подумала я, – тот выход, к которому я стремилась, может скоро открыться...»

Но правда состояла в том, что я покинула Новую Зеландию не ради истинной любви *к нему*, а ради истинной любви к моему мужу.

Атлантис

– Есть новости из Ирландии? – спросила Сиси, когда Алли вошла в кухню.

– Нет, ничего нового. У Джека и Мэри-Кэт есть номера Атлантиса и наших мобильных телефонов, так что мяч на их стороне.

– Но ты сказала, что нам нужно выехать из Атлантиса не позднее следующего четверга, чтобы вовремя успеть в Грецию к возложению венка на море в следующую субботу. Это значит, что все остальные должны собраться в Ницце к середине следующей недели, чтобы присоединиться к нам на «Титане». Мы можем связаться с ними?

– Нет, – твердо ответила Алли. – Тигги сказала, что Мерри и Мэри-Кэт нужно что-то выяснить и мы не должны вмешиваться.

– Честно говоря, я не думаю, что Мэри-Кэт сможет присоединиться к нам, – вздохнула Майя.

– Кроме того, единственным человеком, который мог бы подтвердить ее личность, был Па Солт, а он мертв. – Сиси заметила недовольное выражение на лицах старших сестер и добавила: – Извините, но это правда, и наш круиз будет посвящен надлежащему прощанию с ним. Я хочу сказать, что нам с Крисси очень понравилась Мэри-Кэт; она очаровательна и подходит по возрасту для нашей

младшей сестры. Но она и члены ее семьи никогда не знали Па Солта, и... Привет, Ма, – сказала Сиси, когда Марина вошла в комнату.

– Здравствуйте, девочки. Я... Вот какое дело: Клавдия отлучилась для визита к больному родственнику. Кристиан отвез ее в Женеву на скоростном катере. Это значит, что нам придется справляться с домашними делами без нее.

– Это не проблема, – заметила Алли. – Теперь мы все достаточно взрослые и умеем готовить.

– Да, но придут гости, и я не знаю, смогу ли позаботиться обо всех, – призналась Ма. – Нельзя было придумать более неудачного времени. Если приедут все ваши избранники, то здесь соберется как минимум одиннадцать человек плюс Бэр, Валентина и маленький Рори...

– Правда, Ма, все будет хорошо. – Майя пододвинула стул. – Садись, пожалуйста, ты очень бледная.

– У меня недоброе предчувствие. Вы не представляете, до какой степени я полагаюсь на Клавдию в ведении домашнего хозяйства.

– Тогда напомню, что остальные большей частью присоединятся к нам в Ницце, – сказала Алли. – Я уверена, что Клавдия будет на месте, когда мы вернемся в Атлантис после круиза.

– Это будет весело, Ма, – вставила Сиси. – Мы можем установить расписание дежурств, как делали для мытья посуды, когда были детьми.

– А тебе всегда удавалось увильнуть от дежурства, – шутливо заметила Майя.

– Не беспокойся, она до сих пор так делает, – добавила Крисси.

– Думаю, каждой из нас нужно взять по одному вечеру и приготовить ужин из блюд той страны, где она сейчас живет, – предложила Майя.

– Это значит, что Электра приготовит нам хот-доги, – хихикнула Алли. – Видишь, Ма? Это будет весело. Тебе еще нужно с чем-то помочь?

– Нет, Алли, но все равно спасибо. Все комнаты уже подготовлены для гостей, и Клавдия сказала, что она оставила лососину для сегодняшнего ужина. – Ма посмотрела на четырех девушек. – Кто знает, как ее готовить?

– Полагаю, сегодня моя очередь для дежурства на кухне, – улыбнулась Алли. – Лососину можно назвать основным продуктом для норвежцев.

– А я-то хотела, чтобы вы все отдохнули от повседневных хлопот, – вздохнула Ма.

– Пожалуй, это ты нуждаешься в отдыхе, – ответила Майя и положила руку ей на плечо.

– Мы с Крисси собираемся поплавать в озере; кто-нибудь хочет присоединиться? – спросила Сиси. – Крисси когда-то была чемпионкой штата!

– Я могу взять «Лазер» и устроить гонку с вами, – вызвалась Алли. – Но сначала мне нужно помочь Майе с мытьем посуды.

Когда старшие сестры остались на кухне одни, они включились в привычный ритм мойки и сушки.

– Когда Флориано с Валентиной вылетают из Рио? – спросила Алли.

– Послезавтра. Я понимаю, что это нелепо, Алли, но я почему-то нервничаю перед встречей с ним.

– Почему?

– Потому что мы обсуждали намерение сыграть свадьбу и завести семью, но не сразу. Я не знаю, что он скажет теперь. И потом, еще есть Валентина. Она привыкла владеть нашим вниманием, и ей может не понравиться наличие младшего брата.

– Майя, я понимаю твою нервозность насчет разговора с Флориано, но не могу поверить, что есть такие семилетние девочки, которым не по нравится играть с настоящим младенцем. Я уверена, что она будет только рада такой возможности.

– Ты права, Алли. Прости, что я беспокоюсь о мелочах, ты вообще не могла разделить свою беременность с Тео.

– Не извиняйся, я все понимаю. Хотя, как я призналась тебе раньше... Теперь, когда все ваши избранники готовы приехать сюда, мне бы тоже хотелось иметь кого-то рядом, понимаешь? Сегодня я позвонила Тому, чтобы узнать, как дела у Феликса – кстати, он в полном порядке, – но Том определенно не сможет принять участие в круизе. Ну, что поделаешь, – продолжала Алли, меняя тему. – А как твое мнение о Крисси? По-моему, она молодец и умеет поставить Сиси на место, когда это необходимо.

– Да, и в ее обществе Сиси выглядит спокойнее, чем когда-либо раньше.

– У нас будет живописное сборище, правда? – улыбнулась Алли. – Будем надеяться, что все поладят друг с другом.

– Нам всем нужно признать, что мы не сможем поладить с некоторыми из нас так же хорошо, как с другими, но это происходит в любой семье. Па Солт был бы счастлив видеть нас всех вместе. Очень жаль, что его не будет.

– Не хочу уподобляться Тигги, но уверена, что его дух будет пребывать среди нас, – утешила ее Алли.

Мерри Западный Корк

Я только начала просыпаться, как зазвонил гостиничный телефон.

– Алло?

– Мерри, это Кэти. Я разбудила тебя, да?

– Да, но все в порядке. Что у тебя?

– Я собираюсь на работу, но вчера вечером после нашего разговора мне пришли в голову кое-какие мысли. Насчет Бобби и твоего желания выяснить, что с ним случилось. Я по-прежнему думаю, что стоит связаться с его младшей сестрой Элен. Когда я встретила ее с ней на похоронах Нуалы, она сообщила, что переехала в Корк. Нойро – необычная фамилия, поэтому ты можешь найти ее в телефонном справочнике. Спроси на стойке регистрации в отеле, у них должен быть такой справочник.

– Спасибо, Кэти. – Я услышала, как мой голос нервно задрожал от одной мысли об этом.

– Сдается мне, что тебе надо это обдумать, Мерри. Дай знать, когда примешь решение. До скорого!

– До свидания.

Когда я закончила одеваться, в дверь постучались.

– Кто? – рявкнула я.

– Это я, Джек.

Я открыла дверь, и сын вошел в комнату, качая головой.

– Правда, мама, кого ты ожидала увидеть, кроме меня, Мэри-Кэт или гостиничной обслуги?

– Извини, у меня разыгрались нервы.

– Вижу! Послушай, чем раньше ты объяснишь причину своих страхов, тем лучше.

– Я объясню, Джек, обещаю. Мы спускаемся к завтраку?

– Да, но сначала я кое-что хотел сказать тебе. Вчера вечером Эм-Кей проверила свою электронную почту и нашла письмо от матери. Я имею в виду ту женщину...

– Джек, я понимаю, что ты имеешь в виду, и это совершенно нормально. Полагаю, ты пришел из-за того, что она боится расстроить меня?

– Да.

– Хорошо. Тогда я пойду и поговорю с ней.

Я протиснулась мимо Джека и вышла в коридор, направляясь к номеру Мэри-Кэт.

– Привет, мама. – Она опустила глаза, когда открыла дверь.

– Джек рассказал мне о твоих новостях. Иди сюда. – Я вошла в комнату и распахнула руки, принимая дочь в объятия. Когда мы наконец оторвались друг от друга, я заметила, что ее глаза блестят от слез.

– Я не хочу расстраивать тебя, мама. На самом деле я решила выяснить свое происхождение только из-за потерянной сестры.

– Знаю, милая, и ты абсолютно не должна чувствовать себя виноватой передо мной.

– Хочешь сказать, ты не возражаешь?

– Я бы солгала, если бы сказала, что у меня нет неприятных мыслей по этому поводу. Но наши отношения всегда были особенными, и я должна доверять им. В сердце можно поместить много людей, если ты хочешь этого. Если твоя биологическая мама хочет стать частью твоей жизни, то уверена, что ты найдешь для нее место в своем сердце.

Дочь наконец посмотрела на меня:

– Мама, ты потрясающая женщина. Спасибо тебе.

– Пожалуйста, не благодари меня, Мэри-Кэт, в этом нет надобности. Так что было сказано в письме?

– Хочешь, я прочитаю его тебе?

– Просто перескажи его в общих чертах. – Я опустилась на стул. Несмотря на произнесенные слова, я лишь надеялась на то, что мое сердце окажется таким же щедрым, как речь. Джек вошел в комнату; очевидно, он ждал в коридоре, пока не улягутся наши эмоции. Он опустился на кровать рядом с сестрой, которая открыла свой ноутбук, чтобы найти электронное письмо.

– Вот. Ее зовут Мишель Макниш, и она родом из Шотландии, как и папа. Она живет в Крайстчерче, и ей было семнадцать лет, когда она забеременела мною. Если вкратце, она игнорировала свое состояние в первые несколько месяцев, потому что слишком боялась сказать родителям. В то время она собиралась поступить в университет и стать врачом... – Мэри-Кэт сверилась с письмом. – Она пишет: «В конце концов я все рассказала родителям, но поскольку они весьма религиозны, то вышел крупный скандал. В итоге они согласились оплачивать мою учебу в университете, если я сохраню ребенка и отдам его в приемную семью».

Дальше она говорит, что чувствовала себя не готовой родить ребенка в таком юном возрасте, особенно потому, что мой биологический отец, ее бойфренд, не был заинтересован заводить с ней семью. Вскоре они расстались; теперь он женат и работает менеджером компьютерного магазина в Крайстчерче. А Мишель стала хирургом. Она тоже замужем и имеет двух маленьких детей.

– И... что ты чувствуешь по этому поводу?

– Насчет того, что она отказалась от меня? Пока точно не знаю, но если бы такое случилось со мной в семнадцать лет, я тоже была бы не особенно довольна своей беременностью. Пожалуй, я понимаю, почему она это сделала. По крайней мере, она *родила*, – Мэри-Кэт пожала плечами, – хотя вполне могла бы избавиться от меня.

– Да, милая, и слава богу, что она этого не сделала. Она хочет встретиться с тобой?

– Она не сказала. Только спросила, могу ли я ответить на ее письмо и немного рассказать о себе. Но добавила, что не обидится, если я не отвечу.

– Ты собираешься написать ей?

– Наверное, да. В конце концов, интересно познакомиться с ней, хотя я не буду лезть из кожи ради этого. Но, судя по всему, это письмо означает, что я не являюсь потерянной сестрой, которую ищет Сиси

вместе с остальными сестрами. Мишель определенно моя биологическая мать, а мой биологический отец живет по соседству с ней. По ее словам, в местной клинике есть записи о моем рождении. На самом деле мне даже немного жаль; я заразилась мыслью стать членом большой семьи, состоящей из приемных дочерей.

– Значит, ты не имеешь кровной связи с приемным отцом сестер, хотя они считали это возможным. Разумеется, ты права, вполне возможно, что этот Па Солт хотел удочерить и тебя, но мама с папой успели первыми. – Джек пожал плечами.

– Ты хочешь сказать, что агентство одобрило нас с Джоком, а его нет? – спросила я.

– Да, что-то вроде этого, – ответил Джек. – Но кто знает? Я близок к тому, чтобы спросить: какая разница? Это имело бы значение лишь в том случае, если бы этот Па Солт был настоящим родственником, верно?

– Верно. – Мэри-Кэт прикусила губу. – Но у меня теперь есть новые родственники... Как это странно!

– Лучше воспринимать такие вещи постепенно, – обратилась я к ней, приняв решение. – На самом деле я хочу кое-что рассказать тебе... обо мне самой. Только не беспокойся, но после того, что ты сказала, это может оказаться важным для тебя. Давайте спустимся вниз, и я все расскажу тебе за завтраком.

* * *

– Обожди минутку. – Вилка Мэри-Кэт с беконом и яйцом замерла на полпути между тарелкой и ртом. – Так ты говоришь, что тебя подкинули к двери священника через несколько часов после твоего появления на свет? Что этот священник и некий Амброз, чтобы спасти тебя от сиротского приюта, отдали тебя уборщице, чей ребенок только что умер?

– Да, примерно так. Кстати, меня назвали Мэри в честь той бедной малютки, которую я заменила.

– И они притворились, что ты – это она, – добавил Джек.

– Что на самом деле хорошо, иначе Амброз придумал бы для меня какое-нибудь непроизносимое древнегреческое имя, – улыбнулась я.

– И как после стольких лет ты справляешься с тем фактом, что твоя семья на самом деле не твоя? – спросила Мэри-Кэт.

– Сначала это было потрясением, – призналась я. – Но когда я снова встретила с братом и сестрой, то оказалось, что кровное родство не имеет значения.

– Видишь, мама? Я всегда так думала.

– Да, и особенно потому, что я не имею понятия, впрочем как и Амброз, кто мои биологические родители.

Мэри-Кэт хихикнула и вытерла рот салфеткой.

– Извини, мама. Я понимаю, что это не смешно, но только посмотри, как все обернулось! Я теперь знаю своих биологических родителей, но как мы можем помочь тебе выяснить, кто ты такая на самом деле?

– Думаю, милая, что в пятьдесят девять лет я хорошо представляю, кто я такая. Генетика не имеет для меня особенного значения. Хотя теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что была *другой*. Когда я уехала в частную школу, а потом в университет, все в Западном Корке дразнили меня, называя потерянной сестрой, не из-за греческого мифа, как Бобби, а потому, что я очень редко бывала дома. А потом я действительно пропала на тридцать семь лет.

– Интересное совпадение, правда? – сказала Мэри-Кэт. – Я хочу сказать, твоя семья теперь считает меня своей родственницей, но на самом деле это ты была потерянной сестрой.

– Да, – вздохнула я. – Но пока что я предлагаю забыть о них. Давайте постараемся получить удовольствие от этой прекрасной страны и ее людей.

– Ты скажешь своим братьям и сестрам, как попала в их семью? – поинтересовался Джек.

– Нет, – ответила я с уверенностью, удивившей меня саму. – Не думаю.

* * *

Остаток дня мы провели в разъездах по побережью, а потом насладились поздним ланчем в баре Хейеса с видом на почти средиземноморскую бухту Гландор-Бэй. Мы вернулись через деревню

Кастлефреке, где в густом лесу стояли руины старинного замка, и я припомнила истории о тамошних призраках, которые рассказывали мои родители. Пробираясь по проселкам вдоль побережья, мы нашли крошечную укромную бухту возле поселка Ардфилд; мои дети немедленно надели купальные костюмы и побежали к холодному морю.

– Давай сюда, мама! Вода изумительная!

Я лениво покачала головой, лежа на гальке и глядя на солнце, удостоившее нас своим редким появлением. Я никогда не рассказывала своим детям, что не умею плавать и страшно боюсь океана, как и многие ирландцы моего поколения. Но с тех пор появилось многое, чего не было раньше, и после сотен лет застоя возникало впечатление, что Ирландия перестраивается всевозможными способами. Массовая бедность и лишения, обычные во времена моего детства, вроде бы значительно сократились. Католическая церковь – огромная часть моего взросления и воспитания – утратила свою железную хватку, а жесткая граница между севером и югом исчезла после Белфастского соглашения Страстной Пятницы, подписанного в 1998 году. Ради этого соглашения был устроен референдум по всей Ирландии, и оно более или менее продержалось десять лет.

Я подняла гладкий камешек и села, сжимая его в руках. Кем бы я ни была на самом деле, оставалось мало сомнений, что я родилась на этой земле. К добру или к худу, значительная часть моей жизни навсегда осталась здесь, на этой прекрасной и беспокойной земле.

– Нужно узнать, что случилось с ним, – пробормотала я. Потом я увидела детей, бегущих ко мне, взяла полотенца и пошла им навстречу.

* * *

Когда мы вернулись в «Инчидони-Лодж» и дети пошли выпить горячего какао в пабе, я попросила секретаршу дать мне телефонный справочник. Я устроилась на одном из диванов и дрожащими руками открыла его на букве «Н».

Н-о... Н-о-б... Н-о-г... Н-о-й...

Мой палец уперся в единственную фамилию Нойро. Первой буквой в имени была «Э».

С сильно бьющимся сердцем я переписала номер и адрес. Название «Баллинхассиг» звучало знакомо. Вернув книгу на стойку регистрации, я спросила секретаршу, знает ли она, где находится Баллинхассиг.

– Да, это маленький поселок, вернее, даже не поселок, несколько домов рядом с аэропортом.

Женщина с именной табличкой «Джейн» достала карту Западного Корка и указала место.

– Больше спасибо.

Потом я пошла в паб, где присоединилась к детям с чашкой чая.

– Если ты не против, завтра утром мы с Эм-Кей отправимся в Корк-Сити, – сказал Джек. – Хочешь присоединиться?

– Возможно. Неподалеку оттуда живет подруга, которую я хотела бы посетить. Я позвоню ей, потом высажу вас в городе и отправлюсь к ней, ладно?

Оба кивнули, и мы поднялись в свои номера, чтобы освежиться перед ужином. Я достала из сумочки листок бумаги, опустила на кровать и нервно положила его перед телефоном. Потом я взяла трубку, чтобы набрать номер Элен Нойро, и заметила, что у меня дрожат руки.

«Возможно, она даже не ответит», – сказала я себе. Но после двух гудков ответил женский голос:

– Алло?

– Здравствуйте. – Я пожалела, что не отрепетировала свои реплики заранее. – Это Элен?

– Да. А вы?

– Меня ховут Мэри Макдугал, но вы можете помнить меня как Мерри О’Рейли. Мы жили довольно близко, когда были детьми.

Повисла пауза, прежде чем Элен ответила:

– Разумеется, я помню вас. Чем могу быть полезна?

– Я долго пробыла за границей и ищу... старых знакомых. Завтра утром я приеду в город, и... я подумала: можно ли заглянуть к вам?

– Завтра утром... Подождите, я кое-что проверю... Да, завтра я выхожу в полдень. Как насчет одиннадцати утра?

– Отлично.

– Вот и хорошо. Если вы на автомобиле, то найти легко: когда вы въезжаете в деревню мимо аэропорта, с левой стороны есть гараж. Я

буду в белом домике сразу за гаражом.

– Хорошо, Элен. Спасибо и до завтра.

Я положила трубку и записала ее указания. Я не знала, чего ожидать, но реакция Элен была необычной. Возможно, она даже не знала, что произошло между мною и ее братом. А может быть, она знала и считала меня девочкой из прошлого, о которой Бобби уже давно забыл.

– Может быть, он давно женат и имеет нескольких детей, – пробормотала я, встала, немного подкрасилась и вышла из номера, собираясь поужинать.

* * *

На следующее утро, высадив детей в центре Корка, я направилась к аэро порту. Когда мы проезжали через Баллинхассиг по пути в город, я огляделась по сторонам и отметила гараж, о котором говорила Элен. На возвращение ушло не более двадцати минут.

Там был небольшой белый дом в стиле бунгало, и я остановилась на дорожке рядом с подобием сада с одной стороны. Когда я выключила двигатель, мне вдруг захотелось, чтобы я была не одна. Что, если Бобби *живет* вместе со своей сестрой? Что, если он находится внутри этого невзрачного дома и готов выйти наружу и приставить револьвер к моему горлу?

Я произнесла короткую молитву о защите, открыла дверь автомобиля и направилась к парадному входу. Попробовала звонок, но он не работал, поэтому я постучалась. Несколько секунд спустя дверь отворила женщина, одетая в изящный темно-синий костюм, с превосходным макияжем и челкой блеющих темных волос.

– Привет, Мерри... Ведь все так называли тебя в прежние времена, да? – сказала Элен, провожая меня в дом.

– Да, и до сих пор называют.

– Пойдем на кухню. Кофе или чай?

– Хватит стакана воды, – ответила я, устроившись за маленьким столом. Кухня была такой же непритязательной, как и дом, даже близко не дотягивавшей до безупречного вкуса хозяйки.

– Итак, что привело тебя в наши края? – поинтересовалась Элен, налив себе кофе из кухонной кофемашины и протянув мне стакан воды.

– Я подумала, что пора посетить некоторых друзей и членов семьи. И... – Я достала лист бумаги с фамильным деревом, полученный от Кэти. Еще вчера я решила, что семейная связь между нами послужит предлогом для моего визита.

– Ты не будешь рассказывать, что все это время жила в Америке и захотела вернуться для изучения своих корней? Многие туристы, которые проходят через магазин дьюти-фри, одержимы этой идеей.

– Ты там работаешь?

– О да. Я всячески ублажаю их: например, провожу дегустации виски или кусочков здешнего сыра. – Она пожала плечами. – Это приятное занятие, и порой я знаколюсь с интересными людьми. Итак, что ты хочешь показать мне?

– Наверное, ты уже знаешь об этом, но, похоже, у нас были общие дед и бабушка.

– Да, мама рассказала мне перед смертью. Она сказала, что твоя мать и мой отец были братом и сестрой.

– Так и есть. – Я развернула лист и указала на имена Кристи и Нуалы. – Если ты помотришь дальше, то найдешь своего отца и себя. И Бобби.

Блестящие ногти Элен прошлись по семейному дереву.

– Это значит, что мы кузины. Вряд ли удивительно, правда? Здесь каждый чей-нибудь родственник.

– Я лишь мельком видела Нуалу, мою, нет, *нашу* бабушку. Это было в день похорон моей матери, когда мне было одиннадцать лет. Нуала и Ханна отстранились от нашей семьи.

– Да, я прекрасно знаю об этом, – сказала Элен. – В детстве мы много раз видели бабушку Нуалу. Они с бабушкой Кристи приходили к нам домой и пели старые песни фениев. Когда умер дед, а потом и мой папа, Нуала стала жить с нами. Она наполнила голову Бобби всевозможными историями. – Элен вздохнула. – Ты помнишь наши прогулки домой из школы?

– Да, – сказала я, изумленная тем, как быстро мы перешли к этой теме.

– Правильно ли я помню, что ты училась в Тринити-колледже, когда Бобби учился в Юниверсити-колледже в Дублине?

– Правильно, – кивнула я.

– И он не всегда был ласков к тебе?

– Да, – ответила я, ощущая вопиющую недооценку. – Кстати, где он?

– Это отдельная история, но, конечно же, тебе известно, что он сблизился с республиканцами из университета?

– О да.

– Боже, этот внутренний яд и его речи... – Элен посмотрела мне в глаза. – Ты помнишь его гневные выходки? Он был так страстно предан «делу», как тогда говорили.

– Он умер, Элен? – спросила я, более не в силах выносить этот медленный ужас. – Ты говоришь о нем в прошедшем времени.

– Нет, он не умер, по крайней мере, не покинул этот мир. Но, честно говоря, лучше бы умер. Думаю, ты была в Дублине в начале 1970-х? И, конечно же, слышала об этом?

– Я покинула Ирландию в 1971 году. Бобби сказал, что он собирается участвовать в протестах в Белфасте вместе с северными католиками. Я даже слышала, что он прикрывал террориста из ИРА во время акции в Дублине.

Элен неуверенно посмотрела на меня, потом вздохнула.

– Слушай, это не та тема, которую я хотела бы обсуждать с кем-либо, но раз уж ты оказалась членом семьи... Подожди здесь.

Я послушалась, поскольку даже если бы она велела мне уйти, то я бы не смогла. Мною овладела мгновенная слабость, и, хотя тело оставалось неподвижным, я ощущала жаркий ток крови в своих жилах.

– Вот, прочитай это, – сказала Элен, когда вернулась, и протянула мне лист бумаги. Это была фотокопия газетной страницы, датированная мартом 1972 года.

Студент Юниверсити-колледжа осужден за поджог протестантского дома

Бобби Нойро, двадцатидвухлетний студент факультета ирландской политики Юниверсити-колледжа, приговорен к трем годам тюрьмы за

попытку сожжения дома в Драмкондре. Мистер Нойро сообщил суду, что является членом Временной Ирландской республиканской армии (ИРА), и признал себя виновным в поджоге. Дом на тот момент пустовал.

Во время оглашения приговора мистера Нойро пришлось удерживать силой, так как он попытался вырваться из-под стражи. Во время схватки он выкрикивал лозунги ИРА и угрозы ведущим членам Демократической юнионистской партии.

При оглашении приговора судья, мистер Фентон Макнелли, сказал, что он принимает во внимание юный возраст Нойро и тот факт, что он мог находиться под влиянием группы сверстников.

Судья Макнелли также указал на то, что при пожаре никто не пострадал. ИРА отрицает свою причастность к нападению.

* * *

– Элен... – Я посмотрела на нее. – Не знаю, что и сказать.

– Это тебя удивляет?

– Честно говоря, нет. Его отпустили через три года?

– Когда мама впервые навестила его в тюрьме, она вернулась домой вся в слезах. Она сказала, что Бобби рвал и метал, поэтому охрана увела его. «У него не в порядке с головой, как и у твоего отца», – сказала она. И правда. – Элен вздохнула. – Он был причиной стольких ссор и драк в тюрьме, что его перевели в камеру строгого режима, где он находился под постоянным наблюдением. Когда его освободили, в «доме на полпути»^[46] он назвал одного из мужчин «протестантским ублюдком» и попытался задушить его. После этого его обследовали и установили диагноз – параноидная шизофрения. В 1978 году его поместили в психиатрическую клинику в Портлаузе. Он так и не вышел оттуда, – мрачно сказала она. – И никогда не выйдет. После маминой смерти я приехала повидаться с ним. Не уверена, что он узнал меня, Мерри. Он просто сидел и плакал как младенец.

– Я... мне очень жаль, Элен.

– Оказалось, что безумие – наследственная черта нашей семьи. Ты этого не знаешь, но наш отец Кахал совершил самоубийство: он поджег наш амбар, а потом повесился внутри. Мама сказала мне, что

наш двою родный дед Колин, брат Кристи, тоже был абсолютно безумным и умер в сумасшедшем доме. Вот почему Кристи стал жить на ферме после смерти его матери от воспаления легких и вырос вместе с Нуалой, ее братьями и сестрами.

– Бобби говорил мне, что ваш отец погиб при пожаре, но представил это как несчастный случай, – пробормотала я. – Возможно, он передавал слова своей матери.

– Да, нам обоим так говорили, хотя я была еще малышкой, когда это случилось. Бобби когда-нибудь... как бы это сказать? Он бил тебя или угрожал тебе?

– Да, – ответила я, и слова полились потоком, как из-под валуна, сдерживавшего реку бурных эмоций. – Он узнал... об одном моем деле, которое ему очень не понравилось. Элен, у него был пистолет, якобы полученный от ИРА. Он приставил его к моему горлу и... и сказал, что если я не перестану встречаться с парнем, который ему не нравится, то он со своими знакомыми из террористической группы убьет его и членов моей семьи.

– И ты ему поверила?

– Конечно, поверила, Элен! Тогда начиналась большая смута. Обстановка в Дублине была очень напряженной, а я знала, как страстно Бобби относился к возвращению Северной Ирландии в состав республики и как он сердился на обращение с католиками за границей. Он присоединился к радикальной студенческой группировке из Университи-колледжа и постоянно требовал, чтобы я выходила вместе с ним на протесты.

– Мерри, я думаю, что у него был старый пистолет, принадлежавший Финну, первому мужу Нуалы. Она сохранила оружие и передала его нашему отцу, Кахалу. После самоубийства отца пистолет перешел к Бобби. Так что, полагаю, он не лгал тебе, когда говорил, что пистолет достался ему от ИРА, но это произошло определенно не во время последних беспорядков. Это было девяносто лет назад, Мерри, и я сомневаюсь, что Бобби знал, как заряжать пистолет, а тем более как стрелять из него.

– Ты уверена, Элен? Я не сомневаюсь, что он принимал участие в беспорядках того времени.

– В качестве мятежного студента, но не более того. Если бы он состоял в ИРА, то организация с гордостью взяла бы на себя

ответственность за поджог протестантского дома в Дублине. Когда я приходила поддержать маму во время суда, то познакомилась с одним из его друзей из Университи-колледжа. Мы побеседовали, и Кон сказал мне, что все знакомые Бобби беспокоились о его психическом состоянии. Он расстался со своей девушкой; теперь я понимаю, что он имел в виду тебя.

– Я... Наверное, он так говорил, Элен, но я никогда не была «его девушкой». То есть Бобби был моим другом детства. – Я вздохнула. – Куда бы я ни ходила, он непременно оказывался там. Моя подруга Бриджет называла его моей тенью.

– Да, это похоже на Бобби, – согласилась Элен. – У него были навязчивые идеи, поэтому он верил, что ты была его девушкой и что он был членом ИРА. Но все это происходило у него в голове, Мерри. По словам психиатров, с которыми я потом разговаривала, это было частью его маниакального помешательства.

– Клянусь, я никогда не давала ему понять, что увлечена им в романтическом смысле, – сказала я, глотая слезы. – Но для него не могло быть и речи об отказе. А когда он узнал о моем ухажере, который к тому же был протестантом, то заявил, что убьет нас и членов наших семей. Поэтому я покинула Ирландию и уехала за границу. С тех пор я жила в постоянном страхе, поскольку он сказал, что вместе со своими друзьями будет охотиться на меня по всему свету, где бы я ни пряталась.

– Пожалуй, отъезд был разумным решением, – кивнула Элен. – Без сомнения, Бобби был склонен к насилию, особенно во время маниакальных приступов. Но что касается его дружков-террористов из ИРА, которые стали бы охотиться на тебя, это полная чушь. Его друг Кон подтвердил это. Когда полиция допросила одного из настоящих членов ИРА по делу о поджоге, тот поклялся всеми святыми, что никогда не слышал о Бобби Нойро. – Она отпила кофе и сочувственно посмотрела на меня. – Значит, ты уехала, но что стало с твоим ухажером? Его протестантская вера для Бобби наверняка служила подобием красной тряпки для быка.

В моем животе снова как будто оказался холодный камень, и я едва могла говорить.

– Мы потеряли связь друг с другом, – наконец выдавила я. – Я вышла замуж за другого человека, и мы счастливо жили в Новой

Зеландии.

– Хорошо, что ты нашла себе мужа и новый дом, – сказала Элен. – Мерри, ты имела все основания для расстройств, – продолжила она и потянулась, чтобы накрыть ладонью мою руку. – Бобби подверг тебя ужасным душевным страданиям, но он с самого начала был таким, правда? Помнишь, когда мы возвращались домой из школы, он каждый раз убегал вперед сломя голову, прятался в канаве, а когда мы проходили мимо, выскакивал наружу с криком: «Бах! Ты покойник!» Эта детская игра превратилась в одержимость, которую разжигала бабушка своими разговорами о войне. Я нечасто езжу к нему, но теперь, после маминой смерти, я получаю регулярные доклады из клиники. Он по-прежнему говорит о революции, как будто участвует в ней... – Она на мгновение прикрыла глаза, и я глубоко вздохнула, радуясь присутствию родственной души, глубоко понимавшей человека, который отравил мне жизнь своими болезненными фантазиями.

– Он обижал тебя, Элен?

– Слава богу, нет, но я с колыбели научилась быть невидимкой. Если у него начинался один из буйных припадков, я исчезала и пряталась. Мама тоже защищала меня. Какую ужасную жизнь она прожила – сначала полоумный отец, потом безумный сын. Я помню, как она сказала...

– Что?

– Как она была расстроена, когда твоя мама не пришла на отцовские похороны. В конце концов, он был ее братом, сыном Нуалы и Кристи. Полагаю, поэтому нам никогда не разрешали и близко подходить к Кросс-Фарм.

– Родственники, не приходившие на похороны, причинили немало горя нашей семье, – вздохнула я.

– Послушай, Мерри, – сказала Элен. – Мне нужно идти, моя смена в аэропорту начинается в час дня, но не могла бы ты еще раз посетить меня? Я буду рада ответить на любые вопросы, которые возникнут.

– Это очень любезно с твоей стороны, Элен. И я благодарна за то, что ты была так откровенна со мной.

– О чем тут лгать? Ты всю жизнь боялась, что за тобой охотятся настоящие террористы. Да, *тогда* Бобби представлял угрозу для тебя,

но если бы ты только знала, что через год его заперли в камере и он не выйдет на свободу до конца своих дней...

– Да, для меня это было бы огромным облегчением. – Я слабо улыбнулась.

– Я не знала, что он преследовал тебя, но я тебя прекрасно понимаю. После маминой смерти я переехала в Корк-Сити, – сказала она. – Я хотела начать с чистого листа. Ты знаешь, как это бывает, – добавила она, пока мы шли к выходу.

– Да уж. Значит, ты живешь одна?

– Да, и это меня вполне устраивает. У меня была привычка выбирать плохих парней, но сейчас у меня есть работа, подруги и независимость. Береги себя, Мерри, и звони, если что-то понадобится.

Она быстро, но крепко обняла меня.

– Хорошо и огромное спасибо, Элен.

Я на нетвердых ногах подошла к автомобилю и тяжело опустилась на водительское место.

«Бобби надежно упрятан за решетку и больше не может причинить тебе вреда, – сказала я себе. – Он не мог этого сделать все эти годы, и все его угрозы были лишь плодом его воображения...»

Я выехала с подъездной дорожки и свернула на первую аллею, которую увидела. Остановив автомобиль между двумя большими полями, я перелезла через изгородь и быстро пошла между пасущимися коровами. Низко нависавшие серые тучи грозили дождем, но я опустилась в траву и зарыдала.

«Все закончилось, Мерри, действительно закончилось... Он больше не причинит тебе вреда. Ты в полной безопасности...»

Мне понадобилось много времени, чтобы выплакать напряжение, которое я держала в себе долгих тридцать семь лет. Я думала обо всем, что потеряла из-за этого...

– И обрела, – прошептала я, думая о своих дорогих детях и любимом Джоке, который взял меня в свои надежные объятия и окружил защитой и любовью.

Я посмотрела на часы и увидела, что опаздываю на встречу с детьми.

– Дети! – буркнула я, возвращаясь к автомобилю. – Ради всего святого, Джеку уже тридцать два года!

Решив, что он уже большой мальчик и вполне может доставить сестру в гостиницу на такси, я позвонила ему и сказала, что у меня разыгралась мигрень, что не было ложью, поскольку у меня гудела голова, и медленно поехала обратно в Клонакилти. Когда я проезжала Бандон, то увидела поворот на Тимолиг и направилась туда, повинувшись интуитивному побуждению. Мне хотелось побывать там.

Я проехала по знакомым извилистым улочкам и остановилась рядом с церковью. Здание выглядело огромным для крошечного поселка, и было что-то трогательное в крошечной протестантской церкви немного ниже по склону и в руинах францисканского монастыря, частично ушедших под воду.

– Сколько страданий из-за разницы в обрядах поклонения одному Богу, – сказала я вслух. Потом я вошла в церковь, где молилась, куда приходила на мессу каждое воскресенье и где видела свою маму лежавшей в гробу.

Прогулявшись по центральному проходу, я автоматически преклонила колени перед алтарем и повернулась направо, где горело множество свечек, мигавших на сквозняке, задувавшем через старые окна. Каждый раз, возвращаясь из частной школы, я находила утешение в том, чтобы зажечь свечку в память о своей матери. Сегодня я поступила так же, потом опустила несколько центов в короб для пожертвований и зажгла другую свечку за Бобби.

«Бобби Нойро, я прощаю тебя за все, что мне пришлось претерпеть. Я сожалею о твоём непрерывном страдании».

Потом я зажгла свечу в память о Джоке. Он был урожденным протестантом и происходил из семьи шотландских пресвитериан. Мы поженились в церкви Доброго Пастыря возле озера Текапо, у подножия величественной горы Текапо. Церковь была внеконфессиональной и принимала людей любого вероисповедания. Тогда я едва могла поверить в существование подобных вещей, но это делало наше бракосочетание еще восхитительнее. Мы пригласили небольшую группу друзей, добрых и приветливых членов семьи Джока, и церемония была простой, но прекрасной. Потом мы устроили вечеринку на веранде отеля «Эрмитаж», где впервые встретились.

Я села на одну из церковных скамей и склонила голову в молитве.

– Боже милосердный, дай мне сил больше не жить в страхе и быть честной со своими детьми...

Потом я вышла на церковное кладбище, где были похоронены поколения семьи, которую я считала своей. Я подошла к могиле матери и опустилась на колени. В вазе стоял букетик полевых цветов, принесенный кем-то из моих сестер или братьев. Надгробный камень на соседней отцовской могиле был не таким выцветшим.

– Мамочка, – прошептала я. – Я знаю все, что ты сделала для меня и как сильно ты любила меня, хотя я не была твоей кровной родней. Я тоскую по тебе.

Проходя между могилами, я увидела надгробие Ханны и ее мужа Райана, а потом и Нуалы. Моя бабушка была похоронена рядом с Кристи и остальными членами нашего клана, а не со своим любимым Финном в Клогхе. Я вознесла молитву, надеясь на то, что все они упокоились с миром.

Блуждая вокруг, я надеялась найти могилу отца О'Брайена, но не смогла найти ее. В конце концов я поехала домой, ощущая себя странно опустошенной и свободной от мыслей. Может быть, после признания душевной травмы со всеми ее физическими и психическими последствиями я наконец начала выздоравливать?

– Больше никаких секретов, Мерри, – пробормотала я, когда подъехала к отелю, припарковала автомобиль и вошла внутрь. Записка в моей ячейке извещала о том, что дети уже вернулись из Корка. Я поднялась в свой номер и налила себе виски. Настало время выпить. Я позвала к себе Джека и Мэри-Кэт и заперла дверь.

– В чем дело, мама? – осведомился Джек, когда я предложила им сесть. – Ты выглядишь крайне серьезной.

– Да, я чувствую это. Сегодня утром я встретила со старой знакомой и после разговора с ней решила... в общем, я решила рассказать вам о моем прошлом немного больше.

– Что бы это ни было, не волнуйся, мама, мы пойдем, – сказала Мэри-Кэт. – Правда, Джеки?

– Разумеется. – Джек ободряюще улыбнулся. – Давай, мама, рассказывай.

Я рассказала им про Бобби Нойро и про то, как он приехал в Дублин, когда я училась в Тринити-колледже.

– Тринити-колледж был и остается протестантским университетом, а Юниверсити-колледж был католическим, – объяснила я. – Разумеется, теперь это не имеет значения, но тогда, в

преддверии так называемой дублинской смуты, это многое значило. Особенно для людей вроде Бобби Нойро, которые выросли с изначальной ненавистью к британцам и к тому, что многие ирландские республиканцы рассматривали как отторжение Северной Ирландии с ее протестантским населением. Католики, застрявшие по эту сторону границы, часто сталкивались с дурным обращением и всегда оказывались последними в очереди на новое жилье и новую работу. – Я помедлила, стараясь упростить эту долгую и очень болезненную историю. – Так или иначе, я отлично вписалась в университетскую жизнь и полюбила ее, тем более что Амброз преподавал античную литературу, а я изучала тот же предмет и, естественно, шла по его стопам. Но Бобби не одобрял этого. Думаю, Джек, я рассказывала о нем в своей истории о детстве в Западном Корке.

– Да. Он показался мне действительно странным парнишкой.

Я рассказала им о том, что произошло в Дублине.

– Всю жизнь я прожила в страхе перед тем, что он найдет меня или пришлет своих друзей из ИРА, чтобы покончить со мной. Понимаю, что это звучит нелепо, но я была в ужасе. – Я сглотнула. – В конце концов его заключили в тюрьму за поджог протестантского дома. Вот поэтому я покинула Ирландию и оказалась в Новой Зеландии.

Мэри-Кэт подошла и села рядом со мной на краю кровати, обняв меня.

– Наверное, ужасно было думать о том, что он преследовал тебя все эти годы? Но теперь все закончилось, мама. Он же больше не может причинить тебе вред, верно?

– Нет, не может. Но я узнала об этом только сегодня.

– Почему ты ничего не говорила раньше? – спросил Джек.

– Давай начистоту: даже если бы я и сказала, вам было бы интересно слушать? Разве дети когда-либо интересовались историями о прошлом их родителей? Мне было противно, когда Бобби рассказывал об ирландской революции и пел песни фениев. Мои родители никогда не говорили о своем прошлом из-за разлада в семье.

– Что за разлад? – тут же спросил Джек.

Но я уже слишком устала.

– Это долгая история, но, если вам интересно, я однажды расскажу ее. А завтра утром я собираюсь отправить вас обоих в Центр

Майкла Коллинза в Катлвью. По крайней мере, вы узнаете о местном герое, который освободил Ирландию от британского ига.

Мэри-Кэт закатила глаза, и я улыбнулась.

– Вот видите? – сказала я. – Вам не интересно. Но поскольку он оказал большое влияние на мое воспитание и дальнейшую жизнь, вам придется потратить на это несколько драгоценных часов.

– Этот Майкл Коллинз был героем для Бобби Нойро?

– В сущности, Джек, как раз наоборот. А теперь давайте поедим, хорошо? Я проголодалась.

* * *

Когда я вернулась в номер, то увидела сообщение, мигавшее на экране телефона. Кэти спрашивала, как мои дела и как продвигаются поиски «моего друга». Я набрала ее номер, и она ответила после второго гудка.

– Ну? – спросила она.

– Расскажу при встрече, но хорошая новость состоит в том, что, хотя Бобби и не умер, он больше никогда не придет за мной.

– Тогда я рада за тебя, Мерри. Должно быть, большой груз упал с твоих плеч.

– Да, Кэти это правда. И хочу сказать, что я заглянула в церковь в Тимолиге и обошла семейные могилы. Потом хотела найти могилу отца О’Брайена, но ее не оказалось. Тебе известно, что с ним случилось?

– Да, Мерри. По правде говоря, я встречалась с ним сегодня днем.

– Что? Каким образом?

– Он живет в доме для престарелых в Клонакилти, где я работаю. Он никогда не изменял своему приходу в Тимолиге, хотя мне известно, что ему не раз предлагали повышение по службе. Так или иначе, он решил, что пустил слишком длинные корни в этих краях, и отошел от дел пять лет назад, когда ему стукнуло восемьдесят. Ты хотела бы встретиться с ним?

– Да, Кэти, конечно же! Он... он в здравом уме?

– Хочешь знать, не растерял ли он свои шарики? Он вполне нормален, но тело подводит его. Ревматический артрит, что

неудивительно после сквозняков в его старом доме. Для следующего священника построили новый.

– Тогда я хочу встретиться с ним завтра утром.

– Отлично. Я сейчас вместе с Джоном и Шинейд занимаюсь выпечкой для семейного сборища в воскресенье.

– Пожалуйста, Кэти, нет надобности так стараться ради нас.

– Никаких проблем. В любом случае нам давно уже надо было собраться, и здесь много места, чтобы дети могли побегать на улице.

– Завтра обещают дождь.

– Да ладно, это будет теплый дождь.

– Кстати, я хотела спросить: можно пригласить Элен Нойро на нашу вечеринку? Она все-таки наша родственница, и...

– Отличная мысль, Мерри. А теперь пока, мне нужно проверить пирог.

Я подошла к окну, чтобы задернуть занавески, и услышала гневный рев моря снаружи. Дождь уже барабанил по подоконнику. В постели я постаралась отрешиться от всего, что узнала сегодня, но так устала, что сразу заснула.

Дом престарелых оказался светлым и просторным, хотя характерный больничный запах висел в воздухе. В приемной я спросила Кэти, и через минуту она с улыбкой обняла меня.

– Сейчас он в солярии, и, знаешь, я не сказала, кто будет его посетителем. Сказала только, что это большой сюрприз. Готова? – спросила она перед дверью.

– Готова.

Мы пробрались между стульями, занятыми пожилыми мужчинами и женщинами, которые беседовали друг с другом или играли в настольные игры. Кэти указала на человека, глядевшего в окно.

– Видишь, он сидит в кресле-каталке? Я отвезла его в угол, чтобы у вас было некоторое уединение.

Я разглядывала отца О’Брайена, пока шла к нему. Он всегда был симпатичным мужчиной, о чем моя мама часто шепталась с другими

молодыми женщинами. Его густые темные волосы побелели и немного поредели, но большую часть ему удалось сохранить. Глубокие морщины, избородившие его лицо, придавали дополнительную солидность.

– Отец, вот ваша посетительница, – сказала Кэти, пропустив меня вперед. – Возможно, вы ее помните.

По-прежнему ясные и блестящие глаза отца О’Брайена смерили меня взглядом. Безучастное выражение на его лице сменилось озадаченностью, потом изумлением.

– Мерри О’Рейли, это ты? – Он покачал головой, как будто ему привиделось. – Не может быть, – пробормотал он, отворачиваясь от меня.

– Это я, отец. Бывшая Мерри О’Рейли, теперь миссис Макдугал.

Я опустилась на корточки, чтобы смотреть на него снизу вверх, как в детстве, когда визиты в его дом так много значили для меня.

– Это на самом деле я. – Я улыбнулась и взяла его за руку.

– Мерри... Мерри О’Рейли, – прошептал он и обхватил мою руку теплыми ладонями.

– Я оставлю вас наедине, – сказала Кэти.

Я встала, не выпуская его руки:

– Извините, если нечаянно напугала вас.

– Ты определенно заставила мое сердце биться быстрее, чем раньше. – Он улыбнулся, отпустил мои руки и указал на легкий пластиковый стул. – Садись поближе ко мне.

Я так и сделала, глотая слезы и ощущая удивительное спокойствие и на дежность, исходившие от него. Это напоминало мои ощущения от присутствия Джока, когда я чувствовала себя надежно защищенной.

– Так что привело тебя в наши края после стольких лет, Мерри?

– Пришла пора вернуться домой, отец.

– Да.

Он продолжал смотреть на меня, и я чувствовала, что он уже знает все, что необходимо знать обо мне. Наверное, он так долго размышлял о человеческой душе и ее сложных эмоциях, что мог читать меня, как открытую книгу.

– Незавершенные дела? – спросил он, подтвердив мою догадку.

– Да. И я очень рада видеть вас, отец. Вы хорошо выглядите.

– Спасибо, и можно добавить, что я нахожусь в добром здравии. – Он обвел рукой просторную комнату. – К сожалению, большинство из этих милых людей не имеют понятия, какой сейчас год, 1948-й или 2008-й, что не располагает к нормальному разговору, но здесь замечательный персонал, который заботится обо всех наших потребностях, – добавил он.

Последовало долгое молчание, пока мы оба размышляли о том, что еще можно сказать. Я не знала, имею ли для него такое же значение, какое он всегда имел для меня.

– Почему ты не возвращалась, Мерри? Я знаю, ты училась в Дублине, но часто посещала свою семью на ферме Кросс-Фарм. А потом ты вдруг исчезла.

– Я уехала, отец.

– Куда?

– В Новую Зеландию.

– Это и впрямь далеко. – Он задумчиво кивнул. – Ты уехала, потому что влюбилась?

– Примерно так, но это долгая история.

– Долгие истории обычно самые лучшие, и, можешь поверить, я выслушал множество таких историй в исповедальне. Но, разумеется, я ничего не разглашал, – добавил он и подмигнул мне.

– Судя по словам Кэт, вас очень любили в здешних местах.

– Спасибо за добрые слова. Многие прихожане до сих пор навещают меня здесь, хотя это не то, что у меня дома. Но я не должен жаловаться.

– Вы не жалуетсяь, отец. Я все понимаю.

– Мне некуда поместить мои книги, и я скучаю по ним. Они были нашей общей любовью с моим другом Амброзом. Ты помнишь его?

Он посмотрел на меня, и мое сердце едва не разорвалось пополам от невысказанной тоски в его взгляде.

– Да, отец, разумеется. Где ваши книги?

– Лежат на складе в Корке. Но ничего, у меня всегда есть под рукой одна хорошая книга. – Он указал на низкий столик между нами, и я узнала маленькую Библию в кожаном переплете, которую он всегда носил при себе. – Так расскажи мне, ты вышла замуж? У тебя есть дети?

– Да, и они тоже приехали сюда. Я отправила обоих в центр Майкла Коллинза; им пора кое-что узнать о родине своей матери.

– Этот человек и то, что он сделал для Ирландии, определенно имеют отношение к твоей жизни, Мерри. Я с огромной грустью похоронил твоих бабушек, Нуалу и Ханну. В самом конце они обе просили прощения у Господа за родственную вражду. Это печальная история.

– Да. Кэти только вчера рассказала мне о причине разлада между ними. Я наконец многое поняла, поэтому рада, что вернулась сюда, – добавила я.

Мимо с грохотом проехала тележка с чайными приборами. Мне хотелось рассказать отцу О’Брайену о том, что я знаю, что он сделал для меня много лет назад, когда я была крошечным младенцем, оставленным у его двери. Но сейчас было не время и не место для этого.

– Как ваши дела? – к нам с дружелюбной улыбкой подошла буфетчица. – Кофе или чаю?

– Мне не надо, спасибо. Отец О’Брайен?

– Спасибо, мне тоже не надо.

Повисла пауза, буфетчица укатила тележку, а мы собрались с мыслями.

– Я был бы рад познакомиться с твоими детьми, – сказал он.

– Уверена, что это можно устроить, отец. Мне тоже хочется познакомиться их с вами. Я...

– У вас все хорошо? – на этот раз вмешалась Кэти.

– Да, – ответила я, желая, чтобы она ушла и позволила нам продолжить разговор. Я чувствовала, что мы оба хотели этого.

– Извините за вмешательство, но подошло время сеанса физиотерапии, отец, – продолжала она.

Во взгляде отца О’Брайена читалась покорность судьбе.

– Разумеется, – сказал он. – Ты сможешь прийти в другое время, Мерри? И привести детей?

– Безусловно. – Я встала и нежно поцеловала его в щеку. – Обещаю, что вернусь.

Я забрала детей возле центра Майкла Коллинза.

– Ну, мама, я много узнал, – сказал Джек, застегнул ремень безопасности, и мы выехали на улицу. – Я понятия не имел о Пасхальном восстании 1916 года, которое привело к ирландской революции и войне с британцами. Ирландия стала республикой в 1949 году, когда ты родилась! Ты знала об этом?

– Да, но в то время я была слишком маленькой, чтобы оценить значение этого события.

– Теперь я понимаю, почему многие ирландцы были так рассержены, – вставила Мэри-Кэт с заднего сиденья. – Мы с Джеком купили книгу об этом и собираемся прочитать ее.

– Точно, – сказал Джек. – Я не понимал, какую большую роль во всех этих событиях играла религия. Мы никогда не думали о том, кто мы, католики или протестанты, правда, Эм-Кей? В Новой Зеландии это не имело значения.

– Здесь до сих пор остаются ревностные католики и ревностные протестанты, – заметила я.

– Но поразительно, что все выглядят счастливыми и дружелюбными, – сказала Мэри-Кэт. – Судя по нынешним людям, трудно представить, что пережила эта страна. Такие ужасные страдания; я видела материалы о картофельном голоде, и...

Я слушала, как дети беседуют о моей родине, о войнах и беспорядках, происходивших в прошлом. И вдруг ощутила огромную гордость за то, как далеко Ирландия продвинулась со времен моего детства.

Вернувшись в свой номер, я устроилась на балконе с чашкой чая. После встречи с отцом О'Брайеном мне пришла в голову одна мысль.

«Вопрос в том, имею ли я право вмешиваться?»

«Но, Мерри, ты провела всю жизнь, прячась за спиной мужа и детей, и никогда не принимала самостоятельных решений...»

– Давай же, Мерри, – сказала я вслух. – Сделай что-нибудь для разнообразия.

Я внушила себе, что в худшем случае он может ответить отказом. Взяла мобильный телефон и набрала номер. После трех или четырех гудков последовал ответ:

– Амброз Листер слушает. Кто это?

– Амброз, это Мерри. Как ты?

– Спасибо, замечательно. А ты?

– Я в порядке, Амброз. В сущности, я хотела узнать, ты будешь сильно занят в ближайшие два дня?

– Я бы солгал, если бы ответил, что у меня все расписано, но Платон, как всегда, ожидает встречи со мной.

– Я тут подумала, сможешь ли ты приехать в Западный Корк? Я... в общем, мне нужна твоя помощь.

– В Западный Корк? Не думаю, Мэри, это долгое странствие для моих старых костей.

– Амброз, я клянусь, что положение значительно улучшилось с тех пор, как ты приезжал сюда на старом красном «Битле». – Я улыбнулась. – Здесь везде автострады и шоссе с двусторонним движением, и, конечно, везде лежит асфальт. Что, если я организую такси для тебя? Здесь есть человек, который с радостью приедет в Дублин и заберет тебя.

– Мэри, я предпочел бы не уезжать. Мне...

– Амброз, ты *нужен* мне. И мы остановились в замечательном отеле с видом на пляж Инчидони. Помнишь тот огромный пляж рядом с Клонакилти?

– Да, помню. И хибару, которая стояла над пляжем. Не назвал бы ее ужасно привлекательной.

– Теперь на этом месте современный отель со всеми удобствами, какие можно представить. И у тебя появится возможность познакомиться с моей дочерью, пока мы не уехали в Новую Зеландию. Пожалуйста, Амброз. Здесь есть тайна, которую мне нужно разрешить, и только ты можешь знать ответ.

У меня закончились аргументы для убеждения Амброза. Повисла долгая пауза.

– Ну, если ты действительно хочешь, чтобы я проделал этот путь, значит, у тебя есть веская причина. Когда такси заберет меня?

– Мне еще нужно получить подтверждение, но как насчет завтра, часов в одиннадцать?

– И я, несомненно, прибуду вовремя, чтобы выпить чашку какао перед сном.

– Ерунда, Амброз. Дорога займет от силы три часа, и я надеюсь, что ты приедешь к послеполуденному чаю с роскошным видом на Атлантику. Я организую тебе уютный номер и лично встречу тебя.

– Хорошо, Мэри, тогда до встречи. У меня есть новости для тебя, которые появились только сегодня утром.

Выключив мобильный телефон, я бросила его на кровать и издала триумфальный вопль. В дверь постучались, и я пошла открывать.

– Привет, мама, у тебя очень радостный вид, – сказала Мэри-Кэт, протиснувшись в комнату.

– У меня есть причина для радости, по крайней мере, так мне кажется. – Я пожала плечами. – Я только что совершила нечто такое, что, я надеюсь, сделает гораздо лучше жизнь двух моих любимых людей. Ты как, в порядке?

– Да, все нормально. Слушай, мама, я недавно поговорила с Джеком, и...

– Что такое?

– Ну, мы оба считаем, что должны сообщить Тигги и ее сестрам, что я нашла свою биологическую семью. И едва ли я та самая потерянная сестра, которую они ищут.

– Ты не знаешь этого наверняка, Мэри-Кэт. Твои биологические родители могли иметь родственную связь с их приемным отцом.

– Возможно, но я считаю, что как минимум должна сообщить им имя своей биологической матери. Пусть сами расследуют, есть ли там родственная связь. Для меня очевидно, что они очень хотят найти потерянную сестру, чтобы она присоединилась к ним во время поминального круиза. Не возражаешь, если я позвоню им?

– Конечно, нет, милая. Это твое решение.

– Ладно, спасибо. И еще...

– Что такое? – спросила я. Судя по выражению ее лица, я понимала, что она собирается затронуть чувствительную тему.

– Ты не возражаешь, если я скажу им, что ты тоже была приемной дочерью? То есть мы с Джеком пришли к выводу, что кольцо с изумрудами с самого начала принадлежало тебе... Мама, а что, если это *ты* их потерянная сестра?

– Сомневаюсь. Все эти удочеренные девушки сходны по возрасту с тобой и Джеком. Нет. – Я покачала головой. – Понимаю, тебе хотелось бы этого, но я тут ни при чем.

– Значит, ты не возражаешь, если я расскажу им о твоём удочерении?

– Давай рассказывай. – Я вздохнула. – Мне все равно. Извини, милая, но, поскольку они в итоге абсолютно испортили мое кругосветное турне, мне просто хочется забыть о них.

– Понимаю, мама, но все равно спасибо. Встретимся за ужином.

Мэри-Кэт с извиняющейся улыбкой вышла из комнаты.

Атлантис

– У меня есть новости, – сказала Алли, войдя на веранду, где Майя раскладывала тушеное мясо по-бразильски.

– Что за новости? – осведомилась Сиси.

– От Мэри-Кэт. Она сообщила, что нашла своих биологических родителей.

– Ого, вот это новости! – присвистнула Крисси.

– И до тех пор, пока Мэри-Кэт не установит личного контакта со своей матерью, я не думаю, что мы имеем право изучать жизнь ее биологических родителей, а она не сделает этого до возвращения домой, в Новую Зеландию.

– Что произойдет уже после нашего круиза, – сказала Майя. – Садись, Алли, пока еда не остыла. Если бы мы только могли связаться с Георгом, он бы, по крайней мере, смог негласно навести справки.

– Недавно я набирала его мобильный, но он не отвечает на звонки. – Сиси пожалала плечами. – Майя, ты приготовила вкуснейшее мясо. Спасибо, Ма, – добавила она, когда Ма наполнила бокалы вином и уселась сама.

– Да, – встрепенулась Алли. – Мэри-Кэт рассказала мне кое-что еще.

– Что? – спросила Майя.

– Она сообщила мне, что ее приемная мать Мерри недавно обнаружила, что она сама была приемной дочерью.

Все уставились на нее в полном молчании.

– Как это может быть? – поинтересовалась Майя. – Тигги сказала, что она с детьми поехала навестить членов своей давно покинутой семьи на юго-запад Ирландии.

– Мэри-Кэт не вдавалась в подробности, но, судя по всему, новорожденную Мерри нашли на крыльце дома местного священника и она заменила ребенка, который только что умер.

– Не означает ли это, что она может быть нашей потерянной сестрой? – спросила Сиси.

– Но она пожилая женщина, верно? – заметила Крисси. – Гораздо старше, чем вы, девочки.

– Будь осторожнее, Крисси, – улыбнулась Ма. – Таких, как мы с Мерри, в наши дни называют женщинами среднего возраста.

– Извините, но вы понимаете, что я имею в виду, – смущенно ответила Крисси.

– Разумеется. Однако мы должны помнить о том, что кольцо с самого начала принадлежало Мерри, – добавила Ма.

– Ты права, Ма, – выдохнула Крисси. – Значит, теперь у нас есть две кандидатки на роль потерянной сестры?

– Возможно. Но с двумя Мэри, которые поочередно владели кольцом, нам не разобраться без помощи Георга. – Майя отпила глоток воды.

– Итак, будем ли мы настаивать на нашем приглашении Мерри и ее детей? – спросила Алли, обращаясь ко всем. – Я хочу сказать, если кольцо является доказательством, а Георг был твердо уверен в том, что так и есть, то одна из них должна быть нашей потерянной сестрой.

– Не знаю, – тихо сказала Ма. – Круиз в память Па Солта – очень большое событие для всех вас. А эти женщины...

– И Джек, брат Мэри-Кэт, – вставила Алли.

– Да. Эти трое фактически незнакомые люди.

За столом наступило задумчивое молчание.

– Ма права, – наконец сказала Майя. – Мы знали и любили Па Солта, а они никогда не были знакомы с ним. Для нас это глубоко волнующее событие, а для них...

– Означает ли это, что Крисси и другие наши избранники, которые не знали Па Солта, не приветствуются на борту? – резко спросила Сиси.

– Не глупи, Сиси, – сказала Ма. – Разумеется, мы приглашаем всех, в том числе детей. Кстати, соберется много народу.

– К счастью, на яхте много свободного места, – сказала Алли. – Она была сделана для этого, а Макдугалы находятся на расстоянии

короткого перелета от нас. Лично я выступаю за их приезд.

Майя пристально посмотрела на нее:

– Почему бы нам всем не подумать об этом? Завтра можно позвонить другим сестрам, посмотрим, что они скажут.

– Тигги пригласила их всех в Дублин, и Стар определенно была «за», когда я в последний раз беседовала с ней, – сказала Сиси.

– Остается только Электра, – сказала Алли.

– Утро вечера мудренее, девочки, – решительно сказала Майя.

* * *

После ужина Сиси и Крисси поднялись наверх вместе с Ма, а Майя и Алли занялись мытьем посуды.

– Когда прилетает Флориано? – спросила Алли свою сестру.

– Они с Валентиной приземлятся в Лиссабоне завтра утром. Потом пересадка на рейс в Женеву. Мы с Кристианом собираемся забрать их из аэропорта около полудня.

– Может, немного выпьем на веранде? – поинтересовалась Алли, когда Майя включила посудомоечную машину. – Я налью себе рюмку арманьяка; распробовала его после визита во Францию. А ты?

– Мне будет достаточно минеральной воды. Люблю бывать здесь по вечерам, – добавила Майя, когда они сели. – Здесь всегда так тихо и спокойно.

– Лишь год назад ты жила здесь как затворница. И погляди на себя теперь!

– Знаю. Алли, можно кое-что спросить?

– Само собой.

– Этот Джек... Ты хорошо поладила с ним, верно?

– Да. Он действительно очень приятный парень. Правда, ему за тридцать, а он все еще холост, так что, возможно, у него есть какие-то про блемы.

– Прошу прощения, – укоризненно сказала Майя. – Мне тоже почти тридцать пять, и я совсем недавно нашла любимого.

– Я тоже нашла... а потом потеряла.

– Да. Но у тебя остался Бэр.

– Знаешь, что странно? Мне стыдно говорить тебе об этом, но... Я рассказала Джеку, как потеряла Тео, но не сказала, что у меня есть ребенок от него.

– Понятно. Думаешь, это потому, что ты, конечно, на подсознательном уровне опасалась, что это может оттолкнуть его?

– Да, и разве это не ужасно? – вздохнула Алли.

– Вовсе нет. Это лишь означает, что он *действительно* тебе понравился, что между вами возникла душевная связь.

– Может быть. Я определенно много думала о нем с тех пор, что заставляет меня чувствовать себя еще более виноватой, как будто я каким-то образом предаю Тео.

– Судя по тому, что ты рассказывала о Тео, я уверена, что он хотел бы видеть тебя счастливой. Случилось непоправимое, но у тебя есть Бэр, и в какой-то момент ты должна принять решение и вернуться к нормальной жизни. Пожалуйста, не следуй моему примеру и не совершай ошибку, на долгие годы закрывая свое сердце для любви. Из-за Зеда я потратила впустую годы, но тогда хотя бы Па Солт находился рядом.

– Да. А мы могли разъехаться и жить своей жизнью, зная, что ты остаешься в Атлантиде вместе с ним.

– Алли?

– Да?

– Ты бы хотела, чтобы Макдугалы присоединились к нам в морском круизе, правда?

– Да. Хотя Джек, наверное, перестанет разговаривать со мной, когда обнаружит, что я не была откровенна с ним.

– Скорее всего, он уже догадался после разговора с Тигги, – указала Майя.

– Может быть, – вздохнула Алли. – Честно говоря, мне не хочется развивать эту тему.

– Ладно, я понимаю. Мне лишь хочется, чтобы Георг был здесь и объяснил, какая из двух Мэри нам нужна. Жаль, что он недоступен.

– Да, но нужно помнить и о том, что эту ситуацию контролируем не мы, а Мэри-Кэт и ее мама, – сказала Алли. – А теперь я собираюсь подняться наверх и немного поспать перед утренним кормлением Бэра. Ты идешь?

– Я буду через минуту.

– Тогда спокойной ночи, Майя.

Майя еще немного посидела, думая о скором приезде Флориано. Она вышла на улицу, села на скамью перед армиллярной сферой и глубоко вдохнула теплый летний воздух, наполненный ароматами роз, растущих повсюду вокруг нее.

– Возможно, ответ здесь, – прошептала Майя. Она встала и подошла к сфере. Со времени ее последнего визита по краям была установлена нижняя подсветка, так что сфера мягко сияла посреди темного сада. Майя провела пальцами по кольцам, потом остановилась и наклонилась, чтобы рассмотреть свою надпись.

– *Не позволяй страху решать твою судьбу...* — прошептала она. — Ох, Па, ты был совершенно прав.

Майя уже собиралась отойти, когда ее внимание привлекло нечто странное. Она снова наклонилась, прочитала имя на нижнем кольце, потом слова, написанные внизу, и ахнула.

– Mon Dieu!

Он развернулась, бросилась в дом и бегом поднялась в мансарду.

– Алли, ты спишь? – задыхаясь, спросила она, постучалась в дверь младшей сестры и открыла ее.

– Уже почти...

– Извини, Алли, но это важно.

– Ш-ш-ш, не разбуди Бэра, – прошептала Алли. – Давай выйдем наружу. – Она подняла с пола свою толстовку. – Что такое?

– Алли, ты часто бывала здесь в прошлом году. Когда ты последний раз смотрела на армиллярную сферу?

– Э-э-э, не знаю. Иногда мы с Бэром сидим в папином саду, так что, может быть, два дня назад?

– Я имею в виду, пристально смотрела на нее.

– Не понимаю, о чем ты. Конечно, я смотрела на нее, но...

– Тогда пошли со мной. Прямо сейчас.

– Зачем? – спросила Алли.

– Просто пошли!

Внизу Майя взяла блокнот и карандаш, лежавшие возле стационарного телефона на кухне, а потом они побежали в сад.

– Надеюсь, это стоит двух-трех часов моего сна, – заметила Алли, пока Майя вела ее к армиллярной сфере.

– Посмотри, Алли. Посмотри на кольцо Меропы.

Алли наклонилась посмотреть, куда указывала Майя.

– О боже! – произнесла она, выпрямившись и потрясенно уставившись на сестру. – Кто-то добавил набор координат, но когда?

– Не знаю. Но, что гораздо важнее, Алли, куда они указывают?

– Дай мне блокнот, и я запишу их. Мой ноутбук стоит на кухонном столе. Давай посмотрим, на что они указывают.

На кухне, пока Алли включала ноутбук, Майя расхаживала взад-вперед.

– Алли, Ма должна знать, когда нанесли эту надпись.

– Если бы она знала, то, конечно, сказала бы нам.

– Должно быть, она знает больше, чем говорит.

– Если так, то она очень хорошая актриса. Ма – самая честная и откровенная женщина, которую я знаю, так что я очень удивлюсь, если она утаивает что-то от нас. Она всегда помогала нам, как только могла. Ладно... давай посмотрим.

Майя стояла за спиной сестры и наблюдала, как программа Google Earth разворачивает свое волшебное действие.

– Как интересно. Это не Новая Зеландия, глобус разворачивается к Европе и масштабируется на Соединенное Королевство, а потом... на Ирландию! – ахнула Майя.

– На юго-запад Ирландии, где сейчас находятся Макдугалы. Это фермерские поля, и... ох! Гляди, вот дом. – Алли указала ручкой. – Аргидин-Хаус, Инчбридж, Западный Корк, – прочитала она. – Вот так. – Она посмотрела на Майю. – Похоже, наша потерянная сестра родом из Ирландии, а не из Новой Зеландии, а это значит...

– Значит, это Мерри, мать Мэри-Кэт! Она наша потерянная сестра.

Мерри Западный Корк

В тот вечер Ниалл отвез нас на ферму Кросс-Фарм на семейное сборище. Когда такси свернуло к ферме, я увидела, что подъездная дорожка уже заполнена автомобилями. Шум смеха и разговоров доносился до нас через открытые окна. Когда мы с Джеком и Мэри-Кэт вышли из автомобиля, Джон и Шинейд устремились навстречу, приветствуя нас.

– Вернусь и заберу вас попозже, – сказал Ниалл и подмигнул нам, прежде чем уехать. Когда мы вошли в кухню, гости замолчали и повернулись к нам.

– Мерри! – раздался возглас, и из толпы выступила пухлая женщина с волосами серо-стального цвета. – Ох, Мерри, это я, Элен!

– Здравствуй, – прошептала я, когда она заключила меня в объятия и крепко прижала к себе.

Она отодвинулась и посмотрела на меня.

– Ты ничуть не изменилась с тех пор, как я последний раз видела тебя, – сказала она со слезами на глазах. – Ты до сих пор хихикаешь, как безумная?

– Да, так и есть, – вставил Джек. Последовал хаотичный обмен взаимными представлениями, пока Элен и Джон водили нас среди гостей. Я обомлела, когда увидела, что мои маленькие братья Билл и Патрик стали высокими дородными мужчинами с седеющими волосами, похожими на моего отца. Кэти помахала мне оттуда, где она наносила последние штрихи на ломившийся от яств праздничный стол. Вид и аромат домашних пирогов, бутылки стаута, игристого вина и виски, стоявшие в углу кухни, вернули меня во времена праздничной вечеринки на мое шестилетие.

– ...А это маленькая Мэв, моя первая внучка, – сказала рыжеволосая женщина по имени Мэгги, державшая на руках малышку. – Я старшая дочь Элен.

Мэв потянулась, чтобы ухватить меня за волосы, и я залилась смехом при виде этого милого ребенка с зелеными глазами, как у моей матери.

– Я помню тебя совсем маленькой, Мэгги, – сказала я племяннице. – А теперь ты стала бабушкой!

– Я тоже тебя помню, тетя Мерри, – улыбнулась она. – Не могу сказать, как обрадовалась мама, когда позвонил дядя Джон и сообщил о твоём возвращении.

Мне вручили бокал виски и представили такому множеству детей и внуков моих братьев и сестер, что вскоре я оставила попытки разобраться, кто есть кто.

Я обнаружила собственных детей в Новой Комнате, где Джек болтал с мужчинами о регби, а Мэри-Кэт беседовала с симпатичным молодым человеком.

– Мама, – обратилась она ко мне. – Это Эойн, сын твоего брата Патрика.

– Споете вместе с нами, миссис Макдугал? – Юноша улыбнулся, доставая скрипку из футляра.

– Пожалуйста, называй меня Мерри. Я уже давно не исполняла старые песни, но, может быть, попробую после нескольких капель виски.

Билл с лицом, уже покрасневшимся от выпивки, подошел ко мне и протянул мобильный телефон.

– Мерри, это Нора! Она звонит из Канады.

Я прижала телефон к уху и тут же отдернула его, когда услышала знакомый восторженный вопль, как будто Нора пыталась докричаться до меня через Атлантику.

– Привет, пропащая душа! Где ты была все эти годы?

– Ах, Нора, это длинная история. Как ты там?

Я позволила ее болтовне волнами омыwać мой слух, пока Эойн завел мелодию на скрипке. В комнате появились новые люди; они притопывали и прихлопывали в такт. Мой младший брат Пат вытолкнул двух своих внучек в центр круга, и они начали танцевать, потряхивая одинаковыми кудряшками и выписывая ногами замысловатые коленца.

– Боже мой, мама, это как настоящий «Риверданс»!^[47] – воскликнула Мэри-Кэт. – Чудесные девочки, правда?

– У нас никогда не хватало денег, чтобы научиться правильно танцевать, но радуйся, что я в свое время не заставила тебя заниматься ирландскими танцами. Это суровая дисциплина, – с улыбкой добавила я.

Джон предложил мне руку и повел танцевать. Я удивилась тому, как быстро вернулась мышечная память и я вспомнила все нужные движения. Элен со своим мужем танцевала рядом с нами, и после одного круга мы поменяли партнеров.

– Ах, эта песня звучала на нашей свадьбе, – сказал Эммет, муж Элен. – Ты тогда была еще малышкой.

Невидимые руки подливали новые порции виски в мой бокал; танцы, пение и смех продолжались, и мое сердце было готово разорваться от счастья здесь, в окружении моей семьи и моих детей, в доме моего детства, где звучала музыка моей родины. И я наконец

освободилась от страха перед человеком, чей образ тридцать семь лет преследовал меня...

Потом, стремясь глотнуть свежего воздуха, я протолкалась через заполненные комнаты и вышла во двор. Через двор напротив меня стоял старый фермерский дом, где я росла до пятилетнего возраста. Теперь я знала, что до нас там жила Нуала со своей семьей. Соседний амбар недавно перестроили, но оттуда по-прежнему доносилось телячье мычание.

– Какие беды видело это место, – прошептала я, проходя на ту сторону двора, где мы когда-то каждый день развешивали выстиранное белье. Теперь здесь был сад с подстриженным газоном, цветочными клумбами и густой живой изгородью из фуксии, дававшей защиту от ветров в долине. Здесь были дети, качавшиеся на качелях или катавшиеся с горки, и я устроилась на одном из старых деревянных стульев, расставленных вокруг стола. Вид на долину и реку был очень красивым, хотя в детстве я едва ли могла оценить это по достоинству.

– Привет, Мерри. Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе?

Я повернулась и увидела Элен, сестру Бобби Нойро, выглядевшую так же безупречно, как и во время нашей предыдущей встречи.

– Конечно, нет, Элен. Садись.

– Большое спасибо, что пригласили меня на сегодняшний вечер. Все очень приветливы и относятся ко мне как к давно потерянной родственнице.

– Ты и есть давно потерянная родственница, – хихикнула я.

– Знаю, но все равно странно, что мы жили неподалеку от вас и вместе ходили в школу, однако до сегодняшнего вечера я никогда не бывала в этом доме. Иначе мама сняла бы с меня шкуру.

– Мы вряд ли можем представить, что пришлось пережить нашим предкам, – вздохнула я.

– Очень жаль, что никто особо не говорил об этом за пределами собственной семьи, потому что люди были слишком испуганы. Некоторые из них написали об этом, когда состарились или исповедались, но молодежи важно знать, что их бабушки и матери делали ради них, и понимать, как начинаются семейные распри.

– Согласна. Интересно, что бы подумали Ханна и Нуала, если бы увидели нас, сидящих рядом? Правда, Ирландия изменилась почти до

неузнаваемости. Только сегодня утром я узнала о местном движении за легализацию однополых браков. Элен, можно задать тебе вопрос?

– Конечно, Мерри. Спрашивай.

– Я гадала, почему у тебя нет детей.

– То есть помимо того, что я так и не нашла подходящего мужчину? – усмехнулась она. – Открою маленький секрет: после исследования наследственных психических расстройств в моей семье я обнаружила генетический компонент, который в основном затрагивает мужскую линию. Поэтому я рада, что у меня нет детей. Линия Нойро умрет вместе со мной, и я не сожалею об этом. Конечно, здесь нет вины моего отца, Бобби или деда Колина, но пусть лучше их гены умрут вместе с ними. – Элен грустно вздохнула. – Так или иначе, мне пора идти: завтра у меня ранняя утренняя смена в аэропорту. Ничто так не переворачивает желудок, как запах виски в семь утра, но удивительно, как много посетителей хотят попробовать образец на бесплатной дегустации. Будем на связи, Мерри?

– С удовольствием, – ответила я, и она обняла меня. – Если когда-нибудь надумаешь посетить Новую Зеландию, буду рада принять тебя.

– Ну, будучи молодой, свободной и одинокой, я вполне могу поймать тебя на этом. До свидания, Мерри.

– До свидания, Элен.

Я смотрела, как она идет к своему автомобилю, и думала о том, что еще два дня назад не смогла бы поверить в возможность общения, не говоря уже о теплых отношениях и дружбе с младшей сестрой Бобби Нойро. Она практически не говорила о том, что ей пришлось претерпеть от него, и это еще больше располагало меня к ней. Она была сделана из прочного материала, и я ценила это.

Я услышала крепнущий звук аплодисментов, все топала ногами и побуждали моего брата Джона сыграть на скрипке – той самой, что раньше принадлежала Дэниэлу, гордому фению и нашему общему с Элен прадеду, – и пошла обратно на вечеринку.

* * *

На следующее утро я проснулась с тяжелой головой, но виновата в этом была сама. Я лишь надеялась, что Ниалл успеет вовремя забрать

Амброза из Дублина, поскольку он увез нас с Кросс-Фарм уже после двух ночи.

После чашки чая, горячего душа и пары таблеток парацетамола я позвонила Кэти на мобильный, гадая о том, удалось ли ей приступить к работе сегодня утром. Она ответила после нескольких звонков.

– Привет, Мерри, здесь уже все устроено. Я привезу его в отель к двум часам дня. Он очень рад возможности познакомиться с твоими детьми.

– Отлично. Я тебе перезвоню.

Закончив разговор, я увидела пропущенный звонок и сообщение на голосовой почте. Я нажала нужные кнопки и опустилась на кровать.

«Здравствуйте, Мерри, это Алли Деплеси. Вы встретились с моей сестрой Тигги в Дублине, и она дала мне ваш номер. Не могли бы вы позвонить на наш домашний номер в Атлантике? Вероятно, он у вас уже есть, но если нет...»

Мне давали номер, но я не позаботилась записать его.

«Недавно у нас появилась новая информация, так что позвоните, как только сможете. Спасибо, Мерри, и надеюсь, что с вами все в порядке. До свидания».

Мой мобильный телефон снова зазвонил. Я увидела номер Ниалла и сразу же ответила.

– Алло?

– Груз на борту, ожидаемое время прибытия – пятнадцать минут третьего.

– Спасибо, Ниалл. Тогда до встречи.

Я сидела на кровати, размышляя о том, стоит ли набрать номер Атлантики, и решила не звонить туда. Сейчас у меня на повестке были более важные вопросы, чем сомнительная связь с незнакомым мертвецом и его приемными дочерьми.

В дверь постучали.

– Привет, Джек. – Я улыбнулась, когда мой сын вошел в комнату. – Как ты себя чувствуешь?

– Держусь на ногах, и это уже кое-что, – ответил он. – Вчера вечером была настоящая потеха; ирландцы умеют повеселиться на славу. Возможно, яичница с беконом поможет мне.

Мой желудок всколыхнулся от этих слов.

– Может быть. Как там Мэри-Кэт?

– Она еще не выходила из номера; вчера она была в худшем состоянии, чем я. Даже ты, мама, вчера немного шаталась, – с улыбкой добавил Джек.

– Признаюсь, я познакомилась с парочкой стен.

– Все равно было здорово видеть тебя веселой и смеющейся, как в то время, когда папа был жив. Кроме того, всему миру известно об ирландских попойках, так что мы не могли воздержаться, правда? Но теперь я готов к завтраку. Ты идешь?

Я кивнула и последовала за ним.

После кофе, тостов и джема я почувствовала себя гораздо лучше. Снова наступил солнечный день, и Джек решил, что час на пляже смоем все последствия вчерашнего.

Вернувшись наверх и глянув на время, я позвонила в номер Мэри-Кэт.

– Ал-ло... – ответил приглушенный голос.

– Это мама, милая, и уже почти полдень. Пора вставать.

– М-м-мф... Я плохо себя чувствую.

– Ладно, поспи еще немного, а я перезвоню через час. Помни, что сегодня днем приедет мой друг Амброз, и я не хочу, чтобы он впервые увидел мою дочь с похмелья.

– Ладно, мама. Пока.

– Надеюсь, я поступила правильно, – пробормотала я и вышла на прогулку по песчаным дюнам.

* * *

Ровно в два часа дня автомобиль Кэти остановился перед отелем.

– Так, отец О’Брайен уже здесь, – сказала я детям, и мы поднялись с диванов в прихожей.

– А я думала, что мы встречаемся с Амброзом, – пробормотала моя дочь.

– Да, но отец О’Брайен был очень важным человеком во времена моего детства. Пойду помогу проводить его сюда.

Я поспешно вышла на улицу и увидела, как Кэти достает из багажника кресло-каталку и четкими движениями раскладывает его.

– Добрый день, отец. – Я открыла переднюю дверь с пассажирской стороны. – Что за прекрасный день выдался сегодня!

– И то правда, – отозвался отец О’Брайен.

Я посмотрела, как Кэти отработанным маневром извлекла его наружу и усадила в кресло. Она покатила кресло к отелю, а я пошла рядом.

– Напомни, как зовут твоих детей, – попросил отец О’Брайен.

– Джек и Мэри-Кэт. Боюсь, им не очень хорошо сегодня с утра. Мой брат Джон и его жена устроили большую вечеринку на ферме Кросс-Фарм, чтобы мы могли встретиться и перезнакомиться со всеми.

– Безусловно, вы хорошо провели время. – Отец О’Брайен добродушно усмехнулся.

– Точно. Вот они. – Я указала на детей, когда мы вкатили его внутрь.

– Приветствую! – обратился он к Мэри-Кэт. – Слышал, вы получили боевое крещение по части ирландских гуляний. Меня зовут отец О’Брайен, и я рад познакомиться с вами. Вы очень похожи на вашу мать, – добавил он.

– Спасибо. – Дочь покосилась на меня, и я слегка покачала головой. Сейчас не было причины рассказывать ему правду.

– Почему бы нам не подняться в мой номер и не заказать чаю? – предложила я. – Так будет удобнее, правда, отец?

– Мне и здесь хорошо, Мерри. Пожалуйста, не утруждайся ради меня.

– Никаких проблем. Вы отправляйтесь вместе с Кэти, а мы последуем за вами.

Я вручила Кэти ключ-карту от моего номера, и она покатила отца О’Брайена к лифту. Когда двери за ними закрылись, зазвонил мой телефон.

– Доброго дня, это Ниалл. Мы подъезжаем к отелю. Мне проводить вашего гостя в фойе?

– Да, как раз вовремя. Я встречу вас. Дети, вы поднимайтесь наверх, поболтайте с отцом О’Брайеном и закажите чаю. Пока ничего не говорите о приезде Амброза, хорошо?

– Ладно, мама. – Джек пожал плечами, и они вдвоем начали подниматься по лестнице.

Поспешив обратно в фойе, я увидела Амброза, входившего в отель в сопровождении Ниалла. Амброз, как обычно, выглядел щеголем в клетчатом пиджаке, отутюженных саржевых брюках и блестящих черных туфлях-брогах.

– Вот он, Мерри. Надежная и безопасная доставка из Дублина. Все было не так уж плохо, правда, мистер Листер?

– Да, хотя путь был очень долгим, – сказал Амброз. – Сколько я вам должен?

– Все уже оговорено, – сказала я и передала Ниаллу пачку евро. – Я дам знать, когда нужно будет вернуться.

– Отлично. Мы хорошо поболтали по пути, не так ли? – Ниалл улыбнулся и пошел к выходу. – До скорого!

– Я бы усомнился в том, что мы хорошо поболтали, – пробормотал Амброз. – В конце концов, для беседы нужны двое, а я едва успевал вставить одно-два слова.

– Должно быть, ты очень устал. – Я взяла его под руку.

– Что мне сейчас больше всего нужно – это чашка хорошего чая. Сейчас как раз время для чаепития.

– Вот и отлично, – сказала я, когда мы вошли в лифт и начали подниматься наверх. – Я как раз заказала чай к себе в номер. Джек и Мэри-Кэт тоже находятся там.

– Что ж, хоть ты и протащила меня через половину Ирландии, я с удовольствием снова встречу с Джеком и познакомлюсь с Мэри-Кэт.

– Как твое мнение об этой гостинице? – поинтересовалась я, когда мы вышли на втором этаже и медленно пошли по коридору.

– Это определенно шаг вперед от той хижины, которая стояла на этом месте, – сказал он, и мы остановились перед моей дверью. Едва не задыхаясь от волнения, я постучалась и подождала, пока Джек открыл дверь.

– Привет, мама; добрый день, Амброз. Рад видеть вас снова. Мы как раз наливаем чай, чтобы вы могли взять его с собой на балкон.

– Великолепно.

Кэти кивнула мне, и я увидела, что кресло-каталка отца О'Брайена стоит на балконе, частично скрытое за оконной занавеской.

– Это моя сестра Кэти и моя дочь Мэри-Кэт, – обратилась я к Амброзу. Они поздоровались, потом Кэти посмотрела на меня, ожидая указаний.

– Дорогой Амброз, можно устроиться на балконе. Мы принесем чай.

– Неплохо будет подышать морским воздухом, пока не пошел дождь, как обычно бывает в здешних местах, – заметил Амброз. Он проигнорировал мою руку и направился к открытой стеклянной двери, постукивая тростью. Я последовала за ним, не желая, чтобы он споткнулся о порог между комнатой и балконом, и затаила дыхание, когда он перешагнул опасное место. Потом я увидела, как он повернулся к человеку, сидевшему в кресле-каталке.

Они некоторое время смотрели друг на друга. С моей наблюдательной позиции, скрытой за занавеской, я увидела, как глаза отца О’Брайена наполнились слезами. Амброз шагнул ближе, как будто слабое зрение сыграло с ним злую шутку.

– Амброз? Это в самом деле ты?

Амброз немного пошатнулся и ухватился за спинку стула перед собой.

– Да, это я. Дорогой Джеймс... поверить не могу! Мой друг, мой дорогой друг...

Амброз протянул руки над столиком, и отец О’Брайен потянулся ему навстречу.

– Что происходит, мама? – прошептала Мэри-Кэт. – Они хотят чаю?

– Я принесу им чай, но потом нам нужно будет оставить их наедине. Им надо многое наверстать.

Вооружившись двумя чашками чая, я вышла на балкон и поставила их перед стариками. Они до сих пор держали друг друга за руки, настолько заблудившись в общих воспоминаниях, что даже не заметили меня.

Я тихо отошла в комнату и выпроводила Кэти и своих детей в коридор.

* * *

– С ними все в порядке? – спросила Кэти час спустя, когда я присоединилась к ней в нижнем фойе, украдкой проверив состояние Амброза и отца О’Брайена.

– Им сейчас хорошо. Я спросила, нужно ли им что-нибудь еще, и они ответили, что ничего не нужно. Где дети?

– В своих комнатах. Думаю, они все еще преодолевают последствия вчерашней гулянки. – Кэти улыбнулась. – Так почему дружба Амброза и отца О’Брайена вдруг закончилась столько лет назад?

– Помнишь старую склочную экономку по имени миссис Каванаг, работавшую у отца О’Брайена?

– Как я могу забыть ее? – Кэти закатила глаза. – Свирепая старая карга, и это еще мягко говоря.

– Она угрожала Амброзу, хотела рассказать всем, что видела их в объятиях друг друга после того, как умер отец Амброза. Джеймс всего лишь утешал любимого друга после его утраты, но она сказала, что собирается донести епископу на «неподобающее поведение» отца О’Брайена.

– Значит, эта ведьма собиралась выдать желаемое за действительное?

– Именно так. – Я вздохнула. – У Амброза не оставалось выхода, кроме отъезда. Он понимал, что любой намек на скандал мог разрушить карьеру отца О’Брайена. Полагаю, это разбило сердце Амброза; каждый раз, когда он приезжал сюда, они часами беседовали друг с другом, главным образом спорили о существовании Бога. Видишь ли, Амброс – атеист.

– Значит, ты думаешь, между ними все-таки происходило что-то неуместное?

– Нет. Абсолютно и категорически. Я знаю, что Амброс тебе никогда не нравился, но он всегда понимал, что отец О’Брайен любил только Бога, и уважал это. А кто может соперничать с Богом? – Я пожала плечами.

– Ладно, что бы я ни думала об Амброзе, ты совершила замечательный поступок, Мерри, когда поспособствовала их воссоединению. Жизнь отца О’Брайена в доме для престарелых уныла и монотонна, это точно. Но мне придется отвезти нашего друга назад, пока там не вызвали охрану на его поиски. Очень не хочется прерывать их беседу, но...

– Разумеется, – согласилась я. – Я уверена, что Амброс подольше задержится здесь теперь, когда узнает, ради чего я попросила его

приехать сюда.

Наверху мы тихо прокрались в комнату, чувствуя себя соглядатаями. Я испытала облегчение, когда услышала смех на балконе.

Потом я вышла на балкон и посмотрела на них.

– Хорошо поговорили? – поинтересовалась я.

– Да уж, Мэри, – ответил Амброз. – И позволь сказать, что ты очень гадкая девочка, заманившая меня сюда под ложным предлогом. Мое бедное старое сердце едва не остановилось, когда я увидел Джеймса.

– Но тебе придется простить меня, правда? Отец О’Брайен, мне неприятно прерывать вашу беседу, но Кэти пора везти вас домой.

– Вряд ли можно назвать это домом. – Отец О’Брайен грустно пожал плечами.

– Ты приедешь туда завтра, правда, Амброз? – спросила я. – Он не был уверен, захочет ли переночевать здесь, – тихо пояснила я для отца О’Брайена.

– Поскольку мы дошли только до 1985 года, полагаю, я должен остаться, – сказал Амброз. – В какое время у вас разрешены посещения? – осведомился он, встал и освободил место для Кэти, чтобы вкатить отца О’Брайена в комнату.

– Вам разрешается в любое время, когда будет удобно, – с улыбкой сказала Кэти.

– Тогда до завтра, дорогой Джеймс, – сказал Амброз, тоже вошедший в комнату. – До завтра.

Выражение глаз Амброза, когда Кэти выкатила отца О’Брайена за дверь, вызвало у меня желание расплакаться.

– Ну и ну! Что ж, моя старая кровь определенно быстрее потекла по жилам, – пробормотал он. – Я чувствую себя выжатой губкой.

– Должно быть, ты проголодался, Амброз? Заказать тебе чего-нибудь?

– Прежде всего, дорогая Мэри, проводи меня до ближайшего туалета. Я не пользовался уборной с тех пор, как три часа назад мы остановились в Корке.

Когда я отвела Амброза в его номер, он открыл свой кожаный саквояж – реликвию, которую я помнила со времен отца О’Брайена, – и достал письмо.

– Кажется, это тебе. – Он улыбнулся и протянул мне бумагу.

Я посмотрела на почерк, чувствуя, что должна узнать его, но не узнавала. Да и с какой стати? Все эти годы у меня не было нужды в почтовой переписке.

– Спасибо. Почему бы тебе немного не полежать и не позвонить мне в номер, когда тебе захочется поужинать?

– Хорошо. Спасибо тебе, дорогая, за то, что ты сегодня сделала.

– Амброс, это было радостью для меня.

Вернувшись в свой номер, я отложила письмо в сторону и села на балконе, чтобы проверить мобильный телефон. Пришло три сообщения на голосовую почту.

Я прослушала их. Все они были от Алли Деплеси, она просила меня позвонить ей. Я тяжело вздохнула, нашла номер Атлантиса и набрала его; после всех предчувствий и эмоций сегодняшнего дня я была не в настроении для дальнейших драм.

– Allo? C’est Atlantis.

Незнакомый голос, говоривший по-французски, на мгновение огорошил меня, и я поискала в памяти нужные слова для ответа, поскольку очень давно не говорила по-французски. В конце концов я сдалась.

– Здравствуйте, это Мерри Макдугал. Я получила сообщение от Алли Деплеси с просьбой позвонить по этому номеру.

– О, конечно же! – сразу ответила женщина по-английски. – Очень приятно слышать вас, миссис Макдугал. Меня зовут Марина, и я ухаживала за девочками, пока они были маленькими. Сейчас я найду Алли и позову ее к телефону.

Пока я ждала, я услышала детский плач на заднем плане и подумала, чей это может быть ребенок. Одновременно раздался стук в дверь. Я побежала открывать и увидела Джека с мобильным телефоном в руке.

– Мама, я только что получил сообщение от Алли. Она никак не может связаться с тобой, – сказал он, и я устремилась обратно к трубке.

– Алло? – произнес голос на другом конце линии. – Алло?

– Да, прошу прощения, Алли. Я получила ваши сообщения, и Джек только что сказал мне, что вы написали ему.

– Да. Извините за беспокойство, но мы не хотели, чтобы вы уехали из Западного Корка, пока не поговорите с нами.

– Почему же?

– Потому что, если вкратце, появилась новая информация, о которой мы хотели вам сообщить.

– Какая информация?

– Это может прозвучать странно, но каждой из нас дали набор координат, указывавших на места нашего происхождения, чтобы мы могли проследить свои биологические корни, если возникнет такое желание. До сих пор все наши координаты оказывались точными. Вчера вечером мы нашли координаты потерянной сестры, и они указывают на определенное место в Ирландии. Мы полагаем, что эти координаты, скорее, связаны с вами, чем с Мэри-Кэт. Вам сказать, к какому месту они ведут?

– Давайте. – Я вздохнула. – Удивите меня.

– Мама! – Джек нахмурился, когда уловил циничные нотки в моем голосе.

– Этот район называется Западный Корк. Мы точно не уверены, где вы сейчас находитесь, но координаты приводят нас к месту под названием Аргидин-Хаус, неподалеку от деревни Тимолиг. Это что-то значит для вас?

Я изумленно сглотнула и резко опустилась на кровать. Как она могла узнать?

Наконец я обрела голос:

– Да... значит. Мой семейный дом когда-то был частью поместья Аргидин, так что, наверное, координаты указывают на него.

– На Google Maps мы видим, что поместье по-прежнему занимает несколько сотен акров, но координаты указывают точно на Аргидин-Хаус, – ответила Алли.

– Хорошо. – По какой-то нелепой причине я написала «Аргидин-Хаус» на бумажке рядом с телефоном, как будто могла забыть название. – Спасибо, что сказали. Простите, что я не связалась с вами раньше, но сегодня был очень хлопотный день. До свидания.

Я вдруг передернула плечами в ужасе от мысли о неизвестном мертвце, сообщившем своим приемным дочерям о месте *моего*

рождения.

– Что это, мама? – Джек уставился на меня.

– Они получилили новую информацию. Судя по всему, теперь они знают место, где я родилась на свет. Но откуда? Как они смогли узнать, если даже я не знаю?

– Понятия не имею, а где это?

– Совсем рядом, лишь около двух миль от того места, где мы были вчера вечером, от той фермы, где я выросла. Это значит, что они могли ошибиться с координатами, как я и сказала Алли.

– Как называется это место?

– Оно называется Аргидин-Хаус, но во времена моего детства все называли его Большим Домом. Моя бабушка Нуала работала там на богатую протестантскую семью, которая владела домом во время ирландской революции. И вообще-то... – я нахмурилась, вспоминая, – ...моя старшая сестра Нора тоже работала там, когда я была маленькой.

– Полагаю, географическая близость имеет значение? То есть этот дом находился рядом с домом отца О'Брайена в Тим... – Джек беспомощно посмотрел на меня.

– В Тимолиге. Да, очень близко.

– А кто сейчас живет в Аргидин-Хаусе?

– Понятия не имею. И знаешь что, Джек? После вчерашнего вечера и сегодняшнего дня я слишком устала, чтобы хотя бы думать об этом.

– Само собой, мама. – Джек опустил руку на плечо. – Все это очень тяжело для тебя. Мы можем поговорить об этом завтра утром. Но что бы ты ни решила насчет Алли и ее сестер, ради твоего же блага, пока ты здесь, стоило бы побольше узнать про этот Аргидин-Хаус. Ты согласна?

– Наверное, – вздохнула я. – Мне ужасно жаль, что я так грубо обошлась с Алли. Ты можешь поговорить с ней и извиниться за меня, сказать, что у меня был трудный день или что-нибудь еще?

– Разумеется, мама. Ты провела много времени в своем прошлом за последние несколько дней. Не волнуйся, я все ей объясню. Насколько я понимаю, ты не хочешь покушать внизу?

– Нет, но это один из немногих отелей, где есть хорошее обслуживание в номерах, здесь можно заказать тосты и домашний

джемом. Я позвоню Амброзу и спрошу, не хочет ли он составить мне компанию сегодня вечером, но я почему-то сомневаюсь в этом. Сегодня у него был очень долгий и трудный день.

– Да, и это все устроила ты. – Джек обнял меня. – Только не слишком переживай, ладно? Позвони мне, если понадобится, а так увидимся утром. Люблю тебя, мама.

– Спасибо, Джек. Я тоже люблю тебя.

Когда дверь за ним закрылась, я снова оказалась на грани слез только потому, что родила такого замечательного человека. «Теперь ему нужна только любовь хорошей женщины», – пробормотала я, направляясь в душ. Но сейчас я была рада, что он рядом со мной.

Ополоснувшись под душем, я позвонила Амброзу, который сказал, что он слишком измучен для иных подвигов, кроме нескольких сэндвичей в его номере, так что я заказала ему полную тарелку, а себе – тост с джемом. Потом я включила телевизор и стала смотреть плохую ирландскую мыльную оперу в попытке отключить мозг.

Но ничего не получилось, и, когда я нырнула под одеяло, я не могла избавиться от слов Алли.

«Аргидин-Хаус...»

Много-много раз во время моих велосипедных поездок в Тимолиг и возвращения домой из школы мы проходили мимо бесконечной каменной стены, отгораживавшей Большой Дом и его обитателей от остального мира. Сама я никогда не видела дом; только каминные зимой, когда деревья по периметру стены сбрасывали листву. Я знала, что мои братья часто перелезали через стену, охотясь за осенними яблоками и фигами, которые росли там.

Потом я неожиданно вспомнила о письме, полученном от Амброза, оно до сих пор лежало в ящике моего прикроватного столика.

«Почему ты так боишься? Ведь он любил тебя...»

Однако дело было в том, что, возможно, никакой любви не было и я провела тридцать семь лет, воображая тысячу вариантов любовной истории, которой не суждено было случиться...

– Просто открой его, дура! – громко сказала я себе, потом села и открыла ящик. Надорвав конверт, я вытащила письмо и прочитала его.

Он ответил мне с такой же настороженностью, как я написала ему. Правда, он добавил телефонный номер.

«Пожалуйста, позвони мне, когда будет удобно, и сообщи подходящее время и место для нашей встречи».

Я убрала письмо в ящик, легла и выключила свет. Но сон не приходил, да и с чего бы? Я только что вступила в контакт с человеком, очень долго навещавшим мои мысли и ночные кошмары.

Потом меня посетила мысль, которая заставила меня рассмеяться. Разве не удивительно, что я, выросшая в строгой католической семье, где моя жизнь оказалась бы под угрозой из-за любви к юноше-протестанту, на самом деле родилась в протестантском доме?

С этой мыслью я наконец заснула.

* * *

– Ты не могла бы любезно подбросить меня до дома престарелых, где живет Джеймс? – спросил Амброз за завтраком.

– Разумеется, кто-нибудь из нас это сделает, – ответила я.

– Должен признать, у меня есть фобия насчет подобных мест. – Он зябко поежился. – Мой дорогой Джеймс сказал, разумеется, в доверительной беседе, что половина постояльцев заводят разговоры с ним в таком духе, словно они все еще живут в 1950-х годах. По крайней мере, наши серые клеточки до сих пор работают исправно, хотя бранные тела с каждым днем все больше подводят нас.

Джек согласился подвезти Амброза, сказав, что у него самого есть кое-какие дела в Клонакилти, поэтому мы с Мэри-Кэт остались допивать кофе вдвоем.

– Сегодня чувствуешь себя получше? – осведомилась я.

– Да. Ты знаешь, что я обычно не злоупотребляю выпивкой, и уж тем более виски. Кстати, Эойн, один из кузенов, с которым я познакомилась на вечеринке и который играл на скрипке, – музыкант, сочиняющий песни и выступающий в местных пабах. Он предложил мне присоединиться к нему как-нибудь вечером и выступить в пабе под названием «Дебаррас». Недавно он потерял свою певицу, потому что она отправилась путешествовать.

– Это замечательно, Мэри-Кэт. Традиционная ирландская музыка, да?

– Боже мой, нет, мама. – Она захихикала. – Это современные песни. Эойн говорит, что в Ирландии существует огромная культура живой музыки. Полагаю, обилие местных пабов способствует выступлениям. У нас в Новой Зеландии нет ничего подобного.

– В Гиббстон-Вэлли точно нет. Ты воспользуешься его предложением?

– А как? Я предполагаю, что мы все скоро вернемся в Дублин. Ты уже решила, когда именно?

– Честно говоря, сейчас я просто живу одним днем, но почему бы тебе ненадолго не задержаться здесь, даже после нашего отъезда?

– Может быть. – Она пожала плечами. – Кто знает? Если сегодня кто-нибудь подвезет меня, то я зайду в его студию и посмотрю, что за музыку он пишет. Кстати, мама, вчера я получила очередное электронное письмо от Мишель. Она прислала фотографию, где нас сняли вдвоем сразу же после моего рождения. Я... в общем, если это не слишком больно для тебя, может быть, ты взглянешь на нее? Я лишь хочу убедиться, что младенец на фотографии выглядит точно так же, как на снимках, которые делала ты примерно в то же время. Чтобы не осталось сомнений. То есть я понимаю, что все младенцы похожи друг на друга, но...

– Не волнуйся, дорогая, я сразу же узнаю, ты это или нет, – заверила я. – Почему бы нам не подняться к тебе в номер и не посмотреть, пока мы ждем возвращения Джека?

Наверху мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что младенец, лежавший на руках у матери на фотографии, был моей дочерью.

– Здесь ты даже завернута в то же самое розовое одеяло, в котором тебя передали мне и твоему отцу.

– Сколько мне было?

– Не более нескольких часов от роду, милая. Наверное, эта фотография была сделана перед тем, как она попрощалась с тобой. Конечно, это было очень тяжело для нее.

– В письме она сказала, что первые недели после расставания были ужасными. Она боролась с депрессией, думая о том, что у меня будет лучшая жизнь, чем она могла бы обеспечить мне в то время. Думаю, она чувствует себя виноватой, мама.

– Тебя возмущает ее тогдашнее решение?

– Пожалуй, нет. Но это еще и потому, что мне повезло встретить тебя и папу и получить такое прекрасное воспитание. Она хочет... в общем, она хочет встретиться со мной, когда я буду готова.

– Ты собираешься это сделать?

– Наверное, да, но я не хочу становиться членом ее семьи. У меня есть собственная семья. Понимаю, это звучит странно, но она была такой юной, когда родила меня; если у нас с ней сложатся какие-то отношения, то я буду рассматривать ее скорее как старшую сестру. На самом деле Джек лишь на несколько лет моложе ее, так что... – Мэри-Кэт посмотрела на меня с огоньком во взгляде. – Похоже, я выбыла из кандидатов на роль потерянной сестры, мама. Вчера вечером Джек рассказал мне о координатах, которые появились на кольце Меропы на армиллярной сфере в Атлантиде. Судя по всему, они находятся близко к тому месту, где ты выросла.

Я растерянно посмотрела на Мэри-Кэт.

– Прости, но я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Разве Алли не рассказала тебе об армиллярной сфере, которая появилась в доме сестер вскоре после смерти их отца?

– Я смутно помню, как она упоминала об этом, но не могла бы ты объяснить еще раз?

– Сиси сказала мне, что у их отца был особый сад рядом с их домом в Женеве и что эта армиллярная сфера появилась там через день после его смерти. На ней были кольца, или обручи, для каждой из сестер, и на каждом из них была выгравирована цитата вместе с набором координат, обозначающих то место, где они были обнаружены их приемным отцом.

– И?..

– Алли сказала Джеку, что Майя, старшая сестра, с которой никто из нас до сих пор не встречался, два дня назад гуляла в саду и заметила, что на пустом кольце Меропы появился набор координат.

– Что?! – Я закатила глаза. – Это с каждой секундой становится все неправдоподобнее.

– Ладно тебе, мама! Не будь такой циничной. Ты сама признавалась, что всю жизнь была одержима древнегреческой мифологией. Очевидно, их приемный отец разделял эту страсть, и армиллярная сфера была его способом для передачи информации. Вчера вечером Алли сказала Джеку, что этих координат оказывалось

достаточно, чтобы при желании выяснить, где приемный отец нашел каждую сестру. Майя утверждает, что, если бы эта информация не была совершенно точной, она не появилась бы на армиллярной сфере.

– Так когда она появилась?

– Джек сказал, что Алли не знает. То есть Майя и другие сестры регулярно сидели в саду, где находится армиллярная сфера, но никто из них уже давно не рассматривал ее внимательно, так что могло пройти несколько дней или несколько месяцев. Но это не главное, мама. Гораздо важнее то, что координаты, указывающие на место твоего рождения, находятся примерно в миле от того места, куда тебя принесли в корзинке. Это не может быть простым совпадением.

Я чувствовала, что дочь смотрит на меня, ожидая реакции.

– Значит, этот отец, у которого нет никакого имени, кроме прозвища, нашел меня там? Если так, то почему, ради всего святого, он положил меня на пороге дома священника?

– Не знаю, мама. Алли тоже не знает, и никто другой не знает. Но, если оставить в стороне Па Солта и приемных сестер, разве тебе не интересно выяснить, кто ты такая на самом деле? Кто твои биологические родители?

– И я слышу это от ребенка, который лишь несколько минут назад сказал, что не заинтересован в знакомстве со своей биологической семьей? – Я улыбнулась.

– Да, но разница в том, что я могу это сделать, если захочу, – возразила Мэри-Кэт. – Ты испугана, да, мама? Ты боишься узнать правду?

– Возможно, ты и права, но за последние несколько недель я как будто прокатилась на «американских горках». Наверное, однажды мне захочется все узнать, но в этом я похожа на тебя. Для меня имеют значение только те люди, которых я люблю и которые любят меня. Это моя семья, и я вполне довольна всеми своими родственниками, особенно после встречи с ними.

– Да, мама, я тебя абсолютно понимаю.

– Прости, если это прозвучало так, словно я прокомментировала свои чувства насчет тебя и твоего удочерения, – поспешно добавила я. – Так или иначе, это *мои* чувства. Даже если эти сестры считают, что я могу оказаться их потерянной родней, сейчас у меня просто нет сил для другой семьи.

– Все ясно, мама. Пожалуйста, не надо извиняться. На самом деле это Джек хотел все разузнать. Ведь если у тебя есть родство – даже предполагаемое – с этой другой семьей, то и у него тоже оно есть, поскольку он твой родной сын.

– В общем, ты права. – Я вдруг почувствовала себя невероятно эгоистичной. – Если я не заинтересована в знании, это еще не означает его безразличия. Спасибо, милая, за напоминание, что эта история касается Джека. И тебя тоже.

– Никаких проблем, мама. В общем, я поддерживаю Джека и хочу добраться до сути вещей. Это самая лучшая тайна! Я точно знаю, где сейчас находится Джек, и только ты можешь решить, хочешь ли присоединиться к нам и осмотреть этот дом. Упс! Должно быть, это Джек звонит из Клонакилти. – Мэри-Кэти подхватила свой мобильный телефон и ответила на звонок. – Привет, Джек. Ладно, я спрошу ее. Буду в фойе через полчаса. – Она повесила трубку. – Итак, мы отправляемся в Аргидин-Хаус. Хочешь присоединиться?

– Почему бы и нет? – с мрачной улыбкой отозвалась я.

* * *

– Я точно знаю, где это место, – обратилась я к Джеку, когда мы отъехали. – Нам не понадобится навигатор.

– Хорошо, – сказал Джек. – Мне показалось, что у тебя нет склонности к этой затее. Извини, – добавил он, отключая спутниковую навигацию.

– Не стоит извиняться. Как прошло с Амброзом?

– Он был гораздо добродушнее, чем во время нашей первой встречи в Дублине. Ты сделала доброе дело, мама. Я встретился с тетей Кэти, и она обещала позвонить, когда нужно будет забрать Амброза.

– Хорошо. Здесь поверни направо, Джек, – велела я. – Чем ты занимался с утра?

– Да просто гулял по Клонакилти.

– Как поживает Алли? Мэри-Кэт сказала, что ты беседовал с ней вчера вечером.

– Она в порядке. Остальные сестры придут в следующие несколько дней для морского круиза. Их яхта отплывает из Ниццы в Грецию во вторник утром.

– Вот и хорошо, – сказала я. – Давай направо после круга, а потом вперед.

Какое-то время мы сидели в молчании, я смотрела на пробежавшие мимо поля и рощи. Я чувствовала себя отупевшей, как будто мой мозг отключился, потому что ничего не хотел знать или не хотел иметь отношения к тому месту, куда я приближалась. Как будто связь с этим местом могла навсегда изменить мою жизнь.

А я этого не желала.

– Здесь направо! – едва ли не рывкнула я на Джека.

«Перестань, Мерри! Помни, что ты здесь ради Джека, ради своего сына. Это и его история...»

Дорога изгибалась, петляла и сужалась по мере приближения к Клогаху. В этот момент я ощутила, будто происходящее было метафорой моей жизни.

«Что, если бы в этот момент моей жизни я повернула налево, а не направо? Неужели любая жизнь лишь ряд изгибов и поворотов с регулярными перекрестками, где Бог разрешает человечеству выбирать свою участь?..»

– Мама, куда теперь?

Когда мы подъехали к Инчбриджу, дорога стала еще уже. Я велела Джеку проехать немного вперед, потом повернуть направо.

– Вот каменная стена, которая обозначает границы поместья Аргидин-Хаус, – объявила я.

– Она тянется на мили, мама, – заметила с заднего сиденья Мэри-Кэт.

– Они хотели надежно отгородиться от своих ирландских подданных. – Я улыбнулась. – Главный въезд находится немного левее.

Джек сбросил скорость, приближаясь к стене. По другую сторону от нас высились стебли кукурузы, рожденные в плодородной почве, которая питалась водами реки Аргидин, протекавшей внизу.

– Вот ворота, – сказала я.

Джек притормозил и остановился перед ними. Величественные ворота из кованого железа были распахнуты настежь, дорога за ними поросла сорняками. Деревья, высаженные по границе поместья за

каменной стеной, превратились в настоящий лес, напомнивший заросли колючих кустов вокруг замка Спящей красавицы.

– Выйдем наружу и посмотрим? – предложил Джек.

– Мы не можем, – возразила я. – Это будет нарушением границ частной собственности.

– Сегодня утром я говорил с местными жителями, и они сказали, что здесь уже много лет никто не живет. Здесь пусто, мама.

– Но это все равно чья-то собственность, Джек.

– Ладно, тогда оставайся здесь.

Я посмотрела, как Джек вышел из автомобиля.

– Я с тобой, – заявила Мэри-Кэт и открыла заднюю дверь.

– Ох, ради всего святого! – пробормотала я и тоже вышла на улицу. Мы обогнули огромные заросли крапивы, окружавшие подъездную дорожку. Как ни странно, я находила утешительным, что без человеческого вмешательства природа начинала быстро брать свое.

– Ох! – Мэри-Кэт поморщилась и отпрыгнула, когда крапива нашла уязвимое место между кроссовками и джинсами.

– Скоро мы увидим дом, – сказала я, шагая за ними. И действительно, через несколько минут он появился впереди. Как и все местные протестантские особняки, это было элегантное здание прямоугольной формы в георгианском стиле. Его фасад был огромным – восемь окон внизу и на двух верхних этажах; некогда дом был окружен превосходно ухоженным парком. Но хотя фасад по-прежнему выглядел впечатляюще, я видела гнилое дерево за оконными стеклами и плющ, неуклонно ползущий вверх. От дома исходило ощущение заброшенности.

– Ого! – произнесла Мэри-Кэт, глядя на фасад. – Должно быть, раньше это было потрясающее место. Ты знаешь, кто здесь жил, мама?

– Я могу тебе сказать, кто здесь жил сто лет назад, но я знаю, что во время революции Фицджеральды вернулись в Англию. Видишь ли, они были англичанами... и протестантами, – добавила я. – Уверена, что кто-то купил поместье после войны, я имею в виду Вторую мировую войну. Одна из моих сестер, Нора, работала здесь во время охотничьего сезона, но я не знаю фамилию семьи, которая тогда жила здесь.

– Ты права, мама. Фицджеральды вернулись в Англию в 1921 году, и дом какое-то время простоял пустым.

– Откуда ты это знаешь, Джек?

– Потому что Алли, которая разбирается в исследовании семейной истории, посоветовала мне проверить местные риелторские и адвокатские конторы на предмет продажи недвижимости. Нотариус, которого я нашел в Тимолиге, сказал мне, что не заключал сделки по продаже Аргидин-Хауса, но дал мне название нотариальной конторы, которая занималась этим. Я недавно посетил их в Клонакилти. – Джек покачал головой. – Это поразительное место, мама: все знают всех либо знают кого-то, кто знает нужного человека.

– И?

– Тот парень, с которым я говорил, позвонил своему отцу, который позвонил *своему* отцу. Судя по всему, в 1948 году семья Фицджеральд продала дом новому покупателю.

– Кому? – вмешалась Мэри-Кэт.

– Неизвестно. По крайней мере, его дед не знал этого. Его попросили переслать в Лондон правоустанавливающие документы и прочие бумаги.

– У тебя есть адрес, куда они были отправлены? – поинтересовалась я.

– Это адрес абонентского ящика в почтовом отделении, хотя я не знаю, что это за штука.

– Мы называли это личным почтовым ящиком, – объяснила я. – Это значит, что письма, бандероли или посылки приходят в почтовое отделение и помещаются в почтовый сейф с особым номером, а потом адресат забирает их.

– Это значит, что человек хочет остаться анонимным? – спросила Мэри-Кэт.

– В сущности, да.

– У тебя есть адрес этого почтового ящика? – спросила я у Джека.

– Да, это место называется Мэрилебон. Я нашел в интернете все тамошние почтовые отделения и позвонил туда. В общем, этого абонентского ящика больше не существует.

– Но ведь они должны знать имя человека, который завел этот ящик в почтовом отделении? – сказала Мэри-Кэт.

– Разумеется. Но мама только что объяснила, что смысл такого почтового ящика состоит в анонимности. Никто не сообщит имя владельца незнакомому человеку, тем более по телефону.

– Какой прекрасный дом, – мечтательно произнесла Мэри-Кэт.

– Моя бабушка Нуала ухаживала за молодым британским офицером, который жил здесь и был ранен во время Первой мировой войны. В своем дневнике она писала о прекрасном саде вокруг дома. Увы, тот молодой человек совершил самоубийство вскоре после увольнения Нуалы. – Я поежилась и отвернулась от дома. – Пожалуй, вернусь к автомобилю. Встретимся там.

Я шла через рощу и с трудом верила, что история, произошедшая здесь и так сильно тронувшая меня, была частью *моей собственной* истории. Однако в атмосфере этого дома, в его внутренней энергии было нечто очень тревожное для меня.

Не склонная к рассуждениям о духах и спиритуализме, я все же ощущала это как темноту, повисшую над Аргидин-Хаусом. Хотя не было никаких сомнений, что когда-то это был прекрасный дом, я чувствовала, что трагедия, произошедшая в его стенах, несет свой след до сих пор.

Я побежала, спотыкаясь, среди сорняков и корней, выросших на дороге, пока не остановилась за воротами, тяжело дыша и глотая свежий воздух.

В чем бы ни заключалась моя связь с Аргидин-Хаусом, я знала, что больше не хочу проходить через эти ворота.

Высадив Мэри-Кэт в Клонакилти, где она договорилась о встрече со своим новым другом Эйном, мы с Джеком отправились забирать Амброза.

– Ты расстроена, мама?

– Немного, – призналась я. – Не могу точно назвать причину, но серьезно, Джек, ты тут ни при чем. Просто мне не нравится Аргидин-Хаус, вот и все.

– Но ты раньше там не бывала?

– Нет, никогда.

– Кстати говоря, что ты думаешь об отъезде? – спросил он.

– Честно говоря, я еще не размышляла об этом. Думаю, это зависит от Амброза. Мы можем все вместе поехать в Дублин.

– Хорошо. Э-э-э... если ты не возражаешь, мы с Эм-Кей думали завтра отправиться в Дублин, а потом полететь в Ниццу через Лондон. Тебе ведь известно, что нас всех пригласили в круиз. Знаю, что ты не хочешь ехать туда, но... – Джек пожал плечами, – ...но мне бы хотелось. Возможно, я проведу для тебя какое-то расследование и выясню насчет этого дела, насчет потерянной сестры. Ты не против?

– Разумеется, Джек. Ты взрослый человек и можешь поступать так, как хочешь. И Мэри-Кэт напомнила, что если у меня есть какая-то родственная связь с ними, то и у тебя она тоже есть.

– Да, наверное.

– Скажи честно, Джек, твой энтузиазм имеет какое-то отношение к Алли?

Повисла пауза, пока он размышлял над ответом. Или, во всяком случае, думал, что можно сказать.

– На самом деле имеет. Конечно, я заинтересован в прояснении общей ситуации, но это правда, что я уже давно не встречался с девушкой, которая... в общем, мы мгновенно установили контакт друг с другом.

– Как думаешь, это взаимно?

– Не знаю. Она могла посылать мне сообщения только из-за дела о потерянной сестре, но когда мы разговаривали вчера вечером, то много смеялись, понимаешь? Я понимаю ее, а она понимает меня, вот и все.

– Тогда тебе непременно нужно ехать туда, Джек. Ну вот, – добавила я, когда мы остановились перед домом для престарелых, – я пойду и заберу Амброза.

Кэти вышла мне навстречу.

– Ну, как они там? – спросила я.

– Я бы сказала, что они не прекращали болтать с тех пор, как мистер Листер опустился на стул.

– Им нужно многое наверстать.

– О да. Пойду позову его.

– Кстати, ведь Нора работала в Аргидин-Хаусе, когда мы были детьми?

– Да, так и было.

– Как думаешь, можно спросить ее насчет фамилии той семьи, на которую она работала?

– Спрошу. Если я правильно помню, это была какая-то иностранная пара. Позвоню ей, когда вернусь домой.

– Спасибо, – сказала я, и она с улыбкой отошла в сторону. Я ждала возвращения Амброза и думала о странной фамилии семьи из шести сестер, которая, как я догадалась, была анаграммой слова «Плеяды».

Деплеси... Я достала ручку из сумочки, попросила у консьержа листок бумаги и записала фамилию.

Когда Амброз вернулся вместе с Кэти, в его походке появилась некоторая пружинистость, которой я не замечала в Дублине.

– Все прошло хорошо? – осведомилась я.

– Если не считать слишком уж публичной обстановки, это было чрезвычайно приятно. Спасибо, Кэти, – обратился он к моей сестре. – Было приятно снова познакомиться с вами, и, будьте уверены, я еще вернусь сюда.

– Ты можешь спросить у Норы насчет фамилии той семьи в Аргидин-Хаусе? – спросила я Кэти и передала ей листок бумаги.

– Конечно. – Она сунула бумажку в нагрудный карман своей униформы. – Ну, до свидания. – Кэти улыбнулась и заспешила по делам.

– Не знаю, как Джеймс справляется со здешней жизнью, – сказал Амброз, когда я помогла ему сесть в автомобиль и мы выехали на улицу. – Но он как-то справляется. Я же лучше пребуду с моим творцом.

– Ты вроде бы не веришь в Бога?

– Я сказал «с моим творцом», дорогая девочка, который с технической точки зрения может быть моим отцом. А потому мои земные останки в любом случае упокоятся рядом с его прахом.

– Ты хитришь, Амброз.

– Может быть, но... Дорогая Мерри, мы можем поговорить после возвращения в отель? Сегодня я выпил больше чаю, чем обычно выпиваю за неделю, так что бокал виски мне вовсе не повредит.

– Я заберу Мэри-Кэт, когда она позвонит, – сказал Джек, когда мы остановились перед отелем. – Встретимся за ужином.

– Твои дети совершенно великолепны, – сказал Амброз, когда Джек выехал со стоянки. – Кстати, как насчет летнего кафе на веранде, где мы сможем порадоваться солнышку?

За чашкой чая и порцией виски для Амброза мы сидели и наслаждались плеском волн внизу.

– О чем ты хотел рассказать? – спросила я.

– Разумеется, о Джеймсе. Знаю, что он прикован к инвалидному креслу и что ему нужна ежедневная помощь, но мне не нравится, что он проведет свои преклонные годы в этом доме. Поэтому я подумал...

– Да?

– Ну, я тоже не становлюсь моложе, не так ли? И, хотя мне не хочется этого признавать, я едва одолеваю лестницу между спальней и ванной. Какое-то время я обдумывал возможность продать эту квартиру и приобрести современные апартаменты с отдельным лифтом и другими нужными вещами, включая душевую кабину, и все на одном этаже. Позволь сказать, что сейчас в Дублине есть много таких предложений.

– Понимаю. И?..

– Ты также можешь понять, что продажа дома, где я так долго жил, сопряжена с определенной психологической травмой. Но с учетом нынешнего положения Джеймса я получил необходимый импульс. Так что после возвращения в Дублин я выставлю свою скромную часть дома в Дублине на продажу и приобрету нечто более разумное, с тремя спальнями. Одну – для себя, другую – для Джеймса, а третью – для постоянной сиделки.

– Боже мой!

– Что скажешь, дорогая Мэри?

– Теоретически это замечательная идея, Амброз. Тем не менее это будет громадной переменой для отца О’Брайена. Он провел здесь большую часть своей зрелой жизни, и даже если его жизненные обстоятельства сильно изменились по сравнению с прошлым, многие старые прихожане по-прежнему посещают его.

– Прихожане, с которыми он ежедневно встречался в течение последних шестидесяти лет. Он будет рад перемене.

– А ты его спрашивал?

– По сути дела, да. Иными словами, я намекнул ему на такую идею. Мой план состоит в том, что я организую переезд, а потом приглашу к себе Джеймса, когда найду сиделку, которая согласится жить с нами. И, может быть...

– ...Он не захочет возвращаться в Западный Корк, – закончила я.

– Вот именно. А мы могли бы каждое лето приезжать сюда, если ему захочется подышать свежим морским воздухом. – Амброз указал на здание, примыкавшее к отелю. – Я навел справки и нашел апартаменты для семейной аренды.

– Боже мой, Амброз, ты в самом деле все продумал, – улыбнулась я. – Мне известно, что он тоскует по возможности уединения со своими книгами.

– Разумеется, специально для этой цели я установлю книжные шкафы. По правде говоря, я сам перееду сюда, если таково будет его желание, но тогда, несомненно, пойдут разные слухи. Тогда как в Дублине – а это большой город – кто обратит внимание на двух старинных друзей, которые решили провести вместе свои последние годы? Правильно?

Амброз посмотрел на меня, обращаясь за поддержкой.

– Можешь не беспокоиться об этом, лучше позаботься о том, чтобы новое жилье находилось рядом с церковью. Уверена, что Джеймс захочет, так сказать, оставаться на связи после переезда в Дублин.

– Как только вернусь, начну приводить свои планы в действие. – Он с улыбкой повернулся ко мне. – Дорогая девочка, спасибо за все, что ты сделала. Я буду вечно благодарен тебе, – добавил он со слезами на глазах. – Ты дала мне причину жить дальше.

– Пожалуйста, Амброз, не надо благодарностей. После всего, что ты сделал для меня, можно обойтись без слов.

– Я все равно хотел сказать это. Кстати, дорогая Мэри, ты уже прочитала письмо?

– Да.

– И?

– И... я не знаю. То есть оно довольно формальное, как и то письмо, которое я отправила ему. Он оставил мне номер для связи с ним, но...

– Ради всего святого, Мэри, поезжай и встреться с ним! Он – как и тот, другой – регулярно посещал твои мысли все эти годы. Если жизнь чему-то научила меня, так это тому, что она чертовски ко ротка!

– Да. Разумеется, ты прав. Хорошо, я так и сделаю. Но, пока мы здесь, я должна рассказать тебе о «том, другом», как ты его называешь...

* * *

Через сорок минут Амброз прилег вздремнуть, а я вернулась в свой номер. Амброз внимательно выслушал мой рассказ о том, что произошло с Бобби, потом накрыл ладонью мою руку.

– Значит, прошлое наконец-то осталось позади и ты снова можешь дышать свободно, – сказал он. – Дорогая Мэри, если бы ты только сказала мне раньше, наверное, я мог бы помочь тебе.

– Нет, Амброз, никто бы не смог. – Я вздохнула. – Но теперь хотя бы все закончилось.

* * *

– Осталось лишь одно, – пробормотала я, когда достала письмо и набрала номер с британским телефонным кодом. Он ответил после нескольких гудков, и мы договорились о встрече. Все было очень вежливо и формально, как будто мы собирались на деловое совещание. Положив трубку, я сложила листок бумаги, где записала время и место, и убрала его в сумочку.

– Почему у него был виноватый голос? – спросила я себя, но ответа не было.

* * *

– Итак, мама, сколько еще времени ты собираешься оставаться в Ирландии? – спросил Джек тем вечером, когда мы все собрались на ужин в элегантном ресторане наверху, откуда открывался панорамный вид на море.

– Завтра я собираюсь вернуться в Дублин с вами и Амброзом, а потом хочу провести некоторое время здесь, вместе со своей семьей.

– Ты уверена, что не хочешь принять участие в круизе, мама? – спросила Мэри-Кэт. – Ведь ты всегда хотела увидеть греческие острова – родину твоей любимой мифологии. Алли прислала Джеку фотографию яхты, и это нечто потрясающее!

– Дорогая Мэри, тебе следует подумать об этом, – вставил Амброз. – Твоя дочь совершенно права. Я не бывал в Греции уже более двадцати лет. Греческий амфитеатр на закате, с горой Тайгет на заднем плане – это нечто особенное.

Амброз одарил меня одним из тех взглядов, которые я хорошо помнила по студенческим временам.

– Гора названа в честь Тайгете, пятой из сестер Плеяд и матери Лакедемона, зачатого от Зевса, – скороговоркой выпалила я, показывая, что не забыла его уроки, и он одобрительно кивнул. – Имя Тигги – сокращенное от «Тайгете», и она является пятой сестрой в семье, – добавила я. – По иронии судьбы, я тоже являюсь пятым ребенком в своей приемной семье.

– А возможно, и потерянной сестрой в семье Алли, – сказала Мэри-Кэт. – Пожалуйста, мама, давай поедем!

– Нет, не сейчас. Но, может быть, я добавлю Грецию в список мест для посещения в путешествии. Ну что, кто будет десерт?

* * *

Когда я вернулась в свой номер, то увидела красный огонек полученного сообщения, мигавший на гостиничном телефоне, а на мобильный телефон пришла голосовая почта. Сначала я проверила стационарную линию; это была Кэти, просившая перезвонить ей.

Я взяла мобильный телефон и прослушала голосовые сообщения. Первое из них – кстати, пришедшее после нашего разговора за ужином – было от Тигги, которая справлялась о моем самочувствии и надеялась увидеть меня во время круиза.

Потом я позвонила Кэти.

– Привет, это Мерри. Все в порядке?

– Да. Я хотела сообщить тебе, что поговорила с Норой. Сначала она сказала, что не помнит фамилию семьи, на которую работала в Большом Доме, и ей нужно подумать. Потом она перезвонила и сказала, что вспомнила. Я была права, это иностранная фамилия, но не та, которую ты мне дала. Лучше я произнесу ее по буквам. У тебя есть ручка и бумага?

– Давай, я готова, – сказала я и взяла карандаш.

– «Э», «С», «З», «У». Она считает, что это верное произношение.
Я прочитала буквы про себя.
– Эсзу, – сказала я. – Огромное спасибо, Кэти, завтра я позвоню тебе.

Атлантис

– Алли, Джек не говорил тебе, кто был владельцем Аргидин-Хауса? – спросила Сиси, войдя в кухню, где Крисси готовила на ужин стейки с австрийскими гарнирами.

– Нет. Я просила его сообщить мне, если сестра Мерри что-то вспомнит. – Алли вздохнула. – Очевидно, она не вспомнила.

– Он не говорил, что его мать по-прежнему отказывается присоединиться к нашему круизу? – спросила Майя, которая сидела перед ноутбуком и проверяла электронную почту.

– Судя по всему, она хочет задержаться в Ирландии. Полагаю, нам нужно признать, что мы изо всех сил постарались найти потерянную сестру. Если кольцо является доказательством, а Мерри была приемным ребенком, плюс координаты того места, где ее обнаружили, то да, мы нашли ее. Но если она не хочет приезжать, мы не можем заставить ее.

– Да, но все равно очень жаль, поскольку все сходится, – сказала Майя.

– Кроме ее возраста, – заметила Алли. – Мы предполагали, что ищем гораздо более молодую женщину. По крайней мере, ее дети будут с нами, и этого достаточно.

– Так, – сказала Майя, делая пометки в блокноте рядом с ноутбуком. – Рейс Тигги и Чарли приземляется в Женеве в одиннадцать тридцать утра по местному времени в среду. Электра подтвердила, что собирается лететь прямо в Ниццу; то же самое сделают Стар, Мышь и Рори. Остаются Джек и Мэри-Кэт, которые еще должны подтвердить время прибытия.

– Сколько спален нам понадобится завтра? – спросила Ма, выносившая на веранду бокалы и столовые приборы.

– Только одна, для Тигги и Чарли, – ответила Майя и встала. – Пожалуйста, не беспокойся, Ма. Мы все здесь готовы помочь тебе.

– Это точно, – сказала Кресси, стоявшая на посту у плиты, и улыбнулась Ма. – Хотя понятия не имею, как можно что-то приготовить на этом древнем устройстве. Хорошо, что мы решили приобрести барбекю и приготовить стейки на нем, правда, Сиси?

– Ма, почему бы тебе не присесть и не выпить вместе с нами вина? – Алли повела Ма к столу и аккуратно усадила на стул. – Давай мы для разнообразия поухаживаем за тобой.

– Нет, Алли, мне платят не за это! – возразила Ма. – И я все равно не выношу безделья.

– Тебе не платили за любовь к нам, ты любила нас бесплатно, а теперь мы возвращаем эту любовь, – сказала Сиси и поставила перед ней бокал вина. – Выпей и перестань метаться, хорошо?

– Я уже говорила Стар, когда посещала ее в Лондоне в прошлом году, без Клавдии у меня все начинает валиться из рук. Она настоящий двигатель Атлантиды.

– Наверное, мы не ценили ее так, как она того заслуживает, – сказала Майя и улыбнулась, когда увидела Флориано и Валентину, входивших на веранду. Оба немного поспали в Павильоне, прибыв в Атлантиду из Рио-де-Жанейро через Лиссабон во второй половине дня.

Алли смотрела на Флориано, крепко державшего дочь за руку. У него был ровный загар, темные волосы и выразительные карие глаза; когда он улыбнулся, на симпатичном лице блеснули белые зубы. Валентина обвела взглядом взрослых, широко распахнув огромные карие глаза, и застенчиво намотала на палец прядь длинных блестящих волос.

Ма тут же встала из-за стола.

– Здравствуй, Валентина, – сказала она и подошла к девочке. – Тебе стало лучше после того, как ты немного поспала?

– Да, спасибо, – ответила девочка по-английски с сильным акцентом. Майя говорила, что Флориано, свободно владевший двумя языками, учил дочь английскому с колыбели.

– Хочешь пить? Может быть, кока-колу? – продолжила Ма и посмотрела на Флориано, безмолвно обращаясь за советом.

– Конечно, она любит колу, – согласился Флориано.

– Я стр-р-рашно проголодалась, папа, – сказала она, глядя на отца.

– Ужин будет готов примерно через полчаса, но пойдем со мной и посмотрим, чем можно пока перекусить, ладно? – Ма протянула Валентине руку, и та с готовностью уцепилась за нее. Они направились к кладовой.

– Она переключилась на материнский режим. – Алли улыбнулась и закатила глаза.

– В котором она чувствует себя лучше всего, – заметила Майя, подошла к Флориано и поцеловала его в щеку. – Хочешь пива?

– Мог бы убить за бутылку, – отозвался он и приобнял ее за плечо.

– И еще одну для шеф-поварихи, – потребовала Крисси от плиты.

– Сейчас принесу. – Сиси направилась к холодильнику.

Алли налила себе бокал вина и, когда все обзавелись выпивкой, подняла его.

– За Флориано и Валентину, проделавших долгий путь ради того, чтобы присоединиться к нам!

Все чокнулись, и Алли подумала, как замечательно видеть на кухне Атлантиса не только своих сестер, но и их новых избранников и членов их семей.

Она увидела, что Валентина заметила Бэра, который лежал на коврике для игр в углу кухни.

– *Ai que nepét bonito!* Могу я поиграть с ним, Майя?

– Конечно, можешь, – ответила Майя, глядя на Алли. Валентина отставила свою кока-колу и направилась к Бэру. Она опустилась на колени рядом с ним и взяла его на руки. Сестры обменялись улыбками.

– Ничего, если я отведу Флориано посмотреть на личный сад Па Солта? – обратилась Майя к сестрам.

– Разумеется, – ответила Ма, пододвигаясь ближе к Валентине и Бэру. – Не беспокойтесь, я присмотрю за детьми.

– Спасибо. – Майя взяла Флориано за руку и вывела его из кухни.

– Мы свистнем, когда будет готово, Майя! – крикнула Сиси им вслед. – Думаю, угли в барбекю уже достаточно разогрелись, Крисси.

– Я пойду с тобой, иначе ты опять пережаришь стейки до хрустящей корочки, – шутливо сказала Крисси, и обе вышли на улицу.

– Разве не славно видеть Сиси такой счастливой? – сказала Ма, устроившись в шезлонге рядом с Валентиной и Бэром.

– Вот именно, и только посмотри на материнские повадки Валентины.

При упоминании ее имени Валентина обернулась и вопросительно посмотрела на Алли.

– Тебе нравятся малыши? – обратилась к ней Алли.

– Оч-чень сильно, да, – согласилась она и осторожно положила извивавшегося Бэра обратно на коврик.

Через пятнадцать минут Сиси пронзительным свистом дала понять Майе и Флориано, что ужин готов. Остальные женщины выносили на веранду миски салата и большую супницу с хрустящей картошкой. Алли опустилась на стул в ожидании Майи. Она знала, зачем ее сестра хотела уединиться с Флориано. В конце концов она увидела, как они идут к веранде рука об руку. Голова Майи лежала на плече у Флориано, а незадолго до того, как они подошли к столу, он обнял ее так крепко, что ее ноги оторвались от земли. Он поцеловал ее в губы; сияющая улыбка на его лице означала, что известие от Майи было воспринято с радостью.

Когда все уселись за стол и Крисси начала раскладывать стейки, Алли услышала звонок своего мобильного телефона на кухне. Метнувшись туда, она увидела, что звонит Джек.

– Привет!

– Привет, Алли! – ответил он, когда от стола на веранде донесся взрыв смеха. – Я не вовремя, да?

– Вообще-то мы как раз собрались ужинать.

– Хорошо, тогда буду краток. Мамина сестра Нора, та самая, которая когда-то работала в Аргидин-Хаусе, вспомнила фамилию семьи, которая владела домом. Довольно странная фамилия, явно иностранного происхождения. Я даже не уверен, что правильно произнесу ее.

– Но не Деплеси, да?

– Нет, это... Лучше я произнесу по буквам. У тебя есть ручка?

– Да. – Алли потянулась за ручкой. – Давай, я слушаю.

– Хорошо. Э-С-З-У.

Алли записала буквы, но едва она посмотрела на бумагу, как почувствовала, что ей не хватает воздуха. Джек что-то говорил, но она не слушала и шептала фамилию.

– Алли, ты все записала или мне повторить?

– Нет, я записала. Э-С-З-У.

– Да. Я же сказал, странная фамилия.

– Это же... – Алли тяжело опустилась на стул.

– Эй, Алли, ты в порядке?

– Да, все нормально.

Повисла пауза, прежде чем Джек заговорил снова:

– Эта фамилия что-то значит для тебя, да?

– Я... да, значит, но я не понимаю, как это вписывается во все остальное. Слушай, сейчас я пойду ужинать, но потом перезвоню тебе.

– Ладно, поговорим позже.

Алли встала и поняла, что вся вспотела... от чего? От удивления или от страха? Решив, что пока ни с кем не хочет делиться этой новостью, она подошла к раковине, быстро сполоснула лицо и присоединилась к общему застолью.

* * *

После ужина все, кроме Ма, которая укладывала Бэра, занялись мытьем посуды.

– Полагаю, все прошло хорошо? – прошептала Алли на ухо Майе, когда они стояли бок о бок и протирали кастрюли, пока Сиси и Крисси загружали посудомойку.

– Да, – прошептала Майя в ответ. – Он был в восторге, Алли, а я испытала такое облегчение!

– Я не думаю, что тебе стоит беспокоиться насчет реакции Валентины; только посмотри, как она увлечена Бэром! Очень рада за тебя, Майя, действительно рада. Остается лишь надеяться, что ты будешь счастлива.

– Наверное, особенно после того, как я все рассказала Флориано. Но я не собираюсь ничего говорить остальным, пока мы не соберемся на яхте, хотя думаю, что...

– ...Ма уже знает, – одновременно прошептали они и улыбнулись.

– Кстати, это Джек звонил тебе перед ужином? – поинтересовалась Майя.

– Да.

– Есть новости?

– Да, но ничего важного, – солгала Алли. – Ты иди к Флориано и Валентине, хорошо? Ведь сегодня у вас особенный вечер.

– Хорошо. Увидимся завтра.

– Спокойной ночи, Майя.

– Думаю, я наконец хорошо высплюсь. Спокойной ночи.

Взяв Валентину за руки, Майя и Флориано вышли из дома и направились к Павильону.

– Думаю, нам тоже лучше лечь пораньше, – сказала Сиси. – Завтра будет хлопотный день. Спокойной ночи, Алли.

Кресси и Сиси ушли с кухни. Тем временем вернулась Ма и принялась готовить бутылочку Бэра для вечернего кормления.

– Ма, сегодня я сама займусь этим. Думаю, тебе нужно хорошенько выспаться перед завтрашним днем. Я чувствую себя гораздо лучше после того, как вернулась из Франции. – Алли почти что выхватила бутылочку из рук Ма и поставила ее на стол. – Я сама, – повторила она.

– Пожалуй, добрый ночной сон мне не повредит. Последние несколько недель заставили меня понять, что я старею, Алли. Когда я была моложе, я могла обходиться практически без сна. Но теперь... похоже, я больше не могу.

– Ма, ты совершенно замечательная, и я не знаю, как смогла бы обойтись без твоей помощи. А теперь ложись в постель и отдохни, пока еще есть время.

– Хорошо. Ты поднимешься наверх вместе со мной?

– Я... – Алли отчаянно хотелось кому-то довериться. – Ма?..

– Да?

– Мне нужно связаться с Георгом, но его мобильный телефон не отвечает. Ты точно знаешь, что он вернется?

– Поскольку он отправляется в круиз вместе с нами, то должен вернуться завтра. А что?

– Я... Ох, Ма, Джек мне кое-что рассказал, и это действительно потрясло меня. Обычно я делюсь с Майей, и мы обсуждаем, что можно сделать. Но в нынешних обстоятельствах я просто не могла рассказать ей, особенно сегодня вечером.

– Расскажи мне, *cherie*. Ты знаешь, что это не пойдет дальше. Что сказал Джек?

– Что Аргидин-Хаус, то самое место, чьи координаты указывают на Меропу, некогда принадлежал семье по фамилии Эсзу.

Алли заметила потрясение, отразившееся на лице Ма.

– Эсзу?

– Да. Джек произнес фамилию по буквам, чтобы я не перепутала. Все сходится, Ма. За ужином я думала о возможности случайного совпадения, но это очень необычная фамилия, правда? Особенно в Ирландии. Тебе известно, была ли в прошлом какая-то связь между Па Солтом и семьей Эсзу?

– По правде говоря, Алли, я понятия не имею. Но я знаю: ты уверена, что видела яхту Крига Эсзу возле того места, где был похоронен ваш отец. И конечно, его сын Зед...

– Отец ребенка Майи, – шепотом сказала Алли на тот случай, если Кресси или Сиси спустятся на кухню за чашкой чая. – Надеюсь, ты понимаешь, почему я не хочу говорить об этом сегодня.

– Конечно, понимаю. Она сообщила Флориано о своей беременности, верно?

– Да. Но ты не должна никому рассказывать, Ма.

– Само собой. Я очень рада за нее.

– Как думаешь, Георг может знать о связи с Эсзу?

– Пожалуйста, Алли, мне известно не больше тебя. Но он тесно сотрудничал с вашим отцом, так что ему многое известно.

– Ты действительно не знаешь, где он?

– Клянусь, я понятия не имею. Мне жаль, что я не могу тебе помочь; я бы это сделала, если бы могла. А теперь я собираюсь в постель. Спокойной ночи, Алли.

– Доброй ночи и хороших снов.

Ма только успела выйти из кухни, как зазвонил мобильный телефон Алли.

– Алло?

– Привет, это снова Джек. Ты еще не спишь?

– Пока нет. Как дела в Ирландии?

– Все хорошо, спасибо. Мы заказали такси, которое завтра отвезет меня, Мэри-Кэт, маму и Амброза – он ей вроде крестного отца – обратно в Дублин.

– Ты уверен, что не сможешь уговорить свою маму присоединиться к нам? Я надеюсь, что наш нотариус Георг вернется завтра и сможет подтвердить, что твоя мама – та самая потерянная сестра.

– Боюсь, что нет, Алли. Она твердо настроена провести еще какое-то время здесь, в Ирландии. Мы с Мэри-Кэт вылетаем из Дублина в Лондон завтра во второй половине дня, а наш рейс в Ниццу прибывает на следующий день рано утром. Встретимся на яхте, да?

– Да, я пришлю автомобиль, чтобы забрать вас из аэропорта, а потом встречу вас на борту «Титана» вместе с...

Алли остановилась, вдруг осознав, что еще не сказала Джеку о своем маленьком сыне.

– ...с остальными сестрами, – поспешно закончила она.

– О'кей. Кажется, это будет настоящее приключение. Мэри-Кэт не терпит, чтобы познакомиться с остальными сестрами.

– А я буду рада познакомиться с ней. Ладно, дай мне знать, если будут задержки. Если нет, то встретимся в Ницце.

– Очень хочется снова увидеть тебя, Алли. Доброй ночи.

– Спокойной ночи, Джек.

Захватив бутылочку со стола и выключив свет на кухне, Алли направилась в спальню. Уже лежа в постели, она подумала о своем разговоре с Джеком.

«Очень хочется снова увидеть тебя, Алли...»

Алли ощутила радостное волнение от этих слов, но сразу же отрезвилась, когда услышала тихое похрапывание из кровати Бэра.

– Даже если он простил меня за неискренность, он едва ли заинтересуется матерью-одиночкой, верно?

Постаравшись успокоить недобрые мысли и ощущения, вызывавшие дрожь в животе, Алли постепенно заснула.

Мерри Дублин

Я расслабился на заднем сиденье такси рядом с Мэри-Кэт и Амброзом. Мы предложили ему место впереди, но он отказался, сославшись на то, что разговоры Ниалла доведут его до могилы, так что эта сомнительная честь досталась Джеку. Дети снова попытались убедить меня отправиться в круиз, но с учетом той встречи, которую я ждала тридцать семь лет и которая должна была состояться через несколько часов, я снова отказалась.

– В другой раз, – сказала я. – Но вы поезжайте и хорошо проведите время. Все это мероприятие выглядит весьма гламурно.

Мы приехали на Меррион-Сквер, и Джек помог Амброзу выйти из такси, пока Ниалл выгружал из багажника мои пожитки и вещи Амброза.

– Был очень рад познакомиться с вами обоими, – сказал Ниалл. – Амброс, теперь у вас есть моя визитка, так что можете звонить в любое время, когда соберетесь посетить Западный Корк.

– Я позвоню, спасибо еще раз. – Амброс ловко повернулся, опираясь на трость, и зашагал к своему крыльцу.

– До свидания, мама.

Джек и Мэри-Кэт обняли меня, они отправлялись с Ниаллом в дублинский аэропорт, и к моим глазам невольно подступили слезы.

– Будьте на связи, хорошо?

– Обязательно, – сказала Мэри-Кэт. – А если ты останешься в Западном Корке после окончания круиза, то я приеду и присоединюсь к тебе.

Я заметила слабый намек на румянец на щеках дочери и сразу поняла, что встреча с ее новым другом, музыкантом Эойном, по всей видимости, прошла очень хорошо.

– Если ты передумаешь, Алли говорит, что на яхте полно свободного места, – в последний раз попробовал Джек.

– Нет, Джек. А теперь садитесь в такси, не то пропустите ваш рейс.

Я попрощалась с Ниаллом и постояла на мостовой, махая им, а потом отправилась вслед за Амброзом.

– Чашку чая? – предложила я.

– Боже мой, это как раз то, что мне сейчас нужно.

Через пятнадцать минут мы сидели в его гостиной, пили чай и поедали очень вкусный фруктовый пирог, приготовленный приходящей служанкой.

– Значит, ты по-прежнему намерен продать эту красоту, Амброс?

– Совершенно верно. Хотя я нежно люблю мой старый добрый дом, но время пришло, независимо от того, захочет ли Джеймс присоединиться ко мне.

– Уверена, что тебе не понадобится долго убеждать его, Амброс. Было прекрасно наблюдать ваше воссоединение после всех этих лет.

– Мои ощущения тоже были прекрасными, Мэри. Я забыл, каково это – смеяться от души. А мы много смеялись. Так что я намерен пригласить аукционистов для оценки и выставить это жилье на продажу. Но теперь о более насущном: ты уверена, что хочешь уехать сегодня? Ты вполне могла бы остаться здесь, Мерри.

– Знаю, но я раньше никогда не бывала в Северной Ирландии, и мне хотелось бы увидеть ее.

– Как тебе известно со времен твоего предыдущего пребывания в Ирландии, Белфаст никогда не был безопасным местом, но я слышал, что теперь город пережил настоящее возрождение.

– А знаешь, – тихо сказала я, – если о каких-то бомбардировках и терактах ИРА сообщали по телевизору или в новозеландских газетах, а этого добра было много в семидесятые и восьмидесятые годы, то я не следила за этим. И не читала. Я... просто не могла. Но в 1998 году я сидела перед телевизором в Отаго и заплакала, когда узнала о подписании Белфастского соглашения^[48]. Я не могла поверить, что это наконец случилось.

– Разумеется, это случилось. Но этого недостаточно для некоторых республиканцев, которые не остановятся до тех пор, пока Северная Ирландия не объединится с Южной под общим ирландским управлением. Но я, правда, верю, что следующее поколение будет вынуждено определить себя прежде всего как людей, а не как католиков и протестантов. Широкое образование, безусловно, способствует этому, – добавил он. – Я нахожу забавным, что принадлежу к тем редким стариканам, которые не оглядываются на идеальное прошлое и не сокрушаются по беспросветному настоящему. На самом деле как раз наоборот. Человечество далеко шагнуло вперед за последние тридцать лет, и я скорее завидую молодым, живущим в открытом обществе.

– Наша жизнь была бы совершенно иной, если бы мы были молодыми людьми этого поколения, – согласилась я. – Но правда... мне лучше поскорее уехать. Может быть, я тоже переживу преобразование.

Спустившись в цокольный этаж, я открыла дверь в спальню, некогда принадлежавшую мне. И едва не задохнулась, когда увидела, что Амброз не убрал мои книги, игрушки и безделушки, которые я собирала еще подростком. Обои, которые он заказал из Англии, когда я

только начала жить у него, по-прежнему были цветочно-розовыми, и все то же кружевное покрывало лежало на узкой кровати из кованого железа. Я вспомнила, что когда впервые увидела эту спальню, то едва не расплакалась от радости не только потому, что она была такой милой и женственной, но и потому, что она полностью принадлежала мне. Определенно, все те годы в частной школе, когда у меня был короткий перерыв на выходные и было слишком далеко ехать домой, в Западный Корк, эта спальня была моей палочкой-выручалочкой. Потом я переехала сюда, когда начала писать диссертацию, которую так и не закончила...

Я открыла платяной шкаф, гадая, окажется ли моя одежда начала 1970-х годов – мини-юбки, колоколообразные брюки и плотные, рубчатые рубашки-поло – по-прежнему на своем месте, но там ничего не было. Ну конечно. Я пропала много лет назад, к чему бы Амброзу сохранять все это?

Передернув плечами, я опустилась на кровать, и память мгновенно отправила меня в тот момент, когда я в последний раз была здесь и Бобби появился у меня на пороге. Он так сильно колотил в дверь и так громко кричал, что мне пришлось впустить его.

С длинными черными волосами и пронзительно-голубыми глазами, высокий и с мускулистым торсом, он был симпатичным. Некоторые из моих подруг, которые встречались с ним, когда он врывался в нашу группу во время пивных вечеринок, находили его весьма привлекательным. Для меня он оставался все тем же Бобби: сердитым, сконфуженным, но очень умным мальчиком, которого я знала с раннего детства.

Когда он прижал меня к стене, я ощутила его стальную хватку.

– Ты перестанешь встречаться с ним, Мэри О’Рейли, иначе, клянусь, я убью тебя. А потом я приду за ним и за его семьей, как и за твоей семьей. Ты моя, ПОНИМАЕШЬ? Ты всегда была моей, и ты знаешь это.

Его взгляд и кислый запах пива в его дыхании, когда он впился губами в мои губы, никогда не покинут меня.

Разумеется, когда моя жизнь оказалась под угрозой, я пообещала, что перестану встречаться с Питером и присоединюсь к нему в террористическом крестовом походе против Британии.

Я была испугана до полусмерти, но хотя бы знала, как его успокоить; в конце концов, у меня были годы практического опыта. Наконец Бобби убрал пистолет от моего горла и отпустил меня. Мы договорились встретиться завтра вечером, и мне едва удалось удержаться от рвоты, когда он снова поцеловал меня. Бобби направился к выходу, но, уже открывая дверь, повернулся и посмотрел на меня.

– И помни: я выслежу тебя, где бы ты ни спряталась.

После его ухода я решила, что у меня нет иного выбора, кроме отъезда из страны. Тогда я спустилась сюда, в свою спальню, и начала собирать вещи...

– Все кончено, Мерри, и Бобби больше никогда не причинит тебе вреда, – пробормотала я, стараясь подавить уже знакомые симптомы приступа паники, которые начинались автоматически в течение тридцати семи лет каждый раз, когда я думала о нем. Я сотни раз переживала сходные моменты, которые психиатр назвал бы результатом посттравматического стресса. Я не знала, может ли возвращение на место прошлых событий как-то помочь мне, но верила, что однажды смогу убедить свой мозг в завершении долгого кошмара.

Я подняла на кровать тяжелый чемодан, который взяла с собой в путешествие, открыла его и постаралась сосредоточиться на том, в чем я буду завтра во время нашей «встречи».

«Разве это имеет значение, Мерри...»

Я достала кое-какие вещи. Должна ли я выглядеть утонченно или небрежно? Я просто не знала.

В конце концов я остановилась, как обычно в случае неуверенности, на своем любимом зеленом платье и аккуратно уложила его в саквояж вместе с черными туфлями-лодочками. Переодевшись в дорожный костюм, состоявший из джинсов, рубашки и жакета в духе «Шанель», который добавлял стильный штришок и подходил практически к любому наряду, я упаковала несессер, чистое нижнее белье и книжку для чтения в поезде, потом застегнула саквояж.

Поднявшись по лестнице, я оставила его в коридоре и пошла в гостиную, чтобы попрощаться с Амброзом.

– Я оставила свой большой чемодан внизу вместе с кучей стирки, которую разберу завтра, когда вернусь. Это ничего?

– Разумеется, дорогая девочка. Это значит, что ты должна вернуться и забрать его, хотя с учетом того, что в последний раз ты оставила целый платяной шкаф, полный одежды, ничто не гарантировано. Кстати, все до сих пор здесь.

– Что именно?

– Одежда, которую ты оставила. Я упаковал ее в чемодан и поставил в один из своих шкафов на тот случай, если ты однажды заглянешь ко мне.

– Ох, Амброз! Прости...

– Не надо. Je ne regretted rien^[49], как говорят французы. Теперь ты вернулась, и это самое главное. Да, со всеми этими недавними событиями я постоянно забываю сказать тебе кое-что. Я прочитал дневник Нуалы. Твоя бабушка была очень храброй.

– Да, – согласилась я, глядя, как он легко постукивает пальцами по круглому столику рядом с кожаным креслом. – Так оно и есть.

– Пришлось попотеть над ее почерком и правописанием, но, боже мой, что за история! В некоторые моменты я был близок к слезам. – Амброз вздохнул. – Но я должен указать тебе на другой момент, где Нуала пишет о горничной Морин.

– Той, которая предала ее?

– Да. Итак, ты помнишь миссис Каванаг, печально знаменитую экономку Джеймса? Он сообщил мне, что она работала в Аргидин-Хаусе, прежде чем стала заниматься хозяйством у него. Угадай, как ее звали?

– Нет, Амброз...

– Морин. Морин Каванаг. Одна и та же женщина предала молодую Нуалу и много лет спустя Джеймса.

– Боже мой, – выдохнула я.

– Она была неисправимо ожесточенной женщиной. Бедный Джеймс сказал мне, что занимался ее похоронами. Он сказал, что пришли только три человека, а ведь ты знаешь, сколько народу обычно собирается на похоронах в Ирландии. Она жила одна и умерла в одиночестве. Возможно, это было ее наказанием.

– Возможно, но если бы я когда-нибудь встретилась с ней, то не смогла бы отвечать за свои поступки, – с жаром ответила я.

– Дорогая Мэри, ты и мухи не обидишь, но я ценю твои чувства. – Амброз тихо рассмеялся. – Возможно, однажды ты задумаешься о

публикации дневника Нуалы, особенно теперь, когда ты знаешь окончание ее истории. У нас мало документальных свидетельств об этом историческом моменте, который причинил много горя ирландским семьям, тем более написанных женщинами и увиденных с женской точки зрения. Та роль, которую Куман-на-мБан сыграла в освобождении Ирландии от британского владычества, заслуживает исторического коммента.

– Согласна, и, может быть, я так и поступлю. На самом деле столкновение с собственным прошлым заставило меня вспомнить о былой любви к науке. Внизу я подумала, что так и не получила магистерскую степень, поскольку была вынуждена уехать...

– Здесь у меня до сих пор хранится твоя наполовину написанная диссертация. – Амброз указал на письменный стол. – Из нее явствует, что ты имела блестящие перспективы... Ну что, вызвать тебе такси до вок зала?

– Я прогуляюсь по Графтон-стрит и найду такси. Завтра я вернусь, дорогой Амброз. Пожелай мне удачи, хорошо?

– Разумеется. Остается лишь молиться о том, чтобы ты смогла отправить на покой свое прошлое.

– Я тоже надеюсь на это. До свидания, Амброз, – сказала я, потом забрала свой саквояж в коридоре и вышла из дома.

* * *

Поезд до Белфаста, носивший метко выбранное название «Энтерпрайз»^[50], удивил меня современным комфортом. Я смотрела на пролетающие мимо сельские пейзажи и гадала, увижу ли дорожный знак, обозначающий границу между Северной и Южной Ирландией. В былые дни на границе находились контрольно-пропускные пункты для всех видов транспорта. Но сейчас не было ничего, и примерно на середине двухчасовой поездки мы остановились по другую сторону границы в Ньюри. Как мне было известно, этот городок пережил много насилия во времена последних беспорядков. В августе 1971 года в Баллимерфи шестеро гражданских, включая католического священника, были застрелены британцами. Новость об этой расправе стала очередной искрой, воспламенившей взрывной темперамент

Бобби. Я понимала, что этот инцидент плюс то, что он видел меня в баре с Питером, определенно стали для него последней каплей, и это случилось очень близко отсюда.

Сегодня это место выглядело как любая другая станция, обслуживающая небольшой городок, но тогда оно было сценой возрождения старого конфликта во главе с такими экстремистами, как Бобби. Он много раз приставал ко мне в пабе, сетуя на бедствия католиков и расписывая, как ИРА будет бомбить этих «гнусных протестантов» до полного исчезновения. Я снова и снова повторяла ему, что путь к миру лежит через переговоры, а не через войну, что ситуацию можно и нужно улучшить дипломатическим путем.

Он обвинил меня в подражании Майклу Коллинзу.

– Этот предатель морочил нам голову! Он говорил, что подписание мирного договора будет краеугольным камнем Ирландской республики. Но север до сих пор в руках британцев, Мерри! – бушевал Бобби. – Подожди, и ты увидишь, как мы ответим огнем на огонь.

Я видела, как ИРА выполняет обещание Бобби, взрывая свои цели на севере, а потом и распространяя свою деятельность на британскую территорию. «Беспорядки» продолжались почти тридцать лет, и все это время я воображала, что Бобби тоже сеял смерть и разрушения, принесенные этой войной.

Неудивительно, что я не могла смотреть новостные передачи, разжигавшие мои страхи. И все эти годы Бобби провел взаперти, считая, что он вернулся в 1920 год...

Теперь мы были в 2008 году, и да, Северная Ирландия по-прежнему являлась частью Соединенного Королевства. Но тот факт, что я сейчас с крейсерской скоростью пересекла границу между севером и югом, был признаком несомненного прогресса.

Мне самой казалось нелепым, как я удивлялась тому, что окружающая местность была очень похожа на южные земли. «Как будто линия, созданная людьми, может что-то изменить», – подумала я. Но приезд в регион, который был сценой стольких ожесточенных конфликтов, был еще одним из моих внутренних демонов, которого я пыталась укротить, встретившись с ним лицом к лицу.

Поезд прибыл на вокзал Лэнион-Плейс в Белфасте точно по расписанию. Пройдя к выходу в поисках такси, я услышала знакомый певучий акцент, характерный для Северной Ирландии. Я подозвала

такси и направила водителя к отелю «Мершент», который, как сообщал мой путеводитель, находился в бывшем здании штаб-квартиры Ольстерского банка.

Я зачарованно смотрела в окно, пока мы проезжали по городу, излечившемуся от ужасных ран войны, во всяком случае судя по внешнему виду.

– Приехали, мэ, – сказал водитель, остановившись перед отелем «Мершент». – Славное, уютное местечко.

– Сколько я вам должна?

– Десять фунтов, будьте добры.

«Фунты...»

Я поискала в сумочке остатки британских денег.

– Вот, большое спасибо.

Я поднялась на крыльцо и вошла в очень современное фойе. Вскоре я зарегистрировалась, и носильщик проводил меня в номер, уютно обставленный в довольно мещанском стиле.

Я посмотрела на часы и убедилась, что уже больше семи вечера. Позвонив в обслуживание номеров, я заказала «супчик дня» и свежий рогалик. Потом испытала уже привычное мимолетное раскаяние за то, что тратю столько денег на хорошие гостиницы, но, с другой стороны, к чему тогда сбережения? Мы с Джоком последние тридцать лет каждый месяц откладывали понемногу, и с учетом того, что мы ни разу не проводили отпуск за пределами Новой Зеландии, думаю, он вряд ли стал бы возражать.

– Но он мог бы возразить насчет завтрашнего дня, – пробормотала я.

Я повесила платье, чтобы оно разгладилось, и включила телевизор. На BBC One показывали британскую мыльную оперу «Где-то в Ист-Энде», которую Мэри-Кэт нашла в пакете спутниковых каналов у нас дома.

Потом я долго нежилась в душевой кабине и вспоминала, как чувствовала себя в нашем фермерском доме в Гиббстон-Вэлли, который был уютным, но не имел той блестящей отделки и современных устройств, к которым я привыкла.

После душа я просмотрела ужасную романтическую комедию о подруге невесты, которая занималась чем угодно, лишь бы отвлечься от мыслей о завтрашнем дне. Я достала бутылку виски «Джемисон»,

уже опустевшую на две трети, поскольку я прикладывалась к ней каждый раз, когда хотела разобраться в новом откровении. Может быть, завтра я сяду на обратный поезд в Дублин с осознанием того, что наконец-то отправила свое прошлое на покой? Скользнув под свежую белую простыню, я на всякий случай поставила будильник на девять часов и откинулась на мягкие подушки. Я лежала в темноте, и моя рука инстинктивно потянулась к Джоку.

– Пожалуйста, дорогой, прости меня за то, что никогда не рассказывала тебе об этом, и за завтрашнюю встречу...

* * *

Меня разбудил звонок будильника. На рассвете я ворочалась без сна, гадая, что буду чувствовать, когда увижу его, думая обо всем, что мне хотелось бы спросить у него, но понимая, что на самом деле мне нужен ответ только на один вопрос.

– Через час ты все узнаешь, – сказала я вслух и потянулась к телефону на столике у кровати, чтобы заказать чай и тосты.

Потом я оделась, быстро ополоснулась, почистила зубы и нанесла легкий макияж с помощью туши для ресниц и небольшого количества румян. Мои волосы вели себя как обычно, кудрявились в ненужных местах – я всегда мечтала о прямых волосах и простой укладке, – но, попытавшись собрать их в узел с помощью гребней, я сдалась и распустила их волнами вокруг лица. Когда я встречалась с Питером в последний раз, мои волосы были очень длинными и опускались до середины спины, так что он называл их гривой. Я отпила чаю, но так нервничала, что едва не подавилась тостом. Я посмотрела на часы: четверть десятого. Меньше чем через десять минут нужно будет спуститься вниз.

– Успокойся, Мерри, ради всего святого, – сказала я себе, нанесла обычную розовую помаду и последний раз провела щеткой по волосам. – Не забывай, мяч на его стороне, – добавила я, обращаясь к своему отражению в зеркале.

Я открыла дверь и направилась к лифту, который отвезет меня вниз, к нашей первой встрече за тридцать семь лет...

Консьерж показал мне, как пройти в гостиную залу, и я направилась туда с ощущением, что мои ноги превратились в желе. Когда я вошла, то увидела огромную люстру, свисавшую с высокого атриума в центре невероятного зала. Колонны с лепными херувимами и золочеными фризами поддерживали богато украшенный потолок. Я все еще глазела на эту красоту, когда услышала голос за спиной:

– Здравствуй, Мерри. Потрясающе, да?

– Я... да. – Я оторвала взгляд от люстры и повернулась, чтобы посмотреть на него.

И... он оказался точно таким же: высоким и стройным, хотя его соломенные волосы были пронизаны сединой, а лицо покрылось сеточкой тонких морщин. Его карие глаза были такими же чарующими, как я помнила, и... он был тут, после стольких лет. Мир закружился, когда на меня накатила волна слабости. Мне ничего не оставалось, кроме как опереться на его руку, чтобы не упасть.

– Ты в порядке?

– Извини, голова немного закружилась.

– Наверное, потому, что ты изогнула шею, пока рассматривала эту люстру. Пошли, давай сядем.

Я прикрыла глаза, когда на меня нахлынула новая волна головокружения. И прильнула к нему, а он поддерживал меня за талию.

– Может, принести воды? – услышала я его вопрос, а потом он усадил меня.

Я вспотела и жадно глотала воздух, чтобы успокоить дыхание.

– Прошу прощения... – пробормотала я, не в силах поверить, что после стольких лет мои планы и намерения оставаться спокойной и невозмутимой разлетелись в пух и прах, хотя ничего еще не началось.

– Вот, выпей воды, – сказал он, и я почувствовала ободок стакана, поднесенного к губам. Мои руки слишком сильно дрожали, поэтому он влил в меня столько воды, что я поперхнулась и начала кашлять.

– Извини, – сказал он. Я почувствовала, как мой рот промокают салфеткой, а потом мягко похлопывают по шее. По крайней мере, вода охладила кожу, хотя мне хотелось умереть от стыда.

– Принести нам горячего чаю? – услышала я его голос. – Или, может быть, лучше виски? Знаете что, принесите и то и другое.

Я откинула голову на мягкую спинку кушетки, куда меня усадили, и занялась медленными вдохами и выдохами. Наконец странное щекочущее ощущение покинуло мое тело, и черные точки перед глазами начали рассеиваться.

– Прошу прощения, – повторила я.

– Чай с сахаром или виски?

Я услышала знакомые ироничные нотки в его голосе и пожала плечами.

– Ясно, тогда виски. Ты сможешь держать бокал?

– Наверное.

Он вложил бокал мне в руку и поднес его к моему рту. Я отпила немного, потом побольше.

– Честно говоря, Мерри, есть оправдание даже для алкогольных напитков за завтраком.

– Точно, – согласилась я. – С моей репутацией покончено, но я хотя бы чувствую себя лучше.

Я полностью открыла глаза, и мир наконец встал на место. Я поставила виски на стол перед собой и посмотрела на платье, забрызганное водой.

– Я налью тебе чая на тот случай, если захочется.

– Спасибо. И еще раз прошу прощения.

– Seriously, в этом нет надобности. Здесь все равно очень душно, не то, к чему мы привыкли в Ирландии, верно?

– Да уж.

– Глобальное потепление и все такое... В нескольких офисах, куда я захожу, даже установили кондиционеры, ты можешь в это поверить?

– Нет, принимая во внимание, что в детстве я регулярно отмораживала пальцы на ногах. Но все равно, – добавила я и повернулась к нему, не в силах отовариться от его взгляда и боясь раствориться в его глазах, как это было при нашей первой встрече.

– Все равно, – улыбнулся он. – Очень приятно видеть тебя после стольких лет.

– И тебя.

– Знаешь, а ты ни капельки не изменилась, – сказал он.

– Спасибо, но разве ты не имел в виду «Иисусе, Мерри, да ты превратилась в старую летучую мышь», а?

– Полагаю, нет. – Он усмехнулся.

– Тогда для справки: ты тоже не изменился.

– Не для записи? Это откровенная ложь. Я почти седой...

– У тебя хотя бы есть волосы, а это уже много для мужчин твоего возраста.

– Моего возраста, Мерри?

– Ты на два года старше меня, помнишь? Тебе уже больше шестидесяти...

– Да, и я ощущаю на себе все эти годы. Внешне я выгляжу нормально, но больше не могу бегать по полю и пинать мяч, как раньше. Теперь я отрабатываю удар о стену при игре в сквош, предназначенной для пожилых горожан, – добавил Питер, когда официант подошел к нашему столику.

– Могу я заказать тебе завтрак? – осведомился Питер. – Или ты не хочешь?

Я покачала головой:

– Нет, спасибо.

– Ты уверена?

– Абсолютно. Мне хватит бисквитов, поданных к чаю.

– Тогда я возьму круассан и двойной эспрессо, дабы разбавить виски, – сказал он и приподнял бровь, потянувшись за своим бокалом. – *Sláinte!*

– *Sláinte!* – повторила я, не прикасаясь к бокалу. Сегодня я уже испытала приступ головокружения и не хотела, чтобы он повторился.

– Ну, как жизнь? – спросил он.

– Я... – Наши взгляды встретились, и мы оба рассмеялись над бессмысленной нелепостью этого вопроса.

– Да ничего... В общем, нормально, – ответила я, и на этот раз наш смех превратился в несколько минут неудержимого хохота.

В итоге мы оба вытерли глаза салфетками, и это означало, что я размазала тушь, но мне было все равно. Меня в первую очередь привлекло к Питеру его чувство юмора, которое по сравнению с напряженностью и серьезностью Бобби было желанным облегчением. Тогда Питер легко относился к жизни.

Когда официант вернулся с кофе и круассаном, мы оба постарались восстановить контроль над собой.

– Думаешь, он собирается выдворить нас за плохое поведение? – прошептала я.

– Возможно. Моя здешняя репутация уже подпорчена, это место находится рядом с моим офисом, так что я пользуюсь отелем для определенных встреч, но кому какое дело?

– Чем ты занимаешься?

– А ты догадайся, Мерри, – поддразнил он.

– Ну, ты носишь костюм с галстуком, что нехарактерно для циркача, поэтому я вычеркиваю этот пункт.

– Правильно.

– Ты имеешь при себе кожаную папку для документов, куда удобно класть бумаги для совещания.

– Снова угадала.

– Но третье, и самое важное, заключается в том, что ты изучал юрис пруденцию в Тринити-колледже и даже вел учебные дела, когда мы виделись в прошлый раз. Ты юрист.

– Все верно. Ты всегда читала меня как книгу, не так ли? – Он поднял чашечку кофе и с веселым любопытством посмотрел на меня.

– Возможно, но почему ты не пытаешься прочитать меня?

– Ах, это гораздо труднее. Ну... давай посмотрим.

Я ощутила, как его взгляд пробежал по моему лицу и телу, и невольно покраснела.

– Намек номер один: хотя современные женщины стареют гораздо пристойнее и содержат себя в гораздо лучшей физической форме, чем в былые дни, мне не кажется, что ты последовала примеру своей матери и родила девятнадцать детей, или сколько там их было.

– На самом деле семеро. Все верно, продолжай.

– Поскольку ты носишь обручальное кольцо, то полагаю, что ты за мужем.

– *Была* замужем. Мой муж умер несколько месяцев назад, но отдаю тебе должное.

– Прости, Мерри. Я пережил сходную трагедию, смерть женщины, с которой я прожил десять лет. Так или иначе, поскольку я уже знаю, что ты уже много лет не живешь в Ирландии, или в Лондоне, или же в Канаде, как мы планировали, я проверял по актам гражданского состояния, то полагаю, что тридцать семь лет назад ты отправилась куда-то еще. Куда-то далеко, вроде Австралии.

– Ого! Очень горячо, – ответила я и почувствовала, как мои щеки заливаются румянцем, будто я сказала что-то неприличное.

– Значит, Новая Зеландия.

– Правильно. Очень хорошо.

– Может быть, ты продолжила академическую карьеру в одном из местных университетов? – задумчиво произнес он. – Ты определенно стремилась к этому в свое время.

– Нет, совсем нет. – Я улыбнулась. – Вы ошиблись, мистер юрист. На самом деле я вырастила виноградник в глубине Южного острова и управляла им вместе с мужем.

– Ладно, я не смог это угадать, хотя вполне предсказуемо, – сказал он. – Я хочу сказать, что ты выросла на ферме в Западном Корке. Это тоже знатная глухомань, и ты определенно привыкла к сельскохозяйственной работе, хотя мне очень жаль, что ты не продолжила научную карьеру, Мерри. Тебе было суждено достигнуть величия.

– Спасибо за такое высокое мнение. Жизнь имела другие планы на меня, но я бы солгала, если бы сказала, что не жалею об отказе от своей мечты.

– Если тебе будет от этого легче, я последовал за своей мечтой, хотя, особенно сейчас, начинаю сожалеть об этом. Пойми меня правильно, это обеспечило мне приличный доход и высокое качество жизни.

– Но?

– Когда я получил диплом, то занялся корпоративным правом, что позволяло озолотиться. Я переехал в Лондон и дорос до юрисконсульта крупной газонефтяной компании. Ежедневные поиски способов многомиллионной экономии на налогах из-за прорех в налоговом законодательстве на протяжении двадцати пяти лет, пожалуй, были неподходящим выбором для самопровозглашенного эстета, но, черт побери, у меня теперь есть знатный костюм! – Питер скорчил «грин-масу», как мы раньше называли его ироничную улыбку.

– А я-то думала, что ты нацелился на карьеру барристера.

– Да, но отец отговорил меня от этого. Сказал, что это ненадежно по сравнению с составлением договоров, а хорошая адвокатская работа не более хороша, чем итог твоего последнего судебного разбирательства. Боюсь, у всех есть свои сожаления в нашем возрасте. Я вышел на пенсию в пятьдесят пять лет, поэтому решил наконец принести какую-то пользу согражданам и поселился здесь, в Белфасте.

– Правда? И чем ты занимаешься здесь?

– По сути дела, я работал консультантом в так называемом проекте «Квартал Титаник» в Белфасте. Это масштабный проект реконструкции береговой линии на Квинс-Айленд, и фактически, хотя ты не знаешь об этом, поскольку находилась далеко от Ирландии, министр туризма Арлена Фостер только что объявила о пятидесятипроцентном государственном финансировании проекта, другая половина поступит из частного сектора. Мы нашли потрясающего американского архитектора, который присоединится к команде и, надеюсь, создаст подобающий памятник великой кораблестроительной истории города. Конечно, ты знаешь, что «Титаник» построили здесь, – добавил он.

– Где-то в закоулках памяти я знала об этом. Ну, Питер, это звучит потрясающе.

– И немного странно?

– Нет, вовсе нет, – ответила я.

– Должно быть, ты помнишь, что я всегда был гибридом, мать – английская протестантка, а отец – ирландский католик, гибридом, который родился в Дублине и пошел по стопам матери, крестившись в протестантской вере. Не то чтобы родители интересовались религией, они просто любили друг друга. – Он пожал плечами. – Большой плюс в том, что я жил и работал в Англии, на севере и на юге Ирландии. После долгих лет выяснения своей принадлежности, особенно во времена беспорядков, я пришел к своему личному и очень простому выводу: все зависит от того, честен ты перед собой или нет.

– Полностью согласна, но экстремистская доктрина с колыбели определенно может задержать личное развитие, не так ли?

– Истинно так. И давай откровенно, немногие из нас могут жить без определенной цели, будь то семья или работа. Я слишком долго делал работу своей целью. По крайней мере, сейчас я считаю, что могу применить свой опыт на пользу города, который отчаянно нуждается в реконструкции. Если я могу помочь каким-то незначительным образом с помощью своих знаний и умений, то, значит, все годы трудов стоили этого.

– Мне жаль, что ты не был счастлив, Питер. Действительно жаль.

– О, Мерри, у меня все было замечательно. Я просто всегда разыгрывал надежные карты, что было *моей* семейной

разновидностью док трины. В моей нижней прослойке среднего класса родители внушали детям, что нужно получить профессию, которая обеспечит их материальное благополучие. Врачи и адвокаты находились в первом ряду, разумеется, если ты не был аристократом, а в Тринити-колледже их было немало, правда?

– Это верно. – Я усмехнулась. – Помнишь того парня, который разъезжал по Дублину в «Роллс-Ройсе» со съемной крышей? Лорд Себастьян какой-то. В те дни колледж был шикарным местом, да? Все эти богатые и остроумные бездельники, которые состязались на светских вечеринках, а не за ученую степень.

– Ну, я вполне уверен, что моя мама всегда надеялась, что я познакомлюсь с богатой наследницей англо-ирландского происхождения и буду жить в продуваемом всеми ветрами особняке в окружении собак, лошадей и...

– Я не люблю лошадей, – сказали мы хором и рассмеялись.

– Где мы с тобой ошиблись, Мерри? – с насмешливой серьезностью спросил он. – Ведь британцы и ирландцы всегда были одержимы лошадьми.

– Только если конюх вычищал лошадь до блеска и убирал грязное сено.

– Или когда владельцы устраивали конное дерби на Кубок Победы, где тренер и жокей выполняли всю тяжелую работу. – Питер закатил глаза. – А может быть, это всего лишь зависть, Мерри? Мы с тобой, конечно, были умными и талантливыми, но происходили из бедных семей и работали изо всех сил. Как поживает твоя семья?

– В основном хорошо, хотя я не виделась с ними так же долго, как и с тобой. Мой отец умер больше двадцати лет назад; выпивка свела его в могилу, что очень печально. Он был хорошим человеком, но жизнь подкосила его. Хотя, по правде говоря, я недавно выяснила, что они не были моими кровными родственниками. Меня просто подкинули к ним в младенческом возрасте, но это совсем другая история.

Питер изумленно воззрился на меня:

– Хочешь сказать, что ты была найденышем?

– Очевидно, так. Это Амброз рассказал мне... Ты помнишь его?

– Конечно, Мерри, как я мог его забыть?

– Так вот, он и его друг, отец О’Брайен, убедили семью О’Рейли удочерить меня. Фактически занять место умершего младенца, которого они потеряли. Ее звали Мэри, – добавила я.

– Господи, не знаю, что и сказать.

– Пока что не будем говорить об этом, ладно? А как твоя семья?

– Моя мать до сих пор жива, а отец умер от старости несколько лет назад. Думаю, он утратил волю к жизни после того, как уволился с железной дороги. Он очень любил свою работу. Так что у меня нет семьи, кроме престарелой мамы.

– У тебя нет детей?

– Нет, и это еще одна причина для сожалений. Но некоторым это просто не суждено. После смерти моей подруги я перевелся на работу в Норвегии, чтобы попробовать снова, и ненадолго женился на норвежке. Думаю, развод занял больше времени, чем наш брачный союз, но такова жизнь, правда? Все совершают ошибки. У тебя есть дети?

– Да, двое. Мальчик и девочка.

– Тогда я завидую тебе. Мы всегда хотели иметь детей, помнишь?

Он посмотрел на меня, и я поняла, что осторожным играм настал конец, как бы мы ни наслаждались ходьбой вокруг да около.

– Да, – ответила я. – Думаю, мы назвали бы их какими-нибудь нелепыми именами.

– Хочешь сказать, это *ты* придумала бы им нелепые имена. Персефона и Персей или нечто в этом роде. Я бы довольствовался Робертом и Лорой. Ах, то были славные деньки, да? – Он взял свой бокал и допил остатки виски.

Да, то были «славные деньки», но я не поддержала его шуточного тона, поскольку мне нужно было задать важный вопрос.

– Почему ты тогда не приехал в Лондон и не встретился со мной, как обещал?

– Вот оно что... – Он пристально посмотрел на меня. – Итак, мы наконец перешли к сути дела.

Он жестом подозвал официанта и заказал еще две порции виски.

– Думаешь, мне понадобится?

– Не знаю, Мерри, но мне определенно понадобится.

– Пожалуйста, Питер, просто расскажи мне, что произошло. Это было очень давно, и, какую бы причину ты ни назвал, я обещаю

понять тебя.

– Полагаю, ты достаточно умна, чтобы понять причину, Мерри.

– Это из-за него? – Я заставила себя произнести имя. – Из-за Бобби Нойро?

– Да. После твоего отъезда в Англию я сделал так, как мы договорились, и появился в том баре, где он впервые увидел нас вместе, чтобы он не подумал, будто я причастен к твоему исчезновению. Не знаю, видел ли он меня, но потом, за день до того, как я собирался отплыть в Англию, он появился возле дома моих родителей, должно быть, проследил, как я возвращался домой из бара. Он прижал меня к стенке, сунул пистолет мне под челюсть и сказал, что, если я тоже исчезну, он позаботится о том, чтобы мои родители никогда не узнали, куда я отправился. Что он со своими «друзьями» сожжет наш дом вместе с обитателями. Он добавил, что будет следить за тем, чтобы я каждый день находился дома: уходил утром, возвращался вечером. И он сделал это, Мерри, он несколько месяцев следил за мной. – Питер сделал глоток виски и глубоко вздохнул. – Что я мог сделать? Сказать родителям, что они стали мишенью для мятежников? Для шайки террористов, которые, как мы оба хорошо знаем, не останавливались ни перед чем ради достижения своих целей?

– Я три недели ждала в Лондоне на квартире у Бриджет, но так ничего и не услышала от тебя. Почему ты *не написал* мне, Питер? Ты мог бы объяснить мне, что произошло.

– Но я *писал* тебе, Мерри, и у меня даже есть доказательства. Давай я покажу тебе. – Питер расстегнул свою кожаную папку и достал пачку старых конвертов. Он передал мне письма, и я взглянула на верхнее.

Мое имя и адрес в Лондоне были перечеркнуты, а сверху крупными буквами было написано: «Возвращено отправителю».

Потом я прочитала адрес, на который он отправлял письма.

– Видишь? Посмотри на штемпель наверху. – Он указал пальцем. – Письмо датировано 15 августа 1971 года. Переверни его, Мерри.

Я перевернула. Там был дублинский адрес Питера, выведенный его аккуратным почерком, а под ним стояло примечание: «Указанное лицо не проживает по данному адресу».

– Это не почерк Бриджет. – Я нахмурилась, еще раз перевернула письмо и снова прочитала адрес.

– О нет! – в ужасе вскрикнула я и уставилась на него. – Это неправильный адрес! Бриджет жила не в Кромвель-Гарденс, а в Кромвель-Крисцент. Я же тебе говорила!

– Что? Нет. – Питер покачал головой. – Клянусь, Мерри, когда ты собирала вещи перед отъездом, то сказала мне про Кромвель-Гарденс. Этот адрес написан у меня на сердце несмываемыми чернилами, как я мог забыть его? Когда мы решили, что нам нужно уехать, этот адрес был единственным способом для связи между нами. Клянусь, ты говорила про Кромвель-Гарденс...

– А я готова поклясться, что говорила про Кромвель-Крисцент.

Я заставила себя мысленно вернуться в тот вечер, когда Бобби нанес мне визит и сыпал угрозами в адрес моих родственников. Питер пришел через час после этого; я отвела его в спальню и рассказала, что Бобби видел нас в пабе вчера вечером. Я была в истерике, рыдала от ужаса и бросала в чемодан что попало.

– Разве я не записала тебе адрес? Я должна была это сделать, – сказала я, отчаянно пытаюсь вспомнить подробности того разговора с Питером, когда я сообщила ему, что собираюсь отплыть на утреннем пароме и остановиться в лондонской квартире Бриджет.

– Мерри, ты прекрасно знаешь, что не делала этого. Ты находилась в ужасном состоянии, но, честно говоря, я тоже. – Питер тяжело вздохнул. – В общем, кто-то из нас в тот вечер совершил ошибку. – Он пожал плечами. – И с тех пор я не знал, то ли этот маньяк поймал тебя, убил и сбросил труп в реку, то ли ты решила, что нам лучше жить врозь.

– Ты знаешь, что я не могла так решить, Питер! Мы были тайно обручены и имели подробные планы на новую жизнь в Канаде. Только Бобби все разрушил своими угрозами. Я думала, что это *ты* изменил свое решение, а поскольку я знала, что не могу вернуться в Ирландию из-за Бобби, то мне нужно было двигаться дальше... одной.

– Значит, ты отправилась в Торонто, как мы договорились?

– Да. Я трижды откладывала поездку в надежде на то, что ты появишься в Лондоне. На четвертый раз я взошла на борт.

– И как там было? Я имею в виду Канаду.

– Ужасно, – призналась я. – Как мы договорились, я направилась в ирландский квартал в Торонто; тогда он назывался Кэббиджтаун, или «Капустный городок». Это были трущобы, и там не было никакой работы, разве что торговля своим телом. Девушка, с которой я там познакомилась, сказала мне, что в Новой Зеландии большой спрос на молодых работников и большой выбор разных работ, поэтому я наскребла последние деньги и отправилась туда вместе с ней.

Я посмотрела на письмо, которое по-прежнему держала в руках.

– Можно открыть его?

– Разумеется. В конце концов, оно было написано тебе.

Я снова посмотрела на письмо, потом на Питера.

– Пожалуй, я сохраню его на потом. Что там написано?

– То, о чем я тебе рассказал: что твой Бобби нанес мне визит и пригрозил сжечь дом моих родителей. Что я обратился в полицию, где рассказал о нем и его угрозах, и они обещали разобраться. Я надеялся, что они задержат его для допроса и обвинят в хулиганстве, но я даже не знал, где он живет.

– Если я правильно помню, тогда он слонялся по заброшенным квартирам вместе со своими «товарищами».

– Вот именно. Поэтому я написал тебе, что вынужден подождать с поездкой в Лондон, но буду писать так часто, как смогу. – Питер грустно покачал головой. – Не правда ли, кажется нелепостью, что в нашу эпоху мои родители даже не провели в свой дом телефон просто потому, что они не могли себе этого позволить? Я находился в такой панике, что даже не сообщил тебе своего адреса. Но я сказал, что напишу адрес на конверте, и сделал это. – Он указал на пачку писем.

– Планы мышей и людей... [\[51\]](#) – тихо сказала я.

– Я сделал все возможное, чтобы найти тебя, Мерри. Я посетил Амброза, и он сказал, что получил от тебя записку на греческом языке с сообщением о твоём отъезде. Ему было известно не больше, чем мне.

– Господи, Питер, – выдохнула я. – Не знаю, что и сказать. Но если бы ты знал, где я нахожусь, как бы мы поступили? Ты не мог просто уехать и подвергнуть риску жизнь своих родителей. В том-то и дело, что Бобби угрожал убить всех, кого я любила. И я вери ла ему.

– Да. Но, по крайней мере, когда ситуация начала накаляться, мама больше не захотела оставаться в Ирландии. В Белфасте постоянно гремели взрывы, и даже Дублин находился под угрозой.

Они были уязвимой целью из-за своего «смешанного» брака, поэтому она убедила моего отца переехать в Англию. Я поехал вместе с ними в Мейденхэд, где у мамы были родственники, и смог найти работу в юридической конторе, где продолжил возиться с корпоративными договорами. Разумеется, я отправился в Лондон и побывал в Кромвель-Гарденс, но там ничего не слышали ни о тебе, ни о Бриджет. Клянусь, я чуть не сошел с ума от беспокойства. – Питер скорчил очередную «грин-масу». – А через несколько недель я услышал, что какой-то безумец по имени Бобби Нойро сжег старый дом моих родителей и что его за это посадили в тюрьму.

– Когда его сестра Элен несколько дней назад рассказала мне о том, что Бобби посадили в тюрьму за поджог протестантского дома, мне пришло на ум, что этот дом мог принадлежать твоим родителям.

– По крайней мере, никто не пострадал. – Питер вздохнул. – Он был настоящим безумцем, правда? Он и его приятели из ИРА.

– Да, он был безумцем, но у него не было друзей из ИРА. – Я вздохнула, вдруг почувствовав себя совершенно опустошенной. – Что за дурацкая путаница! Одно глупое слово, кто-то ослышался, и вот мы тридцать семь лет спустя начинаем указывать друг на друга... В общем, получилось так, что я навоображала много разных проблем, которых на самом деле не было.

– Как и я. Но я хотя бы знал, что моя семья в безопасности, когда Бобби Нойро упрятали за решетку, а ты нет. Я никогда не забывал тебя, Мерри... Через год после поджога кто-то из моей юридической фирмы посоветовал мне найти частного сыщика. Я нанял целую роту, чтобы они искали тебя в Лондоне и в Канаде. Честно говоря, я предполагал худшее. Никто не смог найти тебя, Мерри, ты пропала бесследно.

– Прости меня, Питер, но именно так и было нужно. Ради безопасности всех, кого я любила. Я лишь несколько дней назад узнала, что Бобби давно сидит под замком. Может быть, если бы я знала раньше, то вернулась бы. Но кто знает?

Повисла пауза, мы оба сидели, заблудившись в мыслях о прошлом и о том, что могло бы случиться.

– По крайней мере, похоже, что ты была счастлива, Мерри. Ты была счастлива?

– Думаю, да. Я вышла замуж за прекрасного мужчину по имени Джок. Он был заметно старше меня, и, если откровенно, я думаю, что

мое первоначальное влечение к нему отчасти было вызвано тем, что с ним я чувствовала себя надежно защищенной. Но с годами я искренне полюбила его, и, когда он умер несколько месяцев назад, я была безутешна. Мы прожили вместе тридцать пять лет.

– Гораздо больше, чем когда-либо удавалось мне. – Питер иронично улыбнулся. – Но я рад, действительно рад, что ты нашла человека, который заботился о тебе.

– А я заботилась о нем. Когда появились дети, я была довольна. Да, была, – повторила я, главным образом для себя. – Но теперь я понимаю, что все это время многое утаивала от него в эмоциональном смысле... и это было из-за тебя. От своих детей я узнала, что первая любовь бывает ошеломительной, неодолимой страстью, если угодно, но такая любовь часто приходит к своему естественному завершению. С нашей любовью было не так, даже, скорее, наоборот. Всегда оставался сценарий «а что, если...». А поскольку наша любовь была запретной в тогдашней Ирландии, ты – протестант, я – католичка, уже не говоря о Бобби... В общем, это придавало нашим отношениям ощущение эпической драмы, не так ли?

– Ты права, и это ощущение сопровождало меня всю жизнь, – согласился он. – Признаюсь, я не мог нормально спать после того, как получил твое письмо, и не мог нормально сосредоточиться на чем-либо. Я едва смог заговорить, когда ты позвонила мне и я услышал звук твоего голоса, поэтому извини, если тебе показалось, что я говорю официальным тоном. Когда я увидел тебя здесь, во плоти, разглядывавшую эту люстру, то всерьез усомнился, что это происходит наяву.

– Ох, а я нервничала, как безумная! Но, если подумать, мы были вместе лишь полгода, и то тайком. Ты никогда не встречался с моими родителями, а я не знала твоих.

– Если помнишь, я собирался познакомить тебя с моими родителями, которые совсем не стали бы возражать против наших разных вероисповеданий, поскольку сами были смешанной парой. Последние тридцать семь лет я мысленно пинал себя за то, что в тот вечер не провел больше времени с тобой. Мне следовало дать тебе номер моей юридической конторы, но мы не подумали об этом, верно?

– Не подумали. – Я вздохнула. – Я находилась в полном шоке, так что, наверное, назвала тебе неверный адрес. В Лондоне я несколько раз

заходила в телефонную будку и снимала трубку, чтобы позвонить Амброзу и спросить его о тебе. Но потом я вспоминала, что Бобби угрожал и Амброзу, и чувствовала, что не могу подвергать его ненужному риску. Если бы он знал, где я нахожусь, то, уверена, Бобби выбил бы из него эти сведения, поэтому я решила, что лучше вообще не связываться с ним и тогда ему будет нечего рассказывать. Смысл в том... Я не допускала возможности, что ты можешь не приехать, вот и все. – Я пожала плечами.

Питер отхлебнул виски и посмотрел на меня.

– Иногда я гадал... сколько бы продолжались наши отношения?

– Этого мы никогда не узнаем, Питер.

– Увы, да. Значит, твое желание встретиться со мной сегодня было связано с необходимостью «закрыть тему», как теперь говорят?

– Да. Я уехала из Новой Зеландии с целью найти тебя и Бобби, если это будет возможно. Пришло время, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Я понимаю. Ты действительно потеряла всех своих любимых людей после отъезда?

– Да, но не забывай, что я была знакома с Бобби с самого детства и он со своей одержимостью ирландской революцией *и мною* всегда пугал меня. Как выяснилось, мы были кузенами, а наши бабушки были сестрами. Но они, как и многие другие семьи, отстранились друг от друга во время гражданской войны 1922 года. Оказывается, в его семье существовало генетическое психическое расстройство. Мне всегда говорили о безумном отце Бобби, а потом я встретила с его младшей сестрой Элен, которая рассказала мне, что их дед Колин окончил свои дни в сумасшедшем доме. Элен решила, что не хочет иметь детей, чтобы не передавать следующему поколению гены Бобби и его предков. Все разговоры насчет его членства в ИРА оказались пустой болтовней, не более чем его шизофреническими измышлениями. Все это очень, очень грустно.

– Психоз или не психоз, но это не делало его менее опасным. Он был чрезвычайно агрессивным человеком. В сущности, я даже посетил его в Сент-Финтане несколько лет назад.

– В самом деле? О господи, Питер. Это был смелый поступок с твоей стороны.

– Ну, он был прикован к железной перекладине стола, а меня сопровождали два дюжих охранника. Полагаю, я тоже хотел отправить прошлое на покой, ведь он терроризировал меня, а затем попытался убить моих родителей. Но когда я вышел оттуда, мне стало жаль его. Помню, как я подумал, что лучше бы он умер, чем продолжал жить в этом аду на земле. Он был так накачан медикаментами, что вряд ли помнил, как его зовут. Так или иначе, что сделано, то сделано. Прелесть жизни в будущем, а не в прошлом, верно? Кстати, сколько ты собираешься пробыть в Белфасте?

– Пока я здесь, с тобой. Потом я вернусь на поезде в Дублин и проведу немного времени с Амброзом. А после этого вернусь в Западный Корк, чтобы пообщаться со старыми и новыми родственниками.

– Это будет славно, уже давно пора.

– У нас с самого начала была большая семья, но теперь все обзавелись собственными семьями, так что понадобится неделя-другая, чтобы повидаться со всеми, – улыбнулась я.

– А потом? – спросил он.

– Не знаю, Питер. Честно говоря, я почти не заглядывала дальше нашей сегодняшней встречи. Полагаю, в итоге я вернусь в Новую Зеландию.

– В таком случае... – Питер посмотрел на часы, потом на меня, – ...могу ли я пригласить тебя на ланч? Я бы с радостью побольше узнал о твоей жизни и об этом путешествии, которое ты совершила за последние несколько недель.

– Хорошо. – Я улыбнулась. – Почему бы и нет?

В пути: из Женевы в Ниццу

Частный самолет совершил мягкую посадку в аэропорту Ниццы, пассажиры глядели в окна с трепетом или с радостным предвкушением.

– Мы приземлились, – сказала Майя Валентине, пристегнутой к сиденью напротив нее. Девочка широко распахнула глаза, вцепившись

в подлокотники кресла. – Как тебе перелет? – добавила она по-португальски.

– Я предпочитаю самолет побольше, но и это хорошо, – вежливо ответила Валентина.

Алли сидела напротив Флориано, а Бэр лежал у нее на коленях в перевязи для детской страховки. Она гордилась тем, что он ни разу не заплакал.

– Главное – покормить его из бутылочки на взлете и в начале посадки, так как сосание облегчает давление воздуха на барабанные перепонки, – посоветовала ей Ма перед отлетом, и это сработало. Когда самолет остановился, Алли невольно вздрогнула. Лишь короткий переезд отделял их от «Титана», стоявшего на якоре в порту и готового к приему последних гостей.

На борту их будут ждать Стар, Мышь, его сын Рори, Мэри-Кэт и Джек.

У Алли снова подвело живот, и она поморщилась, представив выражение его лица, когда он увидит ее и Бэра. *Еще одна ложь...*

– В конце концов, какая разница, что он подумает, – прошептала она Бэру, расстегнула обвязку и усадила его в наплечную сумку-переноску.

Двери открылись, и дружелюбные сотрудники аэропорта поприветствовали их в Ницце. Флориано и Чарли, прибывший в Атлантис вчера вечером вместе с Тигги, стали собирать багаж.

Ма осторожно спустилась по трапу в сопровождении Сиси и Крисси.

– Я чем-то могу помочь, Алли? – поинтересовался Чарли.

– Можешь взять эту сумку с подгузниками?

– Конечно, – кивнул он.

Тот факт, что этот человек принимал у нее роды всего лишь несколько месяцев назад, помогал Алли чувствовать себя спокойно в его присутствии.

– Алли, ты в порядке? – спросила Тигги, когда Чарли спустился по трапу и они остались одни в салоне.

– Да, а что?

– Пожалуйста, не беспокойся. – Она указала на Бэра. – Обещаю, что Джек не будет возражать против этого. Итак, вы спускаетесь первыми.

Алли окунулась в тепло, яркие цвета и ароматы Лазурного Берега, и Тигги последовала за ней. После короткой остановки на паспортном контроле их багаж был уложен в два лимузина, и они выкатились из частного терминала на шоссе, ведущее к Ницце.

– Где Электра? – Алли повернулась к Майе. – Я уверена, она сказала, что встретит нас здесь, а не на яхте.

– Я только что получила сообщение, где сказано, что ее самолет приземлился рано, поэтому она, вернее они, потому что Майлз находится вместе с ней, сразу отправились в порт.

– Стало быть, она привезла своего избранника? – сказала Ма. – Как замечательно!

– Да, – согласилась Майя. Она положила руку на плечо Валентины и улыбнулась Флориано, сидевшему напротив.

Через сорок минут поездки через пробки они прибыли в порт Ниццы. Алли ощущала пульсацию крови, охваченная противоречивыми чувствами. В детстве, а потом и в юности ежегодные летние вояжи на «Титане» вместе с сестрами и отцом были тем временем, которое она ожидала с наибольшим нетерпением. Теперь ее любимый Тео ушел, так и не дожив до этого дня. Но сейчас человек, который каким-то образом тоже приобрел для нее значение, ожидал ее прибытия.

Она передернула плечами и повернулась к Ма:

– Георг тоже будет там?

– Надеюсь, что да, – ответила Ма. – Его секретарша подтвердила, что она встретит нас на борту.

– Пожалуйста, Алли, перестань нервничать. – Майя положила руку на плечо сестры, заметив ее напряженность. – Все, кто надо, будут там.

– Уверена, что ты права, Майя. Просто все кажется немного странным, правда? – Она вздохнула.

– Все кажется другим, и это грустно, поскольку в это время мы обычно приезжали к Па Солту, где бы мы ни находились. Но теперь мы постараемся отдать дань памяти ему и многим прекрасным событиям, которые произошли с нами в прошлом году.

– Разумеется, – ответила Алли, испытывая слабое раздражение от покровительственного отношения старшей сестры. Впрочем, это было

не справедливо, и Майя всегда тепло относилась к ней. – Где мы встретимся?

– На борту, – сказала Майя. – Все уже устроено, как всегда.

Их лимузины подъехали к причалу, у подножия которого покачивались два катера, которые должны были доставить их на «Титан». В это время года гавань была заполнена яхтами, а множество более крупных судов стояло на якоре в бухте.

Когда Алли вышла из лимузина, волна жары ударила ей в лицо, и она надвинула крошечную панамку Бэра ему на глаза.

– Добро пожаловать на борт «Титана». – Капитан Ханс, который управлял яхтой с тех пор, как Алли себя помнила, поприветствовал их, пока двое матросов в белой униформе грузили багаж. Всем предложили влажные полотенца и повели по причалу к пришвартованным катерам.

– Можно взять вас под руку, Ма? – Чарли подошел сзади, когда Ма начала спускаться по лестнице.

– Спасибо. Мне следовало бы оставить дома туфли-лодочки и надеть парусиновые туфли, правда? – ответила она, как делала каждый год.

Когда все разместились на катерах, включились двигатели, и началась короткая поездка на «Титан».

– Ух ты! – воскликнула Крисси, когда катера набрали скорость и вышли на глиссаду. – Вот это поездка, я понимаю!

– Передай мне бинокль, Алли, – попросила Сиси.

– «Титан» вон там, – сказала Алли, протягивая бинокль.

Сиси навела резкость и передала бинокль Крисси.

– О господи! Ты что, шутишь? Это же не яхта, а круизный лайнер!

– Да, он довольно большой, – согласилась Сиси, когда они приблизились к яхте.

– Вот такие штуки мой отец называл «плавучими пьяными лавками», – сказал Чарли, обращаясь к Тигги.

– Не знаю, комплимент это или оскорбление, но на борту есть джин и тоник, – улыбнулась Тигги.

– До приезда в Атлантис я вряд ли понимал, насколько богатым на самом деле был твой отец.

– Это правда, – согласился Тигги.

– Знаешь, что делает меня по-настоящему счастливым?

– Что?

– То, что моя дорогая бывшая жена, наверное, отдала бы все свое состояние, лишь бы ее пригласили в круиз по Средиземноморью на такой яхте. Оказывается, «наемная прислуга», как она тебя называла, имеет полное право распоряжаться этой яхтой благодаря своему отцу. – Он усмехнулся. – Нам нужно сделать массу фотографий и оставить их на столе, когда Ульрика в следующий раз приедет за Зарой, просто чтобы она обзавидовалась.

Тигги посмотрела на «Титан», когда они приблизились к борту яхты, и признала, что это величественное зрелище. Семидесятиметровая супер-яхта, сошедшая со стапелей Бенетти, имела четыре палубы и радиобашню, вонзавшуюся в безоблачное синее небо.

Матрос помог Ма первой подняться на борт, а за ней последовали остальные пассажиры. Взволнованные лица повернулись к ним с кормовой палубы.

– Привет, ребята! Мы со Стар решили не дожидаться вас и немного поплавать, но вы догнали нас!

Электра в джинсовых шортах и футболке выглядела такой же неотразимой красавицей, как и всегда.

– Мне нравится твоя короткая стрижка, – сказала Майя, обнимая ее.

– Да, это мой новый имидж. А теперь познакомьтесь с Майлзом.

– Ты здесь! – произнесла Стар, когда Сиси и Крисси поднялись на палубу. – Так славно видеть вас обеих. Привет, Тигги, а это?..

– Меня зовут Чарли. – Чарли пожал руку Стар. – Рад познакомиться с вами, Стар.

– И я тоже, Чарли, – улыбнулась Стар. – Это Мышь, моя вторая половинка. А теперь налейте себе шампанского и устраивайтесь поудобнее, – продолжала Стар. – Первый помощник минут двадцать назад увел Рори, сына Мыши, осмотреть капитанский мостик, и с тех пор мы не видели его.

Верхняя прогулочная палуба с ее удобной мягкой мебелью, обтянутой парусиновой тканью, внезапно заполнилась людьми. Краешком глаза Алли заметила Джека и молодую блондинку, стоявшую немного в стороне от сестер с их избранниками.

– Ну ладно, Бэр, – прошептала Алли младенцу, ворочавшемуся в переноске. – Пойдем.

– Привет, Джек, как дела? – спросила она, когда подошла к гостям.

– Отлично. Это моя сестра Мэри-Кэт, и... – Джек удивленно посмотрел на Бэра. – Кто этот малыш?

– Мой сын Бэр. Ему около полугода.

– Здравствуйте, Алли, – сказала Мэри-Кэт. – Приятно познакомиться с вами. Джек много рассказывал о вас. Ох, – добавила она, когда Бэр заворочался в переноске. – Он такой милый, правда, Джек?

– Да, очень милый.

– Ему жарко, и он устал в этой переноске, – сказала Алли. – Вы не могли бы немного подержать его, Мэри-Кэт?

– Я подержу. – Джек протянул свои сильные руки и легко вынул Бэра из сумки. – Ну, малыш, так же лучше, правда? – сказал он и вопросительно посмотрел на сестру.

– Джек очень хорошо ладит с детьми, правда, Джек? – сказала Мэри-Кэт. – Когда ему было восемнадцать, он устроился на лето воспитателем в яслях.

– Да, за мной водится такой грешок, – сказал Джек. – И я ощущаю знакомый запах от этого малыша. Судя по моему опыту, такое бывает при полном подгузнике. Вот, иди к маме, – добавил он и передал ребенка Алли.

– Спасибо. Я отнесу его вниз и переодену. Майя! – окликнула Алли через палубу. – Познакомься с Джеком и Мэри-Кэт.

Когда ее сестра подхватила нить беседы, Алли вошла в главный салон, где к пробковой доске в металлической оправе был пришпилен план помещений с именами.

«Третья палуба, четвертый номер», – прочитала Алли и спустилась по трапу. После переодевания и быстрого кормления она едва вышла из каюты, как увидела Георга, который шел к ней по узкому коридору. Он разговаривал по мобильному и выглядел взволнованным. Заметив ее, он произнес что-то по-немецки и завершил звонок.

– Алли! Как поживаете?

– Спасибо, Георг, у меня все хорошо. А у вас?

– Э-э-э... нормально. Приношу глубокие извинения за мое отсутствие в прошлые недели. У меня были... важные дела.

Глядя на него, Алли подумала, что он внезапно постарел. Его кожа была сероватой, а черты лица заострились, что намекало на потерю веса.

– Рада, что вы здесь, Георг. Прошу прощения, но у вас измученный вид. Надеюсь, вы скоро избавитесь от этого костюма и сможете отдохнуть.

Они с Бэром уже были готовы подняться и присоединиться к остальным, но Георг мягко положил руку ей на плечо.

– Алли, можно побеседовать с вами наедине? – Георг указал на дверь, ведущую в так называемый Зимний Салон – уютную гостиную, которой пользовались в плохую погоду.

– Разумеется.

Георг открыл дверь, и они устроились на одном из диванов, стоявших по обе стороны от низкого столика для напитков; из иллюминаторов открывались чудесные виды на сверкающее Средиземное море.

– В чем дело, Георг?

– На верхней палубе я познакомился с Джеком и Мэри-Кэт, но до меня дошли сведения, что Мэри-Кэт – это не Мэри Макдугал, которой вы ее считали.

– Да. Она приемная дочь женщины, которую тоже зовут Мэри Макдугал, хотя чаще ее называют Мерри.

– Вот тебе и на, – раздосадованно произнес Георг. – Мы не предвидели... я не предвидел такого обстоятельства. Я слышал лишь, что Мэри нашлась и согласилась принять участие в нашем круизе.

– Да, но за последние несколько дней Мэри-Кэт установила контакт со своей биологической матерью, и одновременно выяснилось, что ее приемная мать Мерри сама была приемным ребенком, фактически найде нышем.

– Давайте разберемся. – Георг достал миниатюрный блокнот в кожаном переплете и чернильную ручку из внутреннего кармана своего пиджака. – Сколько лет ее дочери, Мэри-Кэт?

– Двадцать два года.

– Где она родилась?

– В Новой Зеландии.

– И она недавно обнаружила своих биологических родителей? Которые тоже из Новой Зеландии?

– Полагаю, что да.

– А ее мать, Мерри... сколько ей лет?

– В этом году исполнится пятьдесят девять.

– И она недавно узнала, что была приемным ребенком?

– Да. Мерри недавно обнаружила, что ее приняли в семью на замену умершему младенцу и вырастили как родную дочь.

– На юго-западе Ирландии?

– Да. Мы пытались связаться с вами, Георг, поскольку нам нужна была более подробная информация о Мэри Макдугал, но мы так и не смогли дозвониться до вас. Потом, когда Майя гуляла в саду Па Солта, она случайно заметила набор координат, добавленный на кольце Меропы на армиллярной сфере. Я ввела эти координаты в Google Earth, и они указывали на большой старинный дом очень близко к тому месту в Западном Корке, где Мерри положили под дверь местного священника.

– Я... – Георг в ужасе уставился на Алли. – Вы хотите сказать, что совсем недавно обнаружили эти координаты?

– Да. Когда я приезжала домой, я иногда выходила в сад, садилась на скамью под розовой беседкой и смотрела на армиллярную сферу, но не разглядывала ее пристально.

– *Mein Gott!* – Георг хлопнул ладонью по столу. – Алли, эти координаты были нанесены еще несколько месяцев назад. Я лично распорядился выгравировать их через несколько недель после того, как мы впервые увидели армиллярную сферу. Меня изумляет, что никто из вас не заметил их. А когда я приехал повидаться с вами... если помните, мне позвонили, и я был вынужден немедленно уехать.

– Но с какой стати мы должны были увидеть координаты, Георг? Майя уехала в Бразилию, а все остальные возвращались домой лишь ненадолго и время от времени. Если мы и смотрели на армиллярную сферу, то читали надписи на своих кольцах.

– Значит, это я виноват, – сказал он. – Я предполагал, что вы видели координаты, но, если быть абсолютно честным, мой ум тогда был занят другими вопросами. Так почему эта Мерри не приехала вместе со своими детьми?

– Джек сказал мне, что она не захотела приезжать. – Алли пожала плечами. – Точно не знаю почему. Георг?

– Да, Алли? – Георг встал и начал расхаживать по комнате.

– Значит Мерри, мать Мэри-Кэт, и есть потерянная сестра?

– Насколько мне известно, да, но после всех наших усилий она так и не приехала! И кольца нет. Это я виноват, Алли, – повторил он. – В последние недели я... отвлекся на другие дела, но тем не менее я должен был рассказать вам, сколько ей лет, и убедиться, что вы нашли координаты на армиллярной сфере. Но я не ожидал, что там окажутся две Мэри Макдуглас. Я... ох!

Алли смотрела на человека, который всегда выглядел спокойным и невозмутимым и никогда не выказывал бурных эмоций. Но сейчас она видела, что он совершенно вне себя от чувств.

– Вам известно, кто был владельцем того старого дома в Западном Корке? – осторожно спросила она. Георг повернулся, посмотрел на нее и кивнул.

– Да, известно.

– Тогда почему вы не сказали нам?

– Потому что... Алли, как всегда, я лишь выполнял указания... – Георг опустил голову напротив нее и вытер вспотевший лоб белым носовым платком. – Передача этой информации с самого начала могла расстроить определенных... членов семьи. Я посчитал, что будет лучше, если вы или Мэри Макдугал самостоятельно установите это.

– Это потому, что сын Майи – ребенок Зеда Эсзу? И потому, что он преследовал Тигги и Электру?

– Именно так. Тем не менее я допустил ошибку, Алли, и должен немедленно исправить ситуацию.

– Почему? То есть... – У Алли закружилась голова. – Каким образом?

– Где сейчас Мерри?

– По словам Джека, она осталась в Ирландии, чтобы провести некоторое время с членами своей семьи.

– Значит, она по-прежнему в Западном Корке?

– Нет. Я вполне уверена, что она вернулась в Дублин вместе с Джеком и Мэри-Кэт, но мы можем спросить их. В Дублине живет ее крестный отец, Амброз.

– Хорошо. Тогда я должен разобраться в этом, пока еще не поздно. Прошу прощения, Алли. – Георг встал и быстро вышел из салона.

Мерри Белфаст, Северная Ирландия

– Еще вина? – осведомился Питер. – Или, может быть, ирландского кофе напоследок? Готов поспорить, ты уже давно его не пробовала.

– Да, но несколько дней назад я угостила им себя и детей в Западном Корке. Что касается вина, то, увы, нет; я уже выпила больше, чем следовало, особенно за ланчем. Иначе я просплю до самого вечера.

– Но ведь не каждый день встречаешься с утраченной любовью после тридцатисемилетней разлуки, а?

– Да уж, – улыбнулась я.

– Было замечательно снова увидеть тебя, Мерри, хотя я страшился этого.

– В этом ты не одинок, но да, это было замечательно. А теперь мне действительно пора идти, Питер. Уже половина четвертого, а я еще должна вернуться в Дублин.

– Ты не можешь остаться еще на один день?

– Нет, я пообещала Амброзу, что вернусь. А поскольку он боится, что я опять бесследно исчезну, я *должна* вернуться. Я даже не собиралась задерживаться так надолго.

– Он знает, где ты была?

– Само собой. Я обратилась к нему с просьбой найти тебя, после того как не смогла найти никаких записей о тебе в архивах Англии, Ирландии или Канады. Он предложил связаться со своим старым студентом, который работает в архивном отделе Тринити-колледжа, и посмотреть, сохранилась ли твоя подписка на «Тринити тудей» – журнал для выпускников университета. Тот просмотрел реестр подписчиков и нашел твой адрес в Белфасте!

– Честь и хвала Амброзу за превосходные сыскные навыки, – сказал Питер и жестом попросил официанта принести счет. – Очень жаль, что ты не можешь остаться подольше; я с удовольствием показал

бы тебе новый город. Все, что ты помнишь по телепередачам семидесятых и восьмидесятых годов, изменилось. Город начинает процветать, и, когда строительство «Квартала Титаник» завершится, Белфаст станет настоящей туристической достопримечательностью.

– Я очень рада, что старые раны начинают заживать, – ответила я, достала бумажник и протянула Питеру свою кредитную карточку. – Поделим счет пополам?

– Не глупи, Мерри. Я очень-очень долго дожидался возможности пригласить тебя на ланч, а кроме того, сегодня утром в отеле ты заплатила за виски, кофе и круассаны.

Я согласилась. Через десять минут мы вышли из ресторана и прогулялись мимо громадного собора Святой Анны.

– Весьма впечатляюще, – заметила я. – А что это за длинная стальная труба наверху?

– Она была установлена лишь в прошлом году и называется Шпилем Надежды. Она освещается по ночам, и, по правде говоря, я люблю ее и то, что она символизирует. Мерри?

– Да?

– Я... То есть, разумеется, это твое дело, но я был бы очень рад еще раз встретиться с тобой до твоего возвращения в Новую Зеландию. Наша сегодняшняя встреча была просто фантастической. Так хорошо было смеяться вместе, как раньше.

– Да. Как я сказала, у меня пока нет четко определенных планов, и я до сих пор переживаю утрату Джока, так что...

– Я понимаю, – сказал он, когда мы вошли в отель. – Но на этот раз мы достанем мобильные телефоны, обменяемся номерами, адресами и электронной почтой, а потом дважды проверим, что все записали правильно, договорились?

– Договорились. – Я улыбалась, идя к столу носильщика, и протягивала ему багажную бирку.

– Вам понадобится такси, мэм? – спросил носильщик.

– Да, пожалуйста.

Мы с Питером последовали за носильщиком на крыльцо отеля, и он свистом подозвал такси.

– Ненавижу прощаться, особенно потому, что мы недавно поздоровались. Пожалуйста, Мерри, подумай насчет возвращения

сюда, или же я могу приехать к тебе в Дублин. Фактически в любое время и куда угодно.

– Хорошо, я обещаю.

Питер поцеловал мне руку, а потом нежно обнял меня.

– Пожалуйста, береги себя, ладно? – прошептал он мне на ухо. – И больше не смей пропадать!

– Не пропаду. До свидания, Питер, и спасибо за ланч.

Я села в такси и помахала ему, когда мы отъезжали от гостиницы.

* * *

Из-за накопившегося напряжения, переживаний, встречи с Питером после стольких лет и вина, выпитого за ланчем, я проспала большую часть обратного пути в Дублин и проснулась лишь после того, как мужчина на соседнем сиденье потряс меня за плечо, чтобы я дала ему выйти.

В такси до Меррион-Сквер я чувствовала себя пьяной и едва могла поверить в то, что недавно встретила с Питером.

Оказавшись в квартире Амброза, я оставила саквояж на полу и прошла в гостиную, где он восседал в своем обычном кресле.

– Ну, вот я и вернулась, Амброз. – Я улыбнулась. – Как видишь, в целости и сохранности.

– Значит, все прошло хорошо.

– О да! Я так жутко нервничала, что буквально упала в обморок ему на руки, и...

Внезапно до меня дошло, что мы не одни в комнате. Я повернулась и увидела незнакомого мужчину, сидевшего на краешке дивана. Когда мой взгляд остановился на нем, незнакомец встал. Он был очень высоким, одетым в безупречный костюм с галстуком, лет шестидесяти с небольшим.

– Прошу прощения, сэр, я не заметила вас, когда вошла. Меня зовут Мерри Макдугал, а вас? – спросила я и протянула руку.

Долго, очень долго мужчина не отвечал, а только стоял и смотрел на меня, словно загипнотизированный. Его серые глаза влажно поблескивали, как будто в них стояли слезы. Моя рука по-прежнему была протянута к нему, но, поскольку он не шевельнулся в ответ, я

опустила ее. В конце концов он вздрогнул и вышел из своего гипнотического состояния.

– Ради бога, извините, миссис Макдугал. Вы имеете разительное сходство... с одним человеком. Меня зовут Георг Гофман, и я очень рад познакомиться с вами.

Мужчина превосходно говорил по-английски, но с выраженным акцентом, который я определила как немецкий.

– И... кто вы?

– Пожалуйста, не присядете ли? – Георг указал на диван. Я вопросительно посмотрела на Амброза.

– Садись, Мэри. Будешь виски? – обратился он ко мне.

– Боже мой, не надо. Сегодня я уже превысила свой лимит на алкогольные напитки.

Я осторожно села, как и Георг Гофман. У него с собой был узкий кожаный чемоданчик, похожий на тот, который Питер принес с собой сегодня утром. Он достал оттуда прозрачную папку и положил ее на колени. Я вздохнула, так как после долгого дня мне больше всего хотелось спокойно посидеть за чашкой чая с Амброзом, рассказать ему о встрече с Питером, а потом спуститься и лечь в постель.

– Вы пришли сюда из-за меня или же вы знакомы с Амброзом? – поинтересовалась я.

– Мэри, мистер Гофман является нотариусом покойного отца тех сестер, которые недавно пытались выследить тебя, – сказал Амброз.

– Пожалуйста, называйте меня Георг. Полагаю, в Дублине вы встретились с Тигги.

– Да, так и было. Но я встречалась и с другими сестрами, и с их... друзьями по всему миру. То есть это они пытались встретиться со мной.

– Правда, они старались. И сегодня я приехал сюда, поскольку осознал, что прежде всего должен был лично встретиться с вами, так как у меня есть больше... подробностей о вашем происхождении, чем у дочерей моего клиента. Но когда девочки, как я называю сестер, составили план поисков их потерянной сестры, я принял решение передать дело в их руки. Понимаете, они добились больших успехов в поиске своих биологических семей, а у меня были другие срочные дела. Позвольте мне извиниться за любые неудобства или беспокойство, которые мы причинили вам в ходе поисков.

– Спасибо. Эта ситуация действительно причинила мне некоторое беспокойство, особенно потому, что я отправилась в путешествие в попытке преодолеть горе после утраты мужа.

– Прости меня, дорогая Мэри, но это не совсем правда, верно?

Я посмотрела на Амброза, удивляясь тому, что он защищает сестер, которые, как ему было известно, нагнали на меня страху.

– Мистер Гофман, я имею в виду, что в то же время Мэри – надеюсь, вы извините меня за вмешательство в вашу беседу – находилась в поисках *собственного* прошлого, – продолжал Амброс. – По иронии судьбы, пока сестры пытались найти ее, она тоже искала одного человека. Человека, который пугал и терроризировал ее в молодости. К сожалению, эти две линии расследования перепутались друг с другом, понимаете?

– Не вполне, но в достаточной мере, чтобы знать, что миссис Макдугал не приветствовала усилия сестер.

– Пожалуйста, называйте меня Мерри. Да, я это не приветствовала, но вы так и не ответили на вопрос: почему вы здесь?

– Потому что... Прошу прощения, Мерри, если вам покажется, будто я говорю загадками. Буду откровенен, я даже не ожидал, что этот момент наступит. Я работал на отца девочек.

– Которого они называют Па Солтом, – вставила я.

– Да. Он и для меня был как отец с тех пор, как я познакомился с ним. Вся свою карьеру я работал на него в качестве личного юриста, и он часто говорил о существовании потерянной сестры, той, которую он так и не смог найти, как ни старался. Я присоединился к нему в этом поиске, когда стал постарше и набрался опыта. Время от времени он сообщал мне многообещающее указание на ее местонахождение, и я подключал к расследованию доверенную группу частных сыщиков. Увы, каждый раз расследование упиралось в тупик. Но в прошлом году мой работодатель наконец обнаружил новую информацию, которая, как он заверил меня, была совершенно точной. Мне оставалось сделать немного.

Он мгновение помедлил, потом потянулся к бокалу виски, стоявшему на столе. Осушил его одним глотком, поставил обратно и посмотрел на меня.

– Мерри, я мог бы сидеть здесь и рассказывать, какие усилия прилагали мои частные сыщики, чтобы выяснить, кем вы являетесь,

но...

Он покачал головой и поднес руку ко лбу, очевидно, смущенный таким сильным проявлением чувств.

– Еще раз прошу прощения...

Он пошарил в своей папке. Рассматривая и откладывая отдельные листы, он наконец вытащил один и повернул ко мне.

– Если бы я только знал, какой простой в итоге окажется загадка определения вашей личности, то я бы избавил вас от всех беспокойств, пережитых за последние несколько недель. В конце концов, не было нужды даже в кольце с изумрудами. – Мистер Гофман указал на кольцо у меня на пальце, а потом вручил мне лист бумаги.

– Посмотрите, – сказал он.

Я посмотрела, и, когда мой мозг обработал изображение, я выполнила клише под названием «повторная оценка», то есть посмотрела еще раз, с недоверием и недоумением.

На листе был *мой* портрет, выполненный угольным карандашом.

Я присмотрелась внимательнее. Возможно, мой подбородок был не много тяжелее, а брови светлее, чем на рисунке, но сомнений быть не могло.

– Это я, не так ли?

– Нет, это не вы, Мерри, – прошептал мистер Гофман. – Это ваша мать.

* * *

Я плохо помню, что говорила или делала следующие двадцать минут. Это лицо, которое одновременно было и моим, и не моим, пробудило во мне некую первобытную реакцию, к которой я была не готова. Мне захотелось погладить рисунок, потом захотелось порвать его в клочья. Я залпом выпила виски, от которого отказалась раньше, а потом расплакалась. Я пролила потоки слез из-за той неразберихи, в которую превратилась моя жизнь. Что бы я ни считала решенным, каждый раз передо мной возникала новая загадка вместе с набором эмоций, из-за которых я оказалась в объятиях Амброза на диване. Георг наблюдал за нами из кожаного кресла.

– Прости, прости, – повторяла я, роняя слезы на свой портрет, который был портретом моей матери.

В конце концов я перестала плакать, вытерла слезы платком Амброза и промокнула фотокопию лица той, которая привела меня в этот мир. Портрет расплылся от моих слез и стал почти неузнаваемым.

– Пожалуйста, не беспокойтесь: это лишь копия, – сказал Георг.

Когда мои чувства начали возвращаться к нормальному состоянию, я высвободилась из объятий Амброза и выпрямилась.

– Дорогая Мэри, ты не сможешь мне встать? – попросил Амброс. – Думаю, нам необходимо выпить чаю. Я пойду и приготовлю его.

– Право же, Амброс...

– Моя дорогая, я вполне способен заварить чай.

Некоторое время мы с Георгом сидели в молчании. Было много вопросов, на которые мне хотелось получить ответы, но я не знала, с чего на чать.

– Георг, – наконец выдавила я, в очередной раз высморкавшись в мокрый платок Амброза. – Не могли бы вы объяснить, почему, если вы знали год моего рождения, вы или сестры искали мою дочь, которой двадцать два года?

– Поскольку я не имел понятия, что вашу дочь тоже зовут Мэри. И не знал о том, что вы передали ей кольцо на двадцать первый день рождения. В течение последних двух недель, пока продолжались ваши поиски, я был вынужден... отвлечься на другие неотложные дела. Сестры не могли связаться со мной.

– Простите, Георг, но я многого не понимаю. Вы говорите, что это портрет моей матери?

– Да.

– Откуда вы знаете?

– Потому что этот рисунок много лет висел на стене в Атлантиде, в доме моего работодателя в Женеве. Он рассказал мне о ней.

– Она умерла? То есть она умерла при родах?

Я опять заметила его нерешительность. Что он знал, а чего не знал?

Когда Амброс принес чай, Георг встал и подошел к своему кожаному чемоданчику. Он достал оттуда пухлый коричневый конверт, потом опустился в кресло Амброза и положил конверт на колено.

– Вам с сахаром, Георг? – поинтересовался Амброз.

– Спасибо, я не пью чая. Мерри, эта посылка предназначена для вас. Полагаю, там есть ответы на все вопросы, на которые я не могу ответить. Но, прежде чем передать его вам, я очень прошу вас отправиться со мной и присоединиться к вашим детям и сестрам на «Титане». Так вы исполните давнюю мечту их отца, и я не могу уйти отсюда без этой просьбы. Частный самолет ожидает в дублинском аэропорту, готовый доставить нас на яхту.

– Я так устала, – вздохнула я. – Мне хочется лечь в постель.

Я повернулась к Амброзу с чашкой чая в руке, словно маленькая девочка, которая в пятьдесят девять лет по-прежнему обращалась к нему за советом.

– Знаю, знаю, моя дорогая, – отозвался Амброз. – Но какова цена ночного сна по сравнению с возможностью выяснить свое истинное происхождение?

– Все это кажется нереальным, Амброз.

– Это лишь потому, что до сих пор твой опыт знакомства с сестрами был очень фрагментарным. Плюс тот факт, что тебе так много пришлось пережить за последние дни... но даже твои дети находятся на яхте. Они плывут в Грецию, где ты никогда не бывала, но всегда хотела побывать. А судя по тому, что сказал Георг, там ты можешь найти ответы, которые так долго искала. Я сам, как человек, который впервые увидел тебя, когда тебе было несколько часов от роду, и потом наблюдал, как ты выросла в замечательную девушку со страстью к философии и мифологии, умоляю тебя поехать и узнать *собственную* историю. Что тебе терять, Мэри?

Я смотрела на него, размышляя о том, как долго он беседовал с Георгом до моего прибытия. Потом я подумала о своих детях, уже попавших в окружение этой странной, разрозненной семьи, находившейся где-то в море и плывущей в Грецию, в ту страну, которая всегда занимала особое, волшебное место в моем сознании...

Я потянулась к руке Амброза и глубоко вздохнула.

– Ну, хорошо, – сказала я. – Я поеду.

Через полтора часа я находилась в одном из частных самолетов, которые до сих пор видела только в фильмах или в журналах. Я сидела в кожаном кресле напротив Георга. Впереди, в кабине, я видела пилотов, которые готовились к вылету. Георг с кем-то говорил по-немецки, прижав к уху мобильный телефон. Мне бы хотелось понять, что он говорит, поскольку это казалось срочным.

Появился стюард, попросивший нас пристегнуться и выключить мобильные телефоны. Самолет вырулил на взлетную полосу, а потом за несколько секунд набрал скорость, и мы оказались в воздухе. Я глядела в иллюминатор, гадая о том, в какое безумие я ввязалась на этот раз. Я опять покидала страну, где родилась и выросла. Огни Дублина промелькнули внизу, а потом вдруг наступила темнота и мы оказались над Ирландским морем. Я закрыла глаза и сосредоточилась на мысли о том, что лечу к *своей семье*, к Джеку и Мэри-Кэт.

Наверху раздался звонок, и стюард сказал, что мы можем расстегнуть привязные ремни.

Георг снова полез в свой кожаный чемоданчик и вручил мне коричневый конверт.

– Это принадлежит вам, Мерри. Надеюсь, внутри вы найдете ответы на вопросы, которые задавали мне. А пока что я оставляю вас немного отдохнуть.

Когда он передавал мне конверт, я снова заметила слезы в его глазах. Потом он подозвал стюарда.

– Миссис Макдугал нужны сон и уединение. Я пересяду вперед.

– Разумеется, сэр.

– Спокойной ночи, Мэри. – Георг кивнул. – Увидимся после посадки.

Стюард проворно выдвинул панели с обеих сторон салона, отделявшие переднюю часть от задней. Потом он передал мне одеяло с подушкой и показал, как раскладывать кресло в кровать.

– Сколько времени продолжится полет? – спросила я, когда он поставил стакан воды в держатель рядом со мной.

– Немногим более трех часов, мэм. Вам нужно что-то еще?

– Спасибо, все хорошо.

– Пожалуйста, нажмите кнопку звонка сбоку от сиденья, если вам что-нибудь понадобится. Спокойной ночи, мэм.

Раздвижная дверь закрылась за ним, и я осталась в полном одиночестве. Я испытала момент чистой паники, поскольку летела бог знает куда и держала на коленях коричневый конверт, очевидно, раскрывавший тайну моего происхождения.

– Амброз доверился Георгу, и ты тоже должна довериться, – прошептала я.

И вот теперь я находилась в подвешенном состоянии между землей и небом. Греческие боги избрали гору Олимп – высочайшую гору в Греции – своим домом, вероятно, стремясь к такому же ощущению. Я глядела в иллюминатор на звезды, которые здесь были гораздо ярче и сияли, как астральные факелы.

Я обратила внимание на пакет, лежавший у меня на коленях, и сунула палец под сургучную печать, чтобы открыть большой конверт. Пошарив внутри, я достала толстую и немного потертую книжку в кожаной обложке, а также конверт из кремовой веленовой бумаги. Положив книжку на маленький столик впереди, я посмотрела на конверт и прочитала три слова, выписанные каллиграфическим почерком:

Для моей дочери

Я открыла конверт.

Моя дорогая дочь!

Я очень хотел бы обратиться к тебе по имени, но, увы, я не знаю его. Как и не имею представления, в какой части света ты проживаешь. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь найти тебя, хотя это странная мысль, если ты читаешь это письмо, ибо это значит, что ты жива, а я ушел из этого мира. И мы с тобой встретимся уже не в этой, а в следующей жизни, во что я верю всей душой и сердцем.

Я не могу выразить или объяснить любовь, которую испытывал к тебе, поскольку знал о твоём скором рождении. Я также не могу рассказать тебе в этом письме, какие меры я предпринимал для поисков тебя и твоей матери, ведь вы были так жестоко отняты у меня перед твоим рождением. Ты вполне можешь считать, что твой отец бросил тебя, но это далеко от истины. По сей день – а я пишу тебе, как писал другим моим шести дочерям, потому что близок к

смерти, – я не знаю, куда отправилась твоя мать, жива она или умерла после твоего рождения.

Откуда я знаю, что ты родилась на свет, – это другая история, которую можно объяснить на большем количестве страниц, чем я в состоянии написать сейчас.

Однако много лет назад я написал об этом в дневнике, который поручил передать тебе Георгу Гофману, моему нотариусу. Это история моей жизни, которая, говоря вкратце, была богата разными событиями. Возможно, ты установишь контакт с моими приемными дочерьми, и тогда я прошу, когда ты прочитаешь это, поделиться с ними моей историей, поскольку это часть и их истории.

Прочитай это, моя дорогая девочка, и знай, что не было ни одного дня, когда бы я не думал о тебе и твоей матери и не молился за вас обеих. Она была любовью моей жизни... она была всем для меня. И если она перешла в следующую жизнь, как некий глубокий инстинкт подсказывает мне, то знай, что мы воссоединились и с любовью наблюдаем за тобой.

Твой отец,

Атлас

Авторское примечание

Я всегда знала о том, что перенесу основное действие «Потерянной сестры» главным образом на мою родную землю Западного Корка в Ирландии. С учетом пандемии коронавируса все произошло так, как будто было predetermined заранее: до Рождества 2019 года я уже тайно посетила Отаго в Новой Зеландии и остров Норфолк. Потом, несколько недель спустя, я застряла в Западном Корке с исследованием, которое нуждалось в срочном завершении. Я полагала, что довольно много знаю о бурном прошлом столетии в истории Ирландии, но когда я, как обычно в таких случаях, приступила к углубленному изучению темы, то поняла, что лишь скользила по поверхности. Я также обратила внимание, что скудные личные воспоминания непосредственных участников ирландской войны за независимость были оставлены мужчинами и написаны в основном спустя много лет после реальных событий. Я решила, что для получения наиболее правдивой картины мне нужно обратиться к членам моей семьи, друзьям и соседям, чьи предки сражались за свободу в то время. Из этого постепенно сложилось представление о Западном Корке военного времени и об огромном вкладе храбрых волонтеров. Почти все они были сельскими жителями, в основном от шестнадцати до двадцати пяти лет, не имевшими боевого опыта и значительно уступавшими в численности обученным британским солдатам и полицейским. Их победа в этой борьбе выглядит невероятным подвигом.

Лишь благодаря местным жителям, готовым поделиться своим временем и помочь мне, надеюсь, я смогла составить относительно точное описание происходившего в Западном Корке тогда и на протяжении остальной части XX века. Моя самая большая благодарность достается Кахалу Динену, который (после окончания локдауна) возил меня повсюду, вплоть до самых глухих уголков, ради встреч с такими людьми, как Джо Лонг, у которого сохранилось ружье, принадлежавшее самому Чарли Харли! На уединенном кладбище в Клогах он показал мне склеп под огромным кельтским крестом, где якобы находился лорд Бандон, когда его две недели держали в

заложниках. У меня побежали мурашки по спине, когда я огляделась и увидела кости в разрушенных гробах, по-прежнему лежавших на полках вокруг меня. Для Кахала и для людей, с которыми он связывался, все эти поиски были в радость, и если они чего-то не знали, то обычно появлялся дедушка или другой старший родственник, сохранивший старые газетные вырезки или рассказы своих родителей, живших во время войны. Тим Кроули, который управляет центром Майкла Коллинза в Кастлвью, является родственником самого «Большого Парня». Он и его жена Долорес не только оказали мне информационную помощь, но и дали поддержать тот самый чемоданчик, в котором Майкл Коллинз хранил бумаги и документы, когда ездил в Лондон на переговоры и закладывал краеугольный камень будущей независимости Ирландии.

Я читала о Куман-на-Маэн; есть несколько книг и статей об этой организации, но они не имеют отношения к Западному Корку. Через Тришу Керр, мою подругу и владелицу книжного магазина в Клонакилти, я связалась с Элен О'Киф, историком и лектором Университи-колледжа в Корке, которая помогла мне установить контакт с Ниаллом Мюрреем, многолетним журналистом *Irish Examiner*, историком и кандидатом наук, исследовавшим ирландскую революцию в сельских и городских районах графства Корк. Он предложил посетить веб-сайт Военного пенсионного архива правительства Ирландии, чтобы узнать, кто из членов Куман-на-мБан в моей родной местности подавал заявление на пенсионные выплаты. Благодаря этому я узнала, как много местных женщин оказывали неоценимую поддержку своим мужчинам, подвергаясь реальной опасности и в то же время по-прежнему работая на своих фермах, на местной почте или в магазине одежды. Я могу лишь отдать дань уважения этим невоспетым героиням.

Моя замечательная подруга Кэтлин Оуэн также занялась усердными поисками мельчайших подробностей с помощью своей матери Мэри Линч, мужа Фергала и сына Райана Дунана. Мэри Динен, Денис О'Мэхони, Финбар О'Мэхони и Морин Мерфи, которая писала мне из Нью-Йорка, куда эмигрировала ее семья после гражданской войны, – это лишь некоторые из членов моей общины, внесшие много живописных штрихов в мое повествование. Хотя эта книга представлена как художественное произведение, в ней есть много

реальных исторических персонажей, а некоторые ее эпизоды происходят на фоне реальной смертельной борьбы за свободу от британского владычества. История, как всегда, субъективна и опирается на человеческую интерпретацию, а также, во многих случаях, на человеческую память. Любые «ошибки» принадлежат мне и только мне.

В Новой Зеландии моя сердечная благодарность достается Энни и Брюсу Уолкер за экскурсионный тур по прекрасному острову Норфолк, за их истории о Новой Зеландии и островной жизни, плюс, разумеется, за истинное новозеландское гостеприимство.

Выражаю огромную благодарность членам моей «домашней» команды, разными способами оказавшим мне потрясающую поддержку. Элла Мишелер, Жаклин Элсоп, Оливия Рили, Сьюзен Бойд, Джессика Киртон, Лиана Годселл и, конечно же, мой муж Стивен – агент, лучший друг и на дежная опора, – все они были рядом, когда я нуждалась в них. Отдаю дань уважения моим многочисленным издателям по всему миру, которые предприняли огромные усилия по донесению книг до читателей, особенно в эти беспрецедентные времена.

Благодарю тесный круг моих близких друзей; все они знают, кто они такие, и неустанно поддерживают меня своей искренностью и любовью. И, разумеется, моих детей – Гарри, Изабеллу, Леонору и Кита, – которые всегда будут моей величайшей силой и вдохновением.

Я могу представить, что некоторые из вас читают это послание с изумлением и разочарованием из-за того, что многие загадки, включенные в эту серию книг, так и остались неразрешенными. Дело в том, что, когда я начала писать «Потерянную сестру» и ее сюжетные линии разрастались в пространстве и времени, я осознала, что в книге просто не хватит места для надлежащего изложения «тайной истории». Поэтому – да, восьмая, и последняя, книга «Семи сестер» еще ждет своего часа...

Спасибо вам за терпение, и я обещаю приступить к работе над восьмой книгой, как только отпущу «Потерянную сестру» *на покой*, как у нас говорят. Она находилась у меня в голове целых восемь лет, и я не могу дождаться, когда наконец увижу ее на бумаге.

Люсинда Райли
Март 2021 года

Библиография

Munya Andrews, *The Seven Sisters of the Pleiades* (Spinifex Press, 2014)

Sebastian Balfour ed., *Trinity Tales: Trinity College Dublin in the Sixties* (Lilliput Press, 2011)

Tom Barry, *Guerilla Days in Ireland* (Mercier Press, 2013)

Alan Brady, *Pinot Central: A Winemaker's Story* (Penguin, 2010)

Tim Pat Coogan, *Michael Collins: A Biography* (Head of Zeus, 2015)

Dan Crowley, *My Time in My Place* (Michael Collins Centre, Castleview, 2013)

John Crowley, Donal Ó Drisceoil and Mike Murphy, *Atlas of the Irish Revolution* (Cork University Press, 2017)

Tim Crowley, *In Search of Michael Collins* (Michael Collins Centre, Castleview, 2015)

Liz Gillis, *The Hales Brothers and the Irish Revolution* (Mercier Press, 2016)

Da'Vella Gore, *This Blessed Journey* (Da'Vella J. Gore, 2009)

Patrick Radden Keefe, *Say Nothing: A True Story of Murder and Memory in Northern Ireland* (William Collins, 2018)

Anne Leonard ed., *Portrait of an Era: Trinity College Dublin in the 1960s* (John Calder Publishing, 2014)

Ken Loach et al., *The Wind that Shakes the Barley* (London: Sixteen Films, 2007)

J. V. Luce, *Trinity College Dublin: The First 400 Years* (TCD Press, 1992)

Ann Matthews, *Renegades: Irish Republican Women 1900–1922* (Mercier Press, 2010)

Charles River ed., *New Zealand and the British Empire: The History of New Zealand Under British Sovereignty* (Charles River Editors, 2018)

Charles River ed., *The Maori: The History and Legacy of New Zealand's Indigenous People* (Charles River Editors, 2018)

Marianne Slyne, *Marianne's Journal* (Michael Collins Centre, Castleview, 2015)

notes

Примечания

1

Пресвитерианство – одно из направлений в протестантизме.

Джони Митчелл (р. 1943) – канадская певица и автор рок-композиций; Джоан Баэз (р. 1941) – американская певица и автор песен в стиле фолк и кантри; Аланис Морисетт (р. 1974) – канадская певица, композитор и продюсер (*прим. пер.*).

«Мир», или «прекрасный мир» по-гэльски (*прим. пер.*).

ЮНИСЕФ – чрезвычайный фонд помощи детям при ООН.

На сайте автора приведена транслитерация произношения этого названия на английском языке: «Куманн на-Маэн» (*прим. пер.*).

Фении (от древнеирландского *fian*, военная дружина) – ирландские мелкопоместные революционеры второй половины XIX и начала XX века (*прим. пер.*).

«Юнион Джек» – британский флаг (*прим. пер.*).

8

Имеется в виду Первая мировая война.

9

Оскорбительное прозвище немцев в то время (*прим. пер.*).

«Лузитания» – британский трансатлантический пассажирский турбоход, принадлежавший компании Cunard Line. Корабль был торпедирован германской субмариной U-20 7 мая 1915 года и затонул за 18 минут в 19 км от берегов Ирландии. Погибло 1198 человек из 1960 находившихся на борту.

Hydrangea aspera – гортензия шершавая; *Rosa moyesii* – китайская роза, вид шиповника; *Callistemon linearis* – каллистемон лимонный (прим. пер.).

Бомба Миллса – британская осколочная граната, широко применявшаяся во время Первой мировой войны (*прим. пер.*).

Вершина Бен-Невис (Грампианские горы, Шотландия) считается самой высокой горой в Англии (*прим. пер.*).

Чай из индийской провинции Дарджилинг долго считался образцовым (*прим. пер.*).

Кладдахское кольцо – традиционное ирландское кольцо в форме пары рук, которые держат увенчанное короной сердце. Руки символизируют дружбу, сердце – любовь, а корона – верность (*прим. пер.*).

Эта сентенция принадлежит Джорджу Сантаяне (1863–1952), американскому философу и писателю испанского происхождения (*прим. пер.*).

Крубинсы – свиные ножки, сваренные и обжаренные в панировке, традиционное ирландское блюдо (*прим. пер.*).

В данном случае – смесь молодого и прошлогоднего вина, которая отправляется на повторную ферментацию с винными дрожжами для получения шампанского. В широком смысле – маркировка для обозначения высококачественного купажного вина (*прим. пер.*).

Шутливое название Новой Зеландии, преимущественно в Австралии (*прим. пер.*).

Буквально – «За здоровье!» (*прим. пер.*).

Мастерс – гуманитарный университет в Калифорнии (*прим. пер.*).

Гордон Рэмси (или «сердитый шеф») – один из популярнейших британских кулинаров, ведущий телевизионного шоу и владелец сети ресторанов (*прим. пер.*).

Жилье (*фр.*).

Чем могу помочь? (*фр.*)

Спасибо, мадам Вальмер, и до вечера (*фр.*).

Весьма рад, мадемуазель (*фр.*).

«Фастнет» — международная парусная регата. Проходит раз в два года по маршруту остров Уайт — Лендс-Энд — скала Фастнет у южного берега Ирландии — острова Силли — Плимут. Протяженность маршрута — 1126 километров (*прим. пер.*).

Кельтское море – иногда выделяемое море бассейна Атлантического океана. Факт существования такого моря был признан Международной гидрографической организацией лишь в 1971 году. Омывает часть Ирландии, Великобритании и Франции (*прим. пер.*).

Не так ли? (*фр.*)

Апелясьон(*фр.*) – территориальная винодельческая единица во Франции (*прим. пер.*).

Ти-бон, или Т-образный стейк – большой кусок мяса с Т-образной косточкой посередине, с одной стороны которой располагается средняя часть вырезки, а с другой – филейная часть тонкого края (*прим. пер.*).

Популярный сорт французского миндального печенья, сдвоенного и со сливочной прослойкой (*прим. пер.*).

Аллюзия на роман Джона Стейнбека «О мышах и людях» 1937 года (*прим. пер.*).

Аллюзия на «Алису в Стране чудес» Льюиса Кэрролла (*прим. пер.*).

Бармбрэк – традиционная ирландская выпечка, сладкий дрожжевой хлеб с запеченными кусочками фруктов или ягодами (*прим. пер.*).

Автомобиль экономкласса одноименной компании, которая в 2003 году вошла в состав концерна «Фольксваген» (*прим. пер.*).

Чатни – большая группа плотных соусов индийского происхождения, смеси фруктов, овощей и пряностей (*прим. пер.*).

Билл Хейли (1925–1981) — американский певец и музыкант, один из первых исполнителей рок-н-ролла со своей группой «Кометы». Его песня Rock around the clock стала канонической (*прим. пер.*).

Дафна Дюморье (1907–1987) — английская писательница, автор психологических триллеров (*прим. пер.*).

Камоги — ирландская командная игра, отдаленно напоминающая хоккей на траве. В нее играют только женщины (*прим. пер.*).

Имеется в виду библиотека, где хранятся иллюстрации к ранним Евангелиям начиная с IX века, включая так называемую «Книгу Келлс» (*прим. пер.*).

Колкэнон (*ирл.*) — картофель, толченный с капустой и сливочным маслом.

43

Salt (*англ.*) — соль (*прим. пер.*).

Подробнее о Майкле Коллинзе написано в дневнике Нуалы (*прим. пер.*).

«Фианна Файл» — либеральная политическая партия, которая сейчас главенствует по количеству мест в парламенте Ирландии (*прим. пер.*).

«Дом на полпути» — государственное жилье для социальной адаптации людей, освобожденных из-под стражи; в современном смысле центр социальной реабилитации (*прим. пер.*).

«Риверданс» — всемирно известное ирландское танцевальное шоу во главе с Майклом Флэтли (*прим. пер.*).

Белфастское соглашение — соглашение об урегулировании военного конфликта в Северной Ирландии, предусматривавшее создание автономных органов власти (*прим. пер.*).

Я ни о чем не жалею (*фр.*).

Enterprise — в данном случае «смелое мероприятие» (*прим. пер.*).

Роман Джона Стейнбека «О мышах и людях» был опубликован в 1937 году. Название дано по стихотворению Роберта Бернса «К полевой мыши», где есть строки: «Лучшие планы мышей и людей / Часто идут вкривь и вкось» (*прим. пер.*).